ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ IV

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

IV

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

Издание второе
(IV и V тома публикуются впервые)

Под редакцией
А. А. ГРОМЫКО, И. Н. ЗЕМСКОВА, В. А. ЗОРИНА,
В. С. СЕМЕНОВА, М. А. ХАРЛАМОВА

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1975

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ IV

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Авторы тома:

С. А. ГОНИОНСКИЙ, *И. Н. ЗЕМСКОВ*, *В. Л. ИСРАЭЛЯН*, *И. К. КОБЛЯКОВ*, *С. П. КОЗЫРЕВ*, *Н. И. КОСТЮНИН*, *Л. Н. КУТАКОВ*, *П. В. МИЛОГРАДОВ*, *Г. М. РАТИАНИ*, *К. Д. РЯБОВА*, *П. П. СЕВОСТЬЯНОВ*, *В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ*

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1975

9 (М)
И 90

Редакционно-подготовительная работа по выпуску книги осуществлена *Н. И. Костюниным*, *Н. В. Поповым*, *К. Н. Сванидзе*, *П. П. Севостьяновым*, *Г. К. Фокиной*.
Научно-проверочную работу над текстом провели сотрудники Историко-дипломатического управления МИД СССР *И. М. Морозова*, *Ю. Н. Рыкова*, *Г. А. Тахненко* и сотрудник Политиздата *Е. Б. Салынская*. Указатель имен составила *И. М. Морозова*.
Редакционная коллегия выражает благодарность *А. П. Бондаренко*, *П. А. Жилину*, *М. С. Капице*, *А. А. Маслакову*, *Ш. П. Санакоеву*, *Г. Н. Севостьянову*, *В. Я. Сиполсу*, *А. А. Токовинину*, *И. Ф. Шпедько* за ценные советы и замечания в ходе подготовки книги к печати.

История дипломатии. Под ред. А. А. Громыко (и др.).
И90 Изд. 2. М., Политиздат, 1975.
Т. IV. Дипломатия в годы второй мировой войны.
752 с.

Первое издание «Истории дипломатии» было выпущено в трех томах, в которых изложение событий заканчивалось 1 сентября 1939 г.

9 (М)+9 (М) 72

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*
Редакторы *Н. В. Попов*, *Г. К. Фокина*
Младший редактор *Е. Б. Салынская*
Художественный редактор *Г. Д. Расторгуев*
Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Сдано в набор 26 июля 1974 г. Подписано в печать 17 февраля 1975 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 47. Учетно-изд. л. 49,83. Тираж 50 тыс. экз. А00023. Заказ № 3735. Цена 1 р. 74 к.

Политиздат. 125811, ГСП. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.
Отпечатано с матриц в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

И $\frac{11101—096}{079\,(02)—75}$ Подписное

© ПОЛИТИЗДАТ, 1975 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ. ДИПЛОМАТИЯ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ. МЕРОПРИЯТИЯ СССР ПО УКРЕПЛЕНИЮ СВОЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ (сентябрь 1939 г. — май 1940 г.)

1. Возникновение второй мировой войны и ее характер в начальный период. Дипломатия воюющих сторон

1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. В тот же день Германии объявили войну английские доминионы Австралия и Новая Зеландия, а несколько позже — Канада и Южно-Африканский Союз. Началась вторая мировая война. Она возникла внутри капиталистической системы в результате крайнего обострения противоречий между двумя империалистическими группировками в борьбе за мировое господство. В. И. Ленин отмечал, что ««мировое господство» есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война»[1].

Агрессором выступила фашистская Германия. Но война Англии и Франции против Германии первоначально носила также империалистический характер.

Вторая мировая война началась не как столкновение между капитализмом и социализмом, о чем мечтали творцы мюнхенской политики «умиротворения» агрессора, когда они бросали под ноги Гитлеру новые и новые жертвы, надеясь, что он двинет свои армии на Восток, против СССР. Попытки мюнхенцев разрешить противоречия империализма за счет Советского Союза не удались. В срыве антисоветских замыслов большую роль сыграла активная и гибкая внешняя политика и дипломатия Советского Союза.

Фашистская Германия начала войну против капиталистических стран Европы. Но мюнхенцы не оставляли надежду организовать «крестовый поход» против первого в мире социалистического государства. Об этом красноречиво свидетельствовал необычный ход начавшейся войны.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 85

Нарушение Англией и Францией союзнических обязательств в отношении Польши

Военное нападение фашистской Германии на Польшу обязывало Англию и Францию, в соответствии с их гарантиями, а также союзными договорами, включая и англо-польский договор о взаимопомощи от 25 августа 1939 г., немедленно оказать своему польскому союзнику «всю возможную помощь и поддержку».

Рано утром 1 сентября польское правительство через своих послов в Париже и Лондоне информировало западные державы о германском вторжении в Польшу и попросило немедленной помощи. Английское и французское правительства дали заверения Варшаве о готовности «выполнить обязательства перед Польшей». Однако в последующие дни польские послы в Париже и Лондоне безуспешно добивались встреч с премьер-министром Франции Э. Даладье и премьер-министром Англии Н. Чемберленом, чтобы выяснить у них, когда и какая военная помощь будет оказана Польше в соответствии с обязательствами, взятыми на себя западными державами. Польские послы были вынуждены ограничиться встречами с министрами иностранных дел, которые выражали лишь сочувствие Польше. Практически ни Англия, ни Франция никакой помощи Польше не оказали: дальше формального объявления войны Германии дело не пошло.

В том, что именно так поступят правительства Чемберлена и Даладье, Гитлер не сомневался. Он полагал, что Англия и Франция войны не начнут и ограничатся в крайнем случае объявлением Германии экономической блокады и общими заявлениями о готовности оказать помощь Польше, чтобы таким образом отвести упреки в нарушении ими обязательств в отношении польского союзника. В ответ на сообщение об объявлении английским и французским правительствами войны Германии Гитлер сказал: «Это еще не значит, что они будут воевать»[1].

Сложилось такое своеобразное положение, когда вслед за объявлением войны военные действия на Западе не начинались в течение не только ближайших часов или дней, но и нескольких месяцев. Во Франции такое состояние называли «Drôle de guerre» («странная война»), а в Германии — «Sitzkrieg» («сидячая война»). Действия англичан и французов всюду характеризовали как «фальшивую, ненастоящую войну»[2].

«Странная война», по существу, являлась не чем иным, как продолжением прежней мюнхенской политики западных держав — политики «умиротворения» агрессора, приспособленной

[1] *E. Kordt.* Whan und Wirklichkeit. Stuttgart, 1948, S. 217—218.

[2] *В. Путлиц.* По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. М., 1957, стр. 278.

к специфической обстановке формального состояния войны с гитлеровским «третьим рейхом». Английское и французское правительства все еще не теряли надежды направить агрессию фашистских держав против Советского Союза.

Такая политика фактически поощряла агрессивные государства, подливала масла в огонь начавшейся второй мировой войны.

Предельно ясную оценку этой политике дал Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез: «Наши правители не хотели сердить Гитлера: они лелеяли надежду сторговаться с ним в тот день, когда он нападет на Советский Союз» [1].

Гитлер воспользовался предоставленной ему Лондоном и Парижем благоприятной возможностью, чтобы уничтожить польскую армию и поскорее захватить Польшу. Польский народ ответил развертыванием справедливой антифашистской борьбы за свободу и независимость. Но силы были неравные. Для осуществления молниеносного захвата Польши Гитлер бросил против нее почти всю свою армию, оставив на западной границе лишь незначительные силы. Гитлеровская Германия начала насаждение фашистского «нового порядка» на польских землях путем массового террора и планомерного истребления польского народа.

В то же время Англия и Франция даже не пытались организовать сколько-нибудь серьезной военной операции против фашистской Германии. Только для успокоения французского общественного мнения были предприняты ограниченные операции, в ходе которых передовые отряды и мелкие подразделения французской армии проникли на немецкую территорию и углубились не больше чем на 18 *км*. Буржуазная пресса не замедлила изобразить эти действия как помощь польскому союзнику. Однако уже 12 сентября французское командование по решению Верховного союзного совета отдало секретный приказ о прекращении наступления, а в октябре все воинские подразделения были возвращены на исходные позиции.

Факт преднамеренного предательства английским и французским правительствами своего польского союзника прикрывался рассуждениями о том, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою очередь будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале» [2].

---

[1] *M. Торез.* Сын народа. М., 1960, стр. 149.

[2] *J. R. M. Butler.* Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941. London, 1957, p. 12.

В многочисленных работах буржуазных авторов, опубликованных после второй мировой войны, делается попытка оправдать нежелание западных держав оказать помощь Польше их недостаточной военной подготовленностью. Но факты говорят другое. Реальное соотношение сил, сложившееся на Западном фронте в первые недели войны, создавало для Англии и Франции благоприятные возможности для решительного наступления против Германии, что существенно облегчило бы положение Польши и могло коренным образом изменить дальнейшее развитие событий. Франция полностью отмобилизовала более ста дивизий, из которых 86 предназначались для ведения войны против Германии. К тому же во Францию прибыли четыре английские дивизии. «Мы избежали военной катастрофы только потому,— говорил один из главных немецких военных преступников, Йодль, на Нюрнбергском процессе,— что 110 французских и английских дивизий оставались в полном бездействии против 23 германских дивизий на Западе... Наши запасы были смехотворно малы, и мы вышли из положения исключительно благодаря тому, что на Западе не велись военные действия»[1].

Бывший начальник германского генерального штаба сухопутных сил генерал Гальдер также подтвердил: «В сентябре 1939 г. англо-французские войска могли бы, не встретив серьезного сопротивления, пересечь Рейн и угрожать Рурскому бассейну, обладание которым являлось решающим фактором для ведения Германией войны»[2].

Английский фельдмаршал Б. Монтгомери нарисовал в своих мемуарах весьма яркую картину бездействия англичан и французов в то время, когда Гитлер захватывал Польшу, и позже, когда он готовил наступление на Западе. «Франция и Британия не шелохнулись, когда Германия проглотила Польшу,— пишет Монтгомери.— Мы продолжали бездействовать даже тогда, когда германские армии перебрасывались на Запад с совершенно очевидной целью атаковать нас! Мы терпеливо ожидали, пока на нас нападут, и на протяжении всего этого периода время от времени бомбили Германию листовками. Я не понимал, была ли это война»[3].

Англия и Франция не вели операций не только наземными войсками; бездействовали также их авиация и военно-морской

---

[1] "Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal", vol. XV. Washington, 1953, p. 350.

[2] "Trial of War Criminals before the Nurenberg Military Tribunals under Control Council Law. N 10. The Ministries Case", vol. XII. Washington, 1952, p. 1086.

[3] "The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein". London, 1958, p. 58.

флот. Английские власти отдали распоряжение о запрещении бомбардировки военных объектов Германии, и для его отмены нужно было особое решение английского правительства. Правительства Англии и Франции ограничились лишь объявлением блокады Германии, которая не привела к существенному ухудшению снабжения гитлеровского «рейха». Германия продолжала получать нужные ей военные материалы через Италию, Испанию, Турцию и некоторые другие страны.

Объявив войну Германии, правительства Чемберлена и Даладье сделали все, чтобы не начинать военных действий на Западе, в надежде, что Гитлер по достоинству оценит такое их поведение. Это был серьезный аванс «фюреру» в счет возможного широкого соглашения между западными державами и Германией. Но и от Гитлера ожидали не менее важных встречных шагов. Последний, как надеялись в Лондоне и Париже, должен был незамедлительно воспользоваться свободой рук в Польше и, захватив ее, двинуться против СССР. Таким образом, в конце концов сбылась бы заветная мечта английских и французских империалистов столкнуть Германию с Советским Союзом.

Затягивая состояние «странной войны», в Лондоне и Париже предоставляли Гитлеру время на раздумье, на то, чтобы принять решение искать компромисса с Англией и Францией. Влиятельные французские и английские политические круги были настроены в пользу заключения мира с Германией.

Группа правых депутатов создала во французском парламенте негласный «комитет связи», который добивался возобновления переговоров с Гитлером. Активные сторонники соглашения с Германией находились и внутри правительства. Помимо Боннэ к их числу относились заместитель премьер-министра Шотан, министр общественных работ де Монзи, министр труда Помарэ. В середине сентября Боннэ был освобожден от обязанностей министра иностранных дел в связи с полной дискредитацией в глазах народных масс проводившейся им политики. Тем не менее он остался в составе правительства в качестве министра юстиции. Тем самым совершенно определенно подчеркивалась преемственность мюнхенского курса французской политики. В любой момент Боннэ с его давними связями в Берлине мог быть использован для налаживания закулисных контактов с эмиссарами «третьего рейха».

Бурную деятельность в пользу сговора с Гитлером развивал сенатор-реакционер Лаваль и группировавшиеся вокруг него политики-капитулянты — бывшие премьер-министры Фланден и Шотан, поддерживаемые маршалом Петэном. Все они разделяли взгляды Лаваля, считая необходимым поскорее договориться с Гитлером и установить во Франции режим фашистской диктатуры. Влияние Лаваля на внешнеполитиче-

ский курс Франции в значительной степени определялось тем, что его капитулянтские настроения, по словам французского политического деятеля Жозефа Поль-Бонкура, «являлись также настроениями влиятельных кругов в деловом мире и в политике»[1].

Однако деятельность французских капитулянтов затруднялась тем, что в условиях войны между Францией и Германией нельзя было открыто призывать к прямым переговорам с врагом. Им приходилось прикрывать свою капитулянтскую линию пацифистскими, вернее сказать, пораженческими лозунгами. Вместе с тем по различным каналам они имели связь с представителями гитлеровского правительства.

Не без их давления и участия французское министерство иностранных дел предприняло в середине сентября 1939 г. шаги с целью установления неофициальных контактов с фашистскими дипломатами в других странах. 16 сентября чиновник МИД Франции Анри Бланш тайно прибыл в Люксембург, где встретился с германским посланником фон Радовицем, с которым он поддерживал дружеские отношения. Как явствует из донесения Радовица о его беседе с Бланшем, последний под строгим секретом сообщил, что многие французы считают, что «Англия вовлекла Францию в самую бедственную ситуацию. Теперь эти люди начинают оказывать давление на Кэ д'Орсэ[2], чтобы найти достойный выход из положения, так как они рассматривают расширение военных действий между Францией и Германией как катастрофу»[3].

Для установления контактов с Гитлером использовалось также итальянское посольство в Париже. Лаваль и де Монзи были постоянными посетителями этого посольства и в беседах там неизменно подчеркивали стремление правящих кругов Франции поскорее договориться об условиях мира с Германией.

В таком же направлении активно действовал и Петэн, используя свое положение французского посла в Мадриде при фашистском диктаторе Франко. Еще до начала войны он установил дружеские отношения с гитлеровским послом в Испании Шторером, которые сохранил даже тогда, когда Франция находилась в состоянии войны с Германией.

Пораженческие настроения проявлялись и в Англии, где тон задавали мюнхенцы, возглавляемые премьер-министром Чемберленом и министром иностранных дел Галифаксом. Важные посты в правительстве занимали такие видные мюнхенцы,

---

[1] *J. Paul-Boncour.* Entre deux guerres. Souvenirs sur la III-e République, t. III. Sur les chemins de la défaite. 1935—1940. Paris, 1946, p. 162.

[2] Название набережной в Париже, где находится МИД Франции.

[3] "Documents on German Foreign Policy, 1918—1945", Series D (1937—1945), vol. VIII. Washington, 1954, p. 88—89 (далее — DGFP).

как Джон Саймон (министр финансов), Сэмуэль Хор (лорд-хранитель печати), Кингсли Вуд (министр авиации).

При явном попустительстве правительства в Англии велась в довольно широких масштабах пораженческая прогитлеровская пропаганда. Кроме фашистской группы во главе с Мосли ее вели приверженцы организации «Британский совет за христианское урегулирование в Европе», многие английские газеты, включая такую респектабельную газету, как «Таймс», а также радио. Они сеяли в английском народе успокоительные иллюзии, утверждая, что фашистская Германия понесла большие потери в Польше и поэтому не сможет предпринять наступление на Западе.

«Мирные» маневры Гитлера и тайная дипломатия западных держав в конце 1939 г. — начале 1940 г.

В течение сентября, пока продолжалась война с Польшей, гитлеровская дипломатия старалась сделать все от нее зависящее, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для ведения войны. Это означало прежде всего не давать Англии и Франции каких-либо серьезных оснований для развертывания военных действий на западной границе Германии. После разгрома Польши для Германии также было весьма выгодно сохранить состояние «странной войны», чтобы подготовиться к решающим военным действиям на Западе. Гитлеровская дипломатия предприняла «мирные» маневры в целях активизации в Англии и во Франции тех кругов, которые любой ценой добивались соглашения с Германией. 19 сентября 1939 г., выступая в Данциге (Гданьск), Гитлер заявил: «Германия не преследует военных целей ни в отношении Франции, ни в отношении Англии. Но западные державы должны реально оценить тот факт, что Польша завоевана Германией»[1]. Выражая готовность прекратить войну на Западе, Гитлер сопровождал это угрозой, указав, что Германия, в случае если ее мирная инициатива будет отвергнута, все равно добьется своих целей тем или иным путем.

28 сентября гитлеровское правительство снова заявило о готовности Германии прекратить военные действия. Позже, 6 октября, Гитлер в рейхстаге произнес речь, в которой подчеркивал свои «усилия», направленные на улучшение отношений с Францией и Англией. По словам Гитлера, произведенная им ревизия Версальского договора в Европе «создала предпосылки для ясных, стабильных и прежде всего приемлемых отношений»[2]. Германия не видит причин и поводов, заверял

[1] "Deutsche Allgemeine Zeitung", 20.IX. 1939.

[2] *H. A. Jacobsen.* 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961, S. 110—111 (далее — *H. A. Jacobsen.* Der Zweite Weltkrieg...).

Гитлер, для дальнейшей ревизии Версальского договора, за исключением требования предоставления колоний Германии, и в первую очередь возвращения колоний, принадлежавших ей ранее. «Фюрер» требовал признать все захваты, которые осуществила к тому времени Германия, после чего, по его словам, он был бы готов обсудить вопрос о сокращении вооружений до разумных и экономически приемлемых пределов [1].

10 октября 1939 г., выступая в берлинском дворце спорта, Гитлер вновь заявил, что «не имеет никаких оснований для войны с западными противниками».

«Мирные» предложения «рейха» преследовали далеко идущие политические цели. Требования, выдвинутые Гитлером перед Западом, означали, что Германия предлагала заключение мира на условиях признания всех ее захватов и передела колоний.

В то время, когда гитлеровская дипломатия и пропаганда вели шумную кампанию вокруг этих «мирных» предложений, германский генеральный штаб разрабатывал план наступления на Западе, который получил кодовое наименование «Гельб» («Желтый план»). На совещании высшего генералитета вермахта 23 ноября 1939 г. Гитлер заявил, что он бесповоротно убежден в необходимости начать наступление против Франции и Англии, а нейтралитет Бельгии и Голландии ничего не стоит [2].

Демагогические «мирные» речи Гитлера были рассчитаны не только на то, чтобы активизировать лагерь западных мюнхенцев. Они были необходимы Гитлеру и по внутриполитическим соображениям: они должны были служить одним из средств морально-политической подготовки немецкого народа к новым испытаниям, связанным с готовившимися военными действиями в Западной Европе.

После оглашения гитлеровских «мирных» предложений сторонники сговора с Германией в Англии, Франции, США и других странах действительно активизировали свою деятельность. Особенно усердствовали откровенные мюнхенцы. Они утверждали, что война против Германии — это «ненужная война» и что ее следовало превратить в «нужную войну» — войну всех капиталистических государств против Советского Союза. Так называемая угроза коммунизма для Европы была предметом широкого обсуждения в правительственных кругах

---

[1] *H. A. Jacobsen.* Der Zweite Weltkrieg.., S. 110—111.

[2] См. *Д. М. Проэктор.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. 1939—1945. М., 1972, стр. 121.

Англии и Франции. Так 4 октября 1939 г. посол США в Англии Джозеф Кеннеди сообщал в Вашингтон, что министр иностранных дел Галифакс подчеркивал в беседе с ним, что «продолжение войны будет означать победу большевизма во всей Европе» [1].

Характеризуя настроения французской буржуазии, английский юрист Д. Н. Притт писал: «В зиму 1939/40 г. английские обозреватели во Франции должны были отметить, что серьезные беседы велись в салонах только о том, что рабочий класс является более опасным врагом и что германская оккупация предпочтительнее власти рабочих» [2].

Что касается США, то они оставались вне войны. 5 сентября 1939 г. американское правительство объявило о проведении политики нейтралитета. Вскоре в США был отменен закон о запрещении продажи воюющим странам оружия. Правительство США намеревалось продавать оружие Англии и Франции. Для американских монополий начавшаяся война означала обогащение на военных поставках.

Среди влиятельных промышленников США было немало сторонников соглашения с Германией, в том числе У. Р. Дэвис (нефтепромышленник, занимавшийся продажей мексиканской нефти Германии), Т. Рибер (глава Техасской нефтяной компании), Дж. Муни (глава «Дженерал моторс оверсис корпорейшн»), А. Веннер-Грен (владелец электротехнических заводов) и др. [3]. 15 сентября 1939 г. Дэвис встретился с президентом США Ф. Рузвельтом и предложил, чтобы американское правительство выступило в роли посредника между воюющими сторонами. Несмотря на то что Рузвельт такого согласия не дал, Дэвис направился в Германию, где в начале октября встретился с Герингом. Последний пытался запугать западные державы «большевизацией Германии, если война будет продолжаться» [4]. По возвращении из Германии Дэвис направил два доклада президенту и был принят в госдепартаменте.

С подобными идеями и планами в октябре 1939 г. ездил в Берлин другой сторонник соглашения с Германией — Муни, где он имел несколько бесед с Герингом. Учитывая антисоветские настроения влиятельных американских кругов, Геринг высказал пожелание заключить с Францией и Англией соглашение, предоставляющее Германии возможность «выбросить большевиков» [5] из Западной Украины и Западной Белоруссии,

---

[1] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939", vol. I. Washington, 1956, p. 502 (далее — "Foreign Relations... 1939").

[2] *D. N. Pritt.* The Fall of the French Republic. London, 1941, p. 125.

[3] *W. Root.* The Secret History of the War, vol. I. New York, 1945, p. 623—625.

[4] "Foreign Relations... 1939", vol. I, p. 512.

[5] Ibid., p. 519.

освобожденных Красной Армией и воссоединенных с Советскими Украиной и Белоруссией. Геринг предложил устроить тайную встречу представителей Германии, Англии и Франции.

В своей «мирной» игре с западными державами германская дипломатия использовала помимо Геринга министра без портфеля Я. Шахта, тесно связанного со многими представителями финансовой олигархии Уолл-стрита. Шахт обращался к послу США в Берлине с просьбой, чтобы Рузвельт выступил в роли посредника между воюющими державами. Он так же, как и Геринг, запугивал США тем, что «поражение Германии и второй Версаль не только не́ означали бы длительного решения вопроса, но просто пошли бы на пользу Советской России» [1].

По поручению английского правительства с гитлеровцами вел переговоры шведский промышленник Биргер Далерус, прибывший в Германию в конце сентября. Он имел встречу с Гитлером. «Фюрер» всячески подчеркивал свое желание установить с Англией дружественные отношения и дать ей гарантии безопасности. То же самое он обещал сделать и в отношении Франции, но взамен требовал признания произведенных Германией захватов в Европе [2]. Зондирующие переговоры вел также Карл Буркхардт, бывший верховный комиссар Лиги наций в Данциге [3], а также представители ряда нейтральных стран.

Однако «мирные» зондажи не дали ощутимых результатов. Готовность Англии и Франции сесть за стол переговоров с Гитлером на предложенных последним условиях после захвата Германией Польши означала бы добровольный отказ от своих великодержавных позиций, согласие на передачу части своих колониальных владений Германии и уступку ей рынков сбыта и сфер приложения капитала. Такие «мирные» условия западные державы принять не могли. Французское правительство дало на них отрицательный ответ 10 октября, а английское — 12 октября 1939 г. [4].

Отклонив неприемлемые для них «мирные» предложения гитлеровцев, правительства Англии и Франции не теряли, однако, надежды на достижение компромисса с Германией. Стремясь выиграть время и придерживаясь выжидательной тактики, Лондон и Париж надеялись, что со временем либо Гитлер станет более сговорчивым, либо в Германии к власти придет оппозиционная Гитлеру группа заговорщиков, с ко-

---

[1] "Foreign Relations... 1939", vol. I, p. 522.

[2] "Documents on British Foreign Policy, 1919—1939". Third Series, vol. VII. London, 1954, p. 281—286, 318—320 (далее — DBFP).

[3] DGFP, Series D, vol. VII, p. 296.

[4] *H. A. Jacobsen.* Der Zweite Weltkrieg.., S. 17.

торой у англичан и французов существовали тайные контакты [1]. При этом английская и французская дипломатия рассчитывала на то, что при мирном урегулировании с Германией ей удастся отстоять огромные колониальные владения и занимаемые Англией и Францией позиции от посягательств германского империализма, сохранить господствующее положение этих стран в мире.

Миссия С. Уэллеса

В феврале 1940 г. правительство США решило послать в Европу своего специального представителя — заместителя государственного секретаря С. Уэллеса. В официальном сообщении о целях поездки подчеркивалось, что Уэллес «не получил полномочий делать предложения или принимать обязательства от имени правительства США» и что его «поездка предпринимается только с целью информации президента и государственного секретаря о существующем положении в Европе» [2].

Однако в действительности задачи американского представителя были значительно шире. Правящие круги США, продолжая мюнхенскую соглашательскую политику, хотели добиться прекращения войны в Европе путем сговора с Гитлером и, следуя общему враждебному в отношении Советского Союза курсу, выяснить возможности создания антисоветского блока. Именно с этих позиций Уэллес вел переговоры с Муссолини и Чиано в Италии, Гитлером, Герингом и Риббентропом — в Германии, Чемберленом и Черчиллем — в Англии и Даладье и Рейно — во Франции. Советский Союз не был включен в маршрут заместителя государственного секретаря.

26 февраля Уэллес посетил Муссолини, который сообщил ему, что Италия считает возможным проведение переговоров между Германией и союзниками по вопросу об установлении прочного мира [3]. «Дуче» заявил, что Германию, по его мнению, устроил бы мир лишь на основе признания аншлюса Австрии и расчленения Чехословакии на «независимую» Словакию и германский протекторат Богемия и Моравия. Муссолини указал далее, что все польские земли, населенные немцами, войдут в состав «рейха» [4]. О позиции Германии в отношении возможных мирных переговоров Муссолини был информирован Герингом за несколько дней до приезда Уэллеса в Рим [5].

---

[1] "The von Hassel Diaries 1938—1944". New York, 1947, p. 125. *J. Lonsdale Bryans.* Blind Victory. London, 1951, p. 49—50, 67.

[2] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940", vol. I. Washington, 1959, p. 4 (далее — "Foreign Relations... 1940").

[3] Ibid., p. 33.

[4] Ibid., p. 32.

[5] Ibid., p. 9.

На встречах с американским представителем германские руководители откровенно говорили о своем намерении добиться для Германии господствующего положения в Европе. Принимая Уэллеса в Берлине 2 марта 1940 г., Гитлер заявил о том, что Германия намерена продолжать войну до конца [1].

Во время визита Уэллеса в Париж французское правительство высказало мнение, что без восстановления независимости Польши и Чехословакии мир с Германией невозможен [2]. Однако оно по-прежнему продолжало придерживаться соглашательских позиций в отношении Германии и было готово идти на новые уступки. В беседе 7 марта 1940 г. премьер-министр Э. Даладье дал ясно понять Уэллесу, что он не откажется от контактов с гитлеровцами, если в результате этих контактов Франция будет застрахована от новой войны с Германией в будущем [3].

Правительство Англии сознавало, что в то время примирение с Германией могло произойти только в ущерб английским интересам и представляло бы собой закрепление нацистской гегемонии в Европе. Поэтому английские руководители отвергали идею переговоров. Премьер-министр Н. Чемберлен заявил Уэллесу 11 марта 1940 г., что достижение мира с нацистской Германией на основе, предложенной Гитлером, невозможно [4]. Морской министр У. Черчилль сказал американскому представителю, что война может быть завершена только путем полного разгрома Германии, уничтожения фашизма и восстановления независимости Австрии, Польши и Чехословакии [5].

Повторные переговоры американского представителя в Риме не принесли ничего нового. И в целом миссия Уэллеса в Европу окончилась безрезультатно.

Англо-французские планы расширения сферы войны и их антисоветская направленность

С первых же дней «странной войны» лондонский и парижский кабинеты начали подготовку планов расширения сферы войны. Один из таких планов предусматривал распространение зоны войны на Балканские страны. При этом минимальный вариант этого плана предполагал высадку небольшого англо-французского десанта в Салониках. Более широкий вариант строился на том, что Англия и Франция направят на Балканы свою пехоту, авиацию и морской флот. Вокруг этих англо-французских частей намечалось создать целую армию

---

[1] DGFP, Series D, vol. VIII, p. 839.
[2] "Foreign Relations... 1940", vol. I, p. 63.
[3] Ibid., p. 64.
[4] Ibid., p. 77.
[5] Ibid., p. 84.

в составе 110 дивизий из воинских частей бывших союзников Франции — Греции, Румынии, Югославии и Турции[1]. С этой целью велись соответствующие секретные переговоры с правительствами Балканских стран. Кроме того, правительства Англии и Франции вели переговоры с Турцией о заключении союзного договора. В Париже и Лондоне предполагали, что Германия немедленно двинет на Балканы основные силы своей армии и таким образом будет снята угроза германского наступления против Франции. Как признает генерал Гамелен в своих мемуарах, англо-французское командование добивалось, чтобы «Германия вместо того, чтобы направить свои усилия против Франции, ввязалась в операции на Балканах»[2]. Конечно, тяжесть войны несли бы на своих плечах балканские народы, которым предназначалась роль простых пешек в сложной игре англо-французского империализма с гитлеровским «рейхом». «Таким образом,— признает Гамелен,— мы могли бы включить в игру на нашей стороне новые силы и противопоставить интересы Германии интересам Италии и Советского Союза. Мы выиграли бы время и получили бы возможность действовать во вторую очередь»[3]. По существу, это была политика, имевшая своей целью добиться ослабления фашистской Германии чужими руками и переключить главные агрессивные устремления гитлеровской военной машины с Запада на Восток — против СССР.

Одновременно Верховный союзный совет, состоявший из премьер-министров и главнокомандующих вооруженными силами Англии и Франции, в первые месяцы после объявления войны разработал план расширения зоны войны на Скандинавские страны. Это подтверждает, в частности, такой важный документ, как протокол заседания военного кабинета Англии 10 января 1940 г., хранящийся в архивных материалах английского правительства за 1940 г., допуск к которым был разрешен в 1971 г.

На этом заседании продолжалось обсуждение вопроса об оказании давления на Норвегию и Швецию, с тем чтобы заставить их прекратить поставки руды Германии. В протоколе заседания содержится изложение речи морского министра У. Черчилля. Он заявил, что правительство не может довольствоваться обещанием шведского правительства затормозить поставки Германии. Для провоцирования войны в Скандинавии еще ранее

---

[1] "Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire", t. I. Paris, 1947, p. 67.

[2] *M. Gamelin.* Servir, vol. III. La Guerre (Septembre 1939—19 Mai 1940). Paris, 1947, p. 110.

[3] Ibidem.

комитет начальников штабов Англии планировал направить туда небольшой контингент экспедиционных войск [1].

Англо-французские варианты расширения сферы войны, в том числе «балканский» и «скандинавский», имели целью, по существу, приблизить войну к границам Советского Союза. Другая их цель заключалась в том, чтобы путем создания новых фронтов против Германии добиться ослабления последней, принудить ее заключить мир с западными державами, а затем единым капиталистическим фронтом начать войну против Советского Союза.

2. Мероприятия СССР по обеспечению безопасности своих границ и ограничению сферы агрессии в период «странной войны». Реакция западных стран

В создавшейся международной обстановке, когда гитлеровские войска, разгромив Польшу, продвигались к границам СССР, а англо-французские империалисты при поддержке США вынашивали планы сговора с Гитлером и организации вместе с ним войны против СССР, Советский Союз оказался в очень сложном положении. Советскому правительству приходилось проявлять величайшую гибкость и осторожность, чтобы не дать втянуть страну в военный конфликт.

Внешняя политика СССР и его дипломатия в условиях начавшейся мировой войны основывались на ленинском указании соединять осторожную дипломатию с твердой и решительной политикой в защите интересов Советского государства на международной арене, и прежде всего в деле сохранения мира.

В начавшейся войне Советский Союз проводил политику нейтралитета, о чем Советское правительство сообщило, в частности, в ноте, врученной 17 сентября 1939 г. послам и посланникам всех стран, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. Газета «Правда» писала тогда в передовой статье: «Советский Союз хочет жить в мире со всеми странами. Советское правительство во всеуслышание заявило, что Советский Союз будет проводить политику нейтралитета в отношении всех стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения» [2].

Основная цель внешней политики Советского Союза на том этапе состояла в том, чтобы, сохраняя позицию нейтралитета и неучастия в войне, обеспечить советскому народу такие меж-

---

[1] Public Record Office. CAB 66/3 Central War Room (далее — PRO). См. также «Вторая мировая война и современность. Сборник статей». М., 1972, стр. 192.

[2] «Правда», 19 сентября 1939 г.

дународные условия, которые позволили бы успешно продолжать социалистическое строительство и активно готовиться к обороне против надвигавшейся опасности со стороны мирового империализма, и прежде всего его ударной силы — германского фашизма. Особое значение имел вопрос о времени будущего столкновения с Германией, поскольку было ясно, что рано или поздно гитлеровская Германия нападет на СССР. Советская дипломатия делала все возможное, чтобы удержать Германию в рамках обязательств по договору о ненападении от 23 августа 1939 г. и по возможности оттянуть такое нападение, не поступаясь при этом своими принципами. В то же время Советское правительство принимало меры для укрепления обороноспособности страны, используя возможности, вытекающие из межимпериалистических противоречий.

Политика, которую проводило Советское государство с первого дня войны, была в тех условиях единственно правильной и отвечавшей интересам не только советского народа, но и коренным интересам народов других стран, заинтересованных в ограничении сферы войны.

Воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР

Приближение гитлеровской армии к западным границам СССР создавало угрозу жизненно важным центрам Советского государства. Правительство СССР не могло допустить и того, чтобы Западная Украина и Западная Белоруссия, населенные украинцами и белорусами, попали в руки гитлеровцев и были использованы последними в качестве плацдарма для нападения на СССР, а их 13-миллионное население превратилось в рабов «третьего рейха». «Советское правительство,— говорил тогда в речи по радио Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов,— считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу»[1]. Речь шла об украинском и белорусском населении, которое проживало в пределах Польши с тех пор, как в 1920 г. буржуазно-помещичья Польша в результате вооруженной интервенции захватила украинские и белорусские земли.

17 сентября 1939 г., после того как старая Польша распалась под ударами германской военной машины, правительство СССР дало указание Красной Армии вступить на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии и взять под свою защиту жизнь и имущество проживавших там украинцев и белорусов[2].

---

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV (1935—июнь 1941 г.). М., 1946, стр. 447.

[2] См. там же, стр. 448.

В течение 12 дней освободительного похода Красная Армия прошла на запад 250—350 *км* и освободила всю территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Воины Красной Армии встретили восторженный прием населения, которому угрожало фашистское порабощение. Вскоре на всей территории Западной Украины и Западной Белоруссии были проведены демократические выборы в народные собрания. Последние, действуя в соответствии с единодушными требованиями населения этих областей, провозгласили Советскую власть и обратились в Верховный Совет СССР с ходатайствами о принятии Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик. 1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу Народного Собрания Западной Украины и принял закон о включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой. Аналогичный закон Верховного Совета СССР о включении Западной Белоруссии в состав Советского Союза с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой последовал 2 ноября 1939 г. Осуществились чаяния западноукраинского и западнобелорусского населения о воссоединении с СССР. Была восстановлена народная власть, ликвидированная в 1920 г. белопольскими войсками.

Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии имело и стратегическое значение. СССР начал строительство новых оборонительных рубежей вдоль западной границы украинских и белорусских земель. Это был далеко вынесенный на запад барьер против германского агрессора. Таким образом, СССР не только укрепил свою безопасность, но и преградил путь беспрепятственному продвижению немецко-фашистской агрессии на Восток. Правительство Германии, подписав с Советским правительством договор о ненападении, было вынуждено примириться с этой освободительной акцией Советского Союза. 28 сентября 1939 г. был заключен советско-германский договор, по которому Германия признавала, что западная граница СССР проходит примерно по так называемой линии Керзона, предлагавшейся еще в 1919 г. Англией, Францией, США и некоторыми другими странами в качестве основанной на этнографической базе границы между Советской Россией и Польшей [1].

Освободительная миссия Красной Армии в Западной Украине и Западной Белоруссии вызвала приступ антисоветской истерии в Англии и во Франции. Это лишний раз доказывало,

[1] См. «История внешней политики СССР», ч. I, 1917—1945. М., 1966, стр. 356.

что правительства Чемберлена и Даладье всячески стремились столкнуть Германию и СССР после того, как немецко-фашистские войска вплотную подойдут к советским границам. После провала этих попыток правящие круги и пропагандистские органы Англии и Франции стали изображать Советское государство как «союзника» гитлеровской Германии. Против этой опасной политики грубого извращения действий СССР выступили даже некоторые буржуазные деятели. Так, 1 октября 1939 г. У. Черчилль заявил в своем выступлении по радио: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть»[1]. Видный английский политический деятель Д. Ллойд Джордж в своем письме польскому послу в Лондоне 27 сентября 1939 г. резонно отмечал: «Русские армии заняли территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после первой мировой войны. Жители польской Украины принадлежат к той же расе и пользуются тем же языком, что и их соседи, проживающие на территории Советской Украинской Республики. Я считаю делом первостепенного значения — немедленно обратить внимание на эти важные соображения. Я сделал это из опасения, как бы мы неосторожно не начали войны против России, поддавшись впечатлению, что ее вмешательство имеет тот же характер, что и германское... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев»[2]. Бывший французский посол в Варшаве Л. Ноэль, отвечая на вопрос о том, мог ли СССР при сложившейся к 17 сентября обстановке допустить, чтобы немецко-фашистская армия оккупировала всю территорию Польши, заявил: «Это было невозможно. Советский Союз обязательно должен был ввести свою армию, пока еще не было поздно»[3].

Заключение Советским Союзом пактов о взаимной помощи с Эстонией, Латвией и Литвой

Разгром и оккупация Польши немецко-фашистской армией в течение трех недель показали, что малые страны Прибалтики не смогут собственными силами оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление гитлеровской Германии, которая уже с давних пор планировала превратить Прибалтику в плац-

[1] *Winston S. Churchill.* The Second World War, vol. I. The Gathering Storm. London, 1949, p. 449.

[2] Цит. по кн.: «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II. 1939—1945 гг. М., 1962, стр. 23.

[3] *L. Noël.* Une Ambassade a Varsovie 1935—1939. L'Agression allemande contre la Pologne. Paris, 1946, p. 501.

дарм для нападения на Советскую страну. Осенью 1939 г. фашистские правительства Эстонии, Латвии и Литвы могли быть в любой момент использованы в антисоветских целях как гитлеровской Германией, так Англией и Францией. Вот почему осенью 1939 г. Советское правительство обратилось к правительствам Литвы, Эстонии и Латвии с предложением заключить пакты о взаимной помощи. Заключение таких пактов было не только в интересах укрепления безопасности СССР. Такие пакты соответствовали коренным интересам народов Прибалтики, так как обеспечивали им мир, ограждая от вторжения гитлеровской Германии.

В результате последовавших переговоров 28 сентября 1939 г. СССР заключил пакт о взаимопомощи с Эстонией. 5 октября такой пакт был подписан с Латвией и 10 октября — с Литвой[1]. Эти пакты были почти идентичными. Статья 1 пактов с Латвией и Эстонией (а в пакте с Литвой это была статья 2) гласила, что договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы независимо от того, будет ли произведено это нападение с моря или суши. Советский Союз обязывался на льготных условиях оказывать армиям каждой из этих стран помощь вооружением и прочими военными материалами.

Согласно статье 3 договоров с Латвией и Эстонией (с Литвой — статья 4), в целях укрепления безопасности СССР и Прибалтийских стран последние предоставляли Советскому Союзу право иметь базы для военно-морского флота и аэродромы для авиации, а также держать за свой счет в участках, отведенных под базы и аэродромы, строго ограниченное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил, численность которых надлежало установить по особому соглашению.

Кроме того, договаривающиеся стороны обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон[2].

Что касается пакта с Литвой, то он отличался от пактов с Эстонией и Латвией статьей 1, которая гласила, что Советский Союз в целях закрепления дружбы с Литвой передает последней город Вильнюс и Вильнюсскую область[3]. Характеризуя договор с Литвой, газета «Правда» в передовой статье писала: «Этим договором с Литвой, как и заключенными ранее догово-

---

[1] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 450—451, 454—458.

[2] См. там же, стр. 451, 455, 457.

[3] См. там же, стр. 457.

рами с Эстонией и Латвией, Советский Союз обеспечивает безопасность своих границ и укрепляет еще больше свою оборону. Советский Союз устраняет угрозу, существовавшую для слабо защищенных соседних с СССР государств со стороны империалистических держав»[1].

Заключение Советским Союзом пактов с тремя Прибалтийскими странами способствовало упрочению мира и безопасности в этой части Европы и в зоне Балтийского моря.

Переговоры о союзном договоре между СССР и Турцией

Советское правительство придавало большое значение укреплению безопасности южных границ СССР, а это во многом зависело от позиции Турции, граничащей с СССР в Закавказье. Кроме того, Турция контролировала проливы Дарданеллы и Босфор, через которые пролегает путь из Средиземного моря в Черное, к границам СССР. Обе воюющие империалистические группировки проявляли огромный интерес к Турции, и каждая из них стремилась привлечь ее на свою сторону. В то же время турецкие правящие круги пытались балансировать в своей политике между этими группировками.

Еще весной 1939 г. Советское правительство направляло в Анкару заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина для переговоров с турецким правительством о заключении между двумя странами союзного договора, однако положительных результатов достигнуто не было. Переговоры возобновились в конце сентября 1939 г. в Москве, куда прибыл турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу. Однако они проходили уже в иной международной обстановке — в период начавшейся войны между Германией и англо-французскими союзниками. СССР же проводил политику нейтралитета. Как стало ясно из этих переговоров, турецкое правительство, предложив СССР заключить пакт о взаимной помощи применительно к району Балкан и проливов, было заинтересовано не столько в улучшении отношений с СССР, сколько в вовлечении его в косвенный союз с Англией и Францией. 28 сентября турецкое правительство парафировало договор о взаимопомощи с Англией и Францией. Поэтому СССР в случае заключения союзного договора с Турцией мог бы оказаться втянутым в войну с Германией и Италией, не имея никаких обязательств со стороны Англии и Франции. Более того, последние проявляли крайнюю враждебность к СССР. При таких условиях Советское правительство не могло пойти на заключение с Турцией союзного договора. С советской стороны было предложено подтвердить советско-турецкий договор о нейтралитете 1925 г.,

[1] «Правда», 11 октября 1939 г.

но Сараджоглу отклонил это предложение [1]. Перед отъездом из Москвы Сараджоглу в беседе с послом США в Москве Л. Штейнгардтом откровенно признал, что «Великобритания пыталась воспользоваться турецко-советскими переговорами для того, чтобы вбить клин между Германией и Советским Союзом» [2].

В целях обеспечения безопасности на южных рубежах страны Советское правительство было вынуждено принять дополнительные военно-оборонительные меры.

Борьба СССР за безопасность северо-западной границы

Советское государство всегда стремилось к добрососедским отношениям со всеми странами, имеющими с ним общую границу. Такие отношения Советское государство хотело поддерживать и с Финляндией. Советско-финляндская граница проходила всего в 32 *км* от Ленинграда — второго по величине и значению города Советского Союза, колыбели Октябрьской революции. Вопрос об обеспечении безопасности этой границы приобретал неотложный характер. Советское правительство не могло закрывать глаза на то, что правящие круги Финляндии постоянно проводили политику, открыто враждебную СССР, систематически раздувая шовинистическую пропаганду о создании «Великой Финляндии», которая включала бы Ленинград и Советскую Карелию.

Поскольку сама Финляндия без помощи сильных союзников осуществить эту задачу не могла, бывший президент П. Э. Свинхувуд выдвинул тезис, ставший в то время главным принципом внешней политики Финляндии: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». В соответствии с этим в числе друзей и союзников реакционных правящих кругов Финляндии оказались не только Англия, Франция и США, но и, прежде всего, гитлеровская Германия и даже Япония. Гитлеровский «рейх» вел дело к тому, чтобы превратить Финляндию в плацдарм для нападения на СССР.

Озабоченное таким оборотом дел, Советское правительство не раз принимало меры к тому, чтобы добиться решительного улучшения отношений с Финляндией. Одной из таких мер было советское предложение, сделанное неофициальным путем в апреле 1938 г. финскому правительству, приступить к переговорам о заключении пакта о взаимопомощи [3]. Заключение такого договора способствовало бы обеспечению безопасности северо-западных границ СССР, а также содействовало бы укреплению международного положения Финляндии. Однако в ущерб своим собственным интересам правительство Финляндии от-

[1] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 369—370.
[2] "Foreign Relations... 1939", vol. I, p. 486.
[3] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 364.

клонило советское предложение под тем предлогом, что заключение договора о взаимопомощи «означало бы нарушение права самоопределения Финляндии». Кроме того, отказ мотивировался ссылкой на необходимость соблюдения Финляндией «нейтралитета»[1]. Между тем на протяжении 1938—1939 гг. Финляндия лихорадочно вооружалась, используя для этой цели американские займы и англо-французские поставки военных материалов. Показательно, что в 1938 г. до 60% ее бюджета шло на военные нужды. Под руководством немецких специалистов на Карельском перешейке воздвигались мощные укрепления, которые получили название «линия Маннергейма». Вдоль советско-финляндской границы строились военные аэродромы, количество и размеры которых во много раз превышали потребности финской авиации и были рассчитаны на ведение наступательных действий против СССР. Кроме того, финское правительство добивалось отмены конвенции о демилитаризации Аландских островов, с тем чтобы возводить там военные укрепления.

В начале марта 1939 г. Советское правительство внесло предложение о получении в аренду находящихся в Финском заливе островов Сурсари (Гогланд), Лавансари, Сейскари (Сескар) и Тиуринсари для создания там военной базы, которая обеспечила бы безопасность Ленинграда с моря. Советское предложение было сразу же отвергнуто правительством Каяндера. Финский посланник в Москве А. С. Ирье-Коскинен заявил 8 марта 1939 г. наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову, что «финское правительство не находит возможным принять к рассмотрению предложение об аренде финских островов»[2].

Несмотря на неблагоразумную позицию, занятую правительством Финляндии в отношении советского предложения, М. М. Литвинов все же пытался убедить Ирье-Коскинена продолжить обмен мнениями, выразив надежду, что сообщенный ему ответ «не является последним словом финского правительства и что оно готово будет пересмотреть свое отношение к нашему предложению»[3].

В той же беседе нарком внес новое предложение. «Мне лично кажется,— сказал он,— что можно было бы даже перевести переговоры в плоскость обмена территорий. Для Финляндии, например, могла бы представить больший интерес уступка ей соответственной части нашей территории вдоль Карельской границы, чем бесплодные острова». От имени Советского правительства народный комиссар иностранных дел СССР официально предложил Финляндии обменяться территориями,

[1] "Rauhan puolesta", 1959, N 6, S. 8.

[2] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова с Ирье-Коскиненом 8 марта 1939 г.

[3] Там же.

изъявив готовность передать ей за указанные выше острова вдвое большую территорию Советской Карелии. М. М. Литвинов просил посланника предложить финскому правительству еще раз обсудить вопрос в свете высказанной аргументации [1].

Но, как и раньше, финское правительство не захотело поделовому обсудить советское предложение, и поэтому в апреле 1939 г. переговоры были прекращены. Правительство Каяндера отказалось улучшать отношения с СССР, учитывать интересы его безопасности и сотрудничать с ним в деле упрочения мира. Оно шло в этом вопросе и против жизненных интересов финского народа, которые требовали сохранения мирных отношений с СССР.

Во время англо-франко-советских военных переговоров в Москве в августе 1939 г. финское правительство вновь продемонстрировало непримиримо враждебное отношение к СССР, заявив, что оно не желает получать от Советского правительства помощь в случае агрессии против Финляндии. Правительство Каяндера постаралось придать характер явной антисоветской демонстрации состоявшимся в августе 1939 г. военным маневрам, в которых участвовала почти вся финская армия, резервисты и шюцкор (военизированные фашистские отряды). Финское правительство использовало прибытие на эти маневры министра обороны Швеции, чтобы обсудить с ним вопрос об участии Швеции «в возможной войне Финляндии с СССР» [2]. На случай «возможной войны» с СССР финское правительство приняло законы об усилении военной готовности и ввело всеобщую трудовую повинность. По всей стране были проведены аресты так называемых «неблагонадежных», усилена антисоветская пропаганда, изображавшая СССР как «исконного врага» Финляндии.

С началом второй мировой войны финская территория легко могла стать объектом агрессии и плацдармом для войны против СССР. Поэтому Советское правительство предложило 5 октября 1939 г. правительству Финляндии возобновить прерванные советско-финские переговоры и рассмотреть советское предложение о заключении пакта о взаимопомощи [3]. Для ведения переговоров 11 октября в Москву прибыл государственный советник Ю. К. Паасикиви, занимавший пост финского посланника в Швеции.

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова с Ирье-Коскиненом 8 марта 1939 г.

[2] *V. Niukkanen.* Talvisodan puolustuministeri Kertoo. Helsinki, 1951, S. 46.

[3] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 365.

Ю. К. Паасикиви был принят И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Во время первой беседы Паасикиви проявил понимание позиции советской стороны, обусловленной опасениями, что территория Финляндии может быть использована другим государством для нападения на СССР. Позже он так определил эту позицию: «...Советский Союз хочет так устроить дела в отношении Финляндии, чтобы он мог доверять Финляндии и чтобы Финляндия больше никогда не выступала на стороне врагов Советского Союза» [1].

Затем в Москву прибыл министр финансов В. Таннер, который фактически определял линию финской стороны в ходе дальнейших переговоров. Пока переговоры вел Паасикиви, была надежда на успех. Но как только в переговорах стал принимать участие Таннер, отражавший позицию антисоветски настроенных правящих кругов Финляндии, позиция финской стороны резко изменилась в худшую сторону. Касаясь роли Таннера в этих переговорах, глава Советского правительства В. М. Молотов говорил послу США в Москве Л. Штейнгардту 2 декабря 1939 г.: «Если бы переговоры со стороны Финляндии вел г. Паасикиви, без участия г. Таннера, как это было в первый период переговоров, то переговоры, вероятно, закончились бы приемлемым соглашением. Но участие г. Таннера в переговорах испортило все дело и, видимо, связало руки г. Паасикиви» [2].

Со времени появления Таннера на переговорах делегация Финляндии стала отвергать все советские предложения, и, таким образом, срыв переговоров оказался неизбежным. Большое влияние на позицию финского правительства оказали Англия, Франция, США, а также фашистская Германия. Все они добивались срыва переговоров и поощряли Финляндию к отказу от какого бы то ни было соглашения с СССР. В результате финская сторона отклонила советское предложение о заключении пакта о взаимопомощи.

14 октября Советское правительство внесло новое предложение — сдать в аренду СССР сроком на 30 лет порт Ханко, а также передать Советскому Союзу в обмен на советскую территорию в 5523 *кв. км* в районе Реболы и Порос-озера (Карельская АССР) острова Гогланд, Сескар, Лавансари, Тиуринсари, Бьерке, часть Карельского перешейка и часть полуостровов Рыбачий и Средний — всего 2761 *кв. км*. Таким образом, Советский Союз предлагал в обмен вдвое большую территорию [3].

---

[1] «Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви. 1944—1956 гг.». М., 1958, стр. 54.

[2] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 471.

[3] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 365.

На протяжении всего хода переговоров с Финляндией советская сторона искренне хотела добиться взаимопонимания с финским правительством. СССР стремился к соглашению на взаимоприемлемой, равноправной основе, которое послужило бы отправной точкой для развития дружественных советско-финских отношений, создания атмосферы взаимного доверия.

Этим же стремлением было продиктовано и другое советское предложение — о том, чтобы СССР и Финляндия обоюдно разоружили укрепленные районы на Карельском перешейке вдоль советско-финляндской границы, оставив на этой границе обычную пограничную охрану. Однако и это советское предложение было отклонено финской стороной [1].

Вскоре финское правительство прервало переговоры, и 13 ноября финская делегация выехала из Москвы. По возвращении делегации в Хельсинки министр иностранных дел Эркко заявил, что Финляндия имеет «более важные дела», чем переговоры с СССР. Срыв этих переговоров будущий премьер, а затем президент Финляндии Ю. К. Паасикиви назвал «одной из наиболее серьезных и тяжелых ошибок в серии внешнеполитических просчетов Финляндии» того времени [2].

12 ноября 1939 г. ТАСС опубликовал опровержение лживых инсинуаций иностранной печати о том, будто Советское правительство отклонило «последние уступки, которые были сделаны Финляндией». В этом опровержении говорилось, что никаких уступок СССР финны не делали. «По данным ТАСС, финны не только не идут навстречу минимальным предложениям Советского Союза, а, наоборот, усиливают свою непримиримость. До последнего времени на Карельском перешейке финны имели две-три дивизии на фронте против Ленинграда, а теперь они увеличили число дивизий, висящих над Ленинградом, до семи, демонстрируя этим свою неуступчивость» [3].

Правительство Финляндии, подстрекаемое извне, пошло не только на срыв переговоров, но и начало готовиться к войне. На границе Финляндии с Советским Союзом происходили вооруженные провокации. Советскому правительству не оставалось ничего иного, как прибегнуть к последнему средству: 28 ноября 1939 г. оно денонсировало советско-финляндский договор 1932 г. о ненападении. 29 ноября заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин по поручению Советского правительства довел до сведения финского посланника в Москве, что правительство СССР «не может боль-

---

[1] АВП СССР. Записка финского правительства правительству СССР от 3 ноября 1939 г.

[2] *Y. K. Paasikivi.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. Helsinki, 1960, o. I, S. 57.

[3] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 461.

ше поддерживать нормальные отношения с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей»[1]. Но даже после этого правительство Каяндера не вняло голосу разума. Рассчитывая на нападение Германии и Японии на СССР, финская реакция вынашивала планы участия вместе с ними в агрессии в целях создания «Великой Финляндии» за счет советских территорий. Правительство Финляндии, подстрекаемое империалистическими державами, своей провокационной политикой вело дело к вооруженному конфликту между Финляндией и СССР. 30 ноября 1939 г. между Финляндией и СССР начались военные действия.

Дипломатические усилия СССР по прекращению советско-финского конфликта. Мирный договор 12 марта 1940 г.

На протяжении всего конфликта между СССР и Финляндией советская сторона прилагала усилия к тому, чтобы разрешить его мирными средствами. Советское правительство положительно отнеслось к первому же мирному зондажу, предпринятому финским правительством через посредство писательницы Хеллы Вуолиоки. 8 января 1940 г. она имела беседу с полпредом СССР в Стокгольме А. М. Коллонтай по вопросу об открытии мирных переговоров с целью урегулирования финско-советского вооруженного конфликта[2].

Советское правительство приняло предложение Швеции, изъявившей готовность выступить в качестве посредника, чтобы облегчить неофициальный советско-финский обмен мнениями о мирном урегулировании. 29 января 1940 г. министру иностранных дел Швеции Х. Э. Гюнтеру было направлено заявление, в котором говорилось, что СССР в принципе не возражает против заключения мира с правительством Рюти—Таннера[3], но прежде, чем начать мирные переговоры, хочет знать, на какие условия мира готова пойти Финляндия[4].

Однако неофициальные советско-финские контакты были осложнены в результате вмешательства Лондона, Парижа и Вашингтона, которые делали все, чтобы затянуть военный конфликт между СССР и Финляндией. Правительства Англии и Франции направляли в Финляндию оружие, срочно подготавливали к отправке в Финляндию экспедиционный корпус для участия в войне против СССР, а также проводили другие мероприятия, направленные на переключение войны с Германией на войну с СССР. Правительство США поддерживало англо-

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 466.

[2] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 1. М., 1960, стр. 271.

[3] Правительство Рюти было сформировано 1 декабря 1939 г. Таннер занял в нем пост министра иностранных дел.

[4] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 1, стр. 271.

французскую политику провоцирования войны против Советского Союза [1].

В этих условиях министр иностранных дел Финляндии Таннер не торопился завершить неофициальный обмен мнениями с советской стороной, с тем чтобы приступить к мирным переговорам между СССР и Финляндией. Таннер дважды посетил Стокгольм (5 и 13 февраля 1940 г.), где обращался с просьбой к шведскому правительству о посылке под видом добровольцев 30 тыс. шведских солдат и офицеров, которые приняли бы участие в войне против СССР [2]. Финский министр пытался выяснить вопрос и о том, пропустит ли Швеция через свою территорию англо-французские войска. Правительство Рюти вместо прямого ответа на запрос советской стороны, на какие условия мира готова пойти Финляндия, настаивало на том, чтобы ему были сообщены советские условия мира.

Советское правительство отдавало себе полный отчет в том, какую опасную игру ведут Англия и Франция, используя для этой цели Финляндию. Поэтому оно вновь проявило инициативу, сообщив 23 февраля 1940 г. через А. М. Коллонтай свои мирные условия. Одновременно оно обратилось к правительству Чемберлена с просьбой передать эти условия финнам и взять на себя роль посредника в налаживании советско-финского мирного диалога. Цель такого обращения к английскому правительству заключалась в том, чтобы нейтрализовать деятельность последнего, направленную на затяжку военного конфликта.

Английское правительство дало отрицательный ответ на советское предложение. 24 февраля парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер заявил советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому, что британское правительство считает для себя невозможным передать советские мирные условия и «очень сожалеет, что оно сейчас не в состоянии взять на себя посредническую роль» [3]. 27 февраля Таннер снова отправился в Стокгольм за помощью.

Но после того, как части Красной Армии преодолели в феврале 1940 г. главную полосу «линии Маннергейма», Финляндия заявила о своем согласии вступить с СССР в мирные переговоры. Правительство Рюти сообщило А. М. Коллонтай, что оно в принципе принимает советские условия, рассматривая их «как отправную точку для переговоров» [4]. 4 марта главнокоман-

---

[1] Подробнее см. стр. 32—38 настоящей главы.

[2] *V. Tanner.* The Winter War. California, 1957, p. 158.

[3] АВП СССР. Запись беседы советского полпреда в Лондоне И. М. Майского с заместителем министра иностранных дел Великобритании Батлером 24 февраля 1940 г.

[4] *V. Tanner.* The Winter War, p. 198.

дующий финской армией Маннергейм доложил правительству, что финские войска на Карельском перешейке находятся в критическом положении.

Уступая, однако, давлению Лондона и Парижа, правительство Рюти вместо посылки делегации в Москву для ведения переговоров 4 марта просило Советское правительство уточнить прохождение новой финско-советской границы и размеры компенсации, которую может получить Финляндия за уступленные Советскому Союзу территории [1].

Проявляя большую выдержку, Советское правительство продолжало прилагать усилия, направленные на возможно скорейшее начало мирных переговоров. 6 марта оно снова обратилось к финскому правительству с предложением прислать в Москву делегацию для ведения переговоров. На этот раз правительство Финляндии дало согласие и направило в Москву делегацию во главе с Р. Рюти. Первое официальное заседание советской и финской делегаций по заключению мирного договора состоялось 7 марта 1940 г. Выслушав советские мирные предложения, финская делегация попросила дать ей время для консультаций с Хельсинки.

С целью сорвать советско-финляндское урегулирование Чемберлен, выступая 11 марта в парламенте, заявил, что английское и французское правительства и впредь будут оказывать помощь Финляндии. Имея в виду посылку в Финляндию англо-французского экспедиционного корпуса, Лондон и Париж еще раз напомнили правительству Рюти, что если Финляндия пожелает, то «акция Запада будет немедленно начата; Норвегию и Швецию больше не спросят, их только проинформируют» [2].

Однако военное положение Финляндии повелительно требовало немедленного заключения мира, тем более что условия мирного договора не содержали ничего несовместимого с честью и независимостью Финляндии как суверенного государства. Переговоры завершились 12 марта 1940 г. подписанием мирного договора между СССР и Финляндией [3].

По Московскому договору к СССР отошли Карельский перешеек с Выборгом и некоторые другие территории. Советский Союз получил в аренду на 30 лет полуостров Ханко и примыкающие к нему острова для создания там военно-морской базы, которая должна была прикрывать вход в Финский залив.

Договор обеспечивал Финляндии полную независимость и невмешательство в ее внутренние дела. «Обе Договаривающиеся

---

[1] *V. Tanner.* The Winter War, p. 203.

[2] *E. Maseng.* 1905 og 1940. En Leksion in maktpolitik. Oslo, 1953, S.214.

[3] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 493—496.

Стороны,— гласила статья 3 договора,— обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»[1]. В результате подписания Московского договора были созданы необходимые основы для развития добрососедских отношений между СССР и Финляндией. Но правящие круги Финляндии вскоре втянули страну в союз с гитлеровской Германией, направленный против СССР.

Англо-французские планы нападения на Советский Союз с севера и юга

Правительства Англии и Франции разрабатывали планы использования спровоцированного при их активном участии военного конфликта Финляндии с СССР для развязывания «крестового похода» против Советского государства. Вместо войны с фашистской Германией они хотели начать войну против Советского Союза в расчете на то, что им удастся втянуть в нее гитлеровский «рейх», а также другие страны.

Руководствуясь этими соображениями, лондонский и парижский кабинеты оказывали Финляндии весьма щедрую экономическую и военную помощь. Так, согласно заявлению Чемберлена 19 марта 1940 г., Англия послала в Финляндию 101 самолет, 214 орудий, 185 тыс. снарядов, 50 тыс. ручных гранат, 15 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин и другие военные материалы[2]. Франция не отставала от Англии, несмотря на то что гитлеровские войска уже сосредоточивались на ее границах. Правительство Даладье направило в Финляндию 175 самолетов, 496 орудий, более 5 тыс. пулеметов, 400 морских мин, 200 тыс. гранат, 20 млн. патронов[3].

Большую финансово-экономическую, равно как и политическую, помощь Финляндии во время советско-финского конфликта оказывали США. Помимо посылки оружия и боеприпасов США предоставили Финляндии заем для закупки американского вооружения. 2 декабря 1939 г. США наложили так называемое «моральное эмбарго» на торговлю с СССР, что было фактически равнозначно торговому бойкоту. Это вмешательство правительства США усиливало позиции шовинистических элементов в Финляндии, которые были решительными противниками скорейшего окончания конфликта и, таким образом, несли ответственность за его продолжение.

Поощряемые западными державами, правящие круги Швеции также оказывали Финляндии всевозможную помощь:

---

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 495.

[2] "Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report". London, 1940, vol. 358, col. 1836—1837.

[3] "Chambre. Débats, 1940", p. 508.

предоставили свыше 84 тыс. винтовок, 300 орудий, 50 млн. патронов, 30 тыс. снарядов, 25 самолетов и другое вооружение. В военных действиях в Финляндии участвовало свыше 8 тыс. шведов [1].

Правительства Англии и Франции под предлогом «помощи» Финляндии сами готовились начать против СССР военные действия. При главнокомандующем финской армией маршале Маннергейме находился английский советник — бригадный генерал Лейнч. Уже в декабре 1939 г. англо-французское военное командование обсуждало вопрос о посылке в Финляндию англо-французских войск. Для этой цели срочно стали готовить 150-тысячный экспедиционный корпус. На заседании Верховного союзного совета 5 февраля 1940 г. было вынесено решение послать в Финляндию англо-французские войска [2]. Одновременно правительства Чемберлена и Даладье развернули широкую кампанию, которая имела целью подготовить общественность к военному вмешательству англо-французского империализма в советско-финский конфликт. В ней активно участвовали также США. Для этой цели была использована и Лига наций. Под нажимом западных держав 14 декабря 1939 г. Советский Союз был исключен из Лиги наций.

16 января 1940 г. во французский парламент было внесено предложение о разрыве дипломатических отношений с СССР. Это требование поддержали весьма влиятельные французские газеты. Для того чтобы вызвать СССР на разрыв отношений, было применено такое испытанное международной реакцией средство, как организация полицейских провокаций против советских учреждений. 5 февраля 1940 г. парижская полиция предприняла налет на советское торгпредство, а также на помещения Интуриста и бывшей советской школы в Париже. По этому поводу советский полпред Я. З. Суриц заявил французскому правительству протест [3].

Англия и Франция усиливали свой нажим на Швецию и Норвегию, добиваясь разрешения на проход англо-французского экспедиционного корпуса через их территории. Одновременно правительства западных держав добивались того, чтобы правительство Финляндии официально обратилось к ним с просьбой о помощи, с тем чтобы оправдать предполагаемое вступление Англии и Франции в войну против Советского государства.

---

[1] *F. D. Scott.* The United States and Scandinavia. Cambridge, 1950, p. 233.

[2] *J. R. M. Butler.* Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941, p. 107—108.

[3] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 490—491.

27 декабря 1939 г. правительство Чемберлена приняло решение немедленно информировать Швецию и Норвегию о том, что Англия и Франция «готовы прийти им на помощь в случае осложнений, которые могут иметь место, если Швеция и Норвегия окажут помощь Финляндии»[1]. Правительства Швеции и Норвегии отдавали себе отчет в том, что разрешение на проход англо-французских войск несовместимо с политикой нейтралитета. Советское правительство предупредило тогда правительства этих стран, что нарушение нейтралитета было бы чревато для них тяжелыми последствиями. Правительства Швеции и Норвегии отказались дать требуемое Англией и Францией разрешение.

Известный английский историк А. Тейлор, характеризуя англо-французскую дипломатию в тот период, пишет: «Мотивы намечавшейся экспедиции в Финляндию противоречат здравому смыслу. Для Великобритании и Франции провоцировать войну с Россией, когда они уже находились в войне с Германией, представляется сумасшествием, и это наводит на мысль о более зловещем плане: направить войну по антибольшевистскому курсу с тем, чтобы война против Германии могла быть забыта или даже закончена»[2].

Подписание 12 марта 1940 г. мирного договора между Финляндией и СССР сорвало замыслы англо-французских империалистов об организации войны против СССР на севере со всеми возможными последствиями. В буржуазной печати развернулась новая антисоветская кампания.

Французское правительство, использовав в качестве предлога открытую телеграмму полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица, направленную в Москву в связи с заключением советско-финляндского мирного договора, в которой говорилось о провале замыслов «англо-французских поджигателей войны» «разжечь очаг войны на северо-востоке Европы», объявило советского полпреда «persona non grata»[3].

Советское правительство отозвало из Франции своего полпреда[4].

Антисоветские провокации французской реакции продолжались. В конце марта 1940 г. французские власти наложили арест на денежные суммы, которые должны были выплатить французские фирмы советским организациям. НКИД СССР

---

[1] *J. R. M. Butler.* Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941, p. 122.
[2] *A. J. Taylor.* English History 1914—1945. Oxford, 1965, p. 469.
[3] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 498.
[4] См. там же.

заявил протест[1]. 28 марта французские военные корабли незаконно задержали в дальневосточных водах два советских парохода — «Селенга» и «Владимир Маяковский». Их команды были арестованы, а суда отведены в Сайгон и Хайфон. 26 апреля французские власти наложили арест на ценности торгпредства СССР во Франции.

Оценивая действия французских властей в отношении СССР, английский посол в Париже Р. Кэмпбелл в своем донесении постоянному заместителю министра иностранных дел Англии А. Кадогану от 24 марта 1940 г. подчеркивал, что «французы больше готовы, чем правительство его величества, разорвать отношения и даже пойти на войну с Россией»[2].

Параллельно с планами нападения на СССР с севера англо-французское командование разрабатывало планы военных операций по вторжению на Кавказ и бомбардировки Закавказья, в особенности бакинских нефтепромыслов. В операциях должны были участвовать французские сухопутные части, находившиеся на Ближнем Востоке, турецкие войска и французская бомбардировочная авиация, базировавшаяся в странах Ближнего Востока. Перед подводным флотом Англии и Франции ставилась задача нарушить советское судоходство на Черном море.

План нападения на советские нефтепромыслы на Кавказе длительное время обсуждался английскими и французскими военными специалистами на самых различных уровнях, включая Верховный союзный совет. Этот план прикрывался фальшивым предлогом «помешать поставкам нефти Германии». Фактически же цель нападения заключалась в том, чтобы нанести удар по советской экономике и ослабить военный потенциал СССР.

Документы английского правительства за 1940 г. свидетельствуют о том, что одним из первых вариантов плана нападения на кавказские нефтепромыслы был проект, составленный в январе 1940 г. подкомитетом по планированию комитета начальников штабов. Этот проект имел весьма выразительное заглавие: «Военные последствия объявления войны России». Затем он в подновленном виде был представлен на рассмотрение подкомитета военного кабинета, заседание которого состоялось 1 марта 1940 г. Составители проекта, который занимал 12 страниц, пришли к следующим выводам: «Германская политика заключается в том, чтобы получить максимальную экономическую помощь у России, какую последняя допустит. Если мы

---

[1] АВП СССР. Нота НКИД посольству Франции в СССР от 23 марта 1940 г.

[2] PRO. F.O. 371/24853, p. 398.

окажемся в состоянии войны с Россией, то, приняв меры к тому, чтобы эта помощь не увеличивалась, мы тем самым косвенно нанесли бы удар по Германии». Бросается в глаза весьма оригинальная логика документа: вместо войны с Германией — война с СССР, в результате которой Англия намеревалась нанести косвенный удар по Германии.

Англо-французские военные специалисты, конечно, заведомо преувеличивали значение поставок советской нефти Германии. Как следует из секретного доклада, подготовленного комитетом лорда Хэнки и рассмотренного в январе 1940 г. на заседании английского правительства, «в течение первых трех месяцев войны германский импорт нефти составил около 523 000 тонн». При этом основные поставки в Германию осуществляли Румыния (227 тыс. *т*), Скандинавия, Бельгия, Голландия, Италия. Советский Союз, который в качестве нейтральной державы выполнял свои обязательства по торговому соглашению с Германией, поставил, по данным того же доклада, всего 9 тыс. *т*[1]. Тем не менее английские правящие круги использовали вопрос о поставках нефти в качестве предлога, чтобы начать широкую подготовку к военным акциям против СССР.

Закавказье представлялось им наиболее уязвимым в экономическом и стратегическом плане районом СССР. В докладе комитета начальников штабов, представленном военному кабинету, указывалось, что 80% советского производства нефти и 65% мощностей по ее переработке сосредоточено на Кавказе[2]. «Именно в этом районе,— говорилось в докладе комитета начальников штабов от 8 марта 1940 г.,— союзники могли бы нанести удар по России особенно эффективно». Осуществление этой задачи предполагалось провести «в течение нескольких недель по крайней мере тремя эскадрильями бомбардировщиков»[3].

Английское правительство опасалось, однако, возможных военных последствий этих акций, в частности того, что Советский Союз в качестве контрмеры мог бы нанести ответный удар по важнейшим английским коммуникациям на Ближнем и Среднем Востоке и вывести из строя важнейшие источники снабжения Англии нефтепродуктами в Ираке и других районах, которые были в пределах досягаемости советской авиации. К тому же предстояло убедить правительства Ирана и Турции принять участие в этих антисоветских авантюрах[4]. Правитель-

---

[1] PRO. Cab. 66, vol. 5, p. 41.
[2] PRO. F.O. 371/24846, p. 313.
[3] Ibid., p. 244.
[4] Ibidem.

ства же этих стран не желали таскать каштаны из огня ради интересов английского империализма. 27 марта 1940 г. английский эмиссар Морган сообщал из Анкары: «В настоящий момент нельзя заставить Турцию присоединиться или предоставить технические средства для предполагаемого нападения на Баку ввиду того, что такое сотрудничество или помощь вовлекли бы теперь Турцию в наступательную войну против Советского Союза. Турция еще не желает и не готова для такой войны»[1]. Аналогичную позицию заняло иранское правительство. В докладной записке Форин оффиса от 26 марта 1940 г. говорилось, что «шаху не только пришлось бы протестовать против английских полетов через иранскую территорию, но, возможно, он был бы вынужден, хотя бы ради pro forma, попытаться воспротивиться им»[2].

Тем не менее 27 марта 1940 г. в Лондоне состоялось совместное совещание английского и французского высшего военного командования, на котором наряду с другими рассматривались вопросы возможной блокады Черного моря и воздушных бомбардировок кавказских нефтепромыслов и нефтеочистительных заводов[3]. На другой день, 28 марта, Верховный союзный совет принял по инициативе Франции принципиальное решение о бомбардировке советских нефтепромыслов на Кавказе[4].

На заседании военного кабинета 29 марта 1940 г. английский премьер-министр Чемберлен сделал подробную информацию о состоявшемся накануне шестом заседании Верховного союзного совета и принятом на нем решении о бомбардировке кавказских нефтепромыслов[5]. Чемберлен подчеркнул при этом, что данное решение было принято по предложению французского премьер-министра П. Рейно, изложению выступления которого он уделил большое внимание. «Рейно указал,— сообщил английский премьер,— что два слабых места Германии — это ее потребность в руде и в нефти. Рейно высказал мнение, что уничтожение нефтепромыслов в Баку — это надежная, решающе важная и легкая операция. Он проявил полную готовность игнорировать возражения, которые могут быть выдвинуты турками против попытки со стороны союзников предпринять действия в отношении Баку, не уведомив их предварительно об этом»[6].

---

[1] PRO. F.O. 371/24846, p. 291.
[2] Ibid., p. 303.
[3] PRO. Cab. 79/3, p. 213.
[4] PRO. Cab. 99/3, p. 23.
[5] PRO. Cab. 65/5, p. 125.
[6] Ibidem.

Характеризуя близорукую антинациональную политику французских правящих кругов периода «странной войны», генерал Шарль де Голль в своих мемуарах указывал, что они «были больше озабочены тем, как нанести удар России — оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией»[1].

Тем временем гитлеровская Германия уже подготовилась к нанесению мощного удара на Западе. «Странная война» обернулась для Франции и Англии смертельной угрозой.

[1] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 1. Призыв. 1940—1942 годы. М., 1957, стр. 61.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦИИ. ПОЗИЦИИ АНГЛИИ И США. КОМПЬЕНСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Вторжение гитлеровской Германии в Данию и Норвегию

Не встретив сопротивления в период «странной войны», Гитлер подготовил операцию по захвату Дании и Норвегии. Эту операцию руководители германского «рейха» задумывали как начало наступления на Западном фронте, а также как подготовку северного фланга для нападения на Советский Союз.

К разработке операции под кодовым названием «Везерюбунг» («Упражнение Везер») в Берлине приступили сразу по окончании военных действий против Польши и завершили 7 марта 1940 г. Успех операции обеспечивался прежде всего внезапным и одновременным ударом по намеченным пунктам. До последнего момента Гитлер скрывал этот план не только от своего главного союзника — Муссолини, но даже от министра иностранных дел Германии Риббентропа. Гитлеровцев нимало не смущало то обстоятельство, что агрессия против Дании будет совершена ими вопреки обязательствам о ненападении, содержавшимся в германо-датском соглашении от 31 мая 1939 г.[1]

Учитывая географическое расположение Дании и ее зависимость от Германии, в Берлине не предвидели трудностей в захвате этой страны. Операцию против Норвегии осуществить было сложнее, поскольку она входила в сферу английского политического влияния и на море господствовал британский флот. В этих условиях большое значение наряду с фактором внезапности нападения придавалось превосходству в воздухе, тесному взаимодействию всех видов и родов войск, в том числе с авиадесантными силами, координации их действий с подрывными акциями «пятой колонны», имевшейся в Норвегии. Гитлеровский агент в Норвегии Квислинг, создавший еще в 1933 г. в этой стране фашистский «Национальный союз», в период подготовки операции «Везерюбунг» несколько раз посещал Берлин.

---

[1] "Documents on German Foreign Policy, 1918—1945", Series D, vol. VI. London, 1956, p. 621—622.

Во время вторжения в Норвегию своих войск гитлеровцы вполне могли на него положиться.

На рассвете 9 апреля 1940 г. правительствам Дании и Норвегии (первому — в 4 часа 20 минут, второму — в 5 часов 20 минут) были вручены меморандумы германского правительства почти идентичного содержания. Эта дипломатическая акция была точно приурочена к моменту вторжения германских войск в обе страны. В меморандумах говорилось, что германское правительство «берет на себя защиту» Норвегии и Дании на время войны с целью предотвратить превращение Скандинавии «в театр войны против Германии».

В них заявлялось, что Германия якобы «не имеет ни малейшего намерения затронуть такими действиями территориальную целостность и политическую независимость» Норвегии и Дании. Впрочем, тут же указывалось, что «всякое сопротивление должно быть и будет подавлено всеми возможными средствами» [1].

Войска Германии без боя заняли Копенгаген. Датский король Кристиан X признал страну побежденной, одновременно отдав своим вооруженным силам приказ не оказывать сопротивления.

Германские суда подошли к берегам Норвегии и высадили десанты в различных портах страны.

Норвежский король Хокон VII, правительство и значительная часть парламентариев успели бежать из Осло в Хамар. Туда же был вывезен золотой запас и важнейшая часть государственного архива.

В Осло Квислинг сформировал и возглавил прогерманское правительство. Гитлеровские представители пытались убедить короля объявить о прекращении сопротивления и об утверждении правительства Квислинга. Но переговоры германского посланника в Норвегии с королем окончились безрезультатно.

Норвежцы рассчитывали на действенную помощь Англии и Франции, которые до нападения Германии на Норвегию демонстрировали готовность «дать бой» немцам за эту страну. В начале апреля Англия направила Норвегии ноту, в которой говорилось, что правительство Великобритании намерено «использовать территориальные воды Норвегии для ведения боевых действий, так как Германия уже поступает таким образом» [2].

В ночь на 8 апреля английский и французский флоты заминировали прибрежные воды Норвегии. Появление германских судов у норвежских берегов и высадка десантов не были неожиданностью для Англии. Однако действенной помощи Нор-

[1] *W. Shirer.* The Challenge of Scandinavia. Boston, 1955, p. 223—225.
[2] "Dokumenter i utvalg". Oslo, 1965, S. 24, 26.

вегии Англия и Франция не оказали. Хотя в первых же морских боях с англичанами германский флот понес серьезные потери (немцы лишились 10 эсминцев из 23 и 3 крейсеров из 8 и т. д.), военные действия англо-французских союзников здесь были быстро свернуты. В течение апреля союзники высадили в Норвегии войска в районе Тронхейма и Нарвика, но уже в июне они были эвакуированы. 8 июня, накануне оставления Нарвика, норвежский король и правительство отплыли в Англию.

Все это скорее походило не на помощь Норвегии, а на тактику «заманивания» гитлеровских войск на этот театр военных действий. Собственно, английское и французское командование планировали здесь лишь такие военные действия против Германии, которые привели бы к возникновению «скандинавского фронта». Этим Англия и Франция рассчитывали переключить внимание фашистского «рейха» с западного направления на районы, расположенные вблизи границ Советского Союза.

Германское наступление в Западной Европе. Поражение англо-французских войск

Захватив Данию и Норвегию, укрепив таким путем свои стратегические позиции и получив плацдарм для подготовки войны против СССР на севере, Гитлер 27 апреля на совещании со своими военными советниками объявил, что между 1 и 7 мая 1940 г. можно будет открыть наступление на Западном фронте.

Наступление в Западной Европе гитлеровская Германия начала в ночь на 10 мая 1940 г. Утром 10 мая правительства Бельгии, Голландии и Люксембурга получили меморандумы правительства Германии, датированные 9 мая. В них сообщалось, что германским войскам дан приказ вступить на территорию этих стран. Как заявляло германское правительство, его цель — «обеспечить нейтралитет» Бельгии, Голландии и Люксембурга. Однако в документах содержалась угроза, что сопротивление будет сломлено «всеми возможными средствами» [1].

Вторжение гитлеровских войск в страны Западной Европы отнюдь не явилось неожиданностью для французского и английского правительств. Война фашистского «рейха» против Франции и Англии продолжалась уже более восьми месяцев. О подготовке большого немецкого наступления на Западе в Париже и Лондоне получали не вызывавшие сомнений сообщения. Союзные армии давно были отмобилизованы, экономика переведена на военные рельсы, главные военные силы сосредоточились на франко-германском фронте и франко-бельгийской

[1] *P. Delandsheere, A. Qoms.* La Belgique sous les nazis, t. I (1940—1941). Bruxelles (1946), p. 12.

границе. Как свидетельствуют документы, соотношение сил воюющих сторон к началу немецкого наступления на Западном фронте было приблизительно равное (за исключением некоторого германского перевеса в авиации). Учитывая бельгийскую армию, англичане и французы имели даже преимущество. И тем не менее гитлеровские войска в течение нескольких дней, наступая широким фронтом через Голландию, Бельгию и Люксембург в обход французской укрепленной «линии Мажино», захватили эти страны и вторглись во Францию.

Причины поражения коренились прежде всего в том, что тогдашние правители Франции проводили узкоклассовую, не отвечавшую интересам страны внутриполитическую линию и продолжали мюнхенский курс в своей внешней политике. Французские правительство и командование до самого момента немецкого наступления исходили из того, что война с гитлеровской Германией кончится для них компромиссом с Гитлером и переделом сфер влияния в Европе. К тому же французское командование допустило просчет в оценке направления главного удара немцев, предполагая, что немецкие механизированные армии не смогут преодолеть Арденны и будут наступать через центральную Бельгию.

Получив сообщения о начале германского наступления, главнокомандующий союзными войсками во Франции генерал Гамелен в соответствии с решением Верховного союзного совета, принятым в Лондоне еще 17 ноября 1939 г., отдал англо-французским войскам приказ о вступлении в Бельгию. Войска, как на громадном «шарнире», расположенном выше Седана, развернули северо-западную часть линии своего фронта и вошли на бельгийскую территорию. А одна из французских армий — ею командовал генерал А. Жиро — через Бельгию двинулась в Голландию. В то же время немцы, прорвав фронт у Седана ниже «шарнира», повернули к морю и отрезали англо-французские войска в Бельгии.

Французская армия и английский флот, по существу, оставили молниеносно оккупированную вермахтом Голландию на произвол судьбы. В ночь на 15 мая главнокомандующий голландской армией генерал Винкельман отдал приказ о «прекращении огня», королева Вильгельмина и правительство через порт Швенинген выехали в Англию. Войска генерала Жиро поспешно отступили.

Люксембург, находившийся на направлении главного удара немцев, был занят ими в первые часы наступления, и к вечеру 11 мая там уже управляла германская администрация.

16 мая англо-французские войска начали отступление из Бельгии. 17 мая немцы заняли Брюссель.

Первые пять дней немецкого наступления подтвердили, что

руководители Франции не хотели вести с гитлеровской Германией иной войны, кроме «странной». Когда же немецкие войска прорвали фронт у Седана, во Франции началась паника.

Правительственные учреждения спешно готовились к эвакуации из Парижа. В саду министерства иностранных дел жгли архивы. Пепел и обрывки бумаг летели от костров на набережную д'Орсэ и на соседние улицы. П. Бодуэн, занимавший в то время пост секретаря созданного в конце марта 1940 г. военного кабинета во главе с премьер-министром П. Рейно, а также военного комитета, пишет в своих мемуарах: «...по указанию Алексиса Леже, генерального секретаря министерства иностранных дел, желавшего быстро уничтожить некоторые документы и досье, зеленый газон в саду министерства превратился в пылающий костер. Из окон второго и третьего этажей выбрасывали как попало связки документов и папки, из которых при ударе о землю разлетались листы бумаги. Сторожа и служащие охраны складывали все это в кучи на траве. Пламя охватывало одну кучу за другой. Так продолжалось весь день, и густой дым можно было видеть с площади Инвалидов и из палаты депутатов» [1].

16 мая премьер-министр Рейно вызвал из Мадрида маршала Петэна, французского посла в Испании, и генерала Вейгана с Ближнего Востока. 18 мая Петэн был назначен заместителем председателя совета министров, а на следующий день Вейган сменил Гамелена на посту главнокомандующего. Рейно говорил, что реорганизация правительства предпринята якобы в интересах обороны страны и что маршал Петэн «будет находиться в правительстве до победы» [2]. Однако действительные намерения правительства Рейно — Петэна были иными: оно стремилось достичь мира с гитлеровцами любой ценой. Статс-секретарь германского министерства иностранных дел Вейцзекер тогда же отмечал, что «маршал Петэн рассматривается как адвокат политики мира во Франции... Если вопрос о мире встанет во Франции более остро, Петэн сыграет свою роль» [3]. Верхушка правящего класса капиталистической Франции в решающий момент больше всего боялась народной патриотической войны против германского фашизма.

Начавшееся бегство населения и панические слухи способствовали капитулянтской пропаганде. Только коммунистическая партия, загнанная после начала войны в глубокое подполье и подвергавшаяся репрессиям (к моменту немецкого наступления около 15—20 тыс. коммунистов находились в тюрь-

[1] *P. Baudouin.* Neuf mois au gouvernement (April — Décembre 1940). Paris, 1948, p. 55—56.
[2] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II. Paris, 1947, p. 123.
[3] DGFP, Series D, vol. VIII, p. 414.

мах и концентрационных лагерях), последовательно разоблачала политику национального предательства, проводимую французскими правящими кругами.

Решение английского правительства вывести свои войска с континента

В трудные дни Франция не получила эффективной помощи от своего союзника — Англии.

На пятый день германского наступления, 14 мая, около 6 часов вечера Рейно передал по телефону У. Черчиллю, ставшему 10 мая 1940 г. премьер-министром Англии, следующее послание: «Только что вернувшись с заседания военного комитета, я должен сделать вам от имени французского правительства следующее заявление: положение действительно очень серьезно. Германия старается нанести нам роковой удар в направлении на Париж... Я верю, что в этот решительный момент мы не будем лишены помощи Англии».

Через два с половиной часа Черчилль ответил Рейно осторожной и недоверчивой телеграммой: «Английский военный кабинет и штаб уделили самое серьезное внимание просьбе, которую вы мне направили сегодня днем, и мы, не теряя времени, изучили вопрос о мероприятиях, связанных с создавшейся обстановкой. Мы поручили найти офицеров штаба, которые смогут осветить нам настоящее положение вещей для того, чтобы мы могли быть уверены, что все ресурсы, которыми мы располагаем, будут использованы наилучшим образом в интересах общего дела». Таким образом, в телеграмме не было ни слова о конкретной помощи.

На следующий день, 15 мая, в 7 часов 10 минут вечера, Рейно направил Черчиллю краткое и совершенно отчаянное по своему тону сообщение: «Вчера вечером мы проиграли битву. Дорога на Париж открыта. Пошлите нам все самолеты и все войска, какие вы можете» [1].

16 мая Черчилль прилетел в Париж. В 5 часов дня в министерстве иностранных дел, из окон которого английский премьер-министр наблюдал, как в саду министерства сжигаются дипломатические документы, состоялась его встреча с Рейно и Даладье при участии генерала Гамелена и других военных представителей обеих сторон.

Из протокольной записи этого заседания, составленной помощником начальника кабинета Рейно Морисом Дежаном, явствует, что союзники уже в те дни ни в малейшей степени не доверяли друг другу и каждый опасался, как бы другой его не обманул. Черчилль подозревал французов в том, что они, создавая впечатление безвыходности положения, хотят оставить

[1] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 93—94.

Бельгию и побережье и, отводя войска для защиты Парижа, рассчитывают направить немецкий удар в сторону Англии, а сами выйти из войны. Французы в свою очередь подозревали, что англичане не желают помочь Франции и, заботясь лишь о сохранении своих сил, собираются выдать ее Гитлеру. По поводу германского наступления в районе Седана «Уинстон Черчилль,— гласит протокольная запись,— повторяет свои предыдущие утверждения и заявляет, что он отказывается рассматривать эти театральные рейды в качестве подлинного вторжения». В ответ Гамелен, Рейно и Даладье ставят вопрос о необходимости расширить фронт английского экспедиционного корпуса, поскольку «шесть французских дивизий занимают такой же участок, как девять английских». Черчилль, не отвечая на это, настойчиво утверждал, что снимать войска с северного участка фронта не следует и что необходимо продолжать защищать Бельгию[1].

Из встречи 16 мая каждая сторона сделала свои выводы: французы — что Англия не намерена оказывать помощь Франции; англичане — что надо торопиться с выводом английских дивизий с континента.

22 мая, после того как германские войска вышли к Ла-Маншу, отрезав экспедиционный корпус англичан и французские части, Черчилль вновь прилетел во Францию. Совещание с ним состоялось в Венсенском замке на окраине Парижа, где находился штаб главнокомандующего французскими вооруженными силами генерала Вейгана. Черчилль обещал Рейно, что английские войска предпримут наступательные действия с целью ликвидировать немецкий прорыв и соединиться с основными французскими силами. Союзникам предстояло пройти около 40 *км*, чтобы соединиться и отрезать немецкие части[2]. В действительности же французское командование готовилось к капитуляции, а английское — к отводу своих войск к морю для эвакуации.

Уже через два дня после совещания в Венсенском замке, 24 мая, Рейно телеграфировал Черчиллю: «...генерал Вейган с удивлением констатировал, что в нарушение этого плана (англо-французского решения от 22 мая.— *Ред.*) вчера английские войска оставили Аррас... Генерал Вейган только что узнал об эвакуации из Гавра частей английской армии с тяжелым вооружением, что вызывает большие волнения в тылу. Он, так же как и я, удивлен, что мы не были об этом предупреждены заранее»[3].

---

[1] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 96—100.

[2] См. *К. Типпельскирх.* История второй мировой войны. М., 1956, стр. 79.

[3] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 116.

В тот же день, спустя несколько часов, Рейно передал английскому послу в Париже телеграмму для Черчилля. Констатировав отход к портам английских войск, «в нарушение категорического приказа» французского командования, Рейно сообщал, что этот отход «вынудил» генерала Вейгана изменить свой план и отказаться «от закрытия прорыва», которое восстановило бы линию фронта. «Нет необходимости,— писал Рейно,— подчеркивать серьезность последствий, к которым это может привести» [1].

Черчилль в ответных телеграммах Рейно упорно отрицал факт отхода английских войск, хотя в действительности он и имперский генеральный штаб уже приказали командующему английскими войсками во Франции генералу Горту отводить соединения вопреки решению, принятому на встрече 22 мая.

Сам Горт, хотя и пытался оправдать действия британского экспедиционного корпуса во Франции, писал в своем докладе: «Я не скрывал от себя, что этот план являлся в теории крайним решением, поскольку означал уход экспедиционного корпуса с театра военных действий в тот момент, когда Франция нуждалась во всей помощи, которую ей могла оказать Великобритания» [2].

Английская военная политика серьезно облегчила осуществление планов Гитлера и французских капитулянтов. Уже 25 мая на заседании военного комитета Франции правительство и командование договорились искать скорейшего перемирия с Германией [3].

Капитуляция Бельгии. Дюнкерк

Тем временем решилась судьба Бельгии. Король Леопольд III отказался последовать за своим правительством во Францию, а затем в Англию, чтобы продолжать войну на стороне союзников, как это сделали норвежский король, голландская королева и великая герцогиня Люксембургская. 27 мая Леопольд направил своего парламентария к германскому верховному командованию. В 10 часов вечера парламентарий сообщил, что «фюрер требует безоговорочно сложить оружие». В ночь с 27 на 28 мая немецкий генерал Рейхенау и бельгийский генерал Деруссо подписали следующий протокол: «Бельгийская армия немедленно безоговорочно складывает оружие, и ее личный состав рассматривается с этого момента в качестве военнопленных. Перемирие начнется сегодня утром в 5 часов

---

[1] *Winston S. Churchill.* The Second World War, vol. II. Their Finest Hour. London, 1949, p. 63.

[2] "The London Gazette", 10.X.1941.

[3] *M. Weygand.* Memoires. Rappelé au service. Appendice IX. Paris, 1950, p. 599—604.

по просьбе бельгийского командования. Военные действия Германии против британских и французских войск продолжаются. Бельгийская территория будет немедленно оккупирована, включая все порты...» В распоряжении короля оставался замок Лекен, где он мог находиться «со своей семьей, своей военной свитой и своими слугами»[1]. Капитулировавшая бельгийская армия насчитывала около 500 тыс. человек.

Англо-французская группировка войск, находившаяся в Бельгии, прижатая немцами к морю, состояла из почти 220 тыс. англичан и 200 тыс. французов. В течение 26 мая — 3 июня английские войска были эвакуированы через Дюнкерк в Англию. Французские войска были эвакуированы лишь частично.

Начав эвакуацию своих войск из Дюнкерка, англичане мало заботились о французских войсках, защищавших в это время подступы к Дюнкерку. Рейно констатировал, что к 31 мая «было эвакуировано 150 тысяч англичан и только 15 тысяч французов»[2] (в эвакуации английских войск помимо британского флота участвовало около 300 французских, а также польские, голландские и норвежские суда). На очередном англо-французском совещании 31 мая Рейно заявил Черчиллю, что такое соотношение, «если оно станет известно общественному мнению, будет представлять большую опасность»[3].

4 июня англичане прекратили эвакуацию через Дюнкерк. В Дюнкерке осталось около 40 тыс. французских войск, в то время как английские войска были эвакуированы почти полностью.

На том же совещании 31 мая Черчилль достаточно ясно дал понять, что Англия лишена возможности оказывать дальнейшую военную помощь Франции. «Выступление Черчилля,— пишет об этом совещании в своих мемуарах П. Бодуэн,— привело меня к убеждению, что Англия уже хладнокровно предвидит наше крушение»[4].

Это было ясно и иностранным дипломатам. Посол США в Париже У. Буллит в телеграмме в государственный департамент 5 июня 1940 г. отмечал, что англичане не предоставляют никакой военной помощи Франции. Буллит писал: «...они сохраняют свою авиацию и флот, рассчитывая использовать их в качестве козырей, когда придется торговаться с Гитлером при переговорах»[5].

---

[1] *A. Kammerer.* La vérité sur l'Armistice. Paris, 1945, p. 63.
[2] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 251.
[3] *P. Baudouin.* Neuf mois au gouvernement, p. 109.
[4] Ibid., p. 114.
[5] *W. L. Langer.* Our Vichy Gamble. New York, 1947, p. 18.

Эвакуация английских войск через Дюнкерк прошла сравнительно успешно не только потому, что французские и английские войска героически защищали порт и побережье. Хотя это действительно была самая упорная и жестокая битва за всю майско-июньскую кампанию на Западном фронте, однако немалую роль здесь сыграло еще одно обстоятельство. После выхода немецких танковых дивизий к морю Гитлер приказал на два дня — до 26 мая — прервать дальнейшее наступление на Дюнкерк. Эта пауза дала союзникам время укрепить оборону вокруг Дюнкерка. Возобновив наступление, германское командование натолкнулось на сопротивление, которого не встретило бы, атакуя Дюнкерк с ходу.

В исторической литературе ведутся споры о причинах такого приказа Гитлера. Американский историк У. Ширер, проводивший изыскания по этому поводу в германских архивах и собиравший показания бывших гитлеровских генералов, в своей работе об истории «третьего рейха» делает такой вывод: «...Гитлер задержал свои танковые силы перед Дюнкерком, чтобы избавить Англию от горького унижения и тем самым облегчить мирное урегулирование с ней. Это должен был быть мир, при котором англичане оставят Германии свободу рук повернуть еще раз на Восток, на этот раз против России»[1].

Как со всей очевидностью показывают дальнейшие события, руководители фашистской Германии были заинтересованы в скорейшем выходе Англии из войны на континенте, чтобы без лишних потерь захватить Францию и включить ее в систему своего «нового порядка» в Европе. Пользуясь политической обстановкой в высших правительственных и военных кругах Франции, Гитлер спешил подготовить стремительное наступление на Париж и тем еще больше обострить англо-французские противоречия. В то же время с помощью «мюнхенских» элементов в английских правящих кругах руководители «рейха» надеялись достичь выгодного для себя мира с Англией. Все это в конечном счете должно было создать благоприятную обстановку для нападения Германии на Советский Союз.

Поиски Англией и Францией компромисса с Гитлером при посредничестве Муссолини

Военные действия не мешали проведению воюющими сторонами взаимного дипломатического зондажа при участии Италии относительно возможностей заключения мира.

Правительства Германии и Италии при помощи конфиденциальных дипломатических демаршей хотели выяснить позиции французского и английского правительств и

[1] *W. Shirer.* Le Troisième Reich. Des origines a la chute, vol. II. Paris, 1966, p. 177.

одновременно ввести их в заблуждение в отношении своих действительных планов. «20 мая,—пишет в своих мемуарах Рейно,— А. Франсуа-Понсе (французский посол в Риме.— *Ред.*) сообщил нам, что циркулируют различные слухи о посредничестве. Речь идет, докладывал он, о дипломатической акции, которая совпала бы с мирным наступлением Гитлера, направленным к тому, чтобы разъединить Францию и Англию. Муссолини воспользуется этим случаем, добавил он, чтобы вновь принять позу миротворца, взяв на себя ту роль, которую он уже исполнял в Мюнхене»[1].

21 мая 1940 г. Франсуа-Понсе телеграфировал Рейно, что в Риме «приходят к идее общего мира в целях реконструкции Европы». «Дуче», если он получит удовлетворение в районе Средиземного моря, сообщил посол, «постарается сделать требования Гитлера умеренными». Франсуа-Понсе в двух личных письмах передал Рейно предложение воспользоваться передышкой в боях и сообщить итальянскому правительству по секретным каналам, через папу, «о тех жертвах, которые готовы принести союзники, чтобы Италия как можно дольше оставалась невоюющей страной»[2]. Чтобы эти конкретные предложения имели шансы на успех, они должны, писал Франсуа-Понсе, «относиться к статусу Гибралтара, Мальты и Суэца в том, что касается Англии, и к статусу Джибути и Туниса в том, что касается Франции»[3].

Сразу же после заседания военного комитета 25 мая, на котором шла речь о необходимости скорейшего перемирия с Германией, Рейно утром 26 мая вылетел в Лондон для обсуждения вопроса, поставленного Франсуа-Понсе. В совещании участвовали премьер-министр Черчилль, министр иностранных дел Галифакс, лорд-хранитель печати Эттли и военный министр Иден. «Лорд Галифакс сказал мне,— отмечал Рейно,— что уже накануне он взял на себя инициативу сказать итальянскому послу в Лондоне графу Бастианини, что союзники были бы готовы принять во внимание любое предложение о переговорах как в отношении итальянских интересов, так и на основе справедливого и прочного мира». Слова о «справедливом и прочном мире» явно подразумевали общее империалистическое «урегулирование» с Германией.

По свидетельству Рейно, Галифакс заявил далее о своей готовности «предложить Муссолини от имени союзников, в случае если Италия согласится сотрудничать с Англией и Францией в деле установления мира, сохраняющего независимость

---

[1] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 199.
[2] Ibid., p. 200.
[3] Ibidem.

Франции и Англии и основанного на справедливом и прочном урегулировании всех европейских вопросов, обсудить итальянские претензии в Средиземном море, и в частности претензии, относящиеся к выходам из этого моря»[1]. Французское правительство в телеграмме, направленной 28 мая в Лондон, предложило со своей стороны уступить Италии Французское Сомали, железную дорогу Джибути — Аддис-Абеба, а также выразило согласие на изменение ливийско-тунисской границы в пользу Ливии, на присоединение к Ливии части территории Конго и изменение статуса Туниса в пользу Италии[2].

Одновременно французская сторона продолжала свои демарши в Италии. 27 мая Франсуа-Понсе в переговорах с итальянским министром иностранных дел Чиано дал понять, что французское правительство готово весьма существенно компенсировать посреднические услуги Муссолини. Как записал в своем дневнике Чиано, Франсуа-Понсе сделал весьма конкретные предложения: он исключал Корсику, которая является составной частью Франции, но говорил о возможности обсудить вопрос о Тунисе, может быть, даже об Алжире. Согласно той же записи, Чиано ответил послу Франции, что эти «предложения поступили слишком поздно». В своем дневнике он сделал следующую пометку относительно позиции Муссолини: «По существу, для него речь не идет о том, чтобы получить то или другое. Он хочет войны. Если бы он мог мирным путем получить даже вдвое больше того, что он требует, он все равно бы отказался»[3].

Однако кабинет Рейно в тот же день, 27 мая, продолжал обсуждать вопрос о переговорах и посредниках. Как следует из записи этого заседания, Рейно бросил такую фразу: «Имеется Бельгийское Конго. Я воздерживаюсь от того, чтобы сделать из него разменную монету»[4]. Очевидно, некоторые коллеги Рейно предлагали торговать и чужими колониями.

Министр общественных работ в кабинете Рейно де Монзи, близкий к итальянским фашистским кругам, вместе с заместителем председателя совета министров К. Шотаном взялся за составление ноты итальянскому правительству с предложением начать переговоры, напоминая в этой ноте о предложении Муссолини относительно созыва конференции Германии, Италии, Англии и Франции[5]. В ноте говорилось:

---

[1] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 200—201.

[2] *F. Charles-Roux.* Cinq mois tragiques aux Affaires Etrangères (21 Mai—1 Novembre 1940). Paris, 1949, p. 11.

[3] *G. Ciano.* Journal politique (1939—1943), vol. I. Neuchatel, 1947, p. 255.

[4] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 245.

[5] См. «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 809.

«Чтобы достигнуть не частного и ненадежного, а окончательного соглашения о безопасности, мы стремимся прибегнуть к форме основательных переговоров между заинтересованными странами»[1]. Текст ноты был утвержден Рейно и сообщен английскому правительству.

30 мая вечером министр иностранных дел Даладье вручил ноту итальянскому послу в Париже Гуарилья. Итальянцы оставили ее без ответа.

Предпринятые дипломатические шаги дали возможность державам «оси» убедиться, что правящие круги Франции готовы на серьезные уступки, лишь бы достигнуть соглашения с агрессорами. Что же касается Англии, то она, делали вывод в Берлине и Риме, занимает осторожную позицию и не хочет вместе с Францией добиваться такого соглашения.

С другой стороны, документы свидетельствуют, что Рейно и его группа глубоко ошибались в эти дни в отношении позиций как фашистской Италии, так и гитлеровской Германии. Муссолини вовсе не хотел выступать в роли «посредника». Его манила роль победителя — равноправного военного союзника Гитлера со всеми вытекающими из этого привилегиями в будущем европейском «новом порядке». Гитлер же не верил в возможность включения Франции в свой «новый порядок» дипломатическим путем и полагался лишь на силу германского оружия.

Вступление в войну Италии. Сдача Парижа. Обращение Рейно к Рузвельту

5 июня возобновилось наступление германских войск. Французское правительство не сделало ни одного серьезного усилия, чтобы организовать эффективное сопротивление и поднять народ на борьбу с агрессором. То, что официальные круги торжественно назвали «битвой за Францию», в действительности было поспешным отводом французским командованием своих соединений.

Позицию, отвечавшую национальным интересам страны, занимала коммунистическая партия, которую капиталистическая верхушка Франции продолжала считать своим главным врагом. В начале июня руководство Французской коммунистической партии разработало конкретные предложения и поручило секретарю Всеобщей конфедерации труда Бенуа Фрашону передать их правительству. В этом обращении к правительству от 6 июня 1940 г. коммунистическая партия оценивала сдачу Парижа фашистским захватчикам как измену и провозглашала главным национальным долгом организацию обороны столицы. Компартия призывала к борьбе за независимость и

[1] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 218.

свободу и предлагала организовать народное ополчение и вооружить народ[1]. Но именно народной войны больше всего боялись правители Франции. Решив сдать Париж немцам, правительство заботилось не об обороне подступов к столице, а о том, чтобы передача французскими властями «охраны порядка» в Париже в руки оккупантов прошла без какого-либо сопротивления со стороны населения. Французское правительство до последнего момента скрывало от парижан, что город будет сдан без боя.

На всех правительственных совещаниях в эти дни группа Петэна — Вейгана доказывала, что нужно торопиться с заключением перемирия, пока армия, «необходимая для поддержания внутреннего порядка перед лицом коммунистической угрозы», не развалилась окончательно.

Тем временем Италия объявила войну Франции и Англии. Муссолини внимательно следил за ходом военных действий, выбирая момент для вступления в войну. Министр иностранных дел Италии Чиано писал в своем дневнике 26 мая: «Альфьери (итальянский посол в Германии.— *Ред.*) прислал доклад о своих беседах с Герингом. Этот последний поднял вопрос о дате нашего вступления в войну и предложил, чтобы мы начали в тот момент, когда немцы бросят все свои силы на Париж, ликвидировав англо-франко-бельгийский «карман». Дуче в принципе согласен. Он собирается написать Гитлеру письмо, сообщив, что мы вступим в войну между 10 и 20 июня».

Но уже через день, 28 мая, Чиано записывал: «События этой ночи (капитуляция Бельгии.— *Ред.*) заставляют Муссолини торопить события, так как он убежден, что теперь все пойдет быстрее, и хочет иметь основания принять участие в дележе добычи»[2]. В письме от 30 мая Муссолини сообщил Гитлеру, что может вступить в войну 5 июня. Однако «фюрер» не хотел, чтобы Италия вступила в войну в день возобновления германского наступления и разделила его успехи. Муссолини был взбешен, но ему пришлось выжидать еще пять дней[3].

10 июня Чиано официально сообщил французскому послу в Риме Франсуа-Понсе об объявлении Италией войны Франции.

В этот день французское правительство уже обсуждало вопрос о сдаче столицы. Город решено было сдать немцам без сопротивления. Около полуночи министры выехали из Парижа в направлении Бордо. Начался массовый уход из города; примерно три четверти парижан покинуло столицу.

---

[1] *J. Duclos.* Memoires, t. III. Dans la bataille clandestine. Première partie, 1940—1942. De la drôle de guerre à la rué vers Stalingrad. Paris, 1970, p. 40—41.

[2] *G. Ciano.* Journal politique, p. 250—255.

[3] Ibid., p. 257—259.

Военному губернатору Парижа генералу Денцу и его помощнику полковнику Груссару правительство фактически поручило передать Париж в руки германских властей, обеспечив, как пишет Груссар в своих мемуарах, «поддержание сурового внутреннего порядка», чтобы население не организовало никакого сопротивления [1].

В 5 часов вечера 13 июня представители Денца встретились в окрестностях Парижа с уполномоченным германского командования, который потребовал, чтобы «с момента вступления немецких войск в Париж все жители 48 часов не выходили из домов» [2]. На следующее утро германские войска оккупировали опустевшую французскую столицу.

В Лондоне не сомневались, что Франция будет оккупирована. Английское правительство интересовал вопрос, как в этих условиях будет действовать французское правительство: останется ли оно во Франции, подпишет соглашение с Германией и будет с ней сотрудничать или покинет метрополию и продолжит войну на стороне Англии? От этого зависела, в частности, судьба колониальной империи Франции и ее военно-морского флота.

Пока президент Франции Лебрен и члены правительства медленно, по забитым беженцами дорогам пробирались на машинах в Бордо, Черчилль еще дважды прилетал во Францию. В Бриоре на встрече в эвакуированном из Парижа штабе Вейгана 11 июня Черчилль добивался от командующего французскими военно-морскими силами адмирала Дарлана заверений в передаче англичанам французского флота. Французы со своей стороны пытались выяснить, какую помощь окажет им Англия. Британский премьер ответил, что примерно через год Англия могла бы послать на помощь Франции 20—25 дивизий. Как следует из протокольной записи беседы, Рейно в связи с этим воскликнул: слова Черчилля «звучат как предложение путнику, умирающему от жажды в центре Сахары, подождать дождя» [3]. Он настаивал на том, чтобы английская авиация поддержала французские войска, однако Черчилль отказался сделать это, указав, что его авиация Франции уже не поможет, а, оставаясь в Англии, даст возможность затянуть войну и дождаться вступления в нее США.

Через день, 13 июня, Черчилль вновь прилетел во Францию (на аэродром возле Тура) в сопровождении министра иностранных дел Галифакса и министра авиационной промышленности Бивербрука. Совещание проходило в здании префектуры Тура.

---

[1] *Colonel Groussard.* Chemins secrets, vol. I. Paris, 1948, p. 15.
[2] Ibid., p. 32.
[3] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 304—311.

С французской стороны в совещании помимо Рейно участвовал лишь Бодуэн, который опубликовал в своих мемуарах протокольную запись беседы. Рейно прямо поставил перед Черчиллем вопрос о сепаратном перемирии Франции с Германией: «Не считает ли Великобритания, что Франция может ей сказать: мои жертвы были так велики, так тяжелы, что я прошу вас разрешить мне прекратить борьбу и заключить сепаратное перемирие, целиком сохраняя солидарность, основывающуюся на наших соглашениях» [1].

Черчилль сказал Рейно, что следует подождать ответа Соединенных Штатов на просьбу о помощи Франции. «Я не хочу отвечать на этот вопрос,— заявил он,— прежде чем узнаю ответ Рузвельта. Я считаю, что если этот ответ будет неблагоприятным, т. е. если в нем не будет сказано об оказании Франции той помощи, в которой она срочно нуждается, то между Францией и Англией следует урегулировать важные вопросы» [2].

Рейно согласился с предложением Черчилля. В телеграмме Рузвельту, посланной в ночь с 13 на 14 июня, он писал, что, если США «сегодня же бросят на весы груз американских сил», французское правительство может переехать в Северную Африку, если же Соединенные Штаты не пойдут на это, Франция «запросит у Гитлера условия перемирия» [3]. В ответе президент США выражал «глубочайшее сочувствие», обещал, что США в дальнейшем увеличат свои военные поставки, и заканчивал телеграмму такими словами: «Я знаю, вы поймете, что эти заявления не носят характера военных обязательств. Только конгресс может давать такие обязательства» [4].

Занимавший тогда пост государственного секретаря США Хэлл в своих мемуарах откровенно говорит, что, когда Рузвельт направил Рейно это послание, американское правительство и не собиралось помогать Франции в защите метрополии. «Мы с президентом знали,— пишет он,— что французы не смогут сражаться ни под Парижем, ни за Парижем, как и не смогут укрепиться в какой-либо из своих провинций... Битва за Францию, по существу, закончилась. Не было ничего, что мы могли бы предпринять, чтобы удержать Гитлера от покорения французской метрополии. Поэтому мы должны были дать ответ, который поощрил бы Рейно и его правительство к продолжению борьбы из Северной Африки и к сохранению французского флота нетронутым» [5].

---

[1] *P. Baudouin.* Neuf mois au gouvernement, p. 154—159.

[2] Ibid., p. 157.

[3] "Peace and War. United States Foreign Policy, 1931—1941". Washington, 1943, p. 551—552 (далее — "Peace and War").

[4] Ibid., p. 552—553.

[5] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. I. New York, 1948, p. 787.

Предложение Черчилля о «слиянии» Англии и Франции

В середине дня 16 июня 1940 г. английский посол Рональд Кэмпбелл и военный представитель Англии при французском правительстве генерал Спирс посетили Рейно и вручили ему следующее послание, утвержденное английским кабинетом: «Наше соглашение, запрещающее сепаратные переговоры о перемирии или мире, было заключено с Французской Республикой, а не с какой-либо французской властью или с отдельным французским государственным деятелем. Следовательно, оно затрагивает честь Франции. Однако при условии, и только при этом условии, что в ожидании переговоров французский флот будет немедленно переведен в английские порты, правительство его величества дает свое полное согласие на то, чтобы французское правительство сделало запрос в целях выяснения условий перемирия для Франции. Правительство его величества, решившее продолжать войну, полностью устраняется от всякого участия в указанном выше запросе относительно перемирия»[1].

Вскоре Кэмпбелл ознакомил Рейно с текстом указаний, присланных послу вслед за посланием. В них говорилось: «Мы ждем, что с нами проконсультируются, когда будут получены условия перемирия. Это необходимо не только в силу соглашения, запрещающего какой бы то ни было сепаратный мир или перемирие, но также по причине жизненно важных для нас последствий всякого перемирия, особенно в связи с тем, что английские войска участвуют вместе с французской армией в боях». Послу предписывалось с «особой силой» указать французскому правительству на тот факт, что «позиция французского правительства при всяком обсуждении условий перемирия будет сильнее, если оно будет в состоянии констатировать, что французский флот находится вне досягаемости германских сил»[2]. Короче говоря, английское правительство ставило свои условия Франции: отдайте нам флот — и мы разрешим вам начать переговоры о перемирии.

Почти одновременно Черчилль подготовил и второй вариант использования Франции в своих интересах — более «радикальный», но менее реальный. Это был план «слияния» Англии и Франции, переданный французскому правительству через генерала де Голля, который при очередном переформировании правительства 5 июня был введен Полем Рейно в правительство в качестве заместителя министра национальной обороны и вскоре же направлен в Лондон для связи с английским правительством по военным вопросам.

---

[1] *A. Kammerer.* La vérité sur l'Armistice, p. 181—182.
[2] Ibidem.

16 июня де Голль первым сообщил Рейно об этом плане по телефону. Затем французскому премьеру позвонил сам Черчилль. В своих мемуарах Рейно приводит следующий текст этого плана, записанный им под диктовку де Голля по телефону из Лондона:

«Отныне Франция и Великобритания не являются более двумя нациями, но образуют одну неделимую франко-британскую нацию. Структура союза будет предусматривать общие органы, ведающие экономической и финансовой политикой и обороной союза. Каждый английский гражданин станет французским гражданином...

Во время войны будет действовать единый военный кабинет для верховного военного руководства. Этот военный кабинет будет управлять, находясь в таком месте, которое он сочтет наиболее подходящим для руководства операциями. Парламенты двух стран будут объединены. Все военные силы Великобритании и Франции — наземные, морские и воздушные — будут подчинены верховному командованию. Великобритания немедленно создаст новую армию. Франция сохранит возможные силы — наземные, морские и воздушные.

Союз обращается с призывом к Соединенным Штатам содействовать укреплению ресурсов союзников и оказать мощную материальную помощь общему делу.

Этот союз, это единство объединит всю свою энергию против сил врага в любом месте, где будут происходить бои, и таким образом мы победим».

Рейно далее пишет: «Генерал де Голль добавил, что текст одобрен английским военным кабинетом с оговоркой, что некоторые слова могут быть еще изменены кабинетом, заседание которого продолжается»[1].

В чем был смысл этого необычного предложения? Французскому правительству, отказавшемуся от сопротивления и готовому отдать страну в руки гитлеровской Германии, Черчилль предлагал под видом создания такого «союза» передать французские колонии, флот, авиацию и то, что можно было эвакуировать из остатков армии, под контроль Англии и закрепить это актом «слияния государств». Членам французского правительства предлагались посты в «едином военном кабинете», а французским парламентариям — места в «объединенном» парламенте.

Черчилль, указывается в докладе британского «Королевского института международных отношений», посвященном англо-французским отношениям, выдвинул свой план, «как только узнал, что обращение Рейно к США о помощи было встре-

[1] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 351.

чено отказом»[1]. Предложение английского премьер-министра о «союзе» было призвано удержать французов от возможного сотрудничества с нацистами или, во всяком случае, от излишних уступок. Но немцы находились во Франции, Гитлер казался французским правителям непобедимой силой в Европе, Англии же грозила участь Франции. Конечно, в таких условиях план Черчилля не мог иметь успеха во французских правительственных кругах и на вечернем заседании совета министров 16 июня был отвергнут почти без всякого обсуждения.

В тот же день правительство Поля Рейно ушло в отставку, и президент республики Лебрен назначил главой нового правительства маршала Петэна. В сложившихся условиях прогерманская ориентация во французских правящих кругах взяла верх. На пост премьер-министра Петэн был назначен по предложению самого Рейно, который убедился, что господствующая верхушка во Франции твердо решила идти на широкое «сотрудничество» с Германией и Петэн — наиболее подходящая для этого фигура. Пост министра иностранных дел занял Бодуэн, считавшийся во французских политических кругах сторонником сохранения отношений с Англией. Таким образом, хотя в правительство вошли как прогерманские, так и проанглийские деятели, перевес был явно на стороне первых.

Обращение правительства Петэна к гитлеровцам с просьбой о перемирии. Выступление де Голля 18 июня

Как только поздно вечером 16 июня Лебрен подписал декрет о создании нового правительства, под его председательством состоялось заседание кабинета Петэна. В течение 10 минут правительство приняло решение запросить у Германии условия перемирия. Франкистский посол во Франции Лекерика, находившийся в дружественных отношениях с Петэном, знал, что к нему обратятся как к посреднику.

Бодуэн записал в своем дневнике: «В половине первого ночи я передаю Лекерике рукописную ноту, в которой прошу испанское правительство обратиться к правительству Германии»[2].

В переданной Бодуэном ноте говорилось, что французское правительство просит правительство Испании как можно скорее обратиться к германскому правительству с просьбой прекратить военные действия и сообщить, каковы его условия мира. В ноте содержалась также просьба к германскому

---

[1] "France and Britain, Report by a Chatham House Study Group, Royal Institute of International Affairs". London, 1945, p. 56.

[2] *P. Baudouin.* Neuf mois au gouvernement, p. 177.

правительству прекратить бомбардировки французских городов [1].

Когда это сообщение получили в Мадриде, министр иностранных дел Испании полковник Бегбедер поручил Лекерике передать «его самые сердечные приветствия маршалу Петэну». В Берлин сообщение о демарше французского правительства пришло около трех часов ночи.

В 9 часов 45 минут утра 17 июня Бодуэн вручил папскому нунцию ноту, предназначавшуюся для итальянского правительства и уведомлявшую его о тексте ноты, переданной испанскому послу. Нота заканчивалась такими словами: «Французское правительство просит также святой престол сообщить итальянскому правительству о его желании найти совместно с последним основы прочного мира между двумя странами» [2].

17 июня Петэн произнес по радио свою первую речь. Он заявил, что «надо прекратить борьбу». Петэн сообщил также, что той же ночью он обратился к противнику с запросом, готов ли он «после борьбы и сохраняя честь искать средства положить конец военным действиям» [3].

В обращении к немцам французское правительство просило сообщить условия мира, а не перемирия; в обращении к итальянцам также говорилось «об основах прочного мира между двумя странами». Однако Гитлер отнюдь не собирался договариваться с Петэном как равный с равным.

Прилетевший из Лондона в Бордо де Голль намеревался выступить против перемирия, за продолжение войны с Германией. Он обсуждал этот вопрос и с Черчиллем. Узнав, что во Франции образовано новое правительство во главе с маршалом Петэном, членом которого он уже не являлся, и поняв, какой политический курс взяло это правительство, де Голль решил немедленно вернуться в Лондон.

18 июня он выступил по лондонскому радио с призывом к соотечественникам продолжать войну против Германии. Этот призыв был обращен в первую очередь к французской армии. Несколько раз де Голль в своем выступлении повторил, что настанет день, который принесет победу, так как у Англии и Соединенных Штатов достаточно сил. «Эта война,— говорил он, — не ограничивается лишь многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война. Невзирая на все ошибки, промедления, стра-

---

[1] "Un témoignage. Le dictat de Rethondes et l'Armistice franco-italien de Juin 1940". Paris, 1945, p. 18. Книга вышла без указания автора, которым является бывший французский посол в Польше Леон Ноэль.

[2] *A. Kammerer.* La vérité sur l'Armistice, p. 232.

[3] "Un témoignage. Le dictat de Rethondes", p. 17.

дания, в мире есть средства, достаточные для того, чтобы в один прекрасный день разгромить наших врагов»[1].

Попытки Англии и США взять под свой контроль колонии и флот Франции

Приход к власти правительства Петэна и обращение к немцам с просьбой о мире существенным образом изменили положение Англии, все еще надеявшейся использовать Францию для продолжения войны с Германией. На следующий же день английский посол передал Бодуэну послание, которое 16 июня он вручил Рейно, перед тем как из Лондона было передано предложение о «слиянии» Англии и Франции. Кэмпбелл заявил, что это послание полностью сохраняет свою силу.

Правительство США также активно вмешивалось в дела Франции, стремясь получить часть французских колоний и французский флот. 17 июня американский сенат принял закон о том, что США не признают перехода какой-либо территории в Западном полушарии от одного неамериканского государства к другому. Это означало в первую очередь, что французские владения в Западном полушарии в случае раздела французской колониальной империи могут перейти только к США, а не к Германии или к Англии.

В тот же день государственный секретарь Хэлл направил в Бордо исполнявшему обязанности посла при правительстве Франции Биддлу[2] телеграмму, в которой от имени президента ему предписывалось встретиться с адмиралом Дарланом и затем, если возможно, с министром иностранных дел Бодуэном и заявить, что, «если французское правительство не обеспечит до заключения какого-либо перемирия с немцами того, чтобы флот не попал в руки противника, французское правительство будет тем самым следовать политике, которая роковым образом повредит делу сохранения французской империи и будущему восстановлению французской независимости и самостоятельности». Кроме того, американский представитель должен был заявить, что, «если французское правительство не предпримет этих шагов и допустит сдачу французского флота Германии, оно навсегда потеряет дружбу и расположение правительства Соединенных Штатов»[3].

Биддл передал содержание телеграммы Дарлану и Бодуэну во время заседания совета министров Франции, который обсуждал вопрос о флоте ввиду предстоявших переговоров с немцами.

---

[1] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 1, стр. 331.

[2] Посол США Буллит остался в оккупированном Париже, а при французском правительстве в Бордо обязанности американского посла исполнял Биддл, который был аккредитован при польском эмигрантском правительстве.

[3] "Peace and War", p. 555—557.

Бодуэн в своих мемуарах пишет, что он сообщил Биддлу о решении правительства не передавать флот немцам, но и никуда его не отправлять. Правительство Петэна в эти дни действительно неоднократно обсуждало вопрос о флоте и решило Германии его не передавать. Петэн, Вейган, Дарлан и Бодуэн, решив остаться во Франции и сотрудничать с Гитлером, ни в коем случае не хотели, однако, отправлять флот из портов метрополии. Даже в Северной Африке, по их мнению, он мог легко попасть в руки англичан. Флот тогдашним правителям Франции нужен был в качестве козыря в политической игре как с Германией, так и с Англией.

Вслед за Биддлом к Бодуэну явился английский посол Кэмпбелл. Дождавшись окончания заседания совета министров, он обратился к министру иностранных дел с тем же вопросом о судьбе флота. Бодуэн и ему ответил, что французское правительство решило флот Германии не отдавать.

19 июня правительство Англии направило к Петэну правительственную делегацию для переговоров о флоте в составе морского министра Александера, командующего флотом Дадли Паунда и министра колоний лорда Ллойда. Цель делегации заключалась в том, чтобы добиться отправки французского флота в английские порты. Однако эта миссия результатов не имела.

Потерпев неудачу в переговорах с правительством Петэна в Бордо, англичане попытались лишить это правительство владений в Северной Африке. Английские генеральные консулы в Тунисе, Алжире и Марокко 18 июня вручили губернаторам французских колоний меморандумы, в которых предлагалось их отделение от Франции и включение в английскую сферу влияния. Однако попытка англичан захватить французскую Северную Африку потерпела неудачу. Высшие французские чиновники в Алжире, Тунисе и Марокко боялись ориентироваться на Англию. Германия казалась им непобедимой, и они опасались просчета.

Тем временем правительство Петэна с целью удалить из Бордо несогласных с ним депутатов и сенаторов объявило, что желающие могут покинуть Францию на пароходе «Массилия», который отправляется в Северную Африку. 20 июня пароход «Массилия» вышел из Бордо в Марокко. На его борту было около 30 парламентариев, в том числе бывшие министры Мандель и Даладье, Мендес-Франс и др.

Правительство Англии, узнав о прибытии в Марокко Манделя, срочно послало туда на гидросамолете бывшего командующего английскими войсками во Франции лорда Горта и министра информации Дафф Купера. Они должны были, используя проанглийские симпатии Манделя, привлечь его на свою сторону.

Горт и Дафф Купер долетели до Рабата, но в аэропорту их задержала французская полиция и на том же самом самолете возвратила в Гибралтар; Горт и Дафф Купер так и не повидали ни Манделя, ни других пассажиров «Массилии».

Пароход из Марокко был отправлен в Алжир, где парламентариев, по существу, арестовали. Они вернулись во Францию только после 10 июля 1940 г.

Так закончились английские и американские попытки вмешаться в события во Франции в первые дни после того, как правительство Петэна выступило с инициативой заключения мира с Германией.

Совещание Гитлера и Муссолини в Мюнхене

Тем временем гитлеровское правительство подготовило условия перемирия с Францией. Однако Гитлер счел все же необходимым, получив обращение Петэна, встретиться с Муссолини.

Эта встреча, в которой участвовали Риббентроп и Чиано, состоялась в Мюнхене 18—19 июня. О том, как она проходила, рассказывается в записях итальянского министра иностранных дел Чиано [1].

«Прежде всего Риббентроп заговорил со мной,— писал Чиано,— о перемирии с Францией. Он сказал мне, что фюрер намерен предложить французам такие условия перемирия, которые не вызовут отказа от переговоров и переезда правительства Петэна в Англию или в Алжир». Затем Риббентроп перешел к Англии. Он сказал, что «фюрер» не хочет развала Британской империи. Гитлер требует от Англии отказа от некоторых ее владений и «признания сложившегося положения». При этом условии Гитлер готов пойти на соглашение.

О беседе Гитлера с Муссолини Чиано записал: «Желание Гитлера заключить мир как можно скорее очевидно из всего, что он говорит. Гитлер подобен игроку, который сорвал банк: он хочет встать из-за стола и больше не рисковать».

Как явствует из немецкого отчета о переговорах Гитлера с Муссолини, Гитлера тревожили два вопроса: не покинет ли французское правительство метрополию и не попадет ли французский флот к англичанам или американцам? «Во время переговоров,— говорил Гитлер,— надо добиться, чтобы французское правительство продолжало функционировать на французской территории. Такое положение значительно более желательно, чем отказ французского правительства от немецких условий и его бегство за границу, в Лондон, где оно продолжало бы вой-

[1] "Les archives secrètes du Comte Ciano (1936—1943)". Paris, 1948, p. 376—378. «Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse» (параллельное франко-англо-американское издание немецких архивов), t. IX. Les Années de guerre. Livre II. Paris, 1961, p. 332—336.

ну». Гитлер считал также возможным согласиться на неприкосновенность французского флота в портах Франции или Испании, только бы не вынудить французов отправить его в Англию или США [1].

Переговоры Гитлера с Муссолини в Мюнхене подтверждают, что «фюрер» добивался установления фашистского режима во Франции, включения ее в подготовляемый европейский «новый порядок» во главе с Германией, получения от Франции ряда уступок в отношении колоний, а также заключения выгодного для Германии мира с Англией и обеспечения себе прочного тыла в предстоящей войне с СССР.

Переговоры правительства Петэна о перемирии с Германией

В дни ожидания германского ответа на обращение французского правительства Петэн и его сообщники через посла Испании информировали Гитлера о настроениях во французском кабинете и торопили его с заключением перемирия.

Утром 19 июня германский посол в Мадриде Шторер передал в Берлин сообщение испанского посла в Бордо Лекерики: «Петэн действует с большой энергией, но опасается, что, если немецкие войска будут продолжать продвигаться в направлении Бордо и если начало переговоров о перемирии будет отложено, фракция Рейно, т. е. сторонники продолжения войны за границей, может взять верх» [2].

В тот же вечер Шторер послал в Берлин вторую телеграмму. Ссылаясь на беседы Лекерики с Петэном и Бодуэном, он сообщил об угрозе отъезда части членов правительства во главе с Шотаном в Северную Африку. «Если будет сочтено, что нужно вести переговоры с Францией,— писал Шторер,— то следует действовать быстро» [3].

Немцы, однако, тянули с ответом, стремясь выиграть время и продвинуться дальше по французской территории. В 6 часов 30 минут утра 19 июня Лекерика вручил Бодуэну следующее предварительное сообщение: «Германское правительство готово сообщить французскому правительству условия прекращения военных действий. Оно рекомендует французскому правительству послать с этой целью своих полномочных представителей. Германское правительство сообщит дату и место, где эти полномочные представители могут быть приняты, как только ему будут сообщены их фамилии. Германское правительство отмечает, что соглашение о прекращении военных действий может быть обсуждено только в том случае, если французское правительство

[1] "Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse", t. IX, livre II, p. 334—335.
[2] Ibid., p. 349.
[3] Ibid., p. 357—358.

вступит также в сношения и с итальянским правительством. Оно считает, следовательно, возможным, чтобы французское правительство вступило в контакт с итальянским правительством при посредстве испанского правительства»[1].

Бодуэн тут же попросил Лекерику передать через свое правительство обращение французского правительства к Италии, упомянув при этом, что оно день назад передало через Ватикан для итальянского правительства копию поты, адресованной правительству Германии.

В 9 часов утра у президента республики Лебрена собрался совет министров для утверждения состава делегации на переговоры о перемирии. Петэн предложил назначить главой делегации Шотана и одним из членов — Бодуэна. Бодуэн в свою очередь предложил назначить главой делегации Вейгана. Вейган возразил, указав, что в 1918 г. немцы не посылали главнокомандующего в Компьенский лес. Решено было не посылать членов правительства и назначить главой делегации генерала Хунтцигера, командовавшего армейской группировкой.

Правительство Петэна спешило; уже в 10 часов 30 минут 19 июня Бодуэн вручил Лекерике ноту для передачи германскому правительству. В ноте говорилось, что французское правительство назначило полномочных представителей для получения информации об условиях прекращения военных действий. И далее указывалось: «Французское правительство, для того чтобы иметь возможность принимать решения в условиях полной независимости, просит, чтобы германское правительство дало своим войскам приказ остаться на тех позициях, которые они будут занимать в полночь 19 июня. В этом случае французское правительство не будет производить изменений в существующем в настоящее время расположении своих войск»[2].

Следует отметить, что к этому времени немцы уже приблизились к Бордо и в ночь с 18 на 19 июня, а затем в ночь с 19 на 20 июня бомбардировали город, вызвав панику и переполох в правительственных и парламентских кругах. Часть членов правительства решила срочно покинуть Бордо. Тогда и в Берлине, который все время имел связь с Бордо, узнав об этом, решили поторопиться с переговорами.

В 11 часов 15 минут 20 июня немецкое радио сообщило, что германское верховное командование согласно с составом французской делегации и приглашает ее после 17 часов быть на дороге из Тура в Амбуаз, на левом берегу Луары. Делегация будет встречена на мосту через Луару у Тура[3].

---

[1] *A. Kammerer.* La vérité sur l'Armistice, p. 285.

[2] "Un témoignage. Le dictat de Rethondes", p. 22—23.

[3] *P. Baudouin.* Neuf mois au gouvernement, p. 191; "Un témoignage. Le dictat de Rethondes", p. 24.

В 13 часов 30 минут из Бордо был послан по радио ответ, что делегация выезжает указанной дорогой. В назначенное время за Туром, который еще не был занят немцами, французскую делегацию встретил патруль вермахта, проводивший ее через понтонный мост, наведенный на Луаре взамен взорванного французскими войсками при отступлении. Этот патруль сопровождал французскую делегацию до городка Вандом, расположенного примерно в 60 *км* от Тура по дороге в Париж. Здесь делегацию ждал представитель ставки германского верховного командования генерал Типпельскирх, который был прикомандирован к ней в качестве офицера связи.

Французские делегаты въехали в Париж, чтобы наутро следовать далее в Компьен.

Подписание франко-германского и франко-итальянского перемирия

В 13 часов 30 минут 21 июня генерал Хунтцигер и ряд членов французской делегации направились в Компьен. Остальные делегаты и сотрудники остались в Париже. В течение 21 и 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу, на маленьком железнодорожном разъезде Ретонд, в вагоне, где было подписано франко-германское перемирие 11 ноября 1918 г., состоялись переговоры о перемирии между Германией и Францией. На первой встрече присутствовал Гитлер. После того как начальник штаба верховного командования вермахта Кейтель зачитал его вступительную тираду о перемирии, «фюрер» раздал французским делегатам текст проекта перемирия и удалился. Переговоры с немецкой стороны продолжали Кейтель и начальник управления оперативного руководства верховного командования вермахта Йодль. Последние расстелили карту и показали французским делегатам зеленую линию, отмечавшую зону оккупации.

Хунтцигер вручил Кейтелю полномочия делегации, где указывалось, что ей поручено ознакомиться с условиями перемирия и мира. Кейтель утверждал, что французы уполномочены подписать условия перемирия. Французы против этого не возражали, заявив только, что они должны сообщить эти условия своему правительству и получить от него указание о подписании соглашения.

В 8 часов 20 минут вечера 21 июня Хунтцигер сообщил Вейгану условия перемирия. После этого французская делегация уехала в Париж.

Тем временем немецкие войска продолжали продвигаться к Бордо. Вечером 21 июня Петэн послал Гитлеру телеграмму с просьбой не вступать в пределы города.

Хунтцигер продиктовал перевод условий перемирия Вейгану в Бордо. В час ночи собрался совет министров, рассмотревший текст соглашения о перемирии. На заседании было поручено

комитету в составе Вейгана, Бодуэна, Дарлана и Бутийе составить замечания к нему.

Новый генеральный секретарь министерства иностранных дел Шарль-Ру передал экземпляр текста послу Англии Кэмпбеллу. Английский посол настаивал на своем участии в обсуждении условий перемирия. На это Бодуэн заметил, что иностранный посол не может присутствовать на заседании правительства. Собравшийся ночью правительственный комитет сформулировал замечания — их было немного — к условиям перемирия. Они сводились к следующему: не оккупировать Париж; французский военный флот будет базироваться на африканские порты; заключение последующего соглашения в отношении иностранных военнослужащих, находившихся во французской армии, и иностранцев, получивших убежище во Франции; исключение статьи о выдаче правительству Германии немецких граждан, находящихся во Франции; в качестве предварительного условия — прекращение немецкого наступления в направлении Бордо[1]. Собравшийся утром 22 июня совет министров быстро утвердил эти замечания, и Вейган передал их по телефону Хунцигеру.

В 11 часов 22 июня в том же вагоне началось новое заседание немецкой и французской делегаций. Германию по-прежнему представлял Кейтель. В отношении наступления на Бордо Кейтель сказал, что это наступление будет остановлено только после того, как французское правительство примет условия перемирия. Французы настаивали, чтобы Париж был включен в так называемую «свободную зону» и соединен с этой намеченной немцами «свободной зоной» коридором.

Германский ответ на французскую просьбу гласил, что «условия в отношении Парижа будут зависеть от внутреннего положения в этом большом городе»[2]. Французская делегация больше не затрагивала этого вопроса на переговорах.

Исключительной важности для Франции вопрос о флоте немцы обсуждать отказались. Кейтель заявил, что порядок применения статьи о флоте будет установлен комиссией по перемирию.

Германское требование о выдаче немцев, находившихся во Франции, после обсуждения было оставлено без изменений. Это требование означало, что все бежавшие до войны из гитлеровской Германии во Францию антифашисты выдаются гестапо. Немецкая сторона согласилась на мелкие поправки к условиям в отношении авиации, продовольствия и на изменение некоторых деталей.

---

[1] *M. Weygand.* Mémoires, p. 258—261.
[2] Ibid., p. 259.

В новом разговоре с Хунтцигером Вейган сообщил ему, что, видимо, в самые ближайшие часы французское правительство даст согласие на подписание соглашения о перемирии. Но французское правительство, сказал он, хотело бы лишь добавить пункт о том, что к соглашению в качестве протокола прилагаются просьбы французского правительства и ответы германского правительства. Хунтцигер убеждал Вейгана отказаться от этого, предлагая «поверить честному слову» Кейтеля и Йодля. Во время разговора Кейтель прислал французской делегации письмо, требуя, чтобы она подписала условия перемирия до 19 часов 30 минут. Вечером в Бордо снова собрался совет министров Франции, и в 18 часов 36 минут Вейган передал Хунтцигеру по телефону приказ подписать соглашение о перемирии.

Церемония подписания состоялась около 7 часов вечера 22 июня 1940 г. Хунтцигер сделал краткое заявление, в котором указал, что Франция, вступив в войну в силу своих обязательств перед союзниками, потерпела поражение и поэтому вынуждена принять тяжелые условия [1].

23 июня французская делегация через Париж прилетела в Рим. К тому времени Гитлер дал понять Муссолини, который не мог похвастаться своими военными успехами (итальянские войска не продвинулись на территорию Франции), чтобы тот умерил аппетит и не ставил правительство Петэна в слишком трудное положение. В ответ Муссолини в письме от 22 июня сообщил Гитлеру, что «ограничился лишь минимумом, то есть требованием о демилитаризованной зоне глубиной в 50 километров» [2].

Переговоры французской и итальянской делегаций состоялись в Вилле Инчиза под Римом. Итальянское правительство представляли министр иностранных дел Чиано, маршал Бадольо, генерал Приколо, который участвовал в подготовке франко-итальянского военного соглашения 1935 г., адмирал Каваньяри и генерал Роатта.

Бадольо передал французской делегации текст условий перемирия. Хунтцигер, вернувшись в отведенную для французской делегации виллу, сообщил этот текст по телефону в Бордо. В правительстве Петэна итальянские условия сразу оценили как приемлемые. При постатейном обсуждении только статья 9, как отмечает в своих мемуарах Бодуэн, вызвала серьезные возражения. В этой статье речь шла о демобилизации французских войск в Сирии, на сомалийском побережье, в колониях в Северной Африке.

Хунтцигер, получив указание из Бордо, заявил, что настаивает на изменении этой статьи. «Речь идет,— сказал он,— о ту-

---

[1] "Un témoignage. Le dictat de Rethondes", p. 87.

[2] "Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse", t. IX, livre II, p. 417.

земных странах, где авторитет европейца не должен быть поколеблен. Это не отвечало бы ничьим интересам, и в особенности интересам такой великой колониальной державы, как Италия»[1].

Бадольо не настаивал на требовании о демобилизации французских колониальных войск, и было решено, что этот вопрос рассмотрит комиссия по перемирию, «которая примет во внимание особую важность поддержания порядка на этих территориях». Хунтцигер сообщил о принятии поправки, и в 19 часов 10 минут Вейган передал французской делегации в Риме указание подписать текст франко-итальянского перемирия. Подписание документа о перемирии состоялось в 19 часов 15 минут. Военные действия между Францией, с одной стороны, Германией и Италией — с другой, прекращались в 1 час 35 минут в ночь на 25 июня.

Компьенское и Римское соглашения о перемирии определяли военное, внешнеполитическое и в значительной степени внутриполитическое и экономическое положение Франции на ближайший период.

Осуществлением условий перемирия ведала предусмотренная статьей 22 франко-германского соглашения германская комиссия по перемирию в Висбадене, при которой находилась французская делегация. Фактически это был орган, решавший все основные вопросы жизни Франции. В Висбадене постоянно работало шесть военных франко-германских комитетов (сухопутных сил, морских сил, воздушных сил, военнопленных, военной промышленности, иностранных дел) и шесть экономических (по финансам, промышленности, товарообмену, торговому флоту, связи, транспорту). Обе стороны в Висбадене были представлены высшими военными и дипломатическими чиновниками, а также крупными промышленниками и финансистами. Здесь по указаниям Гитлера и правительства Петэна решались все проблемы франко-германского «сотрудничества» в условиях подчинения французского правительства германскому диктату.

По условиям перемирия Франция делилась на зону оккупации, составлявшую около двух пятых территории страны и включавшую все основные промышленные районы, Париж, а также все порты Ла-Манша и атлантического побережья, и «свободную зону». Эта зона охватывала юго-западную часть Франции. Намеченная немцами демаркационная линия не вызвала серьезных возражений со стороны французской делегации.

Гитлеровская Германия, сохраняя «свободную зону», хотела создать видимость «самостоятельности» правительства Петэна. Такое решение, с одной стороны, диктовалось опасением, что в случае оккупации всей страны правительство Петэна потеряет

[1] "Un témoignage, Le dictat de Rethondes", p. 99—100.

власть над колониями и они достанутся Англии или США. С другой стороны, нужно было использовать это правительство для установления во Франции угодного германскому фашизму порядка и вовлечения ее в гитлеровскую «новую» Европу. Правительство Петэна избрало своей столицей город Виши.

Италия по условиям перемирия фактически не получила никакой зоны оккупации во Франции. Соглашение предусматривало лишь 50-километровую полосу демилитаризации вдоль франко-итальянской границы. В колониях, кроме порта Джибути, французского участка дороги Джибути — Аддис-Абеба и демилитаризованной зоны вдоль границы Ливии с французскими владениями, Италия также ничего не получила. Таким образом, Муссолини досталось значительно меньше того, на что он мог рассчитывать в результате франко-итальянских переговоров в период передышки в немецком наступлении.

По условиям Компьенского перемирия у правительства Петэна оставалась 100-тысячная «армия перемирия» для «охраны внутреннего порядка».

Статья 20 перемирия предусматривала, что все французские военнопленные остаются в руках немцев «до заключения мира». К моменту перемирия число французских военнопленных достигло 1,8 млн. человек — немалая часть армии, учитывая, что в наземной действующей армии в метрополии было в момент начала войны 2,5 млн. человек.

Столь важный для Франции вопрос о военно-морском флоте, согласно статье 8 перемирия с Германией, решался так: одна часть флота оставалась в распоряжении французского правительства «для охраны интересов Франции и ее колониальной империи»; другая часть подлежала демобилизации и разоружению в портах, которые будут определены позже, «под контролем Германии и Италии соответственно». Устно Кейтель дал понять, что порты эти могут быть расположены в «свободной зоне». Со своей стороны Германия по этой статье брала на себя обязательство не использовать французские корабли, находящиеся в портах под германским контролем, «для своих целей» и не предъявлять претензий в отношении французского военно-морского флота «при заключении мира».

Правительство Петэна, конечно, не очень доверяло этим «обязательствам» Гитлера, как не доверяло оно и Англии. Сразу после подписания перемирия, 24 июня, Дарлан передал командующим флотами и военно-морскими округами секретный приказ принять меры, чтобы корабли не были захвачены силой «врагом или иностранной державой» (т. е. Германией или Англией). В случае, если немцы попытаются завладеть флотом, корабли следует, «не ожидая нового приказа, либо направить в Соединенные Штаты, либо потопить». Однако суда, нашедшие убежище

за границей, говорилось в приказе, не должны быть использованы против Германии или Италии «без специального приказа главнокомандующего французскими военно-морскими силами».

Хотя ориентация на гитлеровскую Германию и на включение Франции в «новый порядок» в Европе твердо взяла верх во французских правящих кругах, оставался важный вопрос — о колониальной империи, которую они хотели любой ценой сохранить за собой. На львиную долю этой империи претендовала Германия, немалую часть хотела получить Италия, некоторые территории намеревалась захватить Испания. Индокитай считала уже своей добычей Япония, поскольку у Германии не было возможности конкурировать с ней в Юго-Восточной Азии. Французские колонии стремились прибрать к рукам также Англия и Соединенные Штаты. Петэновское правительство старалось использовать борьбу обеих империалистических группировок за французские колонии и сохранить таким образом известное равновесие. 3 июля 1940 г. англичане напали на французские военные корабли в Мерс-эль-Кебире с целью захватить или вывести из строя часть французского флота. Правительство Петэна не пошло на объявление Англии войны, чтобы не дать повода англичанам захватить французские колонии.

Условия франко-германского соглашения о перемирии в целом оказались не такими, на которые рассчитывали правящие круги Франции. Петэновцы полагали, что гитлеровская Германия привлечет французских монополистов к тесному экономическому сотрудничеству с немецкими монополиями и империалистическая Франция, избавленная от всех «опасностей» революционного движения внутри страны, эксплуатируя свою обширную колониальную империю, будет на почетных условиях участвовать в создании «новой», фашистской Европы [1].

Гитлеровская Германия готова была обеспечить внутренний «порядок» во Франции, и в этом французские империалисты не ошибались. Но Германия хотела прежде всего основательно ограбить Францию, укрепить там свои экономические позиции, полностью подчинить французскую экономику немецкому капиталу, проникнуть во французские колонии и только на таких условиях включить эту страну в «германскую систему».

Французским коллаборационистам, вспоминает посол СССР во Франции А. Е. Богомолов, «мерещился союз Германии и Франции как союз равноправных держав при наличии тоталитарно-фашистского режима в обеих странах... Но пока вишисты размышляли о будущем, немцы грабили и разоряли Францию» [2].

---

[1] *C. Chautemps.* Cahiers secrets de l'Armistice (1930—1940). Paris, 1963, p. 205.

[2] *А. Е. Богомолов.* На дипломатическом посту в годы войны.—«Международная жизнь», 1961, № 6, стр. 103.

Одной из главных форм систематического грабежа Франции стала оплата так называемых оккупационных расходов. В соглашении о перемирии эти расходы не были определены. Во время переговоров германская сторона умышленно обошла этот вопрос, чтобы не вызвать споров. После того как оккупанты обосновались во Франции, германское правительство назвало цифру — 20 млн. рейхсмарок, или 400 млн. франков в день. Сумма была настолько колоссальна, что ее хватило бы в соответствии с военными расходами 1940 г. на содержание 18-миллионной армии.

Франко-германское соглашение о перемирии носило чисто империалистический, захватнический характер и давало гитлеровской Германии исключительные возможности подчинить себе французскую метрополию в политическом и экономическом отношении, систематически грабить Францию. Гитлер рассматривал это соглашение как шаг на пути к созданию прочного тыла на Западе для осуществления своих агрессивных планов, и в первую очередь для нападения на Советский Союз.

Вскоре после заключения перемирия в вишистское правительство по требованию гитлеровцев был включен Лаваль. И когда 10 июля 1940 г. в Виши собрался парламент, Лаваль играл первую роль в «принятии» закона о реформе государства, наделявшего Петэна чрезвычайными полномочиями. Лаваль стал определять курс правительства Виши, направленный на тесное сотрудничество с фашистскими оккупантами.

Что касается франко-итальянского соглашения о перемирии, то оно не соответствовало тем захватническим планам Муссолини в отношении Франции, которые он строил, вступая в войну. Фашистской Италии пришлось подчиниться требованиям гитлеровской Германии, желавшей единолично распоряжаться плодами своей победы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОРЬБА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ ЗА ГОСПОДСТВО В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (сентябрь 1939 г.—1940 г.)

1. Расширение японской агрессии и обострение японо-американских отношений

Политика «дальневосточного Мюнхена» и ее последствия

Мюнхенская политика западных держав в Европе сочеталась с политикой «умиротворения» агрессора на Дальнем Востоке.

Заключенное в июле 1939 г. англо-японское соглашение, известное под названием соглашения Арита — Крейги[1], представляло собой откровенный сговор английского и японского империализма за счет Китая. Оно было направлено против китайского народа, мужественно сражавшегося с японскими захватчиками. Соглашение фактически означало также гарантию со стороны Англии безопасности японских войск в Китае, откуда они в то время вели свои действия против СССР и МНР в районе реки Халхин-Гол.

Соглашение Арита — Крейги явилось закономерным следствием всей предшествующей политики английского империализма на Дальнем Востоке. Эта политика преследовала в Азии ту же основную цель, что и в Европе,—направить агрессию фашистских держав против СССР.

В связи с началом второй мировой войны правительство Англии предприняло новые шаги для «умиротворения» Японии. Оно учитывало желание японского правительства «положить в основу своей политики урегулирование китайского инцидента» и делало новые уступки японцам в китайском вопросе. 8 сентября 1939 г. английский посол в Японии Крейги вручил японскому министру иностранных дел послание министра иностранных дел Великобритании Галифакса с предложением о мирном урегулировании китайского вопроса[2]. В октябре 1939 г. англичане вывели военные суда из Китая в Сингапур, а в ноябре объявили о выводе своих войск из Северного Китая. Япония придерживалась тактики выжидания

---

[1] См. «История дипломатии», т. III, стр. 795.

[2] "Documents on British Foreign Policy, 1919—1939". Third Series, vol. IX, London, 1955, p. 289.

в отношении развития событий в Европе и не торопилась с англо-японскими переговорами по Китаю.

Американская дипломатия внимательно следила за этими событиями. Антисоветская направленность соглашения Арита — Крейги не вызывала в Вашингтоне возражений. Правящие круги США, только, несколько опасались возобновления широкого англо-японского сотрудничества, способного создать угрозу интересам Соединенных Штатов. Государственный секретарь Хэлл обратил внимание англичан на то, что Япония претендует на контроль над значительной частью Китая[1]. Американские монополисты не хотели уступать Японии богатейшие районы Китая.

Под давлением американских монополий, интересам которых наносила ущерб дискриминационная политика Японии в Китае, правительство США в начале 1940 г. расширило применение так называемого морального эмбарго. Но США не применили в отношении Японии такого мощного способа воздействия, как прекращение экономических связей, что нанесло бы Японии действительно серьезный ущерб, так как она в тот период зависела от американского экспорта значительно больше, чем в предшествовавшие три года японо-китайской войны. Япония продолжала накапливать военно-стратегические запасы, получая необходимые материалы из США, стран Британской империи, Голландской Индии (Индонезии) и Французского Индокитая.

В империалистической борьбе на Тихом океане между Японией и США предметом большой политики стала нефть.

21 июля 1940 г., когда японцы начали закупать в США в большом количестве нефть и бензин, с целью ограничить эти закупки президент Рузвельт ввел систему лицензий на продажу Японии нефти и железного лома. Однако вскоре было опубликовано разъяснение, гласившее, что ограничения вводятся лишь на авиационный бензин и смазочные масла, необходимые американской армии, а также на некоторые сорта железного лома.

Система лицензий не оказала серьезного влияния на размер американских поставок Японии. Так, в августе 1940 г. лицензий на экспорт в Японию нефтепродуктов было выдано больше, чем продано нефти за первые шесть месяцев 1940 г., т. е. до введения лицензий. Снабжение Японии американской нефтью продолжалось до августа 1941 г. Японские власти закупали в США в большом количестве чугун и железный лом[2]. Удовлетворение японских заказов в США американские политические

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* Challenge to Isolation 1937—1940. New York, 1952, p. 181.

[2] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War, 1940—1941. New York, 1953, p. 18.

деятели пытались оправдать ссылками на то, что якобы в тех условиях введение эмбарго на нефть и другое сырье могло бы привести к «отчаянным действиям» со стороны японцев, подтолкнуть их на развязывание войны. В данном случае американские политики повторяли утверждения японской пропаганды о том, что эмбарго на сырье вынудит Японию начать войну против других стран.

Не желая завоевания Китая Японией, США в то же время не принимали серьезных мер для ограничения японской агрессии. Правящие круги США отказывали Китаю в эффективной политической и военной поддержке. Не хотели они оказать ему и существенной экономической помощи.

Все лето и осень 1940 г. правительство США рассматривало вопрос о предоставлении займа Китаю. 5 сентября 1940 г. обосновавшееся в Чунцине правительство Чан Кай-ши официально заявило о своем согласии, если США предоставят ему заем, сдать им в аренду несколько баз [1]. Но в связи с развитием военных операций Японии в Китае и боязнью обострить отношения с Японией Соединенные Штаты не решались осуществить эту сделку. Лишь 25 сентября 1940 г. США согласились предоставить Китаю заем в обмен на китайскую вольфрамовую руду [2].

Мюнхенская политика Англии и США в отношении Японии, вытекавшая из их намерения использовать Японию против СССР и революционных сил Китая, уже летом 1940 г. стала приносить западным странам горькие плоды. С каждым месяцем японские власти усиливали свое влияние в Китае, притесняли американских и английских коммерсантов и промышленников. В течение 1940 г. в Китае было зарегистрировано до 800 случаев нанесения японскими властями «ущерба американской собственности» (в 1939 г. таких акций насчитывалось около 600). США и Англия посылали в связи с этим многочисленные протесты и заявления, на большинство которых японское правительство даже не считало нужным ответить. Впрочем, подобные протесты и заявления не подкреплялись никакими практическими мерами.

Расширение японской экспансии в Юго-Восточной Азии

Ряд факторов — поражение японской военщины на Халхин-Голе летом 1939 г., возрастающая мощь СССР и ослабление основных колониальных держав — приводили японские правящие круги к мысли о том, что экспансия в Северо-Восточной Азии, против СССР и

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*, The Undeclared War. 1940—1941, p. 17.

[2] Ibidem.

МНР, сопряжена со значительно большим риском, нежели продвижение в районе Южных морей [1]. Несмотря на известные колебания, японские империалисты пришли к выводу о целесообразности наступления на юг. Этому способствовали и другие причины. Страны Южных морей располагали основными видами военно-стратегического сырья и продовольствия. С другой стороны, занятые войной в Европе, Англия и Франция не были в состоянии оказать серьезное сопротивление Японии. Наступление гитлеровской Германии в Западной Европе явилось дополнительным толчком к активизации подготовки Японии к агрессии в Юго-Восточной Азии.

Оккупация Франции и Голландии немецкими войсками, катастрофическое положение Англии, нежелание США противодействовать японским устремлениям создавали благоприятные условия для осуществления захватнических планов Японии.

17 июня 1940 г. вице-министр иностранных дел Японии Тани вручил вишистскому послу Анри требование о прекращении провоза по дороге Индокитай — Юньнань оружия и материалов для Китая [2].

Спустя два дня правительство Японии поставило вопрос о посылке на дорогу японских чиновников для осуществления контроля над перевозками. Японские требования по просьбе Японии поддержали германское и итальянское правительства. Правительство Петэна вынуждено было удовлетворить их.

25 июня 1940 г. военный министр Японии генерал Хата заявил: «Не будем напрасно тратить слов, чтобы нас не упрекали в том, что мы упустили эту редкую возможность, которая представляется раз в тысячу лет... Если потребуется, Япония должна решительно действовать против государств, которые будут мешать нашей политике» [3]. Идея «золотого случая» все более овладевала правящими кругами страны. 29 июня министр иностранных дел Арита заявил, что «новый порядок» в Восточной Азии распространяется на Индокитай и Голландскую Индию. Страны Восточной Азии и Южных морей, настойчиво подчеркивал он, связаны между собой, «самой судьбой предназначены сотрудничать и служить нуждам друг друга» [4].

Националистические организации и военщина все более резко критиковали кабинет Ионай за нерешительность и медлительность. 6 июня 1940 г. один из крупнейших японских монополистов, Кухара, посетил премьер-министра и заявил, что

---

[1] Под районом Южных морей подразумевались территории к востоку от Бирмы, включая Голландскую Индию и Новую Каледонию на юге.

[2] "Documents on American Foreign Relations", vol. II. Boston, 1940, p. 270—272.

[3] «Домей Дзюмпо», 10. VII. 1940 (на японск. яз.).

[4] «Асахи», 29.VI.1940.

правительству необходимо отказаться от политики следования за Англией и США. Он ультимативно потребовал проведения решительных мер в отношении государств, оказывавших помощь Чунцину, и создания в Японии «государства наипрочнейшей обороны» [1].

5 июля 1940 г. стало известно о заговоре группы фашистски настроенных офицеров, намеревавшихся путем террористических актов убрать с политической арены премьер-министра Ионай и других деятелей, слывших сторонниками проанглийской ориентации. Министр-хранитель печати Кидо, докладывая об этом императору, заметил, что чувства заговорщиков должен внимательно проанализировать каждый государственный деятель. Военщина энергично добивалась создания нового кабинета. Заместитель военного министра Анами посетил Кидо и заявил ему, что, по мнению военных кругов, «кабинет Ионай по своему характеру совершенно не подходит для достижения договоренности с Германией и Италией. Существует опасность, что мы можем опоздать» [2].

Между тем западные державы делали Японии одну уступку за другой, как бы подтверждая справедливость лозунгов японской военщины о возможности захвата Юго-Восточной Азии без особого сопротивления со стороны США и Англии.

16 июля представитель правительства США заявил, что доктрина Монро может быть применима и к Азии: вопрос о Французском Индокитае должен быть разрешен самими азиатскими странами.

17 июля английское правительство согласилось на три месяца закрыть бирманскую дорогу и порт Гонконг для транспортировки товаров и материалов в Китай. Таким образом, эта дорога еще до окончательного завершения ее строительства закрывалась на длительный срок. Впоследствии перевозки по ней также неоднократно прекращались по требованию Японии, и существенной роли в оказании помощи Китаю дорога в эти годы не сыграла.

Военный министр Японии Хата 16 июля ушел в отставку. Армейские лидеры заявили, что другого кандидата армия на этот пост не выдвинет. Это означало выражение недоверия премьер-министру. Ионай вынужден был заявить об отставке правительства. Формирование кабинета поручили принцу Коноэ, который еще в конце мая возглавил движение за создание «Ассоциации помощи трону», единой монархо-фашистской организации, объединявшей все буржуазные партии с целью осуществления широкой экспансии японского империализма. Но-

---

[1] «История войны на Тихом океане», т. III, М., 1958, стр. 53—54.
[2] Там же, стр. 63—64.

вый кабинет был сформирован 22 июля 1940 г. Премьер-министром стал Коноэ, министром иностранных дел — Мацуока.

Утвержденная 27 июля 1940 г. правительственная программа предусматривала завершение войны в Китае, обеспечение за Японией района Южных морей и создание «великой восточноазиатской сферы совместного процветания». В своем первом выступлении 1 августа Мацуока впервые официально употребил этот термин, впоследствии ставший главным лозунгом японского империализма во второй мировой войне.

В программе выдвигалась задача упрочения связей с Германией и Италией для преодоления (в том числе и вооруженным путем) сопротивления США и Англии. Намечалось также принять меры к урегулированию японо-советских отношений с целью избежать войны на два фронта. Во внутренней политике программа предусматривала дальнейшую фашизацию страны [1].

На последующих совещаниях правительства и Координационного совета действий было решено, что первоначальными объектами экспансии должны быть Французский Индокитай, Голландская Индия, а также Малайя, Филиппины и другие владения западных держав, подлежавшие включению в «великую восточноазиатскую сферу совместного процветания» [2].

Япония переходила к активным наступательным действиям, стремясь подготовить необходимые опорные базы для будущей борьбы со своими основными империалистическими конкурентами. Первоочередным объектом японских притязаний являлся Французский Индокитай, занимавший важное стратегическое положение в Юго-Восточной Азии. Индокитай, кроме того, имел крупное значение как источник стратегического сырья и продовольствия.

Французский Индокитай казался японцам легкой добычей: армия, размещенная там, была сравнительно невелика (100 тыс. человек, из них 80 тыс. местных вьетнамских войск) и не располагала современными средствами ведения войны — танками и авиацией. Не представлял сколько-нибудь серьезной силы и французский флот, состоявший из небольшой группы устаревших судов.

Угрозу своим планам японская дипломатия видела лишь со стороны своего старшего партнера — Германии. Не могло не насторожить Японию, в частности, оставление гитлеровцами части французского флота у правительства Виши для защиты французских колоний. Гитлеровцы тем самым давали понять: французские колонии не брошены на произвол судьбы и Герма-

---

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 66—67.
[2] Там же, стр. 66.

ния имеет на них виды. Японские послы в Берлине и Риме заявили, что Япония рассчитывает на участие в консультациях при определении судеб Французского Индокитая.

В начале августа Япония потребовала от французских колониальных властей предоставления ей военно-морских баз на побережье Индокитая, согласия на пропуск японских войск к китайской границе, а также заключения экономического соглашения, предусматривающего увеличение импорта из Индокитая в Японию железной руды, олова и угля. Против этих требований решительно выступил генерал-губернатор Индокитая Жорж Катру, сторонник Национального комитета «Свободная Франция», сформированного в Лондоне генералом де Голлем. Правительство Петэна сместило Катру, а на его место назначило адмирала Деку. Новый генерал-губернатор приступил к переговорам с Японией. Одновременно он обратился за поддержкой к правительству США, рассчитывая на определенный политический нажим со стороны последних на Японию. Однако эффективного вмешательства с американской стороны не последовало.

30 августа между Японией и правительством Виши было заключено соглашение в форме обмена нотами между японским министром иностранных дел Мацуока и вишистским послом в Японии Анри. Правительство Петэна признавало экономическое и политическое преобладание Японии на Дальнем Востоке и соглашалось на предоставление ей экономических привилегий в Индокитае. Кроме того, предусматривалось создание японских военно-воздушных баз в Северном Индокитае.

В начале сентября японцы начали настаивать перед вишистскими властями в Индокитае на выполнении ранее выдвинутого требования о транзите японских войск к границам Китая. Опасаясь осложнения отношений с США, японская дипломатия действовала в то время так, чтобы в случае необходимости отступить без особого ущерба для своего престижа. Японцы предъявили эти требования колониальным властям Индокитая в тот момент, когда их официальный представитель в Индокитае генерал-майор Нисихара уехал в Токио. Деку отказался принять требования Японии и сообщил о них в Виши, где происходили переговоры между японским послом и вишистским министром иностранных дел. Французские власти на этот раз заупрямились, и японское правительство не стало упорствовать в своих требованиях.

Однако отступление японцев было временным. Вернувшись в Индокитай, Нисихара предъявил Деку ультимативное требование о пропуске японских войск через территорию Французского Индокитая. Деку отклонил ультиматум и обратился за помощью к правительству Виши. Не надеясь на Петэна,

он направил также послания правительствам США и Англии, прося у них поддержки. Со стороны английской и американской дипломатии на этот раз последовало несколько жестов в поддержку Индокитая. 4 сентября американский посол в Токио Грю заявил Мацуока, что США заинтересованы в сохранении статус-кво на Дальнем Востоке. Аналогичное заявление было сделано в английской палате лордов. Дипломатические шаги США и Англии на определенное время возымели действие: японское правительство заявило, что Нисихара не имел полномочий на предъявление ультиматума.

Японцы стремились как можно скорее получить экономические и стратегические преимущества в Индокитае, используя выгодную ситуацию. Как писал Грю, японское правительство считало, что «оно не встретит эффективного сопротивления со стороны США»[1].

19 сентября японцы предъявили колониальным властям в Индокитае новые, значительно более расширенные требования, носившие ультимативный характер[2]. Ультиматум был подкреплен действиями японских вооруженных сил: военные суда вошли в Тонкинский залив, части японской армии, действовавшей в Южном Китае, придвинулись к индокитайской границе.

Французские колониальные власти не пользовались поддержкой местного населения, ненавидевшего своих поработителей. Не могли они рассчитывать и на помощь капитулянтского правительства Петэна. Гитлеровское правительство по просьбе японского посла «посоветовало» Петэну уступить японским требованиям в отношении Индокитая[3]. 22 сентября Деку заявил, что он принимает требования Японии.

Соответствующее соглашение разрешало японцам немедленную высадку «ограниченного» количества войск в Хайфоне. Япония получила три военно-воздушные базы в Тонкине (Северный Индокитай), где могли разместиться 6 тыс. человек[4].

Не дожидаясь вступления в силу соглашения, 22 сентября японские войска, находившиеся в южных районах Китая, перешли границу Индокитая и захватили там ряд важных пунктов. Колониальная администрация запретила французскому гарнизону в Лонгсоне оказывать сопротивление японцам.

---

[1] "Peace and War", p. 569.

[2] Японцы вновь требовали пропуска их войск к китайской границе и права создания военно-морских и военно-воздушных баз на территории Индокитая.

[3] "Documents on German Foreign Policy", Series D, vol. XI. Washington, 1960, p. 10, 143—144.

[4] См. *Ж. Шено.* Очерк истории вьетнамского народа. М., 1957, стр. 246.

Вьетнамский народ по призыву коммунистической партии начал вооруженную борьбу против японских оккупантов. Уже в октябре — ноябре 1940 г. в северо-восточных районах Вьетнама начались партизанские операции против японских войск. В конце 1940 и начале 1941 г. произошли три крупных народных восстания. Коммунистическая партия Индокитая в своих листовках решительно разоблачала капитулянтскую политику французских властей, сотрудничавших с японскими оккупантами в борьбе против освободительного движения, и призывала народ к сопротивлению японским оккупантам и французским колонизаторам.

Японская военщина использовала захваченные территории для ведения войны против Китая. С баз в Индокитае японцы осуществляли авиационные налеты на города и порты Китая, бомбили бирманскую дорогу (участок, открытый англичанами 17 октября 1940 г.).

С конца лета 1940 г. Япония активизировала свою политику и в отношении Голландской Индии — крупнейшего источника военно-стратегического сырья (каучука, олова, нефти и др.)[1] и, кроме того, района, занимающего важное стратегическое положение. Еще в мае 1940 г. в связи с капитуляцией Голландии японский министр иностранных дел Арита сделал представление послам Англии и Франции о том, что Япония считает себя особо заинтересованной в разрешении вопроса о судьбе Голландской Индии[2].

Дело заключалось в следующем. В связи с объявлением голландскими властями в этой колонии войны Германии Англия и Франция получили основания высадить там свои войска и подчинить себе Голландскую Индию. Ввиду этого правящим кругам Японии приходилось считаться с тем, что они не могут пойти на ее захват без риска войны с Англией и даже с США, к которой Япония еще не была готова. Поэтому японской дипломатии пришлось изыскивать иные, более гибкие методы для осуществления своих планов. Премьер-министр Коноэ решил послать в Голландскую Индию представительную миссию. Вначале выбор пал на бывшего министра колоний генерала Койсо. Однако он, как рассказывал Коноэ, поставил условие: отправиться туда на линкоре, с тем чтобы в случае возникновения чрезвычайной обстановки он мог открыть огонь и уничтожить противника. Мысливший более гибко, Коноэ отказался от услуг

---

[1] Голландская Индия давала около 35% мировой добычи каучука, 17% добычи олова, 8 млн. *т* нефти ежегодно. В ее экономике господствовал голландский, американский и английский капитал.

[2] См. *Д. И. Гольдберг.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г.— декабрь 1941 г.), М., 1959, стр. 89.

такого «дипломата». Миссию возглавил министр торговли и промышленности Кобаяси, которому удалось лишь заключить договор на ежегодную поставку Голландской Индией Японии 1800 тыс. *т* нефти. Но Япония не получила высокооктанового авиационного бензина: он предназначался для Англии.

Голландские власти ориентировались главным образом на торговлю с Англией и США. Это не устраивало японцев. В декабре 1940 г. в Голландскую Индию была направлена новая миссия во главе с бывшим министром иностранных дел Иосидзава. В ее задачу входило добиться отмены введенных голландскими властями ограничений на японский экспорт в Голландскую Индию, а также на вывоз в Японию каучука, олова, нефти, копры и других сельскохозяйственных и минеральных продуктов.

Иосидзава не ограничился, однако, требованием изменить направление внешней торговли Голландской Индии. Он настаивал на предоставлении Японии ряда концессий и требовал согласия на массовый въезд туда японцев, а также установления более благоприятного для японских подданных статуса. Для переговоров с Иосидзава правительство Голландии послало в Батавию министра иностранных дел Ван Клеффенса и министра колоний Вальтера. Домогательства японского дипломата встретили упорное сопротивление голландских представителей, надеявшихся на поддержку США и Англии. Иосидзава пытался навязать им требование о включении Голландской Индии в «сферу сопроцветания великой Восточной Азии». По совету Англии и США голландские власти отклонили политические требования японцев. Решительную позицию они заняли и в отношении экономических притязаний. Переговоры были прерваны 17 июня 1941 г. и больше не возобновлялись[1].

Маневры японской дипломатии в Китае

Продвигаясь в район Южных морей, японская военщина стремилась быстрее завершить войну в Китае, чтобы высвободить силы для проведения операций в Юго-Восточной Азии. Наступательные операции осенью 1939 г. не принесли Японии решающего успеха. Тогда японские политики сосредоточили свои усилия главным образом на дипломатическом маневрировании. 30 декабря 1939 г. представитель японского командования генерал Кагэса и Ван Цзин-вэй, бывший член правительства Чан Кай-ши и член ЦИК гоминьдана, открыто переметнувшийся на сторону Японии, подписали соглашение о создании так называемого «центрального правительства Китая» на базе «трех принципов» Коноэ, сформулированных им еще в декабре 1938 г.

---

[1] *К. Иосидзава.* Гайко рокудзюнен (60 лет дипломатической деятельности). Токио, 1958 (на японск. яз.).

Соглашение предусматривало отторжение от Китая северо-восточных провинций (Маньчжурия), присоединение Китая к «антикоминтерновскому пакту», признание Северного Китая и Внутренней Монголии особыми «зонами обороны» Японии с правом держать там японские войска, ряд экономических привилегий для японских капиталистов и т. д.[1]

Марионеточное «правительство» Ван Цзин-вэя было создано в Нанкине в марте 1940 г. Оно объединило все «правительства», ранее созданные в оккупированных японцами районах Китая. Япония надеялась с помощью Ван Цзин-вэя ускорить капитуляцию Чан Кай-ши и разгромить национально-освободительное движение китайского народа.

После начала войны в Европе Чан Кай-ши обратился к Рузвельту с просьбой «немедленно принять меры для того, чтобы приостановить войну между Китаем и Японией»[2]. Однако правительство США, опасаясь, что прекращение войны приведет к подчинению всего Китая влиянию японских монополий, отказалось выступить в качестве посредника.

В то же время правящие круги Японии, не желая в тот момент излишнего обострения отношений с США и считая, что «китайский инцидент раздражает Соединенные Штаты», хотели «завершить его как можно быстрее»[3]. Дипломатическое ведомство разделяло эти настроения. Оно надеялось воспользоваться трудным положением Китая и склонить чунцинское правительство к капитуляции. Действительно, летом 1940 г. положение Китая было сложным, гоминьдановская армия с трудом сдерживала нажим японской военной машины.

Закрытие бирманской дороги, прекращение поставок через Индокитай почти полностью изолировали основные районы расположения китайских войск от западных стран. По этой причине особенно возрастала роль трассы Алма-Ата — Ланьчжоу, по которой в Китай доставлялось оружие, боеприпасы и снаряжение из СССР.

Став министром иностранных дел, Мацуока вскоре же направил в Гонконг советников министерства иностранных дел Кадзири и Мацумото, которым было поручено установить контакт с правительством Чан Кай-ши. Параллельно действовал и японский разведчик генерал Кагэса. Однако чунцинское правительство не проявило склонности к заключению мира ценой прямой

---

[1] См. *Д. И. Гольдберг.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г.— декабрь 1941 г.), стр. 17.

[2] *Ch. Tansill.* Back door to War. Roosevelt's Foreign Policy, 1933—1941. Chicago, 1952, p. 618.

[3] *L. Mosley.* Hirohito. Emperor of Japan. New York, 1966, p. 205.

капитуляции. Тем не менее Япония продолжала свои дипломатические маневры, делая ставку на «правительство» Ван Цзинвэя. Японским послом при этом «правительстве» в ноябре 1940 г. стал бывший премьер-министр Абэ. 30 ноября 1940 г. Абэ и Ван Цзин-вэй подписали договор о сотрудничестве и несколько протоколов, закреплявших за Японией «право» неограниченного экономического контроля над оккупированными районами Китая и юридически оформлявших зависимость «правительства» Ван Цзин-вэя от Японии в решении вопросов внутренней и внешней политики. В демагогических целях Япония заявляла о намерении вывести войска из Китая через два года после окончания войны, отказаться от прав экстерриториальности и передать свои концессии «правительству» Ван Цзин-вэя. Обещание отказаться от прав экстерриториальности должно было, по расчетам японцев, привлечь к ним симпатии китайского народа, безуспешно боровшегося в течение десятилетий против особого режима иностранцев в Китае (неподсудность их китайским судам, специальные таможенные льготы и т. д.). Такими декларативными обещаниями японцы противопоставляли себя английским и американским капиталистам, которые не собирались отказываться от своего привилегированного положения. За эти обещания «правительство» Ван Цзин-вэя разрешило Японии предпринимать «любые шаги к достижению своих военных целей». Ван Цзин-вэй обязался оказывать всестороннюю поддержку Японии в ведении войны в Китае[1].

Японо-американские противоречия

Оккупация Японией Французского Индокитая, угроза захвата Голландской Индии и Сингапура делали все более очевидным, что Восточная и Юго-Восточная Азия могут быть потеряны для английских и французских капиталистов. Возрастала тревога и американских монополий за свои позиции на Дальнем Востоке. Осуществление Японией широкой экспансионистской программы неминуемо должно было столкнуть ее с США. Наиболее дальновидные представители правящих кругов Соединенных Штатов понимали это. Американский империализм не мог примириться с подчинением значительной части Китая японскому господству. Китай рассматривался американскими монополиями как важнейший резервный рынок. Американский империализм боялся потерять зону Южных морей, служившую важным источником сырья для военной промышленности. США, например, ввозили олова из Голландской Индии в 3 раза больше, чем Англия, Германия, Италия и Голландия, вместе взятые; 58% всего каучука, ввозимого в США, поступало из Малайи и т. д.

---

[1] См. *Киодзава Киеси.* Нихон гайкоси (История японской дипломатии). Токио, 1941, стр. 564—565 (на японск. яз.).

Общий объем торговли США с Азией в 1940 г. в 2 раза превосходил объем торговли со всеми латиноамериканскими странами. США стремились помешать Японии захватить нефтяные ресурсы Голландской Индии. В заявлении от 17 апреля 1940 г. государственный секретарь США Хэлл подчеркивал «особую заинтересованность» Соединенных Штатов в судьбе Голландской Индии [1].

По мере развития экспансии Японии в южном направлении напряженность в американо-японских отношениях усиливалась. Вместе с тем правительство США на первых порах считало, что экспансия на юг предпринята Японией лишь с целью обеспечить себя необходимыми стратегическими ресурсами для ведения войны против СССР. Американские и английские политические деятели продолжали питать надежду на то, что японские милитаристы пойдут прежде всего на осуществление «северного варианта» своего агрессивного плана, и все еще рассчитывали на возможность соглашения с Японией по «спорным вопросам». Поэтому в своем стремлении остановить дальнейшее японское продвижение они ограничивались дипломатическими средствами. Американское правительство не считало себя готовым к военным действиям, пока оно не осуществит обширную военную программу и не подготовится к вооруженной борьбе на Дальнем Востоке.

2. Борьба США за преобладающее влияние в Латинской Америке

С началом второй мировой войны сократились хозяйственные связи стран Латинской Америки с Европой и создались предпосылки для завоевания Соединенными Штатами монопольного господства в Западном полушарии. В 1938 г. доля США в импорте Латинской Америки составляла 34,6%, в 1939 г.— 40,6, в 1940 г.— 52,7%. Доля Германии была соответственно 16,5, 13,3 и 1,2%. Экспорт латиноамериканских стран в континентальную Европу (включая СССР и Турцию) с 478 325 тыс. долл. в 1939 г. сократился в 1940 г. до 215 576 тыс. долл., т. е. на 54,9% [2].

Вскоре после начала военных действий в Европе в системе Панамериканского союза появился новый постоянный внешнеполитический орган — консультативное совещание министров иностранных дел. Правящие круги США стремились использовать его в качестве дополнительного орудия в проведении их латиноамериканской политики.

[1] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. I, p. 889.

[2] *P. R. Olson, C. A. Hickman.* Pan American Economics, New York, 1943, p. 408, 414.

Первое консультативное совещание министров иностранных дел американских государств

3 сентября 1939 г. послы США в ряде латиноамериканских стран получили директиву государственного департамента начать переговоры о созыве в Панаме консультативного совещания в связи с угрозой миру и безопасности в Западном полушарии, возникшей с началом войны в Европе. Два дня спустя правительство Панамы по предварительной договоренности с государственным департаментом направило официальное приглашение правительствам всех стран Латинской Америки принять участие в консультативной встрече.

Первое консультативное совещание министров иностранных дел началось 23 сентября 1939 г. в Панаме. На совещании, проходившем при закрытых дверях, были представлены все страны континента. 25 сентября глава делегации США, заместитель государственного секретаря Сэмнер Уэллес, излагая программу правительства Соединенных Штатов, предложил совместно проводить политику нейтралитета, создать «зону безопасности» и наладить экономическое сотрудничество стран Западного полушария [1]. Наиболее важным вопросом повестки дня было «обеспечение безопасности» Западного полушария. США предложили своим южным партнерам проводить общую политическую линию, одобрить американскую политику нейтралитета.

Совещание приняло декларацию о нейтралитете государств американского континента. Оно не ограничилось ссылкой на «общепринятые каноны», регламентирующие права и обязанности нейтрального государства. В резолюции были зафиксированы «нормы, специально предназначенные для Западного полушария». В соответствии с этими «нормами» государства континента объявили о праве сосредоточивать в одном порту под своей охраной торговые суда воюющих стран, ищущие убежища в их водах, и «удалять» подводные лодки воюющих стран из своих территориальных вод; торговым судам США в водах этих стран разрешалось плавать под любым флагом и иметь на борту «оборонительное вооружение» [2].

Совещание приняло решение для осуществления этой политики создать «межамериканский комитет по нейтралитету» с местопребыванием в Рио-де-Жанейро.

---

[1] "Report of the Delegate to the Meeting of the Foreign Ministers of the American Republics Held at Panama. September 23 — October 3, 1939". Washington, 1940, p. 7—8.

[2] "Conferencias Internacionales Americanas 1938—1942. Primer Suplemento". Washington, 1943, p. 115—118 (далее — "Conferencias Internacionales Americanas...").

Общая декларация о нейтралитете выходила за рамки межамериканских отношений. По существу она означала, что США задумали создать под своей эгидой «третью силу» — блок так называемых нейтральных стран.

Еще одним важным актом совещания была Панамская декларация о создании так называемой зоны безопасности вокруг американского континента. В декларации государства континента, ссылаясь на «неотъемлемое право нейтральных государств», объявили о намерении не допускать военных действий в указанной зоне. Государствам континента, говорилось в документе, «принадлежит неоспоримое право оградить воды американского континента от каких бы то ни было военных действий, совершаемых любой неамериканской страной»[1].

Хотя создание «зоны безопасности» имело целью «не допустить войну в Новый свет», фактически оно отражало стремление США включить Латинскую Америку в сферу своего влияния. Вопросом «зоны безопасности» занимался лично президент Рузвельт, считавший, что наличие такой зоны исключит возможность нападения Германии на колонии европейских стран в Западном полушарии. По мысли Рузвельта и других государственных деятелей США, «зона безопасности» должна была превратить нейтралитет республик континента в благожелательный нейтралитет по отношению к Англии[2]. Наконец, «зона безопасности» должна была содействовать расширению торговли США со странами Латинской Америки и исключить экономическое присутствие Германии на континенте.

Военно-морские силы США и латиноамериканских стран устанавливали контроль над «зоной безопасности». Суда воюющих государств, оказавшиеся в пределах «зоны», могли быть захвачены вооруженными силами одного или нескольких американских государств.

Государственный секретарь США Хэлл предлагал, чтобы длина «зоны» не была лимитирована, дабы ее в любой момент можно было увеличить. Что касается ширины, то США не соглашались меньше чем на 300 миль. Против предложения США выступил ряд стран во главе с Аргентиной, ибо «зона» шириной в 300 миль в известной мере нарушала их строгий нейтралитет. Однако делегация США оказала сильный нажим на представителя Аргентины и, вопреки позиции министра иностранных дел Аргентины, заручилась личным согласием президента этой страны Ортиса. США ставили оказание латиноамериканским странам экономической помощи в зависимость от подписания

---

[1] "Conferencias Internacionales Americanas...", p. 124—125.

[2] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Challenge to Isolation, p. 208.

ими Панамской декларации. После длительной дискуссии ширина «зоны» была определена в 300 миль.

В случае нарушения положений о «зоне безопасности» декларация предусматривала совместные выступления государств континента, причем каждый раз должно было созываться консультативное совещание для выработки «индивидуальных или коллективных мер» по пресечению этих нарушений. Последняя часть декларации предусматривала «индивидуальное или коллективное патрулирование прибрежных вод» в пределах «зоны безопасности».

Воспользовавшись Панамской декларацией, правительство США договорилось с правительствами стран Центральной Америки о «совместном» патрулировании Карибского бассейна и о входе военных судов США в территориальные воды этих стран в случае необходимости даже без предупреждения.

Эффективность Панамской декларации впервые подверглась испытанию в середине декабря 1939 г.: вблизи территориальных вод Уругвая произошло сражение между немецким линкором «Адмирал граф Шпее» и английскими крейсерами. Сильно поврежденный, немецкий линкор укрылся в гавани Монтевидео, открыто нарушив, таким образом, «зону безопасности». Республики континента выработали коллективную ноту протеста и 23 декабря вручили ее правительствам Германии, Англии и Франции. Нота предупреждала, что республики примут решения, запрещающие снабжение и ремонт судов воюющих государств в американских портах, если эти суда совершат военные акции в «зоне безопасности» [1]. Германия, Англия и Франция отказались признать «зону безопасности». Англия обвинила Уругвай в том, что он разрешил германскому военному кораблю слишком долго оставаться в уругвайской гавани. Прорваться сквозь блокаду, установленную английскими судами, «Адмиралу графу Шпее» не удалось, и он был затоплен командой корабля.

Протесты республик американского континента по поводу нарушений «зоны безопасности» имели место в марте и мае 1940 г., в январе 1941 г. Однако воюющие государства оставили их без внимания.

Совещание в Панаме приняло резолюцию, которая в весьма общей, расплывчатой форме декларировала необходимость борьбы с подрывной деятельностью держав «оси» в странах Латинской Америки [2].

Совещание министров иностранных дел в Панаме Соединенные Штаты использовали для того, чтобы добиться от стран

---

[1] "Documents on American Foreign Relations", vol. II, p. 121—122.
[2] "Conferencias Internacionales Americanas...", p. 122.

Латинской Америки ряда серьезных обязательств. США сумели осуществить одну из своих важнейших целей: придать своей узкокорыстной политике видимость «общеконтинентальной», якобы диктуемой интересами всего Западного полушария.

В Панаме было принято решение о создании из представителей всех стран континента Межамериканского финансово-экономического консультативного комитета с местопребыванием в Вашингтоне. Фактически этот комитет был задуман как своего рода центр экспансии США: он возглавил всю сложную систему экономических организаций Панамериканского союза. Кроме того, в решениях Панамского совещания содержалась «рекомендация» правительствам латиноамериканских стран «устранить причины, препятствующие межамериканскому экспорту капитала»[1].

Одно из решений Панамского совещания предусматривало организацию регулярных пароходных рейсов между всеми странами континента. Соединенные Штаты рассчитывали, пользуясь этим решением, сосредоточить в своих руках все морские и речные перевозки стран Латинской Америки, не располагавших собственным торговым флотом.

Монополии США не без основания рассчитывали, воспользовавшись английской морской блокадой, вытеснить Германию с латиноамериканских рынков. И надежды их оправдались. В первые же месяцы войны латиноамериканские страны обратились к США за товарами, которыми раньше их снабжала Германия. Чили, Бразилия, Сальвадор передали США не выполненные Германией заказы на железнодорожное оборудование. Аргентина начала закупать в США автомобили и танки.

Война в Европе, разумеется, резко ослабила влияние Германии в Латинской Америке. Однако германский империализм все же пытался удержать свои позиции на этом континенте. В период подготовки и проведения Панамского совещания большую активность проявила германская дипломатия. Многие представители Германии, аккредитованные в странах Латинской Америки, специально прибыли в Панаму и поддерживали контакты с латиноамериканскими делегатами. Особую активность проявлял посланник Германии в Панаме и Центральной Америке О. Рейнбек.

Германскому империализму в ряде случаев удавалось сохранить свои связи со странами Латинской Америки. 28 сентября 1939 г. поверенный в делах Германии в Аргентине сообщал министру иностранных дел: «В настоящее время настроение в Аргентине антигерманское... Однако, исходя из материальных

[1] "Conferencias Internacionales Americanas...", p. 123.

соображений, Аргентина по мере возможностей постарается остаться нейтральной»[1]. Чтобы сохранить латиноамериканские рынки, Германия действовала через нейтральные страны. В октябре 1939 г. германский посол в Чили фон Шён вручил правительству Чили меморандум, где говорилось о намерении Германии возобновить торговлю с Чили при посредстве нейтральных стран.

Для своих поставок и для вывоза ценного сырья из Латинской Америки Германия использовала самолеты итальянской авиакомпании «ЛАТИ» (германские товары составляли в тот период 1/3 всех грузов, перевозившихся этой компанией) и норвежские суда.

Принятое в ноябре 1939 г. английским правительством решение об изъятии германских товаров, перевозимых как на германских, так и на нейтральных судах, в значительной мере ослабило попытки Германии продолжать торговлю с Латинской Америкой. Но Германии еще удавалось обойти английскую блокаду, используя картельные связи с американскими и английскими монополиями.

Американский империализм встречал сопротивление в Латинской Америке и со стороны японского империализма. Япония, готовившаяся к войне в Азии, была особенно заинтересована в импорте стратегического сырья из Латинской Америки. «Джапан таймс» писала: «Данный момент особенно благоприятен для расширения японской торговли с Южной Америкой». Во время переговоров министра иностранных дел Боливии Гуачалья с заместителем государственного секретаря США Уэллесом в ходе Панамского совещания об американском займе Боливии в 2 млн. долл. министр предупреждал Уэллеса, что, если заем не будет предоставлен, Боливия заключит соглашение с Японией. Гуачалья ознакомил Уэллеса с телеграммой японского правительства, содержавшей предложение о помощи[2].

За влияние в Латинской Америке продолжали борьбу и английские монополии. Но США все более теснили там своих конкурентов.

Одновременно с экономическим проникновением усилилась и военная экспансия США в Латинскую Америку. Когда началась вторая мировая война, США имели военные миссии в Аргентине, Бразилии, Колумбии, Гватемале, Гаити и Перу, а уже к концу 1939 г. американские военные миссии появились в Боливии, Чили, Коста-Рике, Эквадоре, Сальвадоре, Никарагуа и Венесуэле.

---

[1] DGFP, Series D, vol. VIII, p. 158.

[2] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939", vol. V, Washington, 1957, p. 321—322.

Второе консультативное совещание министров иностранных дел государств американского континента

Панамское совещание рекомендовало созвать очередное консультативное совещание в Гаване 1 октября 1940 г., но события ускорили проведение этой встречи. Оккупация гитлеровской Германией Бельгии и Голландии, поражение Франции, тяжелое положение Англии предоставляли Соединенным Штатам новые возможности для захвата колониальных владений этих стран в Западном полушарии. В США возникают проекты «приобретения» таких владений, в частности английских, в обмен на поставляемые Англии самолеты или в порядке погашения военных долгов. Англия, разумеется, была далека от мысли о передаче своих южноамериканских колоний заокеанским «партнерам». Наоборот, английские правящие круги тоже претендовали на голландское и французское «наследство». Это приводило к весьма резким столкновениям между США и Англией.

10 мая 1940 г. английские и французские войска оккупировали принадлежавшие Голландии острова Аруба и Кюрасао. Там имелись три завода, перерабатывавшие 72% венесуэльской нефти, причем один из них (на острове Аруба) был собственностью «Стандард ойл».

Оккупация островов встревожила Вашингтон. Еще в апреле 1940 г. в правящих кругах США возникла идея установить американский контроль над Британской, Французской и Голландской Гвианой. Президент Рузвельт не поддержал этого предложения и высказался за коллективное, осуществляемое всеми странами американского континента управление колониями европейских государств в Западном полушарии. Точку зрения Рузвельта полностью разделял С. Уэллес, по мнению которого, «ничто так быстро и основательно не разрушит отношений между США и другими американскими странами, как желание США единолично владеть территорией в Южной Америке»[1].

После разгрома Франции уже не только голландские острова, но и французские владения — Мартинику, Гваделупу, Французскую Гвиану — Соединенные Штаты рассматривали как «ничейные» территории.

Переписка Рузвельта того времени показывает, что, несмотря на идеи «коллективной опеки», США в случае необходимости были готовы установить единоличный контроль над колониями европейских стран.

В июне 1940 г. шли интенсивные переговоры между послами США и министрами иностранных дел латиноамериканских стран об обороне Западного полушария и о статусе колоний европей-

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Challenge to Isolation, p. 625.

ских держав. Ряд государств, и в первую очередь Аргентина, пытались нейтрализовать действия США. Так, министр иностранных дел Аргентины Кантильо писал 28 июля послу США Армуру, что Аргентина не видит никакой опасности агрессии в латиноамериканские страны и придерживается «политики строгого нейтралитета» [1].

В тот же период активизировала свою деятельность и германская дипломатия, особенно в Бразилии, Аргентине, Чили и странах Центральной Америки. Чтобы ослабить влияние Германии, США предоставили займы Аргентине, Эквадору, Колумбии, Чили, Перу. 21 июня 1940 г. президент Рузвельт выдвинул предложение о создании панамериканского экономического «картеля», который мог бы контролировать всю внешнюю торговлю стран Латинской Америки, а также регулировать распределение стратегического сырья. Однако в правящих кругах латиноамериканских стран план организации «картеля» не нашел поддержки.

21 июля 1940 г. в Гаване открылось второе консультативное совещание министров иностранных дел американских государств, продолжавшееся по 30 июля.

Государственный секретарь Хэлл, возглавлявший делегацию США, касаясь стоявших перед совещанием задач, писал в своих воспоминаниях: «Проблема номер один — это угроза захвата Германией и Италией владений Франции, Голландии, а быть может, и Великобритании в Латинской Америке» [2]. По словам Хэлла, в этой связи для США возникал ряд опасностей. Одна из них состояла в том, что Германия могла захватить базы, находившиеся поблизости от Панамского канала. А установив контроль над колониальными владениями европейских стран, «Германия могла прирезать их одной или нескольким латиноамериканским странам, что повлекло бы за собой политическое и экономическое подчинение их Германии и, следовательно, прорыв единого фронта панамериканской солидарности» [3]. Хэлл, разумеется, умолчал о том, что Соединенные Штаты прежде всего боялись упустить момент, наиболее подходящий для установления своего контроля над колониями европейских держав в Западном полушарии. Цель США заключалась в том, чтобы так или иначе прибрать эти владения к рукам. Но достигнуть этой цели было непросто: во-первых, действуя через правительство Виши, Германия могла закрепить за собой контроль над французскими владениями; во-вторых, и американским правящим кругам это казалось особенно опасным, в случае открытой оккупации Соеди-

[1] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940", vol. V. Washington, 1961, p. 235—236.
[2] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. I, p. 822.
[3] Ibidem.

ненными Штатами владений европейских стран в Западном полушарии там могла вспыхнуть борьба за независимость и охватить другие латиноамериканские страны. Потому-то правительство США и хотело, чтобы латиноамериканские страны дали ему соответствующие полномочия.

Планы США встретили на совещании более решительный отпор, нежели ожидали в Вашингтоне. В проектах конвенции и резолюции, подготовленных государственным департаментом до совещания и разосланных 11 июля 1940 г. правительствам латиноамериканских стран, излагались цели и методы осуществления «коллективной» опеки. Однако эти документы совещанием приняты не были. Соединенные Штаты столкнулись с довольно сильной оппозицией Аргентины, Чили, Кубы, Бразилии. Делегация Кубы, например, высказалась за немедленную оккупацию всех колониальных владений европейских держав в Америке, с тем чтобы «в течение оккупационного периода народы колоний имели полное право провозгласить полную независимость или присоединиться к другим странам»[1]. Чтобы достичь «единодушного решения», делегации США пришлось маневрировать.

Итак, в центре внимания совещания, как и следовало ожидать, оказались владения европейских государств на американском континенте. По этому вопросу совещание приняло два документа: Гаванский акт о «временном управлении европейскими колониями и владениями на американском континенте»[2] и дополнительную конвенцию[3]. В Гаванском акте говорилось следующее: «Если островам или другим районам Америки, которые в настоящее время находятся во владении неамериканских государств, будет угрожать опасность стать объектом обмена или перехода под власть другого государства, то американские государства, учитывая настоятельную необходимость обеспечения безопасности континента, а также принимая во внимание желание населения этих островов или районов, могут установить режим временного управления ими...» Конвенция гласила, что это «временное управление» должно осуществляться органом, именуемым «Межамериканской комиссией территориального управления». Для вступления в силу Гаванского акта, согласно конвенции, требовалось его утверждение не менее чем двумя третями голосов. До этого управление районами, подвергшимися нападению или находившимися под угрозой нападения, мог принять на себя чрезвычайный комитет из представителей республик американского континента. В Гаванском акте подчеркивалось: «Если необходимость в чрезвычайных мерах окажется

---

[1] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. I, p. 823—824.
[2] "Conferencias Internacionales Americanas...", p. 154.
[3] Ibid., p. 155.

столь срочной, что нельзя будет выжидать, пока комитет предпримет соответствующие действия, то любая американская республика вправе — самостоятельно или совместно с другими — поступить в соответствии с требованиями ее обороны или обороны всего континента. В случае возникновения такой ситуации американская республика или республики, предпринявшие какие-либо действия, должны немедленно войти с представлением в комитет, чтобы он мог подвергнуть рассмотрению их действия и принять соответствующие меры». Фактически это значило, что Соединенные Штаты могли отныне оккупировать ту или иную территорию. Было решено, что в любом случае, когда перед каким-либо районом Америки, находившимся во владении неамериканской державы, возникнет угроза стать объектом обмена или изменения статуса, страны континента вправе ввести в этом районе «режим временной администрации», причем право управлять районом американские государства оставляли за собой до тех пор, пока «не отпадут причины, вызвавшие его введение» [1]. После устранения или исчезновения таких причин бывшее европейское владение, согласно Гаванскому акту, могло вернуться к своему прежнему статусу, стать «автономным государством» или получить право (видимо, из рук государств американского континента) «определить свою собственную судьбу» [2], иначе говоря, право на проведение плебисцита. Следует отметить, что последнее дополнение было внесено в Гаванский акт усилиями Аргентины, Бразилии и Чили.

Соединенные Штаты придавали важное значение Гаванскому акту и Гаванской конвенции, в особенности многосторонним актам, которые предусматривали оба документа. В них они видели прообраз военного союза [3].

Другим важным результатом совещания было принятие «Декларации о взаимной помощи и сотрудничестве в обороне американских государств». Этот документ, именуемый Гаванской декларацией, гласил: «Второе совещание министров иностранных дел американских республик заявляет, что всякое покушение на территориальную целостность, неприкосновенность или независимость любого американского государства будет

---

[1] "Conferencias Internacionales Americanas...", p. 155.

[2] "Inter-American Relations. University of North Carolina Bulletin", 1940, October, p. 45.

[3] Решения Гаванского совещания были применены США в двух случаях: в апреле 1941 г., когда США «взяли под свою защиту» Гренландию, и в ноябре 1941 г., когда американские войска высадились в Голландской Гвиане. Однако французские острова продолжали оставаться собственностью своих прежних владельцев. США предпочли удерживать контроль над ними, действуя через вишистские власти на этих островах.

Действие Гаванского акта и Гаванской конвенции не ограничивалось военным временем.

рассматриваться как акт агрессии против всех государств, подписавших эту декларацию»[1]. Принцип взаимопомощи в формулировке, разработанной на Гаванском совещании, впоследствии с некоторыми изменениями фигурировал в резолюциях всех межамериканских конференций.

Гаванская декларация подтвердила также разработанный ранее принцип консультаций. В ней говорилось, что в случае акта агрессии или если возникнут основания считать, что подготавливается акт агрессии неамериканского государства против американского, «государства, подписавшие настоящую декларацию, будут консультироваться друг с другом о наиболее целесообразных мерах».

Специальная резолюция, принятая на совещании в Гаване, устанавливала процедуру созыва консультативного совещания министров иностранных дел государств Западного полушария[2].

Три другие резолюции были направлены против подрывных действий держав «оси» на американском континенте. Эти резолюции «в целях взаимной обороны» предусматривали запрещение иностранным дипломатическим и консульским представителям заниматься политической деятельностью, вводили более строгий контроль за выдачей паспортов и т. д.

Однако главная цель решений об иностранных подрывных действиях состояла в том, чтобы избавиться от конкуренции держав «оси» в Латинской Америке, навсегда прервать экономические связи Латинской Америки с Европой. Характерно, что в резолюциях не уточнялось, какие именно государства проводили подрывную деятельность в Западном полушарии. «Обтекаемые» формулировки таили в себе скрытый смысл: под видом борьбы с агентурой держав «оси» протаскивалась идея укрепления «сил порядка» и расправы с национально-освободительным движением латиноамериканских народов.

В Панаме и в Гаване Соединенные Штаты сумели провести выгодные для них решения. Это объяснялось, во-первых, экономической и политической зависимостью от США латиноамериканских стран, особенно стран Центральной Америки, где диктаторы вроде Сомосы (Никарагуа), Убико (Гватемала), Эрнандеса (Сальвадор) держались у власти исключительно благодаря американской поддержке; во-вторых, тяжелым экономическим положением, в котором оказались латиноамериканские страны в результате экономического кризиса 1937—1938 гг. и второй мировой войны; в-третьих, тем, что господствующие классы и олигархическая верхушка в странах Латинской Америки, напуганные антифашистскими демократическими выступлениями

---

[1] "Conferencias Internacionales Americanas,,,", p. 15.
[2] Ibid., p. 150.

народных масс, охотно шли на сговор с американским империализмом и тем самым способствовали закреплению позиций США.

В первые же месяцы войны экспорт стран Латинской Америки резко сократился, импортных товаров не хватало. Англия обеспечить их необходимыми товарами не могла, а закупки латиноамериканских стран у США лимитировались долларовым дефицитом. Европейские товары импортировались по ценам, на 50% превышавшим довоенные, причем Англия, Франция и другие страны проводили политику повышения цен совершенно сознательно. Английский журнал «Экономист» писал: «В связи с потерей своих европейских рынков латиноамериканские страны волей-неволей должны шагать в ногу с США»[1].

Американские монополии не преминули воспользоваться затруднительным положением, в котором очутились латиноамериканские страны. Для лучшего руководства политикой США в Латинской Америке 16 августа 1940 г. в государственном департаменте было создано управление «координатора» по межамериканским делам. На высокий пост «координатора» и главного советника президента по вопросам Латинской Америки был назначен Нельсон Рокфеллер.

В сложнейшей политической обстановке 1939—1941 гг. активную деятельность развернули прогрессивные организации Латинской Америки против олигархии своих стран. Важнейшей частью этой борьбы явилось сопротивление фашизму. Они выступали за предоставление независимости европейским владениям в Западном полушарии. На митингах в странах, расположенных в бассейне Карибского моря, принимались резолюции, требовавшие считаться с волей народов французских и голландских колоний при определении их будущего. Политике панамериканизма прогрессивные силы Латинской Америки во главе с коммунистическими партиями противопоставляли политику объединения прогрессивных сил, политику союза народов США и Латинской Америки в борьбе против империализма.

[1] "The Economist", November 18, 1939, p. 252.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОДГОТОВКА ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР. РАССТАНОВКА СИЛ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ в 1940—1941 гг.

1. Приготовления Германии к нападению на СССР. Заключение германо-японо-итальянского военного пакта

Стратегическое положение Германии накануне нападения на СССР

К середине 1940 г. гитлеровская Германия захватила девять государств: Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию, а также город Клайпеду (Мемель). Территория этих государств составляла свыше 850 тыс. *кв. км*, население — более 100 млн. человек. В распоряжении «третьего рейха» оказались весьма значительные экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. Германия овладела большей частью западноевропейского арсенала вооружений, военной промышленностью, металлургической и другими важными отраслями промышленности. Правители фашистского «рейха», одержавшие легкие военные победы в Западной Европе, решили, что настало время осуществить давние планы германского империализма и установить безраздельное господство Германии в Европе, а затем и во всем мире. Но на пути к этому стоял Советский Союз с его быстро растущей социалистической экономикой и политическим влиянием.

Гитлер и другие нацистские главари все больше убеждались в том, что, пока существует СССР, их владычество в оккупированной Европе и кровавый «новый порядок» будут непрочными, что фашистская Германия не сможет осуществить свой бредовый план установления мирового господства. «Гитлер понимал,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— что Советский Союз — оплот всех революционных сил, самый непримиримый и последовательный враг фашизма, основная преграда на пути к осуществлению его преступных замыслов» [1].

Наиболее полно и откровенно программа нападения на Советскую страну была изложена в книге Гитлера «Майн кампф». «Мы, национал-социалисты,— писал Гитлер,— сознательно под-

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1973, стр. 122.

водим черту под направлением нашей внешней политики в довоенное время... Когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России и подвластных ей пограничных государствах. Кажется, что сама судьба указывает нам путь»[1]. С приходом гитлеровцев к власти подготовка к войне против СССР стала фактически главным направлением как внешней, так и внутренней политики Германии.

На совещании военного руководства «третьего рейха» в Бергхофе 31 июля 1940 г. Гитлер дал указание приступить к стратегическому планированию военной кампании против СССР, имея в виду начать ее весной 1941 г. В тот же день начальник генерального штаба сухопутных сил гитлеровского вермахта Гальдер записал в своем дневнике: «...*Россия должна быть ликвидирована.* Срок — весна 1941 года»[2]. С этого времени внешнеполитическая активность Германии была направлена на создание такой международной обстановки, которая максимально облегчала бы фашистскую агрессию против Советского Союза. Относительно Запада в Берлине считали, что Германии остается лишь закрепить завоеванные позиции и таким образом обеспечить себе тыл для борьбы с главным противником — СССР.

Подготовку к войне против Советского Союза Германия осуществляла в глубокой тайне, не раскрывая своих планов полностью даже союзникам по «антикоминтерновскому пакту» — Японии и Италии.

«Мирные предложения» Германии. Ответ правительства Англии и позиция США

Одной из первых дипломатических акций Германии, связанных с поворотом Гитлера на путь непосредственной подготовки войны против СССР, было «мирное предложение» Англии.

Летом 1940 г. Англия стояла перед непосредственной угрозой германского вторжения и оккупации. В соответствии с планом операции «Морской лев» нацистское командование сосредоточило в оккупированных портах Западной Европы до 4 тыс. судов, способных обеспечить гитлеровцам возможность транспортировать до полумиллиона войск[3]. По данным германского генерала К. Типпельскирха, на побережье Бельгии и Северной Франции было сосредоточено две армии (25 дивизий)[4].

[1] См. «Фальсификаторы истории». Историческая справка. М., 1952, стр. 22.

[2] *Ф. Гальдер.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг., т. 2. М., 1969, стр. 80.

[3] "Secret Session Speeches Delivered by Winston S. Churchill to the House of Commons, 1940—1943". London, 1946, p. 22—23.

[4] См. *К. Типпельскирх,* История второй мировой войны, стр. 99.

Черчилль на закрытом заседании палаты общин в 1942 г. признал, что «в 1940 г. армия вторжения примерно в 150 тыс. отборных солдат могла бы произвести смертельное опустошение в наших рядах»[1].

Английское правительство обратилось за помощью к США. В ответ на эту просьбу американское правительство передало Англии в июне 1940 г. более полумиллиона винтовок, 22 тыс. пулеметов, 195 пушек, 55 тыс. пистолетов[2]. США согласились поставить Англии часть текущей продукции своих авиазаводов, предназначавшейся для пополнения американского военно-воздушного флота. Однако эта помощь не меняла соотношения сил между Германией и Англией, складывавшегося явно в пользу первой.

Гитлеровцы не оставляли мысли о разгроме Англии и уничтожении Британской империи. Без этого они не могли считать себя хозяевами Европы. В беседе с японским министром иностранных дел Мацуока 27 марта 1941 г. Гитлер говорил, что «при всех обстоятельствах британская гегемония должна быть уничтожена, с британским влиянием в Европе должно быть покончено и тогда любая попытка американского вмешательства в Европе будет отбита. Наша цель — разрушение Британской мировой империи»[3]. Документы свидетельствуют, что гитлеровцы детально разработали жесткий оккупационный статут управления Британских островов. Однако решение сосредоточить все силы на подготовке к нападению на СССР заставило нацистов временно отказаться от реализации планов разгрома Англии.

19 июля 1940 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, предложил английскому правительству заключить мир, заявив, что не видит причин продолжать войну. При этом он прямо сказал, что мир может быть заключен при условии признания Англией германских захватов в Европе. В случае отказа английского правительства принять это условие Гитлер пригрозил полным разгромом и уничтожением Британской империи.

До октября 1940 г. германская авиация вела интенсивную воздушную войну против Англии. Гитлер пытался оказать давление на английские правящие круги, заставить их пойти на компромисс с Германией и объединиться с ней для борьбы против СССР.

Одновременно германские дипломатические представители за границей пытались выяснить возможность мирных перего-

---

[1] "Secret Session Speeches Delivered by Winston S. Churchill to the House of Commons, 1940—1943", p. 52.

[2] *M. M. Postan.* British War Production. London, 1952, p. 117.

[3] "Documents on German Foreign Policy, 1918—1945". Series D, vol. XII. Washington, 1962, p. 388—389.

воров. В частности, германская дипломатия через посредство Италии начала зондировать позицию США по этому вопросу. 25 июня 1940 г. итальянский посол в Берлине Альфьери сообщил американскому поверенному в делах Хиту, что Англия переживает кризис и не сможет долго сопротивляться. Однако ни Германия, ни Италия, утверждал Альфьери, не хотят ликвидации Британской империи. Предложив, чтобы Рузвельт выступил инициатором англо-германских переговоров о мире, Альфьери подчеркнул, что немцы даже не будут требовать отставки английского премьер-министра Черчилля [1].

По указанию государственного департамента Хит в начале июля 1940 г. несколько раз беседовал с Г. Вольтатом, известным в дипломатических кругах как особо доверенное лицо гитлеровского правительства. «Вне всякого сомнения,— говорил Вольтат,— Германия в состоянии высадиться и быстро завоевать Англию после трех или четырех недель подготовки с воздуха». Но Германия, утверждал гитлеровец, не намерена уничтожать Британскую империю или нападать на США. От имени Гитлера Вольтат предложил заключить союз трех «северных наций» — Англии, Германии и США. При этом Англия должна была отказаться от своих интересов на европейском континенте. Задача США, по словам Вольтата, состояла в том, чтобы склонить английское правительство к миру с Германией [2].

Англия, однако, не намеревалась капитулировать. Премьер-министр Черчилль и поддерживавшая его значительная часть английских правящих кругов сознавали, что в случае капитуляции Англия не только потеряет свое положение великой державы, но и утратит национальную независимость. Народ Англии был исполнен решимости отстоять независимость родины. С этими настроениями не могли не считаться и представители правящих кругов. Как говорил осенью 1939 г. министр финансов Англии Джон Саймон послу США Кеннеди, в вопросах войны и мира невозможно не считаться с английским народом. «Если правительство Великобритании станет защищать любой мир, то оно будет сброшено своим собственным народом, который полон решимости продолжать войну» [3].

Политически гитлеровцы проиграли и со своей кампанией воздушного «блица». Их расчет на устрашение английского населения с помощью воздушных бомбардировок не оправдался. Напротив, действия гитлеровской авиации затруднили маневры отдельных политиков Англии, стремившихся к сепаратному соглашению с гитлеровцами.

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Challenge to Isolation, p. 652.
[2] Ibid., p. 653.
[3] Ibid., p. 252.

Лишь крайне правые группировки английского правящего класса проявляли готовность пойти с фашистской Германией на компромисс. Они лелеяли надежду, что Англия заплатит за мир не столь существенными уступками, которые к тому же будут компенсированы англо-германским союзом в войне против Советского государства. Призрак Мюнхена продолжал манить «твердолобых» даже после капитуляции Франции. Подавляющее же большинство населения Англии стремилось сражаться против агрессоров до полной победы.

На решение английского правительства продолжать войну определенное влияние оказывала и позиция доминионов. Правительства Канады, Австралии, Новой Зеландии настаивали на продолжении войны [1].

Немалое значение имела также точка зрения правительства США в отношении войны в Европе. Американское правительство по ряду причин в начале войны стремилось уклониться от прямого участия в ней. Среди них важное место занимали расчеты на взаимное ослабление и истощение воюющих держав в результате войны, что должно было, по мнению влиятельных американских кругов, обеспечить в дальнейшем господствующее положение США в мире. Однако быстрая капитуляция Франции, критическое положение Англии, наращивание военного потенциала Германии — все это тревожило американское правительство. В Вашингтоне понимали: мир между Германией и Англией в тех условиях означал бы утверждение безраздельного господства германского империализма в Западной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке. Такой мир неизбежно привел бы к подчинению Англии германскому влиянию. Резко возросла бы угроза Соединенным Штатам со стороны германо-итало-японского блока. Уже поражение Франции поставило вопрос о судьбе французских владений в Атлантическом океане, расположенных в стратегической близости от важнейшей линии коммуникаций США, проходящей через Панамский канал. Дальнейшая экспансия Германии могла стать серьезной угрозой экономическим и политическим позициям США в Атлантике. Капитуляция Англии несомненно подтолкнула бы Японию к выступлению на Дальнем Востоке.

«Мирный» зондаж гитлеровцев обсуждался в государственном департаменте. Помощник государственного секретаря Бэрли обратился к Хэллу и Уэллесу с меморандумом, в котором советовал принять «рекомендации» Вольтата. «Совершенно несомненно, что Англия никогда не победит Германию,— писал он.— Абсолютно ясно, что в настоящее время Великобритания не может вернуть контроль над континентом, и мы не намерены

---

[1] См. *В. Г. Трухановский.* Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 335—336.

сделать это»[1]. Однако советы Бэрли не были приняты правительством США.

В конечном итоге правительство Англии отклонило «мирные» предложения Гитлера. 22 июля 1940 г. министр иностранных дел Англии Галифакс заявил об этом в своем выступлении.

Тройственный пакт Германии, Японии и Италии

В сентябре 1940 г. гитлеровцы отложили осуществление операции «Морской лев». Одновременно германская дипломатия предприняла ряд шагов по подготовке войны против СССР. При этом отклонение Англией «мирных» предложений гитлеровцы стремились использовать для того, чтобы подготовку агрессии против СССР представить внешнему миру как приготовления к дальнейшей войне с Англией.

В процессе разработки планов нападения на СССР гитлеровскому руководству понадобилась прежде всего более тесная, нежели ранее, координация действий Германии и ее союзников по «антикоминтерновскому пакту» — Японии и Италии. По замыслам гитлеровского командования Япония должна была сковывать силы США, не давая им вступить в войну в Европе, держать в напряжении Советский Союз, отвлекая на себя десятки его дивизий и значительную часть авиации[2]. От Италии, с которой Германия уже заключила (в мае 1939 г.) военный союз («Стальной пакт»), гитлеровцы требовали «направить все усилия на разгром Англии»[3], в частности продолжать операции против английских войск в Египте. В целях реализации идеи о координации действий трех держав гитлеровская дипломатия использовала стремление Японии разделить «успехи» Германии и Италии в войне и с этой целью решила заключить с ней военный союз, переговоры о котором были прерваны в 1939 г. Тогда гитлеровцы считали, что могут обойтись без Японии. В начале войны японский посол в Берлине писал в Токио: «В близких к министерству иностранных дел Германии кругах создается впечатление, что японские дела в Китае и неудача ее в акциях против Советов вызывают сомнение в готовности Японии предпринимать серьезные действия в плане военного сотрудничества»[4]. Теперь же инициатива Японии в заключении военного союза нашла в Германии более благоприятный отклик.

Японо-германские переговоры начались в Токио 9 сентября 1940 г. Японию представлял министр иностранных дел Мацуока, Германию — два посла: Штаммер и Отт. 18 сентября Риббентроп отправился в Рим, где добился от Муссолини и Чиано при-

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Challenge to Isolation, p. 654.
[2] См. «Вторая мировая война и современность», стр. 147—148.
[3] DGFP. Series, D, vol. XI, p. 117.
[4] *A. Handorf*. Thinhs and Decisions. Boston, 1943, p. 143.

соединения Италии к японо-германскому военному союзу. В ходе переговоров каждая сторона старалась выторговать себе больше преимуществ в случае вступления в войну. Переговоры завершились подписанием в Токио 27 сентября 1940 г. германо-японо-итальянского военного пакта [1].

В опубликованном тексте пакта трех держав говорилось: Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания «нового порядка» в Европе, а Германия и Италия — руководство Японии в деле создания «нового порядка» в Восточной Азии. Три державы обязались поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в том случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению державы, не участвующей в европейской войне, а также в китайско-японском «конфликте».

В ходе переговоров был также подписан ряд секретных соглашений в форме обмена нотами между правительствами Германии и Японии по проблемам Южных морей (Италия не принимала участия в решении этих вопросов). Японские и германские представители договорились, что в случае, если между Японией и Великобританией возникнет вооруженный конфликт, «Германия сделает все от нее зависящее, чтобы помочь Японии всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении» [2]. Гитлеровцы согласились на то, чтобы бывшие германские колонии в Южных морях, находившиеся под японским мандатом, остались во владении Японии, но было обусловлено, что Германия будет в какой-то мере компенсирована. Другие бывшие германские колонии в Южных морях Германия должна была автоматически получить после окончания войны в Европе и затем обсудить с японским правительством вопрос об их распределении по возможности в интересах Японии, которая предоставит за это Германии соответствующую компенсацию [3].

Японии, таким образом, не удалось добиться от своего союзника согласия на захват ею бывших германских колоний, находившихся под контролем других стран, а также голландских, французских и английских владений.

Наряду с этим было подписано соглашение о создании трех комиссий: так называемой общей и двух технических (военной и экономической). Общая комиссия с участием германского и итальянского послов в Японии должна была работать в Токио под председательством японского министра иностранных дел. Аналогичные комиссии предполагалось создать в Берлине и

---

[1] См. *Г. Н. Севостьянов.* Подготовка войны на Тихом океане (Сентябрь 1939 г.— декабрь 1941 г.). М., 1962, стр. 243.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 25 сентября 1946 г.

[3] Там же.

Риме. Военная комиссия также находилась в Токио и состояла из представителей японской армии и флота и военных, морских и авиационных атташе германского и итальянского посольств. Такие же комиссии создавались в столицах Германии и Италии.

Цель общей комиссии заключалась в координации политики трех стран; задачи военной и экономической комиссий — в решении проблем совместного ведения войны и в оказании взаимной экономической помощи.

Подписание Тройственного пакта окончательно оформило военный блок агрессивных держав. Этот пакт был направлен против всех миролюбивых народов, и прежде всего против СССР, хотя его антисоветская направленность тщательно маскировалась, например ссылками на статью 5, в которой говорилось, что пакт ни в коей мере не затрагивает «существующих в настоящее время политических отношений между каждым и любым участником пакта и Советским Союзом».

Однако действительные намерения Германии и ее союзников не оставляли сомнений. О них, в частности, можно судить по высказыванию Риббентропа относительно Тройственного пакта: «...эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки» [1].

Тройственный пакт был военно-политическим союзом агрессивных государств, цель которых заключалась в завоевании мирового господства. Как подчеркивалось в передовой статье газеты «Правда», следствием пакта явится «дальнейшее обострение войны и расширение сферы ее действия» [2].

Присоединение к Тройственному пакту Румынии, Венгрии, Болгарии и Словакии

После заключения Тройственного пакта фашистская Германия продолжала вести интенсивную деятельность по вербовке союзников для войны с Советским Союзом. Для этого гитлеровцы применяли различные средства, в том числе угрозы, шантаж и создание путем внутренних переворотов в других странах при помощи «пятой колонны» прогитлеровских правительств. В сентябре 1940 г. такой переворот был организован в Румынии, в результате которого во главе румынского правительства был поставлен преданный Гитлеру генерал И. Антонеску. Правительство Антонеску сразу же объявило, что Румыния встала на сторону держав Тройственного пакта. 5 октября последовало распоряжение о запрещении продажи румынской нефти другим странам, кроме Германии и Италии. Тогда же Германия направила в Румынию свои сухопутные и военно-воздуш-

[1] Цит. по кн.: *М. Ю. Рагинский* и *С. Я. Розенблит*. Международный процесс главных японских военных преступников. М.— Л., 1950, стр. 242.

[2] «Правда», 30 сентября 1940 г.

ные части. На них возлагалась задача «сделать вооруженные силы Румынии способными выполнить определенные задачи в соответствии с планом, разработанным в интересах Германии», что практически означало их подготовку к войне против СССР [1]. 20 ноября 1940 г. Гитлер вызвал Антонеску в Берлин. В результате бесед, проходивших 22—23 ноября, был подписан протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту. Антонеску заверил Гитлера, что Румыния «готова с оружием в руках идти бок о бок с державами оси для завоевания победы» [2]. Румынский диктатор одобрил также разработанный в Берлине многолетний план германо-румынского сотрудничества и дал согласие на увеличение поставок нефти в Германию. В беседе с Кейтелем Антонеску доложил о мерах, принятых им против СССР [3]. Это был, по существу, сговор с гитлеровцами о подготовке войны против СССР и превращении Румынии в сателлита фашистской Германии.

4 декабря 1940 г. был подписан германо-румынский протокол о сотрудничестве, который оформил превращение румынской экономики в придаток военной экономики Германии. В январе и мае 1941 г. последовали новые поездки Антонеску к Гитлеру, во время которых Гитлер более полно раскрыл Антонеску свои планы агрессии против СССР.

Во время встречи, проходившей 11 июня 1941 г. в Мюнхене, в которой участвовали Гитлер, Кейтель и Йодль, Антонеску окончательно договорился с ними об участии Румынии в войне против СССР и обязался поставить на службу этой войне все экономические и людские ресурсы страны. «Гитлер,— говорится в показаниях Антонеску на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками,— указал, что за... помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать... советские территории, вплоть до Днепра» [4].

Немаловажное значение придавали гитлеровцы участию в фашистском блоке хортистской Венгрии.

По первоначальным планам гитлеровского командования Венгрия должна была провести мероприятия по укреплению Закарпатской Украины в военном отношении. По мнению Кейтеля, важнейшая задача правительства Венгрии в совместной с Германией войне против Советского Союза заключалась в обеспечении быстрого прохождения немецко-фашистских войск через венгерскую территорию и их полном снабжении продоволь-

---

[1] DGFP, Series D, vol. XI, p. 144—146.
[2] Ibid., p. 665.
[3] Ibid., p. 687.
[4] «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. II. М., 1958, стр. 689 (далее — «Нюрнбергский процесс...»).

ствием. Таким образом, Венгрия тоже превращалась в аграрно-колониальный придаток гитлеровской Германии[1].

Процесс включения Венгрии в орбиту агрессивной политики фашистской Германии завершился подписанием протокола о присоединении Венгрии к Тройственному пакту. Это произошло 20 ноября 1940 г., во время переговоров Гитлера с главой венгерского правительства Телеки и министром иностранных дел Чаки в Вене. 27 ноября венгерское правительство заявило о готовности участвовать в строительстве германского «нового порядка» в Европе.

Ряд обстоятельств облегчал гитлеровской Германии достижение ее цели по превращению хортистской Венгрии в послушное орудие своей агрессивной политики. Среди них прежде всего следует указать на ненависть Хорти и других влиятельных буржуазных политиков к революционерам Венгрии, к коммунизму, к Советскому Союзу. В беседе с Гитлером 24 апреля 1941 г. Хорти клялся ему в своей преданности и верности, подчеркивая, что как «ветеран борьбы с большевизмом» он целиком и полностью одобряет гитлеровский план нападения на Советский Союз с целью его полного уничтожения[2].

Другим обстоятельством, облегчавшим Гитлеру превращение хортистского правительства Венгрии в свою послушную марионетку, были экспансионистские устремления ее правящих кругов. Отражая эти настроения, начальник венгерского генерального штаба Х. Верт в своем меморандуме правительству настаивал, чтобы Венгрия добровольно и немедленно заявила Гитлеру о ее готовности предоставить венгерские войска в распоряжение немецко-фашистского командования для участия в наступлении против Советского государства. Участие Венгрии в войне против Советского Союза, утверждал Верт,— единственный путь к «дальнейшему приращению территории». Он говорил: «Наше присоединение к державам оси делает участие Венгрии в войне обязательным... Если же мы опоздаем с присоединением к войне, то тогда придется отказаться, может быть навечно, от дальнейших территориальных претензий к Румынии и мы можем даже поставить под угрозу все то, что было приобретено до сих пор»[3].

Гитлеровская дипломатия широко использовала метод подогревания реваншистских настроений в правящих кликах Венгрии и Румынии, натравливания их друг на друга. В узком кругу Риббентроп подчеркивал: «Основная цель нашей политики по отношению к Венгрии и Румынии состояла в том, чтобы держать обе стороны в состоянии постоянного напряжения, подогревая

[1] См. «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны». М., 1962, стр. 13.

[2] См. там же, стр. 12.

[3] Там же.

их аппетиты, с тем чтобы решать все вопросы в интересах Германии, в зависимости от развития событий»[1]. Подтверждением такой политики служит, в частности, проведенный под эгидой Гитлера так называемый Венский «арбитраж» от 30 августа 1940 г., в результате которого северная часть Трансильвании была отторгнута от Румынии и передана хортистской Венгрии.

Большую активность проявляла гитлеровская дипломатия и в отношении Болгарии, имевшей для Германии важное экономическое и стратегическое значение. 17 ноября 1940 г. Гитлер пригласил в Германию болгарского царя Бориса III и министра иностранных дел Попова. В ходе бесед царь Борис согласился на присоединение Болгарии к Тройственному пакту, но договорился с Гитлером, что по внешнеполитическим и военным соображениям будет лучше, если Болгария примкнет к пакту позднее[2]. Правящая болгарская клика боялась своего народа и готовила этот сговор с Гитлером в глубокой тайне. Сообщение о присоединении Болгарии к Тройственному пакту было опубликовано только 1 марта 1941 г., и в тот же день немецко-фашистские войска вступили в страну. С этого времени германское военное командование фактически стало полновластным хозяином в Болгарии.

По мере того как монархистская Болгария превращалась в послушного гитлеровского сателлита, происходило и ее экономическое порабощение германским империализмом. Подписание 28 декабря 1940 г. германо-болгарского клирингового соглашения юридически оформило этот факт. По этому соглашению Болгария должна была торговать только с Германией и оккупированными ею странами. Гитлеровцы использовали соглашение для того, чтобы вывезти из Болгарии как можно больше товаров, не компенсируя это соответствующим ввозом в Болгарию. 1 февраля 1941 г. гитлеровская Германия заключила с правительством Филова договор о снабжении немецких войск, дислоцированных в Болгарии. 4 марта 1941 г. состоялось подписание дополнительного германо-болгарского соглашения о предоставлении немецко-фашистским войскам в Болгарии необходимой для покрытия их расходов болгарской валюты. При этом соответствующая сумма добавлялась к германскому клиринговому долгу, т. е. предоставлялась в кредит[3]. Таким образом, в результате антинациональной, антинародной политики правящей профашистской клики во главе с царем Борисом Болгария была

---

[1] "Documente ale politicii externe germane, ed. engleză", vol. 5, p. 340—341. Цит. по кн: "История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.", т. I, стр. 302.

[2] См. «История Болгарии», т. II. М., 1955. стр. 253.

[3] См. там же. стр. 265, 267.

включена в агрессивный фашистский блок, а в экономическом отношении, по существу, должна была безвозмездно поставлять сельскохозяйственную продукцию немецко-фашистскому вермахту.

24 ноября 1940 г. о присоединении к Тройственному пакту заявило правительство марионеточного «государства» Словакии. В Берлине знали, что в первый же день войны против СССР оно выступит союзником германского фашизма.

Вовлечение в фашистский блок Финляндии

С лета 1940 г. гитлеровцы стали предпринимать активные меры по вовлечению в фашистский блок Финляндии, правительство которой продолжало проводить враждебную СССР политику и после подписания в марте 1940 г. Московского мирного договора.

Не прошло и недели после подписания мирного договора с СССР, как Финляндия в нарушение статьи 3 договора, запрещавшей подписавшим его сторонам участвовать в союзах или коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон, начала переговоры со Швецией и Норвегией о заключении «оборонительного союза». В связи с этим ТАСС 20 марта 1940 г. опубликовал заявление, в котором говорилось: «...Подобный союз был бы направлен против СССР и находился бы в прямом противоречии с Мирным Договором, заключенным СССР и Финляндией 12 марта с. г.»[1]. Идея заключения этого союза была затем решительно осуждена Советским правительством на сессии Верховного Совета СССР[2].

Антисоветские акции реакционных финских кругов, однако, не прекратились. В нарушение статьи 5 договора финское правительство начало возводить военные укрепления в районе Петсамо, строить аэродромы и расширять причалы в Лиинахамари и т. д.

Финское правительство вело в стране интенсивную антисоветскую пропаганду, запретило деятельность «Общества мира и дружбы с СССР». 22 сентября 1940 г. было заключено секретное финляндско-германское соглашение о транспортировке немецких войск и военных материалов в Норвегию через финскую территорию[3], которое было использовано в качестве прикрытия для переброски в Финляндию значительных воинских контингентов Германии. Финское правительство в ответ на обещание Гитлера отдать Финляндии Восточную Карелию и Ленинградскую область обязалось принять участие в войне против СССР. В мае 1941 г. представители финского и немецкого воен-

[1] «Известия», 20 марта 1940 г.

[2] См. «Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет». М., 1940, стр. 38.

[3] DGFP, Series D, vol. XI, p. 149.

ного командования окончательно согласовали планы координации военных операций на случай этой войны. В июне 1941 г. в Финляндии было сосредоточено более 40 тыс. немецких солдат. 15 июня главнокомандующий финскими вооруженными силами Маннергейм издал приказ, в соответствии с которым значительные контингенты финских войск подчинялись германскому военному командованию. В те же дни Гитлер распорядился сообщить финнам о сроках начала войны против СССР.

По тактическим соображениям финское правительство не имело официально подписанного союзного договора с Германией. Оно делало вид, что проводит самостоятельную политику, и не порывало связей с США и Англией. Но фактически финская правящая верхушка Маннергейма — Рюти в конце 1940 — начале 1941 г. ориентировалась на участие Финляндии в войне против СССР в союзе с гитлеровской Германией [1].

Вопрос об участии Испании в войне. Позиция правительства Виши

В фашистский блок, создаваемый Гитлером накануне нападения на СССР, входила, не будучи связанной формальным договором, и франкистская Испания. В отношении войны между империалистическими группировками в Европе Испания соблюдала «нейтралитет», а после поражения Франции в июне 1940 г. перешла на позиции «невоюющей стороны».

Гражданская война в Испании, развязанная фашистами, и франкистский режим привели страну к острому экономическому кризису. Трудности, переживаемые фашистской диктатурой, мешали Франко открыто выступить на стороне гитлеровской коалиции. Однако после капитуляции Франции, когда немецкие войска вышли к испанской границе и некоторое количество их вступило в Испанию, Франко объявил о своей готовности примкнуть к победителям и принять участие в дележе добычи. При этом он предъявлял следующие требования: 1) гарантия, что Гибралтар, Французское Марокко и часть Алжира, включая Оран, будут переданы Испании наряду с расширением территории испанских колоний в Африке; 2) военная и экономическая помощь [2]. Кроме того, Франко настаивал на «исправлении» испано-французской границы в Пиренеях за счет Франции.

Гитлер намеревался привлечь франкистскую Испанию к активному участию в военно-фашистском блоке и более того — сразу же втянуть ее в войну на стороне Германии и Италии. Он требовал от Франко нападения на Гибралтар, рассматривая захват этой крепости как одно из средств ослабления позиций

---

[1] См. "Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunals", vol. X. Washington, 1951, p. 309—311.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 461.

Англии. Однако испанские требования в целом он считал чрезмерными.

Свою позицию в отношении претензий Франко Гитлер объяснял следующим образом: «Я хочу попытаться во время переговоров с Петэном побудить французов к активной борьбе против Англии и поэтому не могу требовать от них сейчас подобных территориальных уступок, не говоря уже о том, что после того, как станет известно о такого рода соглашении с испанцами, французские колониальные владения наверняка сомкнутым строем перейдут к де Голлю»[1]. Гитлеровцы сами намеревались захватить французскую колониальную империю.

23 октября 1940 г. Гитлер встретился с испанским диктатором на франко-испанской границе. Он требовал вступления Испании в войну в январе 1941 г. В результате было решено начать военные переговоры[2]. Однако позже Франко заявил, что Испания не может вступить в войну так скоро. Он боялся, как бы английский флот не захватил принадлежавшие Испании острова в Атлантике и другие испанские колонии. Ссылаясь на экономические трудности страны, Франко убеждал гитлеровских представителей в неспособности Испании выдержать затяжную войну[3].

6 февраля 1941 г. Гитлер направил Франко письмо, требуя немедленного вступления в войну. В ответном послании Франко заверил Гитлера в своей неизменной преданности, но обещал лишь с еще большей энергией готовиться к нападению на Гибралтар.

В феврале 1941 г. Франко встретился с Муссолини. У последнего сложилось впечатление, что Испания не в состоянии воевать с Англией, даже если Германия поставит ей все необходимое. Как считал итальянский диктатор, «германо-итальянская программа по отношению к Франко должна ограничиться сохранением Испании в качестве политического союзника стран «оси»»[4].

Гитлер был вынужден согласиться с мнением Муссолини, тем более что в связи с подготовкой войны против СССР захват Гибралтара утратил для него свое прежнее значение. Формальный «нейтралитет» Франко служил интересам фашистского блока и без официального участия Испании в войне. Испания играла важную роль посредника в снабжении Германии нефтью, рудами

---

[1] *P. Schmidt.* Statist auf diplomatischer Bühne 1923—1945. Erlebnisse des chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit Staatsmännern Europas. Bonn, 1950, S. 500.

[2] *G. Ciano.* L'Europa verso la catastrofe, p. 604.

[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 468.

[4] «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. М., 1946, стр. 73. Телеграмма Вейцзекера германскому послу в Мадриде Штореру от 17 февраля 1941 г.

редких металлов (вольфрам, марганец), каучуком, которые Франко покупал в США, Турции и других странах.

Немецкие подводные лодки использовали порты на Канарских островах и в самой Испании. Испанская территория служила базой для деятельности немецкой разведки и была своего рода дипломатической биржей для различного рода неофициальных контактов представителей гитлеровской Германии, Японии и правящих кругов Англии, Франции и США. Франко согласился направить для участия в войне против СССР 60 тыс. солдат и офицеров.

Гитлеровская Германия принимала меры к вовлечению в войну и правительства Виши. При этом в первое время речь шла об участии вишистов в войне Германии и ее союзников против Англии. После переговоров с Франко Гитлер 24 октября 1940 г. встретился с Петэном в Монтуаре, близ Тура. Встреча была подготовлена вишистским заместителем председателя совета министров Лавалем по указанию Риббентропа[1]. На встрече Гитлер заявил, что его цель — сокрушение Англии, прежде чем США смогут активно помочь ей, и скорейшее завершение войны.

Петэн выразил сожаление, что между Францией и Германией не установились более тесные отношения до войны. Но, заметил он, быть может, еще не слишком поздно. Петэн поддержал идею франко-германского сотрудничества, однако не решился определить его пределы. Результаты встречи были зафиксированы в протоколе, в котором говорилось, что Франция займет в «новой Европе место, на которое она имеет право». В протоколе этой встречи говорилось, что державы «оси» и Франция одинаково заинтересованы в быстрейшей капитуляции Англии. Фактически вишистское правительство взяло на себя обязательство военного сотрудничества с державами «оси». В протоколе подчеркивалось: по заключении мира с Англией Франция сохранит в Африке колониальные владения, в основном соответствующие тем, которыми она обладала в тот момент[2]. Движение сопротивления французского народа не давало возможности Петэну взять на себя более широкие обязательства.

Петэн и Лаваль просили Гитлера не настаивать на участии Франции в войне с Англией, пока французское общественное мнение не будет должным образом «подготовлено». В мае 1941 г. правительство Петэна дало обязательство Германии помогать ей в войне против СССР сырьем, производственными ресурсами, рабочей силой и направить на советско-германский фронт «легион французских добровольцев».

---

[1] 28 октября 1940 г. Лаваль был назначен также министром иностранных дел.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 465.

Фашистская агрессия на Балканах. Сближение Германии и Турции

Готовясь к войне против СССР, Гитлер поставил своей целью укрепиться на Балканах. Он не стал придерживаться договоренности между участниками Тройственного пакта о «правах» Италии на Средиземноморье и Балканах. Уже ввод немецких войск в Румынию показал Муссолини, что Гитлер ставит его «перед свершившимися фактами»[1]. После этого, пытаясь опередить Германию в продвижении на Балканы, Муссолини предпринял 28 октября 1940 г. нападение на Грецию с территории оккупированной итальянцами в 1939 г. Албании. Но в Греции итальянские войска потерпели поражение, им пришлось отступить и очистить не только греческую, но и часть албанской территории.

Гитлер не одобрял действий своего партнера, хотя и не препятствовал им, надеясь извлечь пользу в случае любого исхода итальянской авантюры. В письме Муссолини от 20 ноября 1940 г. Гитлер указывал, что он не считает целесообразным развертывать операции на Балканах, в частности в Греции, ранее весны 1941 г.[2].

Весной 1941 г. гитлеровцы стали готовиться к захвату Югославии и Греции. Германская дипломатия принялась усиленно добиваться присоединения Югославии к Тройственному пакту. Югославское правительство Цветковича — Мачека несколько месяцев, начиная с ноября 1940 г. и вплоть до 20 марта 1941 г., обсуждало этот вопрос. При этом в правительстве выявились серьезные расхождения, часть министров выступала против участия Югославии в Тройственном пакте. Тем не менее 25 марта 1941 г. в Вене состоялось подписание протокола о присоединении Югославии к пакту агрессоров.

Известие об этом вызвало бурное возмущение народов Югославии. Уже вечером 25 марта в Белграде и других городах страны начались демонстрации протеста, достигшие наибольшего размаха 27 марта. Воспользовавшись этим народным движением, группа высших офицеров в ночь с 26 на 27 марта совершила государственный переворот: правительство Цветковича было свергнуто и создано новое во главе с генералом Д. Симовичем.

Развернувшееся в Югославии антифашистское движение серьезно спутало карты гитлеровцев. Создавшееся в результате выступления народных масс и государственного переворота в Югославии положение стало предметом обсуждения на особом совещании у Гитлера 27 марта 1941 г. В тот же день Гитлер издал «директиву № 25». «Военный путч в Югославии,—

---

[1] *G. Ciano*. Diario, vol. 1, p. 314.
[2] DGFP, Series D, vol. XI, p. 641.

говорилось в ней,— изменил политическую обстановку на Балканах», и эту страну, независимо от ее возможных заявлений о лояльном отношении к Германии, следует рассматривать как врага[1]. Тогда же было решено, что война против Югославии начнется одновременно с операцией «Марита» (нападение на Грецию)[2]. 6 апреля 1941 г. гитлеровские войска вторглись в Югославию и Грецию и вскоре оккупировали территории этих стран. Во вторжении приняли участие войска Италии и Венгрии. Югославия была расчленена. Хорватию, расширенную за счет Боснии и Герцеговины, объявили «независимым» государством и присоединили к Тройственному пакту.

Подготавливая на Балканах плацдарм для нападения на СССР, Гитлер придавал важное значение Турции. 18 июня 1941 г. между Германией и Турцией был подписан договор о дружбе и ненападении. Этот договор позволил Германии обезопасить южный фланг своих войск. Впоследствии Германия добилась от Турции в нарушение конвенции о режиме проливов разрешения на провод через проливы своих судов для ведения в Черном море операций против СССР. Германия стала получать из Турции значительное количество продовольствия, марганец и другое стратегическое сырье.

«Миссия Гесса»

Еще в июне 1940 г., во время подготовки нападения на СССР, Гитлер говорил своему заместителю по руководству нацистской партией Гессу[3] о том, что считает необходимым добиваться соглашения с Англией. Видимо, уже вскоре после этого Гесс, выполняя указания «фюрера», решил использовать свое знакомство с прогитлеровски настроенным герцогом Гамильтоном, одним из высокопоставленных придворных чинов Англии, для того чтобы наладить англо-германские переговоры о компромиссном мире. 10 сентября 1940 г. Гесс поручил Альбрехту Гаусгоферу[4], имевшему широкие связи на Западе, установить контакт с герцогом Гамильтоном.

Для этого гитлеровцы использовали председателя Красного Креста в Швейцарии Буркхардта. Последний передал Гамильтону письмо Гаусгофера, датированное 23 сентября 1940 г., в котором содержалось предложение о встрече представителей Англии и Германии в Лиссабоне. В письме от 28 апреля 1941 г. Гамильтон изложил английскую программу широкого англо-германского соглашения.

---

[1] См. «История Югославии», т. II. М., 1963, стр. 182.

[2] См. там же.

[3] Рудольф Гесс был также рейхсминистром без портфеля, членом тайного совета и совета министров по обороне империи.

[4] Сын Карла Гаусгофера, политического советника Гесса и основоположника нацистской теории «геополитики».

В связи с приближением установленного ими срока нападения на СССР гитлеровцы, видимо, решили, что с заключением англо-германской сделки больше медлить нельзя. Получив 5 мая 1941 г. заверение Гитлера в том, что он «не намерен предъявлять Англии стеснительных условий», Гесс 10 мая 1941 г. на самолете-истребителе «МЕ-110» вылетел в Англию и над Шотландией, где находилось поместье Гамильтона, выбросился с парашютом.

В течение нескольких дней правительство Черчилля ничего не сообщало о прибытии в Англию заместителя Гитлера. Полное молчание хранил и Берлин. И только после краткого лондонского сообщения о появлении в Англии Гесса, означавшего, что тайная сделка не состоялась, была пущена в ход мощная пропагандистская машина гитлеровского «рейха». В Берлине стремились доказать, будто полет Гесса — или, как уже тогда стали говорить, «миссия Гесса» — был предпринят им по личной инициативе и не носил официального характера. Более того, «миссия Гесса» изображалась как акция, предпринятая психически больным человеком. В немецких газетах даже выдвигалась версия, что Гесс «был душевно больным идеалистом, страдавшим галлюцинациями вследствие ранений, полученных в первой мировой войне».

В Англии Гесс имел беседы с официальными лицами: лорд-канцлером Саймоном и представителем Форин оффиса Киркпатриком, работавшим ранее первым секретарем английского посольства в Берлине. Гесс изложил гитлеровские условия заключения мира между Германией и Англией. Сущность этих условий сводилась к разграничению сфер влияния между фашистскими державами и Англией. Английская сфера ограничивалась рамками ее империи, а державы «оси» должны были стать полновластными хозяевами в Европе. Германии предстояло вернуть все свои бывшие колонии. Англия обязывалась заключить перемирие, а затем и мир с Германией и Италией. Чтобы добиться скорейшего принятия этих условий английским правительством, Гесс запугивал англичан угрозой усиления бомбардировок Англии, подводной войны на море и т. п.[1].

Из тех немногих документов, которые опубликованы английской стороной, весьма трудно составить ясное представление о том, как далеко пошли представители правительства Черчилля в переговорах с Гессом. Однако интересен следующий факт. Во время Нюрнбергского процесса главных немецких военных преступников, на заседании трибунала 31 августа 1946 г., которое проходило под председательством англичанина лорда Лоуренса, Гесс неожиданно заявил, что он желает под

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. II, стр. 766, 768.

присягой сообщить о своих беседах в Англии. Но Лоуренс запретил Гессу говорить об этом.

«Миссия Гесса» — одна из последних акций гитлеровской дипломатии, завершавших политико-дипломатическую подготовку фашистской Германии к войне против Советского Союза.

Определение сроков нападения Германии на СССР

Гитлеровское правительство быстрыми темпами вело подготовку к войне против СССР также в военной и экономической областях. Такая подготовка осуществлялась как в самой Германии, так и во всех захваченных ею европейских странах. Промышленность Германии и оккупированных стран гитлеровцы переключили на производство военной продукции и обслуживание германской военной машины. Для той же цели они принудительным порядком ввезли в Германию свыше 3 млн. иностранных рабочих. В захваченных странах были изъяты запасы оружия, боеприпасы, стратегическое сырье. Удовлетворение потребностей гражданского населения даже в самой Германии стало крайне ограниченным.

Одновременно нацистская военная верхушка разрабатывала планы вторжения на советскую территорию. К стратегическому планированию войны с СССР гитлеровцы приступили в конце июля 1940 г. Первоначально намечалось начать войну осенью 1940 г. Однако на совещании у Гитлера в Бергхофе 31 июля 1940 г. высшее военное руководство Германии согласилось с мнением фельдмаршала Кейтеля о нецелесообразности нападения на СССР в этот срок и высказалось за то, чтобы начать войну против СССР весной 1941 г. Тогда же Гитлер заявил: «Россия должна быть уничтожена весной 1941 г. Советское государство должно быть разрушено одним ударом». Все высшие военные деятели Германии разделяли точку зрения Гитлера.

5 декабря 1940 г. на совещании у Гитлера обсуждался план нападения на СССР. Было решено начать войну в конце мая 1941 г. 6 декабря Йодль поручил генералу Варлимонту на основе утвержденного плана разработать директиву по ведению войны против Советского Союза. 17 декабря эта директива за № 21 под названием план «Барбаросса» была готова и представлена Гитлеру на утверждение.

18 декабря Гитлер утвердил ее. Впоследствии в связи с военными действиями Германии против Югославии срок начала войны с СССР был передвинут на 22 июня 1941 г. По плану для нападения на СССР выделялось 190 дивизий, из них 153 немецкие, а остальные стран — сателлитов гитлеровской Германии[1].

---

[1] К 22 июня 1941 г. на границе с СССР было сконцентрировано 153 немецкие дивизии.

Авторы плана «Барбаросса» исходили из того, что «немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию»[1]. Поражение Советского Союза рассматривалось в Берлине как главная предпосылка установления господства Германии в Европе, а затем и во всем мире.

2. Дипломатия Японии после заключения Тройственного пакта. Начало японо-американских переговоров

Германо-японское сотрудничество в период подготовки войны Германией против СССР

После подписания Тройственного пакта японский кабинет министров принял 28 сентября 1940 г. решение укреплять коалицию Германии, Италии и Японии, чтобы, используя ее, создать во главе с Японией «сферу сопроцветания великой Восточной Азии», в которую входили бы Китай, Индокитай, Голландская Индия, Малайя, Таи (Таиланд), Филиппины, Британское Борнео, Бирма. Японские милитаристы включали в эту «сферу» и восточную часть СССР. Правящие круги Японии спешили всемерно использовать обстановку войны в Европе, поражение колониальных держав и союз с европейскими агрессорами в интересах своей азиатской стратегии.

В свою очередь Гитлер издал 5 марта 1941 г. специальную директиву — № 24 — о сотрудничестве с Японией. В директиве указывалось: «Целью сотрудничества, основанного на Тройственном пакте с Японией, является заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. Таким образом английские силы будут ослаблены и центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан». При этом «захват Сингапура — опорного пункта Англии на Дальнем Востоке» рассматривался, согласно директиве, как «решающий для успеха всей войны, которую ведут три державы». Операция «Барбаросса», говорилось в директиве, «вызовет особенно благоприятные политические и военные предпосылки для проведения в жизнь этого плана». Однако директивой запрещалось предоставлять японцам какие-либо данные по поводу плана «Барбаросса».

---

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. II, стр. 559.

Как видно, гитлеровцы ожидали тогда «легкой победы» в войне против СССР и не хотели делить ее плоды с Японией. Они считали лишь необходимым с помощью Японии «быстро разбить Англию и тем самым удержать Америку от вступления в войну».

Гитлер обязал германское военное командование «всеми имеющимися средствами усилить военный потенциал Японии». Директива предусматривала ознакомление японцев с германскими методами ведения войны, обмен военным опытом и сотрудничество в вопросах военной экономики и техники. Взамен гитлеровцы хотели получить от Японии всемерную экономическую помощь, и прежде всего каучук, так как это было жизненно необходимо для Германии [1].

Японское правительство не видело противоречия между осуществлением своих планов построения «великой Восточной Азии» и обещаниями Гитлеру и Муссолини сделать все возможное, чтобы удержать США от немедленного вступления в войну на стороне Англии. Кроме того, японские правящие круги не хотели в Тройственном союзе играть роль подчиненного. Поэтому они на первое место ставили свои действия в странах Юго-Восточной Азии и в Китае, чтобы обеспечить себе эксплуатацию сырьевых ресурсов этих стран и подготовить плацдарм для последующих завоеваний.

Япония и Китай в начале 1941 г.

В начале 1941 г. японцы предприняли наступление на юге Китая. Наряду с военным нажимом были приняты меры политического давления.

30 января 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока заявил: хотя Япония и признала «правительство» Ван Цзин-вэя, она не отказалась от надежд на то, что Чан Кай-ши одумается и пойдет на объединение с этим правительством [2]. В таком же духе выступил и премьер-министр Коноэ. 11 апреля 1941 г. он заявил корреспондентам: активная поддержка Японией «правительства» Ван Цзин-вэя не означает, что Япония берет курс на ликвидацию правительства Чан Кай-ши. Коноэ выразил надежду на слияние «правительства» Ван Цзин-вэя с чунцинским правительством. С призывом переехать в Нанкин обратился к Чан Кай-ши и Ван Цзин-вэй. Он заверял гоминьдановского лидера, что «во имя будущности Китая и всеобщего мира тотчас же уедет за море, уступая власть

---

[1] См. «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. I. М., 1954, стр. 412, 413.

[2] См. *М. С. Капица*. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 289.

достойнейшему»[1]. Но на этот призыв Чан Кай-ши не реагировал.

В условиях фактической изоляции Китая от внешнего мира и отсутствия всякой поддержки ему со стороны западных держав Советский Союз продолжал оказывать дружескую помощь китайскому народу в его борьбе за свободу и независимость. Через северо-западные провинции Китая из СССР доставлялись военные материалы и горючее. Советские люди самоотверженно помогали китайскому народу в его борьбе.

В период с 25 ноября 1940 г. по 1 июня 1941 г., когда Китай испытывал особенно острый недостаток в самолетах, из СССР было отправлено 250 бомбардировщиков и истребителей. Советские летчики-добровольцы сражались на китайских фронтах вплоть до нападения фашистской Германии на СССР, когда они вернулись на Родину.

Серьезное значение для борьбы китайского народа против японской агрессии имело то обстоятельство, что СССР, учитывая враждебную политику Японии, держал на Дальнем Востоке крупные вооруженные силы, тем самым лишая японское командование возможности использовать Квантунскую армию против Китая.

Последовательная поддержка Советским Союзом борьбы китайского народа за независимость способствовала краху планов гоминьдановской реакции и японских империалистов, рассчитывавших сговориться за счет китайского народа.

Япония, Таиланд и Индокитай

Тем временем японская дипломатия стремилась подчинить своему влиянию Таиланд, где долгие годы преобладающие позиции занимала Англия. Правящие круги Таиланда, убедившись в ослаблении позиций колониальных держав, стали усиленно пропагандировать планы создания «Великого Таи». Они выдвигали территориальные притязания к Индокитаю. Между Таиландом и колониальными властями Индокитая при подстрекательстве Японии дело дошло до военных столкновений. Поддерживавшая Таиланд японская дипломатия взяла на себя функции посредника в урегулировании конфликта. Для большей уверенности в успехе Япония прибегла к помощи своего союзника — Германии. Японский посол в Берлине Осима обратился к Риббентропу с просьбой оказать нажим на Виши, с тем чтобы петэновское правительство не посылало подкреплений в Индокитай. Эту просьбу правительство Германии удовлетворило: гитлеровцы запретили Петэну посылать войска в Индокитай[2].

[1] См. *М. С. Капица*. Советско-китайские отношения, стр. 289—290.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 26 сентября 1946 г.

Свое посредничество японская дипломатия постаралась использовать для усиления позиций Японии в обеих странах: японские корабли прибыли в порты Таиланда, а в Индокитае были увеличены контингенты японских войск.

На мирной конференции Таиланда, Франции и колониальных властей Индокитая с участием Японии, которая открылась 7 февраля 1941 г. в Токио, председательствовал Мацуока. Представители Индокитая не хотели идти на удовлетворение территориальных притязаний Таиланда. Но на них был оказан нажим. При этом японский представитель Охаси 28 февраля потребовал от колониальных властей Индокитая немедленного согласия на постоянное посредничество Японии при решении спорных вопросов между Таиландом и Индокитаем. Властям Индокитая не оставалось ничего другого, как принять предложения японцев. 11 марта было парафировано соглашение между Таиландом, Францией и Индокитаем. Договор был подписан 9 мая 1941 г. Таиланд получил примерно 30 тыс. *кв. км* территории с населением 3 млн. человек за счет Камбоджи. Япония гарантировала выполнение соглашения и закрепляла за собой «право» быть постоянным посредником между двумя сторонами.

Япония добилась подписания протоколов, обязывавших Таиланд и Французский Индокитай «не вступать ни в какие соглашения с третьей или третьими державами, имеющими целью экономическое или военное сотрудничество против Японии» [1].

9 мая 1941 г. между Японией и Французским Индокитаем были заключены конвенции о торговле и навигации. Они давали возможность японцам внедряться в сельское хозяйство, горную промышленность и другие отрасли экономики [2]. Вместе с экономическим соглашением между вишистским правительством и правительством Японии, заключенным в 1940 г., эти конвенции способствовали усилению японской экономической экспансии в Индокитае и использованию его ресурсов для ведения войны Японией. Они давали возможность навязать народам Индокитая бремя японо-вишистского колониального режима.

Поездка Мацуока в Европу весной 1941 г.

В марте 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока направился в Европу. Дальнейшее развитие экспансии Японии в сторону Южных морей могло привести к ее столкновению с США и Англией. Японское пра-

---

[1] "Viet-Nam's Fight against Fascism (1940—1945), Viet-Nam delegation in France", Information service. Paris, 1948, p. 40.

[2] См. *Д. И. Гольдберг.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г.—декабрь 1941 г.), стр. 80.

вительство хотело знать, может ли оно рассчитывать на поддержку Германии в случае войны Японии с США. Оно стремилось выяснить основные стратегические установки гитлеровцев и учесть их в определении своей политики. Мацуока намеревался в личных беседах с Гитлером и Риббентропом узнать, каковы истинные намерения германского правительства в отношении СССР. Японский посол в Берлине Осима еще осенью 1940 г. сообщал в Токио о готовящемся нападении Германии на СССР. Между тем с июля 1940 г. Япония вела с Советским правительством переговоры относительно пакта о ненападении. Путь японского министра лежал через Москву. Мацуока собирался встретиться с советскими руководителями для завершения переговоров [1].

От генерального штаба японской армии Мацуока сопровождал полковник Нагаи, которому было поручено следить, чтобы министр не связал Японию без ведома армии какими-либо обязательствами военного характера.

В Москве Мацуока беседовал 24 марта с американским послом Штейнгардтом о японо-американских отношениях. Заявив, что Япония не будет воевать с США, Мацуока подчеркнул: «Если произойдет конфликт, это будет только результатом действий со стороны Соединенных Штатов» [2].

В Берлине в конце марта — начале апреля 1941 г. в ходе бесед Мацуока с Гитлером и Риббентропом был рассмотрен широкий круг международных вопросов. Гитлер говорил, что он хотел бы удержать Соединенные Штаты от вступления в войну. Нацисты считали необходимым нанести руками японцев удар по Англии, поставив последнюю в еще более тяжелое положение, и до нападения на СССР принудить ее к капитуляции или к участию в антисоветской войне. Гитлер внушал Мацуока мысль, что другой такой возможности разгромить Англию Японии в скором времени не представится и поэтому она должна действовать быстро [3].

Одной из основных тем японо-германских переговоров были советско-германские отношения и позиция Японии в случае войны Германии против СССР. Уже в конце первой беседы Риббентроп сказал: «Совершенно по секрету, г-н Мацуока, я хотел бы вам сообщить, что теперешние отношения между Советским Союзом и Германией являются, правда, корректными, но не очень дружественными» [4].

---

[1] О советско-японских переговорах см. стр. 174—175.

[2] "Foreign Relations of the United States. Japan. 1931—1941", vol. II. Washington, 1943, p. 144.

[3] DGFP, Series D, vol. XII, p. 389.

[4] Ibid., p. 379.

Гитлер и Риббентроп без обиняков дали понять Мацуока, что Германия не намерена выполнять договор с СССР о ненападении. 27 марта Риббентроп откровенно заявил японскому министру: «Если Советский Союз в один прекрасный день займет позицию, которую Германия сочтет угрожающей, то фюрер разобьет Россию»[1].

Мацуока заверил гитлеровцев, что пакт о нейтралитете, который он предполагает заключить с СССР, Япония отбросит в сторону, как только начнется советско-германская война.

По пути из Берлина во время второй остановки в Москве Мацуока вновь встретился с американским послом, которому заявил: «Япония не имеет обязательства вступить в войну против Соединенных Штатов, но положение может измениться, если США объявят войну Германии». Японский министр добивался помощи Рузвельта в завершении войны в Китае. Американский президент, по его мнению, мог это сделать, заявив Чан Кай-ши, что США не будут оказывать ему помощь, если гоминьдановское правительство откажется от мира на условиях, предложенных Японией[2].

В Лондоне были обеспокоены берлинскими переговорами Мацуока, понимая, что гитлеровцы стараются втянуть Японию в войну против Англии. 12 апреля 1941 г. английский посол в Москве передал Мацуока письмо Черчилля, в котором премьер-министр Англии доказывал бессмысленность расчетов Японии на помощь Германии в войне против Англии; в нем говорилось о превосходстве англо-американского флота над японским и о мощи американской экономики[3].

22 апреля, уже вернувшись в Токио, Мацуока направил Черчиллю телеграмму, в которой заявил: «Внешняя политика Японии определена после тщательного и беспристрастного расследования всех фактов», и она «направлена на осуществление великой расовой цели — реализации в мире принципа «Хакко итиу» («весь мир под одной крышей») — японской концепции всеобщего мира»[4].

Нарочито декларативный и туманный ответ Мацуока показывал, что правители Японии не собирались отступать от намеченной ими программы захватов.

Вместе с тем японское правительство хотело избежать или по крайней мере оттянуть столкновение с США и Англией, надеясь путем нажима и угроз, осуществляемых совместно с Гер-

---

[1] DGFP, Series D, vol. XII. p. 379.

[2] АВП СССР. Стенограмма заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 7 ноября 1946 г.

[3] См. там же.

[4] Там же.

манией, добиться от них согласия на захват стран Южных морей и Китая. Командование военно-морского флота Японии в августе 1940 г. полагало, что на подготовку войны против США и Англии потребуется 8 месяцев. Японское правительство рассчитывало на нападение Германии на Советский Союз, которое создало бы Японии благоприятные условия для расширения экспансии.

По мнению японской дипломатии, сначала следовало попытаться достигнуть своих целей путем переговоров с США. В случае невозможности добиться соглашения с США переговоры должны были, по расчетам японцев, завуалировать подготовку к внезапному нападению на владения США и Англии.

В свою очередь руководители американского правительства еще надеялись, что им удастся на некоторое время нейтрализовать Японию. Известные уступки ей за счет Китая, считали в Вашингтоне, могут оттянуть столкновение с Японией. В то же время определенные круги в США делали ставку на японо-советскую войну и на ослабление в результате этого и Японии, и Советского Союза.

Японо-американские переговоры и позиция Германии

Результатом стремления обеих сторон по разным причинам оттянуть вооруженный конфликт явились японо-американские переговоры, начавшиеся весной 1941 г. Вначале эти переговоры проходили в неофициальном порядке, через посредничество частных лиц, имевших контакты как с японскими, так и с американскими руководящими деятелями. Среди таких лиц были казначей японского промышленного союза Игава, американский католический священник Дроут, начальник военного управления военного министерства Японии Муто и начальник организационного отдела этого управления Ивагуро. 8 марта в переговоры в Вашингтоне включился посол Японии Номура, заявивший государственному секретарю США Хэллу уже при первой встрече, что «любое соглашение лучше войны» и что война между США и Японией явилась бы «преступлением»[1].

4 апреля Игава, Ивагуро и Дроут составили проект документа «Достижение взаимопонимания между Японией и Америкой». На следующий день проект был представлен на рассмотрение правительств США и Японии[2].

Хэлл и Номура дважды — 14 и 16 апреля — обсуждали проект. Хэлл заявил, что проект неудовлетворителен, и предложил положить в основу переговоров так называемые «четыре принципа»: уважение территориальной целостности и сувере-

[1] "Foreign Relations... Japan. 1931—1941", vol. II, p. 389—396.
[2] Ibid., p. 398—402.

нитета всех стран, невмешательство во внутренние дела других государств, равенство в торговле, отказ от применения военной силы для изменения положения на Тихом океане[1].

Учтя замечания Хэлла и японского правительства, Игава, Ивагуро и Дроут 16 апреля составили второй вариант предложений, который был положен в основу дальнейших переговоров. Проект предусматривал закрепление за Японией Маньчжурии (в частности, США должны были признать Маньчжоу-Го). США должны были содействовать удовлетворению и других японских интересов в Китае. Они были бы обязаны также способствовать «слиянию» правительства Чан Кай-ши и марионеточного режима Ван Цзин-вэя. Кроме того, в документе говорилось о возможности заключения нового японо-американского торгового договора, о предоставлении Японии крупных кредитов, об обеспечении Японии важнейшими стратегическими материалами — нефтью, каучуком, оловом, никелем и т. д. Взамен Япония соглашалась на восстановление принципа «открытых дверей» в Китае, на частичный вывод оттуда своих войск. В ходе переговоров Дроут заявил, что если Япония выйдет из Тройственного пакта, то в случае возникновения японо-советской войны США окажут Японии помощь[2]. Хотя этот пункт и не был включен в текст проекта, сама его постановка весьма знаменательна, ибо раскрывает антисоветскую направленность намечавшегося соглашения.

Тем не менее неофициальные предложения, составленные в Вашингтоне, не удовлетворяли в полной мере японские правящие круги, среди которых с каждым днем усиливалось влияние экспансионистских элементов, особенно из числа военных. Последние были против ухода японских войск из Китая. Они требовали урегулирования «китайской проблемы» исключительно под контролем Японии, без какого-либо международного вмешательства.

Координационный совет, который объединял действия главного командования и правительства, созванный Коноэ 18 апреля, решил продолжить переговоры с США, хотя на совещании высказывались опасения, не будут ли такие действия правительства противоречить Тройственному пакту[3].

Тут же было принято решение немедленно вызвать в Японию министра иностранных дел Мацуока, совершавшего поездку по странам Европы. 22 апреля 1941 г. Мацуока вернулся в Токио.

Докладывая в тот же день об итогах своей поездки в Европу на Координационном совете, Мацуока сообщил, что предста-

---

[1] "Foreign Relations... Japan, 1931—1941", vol. II, p. 407.
[2] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 210.
[3] См. там же, стр. 210, 211.

витель Германии интересовался проблемой «южного направления», представитель Италии не проявил к этой проблеме интереса, вместе же они твердили, что общим врагом трех стран является Советский Союз. Оба — и Риббентроп, и Муссолини — согласились с тем, что одна из целей Тройственного пакта — удержать США от вступления в войну [1]. На последующих заседаниях совета Мацуока добивался заключения пакта о нейтралитете между Японией и США.

Япония не поставила в известность о переговорах с США своего союзника. Гитлеровское правительство, узнав о них через осведомителей, встревожилось. 3 мая Риббентроп пригласил японского посла Осима и, показав ему второй вариант документа «Достижение взаимопонимания между Японией и Америкой», с возмущением заявил, что он не может понять намерений японского правительства и что Япония не выполняет свое обещание напасть на Сингапур, данное Мацуока [2].

6 мая германский посол в Японии Отт отправился за разъяснениями к Мацуока. Японский министр заявил, что вынужден был согласиться на переговоры под нажимом группы влиятельных деятелей, однако ничего определенного германскому послу он так и не сказал [3].

Под давлением Германии, а также учитывая требования японских военных кругов, Мацуока внес в проект соглашения с США ряд дополнений и исправлений. Они сводились в основном к следующему. В соответствии с условиями Тройственного пакта Япония, когда потребуется, выполнит свои обязательства в отношении военной помощи Германии и Италии. Япония сама намерена диктовать условия мирного урегулирования с Китаем. В вопросе о продвижении в юго-западную часть Тихого океана оговаривалось, что, если обстановка и действия других государств ее к этому вынудят, Япония будет вынуждена прибегнуть к вооруженной силе. С учетом этих оговорок Япония соглашалась пойти на договор о «взаимопонимании» с США [4].

Но прежде чем вручить проект американскому правительству, Номура, по указанию Мацуока, встретился 7 мая с Хэллом и попытался запугать его, заявив, что японское правительство

---

[1] "Japan's Decision for War. Records of the 1941. Policy Conferences", p. 21.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 7 ноября 1946 г.

[3] См. *Л. Н. Кутаков.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, стр. 297.

[4] *К. Номура.* Бейкокуги цукайсите нитибей Косё-но кайко (Воспоминания о японо-американских переговорах во время моей миссии в Америке). Токио, 1946, стр. 11—12 (на японск. яз., далее — *К. Номура.* Воспоминания о японо-американских переговорах...).

твердо уверено в победе Германии и Италии над Англией и ее союзниками. Подготовив, как ему казалось, почву, Номура попытался выяснить вопрос о возможности заключения японо-американского пакта о нейтралитете. Опытный дипломат Хэлл разгадал маневр Номура. Он оставил без внимания демарш японского посла [1].

Гитлеровцы решили воздействовать на Японию через японского посла в Берлине Осима, связанного с руководством японской армии. 9 мая Риббентроп пригласил японского посла и показал ему телеграмму германского посла в Токио Отта. Телеграмма излагала проект ответа Японии правительству США. Гитлеровский министр иностранных дел заметил, что у него есть все основания считать инициатором этих переговоров Японию. Риббентроп напомнил Осима обещание Мацуока относительно вступления Японии в войну против СССР в случае германо-советского конфликта, а также его заверения о намерении Японии напасть на Сингапур. Затем Риббентроп заговорил о бессмысленности и опасности для Японии заключения соглашения с США. Он откровенно (немцы не стеснялись Осима) сказал о своих опасениях, как бы правительство США не воспользовалось переговорами, чтобы «отдалить Японию от Германии» и убедить противников войны в своей стране в том, что США «могут теперь направить свои силы в Атлантику ввиду устранения опасности в Тихом океане» [2].

Не ограничиваясь беседами с Осима, гитлеровцы продолжали нажим и в Токио. Посол Отт попросил Мацуока ознакомить германское и итальянское правительства с текстом японского ответа на предложения США и не отправлять его, пока не станет известно мнение Риббентропа по существу вопроса. Отт передал также требование Берлина к японскому правительству: подчеркнуть в своем ответе правительству США, что патрулирование или конвоирование американских торговых судов, доставляющих грузы в Англию, может спровоцировать японо-американскую войну. Мацуока ответил, что не будет вести переговоров, которые могли бы нанести ущерб Тройственному пакту, однако дожидаться мнения Риббентропа не стал и дал указание Номура начать переговоры [3].

12 мая японское правительство передало Хэллу исправленный проект соглашения. Это были уже официальные предложения Японии, которые состояли в следующем: а) признание Соединенными Штатами Тройственного пакта «в качестве обо-

---

[1] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II. New York, 1948, p. 997—998.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока 7 ноября 1946 г.

[3] DGFP, Series D, vol. XII, p. 507, 749, 750, 753, 754.

ронительного соглашения». При этом оговаривалось, что «обязательство Японии о военной помощи по Тройственному пакту выполняется в соответствии со статьей 3 пакта», предусматривавшей взаимопомощь Японии, Германии и Италии в случае нападения на договаривающиеся страны одной из держав, которая в настоящее время не участвует в европейской войне или японо-китайском конфликте. В данном случае имелись в виду США; б) правительство США, признавая «три принципа Коноэ» [1] и принципы договора Японии с нанкинским правительством (т. е. с марионеточным «правительством» Ван Цзин-вэя.— *Ред.*), «посоветует» правительству Чан Кай-ши начать мирные переговоры с Японией. В случае отказа Чан Кай-ши принять этот «совет» американское правительство прекращает поддержку Китая; в) восстановление экономических отношений между США и Японией в полном объеме, взаимное обеспечение необходимыми товарами и ресурсами; г) совместная японо-американская гарантия независимости Филиппин при условии нейтрального статута Филиппин и ликвидации всякой дискриминации в отношении подданных; д) разрешение японской иммиграции в США [2].

Проект от 12 мая в отличие от проекта от 16 апреля обходил молчанием вопрос об «открытых дверях» — один из основных лозунгов американского империализма, прикрываясь которым монополии США проникали в колонии, зависимые страны и на рынки других государств.

Предложения Японии предусматривали фактическое сохранение в Китае японских войск, отторжение его северо-восточных провинций и, следовательно, установление постоянного господства Японии в Китае, который американский империализм с давних пор старался превратить в объект своей монопольной эксплуатации. Японские империалисты, претендуя на подчинение всего Китая, не предлагали США сколько-нибудь существенной компенсации.

Основные положения японского проекта подчеркивали резкие расхождения между японскими и американскими притязаниями на господство в бассейне Тихого океана и Азии.

Получив японский проект, Хэлл увидел, что и этот документ «почти не давал надежды» достигнуть соглашения с Токио. Но

---

[1] 22 декабря 1938 г. Коноэ объявил принципы урегулирования японо-китайских отношений: 1) «Объединение Японии, Китая и Маньчжоу-Го для построения нового порядка в Восточной Азии»; 2) заключение соглашения для борьбы против коммунизма с сохранением японских вооруженных сил в Китае; 3) «экономическое сотрудничество» с рядом привилегий для японцев.

[2] "Foreign Relations... Japan, 1931—1941", vol. II, p. 420—425.

все же государственный секретарь согласился положить его в основу переговоров [1]. В своих мемуарах Хэлл объясняет это согласие стремлением не упустить единственную возможность кардинальным образом обсудить японо-американские отношения. Но в действительности дело было не в этом. Главная причина заключалась в обострении американо-германских отношений. США все более втягивались в войну в Европе. В марте 1941 г. был принят закон о ленд-лизе, а затем США заявили о патрулировании своих судов, перевозящих боеприпасы и снаряжение в Англию. 27 мая 1941 г. Рузвельт объявил о введении в США «неограниченного чрезвычайного положения» [2].

Продолжая попытки запугать правительство США, Мацуока в беседе с американским послом Грю 14 мая заявил, что позиция США в отношении Германии является «провокационной». «Если США будут конвоировать свои суда,— сказал японский министр,— и в результате этого начнется война между США и Германией, то в соответствии со статьей 3 Тройственного пакта неизбежна война между Японией и США» [3].

14 мая Риббентроп высказал японскому послу Осима недовольство тем, что Мацуока без согласования с Германией отправил ответ правительству США, и заявил о своем опасении, как бы японо-американское соглашение автоматически не лишило пакт трех держав всякого значения [4].

Германская дипломатия, понимая, что Япония не откажется от переговоров с США, вновь потребовала зафиксировать в японо-американском соглашении обязательство США не вмешиваться в войну между странами «оси» и Англией и обязательства Японии, вытекающие из пакта трех. Для гитлеровского правительства этот пункт соглашения был основным. Отт заявил Мацуока, что германское правительство «настаивает на том, чтобы его немедленно информировали об американском ответе и чтобы оно было посвящено в дальнейшие переговоры между Японией и США» [5].

Мацуока обещал незамедлительно сообщить в Берлин ответ правительства США, информировать правительства Германии и Италии о ходе переговоров и, «насколько возможно, консультироваться с ними» [6].

---

[1] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1001.

[2] См. *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. т. 1. М., 1958, стр. 487.

[3] *J. Grew.* Ten Years in Japan. New York, 1944, p. 388—389.

[4] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 7 ноября 1946 г.

[5] DGFP, Series D, vol. XII, p. 820—822.

[6] Ibid., p. 847—848.

16 мая Хэлл заявил Номура, что считает возможным принять с известными поправками два из трех принципов Коноэ: «оборону против коммунизма» (в Китае.— *Ред.*) и экономическое сотрудничество Японии и Китая. США не соглашались на признание японского господства в Китае, они были против ограничения там интересов других стран[1].

При очередной встрече с Хэллом 28 мая Номура заявил: «Положение о выводе японских войск из Китая не имеет отношения к той части вооруженных сил Японии, которая будет оставлена в целях совместной обороны против коммунизма»[2]. Японцы ставили непременным условием соглашения с США сохранение своих войск в пяти провинциях Китая (Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Чахар, Суйюань), в которых располагались наиболее активные воинские части китайских коммунистов.

31 мая Хэлл неофициально предложил Номура контрпроект, объединявший японские и американские предложения[3]. 11 и 12 июня Координационный совет обсуждал американский контрпроект. Мацуока решительно выступил против его принятия. Точка зрения Мацуока победила.

Номура подробно информировал Хэлла о настроениях в Токио и о позиции Мацуока. 21 июня Хэлл передал Номура официальный американский контрпроект, дополнявший и уточнявший проект от 31 мая[4].

Американцы возражали против японских притязаний на экономические преимущества в Китае и в западной части Тихого океана. США были против пребывания японских войск в Китае, но их требования в этом вопросе не носили безоговорочного характера, что могло позволить Японии держать свои войска в Китае значительное время. Правительство США требовало от японцев сообщить ему условия мирного урегулирования с Чан Кай-ши. В примечании к этому разделу предусматривалось обсуждение в дальнейшем мер «совместной обороны против коммунистической деятельности», вопросов о пребывании японских войск на китайской территории и об экономическом сотрудничестве Японии и Китая. США выразили готовность в будущем обсудить вопрос о признании Маньчжоу-Го, восстановить торговлю и экономические отношения с Японией до довоенных масштабов, содействовать «равному доступу обеих стран к естественным богатствам» в районе Тихого океана[5].

---

[1] *К. Номура.* Воспоминания о японо-американских переговорах.., стр. 71—73.

[2] "Foreign Relations... Japan, 1931—1941", vol. II, p. 441.

[3] Ibid., p. 446—451.

[4] Ibid., p. 486—490.

[5] Ibidem.

Текст американских предложений был получен в Японии 24 июня. Все внимание японских правящих кругов в эти дни было приковано к начавшейся войне гитлеровской Германии против Советского Союза.

3. Формирование англо-американского союза

Позиции Англии и США в отношении войны

Военные успехи гитлеровской Германии в Европе, расширение экспансии Японии в Азии и создание блока фашистских государств резко меняли соотношение сил империалистических государств. С поражением Франции Англия утратила, по существу, своего главного партнера по коалиции.

Вскоре после нападения Германии на Бельгию и Голландию, 10 мая 1940 г. ушло в отставку правительство Чемберлена, действия которого уже давно вызывали резкую критику со стороны английской общественности. Мюнхенская группировка английских политических деятелей лишилась доверия в стране. Падение кабинета Чемберлена как бы подводило черту под политикой сторонников мюнхенской линии в Англии.

Правительство Черчилля в силу необходимости оказалось вынужденным искать новых союзников и одновременно заняться определением дальнейшего внешнеполитического курса страны, стратегии и тактики борьбы с Германией. Кабинет Черчилля исходил из того, что в сложившейся критической обстановке речь шла о самом существовании британского империализма. Поэтому премьер-министр и его единомышленники считали необходимым проводить политику активного сопротивления фашистским державам, в чем они встретили поддержку и понимание английского народа.

Перед Англией в тот момент стоял выбор: либо компромиссный мир с нацистской Германией, либо продолжение войны при помощи и сотрудничестве с США. Выбирая продолжение войны, английское правительство надеялось со временем изменить военное положение в свою пользу.

Конечно, расширение сотрудничества с США, как понимали в Лондоне, должно было повлечь за собой сдачу американским империалистам ряда английских позиций: предоставление стратегических баз, допуск в колонии и т. п., что повлекло бы за собой постепенное подчинение Соединенным Штатам английских сфер влияния, прежде всего на Дальнем Востоке, где Англия не располагала серьезными силами для защиты своих владений. Английские правящие круги надеялись, однако, что в дальнейшем они смогут противодействовать экспансионистским

устремлениям американских монополий и вернуть утерянные позиции. Они рассчитывали также втянуть США в войну против Германии и Японии.

В июне 1940 г. Черчилль дал инструкцию послу Англии в Вашингтоне Лотиану доказать президенту США, что, «если вторжение в Англию окажется успешным и если часть ее будет оккупирована после тяжелых боев, будет создано какое-то квислинговское правительство, которое заключит мир на основе превращения Англии в германский протекторат...»[1].

Многие влиятельные политические и военные деятели Вашингтона мрачно смотрели на перспективы Англии в войне с Германией. Сообщения германского военного атташе в США свидетельствуют, что часть американских правящих кругов, особенно военные лидеры, начала мириться с возможностью полного разгрома Англии и уничтожения Британской империи[2]. Характерно, что 22 июня 1940 г. руководители армии и флота США генерал Маршалл и адмирал Старк высказались против какого-либо увеличения военных поставок Англии в ущерб оснащению вооруженных сил самих США, особенно против передачи ей дополнительного количества военных материалов[3].

Однако Рузвельт не разделял этой позиции американских военных. Президент США учитывал в первую очередь интересы американской буржуазии. Он понимал, что в случае победы блок фашистских агрессоров не только потеснит американские монополии на мировых рынках, но и изгонит их оттуда совсем. Рузвельт исходил из неизбежности войны между США и Германией и считал, что разгром фашистского блока соответствует интересам США.

Особенностью американской политики и на этом этапе оставалось, однако, стремление оттянуть вступление США в войну, переложив всю ее тяжесть на Англию. При этом правительству США приходилось, с одной стороны, считаться с усилением антифашистских настроений среди американского народа, с ростом требований об оказании максимальной военной помощи Англии и другим странам в их борьбе против блока фашистских агрессоров; с другой стороны, Рузвельт должен был учитывать и позицию изоляционистов, убежденных, что основные интересы страны не выходят за пределы Западного полушария, а также настроения большинства американцев, выступавших за сохранение Соединенными Штатами «нейтралитета». «Огромное

---

[1] Цит. по кн.: *Н. Н. Яковлев.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969, стр. 351.

[2] "Documents on German Foreign Policy, 1918—1945", Series D, vol. IX. Washington, 1956, p. 426.

[3] *M. S. Watson.* Chief of Staff. Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950, p. 111.

большинство народа США — который подобно всем другим народам любит мир и полностью сочувствовал великой всемирной борьбе с фашизмом,— писал руководитель американских коммунистов Уильям Фостер,— все же искренне желало не ввязываться в войну. Оно хотело содействовать этой борьбе, но гнало от себя мысль об участии в самой войне»[1].

Вследствие всех этих факторов правительство Рузвельта ограничивалось лишь предоставлением материальной военной помощи Англии в ее борьбе с Германией.

Переговоры о передаче Англии американских эсминцев

Еще во время сражений во Франции, 15 мая 1940 г., Черчилль поставил перед Рузвельтом вопрос о передаче Англии старых американских эсминцев для охраны караванов судов, доставлявших грузы из США в Англию. Германские подводные лодки наносили большой ущерб британскому флоту. Англия теряла ежедневно торговые суда водоизмещением до 14 тыс. m[2].

11 июня, после того как Италия вступила в войну и действия ее подводного флота усилили угрозу британскому судоходству, Черчилль еще раз обратился к американскому правительству. «Ничто не будет для нас столь важно, как получить 30—40 старых эсминцев,— писал он.— Следующие шесть месяцев будут иметь для нас жизненно важное значение»[3]. Черчилль, как он сам признает в мемуарах, обрисовал Рузвельту в своих посланиях «то опасное положение, в котором окажутся Соединенные Штаты, если сопротивление англичан будет сломлено»[4].

Рузвельт запросил Черчилля относительно возможного переезда английского правительства из Лондона в Канаду или какой-либо другой пункт в случае вторжения германских войск на Британские острова. Американские политические деятели считали, что при таких обстоятельствах должно быть создано эмигрантское правительство Англии, полностью зависимое от США. Империалисты Соединенных Штатов намеревались использовать опыт английских правящих кругов, поддерживавших эмигрантские правительства захваченных Гитлером европейских стран. Рузвельт «хотел быть уверенным в том, что англичане сделают то, что сделали голландцы, бельгийцы, норвежцы, чехи и поляки... то есть образуют правительство в эмиграции»[5].

---

[1] *У. З. Фостер.* Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 613.

[2] "Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report", vol. 420. London, 1946, col. 532.

[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 353.

[4] Ibidem.

[5] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 272.

Английский кабинет не спешил давать такие заверения. Черчилль рассчитывал, играя на заинтересованности США в английском наследстве и их боязни значительного усиления Германии, добиться более ощутимой поддержки со стороны американского правительства. Посол Англии в США Лотиан в июле сообщал в Лондон, что общественное мнение в США стало наконец сознавать реальную опасность полной потери английского флота [1].

23 июля 1940 г. в Вашингтоне начались секретные англо-американские переговоры. Их вели английский посол Лотиан и заместитель государственного секретаря США Сэмнер Уэллес. Но главные вопросы решались президентом и английским премьер-министром. 31 июля Черчилль обратился с новым посланием к Рузвельту. Английский премьер нарисовал мрачные перспективы Англии: «Мы не сможем выдержать долгое время, если в дальнейшем нам будут наносить такие же потери, как до сих пор». Он настаивал на немедленной передаче Англии 50—60 американских эсминцев вместо 30—40, о которых шла речь раньше [2].

В начале августа правительство США через Лотиана сообщило в Лондон о своем согласии передать Англии 50 эсминцев в обмен на ряд баз на Вест-Индских и Бермудских островах. Устаревшие малоэффективные корабли [3], конечно, не шли по ценности ни в какое сравнение с этими базами, имевшими огромное стратегическое значение для США. Переход островов под американский контроль значительно ослаблял позиции Англии в Западном полушарии. Английское правительство отдавало себе в этом отчет. Но оно не видело иного пути для борьбы с врагом на море и охраны жизненно важных для Англии коммуникаций.

Существовала еще одна веская причина заинтересованности Англии в такой сделке. Передача Великобритании 50 американских военных кораблей означала серьезный шаг Соединенных Штатов на пути к участию в войне. Гитлеровцы могли использовать этот акт как предлог для объявления войны США, что отвечало замыслам английской дипломатии.

США потребовали ясных заверений, что в случае разгрома Великобритании английский флот не капитулирует и не будет потоплен, а продолжит борьбу, защищая другие части Британской империи [4]. В телеграмме Черчиллю в июне 1940 г. Рузвельт вы-

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 355.

[2] Ibid., p. 356.

[3] Англии передавались суда, построенные в годы первой мировой войны и подлежавшие продаже на слом.

[4] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 358. В правительстве США опасались, что английские моряки не приведут свои

разил надежду, что флот укроется в таких базах, как Ньюфаундленд, Аден, Кейптаун и Сингапур. Он указал при этом, что американский флот возьмет на себя оборону Западного полушария, включая Канаду [1].

Однако Черчилль воздерживался от подобных заверений, убеждая Рузвельта, что они могут произвести тяжелое впечатление на английское население, поскольку завоевание Британских островов и английских военных баз будет рассматриваться «как нечто, не лежащее за пределами реальной возможности» [2]. Премьер-министр опасался также, что американцы смогут воспользоваться этим обязательством Англии и в определенный момент потребовать передачи им флота якобы в интересах обороны британских владений.

Однако правительство США было неумолимо, ибо дело касалось важнейших интересов американского империализма. Тогда Черчилль 4 июня 1940 г. подтвердил свое заявление в парламенте о том, что «Великобритания никогда не выдаст и не потопит свой флот» [3]. По настоянию Черчилля англо-американская сделка была оформлена не как обмен английских владений на 50 американских эсминцев, а как сдача Англией этих территорий в аренду США сроком на 99 лет. Практически дело от этого не менялось, но формально права на Вест-Индские и Бермудские острова оставались за Англией.

2 сентября 1940 г. англо-американское соглашение было оформлено путем обмена нотами между государственным секретарем Хэллом и английским послом Лотианом. Американцы получили право создавать военно-воздушные и военно-морские базы на Ньюфаундленде, на островах Бермудских, Багамских, Ямайке, Антигуа, Санта-Лючия, Тринидаде и в Британской Гвиане [4]. Правительство США, таким образом, воспользовалось тяжелым положением Англии, чтобы закрепить военно-политические позиции США в английских владениях в Западном полушарии.

5 сентября Черчилль информировал парламент о соглашении, дав при этом понять, что оно неминуемо приведет США

кораблн в США в случае капитуляции Англии. Американцы решили сыграть на чувствах гуманности. США стали принимать все больше детей из Англии, спасая их от немецких бомбардировок. Министр внутренних дел Икес записал в своем дневнике за 4 августа 1940 г.: «Я указал, что, чем больше детей из Англии мы привезем к себе, тем больше будет у нас заложников и тем сильнее будет желание англичан прислать свой флот к нам. Президент согласился, что это — умное предложение» («The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. III. New York, 1954, p. 121).

[1] См. *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 271.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 360.

[3] Ibid., p. 367.

[4] Ibid., p. 366.

к столкновению с Германией. Гитлер «отплатит Соединенным Штатам, если когда-либо он будет иметь такую возможность,— заявил Черчилль,— вот почему я очень доволен тем, что границы, вдоль которых расположится армия, авиация и военно-морской флот Соединенных Штатов, теперь выдвинуты вперед в Атлантический океан в виде огромной дуги»[1].

Американские поставки вооружения Англии. Закон о ленд-лизе

4 ноября 1939 г. американский конгресс изменил закон о нейтралитете, запрещавший продажу оружия воюющим странам. Был утвержден новый принцип торговли оружием — «кеш энд керри» («плати и вывози»), т. е. покупка воюющими сторонами оружия за наличный расчет и вывоз его на своих судах, под своим флагом. Это облегчало Англии и Франции приобретение вооружения в США.

В то же время принцип «кеш энд керри» обеспечивал интересы американских монополистов, рассчитывавших хорошо заработать на второй мировой войне. Принцип уплаты наличными вынуждал Великобританию и Францию мобилизовывать свои денежные ресурсы и активы, изымать вложения из других стран, что открывало монополиям США новые возможности для экспансии.

В ноябре 1940 г. Рузвельта в третий раз избрали президентом Соединенных Штатов. В одной из своих первых речей после выборов президент высказался за расширение военных поставок Англии и Канаде. Им было предоставлено право закупать половину всей американской военной продукции.

Однако это не решало важнейшего для Англии вопроса о денежных средствах для оплаты американских поставок. В конце 1940 г. английское правительство с удвоенной энергией стало добиваться изменения существующего порядка, чтобы сохранить по возможности свои зарубежные капиталовложения.

8 декабря 1940 г. Черчилль направил Рузвельту пространное послание. Обрисовав важнейшие проблемы, стоявшие перед Англией, премьер-министр решительно настаивал на изменении порядка оплаты поставок. Он подчеркнул, что размещенные заказы и те, о которых ведутся переговоры, «во много раз превосходят запасы валюты, еще остающиеся в распоряжении Великобритании. Близится момент, когда мы больше не сможем платить наличными за суда и другие поставки... Было бы в принципе неверно и фактически взаимно невыгодно, если бы в разгар этой борьбы Великобритания лишилась всех своих активов и оказалась раздетой до нитки после того, как победа будет за-

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 367.

воевана нашей кровью, цивилизация спасена и США выиграют время для того, чтобы полностью вооружиться»[1].

17 декабря 1940 г. Рузвельт заявил на пресс-конференции о необходимости оказать Великобритании помощь на основе ленд-лиза — предоставления оружия и снаряжения взаймы или в аренду. Такая помощь, говорил президент, служит интересам обороны США.

29 декабря в традиционном выступлении по радио — «беседе у камелька» — Рузвельт подчеркнул, что США «должны стать великим арсеналом демократии»[2] и что с нацистами ни одна страна не может жить в мире.

В США развернулись ожесточенные дебаты по вопросу о ленд-лизе. Американские монополисты не хотели так легко отступиться от мысли заставить Англию отказаться от ее иностранных капиталовложений. При обсуждении законопроекта о ленд-лизе в правительстве на замечание о том, что англичане — самый богатый народ в мире в пересчете на душу населения и что если они «заботятся о собственной свободе, то пусть распродадут все», президент Рузвельт ответил, что английская финансовая корова «выдоена почти до конца»[3]. Более дальновидные деятели, поддерживавшие Рузвельта, понимали несомненную выгодность для американских монополий огромных военных заказов, оплачиваемых правительством и предназначенных для усиления вооруженных сил как США, так и других государств, сопротивлявшихся фашистской агрессии.

В предложении Рузвельта была заложена и другая не менее важная внешнеполитическая идея: поддержать решимость англичан продолжать войну, но при этом сохранить за США средства влияния на английскую политику во время и после войны. В связи с англо-американскими штабными переговорами в январе 1941 г. советники президента предупреждали американскую делегацию: «... мы не можем себе позволить вручить судьбу нашего государства английскому руководству, да и не нуждаемся в этом... Англичане никогда не упускают из виду свои послевоенные интересы — коммерческие и военные. И мы также должны, в конечном счете, заботиться о своих собственных интересах»[4].

Выступая на пресс-конференции 17 декабря, Рузвельт говорил, что долг, который образуется в связи с поставками по ленд-лизу, Англия впоследствии должна будет вернуть натурой.

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 500—501.

[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 388—389.

[3] "The Secret Diary of Harold L. Ickes", vol. III, p. 409—410.

[4] Цит. по кн.: *М. Мэтлофф* и *Э. Снелл.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955, стр. 45.

Как указывают авторы книги «Как пришла война» Дэвис и Линдлей, «в уме президента и тех, кто его окружали, условия возмещения постепенно расширялись и наряду с предметами в натуре включали другие ценные компенсации — новые аренды, возможно, сырье и торговые соглашения»[1]. Ленд-лиз, таким образом, в значительной степени был призван обеспечить получение от Англии важнейших уступок экономического и политического характера как во время войны, так и после нее.

Предоставляя Англии помощь по системе ленд-лиза, правящие круги США считали, что эта помощь окупится сполна, поскольку США будут защищены чужими руками. Ставший после смерти Рузвельта в 1945 г. президентом США Трумэн отмечал в своих воспоминаниях: «Деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно, спасали множество американских жизней»[2]. Американский историк Бейли писал по этому поводу: «Мы дадим возможность Британии воевать (нашим оружием) до последнего англичанина, а тем временем останемся нейтральными и будем процветать»[3].

11 марта 1941 г. законопроект о ленд-лизе был принят американским конгрессом. Он давал президенту право предоставлять в аренду или взаймы вооружение, военные материалы, продовольствие и оказывать различные услуги государствам, национальная оборона которых признавалась жизненно важной для безопасности Соединенных Штатов. Закон стал основой военно-экономических отношений США с другими странами антигитлеровской коалиции.

В дни, когда шло обсуждение законопроекта о ленд-лизе, в Вашингтоне, в обстановке особой секретности, происходили англо-американские штабные переговоры. В результате переговоров был принят план АВС-1, определявший основные стратегические цели США и Англии в войне. План предусматривал ведение военных действий прежде всего против Германии. После разгрома Германии США и Англия предполагали начать войну с Японией. США намеревались сосредоточить свой флот в Северной Атлантике; это давало Англии возможность высвободить часть сил для отправки на Ближний и Дальний Восток. Однако правительство США формально не утвердило план АВС-1 и, таким образом, оставляло за собой возможность отказаться от него. Американская дипломатия хотела иметь мощное орудие давления на Англию.

---

[1] Цит. по кн.: *В. Г. Трухановский.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965, стр. 148.

[2] "The Memoirs of Harry S. Truman", vol. I. New York, 1955, p. 234.

[3] См. подробнее *Н. Н. Яковлев.* Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961, стр. 319.

Укрепление позиций США в Северной Атлантике

Летом 1940 г. американский конгресс принял программу строительства так называемого «флота двух океанов». В ходе выполнения она превратилась в программу строительства «флота пяти океанов», призванного обеспечить господство США на любом театре морских операций. Одновременно шло огромное авиационное строительство, бурно развивалось производство танков, артиллерийского и стрелкового вооружения. Поставляя во все возраставших масштабах оружие и другое военное снаряжение Англии, правительство США после получения военных баз в английских владениях в Западной Атлантике приняло осенью 1940 г. ряд мер для упрочения своих позиций в Северной Атлантике.

В Гренландии энергичную деятельность развернул американский консул Пенфилд. В ноябре 1940 г. он организовал поездку в США губернатора Гренландии Свэна. Гренландия принадлежала Дании, оккупированной гитлеровцами. Губернатор хотел как можно дольше сохранить нейтралитет острова. В ходе переговоров Свэн заявил, что если Соединенные Штаты вступят в войну, то гренландская администрация будет сотрудничать с американскими властями.

В январе 1941 г. правительство Канады попросило правительство США сообщить ему планы в отношении Гренландии или согласиться с тем, что Канада возьмет на себя обеспечение безопасности острова. Американские правящие круги хотели взять под свой контроль важный в стратегическом отношении остров. Государственный департамент решительно выступил против создания в Гренландии канадских или английских военных баз [1].

В январе 1941 г. государственный департамент начал переговоры с датским посланником Кауфманом об установлении над островом контроля США. 9 апреля 1941 г. соглашение с Кауфманом было подписано. США получили право на время войны оборудовать в Гренландии военно-морские базы и аэродромы, строить метеорологические станции и содержать там свои вооруженные силы [2].

Находившееся под контролем гитлеровцев датское правительство объявило соглашение недействительным. Однако правительство США заявило, что, поскольку Дания оккупирована и ее правительство фактически никого не представляет, соглашение имеет силу. В послании Рузвельта датскому королю

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War, 1940—1941, p. 173, 428—429.

[2] Текст см. "Documents on American Foreign Relations", vol. III. Bostion, 1941, p. 232—235.

Кристиану X говорилось о том, что датский контроль над островом будет восстановлен после того, как Дания освободится от оккупации. 10 апреля американское правительство приняло решение взять на себя оборону Гренландии [1].

После долгих переговоров с английским и исландским правительствами США летом 1941 г. добились их согласия на высадку американских войск и создание баз в Исландии. Установление контроля над Гренландией и Исландией диктовалось, конечно, не только потребностями войны, но и экспансионистскими целями американского империализма.

В целом англо-американское соглашение от 2 сентября 1940 г. о передаче Англии американских эсминцев в обмен на военно-морские базы, переговоры штабов двух держав и согласование ими плана общей стратегии борьбы против Германии (план АВС-1), одобрение конгрессом США закона о ленд-лизе закладывало основы для создания англо-американского военного блока.

Антифашистское Сопротивление в Европе и требования народов Англии и США

Во второй половине 1940 г.— первой половине 1941 г. в Европе складывалась ситуация, имевшая своим следствием возникновение предпосылок дальнейшего расширения антифашистского фронта второй мировой войны. Касаясь этого периода войны, Л. И. Брежнев говорил: «Использовав благоприятные условия, гитлеровцы захватили Австрию, Польшу, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Югославию, Грецию и другие страны. Под флагом союза они фактически оккупировали Венгрию и Румынию. Они нанесли поражение Франции и создали угрозу вторжения в Англию.

Гитлеровские захватчики растоптали независимость оккупированных ими стран, пулями и виселицами насаждали в них свой «новый порядок», грабили и уничтожали их национальные богатства. Народы на собственном опыте убедились, каким злобным и неумолимым врагом является фашизм, и вступили в упорную борьбу с оккупантами. Это была справедливая, антифашистская, освободительная борьба» [2].

Уроки тяжелых поражений и сама жизнь подводили все новые социальные слои на Западе к осознанию того факта, что перед ними не просто агрессивная Германия, что бывало и в прошлом, а Германия гитлеровская, фашистская. Все отчетливее проступало ее стремление не только захватить европейские государства, но и ликвидировать в них буржуазно-демократи-

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War, 1940—1941, p. 426—427.

[2] *Л. И. Брежнев*. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 122.

ческие завоевания, установить режим террора, диктата, насилия.

В оккупированных странах возникает движение Сопротивления фашизму. В июле 1940 г. ЦК Французской коммунистической партии призвал все силы нации бороться за национальную независимость страны. Этот призыв французских коммунистов положил начало движению национального сопротивления гитлеровским оккупантам. Коммунисты других захваченных Германией стран также выступили организаторами патриотических сил и антифашистского движения. Братские партии определили новые задачи компартий по сплочению всех революционных сил для борьбы с фашизмом. В 1941 г. антифашистское движение стало принимать характер вооруженной борьбы.

Народ Англии также усиливал давление на свое правительство, требуя от него ведения активной антифашистской войны. В Англии развернулась упорная борьба за удаление из правительства сторонников соглашения с Германией, за дружбу с СССР. В первых рядах тех, кто выступил под лозунгом «Мюнхенцы должны уйти», были английские коммунисты.

Американский народ все более склонялся к отпору фашистской агрессии. «Сейчас совершенно очевидно,— говорилось в послании президента США конгрессу от 6 января 1941 г.,— что американские граждане повсюду требуют и поддерживают принятие незамедлительных действий, которые диктуются угрожающей нам опасностью»[1].

[1] «New Times», 7.I.1941.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОТИВ РАСШИРЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

(май 1940 г. — июнь 1941 г.)

Коммунистическая партия и Советское правительство видели опасность, исходившую от фашистской Германии, и принимали меры по укреплению обороноспособности СССР.

После поражения Франции в июне 1940 г. международная обстановка еще более осложнилась, усилилась угроза распространения германской агрессии на другие страны. Начиная с августа 1940 г. напряженность в советско-германских отношениях стала заметно возрастать.

В августе 1940 г. состоялась седьмая сессия Верховного Совета СССР, где был заслушан доклад о внешней политике Советского правительства. В нем указывалось, что мир находится накануне нового этапа усиления войны. «В этих условиях,— подчеркивалось в докладе,— Советский Союз должен проявить усиленную бдительность к делу своей внешней безопасности, к укреплению всех своих внутренних и внешних позиций». Советское правительство призвало народ сделать все, чтобы «обеспечить дальнейший и еще более мощный подъем оборонной и хозяйственной мощи страны...» [1].

Партия и правительство осуществляли важные меры по укреплению промышленно-экономической базы СССР. В 1940 г. было добыто 166 млн. *т* угля, выплавлено около 15 млн. *т* чугуна и свыше 18 млн. *т* стали. Производство электроэнергии достигло 48,3 млрд. *квт-ч*. На базе тяжелой промышленности создавалась мощная военная промышленность.

В феврале 1941 г. XVIII конференция ВКП(б) обсудила задачи партийных организаций в области промышленности и транспорта. В резолюции конференции отмечалось, что «темпы роста продукции оборонных промышленных наркоматов в 1940 году были значительно выше темпов роста продукции всей промышленности» [2].

---

[1] «Седьмая сессия Верховного Совета СССР. 1 августа — 7 августа 1940 г. Стенографический отчет». М., 1940, стр. 32.

[2] «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 5. 1931—1941. М., 1971, стр. 460.

Промышленность резко увеличила выпуск новых самолетов, танков, различных орудий и кораблей. Предприятия оборонного значения снабжались сырьем, оборудованием, топливом, электроэнергией в первую очередь. Если в 1938 г. по смете Наркомата обороны СССР ассигнования составили 2,7 млрд. руб., то к 1941 г. они возросли более чем в 2,5 раза, достигнув 7,1 млрд. руб.[1].

В предвоенные годы была проведена реорганизация армии. Значительно увеличилась ее численность. Вооруженные Силы СССР насчитывали к 1 января 1941 г. 4 млн. 207 тыс. человек.

«Наша партия и советский народ,— говорил Л. И. Брежнев в докладе, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне,— хорошо помнили предупреждение Владимира Ильича Ленина о том, что империализм в любое время может развязать вторую полосу войн против Советского Союза, и принимали меры для того, чтобы поднять экономическую и оборонную мощь страны»[2].

СССР и страны Прибалтики

Советское правительство придавало особое значение укреплению северо-западных рубежей страны. Важно было не допустить превращения Прибалтики в плацдарм агрессии против Советского Союза. Договоры о взаимопомощи, заключенные Советским Союзом с Литвой, Латвией и Эстонией осенью 1939 г., ограждали Прибалтику от угрозы гитлеровской агрессии и создавали условия для равноправного и выгодного сотрудничества с СССР. Однако к концу 1939 г. стало очевидным, что фашистские правительства Прибалтийских стран продолжали прежний, антисоветский курс. Фашистские диктаторы (Сметона — в Литве, Ульманис — в Латвии и Пятс — в Эстонии) не ценили того, что Страна Советов обеспечила литовскому, латышскому и эстонскому народам мир. Их беспокоили усиливающиеся симпатии трудящихся к Советскому Союзу, небывало быстрый рост политической активности народных масс. Дружественные чувства к СССР они пытались задушить полицейскими репрессиями и разнузданной антисоветской клеветой.

По сообщению полпреда СССР в Литве в НКИД, литовские власти сделали все, чтобы трудящиеся Литвы не могли выразить свои симпатии Советскому Союзу после того, как они узнали о передаче Советским Союзом Литве города Вильнюса и Вильнюсской области. Когда же трудящиеся Каунаса организовали демонстрацию в знак одобрения договора о взаимопомощи с СССР, литовские власти не остановились перед разгоном этой демонстрации и избиением ее участников, направлявшихся к

---

[1] См. *А. Г. Зверев.* Записки министра. М., 1973, стр. 175.

[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 121.

зданию полпредства СССР, чтобы выразить признательность Советскому Союзу[1].

Полпред СССР в Риге сообщал в НКИД, что «с ведома властей и по их почину в Латвии распространяются самые нелепые и враждебные слухи о нашей Красной Армии» и что «атмосфера грязи и злопыхательства создается самими властями с самого начала прихода наших войск». Латвийское правительство, писал далее полпред, «обрушилось террором против всех тех, кто искренне выражает сочувствие нашей Красной Армии и видит в этом подлинную поддержку независимости Латвии», и «всякие разговоры между рабочими, где выражаются симпатии к СССР, преследуются как самое тяжкое злодеяние, граничащее с государственной изменой»[2].

Аналогичное положение создалось и в Эстонии.

Правительства Прибалтийских государств создавали трудности при решении конкретных вопросов, связанных с размещением гарнизонов в этих странах. Общая численность их была установлена при подписании договоров о взаимопомощи. Но встал вопрос о том, какие категории лиц следует включать в контингент советских вооруженных сил, а также вопрос о сроках ввода советских воинских частей на территорию Литвы, Латвии и Эстонии. Советское правительство согласилось обсудить вопрос о контингентах, как и другие практические вопросы размещения советских войск — о сроках ввода советских воинских частей, авиации и танков, об условиях аренды земельных участков и помещений, строительстве военных баз. Однако переговоры, начатые еще в конце октября 1939 г., умышленно затягивались правительствами Литвы, Латвии и Эстонии. Обращало на себя внимание и то, что правительства этих стран занимали одинаковые позиции: все они требовали, чтобы при исчислении советского воинского контингента в него включались не только вспомогательные воинские части, которые должны были осуществлять строительство и оборудование военных баз и городков, но и вольнонаемные лица (повара, официантки, рабочие и т. п.). Споры по этому вопросу начались уже в первые дни переговоров, продолжались в январе и феврале 1940 г.[3], но так и не были завершены до свержения фашистских режимов в Литве, Латвии и Эстонии в июне 1940 г.

Враждебный СССР курс в политике Литвы, Латвии и Эстонии наглядно проявился в конце 1939 г., после того как начался

---

[1] АВП СССР. Сообщение полпреда СССР в Литве в НКИД от 30 марта 1940 г.

[2] АВП СССР. Сообщение полпреда СССР в Латвии в НКИД от 9 декабря 1939 г.

[3] АВП СССР. Дневник советника полпредства СССР в Литве за 17 февраля 1940 г.

советско-финский конфликт, спровоцированный финскими милитаристами при подстрекательстве западных держав. Правительства Прибалтийских стран выразили готовность принять участие в англо-французских акциях, направленных против СССР. Из Латвии и Эстонии были посланы в Финляндию «добровольцы».

7—8 декабря 1939 г. в Таллине состоялась конференция министров иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии, на которой обсуждались вопросы военного сотрудничества трех государств. Здесь к военному союзу между Латвией и Эстонией, существовавшему с 1923 г., присоединилась тайно и Литва, хотя это и не было оформлено договором. Министерство иностранных дел Латвии, извещая военное министерство о решениях этой конференции, указывало, что союзный договор между Латвией и Эстонией «остается в силе, и военное сотрудничество между обоими государствами должно продолжаться...». Относительно же «заключения аналогичного договора с Литвой» было решено, что при существующем положении это было бы трудно объяснить и оправдать и что «поэтому военное сотрудничество с Литвой следует продолжать без специального договора»[1].

Заключение советско-финляндского мирного договора сорвало планы англо-французских правящих кругов организовать «крестовый поход» против СССР при участии Прибалтийских стран.

Англо-французским правящим кругам вскоре самим пришлось испытать сокрушительный удар гитлеровской военной машины, начавшей наступление на Западном фронте. Но и после этого антисоветские интриги в Прибалтийских странах продолжались.

Захватив весной 1940 г. Данию и Норвегию, а затем оккупировав Францию, фашистская Германия вновь начала подготовку к агрессии в Прибалтике. Уже в мае 1940 г. Гитлер в присутствии Геринга, Кейтеля, Розенберга и Бормана заявил: «Все балтийские государства должны быть включены в состав рейха»[2]. Латвийский посланник в Берлине Криевинь сообщал в Ригу в своих письмах от 27 и 29 мая, что в Германии получили широкое распространение карты так называемой «новой Европы», на которых Прибалтийские государства включены в состав гитлеровского «рейха»[3].

---

[1] См. *В. Сиполс.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг. Рига, 1968, стр. 329.

[2] «Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией», Кн. I. Общие проблемы. М., 1966, стр. 302.

[3] См. *В. Сиполс.* Тайная дипломатия, стр. 336.

В свою очередь фашистские правительства Литвы, Латвии и Эстонии стали переключаться на тесное сотрудничество с гитлеровской Германией. Еще в марте 1940 г. на официальной конференции стран Балтийской Антанты было решено увеличить закупки вооружений в Германии в обмен на экспорт стратегического сырья. В последующие месяцы сотрудничество правительств Прибалтийских стран с гитлеровской Германией все более расширялось.

Вместе с тем власти Прибалтийских стран продолжали нарушать договоры о взаимопомощи с СССР. Литовское правительство даже стало оказывать гитлеровскому командованию помощь в переброске шпионов в СССР [1]. В Латвии власти с явно провокационной целью провели в мае — июне 1940 г. частичную мобилизацию 15 возрастов городского населения под предлогом обучения его обращению с оружием. Проводились провокационные учения вблизи объектов советских войск с отработкой наступательных действий против них. В Литве, как и в других Прибалтийских странах, имели место случаи похищения, истязания, а в ряде случаев и убийства советских военнослужащих [2].

Антисоветская политика фашистских правительств Прибалтийских стран вела к превращению их в сателлитов гитлеровской Германии. Такая политика встречала решительное противодействие трудящихся масс Литвы, Латвии и Эстонии, которые по инициативе коммунистических партий создали единые антифашистские фронты в своих странах. Антифашистские народные фронты потребовали свержения фашистских правительств и установления демократических порядков, а также защиты Прибалтийских стран, при опоре на Советский Союз, от нацистской агрессии. К июню 1940 г. во всех Прибалтийских странах назревала революционная ситуация.

В то же время правящие клики, находившиеся у власти в Литве, Латвии и Эстонии, вступили на путь предательства интересов своих народов и расправы с ними. Как писал латвийский посланник в Литве, «приходится опасаться какого-либо вызванного полным отчаянием шага, в особенности полного подчинения Литвы влиянию Германии» [3]. Правители Прибалтийских стран были готовы впустить в Прибалтику гитлеровские войска.

Советское государство не могло дальше терпеть беззастенчивых нарушений правительствами Прибалтийских стран взя-

---

[1] См. *В. Сиполс.* Тайная дипломатия, стр. 338.

[2] См. «Известия», 30 мая 1940 г.

[3] *В. Сиполс.* Тайная дипломатия, стр. 332. См. также ЦГИА Латвийской ССР. Донесение латвийского посланника в Литве в МИД Латвии от 11 июня 1940 г.

тых на себя перед СССР обязательств по договорам о взаимной помощи. Верное принципам интернационализма, первое в мире социалистическое государство не могло быть безразличным и к судьбам трудящихся масс Латвии, Литвы и Эстонии, боровшихся за восстановление Советской власти в своих странах и требовавших отвести от них угрозу порабощения фашистской Германией.

Советское правительство приняло меры к тому, чтобы политико-дипломатическими средствами исключить вмешательство фашистской Германии во внутренние дела трех Прибалтийских государств, обезвредить там деятельность гитлеровских агентов и укрепить безопасность в Прибалтике.

Правительствам Литвы (14 июня 1940 г.), Латвии и Эстонии (16 июня 1940 г.) было сделано представление, в котором Советское правительство поставило вопрос о создании в этих странах правительств, способных не на словах, а на деле честно выполнять обязательства по договорам о взаимопомощи с Советским Союзом[1]. Одновременно Советское правительство заявило о необходимости разместить на территории Прибалтийских государств дополнительное количество советских воинских частей, для того чтобы обеспечить возможность осуществления договоров о взаимопомощи между СССР и каждой из этих стран. Трудящиеся массы Прибалтийских стран полностью одобрили эти требования, тем более что в условиях возрастания опасности со стороны Германии, после захвата Дании и Норвегии и поражения Франции, находившихся там советских частей было явно недостаточно.

Представление Советского правительства ускорило революционный взрыв в Эстонии, Латвии и Литве, в результате которого были свергнуты фашистские диктатуры в этих государствах. 17 июня в Литве было создано народное, демократическое правительство во главе с известным публицистом Юстасом Палецкисом. 20 июня новое, народное латвийское правительство возглавил профессор Аугуст Кирхенштейн. 21 июня было сформировано народное правительство в Эстонии во главе с видным поэтом Иоханнесом Варесом.

14—15 июля состоялись выборы в Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственную думу Эстонии, которые принесли победу трудовому народу этих стран. 21 июля на сессиях высших законодательных органов стран Прибалтики были единодушно приняты решения, которыми провозглашалось восстановление Советской власти. 21—22 июля Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственная дума Эстонии обратились

[1] См. «Внешняя политика СССР, Сборник документов», т. IV, стр. 510—513.

к Верховному Совету СССР с просьбой принять их страны в состав СССР. Седьмая сессия Верховного Совета СССР, состоявшаяся в начале августа 1940 г., удовлетворила эту просьбу.

Социалистическая революция в Прибалтике победила мирным путем. Народы Литвы, Латвии и Эстонии взяли власть в свои руки без вооруженной борьбы. В отличие от 1918—1919 гг. буржуазия Прибалтийских стран не могла опереться на прямую военную помощь империалистических держав, занятых вооруженной борьбой между собой, и оказалась бессильной перед революционным натиском трудящихся. На стороне же трудящихся был великий советский народ, превративший к тому времени свою страну в могучую социалистическую державу. Присутствие советских частей в странах Прибалтики оказало сдерживающее влияние на наиболее воинствующие круги буржуазии, исключив возможность применения ею вооруженных средств в борьбе с народом.

Восстановление Советской власти в Прибалтике явилось победой народов этих стран. Одновременно в результате вступления Литвы, Латвии и Эстонии в Советский Союз упрочилась безопасность северо-западных рубежей СССР, что благотворно повлияло на положение в этом районе, условия для отпора фашистской агрессии на северо-западе страны серьезно улучшились.

Мирное урегулирование вопроса о Бессарабии

В конце июня 1940 г. Советское правительство добилось мирного разрешения вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Советско-румынский конфликт из-за Бессарабии возник еще в январе 1918 г., когда, поощряемая западными державами, добивавшимися уничтожения Советского государства, буржуазно-помещичья Румыния захватила Бессарабию. Оккупанты свергли в Бессарабии Советскую власть, восстановили буржуазно-помещичий строй, ввели жестокий режим социального и национального гнета. В течение двадцати с лишним лет боярская Румыния удерживала Бессарабию под своим господством насильственно, против воли ее населения. Трудящиеся массы Бессарабии не покорились и вели тяжелую и упорную борьбу за национальное освобождение и воссоединение с Советской Родиной. В 30-е годы эта борьба переплеталась с борьбой против фашизма. Румынское буржуазно-помещичье правительство жестоко подавляло революционные выступления трудового народа Бессарабии. Коммунистическая организация Бессарабии, руководившая освободительной и антифашистской борьбой трудящихся, была загнана в подполье, а ее видные руководители заточены в тюрьмы.

Правящие круги Румынии, лавируя между двумя империалистическими группировками — англо-французской и германо-итальянской,— постепенно склонялись к сближению с гитлеровской Германией. Накануне и в начале второй мировой войны напряженность в советско-румынских отношениях все больше нарастала. В январе — марте 1940 г. румынская военщина организовала целый ряд провокаций на советско-румынской демаркационной линии по Днестру. Весной 1940 г. румынское правительство демонстративно провело мобилизацию армии, призвав более миллиона резервистов, и обратилось к Германии с просьбой помочь создать вдоль Днестра «восточный вал». Фашистские круги в Румынии открыто призывали к войне против СССР. Румынская реакция усилила военно-полицейский террор против населения Бессарабии и Северной Буковины.

Став на путь превращения своей страны в экономический и военно-политический придаток гитлеровской Германии, правители Румынии одновременно включились в подготовку вместе с ней агрессии против Советского Союза. Военные расходы Румынии резко возросли. Если в 1936 г. они составляли 3,6 млрд. лей, то в 1940 г.— 16,2 млрд. лей, т. е. увеличились в 4,5 раза.

Советский Союз никогда не мирился с насильственным отторжением Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно заявляло перед всем миром. Так, например, при подписании Московского протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога (9 февраля 1929 г.) представитель Советского Союза сделал заявление, в котором говорилось, что в советско-румынских отношениях остаются нерешенные вопросы. Советский Союз отказался признать захват Бессарабии и во время советско-румынских переговоров о заключении пакта о ненападении, которые велись в 1932 г. и окончились безрезультатно только потому, что Румыния настаивала, чтобы СССР отказался от своего права на Бессарабию. 29 марта 1940 г. в докладе Советского правительства на шестой сессии Верховного Совета СССР вновь отмечалось, что между СССР и Румынией имеется нерешенный вопрос — вопрос о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал [1].

В связи с этим заявлением в Румынии началась враждебная Советскому Союзу кампания.

19 апреля 1940 г. на совещании у румынского короля Кароля II с участием премьер-министра Татареску, министра иностранных дел Гафенку и маршала двора Урдэряну было

[1] См. «Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет», стр. 40.

решено оказать сопротивление Советскому Союзу, если он будет добиваться решения бессарабского вопроса[1]. Германский посланник в Бухаресте Фабрициус сообщал в Берлин 26 июня 1940 г. со слов Татареску, что Кароль II и румынское правительство не намерены удовлетворять просьбу СССР о возвращении ему Бессарабии, если такой вопрос будет поставлен перед Румынией, и что они намерены в таком случае воевать против СССР[2].

Следуя антикоммунистической и антисоветской политике, которую правящие круги Румынии проводили на протяжении двух десятков лет, румынское правительство не только не желало приступить к решению бессарабского вопроса, но ускоренным темпом проводило курс на дальнейшее сближение с Германией, добиваясь в это время заключения с ней военного союза.

В опасной для СССР международной обстановке в Народном комиссариате иностранных дел СССР 26 июня 1940 г. румынскому посланнику в Москве Давидеску было вручено заявление Советского правительства, в котором говорилось: «Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем Правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу». Одновременно Советское правительство заявило, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче СССР «той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава». Правительство СССР предложило правительству Румынии возвратить Бессарабию и передать северную часть Буковины Советскому Союзу. При этом выражалась надежда, что румынское правительство «примет настоящее предложение СССР и тем даст возможность мирным

---

[1] См. *Б. М. Колкер, И. Э. Левит.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1971, стр. 95.

[2] "Documents on German Foreign Policy, 1918—1945", Series D, vol. X. London, 1957, p. 19.

путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией»[1].

27 июня правительство Татареску дало ответ, в котором заявляло о своей готовности «приступить немедленно, в самом широком смысле, к дружественному обсуждению с общего согласия всех предложений, исходящих от Советского Правительства»[2]. Правящие круги Румынии не хотели дать ясный ответ на предложения СССР. В Бухаресте намеревались вместо решения бессарабского вопроса затеять вокруг него длительную переписку.

Татареску хотел выиграть время, для того чтобы заручиться поддержкой своей позиции со стороны фашистских держав и других стран. В то же время, когда румынское правительство дало упомянутый ответ Советскому правительству, оно обратилось к Германии, Италии, Югославии, Греции и Турции с запросом, как они расценивают советские предложения[3]. Правительства названных стран посоветовали Бухаресту урегулировать конфликт с СССР мирным путем. В ходе бесед гитлеровский уполномоченный в Бухаресте Киллингер дал понять румынскому королю, что румынская «уступка» Советскому Союзу будет временной и что Румыния вскоре снова сможет вернуть Бессарабию, так как «русский гигант будет в конце концов уничтожен»[4].

Ввиду того, что ответ румынского правительства был неудовлетворительным, поскольку в нем не было сказано прямо, что Румыния принимает предложения о немедленной передаче Советскому Союзу Бессарабии и северной части Буковины, правительство СССР предложило дать прямой ответ на его вопрос. Правительство Татареску на этот раз незамедлительно сообщило в Москву о полном согласии с предложениями Советского правительства.

В тот же день, 28 июня, части Красной Армии, получив приказ начать освободительный поход, вступили в Бессарабию и Северную Буковину. К исходу 30 июня вся территория была освобождена от оккупантов и государственная граница СССР восстановлена по рекам Прут и Дунай. Жители городов и сел с огромной радостью встречали Красную Армию — армию-освободительницу.

В освобожденных районах была восстановлена Советская власть, проведены социалистические преобразования, покончив-

---

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 515—516.

[2] Там же, стр. 516.

[3] См. *Б. М. Колкер, И. Э. Левит.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения, стр. 111.

[4] Там же, стр. 110.

шие с последствиями тяжелой оккупации и открывшие трудящимся путь к свободной и счастливой жизни. Освобожденная Бессарабия воссоединилась с Советской Молдавией, провозглашенной 2 августа 1940 г. Молдавской Советской Социалистической Республикой. Северная Буковина воссоединилась с Украинской ССР.

Возвращение Бессарабии в состав СССР имело не только большое социально-политическое, но и важное военно-стратегическое значение. Благодаря этому акту были сорваны планы правителей Румынии и их империалистических покровителей превратить Бессарабию в плацдарм готовящейся против СССР войны. Советское правительство получило возможность завершить политическую подготовку против надвигающейся германской агрессии на всем протяжении западных границ СССР.

Советско-германские переговоры в ноябре 1940 г.

Через призму укрепления безопасности СССР и сдерживания агрессивных устремлений гитлеровского руководства Советское правительство рассматривало и отношения с Германией. При этом сочетался твердый отпор происках Германии с эффективным использованием торгово-экономических возможностей.

Правительство СССР отдавало себе отчет в том, что Германия стала к середине 1940 г. самой могущественной в военном отношении державой в Европе. Немецко-фашистская военная машина располагала к тому времени огромным военно-промышленным потенциалом всей Западной Европы, а также ее сырьевыми и товарными запасами.

Важно было не допустить вовлечения СССР в войну с Германией преждевременно, до того, как Советское государство подготовится к отражению военной агрессии фашистских государств, в неизбежности которой уже ни у кого не было сомнений. Этим целям были подчинены отношения СССР с Германией как в политической, так и в экономической областях.

СССР твердо придерживался политики нейтралитета в войне между двумя империалистическими группировками. Советско-германские торговые связи строились на взаимовыгодной основе.

СССР получал из Германии промышленное оборудование, машины и станки, а также некоторые виды военной техники и оборудования, необходимые для укрепления оборонной мощи страны, т. е. именно то, в чем отказывали ему другие западные страны. В обмен Германии поставлялись зерно, лес и отдельные виды промышленного сырья [1].

[1] АВП СССР. Хозяйственные соглашения между СССР и Германией от 11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г. См. также «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 491, 537.

Некоторые буржуазные историки пытаются до сих пор использовать советско-германские торговые отношения 1940—1941 гг. для ведения антисоветской пропаганды. Однако даже их коллеги за рубежом вынуждены признать, что ни в торговом соглашении от 19 августа 1939 г., ни в других экономических соглашениях, которые за ним последовали, «СССР не брал на себя обязательств торговать только с Германией. Его обязательства по этим соглашениям не запрещали торгового обмена с лагерем противников Германии»[1].

Советское правительство стремилось устранять трения, возникавшие в отношениях с Германией. Этой цели служила заключенная 10 июня 1940 г. советско-германская конвенция о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов, а также советско-германский договор о пограничных правовых отношениях от 31 августа 1940 г.[2] С этой же целью 10 января 1941 г. между СССР и Германией были подписаны соглашения об урегулировании взаимных имущественных претензий, связанных с воссоединением Прибалтийских государств с СССР[3].

Меры, принимавшиеся Советским Союзом для укрепления своей обороны, путали карты фашистской Германии.

Не желая раскрывать раньше времени планы агрессии против СССР, Гитлер пытался притупить бдительность советского руководства, отвлечь его внимание от вопросов укрепления безопасности социалистического государства.

13 октября 1940 г. Риббентроп направил на имя И. В. Сталина письмо, в котором объяснял «германские акции» в отношении малых стран Европы интересами борьбы с Англией, уверял, что Берлин стремится к дальнейшему улучшению отношений с СССР. Он приглашал Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова нанести визит в Берлин[4]. Советская сторона приняла приглашение, решительно отклонив при этом попытку немцев использовать этот визит в Берлин для развертывания большой пропагандистской кампании вокруг германо-советских отношений. Дело ограничилось опубликованием в печати краткого сообщения о визите.

В переговорах с советским представителем Гитлер и Риббентроп 12—13 ноября 1940 г. оправдывали свою агрессивную политику, в частности на Балканах, необходимостью ведения

---

[1] *G. Ginsburg.* The Soviet Union as a Neutral. 1939—1941. "Soviet Studies". Oxford, vol. X, July 1958, Nr. 1, p. 16.

[2] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 509, 525.

[3] См. «Известия», 11 января 1941 г. См. также «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 538.

[4] АВП СССР. Письмо Риббентропа И. В. Сталину от 13 октября 1940 г.

войны против Англии. Гитлер уверял, что, «как только будет восстановлен мир, германские войска немедленно покинут Румынию».

В ходе переговоров Берлин хотел добиться согласия Советского правительства с планами раздела мира на сферы влияния между державами агрессивного фашистского блока, оформленного Тройственным пактом, участие Германии в котором было открытым нарушением статьи 4 советско-германского договора 1939 г. В связи с этим в Берлине был даже заготовлен проект соглашения, предусматривавший установление «политического сотрудничества» Советского Союза с Германией, Японией и Италией. Проект соглашения обязывал всех его участников «уважать естественные сферы влияния друг друга» и стремиться к расширению экономических отношений. Вместе с тем Советскому Союзу предлагалось заявить в особой декларации, что «его территориальные устремления направлены на юг от государственной территории Советского Союза в направлении Индийского океана». В составленном немцами проекте также предусматривалось, чтобы Германия, Италия и Советский Союз зафиксировали свое согласие относительно того, что «в их общих интересах оторвать Турцию от ее существующих международных обязательств» и что они «будут сотрудничать в целях замены действующей ныне конвенции в Монтрё другой конвенцией» [1]. В завершение Гитлер настойчиво предлагал «заняться расчленением Британской империи». Позже, в беседе с турецким послом 17 марта 1941 г., он признал, что во время переговоров «Германия приложила все усилия к тому, чтобы втянуть Россию в крупную комбинацию против Англии» [2]. Фашистский диктатор рассчитывал перед нападением на Советский Союз изолировать его на мировой арене. Но его планы провалились.

Советская делегация решительно отвергла гитлеровскую программу раздела мира. Она потребовала вывода немецких войск из Финляндии, прекращения германской экспансии в районах, прямо затрагивавших безопасность СССР, прежде всего на Балканах, а также на Ближнем Востоке. Как отмечает западногерманский историк Холдак, «Москва не намеревалась ангажироваться против западных держав и потворствовать Германии в ее притязаниях в Восточной Европе» [3].

Нарком иностранных дел СССР в сообщении в Лондон советскому полпреду, направленном 17 ноября 1940 г., писал об итогах берлинских переговоров: «Как выяснилось из бесед,

---

[1] DGFP, Series D, vol. XI, p. 508—510.
[2] DGFP, Series D, vol. XII, p. 310.
[3] *H. Holldack.* Was wirklich geschah. Die diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik, München, 1949, S. 240—241.

немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь и в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой и, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными»[1].

Берлинские переговоры дали Советскому правительству возможность произвести зондаж намерений Гитлера, и в этом смысле они принесли определенную пользу. Прежде всего стало ясно, что Германия не связана с Англией. Это обстоятельство давало возможность рассчитывать на Англию как на потенциального союзника против гитлеровской Германии. Румыния, Венгрия и Болгария фактически превращены в гитлеровских сателлитов, Греция стоит на пути к порабощению, а Турция либо уже связана тесными узами с Германией, либо намерена это сделать. Единственной Балканской страной, на которую в какой-то степени можно было рассчитывать как на возможную в будущем союзницу антигитлеровского лагеря, являлась Югославия.

После ноябрьских переговоров советско-германские отношения значительно обострились. 18 декабря Гитлер подписал заранее подготовленный план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз.

Гитлеровская пропаганда попыталась использовать визит в Берлин главы Советского правительства для того, чтобы создать впечатление, будто агрессивные действия Германии, в частности ввод германских войск в Румынию, присоединение Венгрии к Берлинскому пакту, одобрены Советским Союзом[2]. С целью дать мировой общественности ясное представление о позиции СССР в советской печати были опубликованы соответствующие заявления. Еще в октябре 1940 г. ТАСС опроверг появившееся в иностранной печати сообщение, будто «Кремль был информирован о целях и размерах войск, которые были посланы (Германией.—*Ред.*) в Румынию»[3]. 23 ноября было опровергнуто, как не соответствующее действительности, сообщение

---

[1] АВП СССР. Сообщение наркома иностранных дел СССР советскому полпреду в Лондоне 17 ноября 1940 г.

[2] АВП СССР. Годовой отчет полномочного представителя СССР в Германии за 1940 г.

[3] «Известия», 16 октября 1940 г. См. также «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 530.

немецкой газеты «Гамбургер фремденблатт» о том, что присоединение Венгрии к Тройственному пакту было якобы достигнуто «при сотрудничестве и полном одобрении Советского Союза»[1].

Борьба СССР против фашистской агрессии в Юго-Восточной Европе

Поставить заслон на пути фашистской Германии на Балканы, помочь балканским народам сохранить свою свободу и независимость, не допустить распространения войны на Юго-Восточную Европу — таковы были главные цели, которые преследовал СССР в своей политике по отношению к странам Балканского полуострова.

Однако осуществлению такого курса СССР в отношении Балканских стран противодействовали не только гитлеровская Германия, но и правящие круги Англии и Франции. После поражения последней эту линию с еще большим упорством продолжала Англия. Смысл английской политики заключался в том, чтобы одновременно втянуть все Балканские страны в войну против Германии путем создания так называемого балканского союза, а если такой союз создать не удастся, то добиваться этого на двусторонней основе с каждой страной в отдельности. Прежде всего Англия попыталась втянуть в войну Турцию. В конце февраля 1941 г. в Анкару ездил А. Иден. Цель его поездки раскрыл У. Черчилль, писавший в письме А. Идену: «Важно, чтобы Турция сразу же вступила в войну»[2]. С созданием балканского союза Черчилль связывал далеко идущие планы: он рассчитывал создать преграду гитлеровской Германии на пути к ближневосточном колониям Англии. Кроме того, английская дипломатия считала, что, создав против Германии фронт на Балканах, она тем самым сумеет облегчить положение Англии. И наконец, не последнюю роль играло предположение, что Гитлер, оказавшись перед лицом противостоящего Германии балканского союза, приостановит германскую экспансию в направлении Ближнего Востока и начнет войну против СССР. О наличии таких планов свидетельствует письмо Черчилля Идену от 28 марта 1941 г. В нем Черчилль спрашивал: «Не считаете ли вы возможным, что в случае создания единого фронта на Балканском полуострове Германия могла бы счесть более целесообразным взять свое в России...»[3]

При создавшейся тогда обстановке Балканские страны могли сохранить свою независимость и противостоять как давлению гитлеровской Германии, так и происках других империалистических держав только при условии политического и эко-

---

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 534.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 484.
[3] *Winston S. Churchill.* The Second World War, vol. III. The Grand Alliance. London, 1950, p. 151.

номического сотрудничества с Советским Союзом, который предпринимал серьезные усилия в этом направлении.

Весьма характерно в этом смысле указание НКИД полпреду СССР в Болгарии, данное еще в ноябре 1939 г., в котором предлагалось заявить болгарскому правительству о том, что «если болгары попадут в какую-либо беду, то они могут рассчитывать на то, что Советский Союз не покинет их и, при желании болгар, будет готов оказать им эффективную помощь»[1]. Наиболее ярким доказательством стремления СССР помочь Болгарии в сохранении ее независимости и суверенитета является советское предложение о заключении между Советским Союзом и Болгарией пакта о взаимопомощи. Это предложение народный комиссар иностранных дел СССР сделал болгарскому посланнику в Москве Антанову 20 сентября 1939 г. Последний заявил, что передаст это советское предложение в Софию, и обещал сообщить ответ своего правительства[2].

16 октября 1939 г. министр иностранных дел Болгарии сообщил поверенному в делах СССР в Софии, что Болгария не может пойти на заключение пакта о взаимопомощи с Советским Союзом. 13 декабря 1939 г. Антанов информировал руководство НКИД о том, что болгарское правительство не считает возможным заключить с СССР какой-либо политический договор[3].

Отказ Болгарии от заключения пакта о взаимопомощи с СССР объяснялся рядом причин. Среди них не последнюю роль сыграло давление Англии и Германии. Англия, как сообщало полпредство СССР в Софии, пригрозила болгарскому правительству, заявив ему, что «если оно пойдет на большее сближение с Советским Союзом, то английское правительство денонсирует кредитное соглашение и потребует от Болгарии уплаты всех долгов»[4].

В ноябре 1940 г. Советское правительство предприняло новую попытку заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи. В Софию был направлен со специальной миссией генеральный секретарь Наркоминдела А. А. Соболев. В беседе с царем Борисом III 25 ноября 1940 г. А. А. Соболев изложил заявление Советского правительства, в котором говорилось, что СССР, учитывая общность интересов обеих стран, «возобновляет свое предложение, сделанное в сентябре 1939 г., заключить пакт о взаимопомощи с Болгарией» и что Советский Союз готов «ока-

---

[1] АВП СССР. Указание НКИД полпреду СССР в Болгарии А. И. Лаврентьеву от 12 ноября 1939 г.

[2] АВП СССР. Справка к вопросу о переговорах в 1939 г. с Болгарией о заключении пакта о взаимопомощи.

[3] Там же.

[4] АВП СССР. Доклад полпредства СССР в Болгарии от 28 марта 1940 г.

зать Болгарии всяческую помощь, в том числе и вооруженную, в случае угрозы нападения на Болгарию любой третьей страны или комбинации стран». СССР был «готов оказать Болгарии любую помощь деньгами, продовольствием, вооружением и материалами в форме займа, если Болгария в том нуждается. Вместе с тем СССР готов расширить свои закупки болгарских товаров». В заключение советский представитель еще раз подтвердил, что правительство СССР считает «целесообразным именно заключение пакта взаимопомощи, в котором, в отличие от односторонних гарантий, подчеркивается полное равенство обеих заинтересованных сторон» [1].

Спустя пять дней болгарский министр иностранных дел Попов сообщил полпреду СССР в Софии, что правительство Болгарии отклоняет советское предложение о пакте взаимопомощи [2].

Несмотря на отказ болгарского правительства заключить пакт, инициатива Советского Союза была воспринята благожелательно в Балканских странах. В общественных кругах Югославии, например, сообщал в Москву советский полпред из Белграда, расценивают ее как серьезное выступление Советского Союза на Балканах в пользу мира и против германской агрессии [3]. СССР не смог предотвратить превращения Болгарии в гитлеровского сателлита только потому, что настроенная прогитлеровски правящая клика во главе с царем Борисом III и премьер-министром Филовым саботировала все советские усилия в этом направлении. Она вела антинациональную политику сговора с Гитлером, не считаясь с интересами болгарского народа. Как уже говорилось, еще в середине ноября 1940 г. царь Борис при встрече с Гитлером тайно договорился о присоединении Болгарии к агрессивному Тройственному пакту.

С целью обмануть общественное мнение правительство Филова пыталось распространять слухи, что якобы политика Болгарии одобряется правительством СССР и последнее не возражает против ввода немецких войск в Болгарию. 13 января 1941 г. ТАСС опубликовал заявление, в котором опровергались подобные утверждения.

17 января 1941 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал германскому послу в Москве Шуленбургу заявление, в котором от имени Советского правительства указывалось на то, что в Румынии концентрируются немецкие войска с целью вступления в Болгарию и ее оккупации, а также оккупации территории Греции и проливов. Правительство СССР

[1] АВП СССР. Запись беседы А. А. Соболева с царем Борисом III 25 ноября 1940 г.

[2] АВП СССР. Дневник полпреда СССР в Болгарии за 30 ноября 1940 г.

[3] АВП СССР. Информация полпреда СССР в Югославии в НКИД 7 декабря 1940 г.

подчеркивало, что эта акция может превратить территорию Болгарии в арену военных действий. «Советское правительство,— говорилось в заявлении,— неоднократно заявляло германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и проливов зоной безопасности СССР и что оно не может индифферентно относиться к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР. Ввиду всего вышеизложенного Советское правительство считает своим долгом предупредить, что оно будет рассматривать появление любых иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и проливов как нарушение интересов безопасности СССР»[1].

Монархо-фашистская клика Филова осуществила свои антинациональные, предательские замыслы. 1 марта 1941 г. Болгария официально присоединилась к Тройственному пакту, одновременно немецко-фашистские войска вступили в Болгарию. Таким образом, Болгария была превращена в сателлита Германии. Антинародная политика правящей клики способствовала расширению гитлеровской агрессии на Балканах и превращению Болгарии в плацдарм для нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Правительство Филова пыталось сделать хорошую мину при плохой игре, заявив Советскому Союзу, что оно дало согласие на ввод германских войск в Болгарию будто бы с целью «сохранения мира на Балканах». 3 марта Советское правительство заявило, что оно не разделяет утверждений болгарского правительства в данном вопросе и считает, что такая его политика «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии». Далее Советское правительство указывало, что оно, «верное своей политике мира, не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»[2]. Нарком иностранных дел СССР в беседе с германским послом в Москве 1 марта подчеркнул заинтересованность Советского Союза в сохранении независимости Болгарии. Он сослался при этом на узы традиционной русско-болгарской дружбы[3].

Советское правительство предпринимало также определенные дипломатические шаги для того, чтобы улучшить отношения с хортистской Венгрией. 3 сентября 1940 г. в Москве были подписаны советско-венгерский договор о торговле и мореплавании и соглашение о товарообороте и платежах, предусматривавшие развитие торговых связей между двумя странами.

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом 17 января 1941 г.

[2] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 545.

[3] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом 1 марта 1941 г.

В начале 1941 г. Советский Союз сделал благородный жест, ярко подчеркивающий уважение национального достоинства венгерского народа и его революционных традиций. Речь идет о возвращении Венгрии военных знамен, взятых войсками царя Николая I при подавлении национально-освободительного движения венгров в 1848—1849 гг. Передача знамен состоялась по уполномочию Советского правительства 20 марта 1941 г. в Москве в торжественной обстановке. Вместе с тем Советский Союз не проходил мимо агрессивных актов фашистского режима в Венгрии. Сообщение ТАСС от 23 ноября 1940 г. явилось не простым опровержением провокационных утверждений относительно сотрудничества Советского правительства в деле присоединения Венгрии к Тройственному пакту, оно показывало неодобрение со стороны СССР таких действий Венгрии.

СССР строго осудил соучастие хортистской Венгрии в агрессии гитлеровцев против Югославии. В заявлении «Об отношении правительства СССР к нападению Венгрии на Югославию», опубликованном 13 апреля 1941 г., указывалось: «...Советское Правительство не может одобрить подобный шаг Венгрии. На Советское Правительство производит особенно плохое впечатление то обстоятельство, что Венгрия начала войну против Югославии всего через 4 месяца после того, как она заключила с ней пакт о вечной дружбе. Нетрудно понять, в каком положении оказалась бы Венгрия, если бы она сама попала в беду и ее стали бы рвать на части, так как известно, что в Венгрии также имеются национальные меньшинства»[1].

СССР приложил много усилий, чтобы предотвратить распространение сферы войны на территорию Югославии. Осуществление названной цели осложнялось сильной экономической и политической зависимостью Югославии от фашистских Германии и Италии, которая заметно усилилась после поражения Франции в июне 1940 г. Серьезным затруднением было и то, что между СССР и Югославией длительное время не было дипломатических отношений. Эти отношения были установлены лишь 25 июня 1940 г. Сделав этот шаг, правительство Цветковича тем не менее не отрешилось от антинационального, антисоветского курса своей политики. Оно явно взяло линию на дальнейшее сближение с фашистскими державами. Вопреки национальным интересам Югославии, кабинет Цветковича уступил экономическому и политическому давлению Берлина и в октябре 1940 г. подписал с гитлеровской Германией торговое соглашение, построенное на системе клиринга и весьма выгодное Германии.

Советский Союз не делал секрета из того, что он поддержи-

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 549.

вает стремление народов Югославии сохранить независимость своей страны. 17 октября 1940 г. Советское правительство поручило своему полпреду в Белграде информировать югославское правительство о том, что Советский Союз «сочувствует Югославии и борьбе югославского народа за свою политическую и экономическую независимость» [1].

Югославское правительство было также информировано о том, что в ходе берлинских переговоров 12—13 ноября 1940 г. советская сторона потребовала от гитлеровской Германии не распространять зону войны на Балканы. В начале 1941 г. в беседе с заместителем министра иностранных дел Югославии полпред СССР в Белграде подтвердил, что Советский Союз «стоит за мир на Балканах» [2].

После происшедшего 27 марта 1941 г. в Югославии антигерманского государственного переворота и в связи с создавшейся угрозой агрессии Германии против этой страны советская дипломатия предприняла важный шаг по предотвращению этой угрозы. 5 апреля 1941 г. в Москве между СССР и Югославией был заключен договор о дружбе и ненападении. Причем, когда 4 апреля 1941 г. нарком иностранных дел СССР информировал германского посла Шуленбурга о предстоящем подписании этого договора, а посол выразил мнение, что он «сомневается в том, что момент, выбранный для подписания такого договора, являлся бы особенно благоприятным», ему было указано, что «Советское правительство обдумало свой шаг и приняло окончательное решение» [3].

Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией содержал пять статей. Статья 1 предусматривала взаимное обязательство о ненападении и уважении независимости и территориальной целостности. Статья 2 гласила, что в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, то другая договаривающаяся сторона «обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней» [4]. Эта формулировка принципиальным образом отличалась от обязательств, содержащихся обычно в договорах о ненападении. Заключением этого договора СССР продемонстрировал свое дружественное отношение к Югославии, что явилось серьезной морально-политической поддержкой в тяжелое для ее народов время.

---

[1] АВП СССР. Указания НКИД полпреду СССР в Югославии от 17 октября 1940 г.

[2] АВП СССР. Информация полпреда СССР в Югославии в НКИД от 7 февраля 1941 г.

[3] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом 4 апреля 1941 г.

[4] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 548.

В день нападения Германии на Югославию, 6 апреля 1941 г., Советское правительство через наркома иностранных дел сделало новое предупреждение Германии[1]. Но Гитлер, готовясь уже в ближайшее время напасть на СССР, решил не считаться с предостережениями Советского Союза.

Оккупация Балкан немецко-фашистскими войсками создавала угрозу безопасности не только Советского Союза, но и Турции. Особенно усилилась эта угроза после вступления немецких войск в Болгарию, когда иностранная печать запестрила сообщениями о возможном нападении Германии на Турцию. При этом враждебные Советскому Союзу круги стали распространять слухи, будто в случае войны между Турцией и фашистской Германией СССР воспользуется затруднениями Турции и нападет на нее. В такое тревожное время турецкий посол Али Хайдар Актай 9 марта 1941 г. был приглашен в Наркоминдел, где ему было сообщено от имени Советского правительства, что «если Турция действительно подвергнется нападению со стороны какой-либо иностранной державы и будет вынуждена с оружием в руках защищать неприкосновенность своей территории, то Турция, опираясь на существующий между нею и СССР пакт о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Советского Союза».

Турецкое правительство в связи с этим заявлением выразило благодарность Советскому правительству и со своей стороны заверило, что, «если бы СССР оказался в подобной ситуации, СССР мог бы рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Турции».

25 марта 1941 г. в советской печати было опубликовано сообщение Наркоминдела по поводу имевшего место обмена заявлениями между правительствами СССР и Турции[2].

Однако, как уже упоминалось, 18 июня Турция заключила с гитлеровской Германией договор о дружбе и ненападении, согласно которому стороны обязывались «войти в будущем в дружественный контакт относительно всех дел, затрагивающих их совместные интересы»[3]. Таким образом, на самом деле турецкие правящие круги намеревались воспользоваться нападением Германии на СССР с целью осуществления своих захватнических планов в отношении Советской страны.

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом 6 апреля 1941 г.

[2] «Известия», 25 марта 1941 г. См. также «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 547.

[3] DGFP, Series D, vol. XII, p. 105.

Борьба СССР с фашистской экспансией на севере Европы

В связи с происками гитлеровцев в Финляндии и подготовкой правительства Рюти к войне против СССР в союзе с Германией Советское правительство принимало меры к пресечению этих происков и развитию нормальных отношений с Финляндией. Как уже указывалось, во время ноябрьских переговоров 1940 г. в Берлине и при встречах с германским послом в Москве советская сторона требовала вывода германских войск из Финляндии.

Одновременно Советское правительство прилагало усилия к развитию советско-финляндских экономических связей. СССР безупречно выполнял свои обязательства по всем договорам и соглашениям с Финляндией. Премьер-министр Финляндии Рюти вынужден был признать это 18 августа 1940 г. Однако финское правительство, поощряемое гитлеровской Германией, все более втягивалось в подготовку войны против СССР.

Советское правительство осуществило серьезные дипломатические шаги с целью предотвращения нападения гитлеровцев на Швецию после захвата ими Дании и Норвегии. Характеризуя положение Швеции, над которой в то время нависла реальная угроза вторжения немецких войск, шведский министр иностранных дел Христиан Эрнст Гюнтер говорил в апреле 1946 г. в интервью газете «Дагенс нюхетер»: «9 апреля 1940 года вряд ли кто из членов правительства верил — во всяком случае не я,— что Швеции удастся в конце концов избежать войны» [1].

13 апреля 1940 г. германскому послу в Москве Шуленбургу было заявлено: «Советское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы нейтралитет Швеции был сохранен, что нарушение его было бы нежелательным для Советского правительства и что последнее надеется на то, что включение Швеции в германскую акцию не будет иметь места» [2].

Решительная позиция Советского правительства оказала воздействие на Берлин. 16 апреля германский посол в Москве по поручению своего правительства сделал заявление об отношении Германии к нейтралитету Швеции. В нем говорилось, что Германия «не намеревается распространить свою северную военную операцию на шведскую территорию» и «решила безусловно уважать нейтралитет Швеции, пока Швеция, со своей

---

[1] *М. Андреева, К. Дмитриева.* Советский Союз и нейтралитет Швеции в годы второй мировой войны.— «Международная жизнь», 1959, № 9, стр. 91.

[2] «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II. 1939—1945 гг., стр. 50.

стороны, будет сохранять полный нейтралитет и не оказывать помощи западным державам»[1].

Премьер-министр Швеции П. А. Ханссон в беседе с советским полпредом в мае 1940 г. благодарил правительство СССР «за высказанное Советским Союзом понимание шведской позиции и поддержку линии нейтралитета». Ханссон заявил при этом, что «дружба с Советским Союзом является основной опорой Швеции»[2].

Активную помощь Швеции в сохранении ее нейтралитета оказывал Советский Союз и позднее. В июле 1940 г. генеральному секретарю МИД Швеции Бухеману во время его пребывания в Москве было заявлено, что СССР заинтересован в нейтралитете Швеции на долгий период[3]. 27 октября 1940 г. советский полпред в Стокгольме получил указание вновь заявить шведскому правительству, что «безусловное признание и уважение полной независимости Швеции представляет неизменную позицию Советского правительства»[4].

Во время советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 г. Советское правительство также заявляло, что СССР заинтересован в сохранении нейтралитета Швеции. Гитлеровская Германия не могла не учитывать этих настойчивых советских предупреждений. Она так и не решилась на агрессивную акцию в отношении Швеции.

Важная роль Советского Союза в сохранении независимости Швеции в 1940 г. нашла признание среди ее официальных кругов и общественности в послевоенное время.

Отношения СССР с Англией

Отношение СССР к Англии после срыва западными державами переговоров в 1939 г. о создании коалиции против фашистских агрессоров определялось задачей укрепления безопасности СССР и ограничения сферы фашистской агрессии при сохранении нейтралитета СССР в войне. После поражения Франции Черчилль, возглавивший английское правительство, должен был проявить политический реализм, чтобы не только искать себе союзника в лице США, но и предпринять шаги к сближению с Советским Союзом. Со своей стороны Советское правительство было готово к нормализации отношений с Англией. Однако нельзя было не видеть двойственного характера английской политики в отношении Советского Союза, в которой и после прихода к власти кабинета Черчилля сохранялась, по существу, антисоветская направленность. Правительство

[1] «Международная жизнь», 1959, № 9, стр. 92.

[2] АВП СССР. Донесение полпреда СССР в Швеции в НКИД от 9 мая 1940 г.

[3] См. «Международная жизнь», 1959, № 9, стр. 93.

[4] Там же.

Англии пыталось нередко говорить с советской стороной языком силы. Антисоветскую позицию правительство Англии заняло в области торговых отношений, в вопросах, возникших в связи с воссоединением Прибалтийских государств с СССР, в других политических и экономических проблемах.

Еще при правительстве Н. Чемберлена 18 марта 1940 г. английское правительство предложило СССР возобновить прерванные в октябре 1939 г. торговые переговоры. Советское правительство приняло это предложение. Однако в английском меморандуме от 4 апреля 1940 г., выработанном министерством экономической войны, выдвигались неприемлемые требования создать на территории СССР контрольные английские посты для наблюдения за советским экспортом в другие страны.

27 апреля 1940 г. Советское правительство направило в Лондон меморандум, в котором изложило свои условия развития советско-английской торговли. СССР готов был развивать с Англией торговые отношения на основе взаимной выгоды, но решительно выступал против английского контроля над его внешней торговлей и развития торговых отношений с Англией за счет ухудшения советско-германских отношений [1].

Английское правительство не учло соображений, высказанных в советском меморандуме от 27 апреля. В меморандуме, переданном советской стороне 8 мая 1940 г., не выдвигалось конкретных предложений о развитии советско-английского товарооборота, но зато поднимались вопросы о содержании торговых соглашений, заключенных между СССР и Германией, об ограничении советских поставок в эту страну. Все это свидетельствовало о нежелании Англии по-деловому вести переговоры о развитии торговых отношений с СССР, что способствовало бы созданию благоприятной политической атмосферы в отношениях между обоими государствами. Об этом и говорилось в сообщении ТАСС от 22 мая 1940 г. В нем указывалось, в частности, что «ряд мер, предпринятых английским правительством по сокращению и ограничению торговли с СССР (аннулирование советских заказов на оборудование), задержание советских торговых судов с грузами для СССР, враждебная позиция, занятая английским правительством в отношении СССР во время конфликта между СССР и Финляндией... не могли способствовать удовлетворительному развитию этих переговоров» [2].

В мае 1940 г. правительство Черчилля умышленно подняло пропагандистскую шумиху вокруг назначения Стаффорда

---

[1] АВП СССР. Меморандум Советского правительства правительству Англии от 27 апреля 1940 г.

[2] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 505.

Криппса послом Англии в Москве. В английской печати много писали о назначении Ст. Криппса послом с «особой миссией». Это не могло не вызвать в Советском Союзе определенной настороженности в отношении целей такого шага англичан, что могло быть воспринято как возможный отход Советского Союза от политики нейтралитета.

Правительство СССР заявило, что готово принять Ст. Криппса или любого другого английского посла с обычным статусом. 5 июня Ст. Криппс был назначен послом в Москву и 12 июня прибыл в Советский Союз. 28 июня Ст. Криппс вручил верительные грамоты М. И. Калинину. Британский посол привез с собой послание У. Черчилля И. В. Сталину, в котором глава английского правительства предлагал «всесторонне обсудить с Советским правительством любую из огромных проблем, возникших в связи с нынешней политикой Германии проводить в Европе последовательными этапами методическую политику завоевания и поглощения»[1].

1 июля Ст. Криппс был принят И. В. Сталиным. Кроме того, он имел встречи и беседы с народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и народным комиссаром внешней торговли СССР А. И. Микояном.

В ходе бесед с руководящими советскими деятелями Криппс мог убедиться в том, что СССР был заинтересован в нормализации политических и экономических отношений с Англией.

Можно было предположить, что правительство Черчилля после этих бесед Криппса пересмотрит свою политику в отношении СССР. Однако этого не произошло. Напротив, летом 1940 г. английское правительство совершило ряд таких действий, которые привели к ухудшению советско-английских отношений. Оно проявило явное нежелание признавать воссоединение трех республик Прибалтики с СССР; наложило арест на золото, находившееся в английских банках и принадлежавшее Прибалтийским республикам; захватило 24 эстонских и латвийских парохода, оказавшихся тогда в английских портах, а моряков, требовавших возвращения на Родину, бросило в специальные лагеря.

23 июля 1940 г. Наркомат иностранных дел СССР вручил Ст. Криппсу ноту протеста в связи с незаконными действиями английского банка и казначейства, задержавших принадлежавшее Госбанку СССР золото, купленное у эстонского, латвийского и литовского банков[2].

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. II, p. 120.

[2] АВП СССР. Нота НКИД СССР посольству Англии в СССР от 23 июля 1940 г.

Вопрос о прибалтийском золоте ставился НКИД СССР перед английским правительством многократно. В ответ на эти демарши английский посол «неофициально» внес предложение «заморозить» все взаимные претензии и контрпретензии до конца войны. В беседе с Ст. Криппсом, состоявшейся 14 сентября 1940 г., заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский заявил в этой связи: «Не считаю правильным и целесообразным «замораживать» такие вопросы. Советское правительство рассматривает арест британским правительством советского золота как незаконный акт»[1]. 9 октября заместитель наркома вновь имел беседу с Криппсом, в ходе которой вручил английскому послу ноту по вопросу о прибалтийских пароходах, незаконно задержанных английским правительством. Криппс заявил, что получил указание своего правительства «сделать официальное предложение Советскому правительству отложить на 6 месяцев рассмотрение спорных прибалтийских вопросов и открыть торговые переговоры»[2]. 19 октября Криппс посетил Наркомвнешторг и передал английские предложения о расширении торговли.

В то же время английское правительство предприняло в отношении СССР сложный и коварный политический маневр. 22 октября 1940 г. в беседе с А. Я. Вышинским Ст. Криппс сделал от имени английского правительства Советскому правительству предложение заключить с Англией торговое соглашение, а затем и пакт о ненападении, аналогичный договору с Германией. При этом Криппс подчеркнул, что сам факт внесения этого предложения, равно как и предложение начать англо-советские переговоры, британское правительство рассматривает как секретный, не подлежащий разглашению[3].

В начале ноября, накануне поездки главы Советского правительства в Берлин, в Форин оффис одному из американских корреспондентов было сообщено содержание британского предложения Советскому правительству от 22 октября. Криппс попытался переложить вину за разглашение этого предложения на полпредство СССР в Лондоне. В беседе с Криппсом 19 ноября А. Я. Вышинский заявил английскому послу, что, по сообщению полпредства СССР в Англии, «источником распространения слухов является Форин оффис, чиновники которого

---

[1] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР с послом Англии в СССР 14 сентября 1940 г.

[2] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР с послом Англии в СССР 9 октября 1940 г.

[3] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР с послом Англии в СССР 22 октября 1940 г.

на протяжении последних дней сообщали разным журналистам о демарше Криппса от 22 октября», и что поэтому ему «надлежит источник разглашения предложений от 22 октября искать в министерстве иностранных дел Англии»[1].

Эта акция, а также другие действия правительства Черчилля подтверждали, что главной целью британского правительства, когда оно вносило свои предложения, было отнюдь не улучшение англо-советских отношений. Оно сделало их прежде всего с целью обострить отношения СССР с Германией, а при случае и спровоцировать конфликт между ними.

Посол США в Москве Штейнгардт в беседе с Криппсом 2 октября 1940 г. весьма ясно определил цели английской политики в этот период в отношении СССР: «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии в отношении СССР заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к вооруженному конфликту с Германией, то повлекли бы за собой настоящий риск возникновения такого конфликта»[2].

Сообщая о беседе с Криппсом в госдепартамент, Штейнгардт делал вывод о том, что хитроумная дипломатическая деятельность Великобритании, направленная на вовлечение Советского Союза в войну с Германией, не может быть успешной. «Маловероятно,— писал он в государственный департамент,— чтобы СССР спровоцировал путем серьезных переговоров или соглашения с Великобританией те самые события, помешать которым является целью всей его политики, а именно свое вовлечение в войну против держав оси»[3].

Вполне естественно, что при встрече с Криппсом 11 ноября 1940 г. А. Я. Вышинский дал отрицательную оценку английским предложениям. Но Ст. Криппс не счел этот ответ окончательным и продолжал добиваться официального ответа. Такой ответ был дан ему народным комиссаром иностранных дел СССР во время встречи 1 февраля 1941 г. Ответ гласил, что высказанная А. Я. Вышинским 11 ноября 1940 г. личная точка зрения о том, что «предложения, содержащиеся в британском меморандуме, не могут служить базой для урегулирования советско-английских отношений, была одобрена Советским правительством». Народный комиссар иностранных дел сказал, что этот меморандум не свидетельствует о желании Англии

---

[1] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР с послом Англии в СССР 19 ноября 1940 г.

[2] "Foreign Relations... 1940", vol. I, p. 616.

[3] Ibidem.

улучшать отношения с СССР. Он подчеркнул, что надежды «Советского правительства на улучшение отношений с Англией отнюдь не оправдались. Наоборот, в то время, как со стороны СССР не было сделано никаких недружественных шагов по отношению к Англии, последняя предприняла ряд новых недружественных актов по отношению к СССР в 1940 г., что не свидетельствовало о желании британского правительства улучшить отношения между обеими странами»[1].

18 апреля 1941 г. английское правительство через посла Криппса предприняло новый маневр в отношении СССР. Посол вручил НКИД меморандум, в котором писал, что в случае затягивания войны на продолжительный срок определенным кругам в Англии может «улыбнуться» мысль об окончании войны с Германией на германских условиях, открывавших гитлеровцам неограниченный простор для экспансии в восточном направлении. Такого рода идея, по словам Криппса, могла бы найти последователей и в США. Иными словами, английский посол прозрачно намекал на возможность нового сговора мирового империализма против СССР. Он пытался запугать Советское правительство возможностью такого сговора и вынудить его отказаться от политики невовлечения в войну. Криппс спрашивал, «намерено ли Советское правительство улучшить свои отношения с Англией, или оно желает оставить их в таком состоянии, в каком они находятся сейчас»[2].

После ознакомления с меморандумом Криппса беседовавший с ним заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский заявил, что «сама постановка подобных вопросов является странной и неправильной, так как не Советское правительство, а английское правительство довело наши отношения до того состояния, в котором они сейчас находятся». Он напомнил послу о ряде враждебных действий Англии против СССР (реквизиция золота и судов, сохранение в Лондоне дипломатических миссий Прибалтийских стран и др.)[3].

Что касается Советского Союза, то он делал все, чтобы избежать обострения отношений с Англией. Криппс информировал Лондон в конце марта 1941 г., что Советское правительство своим поведением как бы демонстрировало «желание подготовить почву для возможного сближения с нами»[4]. По мере приближения

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с послом Англии в СССР 1 февраля 1941 г.

[2] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР с послом Англии в СССР 18 апреля 1941 г.

[3] Там же.

[4] *W. N. Medlicott.* The Economic Blockade, vol. I. London, 1952, p. 656.

нападения Германии на СССР логика событий, нараставшая угроза фашизма всему миру вынуждали кабинет Черчилля к более реалистическим оценкам положения. Комментируя телеграмму Криппса из Москвы 22 апреля 1941 г., Черчилль признавал: «Советское правительство прекрасно знает о грозящей ему опасности» [1].

Сложным и трудным путем подходило британское правительство к решению о том, что в случае германского нападения на СССР Англия должна быть на его стороне и что, помогая Советскому Союзу, Англия спасает себя.

Отношения между СССР и США

Советское правительство проявляло готовность к налаживанию нормальных отношений и с Соединенными Штатами Америки. При этом оно, естественно, учитывало реальную политику США, которая была отнюдь не дружественной к СССР. Враждебность американских правящих кругов была особенно заметна в период советско-финского конфликта. 2 декабря 1939 г. США наложили «моральное эмбарго» на торговлю с СССР. Это эмбарго превратилось в своего рода ширму, под прикрытием которой проводился бойкот советских представительств, занимавшихся размещением заказов в США, были организованы судебные процессы против ряда американских организаций, поддерживавших деловые коммерческие связи с советскими хозяйственными объединениями, и т. п. Из СССР были отозваны американские специалисты. В то же время советским инженерам запрещалось посещать заводы американских фирм, с которыми были подписаны соглашения на поставку машин и оборудования. Принятые же от американских фирм машины и оборудование были задержаны на территории США. Соединенные Штаты свертывали торговые отношения с Советским Союзом. Именно так и расценило эту политику Советское правительство в меморандуме, направленном правительству США в конце марта 1940 г. [2]

Вместе с тем Советское правительство не упускало случая напомнить правящим кругам США о неиспользуемых возможностях улучшения отношений между обеими странами на взаимовыгодных условиях, если США прекратят свою дискриминационную политику.

«Что касается наших отношений с Соединенными Штатами Америки,— заявил на шестой сессии Верховного Совета СССР

---

[1] *L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 149.

[2] АВП СССР. Меморандум НКИД, врученный 27 марта 1940 г. заместителем наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовским послу США в СССР Штейнгардту.

29 марта 1940 г. В. М. Молотов,— то они за последнее время не улучшились и, пожалуй, не ухудшились, если не считать так называемого «морального эмбарго» против СССР, лишенного какого-либо смысла особенно после заключения мира между СССР и Финляндией. Наш импорт из США увеличился в сравнении с прошлым годом. Он мог бы еще больше увеличиться, если бы американские власти не чинили препятствий»[1].

Излагая это заявление государственному секретарю К. Хэллу, советский полпред в Вашингтоне К. А. Уманский подчеркивал: «Мы исходим из того, что США также проводят политику нейтралитета, однако отношения между двумя величайшими нейтральными державами, СССР и США, оставляют желать лучшего и страдают прежде всего от проводимой американским правительством дискриминационной линии в торговле с СССР». Хэлл, по сообщению полпреда, в общем ничего не обещал, но взял новый тон и впервые заговорил о возможности улучшения отношений[2].

В начале апреля 1940 г. в госдепартаменте США начались переговоры по вопросам торгово-экономических отношений между СССР и США, в которых с советской стороны принимали участие полпред СССР в США К. А. Уманский и советник полпредства А. А. Громыко. На встречах обсуждался вопрос о дискриминационных мерах правительства США, в частности в отношении предоставления американского тоннажа для советских грузов и допуска советских инженеров на некоторые американские заводы, выполнявшие заказы для СССР. В июне 1940 г. советское полпредство в Вашингтоне снова поставило перед госдепартаментом вопрос о дискриминационных актах США. Американской стороне приходилось считаться с твердой позицией СССР. В ноте государственного секретаря Хэлла от 1 июля 1940 г. заявлялось, что американское правительство готово сотрудничать с СССР и поддерживать нормальные торговые отношения, которые возможны при нынешнем международном положении[3]. Однако враждебная СССР линия в политике США проявилась с новой силой летом 1940 г. Соединенные Штаты Америки были в числе тех государств, которые задержали золото Прибалтийских республик, вошедших в состав Союза Советских Социалистических Республик.

---

[1] «Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет», стр. 41.

[2] АВП СССР. Запись беседы советского полпреда в США К. А. Уманского с государственным секретарем К. Хэллом 3 апреля 1940 г.

[3] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940", vol. III. Washington, 1958, p. 323—324.

1 августа 1940 г. в докладе Советского правительства на седьмой сессии Верховного Совета СССР о советско-американских отношениях было сказано, что «о них нельзя сказать ничего хорошего».

Значительное усиление держав «оси» после поражения Франции, тяжелое положение Англии, экспансионистские планы Гитлера в отношении Южной Америки и самих США, дальнейшее обострение американо-японских противоречий заставляли правительство США высказываться в ряде случаев в пользу поисков взаимопонимания с СССР. 27 июля 1940 г. заместитель государственного секретаря С. Уэллес в беседе с советским полпредом заявил: «Пора обеим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреваты новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создавшуюся в отношениях между нашими странами»[1].

6 августа 1940 г. состоялся обмен письмами между наркомом внешней торговли СССР А. И. Микояном и поверенным в делах США в Москве В. Торстоном о продлении на один год — до 6 августа 1941 г.— американо-советского торгового соглашения 1937 г.

С августа 1940 г. в Вашингтоне возобновилось обсуждение советско-американских экономических отношений. В государственном департаменте проходили систематические встречи полпреда СССР К. А. Уманского с заместителем государственного секретаря С. Уэллесом. По поручению Советского правительства полпред поставил следующие вопросы, которые должны были быть разрешены правительством США в целях нормализации советско-американских отношений: о прекращении задержки прибалтийского золота; о предоставлении лицензий на вывоз заказанного в Соединенных Штатах Америки промышленного оборудования; об отмене «морального эмбарго» и т. д.[2]

В ходе переговоров, как сообщал советский полпред в США 4 января 1941 г., были достигнуты некоторые положительные результаты, а именно: договоренность об обмене нотами о ввозе золота; предоставление Советскому Союзу американского тоннажа, в частности нефтеналивного; улучшение режима

---

[1] АВП СССР. Запись беседы советского полпреда в США с заместителем государственного секретаря 27 июля 1940 г.

[2] АВП СССР. Запись беседы советского полпреда в США с заместителем государственного секретаря 8 августа 1940 г.

советской комиссии на заводе Райта; готовность американского правительства разрешить выезд в СССР монтажников и других американских специалистов; фактическое прекращение за последние месяцы придирок американских властей к советским организациям и инцидентов с советскими гражданами; установление почтовой связи через Тихий океан, в чем отказано немцам, и т. д. [1]

22 января 1941 г. государственный департамент объявил об отмене «морального эмбарго» против Советского Союза.

Однако в целом переговоры К. А. Уманского с С. Уэллесом, длившиеся девять месяцев, принесли весьма скромные результаты; развитие торговых связей в значительной степени сдерживалось вследствие американских актов дискриминации в отношении СССР, которые продолжались и после формальной отмены «морального эмбарго».

В информации об экономическом положении США в 1940 г. советское полпредство отмечало, что советские закупки, в том числе авиационного оборудования, сократились. Из советского импорта выпадало американское крекинговое оборудование и ряд важных типов станков. Хотя импорт СССР из США возрос в 1940 г. на 30 млн. долл., его ценность в значительной степени снижалась ввиду отсутствия поставок в СССР тех видов машин и оборудования, которые интересовали советскую сторону в первую очередь.

По ряду принципиальных вопросов политических отношений между СССР и США американское правительство все еще не проявляло готовности к достижению должного взаимопонимания с СССР. США продолжали занимать антисоветскую позицию, когда речь заходила о признании западной границы СССР, а также о прибалтийских миссиях, золоте и пароходах. Правительство США продолжало удерживать конфискованное золото, принадлежащее Госбанку СССР, сохраняло арест на пароходы Прибалтийских республик. Оно сохраняло официально миссии и консульства Литвы, Латвии и Эстонии, никого не представлявшие.

Во второй половине января 1941 г. правительство США приняло новые меры, отрицательно сказавшиеся на торговле с СССР. Распоряжением президента Соединенных Штатов Америки от 15 января 1941 г. вводились так называемые «генеральные лицензии». Согласно этому распоряжению только Англия и Канада получали «генеральные лицензии», дававшие право на импорт из США всех товаров. СССР должен

---

[1] АВП СССР. Сообщение советского полпреда в США от 4 января 1941 г.

был получать лицензии на вывоз в каждом отдельном случае. Таким образом, была узаконена явная дискриминация Советского Союза.

Дело дошло до того, что американские власти распоряжением от 7 мая 1941 г. задержали груз шерсти и кожи, закупленных Советским Союзом в Аргентине и Уругвае и перегружавшихся в США на зафрахтованный Амторгом шведский пароход «Колумбия» для следования в СССР. В связи с этим Советское правительство через своего посла в Вашингтоне 14 мая 1941 г. заявило протест правительству США [1]. 12 июня 1941 г. американские таможенные власти произвели обыск на советском пароходе «Якут», стоявшем на ремонте в порту Сан-Франциско. 14 июня в США было издано распоряжение о блокировании иностранных счетов, что не замедлило сказаться на советском экспорте в США. В июне же власти США реквизировали советские пароходы «Марет», «Харджуранд» и «Денни», принадлежавшие ранее государственным объединениям Эстонии и Литвы.

Советское правительство энергично протестовало против незаконных распоряжений американских властей. Все эти и подобные им действия делали невозможным успешное развитие торговых отношений между двумя странами. Действия правительства США свидетельствовали о неискренности его неоднократных заявлений о готовности содействовать развитию советско-американской торговли и улучшению политических отношений между обеими странами. Враждебность американских властей к советским учреждениям в США проявлялась буквально во всем. Так, например, власти США чинили помехи при доставке почты в адрес посольства, консульства и Амторга, уничтожали советские газеты, журналы и книги, которые выписывали советские учреждения. Было ограничено право подписки советских учреждений на американские издания. 23 апреля 1941 г. НКИД СССР был вынужден направить ноту протеста посольству США в Москве.

Власти США предъявляли СССР различного рода мелкие претензии, используя их как предлог для нагнетания напряженности в советско-американских отношениях. Как признает в своих мемуарах К. Хэлл, существо «русской» политики Соединенных Штатов перед нападением Германии на СССР заключалось в том, чтобы «не предпринимать никаких шагов для сближения с Россией, сдержанно относиться к каким-либо попыткам сближения с нами (т. е. США.— *Ред.*) до тех пор, пока не будет доказано, что со стороны русских это не является

[1] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 553.

лишь маневром с целью добиться односторонних уступок в свою пользу»[1]. Иными словами, США выдвигали требование, чтобы СССР представил какие-то доказательства искренности своих намерений улучшить советско-американские отношения. Выдвижение американской стороной подобных условий заранее ставило барьеры на пути любых усилий СССР добиться улучшения отношений с США.

Напряженность в советско-американских отношениях сохранялась вплоть до начала Великой Отечественной войны Советского Союза, и ответственность за это лежала на правящих кругах США.

И хотя во второй половине 1940 — начале 1941 г. советско-американские отношения получили некоторое развитие, антисоветские тенденции в политике США продолжали оставаться преобладающими, мешая позитивному развитию советско-американских отношений.

Советско-японские переговоры. Пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

Советское правительство уделяло неослабное внимание обеспечению безопасности СССР на Дальнем Востоке. Японское правительство, вынужденное считаться с фактом серьезного поражения своих войск в районе реки Халхин-Гол в августе 1939 г., сочло необходимым в срочном порядке ликвидировать конфликт и заключить с СССР соответствующее соглашение, которое и было подписано 15 сентября 1939 г. Спустя некоторое время Япония заявила о желании улучшить отношения с Советским Союзом. СССР ответил согласием. Вскоре стороны договорились начать переговоры об урегулировании спорных экономических вопросов. Одним из них был вопрос о выплате Японией последнего взноса за КВЖД.

В результате советско-японских переговоров, начавшихся в ноябре 1939 г., 31 декабря было подписано советско-японское соглашение, согласно которому правительство Японии обеспечивало немедленную уплату последнего взноса за КВЖД. Урегулирован был и другой спорный вопрос — рыболовный. Советское правительство согласилось продлить советско-японскую рыболовную конвенцию до 31 декабря 1940 г. при условии, что японские рыбопромышленники будут точно выполнять советские законы и договорные обязательства.

Советское правительство и общественность, как о том говорилось в статье «По поводу советско-японских соглашений от 31 декабря 1939 года», опубликованной в газете «Правда», придавали большое значение нормализации советско-японских

---

[1] "The Memoirs of Cordel Hull", vol. II, p. 972—973.

отношений и со своей стороны были готовы содействовать осуществлению этой задачи[1].

В беседе с полпредом СССР в Токио К. А. Сметаниным министр иностранных дел Арита 19 января 1940 г. обещал содействовать дальнейшему улучшению советско-японских отношений[2].

Однако на деле японское правительство пыталось продолжать прежний антисоветский курс. Учитывая враждебность милитаристской Японии, Советское правительство держало на своих дальневосточных рубежах крупные вооруженные силы. В конце марта 1940 г. Советское правительство с трибуны сессии Верховного Совета СССР заявило: «В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в каком случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»[3].

Японское правительство вынуждено было пойти по пути нормализации отношений с Советским Союзом. Это, в частности, нашло свое выражение в изменении позиции Японии на советско-японских переговорах об уточнении границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе конфликта 1939 г. на реке Халхин-Гол. Переговоры завершились достижением 9 июня 1940 г. соглашения, определявшего прохождение границы в указанном районе. В середине 1940 г. возобновились переговоры по вопросу о заключении новой рыболовной конвенции, в чем в особенности были заинтересованы деловые круги Японии.

Как явствует из «Программы мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении», принятой 27 июля 1940 г., правительство Японии, поставив своей целью построение «великой восточноазиатской сферы совместного процветания», предусматривало в тот момент «быстрое урегулирование японо-советских отношений», с тем чтобы избежать войны на два фронта[4].

Исходя, очевидно, из этой установки, правительство Японии в начале июля через своего посла в Москве Того предложило начать переговоры о заключении советско-японского пакта о нейтралитете. При этом в основу пакта должна была лечь по предложению японской стороны Пекинская конвенция 1925 г., которая, в свою очередь, базировалась

---

[1] См. «Правда», 1 января 1940 г.

[2] АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Токио с министром иностранных дел Японии 19 января 1940 г.

[3] «Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет», стр. 41.

[4] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 66—67.

на Портсмутском мирном договоре 1905 г., заключенном после вероломного нападения Японии на Россию в 1904 г. Конвенция 1925 г., обеспечившая Советскому Союзу продолжительную мирную передышку, вместе с тем содержала ряд положений, выгодных для Японии и ущемлявших права Советской страны. Она оставляла в силе договор 1905 г., в частности его территориальные статьи, отдававшие Японии исконную русскую землю на Дальнем Востоке — Южный Сахалин. Подписывая конвенцию в 1925 г., Советское правительство заявило, что не разделяет с бывшим царским правительством политической ответственности за заключение Портсмутского договора, подчеркивая этим, что признание Портсмутского договора носило временный характер. Пекинская конвенция предусматривала создание японских угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине, которые оказались источником непрерывных конфликтов между сторонами.

Тем не менее Советское правительство согласилось в принципе начать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, рассчитывая на то, что подписание такого пакта с Японией в какой-то степени укрепит мир на дальневосточных границах СССР. Одновременно оно предлагало вступить в переговоры о ликвидации концессий на Северном Сахалине.

30 октября 1940 г. японское правительство сделало новое предложение, смысл которого сводился к заключению пакта о ненападении (а не о нейтралитете, как ранее). В японском проекте этого пакта уже не упоминалась конвенция 1925 г., но в то же время предлагалось отнести урегулирование всех спорных вопросов между СССР и Японией на период после заключения пакта [1].

Советское правительство не согласилось с японской точкой зрения. 18 ноября Японии был дан ответ, в котором Советское правительство сообщило свой проект договора о нейтралитете и заявило, что оно не может согласиться на заключение такого договора без урегулирования важных вопросов советско-японских отношений. Советское правительство предложило подписать одновременно с пактом о нейтралитете Соглашение о ликвидации японской угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине. При этом оно соглашалось гарантировать Японии поставку сахалинской нефти в течение пяти лет на обычных коммерческих условиях в размере 100 тыс. *т* ежегодно [2].

Япония не приняла этих предложений. Она выдвинула свой проект «решения» о Сахалине: предложила СССР продать ей

---

[1] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 380.
[2] См. там же.

Северный Сахалин под предлогом урегулирования спорных вопросов между Японией и СССР. Тем самым японская дипломатия намеревалась добиться в отношении Сахалина того, чего ей не удалось достичь в Портсмуте после поражения царской России. Советское правительство заявило о неприемлемости этого японского предложения.

11 февраля министр иностранных дел Японии Мацуока сообщил советскому полпреду в Токио К. А. Сметанину о своем намерении посетить Москву и Берлин. Он подчеркнул при этом, что «главной целью его поездки в Европу является встреча с руководителями Советского правительства»[1]. Мацуока дал понять, что Япония хотела бы, чтобы до начала переговоров о политическом договоре были заключены советско-японские торговый и рыболовный договоры.

23 марта 1941 г. Мацуока прибыл в Москву. На следующий день на приеме в Наркоминделе Мацуока сообщил, что по возвращении из Берлина и Рима он хотел бы начать переговоры об улучшении советско-японских отношений.

26 марта Мацуока прибыл в Берлин, где имел несколько бесед с Гитлером и Риббентропом, которых информировал о беседах в Москве. При этом Мацуока не оставил никаких сомнений в том, какова будет позиция Японии в случае германо-советской войны, заявив, что «Япония будет всегда лояльным союзником» Германии[2].

Вместе с тем правящие круги Японии решили, что в их интересах пойти на заключение пакта с СССР. Поэтому 7 апреля Мацуока снова был в Москве, где и начались переговоры. Предлагая заключить договор о ненападении, Мацуока снова выдвинул условие о том, чтобы СССР продал Японии Северный Сахалин. Советская сторона категорически отказалась обсуждать это предложение. Мацуока говорил, что в обмен на эту уступку Япония готова заменить Портсмутский договор и Пекинскую конвенцию другими соглашениями, а также отказаться от некоторых своих «рыболовных прав»[3]. До последнего момента — до дня отъезда из Москвы — Мацуока отказывался дать согласие на ликвидацию японских концессий на Северном Сахалине. Только в день отъезда, 13 апреля, Мацуока наконец уступил, и переговоры завершились подписанием пакта о нейтралитете.

---

[1] АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Японии с министром иностранных дел Японии Мацуока 11 февраля 1941 г.

[2] См. *М. Ю. Рагинский* и *С. Я. Розенблит*. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 255.

[3] АВП СССР. Из дневника В. М. Молотова. Прием министра иностранных дел Японии Мацуока 7 апреля 1941 г.

В основу пакта были положены формулировки статей советского проекта, который был предложен Японии в конце 1940 г. Согласно статье 1, обе стороны обязывались «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность» другой договаривающейся стороны. В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, гласила статья 2, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Статья 3 устанавливала срок действия пакта в 5 лет и предусматривала возможность его автоматического продления[1]. При подписании этого договора стороны обменялись письмами, в которых было зафиксировано обязательство Японии в шестимесячный срок ликвидировать свои концессии на Северном Сахалине[2].

Заключение советско-японского пакта о нейтралитете укрепляло безопасность дальневосточных рубежей нашей Родины при возраставшей угрозе со стороны гитлеровской Германии, способствовало сохранению мира на Дальнем Востоке.

Позже, 5 июня 1941 г., американский посол в Москве Штейнгардт в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовским был также вынужден признать, что «этот пакт является еще одним шагом к сохранению мира в Тихом океане. Тем, кто утверждает, что советско-японский пакт представляет собой угрозу для США, он, Штейнгардт, отвечает, что Советский Союз имеет опасного соседа на западе и заинтересован в обеспечении мира на востоке. Он сам поступил бы точно так...»[3]. Посол Великобритании в СССР Ст. Криппс рассматривал советско-японский пакт о нейтралитете «как антигерманский, ибо его единственной целью может быть защита русских восточных границ на случай нападения Германии на советские западные границы»[4]. В сложной международной обстановке заключение пакта о нейтралитете было звеном общей цепи мероприятий СССР по обеспечению безопасности и мира на всех возможных направлениях в Европе и Азии.

---

[1] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 549—550.

[2] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. V. М., 1947, стр. 362—363.

[3] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом США в СССР Штейнгардтом 5 июня 1941 г.

[4] *E. Estorick.* Stafford Cripps. Master Statesman. New York, 1949, p. 268.

Мобилизационные мероприятия и дипломатические шаги СССР в апреле — июне 1941 г.

Весной 1941 г. границу СССР от Баренцева до Черного моря прикрывали войска западных приграничных военных округов, которые насчитывали 2,9 млн. человек. В составе этих округов было 170 дивизий — стрелковых, кавалерийских, танковых, механизированных, а также две стрелковые бригады. Из них в первом эшелоне (в 10 — 50 *км* от границы) находилось только 56 дивизий и две бригады. Дивизии второго эшелона располагались в 50—100 *км* от границы, а соединения резерва — в 150—400 *км*[1]. С конца апреля 1941 г. были приняты дополнительно срочные меры по подготовке к отпору возможной агрессии. Проводились новые переброски войск: из глубины страны к западным границам выдвигались пять армий — 16, 19, 20, 21 и 22-я. Шло пополнение стрелковых соединений контингентами призывных возрастов. Осваивалась новая боевая техника. Продолжалось строительство укрепленных районов и аэродромов. В приграничных районах сооружались командные пункты для будущих фронтовых управлений, которые было приказано занять в период с 21 по 25 июня[2]. Проводились также другие мобилизационные мероприятия.

Принятые меры имели большое значение. Однако вновь формируемые дивизии не были еще укомплектованы не только людьми, но и техникой. Мобилизационные меры на западной границе не касались весьма важного момента — приведения в полную боевую готовность первых эшелонов приграничных военных округов и гарнизонов укрепленных районов, хотя необходимость этого диктовалась обстановкой. В этом сказался просчет в оценке возможного времени нападения гитлеровской Германии на Советский Союз[3].

Советское правительство располагало различными данными, подтверждавшими подготовку Германии к нападению на СССР. Среди них была и информация, которую У. Черчилль передал через английского посла в Москве Криппса И. В. Сталину 19 апреля 1941 г. В послании Черчилля говорилось: «Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о

---

[1] См. «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X. М., 1973, стр. 16.

[2] См. там же, стр. 17.

[3] См. «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 19.

сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов»[1].

Предупреждение на этот счет было сделано также заместителем государственного секретаря США С. Уэллесом в беседе с полпредом СССР в Вашингтоне К. А. Уманским в начале 1941 г.

Поступая таким образом, правительства Англии и США руководствовались своими интересами. Если ранее в советско-германском столкновении они видели возможность уничтожения социалистического государства — СССР и ослабления своего империалистического соперника — Германии, то в первой половине 1941 г. соотношение сил было таково, что кроме этих двух действовало третье — более важное на этом этапе — соображение, состоявшее в том, что теперь спасение Англии зависело от того, будут ли силы фашистской Германии отвлечены на войну против СССР.

Предостерегая СССР о готовящемся нападении Германии, правительства Англии и США стремились взорвать советско-германский договор о ненападении и ускорить начало советско-германской войны. Об этом свидетельствуют, в частности, замечания министра иностранных дел Англии Идена, которыми он сопроводил текст послания Черчилля И. В. Сталину, направляя его английскому послу в Москве. Иден предлагал Криппсу, если представится возможность, «развить доводы» в пользу того, чтобы Советское правительство оказало «материальную помощь Турции и Греции и через последнюю Югославии», согласилось «сейчас использовать все возможности, чтобы вставлять немцам палки в колеса», «предпринять все возможные шаги, чтобы помешать Гитлеру разрешить балканскую проблему так, как ему этого хочется»[2].

Если бы английское правительство преуспело в своих намерениях и убедило СССР «предпринять эти шаги», то он мог бы оказаться вовлеченным в войну с Германией еще раньше, чем это произошло, и тем самым время для укрепления его обороноспособности было бы еще больше сокращено.

Советское правительство, естественно, не могло играть судьбами своей страны и настороженно относилось к «доброжелательным предостережениям», исходившим из Лондона и Вашингтона. Анализируя новую расстановку сил в международных отношениях, сложившуюся к весне 1941 г., оно видело,

---

[1] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г.— ноябрь 1945 г.). М., 1957, стр. 391 (далее — «Переписка...»).

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, p. 320.

что английское правительство крайне заинтересовано в возникновении войны между СССР и Германией, ибо такая война должна была отвлечь силы Германии на Восток и дать Англии реальный шанс избежать поражения. Настороженное отношение Советского правительства к предупреждениям из Лондона и Вашингтона объяснялось также и тем, что они шли параллельно с проведением ими «жесткой политики» в отношении СССР. К тому же английская и американская информация не содержала чего-либо нового. Советскому командованию были известны гитлеровские планы нападения на СССР, в том числе план «Барбаросса».

И. В. Сталин, по свидетельству У. Черчилля, говорил ему в августе 1942 г.: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»[1].

В последние предвоенные дни Советское правительство пыталось дипломатическими средствами затруднить нападение Германии на СССР. 13 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР передал германскому послу в Москве текст сообщения ТАСС, предназначенного для опубликования в советской прессе и по радио. В нем указывалось на появление в иностранной печати слухов о «близости войны между СССР и Германией» и в этой связи говорилось, что СССР и Германия неуклонно соблюдали и соблюдают условия советско-германского договора 1939 г., а «происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Далее сообщение ТАСС гласило, что слухи о том, будто СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; «проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо»[2]. Это сообщение ТАСС было помещено в советских газетах 14 июня 1941 г.

Опубликовав сообщение ТАСС и вручив его текст германскому представителю в Москве, Советское правительство не только демонстрировало всему миру свои мирные намере-

---

[1] *Winston S. Churchill.* The Second World War, vol. IV. The Hinge of Fate. Boston, 1950, p. 493.

[2] «Известия», 14 июня 1941 г. См. также «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 555—556.

ния, но и пыталось завязать переговоры с Берлином о состоянии отношений между СССР и Германией. Таким образом, оно рассчитывало добиться хотя бы временного продления мира для Советской страны. А оттяжка германского нападения хотя бы на несколько недель могла привести к тому, что в связи с приближением осени гитлеровцам пришлось бы перенести начало войны против СССР на весну 1942 г., когда он мог бы встретить агрессоров уже во всеоружии. Кроме того, это сообщение ТАСС должно было помочь выяснению намерений Германии. Вместе с тем оно наглядно свидетельствовало о том, что Советское правительство отчетливо представляло себе опасность положения и не закрывало глаза перед нависавшей угрозой, а активно искало выхода из него.

Гитлеровское правительство не дало публичного ответа на сообщение ТАСС. Оно ограничилось кратким замечанием заведующего отделом печати германского МИД на пресс-конференции для иностранных корреспондентов о том, что сообщение ТАСС якобы «подтверждает мирные намерения» Германии. Германская печать замолчала как сообщение ТАСС, так и эту пресс-конференцию.

С целью завязать переговоры между СССР и Германией Советское правительство 20 июня 1941 г. передало в МИД Германии через своего посла в Берлине текст ноты о нарушении советской границы немецкими самолетами. В ноте отмечалось, что германское правительство еще не дало ответа на советские ноты от 27 марта и 21 апреля по поводу такого рода нарушений и что за два месяца — с 19 апреля по 19 июня — германские самолеты 180 раз вторгались в воздушное пространство СССР [1]. Послу поручалось вручить эту ноту Риббентропу или его заместителю, а при обсуждении содержания ноты затронуть вопросы советско-германских отношений во всей их совокупности.

Однако германская сторона отнюдь не проявила готовности к такому обсуждению. Весь день 21 июня министр иностранных дел Германии и его заместитель уклонялись от встречи с советским послом. Только в 21 час 30 минут статс-секретарь МИД [2] Вейцзекер принял его. Однако Вейцзекер уклонился от обсуждения советской ноты.

Вечером 21 июня Советское правительство сделало еще одну попытку начать переговоры с германским правительством. С этой целью нарком иностранных дел В. М. Молотов в 21 час 30 минут пригласил к себе посла Германии Шуленбурга и ознакомил его с содержанием упомянутой советской поты. Нарком

---

[1] АВП СССР. Нота Советского правительства правительству Германии от 20 июня 1941 г.

[2] Заместитель министра иностранных дел Германии.

сообщил, что посол СССР в Берлине получил указание вручить эту ноту министру иностранных дел. Затем нарком спросил Шуленбурга: в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется? Чем объясняется усиленное распространение слухов о близкой войне между Германией и СССР? Был также задан вопрос о причинах массового отъезда из Москвы в последние дни сотрудников германского посольства и их жен. В заключение Шуленбургу был задан вопрос: чем объясняется отсутствие какого-либо реагирования германского правительства на успокоительное и миролюбивое сообщение ТАСС от 14 июня?[1] Усилия наркома вызвать посла Германии на обсуждение этих вопросов оказались безуспешными.

В ночь с 21 на 22 июня (в 00 часов 40 минут по московскому времени) советскому послу в Берлине была передана по телефону шифртелеграмма, в которой сообщалось содержание беседы Молотова с Шуленбургом, перечислялись вопросы, поставленные советской стороной в ходе этой беседы. В телеграмме содержалось также указание послу незамедлительно встретиться с Риббентропом или его заместителем и поставить перед ним те же вопросы. Но все попытки посла добиться встречи с министром или его заместителем были безрезультатными. Через несколько часов фашистская Германия напала на СССР.

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом 21 июня 1941 г. См. также «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 386.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ОБРАЗОВАНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз

22 июня 1941 г. на рассвете фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Тысячи фашистских самолетов внезапно вторглись в воздушное пространство СССР, сбрасывая бомбы на города, аэродромы и железнодорожные узлы, тысячи орудий открыли огонь по пограничным заставам и частям Красной Армии, танковые и моторизованные соединения вторглись на советскую территорию. И только после этого германский посол в Москве Шуленбург утром 22 июня вручил народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову текст заявления гитлеровского правительства, в котором оно пыталось представить свой преступный акт как «военные контрмеры», вызванные якобы создавшейся «невыносимой угрозой» на германской восточной границе[1]. Подобной фальсификацией гитлеровцы намеревались обмануть мировое общественное мнение, выдать свое разбойничье нападение на СССР за якобы «превентивную» войну.

Советский Союз самым строгим образом соблюдал условия советско-германского договора о ненападении. Германский посол Шуленбург незадолго до нападения Германии на СССР сообщал своему правительству о готовности Советского правительства честно выполнять условия договора[2]. Советский Союз «совершенно точно выполнял все свои обязательства перед Германией до последнего дня»[3],— признает бывший генерал-майор гитлеровской армии Мюллер-Гиллебранд.

Нападение гитлеровской Германии на СССР было преднамеренной и заранее разработанной разбойничьей акцией гер-

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом 22 июня 1941 г.

[2] *W. Görlitz.* Der Deutsche Generalstab, Geschichte und Gestalt 1857—1945. Frankfurt am Mein, 1950, S. 545.

[3] *B. Müller-Hillebrand.* Das Heer 1933—1945. B. II. Die Blitzfeldzüge 1939—1941. Frankfurt am Mein, 1956, S. 89.

манского фашизма — ударной силы мирового империализма — против первого в мире социалистического государства.

Вместе с Германией на Советский Союз напали ее сателлиты — Румыния и Финляндия. Одновременно войну СССР объявило фашистское правительство Италии, на следующий день — Словакия, 27 июня — Венгрия. В те же дни с заявлением о разрыве дипломатических отношений с СССР выступило правительство Виши[1]. На советско-германский фронт направил испанскую «голубую дивизию» Франко.

Война Германии и ее сателлитов против Советского Союза носила крайне реакционный, захватнический характер. Предпринимая поход против СССР, нацистские руководители преследовали главную задачу — ликвидировать социальный и политический строй Советской страны и восстановить власть помещиков и капиталистов, ликвидировать государственную самостоятельность советских народов, захватить территорию СССР, физически уничтожить советских людей, а оставшихся в живых превратить в своих рабов. Гитлеровцы намеревались захватить и разграбить народное хозяйство Советского Союза. По планам фашистских главарей огромная территория СССР подлежала германизации. На ней должны были разместиться немецкие военные поселения.

Гитлер обрушил на СССР удар огромной силы. Правители фашистской Германии и гитлеровские генералы считали, что победа над Советским Союзом — дело нескольких недель. «Русская армия,— утверждал Гитлер,— при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем французская армия в 1940 г.»[2].

Советский Союз оказался перед лицом суровых испытаний.

С первых дней войны Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство СССР, руководствуясь заветами Ленина, подняли советский народ на защиту социалистического Отечества. В тексте обращения, с которым в 12 часов дня 22 июня 1941 г. выступил по радио по поручению Советского правительства заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов, содержался призыв партии и правительства к советским людям в этот тяжелый и ответственный момент еще теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии и с честью выполнить перед Родиной свой долг — отразить фашистскую агрессию. Обращение заканчивалось словами, которые стали лозунгом советских людей в борьбе с фашистскими захватчи-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1944, стр. 459—460.

[2] *H. Greiner.* Die Oberste Wehrmachtsführung, 1939—1943. Wiesbaden, 1951, S. 326.

ками: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»[1].

Центральный Комитет партии и Советское правительство разработали обширную программу мобилизации всех сил страны и народа на отпор врагу. Эта программа была сформулирована в директиве ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей. Как в свое время в ленинском декрете-воззвании от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!», в этой директиве партия раскрыла советскому народу всю глубину угрозы, нависшей над страной, и призвала отдать все силы и средства беззаветной защите Советской Родины. Партия потребовала от партийных и советских организаций, от всего народа покончить с благодушием и беспечностью, мобилизовать все силы на разгром врага, отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, организовать всестороннюю помощь действующей армии, укреплять тыл Красной Армии, создавать невыносимые условия для врага в оккупированных районах[2].

30 июня 1941 г. был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина. ГКО стал высшим органом, осуществлявшим функции партийного и государственного руководства, всю полноту власти в стране.

3 июля 1941 г. И. В. Сталин выступил по радио с Обращением к советскому народу. В Обращении излагалось основное содержание директивы от 29 июня 1941 г. по мобилизации сил страны на отпор врагу и подчеркивалось: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 113.

[2] См. «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917—1968». М., 1969, стр. 299—300.

за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[1].

Главной задачей советской внешней политики и дипломатии с началом войны стало максимально содействовать достижению победы над врагом и для этой цели добиваться создания единого фронта народов в борьбе против фашизма, обеспечить создание мощной антигитлеровской коалиции народов и государств.

Реакция в США и Англии на агрессию фашистских государств против Советского Союза

Начиная войну против СССР, Гитлер и его окружение рассчитывали на международную изоляцию Советского Союза. Заявление правительства Германии Советскому правительству от 22 июня и обращение Гитлера к германскому народу, зачитанное Геббельсом по радио в тот же день, формулировались таким образом, чтобы, во-первых, лишить Советский Союз возможности приобрести союзников и, во-вторых, привлечь к участию в антисоветской войне западные державы, а если это не удастся, то хотя бы заручиться благожелательным отношением их правящих кругов к походу Германии против СССР. С этой целью фашистские лидеры заявили, будто они начали войну против СССР, чтобы отвести от Европы угрозу «советского большевизма». Приманка антикоммунизма ранее почти безотказно действовала в отношениях Германии с западными державами; на это же рассчитывали гитлеровцы и теперь. Однако главари фашистской Германии глубоко просчитались в оценке перспектив развития международной обстановки.

В правящих кругах США и Англии существовали различные мнения относительно того, какую позицию следует занять в связи с войной Германии против Советского Союза: присоединиться ли к походу Гитлера против Советского Союза, занять ли позицию стороннего наблюдателя или объединиться с СССР для борьбы против блока агрессоров.

Еще до нападения гитлеровской Германии на СССР премьер-министр Великобритании Черчилль поставил перед президентом США Рузвельтом вопрос об отношении к Советскому Союзу в случае германо-советской войны. «Если разразится эта новая война,— писал Черчилль,— мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить,— это Гитлер»[2]. В этом послании, а также через английского посла в Вашингтоне Галифакса Черчилль предлагал американскому прави-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 29—30.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, p. 330.

тельству «занять аналогичную позицию»[1]. Английский премьер руководствовался при этом исключительно британскими интересами и целью отвратить от Англии реально существовавшую угрозу поражения. «Первый период войны был гибельным для Англии... И хотя Англия все еще имела слабые, в действительности очень слабые шансы на то, что она выживет, она не имела ни малейшего основания для надежды на победу,— пишет английский профессор военной истории Фолс.— Велись бравые разговоры о создании мощной танковой армии, целой армады механизированных дивизий для вторжения на континент в неопределенном будущем, но это все делалось для поднятия настроения. В действительности существовала только одна надежда. Две величайшие силы мира все еще не участвовали в войне — это Соединенные Штаты и Советская Россия. Имея их в качестве союзников, Англия могла рассчитывать на победу»[2].

В государственном департаменте США 21 июня был подготовлен меморандум относительно американской позиции в случае нападения Германии на СССР. В нем указывалось, что, если Советское правительство при нападении Германии обратится к США с просьбой о помощи, Соединенные Штаты могут пойти лишь на смягчение ограничений экспорта в Советский Союз и разрешат ему «получать даже военные материалы, в которых СССР остро нуждается и которые мы можем позволить себе поставить СССР»[3].

Президент Рузвельт занимал несколько иную, более гибкую позицию. В случае германского нападения на СССР он предполагал выступить с заявлением в поддержку «любой декларации, которую Черчилль может сделать, приветствуя Советский Союз как союзника»[4]. Президент предложил находившемуся в то время в Вашингтоне послу США в Англии Вайнанту срочно вернуться в Лондон и устно передать Черчиллю его, Рузвельта, соображения.

Американский посол прибыл в Англию 20 июня и сразу же направился в Чекерс, загородную резиденцию английского премьер-министра, где выполнил поручение президента.

Премьер-министр Англии получил сообщение о нападении Германии на СССР 22 июня в 8 часов утра. Об атмосфере, царившей в то воскресенье в Чекерсе, Томпсон, охранявший Черчилля, пишет: «Трудно понять... то чувство чрезвычайного

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 529.

[2] *C. Falls*. Hundred Years of War. London, 1953, p. 318.

[3] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941", vol. I. Washington, 1958, p. 766—767 (далее — "Foreign Relations... 1941").

[4] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 531.

облегчения, неожиданного освобождения от гнета». Это чувство, отмечал Томпсон, вызывалось у английского правительства сознанием того, что после вступления в войну Советского Союза «мы уже больше не одиноки»[1]. Черчилль сиял от удовольствия.

В 9 часов вечера того же дня Черчилль выступил по радио и заявил, что Англия окажет Советскому Союзу «любую экономическую и техническую помощь, которая в наших возможностях и которая может быть ему полезна»[2]. Это был со стороны Черчилля, как пишет американский историк Уильямс, «драматический, но едва ли неожиданный шаг»[3].

Подобный шаг отнюдь не вызывался сочувствием к Советскому Союзу. Черчилль по-прежнему ненавидел СССР и не скрывал этого. «За последние двадцать пять лет,— говорил он в своем выступлении по радио,— никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем»[4]. Но в июне 1941 г. руководящие круги Англии, возглавляемые Черчиллем, понимали, что Германия создала смертельную опасность для Британских островов. «Все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое... исчезает,— говорил Черчилль, имея в виду свою многолетнюю борьбу против коммунизма...— Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров... Его вторжение в Россию — лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Англию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов... Поэтому опасность, угрожающая России,— это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам»[5].

Черчилль, члены английского правительства и английские военные деятели считали, что Германия разобьет Советский Союз в ходе молниеносной кампании, как это было во Франции. «Большинство английских специалистов верили, что кампания в Европейской России будет закончена в течение немногих месяцев или даже недель»[6],— говорится в английской официальной истории второй мировой войны. 1 июля в телеграмме анг-

[1] *W. H. Thompson.* Assignment. Churchill. New York, 1961, p. 215.
[2] "The Times", 23.VI.1941.
[3] *W. A. Williams.* American-Russian relations. 1781—1947. New York, 1952, p. 262.
[4] "The Times", 23.VI.1941.
[5] Ibidem.
[6] *J. R. M. Butler.* Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941, p. 544.

лийскому главнокомандующему в Египте генералу Окинлеку Черчилль писал, что «немцы временно поглощены своим вторжением в Россию»; через день в телеграмме ему же Черчилль говорит о возможном «падении России» [1].

Считая поражение СССР неизбежным, официальные английские круги полагали, однако, необходимым в своих собственных интересах максимально продлить сопротивление Советского Союза германскому нашествию, выиграть время для подготовки собственных вооруженных сил, дотянуть до того момента, когда США смогут более активно включиться в войну на стороне Англии.

Заявление английского правительства о том, что оно окажет помощь Советскому Союзу в войне против гитлеровской Германии, имело большое положительное значение для общей борьбы с фашизмом и было встречено с огромным энтузиазмом рабочими и всеми трудящимися Англии. Английская общественность настойчиво высказывалась в пользу сотрудничества с СССР. Многие англичане обвиняли свое правительство в провале англо-франко-советских переговоров 1939 г. В настроениях английского народа сказывались симпатии трудящихся Англии к социалистическому государству. Прогрессивные люди страны надеялись, что, став союзниками, СССР и Англия добьются победы над общим врагом. «Несмотря на противоположное мнение военных специалистов, в английском народе верили, что... по всей вероятности, нацисты не смогут уничтожить Красную Армию» [2].

Реакция в Вашингтоне на первые известия о нападении гитлеровской Германии на СССР была примерно аналогичной. Это было чувство громадного облегчения: Соединенные Штаты пока вне опасности. Но долго ли продлится такое положение? Морской министр Ф. Нокс писал Рузвельту 23 июня: «Гитлеру потребуется от шести недель до трех месяцев, чтобы расправиться с Россией. На мой взгляд, мы не должны упускать этих трех месяцев, не нанеся сильного удара — чем скорее, тем лучше» [3].

Эту идею поддержало командование вооруженных сил США, военный министр Г. Стимсон, министр внутренних дел Г. Икес, министр финансов Г. Моргентау и ряд других. «Если мы не вступим в войну сейчас, — говорил Г. Икес Рузвельту 23 июня, — мы окажемся без единого союзника в мире, когда придет наш черед» [4].

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, pp. 353, 355.
[2] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War. 1940—1941, p. 534.
[3] Ibid., p. 538.
[4] Ibidem.

23 июня 1941 г., выступая от имени правительства США, исполнявший обязанности государственного секретаря С. Уэллес заявил: «По мнению правительства Соединенных Штатов, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорят неизбежное падение нынешних германских руководителей и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня главная опасность для американского континента»[1].

На следующий день, 24 июня, состоялась пресс-конференция президента Рузвельта, на которой он заявил, что США намерены предоставить СССР помощь. Однако президент сразу же оговорился, что в настоящее время еще нельзя определить, в какую форму она выльется[2].

По свидетельству Р. Шервуда, одного из ближайших сотрудников президента США, «в это время Рузвельт верил в политику «поспешать медленно»»[3].

Позиция президента Рузвельта объяснялась, видимо, такими факторами. Соединенные Штаты в 1941 г. не находились в столь тяжелом положении, как Англия. Фашистский блок серьезно угрожал американским интересам и безопасности, но о непосредственном вторжении вражеских армий в США речи в то время не было. Война шла за Атлантикой, в Европе, и Соединенные Штаты официально пока в ней не участвовали.

К тому же в правящих кругах США господствовали в целом отрицательные настроения в отношении СССР. В правительстве Рузвельта были люди, решительно возражавшие против какой бы то ни было помощи Советскому Союзу. Сэмнер Уэллес выступил с оговорками относительно слишком тесных отношений с СССР. 22 июня он пытался воздействовать и на английское правительство в том смысле, чтобы оно не заявляло о поддержке Советского Союза в войне с Германией. Уэллес говорил, в частности, английскому послу в Вашингтоне Галифаксу, что Англия не должна провозглашать себя союзницей СССР, ибо «рано или поздно Япония, вероятно, присоединится к нападению на Советскую Россию и поэтому, если Англия и Россия будут союзниками, Англия окажется вовлеченной в военные действия на Дальнем Востоке»[4]. Уэллес в те дни допускал резкие выпады против коммунизма[5]. Ряд сенаторов-изоляционистов, а также

---

[1] "Foreign Relations... 1941", vol. I, p. 768.
[2] "The New York Times", 25.VI.1941.
[3] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 501.
[4] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War. 1940—1941, p. 540.
[5] "Documents on American Foreign Relations", vol. III, p. 364—365.

поддерживавшая их пресса были против помощи США Советскому Союзу.

В то же время здравомыслящие люди выступали за поддержку Соединенными Штатами Советского Союза. К их числу относились бывший посол США в Москве Джозеф Дэвис, влиятельные сторонники Рузвельта — сенаторы Пеппер, Смит, Грин и др. Сенатор Пеппер заявил 22 июня: «Президент должен завтра же объявить, что на СССР будет распространен закон о передаче в аренду или взаймы вооружения. Мы должны уничтожить Гитлера, или он уничтожит нас»[1]. «Нападение Гитлера на Россию еще раз показало американцам,— говорил сенатор Грин,— чего стоят обещания Гитлера в любом заключенном с ним соглашении. Нападение на Россию должно научить нас, что нам не следует заключать соглашения с Гитлером ни при каких обстоятельствах. Нам следует помочь Советскому Союзу в борьбе с Гитлером всем, чем только мы можем»[2].

Американское правительство в интересах собственной безопасности не могло не занять позицию поддержки Советского Союза, который стал играть решающую роль в общей борьбе против Германии и ее союзников. Учитывалось и то, что угроза Соединенным Штатам заключалась не только в успехах фашистских держав в Европе, но и в нараставшей агрессивности Японии на Дальнем Востоке. Разгром Франции, Голландии, угрожаемое положение Англии означали, что на Дальнем Востоке в борьбе против Японии США не могли опереться на их помощь. Поэтому Соединенные Штаты были заинтересованы в СССР как союзнике не только в войне против Германии, но и в случае военного столкновения с Японией. «Считалось общепризнанным,— пишет Макнейл,— что Россия рано или поздно, вероятно, скорее рано, чем поздно, включится в войну против Японии»[3]. Таким образом, обстановка как в Европе, так и на Дальнем Востоке вынуждала правящие круги США заявить о поддержке Советского Союза.

Институт Гэллапа путем опроса выяснил, каково мнение общественности в отношении советско-германской войны. Подавляющее большинство опрошенных выразило уверенность в победе Советского Союза.

Трудящиеся Соединенных Штатов Америки развернули активную кампанию солидарности с Советским Союзом. В этой

---

[1] См. *Г. М. Тавровская*. К вопросу о создании антигитлеровской коалиции (июнь 1941 г.— июнь 1942 г.) — «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 79.

[2] Там же.

[3] *W. McNeil*. America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict 1941—1946. London — New York — Toronto, 1953, p. 21 (далее — *W. McNeil*. America, Britain and Russia).

связи энергичную работу проводила Коммунистическая партия США. Она последовательно выступала за сотрудничество с СССР и оказание ему всемерной поддержки. Правительство США вынуждено было учитывать настроения американского народа, хотя американские правящие круги, как и английские, не верили в силы Советского Союза и поэтому свою помощь СССР рассматривали как средство продлить его сопротивление и тем самым выиграть время для себя.

Практически в первые месяцы Великой Отечественной войны Советский Союз ни от США, ни от Англии никакой помощи не получал.

Начало Великой Отечественной войны СССР против Германии и ее сателлитов вдохнуло новые силы в народы стран, захваченных фашистами, активизировало их борьбу за свободу, вселило уверенность в конечной победе над фашизмом. Резко активизировалось движение Сопротивления в оккупированных Германией, Италией и Японией странах. «Гитлеровская агрессия против Советского Союза,— писал руководитель Французской компартии М. Торез,— дала сильный толчок нашему движению Сопротивления, особенно организации вооруженной борьбы. Все патриоты поняли, что создалось новое соотношение сил и что теперь победа сторонников свободы и независимости народов обеспечена. До этих пор многие французы, даже враждебно относящиеся к оккупантам, были охвачены неверием в свои силы и сомневались, что Франция может быть освобождена. После 22 июня 1941 г. патриоты сказали себе: «Мы не одни; с таким союзником, как советский народ, мы можем завоевать свободу, мы можем победить»»[1].

Вступление СССР во вторую мировую войну явилось решающим фактором, который изменил ее социально-политическое содержание, превратил эту войну в справедливую, освободительную. Уильям Фостер писал: «Вообще война уже в первый период несла в себе элемент народности. Это была борьба масс против нависшей угрозы фашистского порабощения. Впоследствии этот элемент стал играть главную, преобладающую роль, придавая второй мировой войне характер справедливой, народной войны; однако это произошло лишь тогда, когда на чашу весов войны была брошена огромная демократическая мощь Советского Союза»[2]. Советский Союз стал ведущей силой антифашистской, справедливой войны, мощным оплотом борьбы всех народов за независимость. Героическая борьба советского народа цементировала складывающуюся антифашистскую коалицию.

---

[1] *М. Торез.* Сын народа, стр. 168.

[2] *У. З. Фостер.* История трех Интернационалов. М., 1959, стр. 448.

Англо-советское соглашение от 12 июля 1941 г. и вопрос о втором фронте

Первым серьезным шагом на пути создания антифашистской коалиции было заключение соглашения между Советским Союзом и Великобританией о совместных действиях в войне против Германии. Вопрос о необходимости такого соглашения поставило Советское правительство. 8 июля И. В. Сталин принял посла Великобритании Ст. Криппса. Послу было дано разъяснение относительно характера предполагаемого соглашения. Правительство СССР считало, что его основными положениями должны быть обязательства СССР и Англии оказывать друг другу вооруженную помощь в войне с Германией и не заключать сепаратного мира [1].

10 июля Криппс вручил И. В. Сталину послание Черчилля. Английский премьер-министр сообщил, что, получив донесение посла о его беседе с главой Советского правительства и о предложении СССР об опубликовании англо-советской согласованной декларации [2], включающей два пункта, он тотчас же созвал заседание британского военного кабинета с участием премьер-министра доминиона Новая Зеландия, находившегося в то время в Лондоне. «Как Вы поймете,— писал премьер,— нам будет необходимо запросить мнение доминионов — Канады, Австралии и Южной Африки. Мне хотелось бы, однако, тем временем заверить Вас, что мы всецело одобряем предложение, сделанное Вами, о согласованной англо-советской декларации. Мы считаем, что подписание декларации должно было бы состояться тотчас же по получении ответов от правительств доминионов и что немедленно вслед за этим следовало бы предать ее гласности» [3].

В результате последующих переговоров обе стороны договорились о подписании правительствами СССР и Великобритании не декларации, а соглашения о совместных действиях в войне против Германии. Этот документ был подписан в Москве 12 июля 1941 г. По уполномочию Советского правительства его подписал заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов, по уполномочию английского правительства — посол Великобритании в СССР Ст. Криппс. Соглашение содержало два пункта: «1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

---

[1] См. «Переписка...», т. I, стр. 10.

[2] Советское правительство ставило вопрос о подписании соглашения, а не декларации.

[3] См. «Переписка...», т. I, стр. 10.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»[1]. Соглашение вступило в силу немедленно с момента его подписания. Несмотря на то, что оно носило общий характер и взаимные обязательства сторон в нем не конкретизировались, соглашение закладывало фундамент союзных отношений между СССР и Великобританией и имело большое международное значение.

С начала войны Советский Союз выступал за концентрацию военных усилий союзников на европейском континенте путем открытия второго фронта.

Проблема второго фронта в Европе вскоре стала одной из центральных внутри антигитлеровской коалиции и главной проблемой в советско-английских отношениях. Интересен тот факт, что идея высадки британских войск во Франции впервые была выдвинута теми английскими политическими деятелями, которые понимали, что вступление Советского Союза в войну создало благоприятные возможности для осуществления военных операций западных держав, и в частности Англии, на европейском континенте. Так, английский министр, один из ближайших советников Черчилля, лорд Бивербрук в беседе с советским послом в Лондоне И. М. Майским 27 июня 1941 г. говорил, что правительство Великобритании «готово принять все возможные меры» для облегчения положения Советского Союза, и развивал следующий план оказания помощи Красной Армии: 1) Англия усиливает бомбежку Западной Германии и Северной Франции; 2) в район Мурманска и Петсамо направляется часть английского флота для участия в борьбе против гитлеровцев; 3) англичане проводят «крупные рейды» на северные берега Франции с целью хотя бы временного захвата таких важных стратегических пунктов, как Гавр, Шербур и др. В связи с этим Бивербрук предложил Советскому правительству установить более тесный контакт с правительством Великобритании по военным вопросам[2].

30 июня народный комиссар иностранных дел СССР заявил английскому послу в Москве, что правительство СССР считает предложения руководства Англии «правильными и актуальными». Криппс ответил, что «вопрос об английской помощи в северных морских водах у Мурманска он обсуждал перед отъездом из Англии и может заверить, что британское правительство приняло решение о необходимости оказания всякой возможной

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 116.

[2] См. *И. Земсков.* Дипломатическая история второго фронта.— «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 69.

помощи СССР в войне против Германии». Посол также сообщил, что он «осведомлен о намерениях английского правительства произвести десантную операцию во Франции»[1].

В тот же день в Лондоне состоялась беседа между министром иностранных дел Великобритании и советским послом, в ходе которой Иден сказал, что план Бивербрука будет обсужден британским кабинетом и что английское правительство обдумывает также вопрос о высадке десантов во Франции[2].

Для осуществления на практике сотрудничества СССР с Англией и решения вопросов, связанных с оказанием материально-технической помощи Англией Советскому Союзу, 6 июля 1941 г. в Лондон вылетела советская военная миссия, возглавляемая заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии Ф. И. Голиковым. Миссия имела конкретные указания, о каких поставках материальных и технических средств для ведения войны вести речь в первую очередь и насколько срочно они необходимы Советскому государству. Кроме того, миссии надлежало обратиться к правительству Англии как к союзнику по антигитлеровской коалиции с предложением об открытии второго фронта[3].

Советская военная миссия была принята министром иностранных дел А. Иденом и другими политическими и военными деятелями Англии. Однако добилась она немногого. В конце июля 1941 г. английское правительство приняло решение передать Советскому Союзу 200 истребителей типа «Томагавк» из числа тех, которые США поставили Англии. Что же касается военных поставок Советскому Союзу, то англичане в ходе переговоров всякий раз подчеркивали, что производственные возможности Великобритании крайне ограниченны. Как пишет в своих мемуарах Ф. И. Голиков, «это явно была политика недоверчивого выжидания того, как будут развертываться события на советско-германском фронте, это была политика затягивания войны и всемерного ослабления воюющих сторон...»[4].

После подписания 12 июля 1941 г. советско-английского соглашения правительство СССР официально поставило перед британским правительством вопрос об открытии второго фронта на европейском континенте. 18 июля глава Советского правительства направил английскому премьер-министру посла-

---

[1] См. «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 69.

[2] См. там же.

[3] См. *Ф. И. Голиков.* Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году.— «Новая и новейшая история», 1969, № 3, стр. 100—111; № 4, стр. 102—110; см. также «Международная жизнь», 1969, № 9, стр. 125—127.

[4] «Международная жизнь», 1969, № 9, стр. 127.

ние, в котором, согласившись с высказыванием Черчилля о том, что «теперь... Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией», отметил: «...военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции,— писал И. В. Сталин,— не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции» [1].

Однако английское правительство уклонилось от определенного ответа. В послании И. В. Сталину от 21 июля английский премьер-министр, начав с того, что правительство Англии сделает «все разумное и эффективное», чтобы помочь Советскому Союзу, просил «иметь в виду ограничения», налагаемые на Англию ее «ресурсами» и «географическим положением». Черчилль отметил, что «с первого дня германского нападения на Россию» английское правительство рассматривало «возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды», однако «начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести» Советскому Союзу «хотя бы самую малую пользу». Ссылаясь на довольно крупные германские силы во Франции и на сильные военные укрепления немцев вдоль побережья Франции, Черчилль писал: «Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение, а небольшие набеги повели бы лишь к неудачам и причинили бы гораздо больше вреда, чем пользы...» [2]

В послании, полученном в Москве 26 июля, английский премьер-министр выразил свое восхищение в связи с «замечательной борьбой» советских армий и обещал, что «воздушные налеты на Германию будут продолжаться с возрастающей мощью» [3]. В следующем послании Черчилль вновь сообщил, что «предстоящей зимой Германии придется испытать ужас-

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 10, 11.
[2] Там же, стр. 12.
[3] Там же, стр. 14.

ную бомбардировку»[1]. Однако английские воздушные налеты на Германию безусловно не могли оказать сколько-нибудь серьезного влияния на положение дел на советско-германском фронте.

Тем временем гитлеровская Германия перебросила сюда дополнительно более 30 пехотных дивизий, большое количество танков, самолетов и активизировала действия находившихся на советско-германском фронте дивизий своих союзников. Советский Союз потерял больше половины Украины; на севере враг дошел до стен Ленинграда.

3 сентября 1941 г. глава Советского правительства направил английскому премьер-министру послание, в котором вновь поставил вопрос о необходимости создать в этом году второй фронт в Европе. «Немцы считают опасность на Западе блефом,— писал И. В. Сталин,— и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет». Подчеркнув, что Советский Союз поставлен перед смертельной угрозой, глава Советского правительства настаивал на необходимости «создать уже в этом году второй фронт... могущий оттянуть с восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу... *ежемесячную* минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков...»[2].

4 сентября текст послания был одновременно вручен в Лондоне Черчиллю и в Москве английскому послу Криппсу. В телеграмме, которую английский посол направил в МИД Англии, указывалось: если английское правительство не сможет предпринять сверхчеловеческих усилий, оно потеряет «все преимущество от русского фронта, во всяком случае на долгое время, а возможно, и навсегда». По мнению Криппса, англичане, к сожалению, считали, что «русская» война их прямо не касается, и рассматривали ее просто как войну, в которой они хотят оказать союзнику помощь, не нанося при этом ущерба собственным интересам[3].

Правительство Англии вновь заявило о невозможности для Англии открытия второго фронта в Европе.

6 сентября в личном послании главе Советского правительства Черчилль сообщал следующее: «Хотя мы не остановились бы ни перед какими усилиями, в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 15.
[2] Там же, стр. 19.
[3] *L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War, p. 154.

возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции».

Английское правительство, как это видно из послания Черчилля, не только не считало возможным открытие второго фронта в 1941 г., но и уклонялось от обязательства сделать это и в следующем, 1942 году. «Мы готовы выработать с Вами совместные планы,— писал Черчилль.— Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть». Единственное обещание английского правительства сводилось к «содействию» на Крайнем Севере, «когда там наступит полярная ночь». Английское правительство, сообщил Черчилль, надеется довести свои армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона человек к концу 1941 г. и до миллиона к лету 1942 г. «Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии,— заверял он,— эти войска смогут включиться во фронт на Вашем южном фланге». Черчилль сообщил также, что Англия будет «продолжать бомбардировать Германию с воздуха с возрастающей силой... держать моря открытыми и бороться за свою жизнь»[1]. На это глава правительства СССР ответил 13 сентября: «...я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов»[2].

Советский Союз больше не ставил перед английским правительством вопроса об открытии второго фронта, даже в тяжелые осенние месяцы 1941 г., когда гитлеровцы рвались к Москве. Военное положение СССР оставалось крайне напряженным вплоть до разгрома фашистских армий под Москвой в декабре 1941 г., за которым последовало решительное контрнаступление советских войск.

В английских правящих кругах существовали различные точки зрения относительно военной помощи Советскому Союзу. Представляет интерес свидетельство лорда Бивербрука, выступавшего за открытие второго фронта на Западе.

Английский министр говорил по приезде из СССР в середине октября 1941 г., что военные руководители Англии «постоянно проявляли нежелание предпринимать наступательные действия». Как отмечал лорд Бивербрук, «бомбардировка Западной Германии и полеты истребителей над Францией... ничем не помогли России и не повредили Германии...».

«Нелепо утверждать,— писал Бивербрук,— что мы ничего не можем сделать для России. Мы можем, как только мы решим пожертвовать долгосрочными проектами и общей военной кон-

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 20, 21.
[2] Там же, стр. 22.

цепцией, которая, хотя ее все еще лелеют, окончательно устарела в тот день, когда на Россию было совершено нападение». Подчеркнув, что сопротивление русских отвлекло от Западной Европы немецкие войска и на время воспрепятствовало наступательным действиям держав «оси» на других театрах возможных операций, а также «открыло 2 тысячи миль побережья (оккупированных стран.— *Ред.*) для десанта английских войск», Бивербрук указывал на новые возможности для высадки английских войск на континенте.

Однако, продолжал он, «немцы могут безнаказанно перебрасывать свои дивизии на Восток именно потому, что наши генералы до сих пор считают континент запретной зоной для английских войск». Бивербрук писал, что нападение на Россию создало «не только новые возможности, но и новую угрозу. Если мы не поможем русским сейчас, они могут потерпеть поражение. Тогда Гитлер, освобожденный наконец от беспокойства относительно Востока, сосредоточит все свои силы против нас на Западе» [1].

Настроения противников скорейшего открытия второго фронта наиболее четко выразил тогдашний министр авиационной промышленности Англии Мур-Брабазон. Он открыто высказал надежду, что русские и германские армии взаимно уничтожат друг друга, в то время как Великобритания накопит силы и займет господствующее положение в Европе [2]. Как свидетельствуют события, именно эта точка зрения одержала верх при решении английским правительством вопроса об открытии второго фронта в Европе.

Американо-советские отношения. Переговоры Г. Гопкинса в Москве

Становление сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки также проходило в трудных и сложных условиях. Это объясняется тем, что в политике США, как отмечалось ранее, антисоветские тенденции продолжали преобладать. В правящих кругах США довольно сильные позиции занимали лица, которые желали победы гитлеровской Германии над Советским Союзом и даже считали целесообразным, чтобы в Западной Европе, т. е. между Англией и Германией, был заключен мир и «замиренная» Европа во главе с Германией разгромила бы СССР. Гитлеровские представители в Вашингтоне, внимательно следившие за политической обстановкой в США, делали из этого соответствующие выводы. «Как по идеологическим, так и по практическим соображениям,— сообщал 22 июня 1941 г. в Берлин поверенный в делах Герма-

[1] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 612—613.
[2] *W. McNeil.* America, Britain and Russia, p. 51.

нии Томсен,— едва ли следует ожидать установления дружественных или близких к союзу отношений с Советской Россией»[1] со стороны Соединенных Штатов Америки.

Через две недели после начала Отечественной войны бывший посол США в СССР Джозеф Дэвис писал в меморандуме, подготовленном для Белого дома: «...в нашей стране есть значительные группы людей, ненавидящие Советы до такой степени, что они желают победы Гитлера над Россией»[2]. Эти люди серьезно препятствовали налаживанию нормальных союзнических отношений между СССР и США, и Советскому правительству, его дипломатической службе пришлось приложить огромные усилия, проявляя при этом большую выдержку, чтобы добиться действенного сотрудничества с США в борьбе против агрессивного блока фашистских государств.

В своей деятельности, направленной на создание антигитлеровской коалиции, Советский Союз опирался на нараставшее с каждым днем стремление американского народа к сотрудничеству с СССР, к сопротивлению фашизму. Эту советскую инициативу поддерживали и представители той части правящих кругов США, которые хорошо понимали, сколь велика для Америки угроза со стороны фашистского блока. Они сознавали, что только в сотрудничестве с СССР Соединенные Штаты смогут противостоять агрессорам. В первом ряду таких политических деятелей следует считать президента Ф. Рузвельта и ряд других членов его правительства.

24 июня 1941 г. американское правительство объявило о том, что советские фонды в США разморожены. Примерно через месяц, 26 июля, было объявлено о неприменении закона «о нейтралитете» к Советскому Союзу[3]. Это означало, что СССР мог приобретать в США за наличный расчет военные материалы, а американским торговым судам не запрещалось заходить в советские порты. Однако развитие советско-американского сотрудничества крайне затруднялось сопротивлением враждебных СССР сил в различных правительственных органах Соединенных Штатов.

Еще 29 июня в Москве проходили переговоры между Советским правительством и послом США в СССР Штейнгардтом по вопросам военно-стратегических поставок. На следующий день в Вашингтоне получили список необходимых Советскому Союзу материалов. Через несколько дней Уэллес заявил, что правительству США необходимо «подробно изучить» список. Затем, 10 июля, государственный департамент объявил, что

---

[1] DGFP, Series D, vol. XII, p. 1082.
[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 500.
[3] "Foreign Relations... 1941", vol. I, p. 768—770.

вопрос о поставках должен быть согласован с Англией, поскольку она является их основным получателем [1].

Советские заявки, которые передавались американскому правительству послом СССР в США К. А. Уманским, пересылались на рассмотрение различным правительственным органам, и те, как правило, их отклоняли. За июль 1941 г. из США в СССР было отправлено товаров всего на 6,5 млн. долл. [2] — совершенно мизерное количество, не имевшее практического значения для Советского Союза.

В те дни президент Рузвельт писал: «Почти шесть недель прошло с тех пор, как началась русская война, а мы практически ничего не сделали для того, чтобы доставить какие-либо материалы, о предоставлении которых просило Советское правительство. Откровенно говоря, русские чувствуют, что в Соединенных Штатах им морочат голову» [3]. 21 июля Рузвельт отдал распоряжение о «немедленной и значительной отправке помощи Союзу Советских Социалистических Республик», но, как замечает Макнейл, «это могло быть рассчитано главным образом на то, чтобы сделать жест в психологической войне, имеющей своей целью поощрить русское сопротивление» [4].

Для ускорения реализации обещанной Соединенными Штатами помощи Советское правительство направило в конце июля 1941 г. в США военную миссию во главе с Ф. И. Голиковым. Миссия имела встречи и беседы с американскими государственными и военными деятелями. И здесь, как и в Англии, представителям СССР пришлось столкнуться с серьезными трудностями, исходившими то от военного ведомства, то от государственного департамента США.

Военный министр Стимсон в ходе переговоров подтвердил в принципе готовность США поставлять Советскому Союзу вооружение, но одновременно ссылался на «объективные» причины, которые-де мешали осуществлять эти поставки в ближайшее время и в значительных размерах.

31 июля советскую миссию принял Рузвельт. Встреча с президентом давала основание надеяться, что в дальнейшем советская военная миссия будет работать в более благоприятной обстановке. Рузвельт заявил, что уже есть решение о выделении Советскому Союзу 200 истребителей «П-40». На встрече обсуждались вопросы приобретения Советским Союзом воору-

---

[1] "Foreign Relations... 1941", vol. I, p. 774—788.

[2] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 560.

[3] Ibid., p. 561.

[4] *W. McNeil*. America, Britain and Russia, p. 22.

жения, его доставки, а также о начале работы «конференции трех»[1].

В Вашингтоне постепенно начинали понимать, что предположения о быстром разгроме СССР в войне не оправдываются. В результате появились более широкие возможности развития сотрудничества между двумя странами. Так героическая борьба Советских Вооруженных Сил против гитлеровских полчищ цементировала складывающуюся антифашистскую коалицию.

2 августа в Вашингтоне состоялся обмен нотами между послом Советского Союза в США К. А. Уманским и исполняющим обязанности государственного секретаря Соединенных Штатов С. Уэллесом о продлении советско-американского торгового соглашения от 4 августа 1937 г. еще на один год, до 6 августа 1942 г.

Весьма важное значение имела нота, врученная К. А. Уманскому в тот же день С. Уэллесом. В ней сообщалось, что правительство Соединенных Штатов решило оказать Советскому Союзу все возможное экономическое содействие в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение, говорилось в ноте, продиктовано убеждением правительства США в том, что «укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов,— соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов»[2].

Советское правительство выразило американскому правительству благодарность за это дружественное решение, а также уверенность, что экономическое содействие примет такой объем и станет проводиться с такой быстротой, что оно будет соответствовать размаху военных действий, осуществляемых Советским Союзом в его вооруженном сопротивлении агрессору[3].

Важным событием в советско-американских отношениях того времени была поездка в Москву в июле 1941 г. Гарри Гопкинса, личного представителя президента США.

Гарри Гопкинс, близкий друг и личный советник президента, в то время занимал пост администратора по осуществлению ленд-лиза. В середине июля он направился в Лондон для переговоров с английским правительством по вопросам американской помощи Англии. У Гопкинса было еще одно поручение: ему предстояло подготовить встречу Рузвельта и Черчилля, которая намечалась на первую половину августа.

---

[1] См. «Новая и новейшая история», 1969, № 3, стр. 104; № 4, стр. 105, 106.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 124.

[3] См. там же, стр. 126.

В Англии, как пишет Р. Шервуд, Гопкинс отметил много перемен: «...уже два месяца не было серьезных воздушных налетов, и Англия больше не сражалась в одиночку. Лица людей на улицах выражали величайшее облегчение»[1]. Эти перемены были вызваны войной Советского Союза с Германией. Как убедился Гопкинс, ни один мало-мальски важный вопрос с англичанами нельзя было согласовать без учета положения на советско-германском фронте. Война продолжалась четыре недели, т. е. истекал минимальный срок, в который, по мнению многих английских деятелей, нацистская Германия должна была разгромить СССР, а о победе гитлеровцев не шло и речи. Более того, у английских лидеров появилась надежда, «что русские, может быть, продержатся до наступления зимы...»[2]. Все это привело Гопкинса к убеждению, что для планирования дальнейшего ведения войны необходимо глубже познакомиться с обстановкой в России, установить, каково в действительности положение на советско-германском фронте. «Мне кажется,— телеграфирует он Рузвельту из Лондона,— что нужно сделать все возможное и обеспечить, чтобы русские прочно удерживали фронт, даже если их разобьют в нынешнем сражении»[3]. 28 июля на самолете английских воздушных сил «Каталина» Гопкинс вылетел с базы Инвергордон в Архангельск, откуда советский самолет 30 июля доставил его в Москву.

В Москве Гопкинс имел ряд бесед с И. В. Сталиным и другими руководящими деятелями СССР. В ходе этих встреч Советское правительство сделало все возможное для укрепления сотрудничества между СССР и США в борьбе против общего врага.

Официальной целью миссии Гопкинса было обсуждение вопроса о том, как наиболее быстро и эффективно Соединенные Штаты могли бы помочь СССР. Гопкинс заявил И. В. Сталину, что президент США считает Гитлера врагом всего человечества и поэтому желает помочь Советскому Союзу в войне против Германии. Он заверял, что США и Великобритания готовы оказать СССР всю возможную поддержку. Предоставление американской помощи Гопкинс, однако, обусловил следующим образом: «Я сказал ему (Сталину.— *Ред.*),— писал Гопкинс в докладе Рузвельту,— что решения, касающиеся проблемы долгосрочного снабжения, могут быть приняты лишь в том случае, если наше правительство будет полностью знакомо не только с военным положением в России, но и с типами, количе-

---

[1] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 502.
[2] Там же, стр. 503.
[3] Там же, стр. 512.

ством и качеством ее вооружений, а также с ресурсами сырья и промышленным потенциалом»[1]. Следовательно, правительство США обусловливало свои поставки предоставлением ему важнейшей стратегической информации о военном положении Советского Союза и его возможностях дальнейшего ведения войны.

Правительство СССР несмотря на то, что до этого американское правительство ограничивалось фактически лишь разговорами о поставках, предоставило Гопкинсу подробную информацию по интересовавшим его вопросам. Советское правительство выразило при этом твердую уверенность, что к зиме фронт стабилизируется. Информация была включена Гопкинсом в соответствующие доклады президенту. Однако, сославшись на неофициальный характер своей миссии, Гопкинс уклонился от конкретной договоренности относительно поставок Советскому Союзу необходимых материалов. Американское правительство не намеревалось всерьез договариваться о поставках СССР до окончания летне-осенней кампании на советско-германском фронте; как американское, так и английское правительства все еще считали нецелесообразным поставлять Советскому Союзу вооружение, промышленное оборудование и сырье, поскольку по-прежнему не верили, что Красная Армия выдержит натиск германской военной машины. Гопкинс заявил в Москве, что США и Англия не захотят посылать тяжелое вооружение, как, например, танки, самолеты и зенитные орудия, на русский фронт до тех пор, пока между правительствами США, СССР и Англии не состоится совещание, «на котором исчерпывающим образом будут совместно изучены относительные стратегические интересы каждого фронта, а также интересы каждой из наших стран»[2]. Конференцию представителей трех держав Гопкинс предложил провести лишь после окончания немецкого наступления, продемонстрировав тем самым, что США не желали связывать себя какими-либо обещаниями до тех пор, пока они не убедятся в способности СССР выстоять в войне. «Я помнил,— докладывал Гопкинс президенту,— о важности того, чтобы в Москве не было никакого совещания, пока мы не узнаем об исходе нынешней битвы. Я считал чрезвычайно неразумным проводить совещание, пока исход ее неизвестен»[3]. Таким образом, решение этого важного вопроса откладывалось и ставилось в зависимость от того, как Советские Вооруженные Силы будут отражать гитлеровское нашествие.

Вместе с тем миссия Гопкинса не прошла без пользы.

---

[1] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 543—544.
[2] Там же, стр. 544.
[3] Там же.

Гопкинс воочию убедился, что Советский Союз располагает большими силами, а предсказания о его возможном поражении в войне с Германией исходят из незнания истинного положения вещей и предубеждения. «Я глубоко уверен в этом фронте,— сообщал Гопкинс Рузвельту из Москвы,— моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твердая решимость победить»[1]. Миссия Гопкинса в Москву, пишет Р. Шервуд, была «поворотным пунктом в отношениях Великобритании и США с Советским Союзом во время войны. В дальнейшем все англо-американские расчеты уже не основывались на вероятности скорого крушения России»[2].

Несмотря на то, что главный вопрос — вопрос об американских поставках Советскому Союзу — решен не был, все же переговоры правительства СССР с Гопкинсом сыграли положительную роль в сложном и сравнительно длительном процессе создания антигитлеровской коалиции СССР, США и Англии.

Англо-советско-иранский договор

К началу второй мировой войны Германия занимала серьезные позиции в Иране. В государственном аппарате и в армии Ирана хозяйничали немецкие советники, германская пропаганда направлялась с таким расчетом, чтобы обработать общественное мнение Ирана в фашистском, прогерманском духе. Германия занимала первое место во внешней торговле Ирана, немецкие специалисты руководили строительством дорог и предприятий в стране. Гитлеровцы стремились захватить иранскую нефть и рассчитывали использовать Иран как плацдарм для агрессии против СССР и английских владений в Азии.

В связи с подготовкой Германией войны против СССР и особенно после 22 июня 1941 г. активность гитлеровцев в Иране резко возросла. Давно созданная шпионская сеть была значительно расширена. Под видом различных специалистов и туристов в Иран прибыли многочисленные агенты германской разведки, гестапо, германские пропагандисты. В 1941 г. в Иране находилось около четырех тысяч таких «специалистов». В ряде пунктов страны они готовили диверсионные и террористические группы для засылки в различные города СССР, в район Баку и в Советскую Туркмению. В Тегеране и других городах гитлеровцы устроили склады оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и другого военного имущества.

Используя созданную в Иране своеобразную «пятую колонну», германское правительство намеревалось вовлечь Иран в войну против СССР и Англии. Если бы этого не удалось добиться с помощью указанных сил и средств, то предполага-

---

[1] "Foreign Relations... 1941", vol. I, p. 814.

[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 547.

лось осуществить государственный переворот и поставить у власти в Иране такое правительство, которое втянуло бы страну в войну на стороне Германии.

За развитием событий в Иране пристально наблюдали и советское, и английское правительства. Правительство СССР направило иранскому правительству ряд нот (26 июня, 19 июля и 16 августа 1941 г.), в которых, исходя из советско-иранского договора 1921 г., требовало пресечения подрывной и шпионско-диверсионной деятельности германских агентов в Иране, враждебной как интересам СССР, так и самого Ирана. Английское правительство также сделало иранскому правительству ряд представлений. Однако шах Ирана Реза при подстрекательстве из Берлина отказался удовлетворить требования советского и английского правительств.

После этого по предложению английского правительства СССР и Великобритания решили совместно принять меры с целью предотвращения использования территории Ирана фашистскими государствами, а именно временно ввести в Иран свои войска. 25 августа правительства СССР и Англии направили правительству Ирана новые ноты. В советской ноте заявлялось, что «Иранское правительство отказалось, к сожалению, принять меры, которые положили бы конец затеваемым германскими агентами на территории Ирана смуте и беспорядкам, тем самым поощряя этих агентов Германии в их преступной работе». Поэтому Советское правительство оказалось вынужденным «принять необходимые меры и немедленно же осуществить принадлежащее Советскому Союзу, в силу статьи 6-й Договора 1921 г., право — ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска»[1]. При этом подчеркивалось, что эти меры «никоим образом не направлены против иранского народа. Советское Правительство не имеет никаких поползновений в отношении территориальной целостности и государственной независимости Ирана. Принимаемые Советским Прави-

[1] Статья 6 договора 1921 г. предусматривала: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устранении данной опасности, Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 136, 138—139).

тельством военные меры направлены исключительно только против опасности, созданной враждебной деятельностью немцев в Иране. Как только эта опасность, угрожающая интересам Ирана и СССР, будет устранена, Советское Правительство, во исполнение своего обязательства по советско-иранскому Договору 1921 г., немедленно выведет советские войска из пределов Ирана»[1].

25 августа 1941 г. советские и английские войска вступили в Иран. Тем самым удалось предотвратить замышлявшееся нападение на СССР с территории Ирана, сорвать германские планы на Ближнем и Среднем Востоке и обеспечить железнодорожную и морскую связь СССР с Англией и США через Иран и Персидский залив. 27 августа ориентировавшееся на сотрудничество с гитлеровской Германией правительство Али Мансура ушло в отставку. К власти пришло правительство Али Форуги.

8 сентября представители Советского Союза и Англии подписали с иранскими представителями соглашение, определившее дислокацию советских и английских войск на иранской территории. Правительство Ирана обязалось не допускать действий, наносящих ущерб СССР и Англии в деле борьбы с гитлеровской Германией, а также содействовать транспортировке через Иран военных грузов союзных держав. Кроме того, оно обязалось закрыть центры фашистской деятельности.

Шах Ирана Реза, поддерживаемый прогермански настроенными деятелями, пытался саботировать соглашение. В связи с этим по предложению правительства Великобритании английские и советские войска были введены также в столицу Ирана Тегеран. 16 сентября Реза-шах подписал акт отречения от престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви.

Правительство Форуги выполняло обязательства, взятые им по соглашению от 8 сентября, и начало переговоры с СССР и Англией о заключении союзного договора. 29 января 1942 г. такой договор был подписан в Тегеране. По этому договору СССР и Англия вновь заявили о своем обязательстве уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана, защищать его от агрессии Германии или любой другой державы. СССР и Англия обязались оказать Ирану возможную экономическую помощь. Иран брал на себя обязательство сотрудничать с союзными государствами всеми доступными ему средствами. При этом помощь иранских вооруженных сил ограничивалась поддержкой внутреннего порядка на иранской территории.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 139.

Политическое сотрудничество договаривающихся сторон выражалось в их обязательстве не заключать соглашений, несовместимых с положениями договора. СССР и Англия обязывались «в своих взаимоотношениях с другими странами не занимать позиции, наносящей ущерб территориальной целостности, суверенитету или политической независимости Ирана», а Иран, в свою очередь, обязался не устанавливать отношений, несовместимых с положениями договора [1].

Англо-советско-иранский договор имел большое международное значение. Заключение этого договора обеспечило сотрудничество Ирана с государствами антигитлеровской коалиции в период второй мировой войны.

Атлантическая хартия. Декларация СССР от 24 сентября 1941 г.

Вступление Советского Союза во вторую мировую войну коренным образом изменило всю международную обстановку, и прежде всего обстановку в Европе и на Дальнем Востоке. Борьба против фашистского блока вступила в решающую фазу, и в ее ходе, благодаря великому подвигу советского народа, впервые появились признаки разгрома агрессоров. Это потребовало от США и Англии пересмотра планов ведения войны, а также согласования их внешнеполитического курса. С этой целью состоялась конференция президента США Рузвельта и премьер-министра Англии Черчилля, в которой приняли участие их политические и военные советники. Она проходила с 9 по 12 августа 1941 г. на английских и американских судах, прибывших в бухту Арджентия (остров Ньюфаундленд).

К моменту созыва Атлантической конференции активные боевые действия шли больше года. Однако ни Англия, воевавшая все это время, ни Соединенные Штаты, ведшие, по выражению американских историков, «необъявленную войну», до сих пор не сформулировали перед народами цели, которые они преследовали в войне. На конференции в Арджентии руководители США и Англии приняли и 14 августа 1941 г. обнародовали «некоторые общие принципы национальной политики их стран», известные как Атлантическая хартия [2].

В Атлантической хартии Рузвельт и Черчилль заявили, что США и Англия не стремятся к территориальным или иным приобретениям, не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов. Президент США и премьер-министр Англии подчеркнули, что они уважают право всех

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 190—194.

[2] См. там же, стр. 147—148.

народов избирать себе форму правления, стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые лишены этого насильственным путем. Союзники, говорилось в документе, будут стремиться обеспечить всем странам доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, добиваться плодотворного сотрудничества всех стран в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение. После окончательного уничтожения нацистской тирании, говорилось в хартии, Англия и США надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы всю свою жизнь не знать ни страха, ни нужды. Послевоенный мир, указывалось далее, должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам. Государства мира должны отказаться от применения силы, а те «государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией», должны быть разоружены «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности» [1].

Таким образом, в Атлантической хартии нашел отражение ряд прогрессивных, демократических принципов послевоенного устройства мира. Это был результат воздействия на официальную политику США и Англии провозглашенных Советским Союзом целей войны, а также подлинно всенародной борьбы против фашизма, развернувшейся в этот период. Принятие Рузвельтом и Черчиллем Атлантической хартии явилось положительным моментом в международных отношениях и дипломатической истории военного времени. Крайне важное значение имело заявление о том, что США и Англия намерены были добиваться «окончательного уничтожения нацистской тирании» [2]. Но в то же время в документе не было четкой формулы основной задачи участников борьбы против фашизма, заключавшейся в объединении всех их усилий и ресурсов для полного и быстрейшего освобождения народов стран, оккупированных гитлеровцами. Не было конкретно сказано о судьбе колониальных и подмандатных территорий после войны. Участвовавший в выработке хартии и исполнявший обязанности государственного секретаря С. Уэллес писал, что, уезжая из Вашингтона на Атлантическую конференцию, Рузвельт намеревался опубликовать совместную англо-американскую декларацию, которая

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 148.

[2] Там же.

«дала бы надежду порабощенным народам мира»[1]. Это намерение президента США не было полностью осуществлено. После согласования текста хартии с Рузвельтом Черчилль информировал свое правительство, что хартия представляет собой лишь «временное и частичное заявление о целях войны, предназначенное для того, чтобы убедить все страны в наших справедливых целях, а не завершенную схему, которую мы должны осуществить после победы»[2].

Одной из целей США на Атлантической конференции было «связать» Англию в ее внешней политике в части, касающейся послевоенного мирного урегулирования, заставить английское правительство ничего не предпринимать в этой области без согласования с правительством США.

И это Рузвельту удалось. Проект Атлантической хартии вначале готовили Уэллес и заместитель министра иностранных дел Англии Кадоган. Подготовка началась с того, что Уэллес осведомился у Кадогана, не связала ли уже Англия себя какими-либо обязательствами перед другими странами относительно послевоенного мирного урегулирования. Кадоган заверил его, что подобных обязательств Англия на себя не брала. Тогда Уэллес многозначительно пояснил, что интересуется этим вопросом, поскольку «Соединенные Штаты имеют самое прямое отношение к будущей победе Англии в войне». Кадоган ответил, что он «полностью учитывает этот факт и что мистер Черчилль постоянно имеет его в виду»[3]. «В то время,— пишет Макнейл,— Англия зависела от продукции промышленности Соединенных Штатов, и американские официальные лица получили возможность осуществлять потенциальное вето в отношении политики английского правительства»[4].

Сын президента Эллиот Рузвельт, присутствовавший на конференции, писал впоследствии: Черчилль тогда признал, что «мир может быть завоеван только на основе условий, поставленных Соединенными Штатами Америки»[5].

Англо-американские противоречия на конференции проявились не только в борьбе за ведущую роль в будущем послевоенном мирном урегулировании. Включение в хартию давних требований США, таких, как принципы «свободы морей», «равных возможностей в отношении торговли и сырья», вызвало энер-

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War. 1940—1941, p. 685.

[2] *R. B. Russell.* A History of the United Nations Charter. The Role of the United States 1940—1945. Washington, 1958, p. 40.

[3] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War. 1940—1941, p. 681.

[4] *W. McNeil.* America, Britain and Russia, p. 34—35.

[5] *Э. Рузвельт.* Его глазами. М., 1947, стр. 57.

гичные возражения Черчилля. В конечном счете в текст хартии были внесены оговорки, что эти принципы должны осуществляться с «соблюдением существующих обязательств»[1]. Это дало возможность Рузвельту и Черчиллю выступить с согласованной декларацией, но не сняло острейших противоречий между двумя странами.

Характер стоявших на повестке дня конференции вопросов был таков, что их следовало обсуждать совместно с СССР, однако Англия и США предпочли рассматривать их сепаратно.

На конференции был затронут вопрос о поставках вооружений Советскому Союзу. 15 августа Рузвельт и Черчилль заслушали сообщение вернувшегося из Москвы Гопкинса. Практическим результатом обсуждения стало совместное послание Рузвельта и Черчилля И. В. Сталину, полученное 15 августа, в котором они предложили созвать в Москве совещание для обсуждения вопроса «о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению»[2]. Как видно, руководители США и Англии начали более реально оценивать роль СССР в войне с Германией. Советское правительство согласилось на созыв предложенной США и Англией конференции представителей трех держав в Москве.

24 сентября 1941 г. на Межсоюзной конференции в Лондоне с участием представителей СССР, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и Свободной Франции посол СССР в Англии И. М. Майский огласил декларацию Советского правительства, в которой оно выражало согласие с основными принципами Атлантической хартии. Одновременно Советское правительство заявило, что практическое применение этих принципов «неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны». В советской декларации выдвигалась программа антифашистской коалиции, отвечавшая освободительному характеру войны против фашизма. В декларации указывалось, что задача народов состоит в скорейшем и решительном разгроме Германии и ее союзников и создании такого послевоенного устройства мира, чтобы будущие поколения были избавлены от преступного нацизма. После победы над гитлеризмом должны быть заложены основы

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, p. 397.

[2] См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны», т. II. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г.— декабрь 1945 г.). М., 1957, стр. 9—10 (далее — «Переписка...»).

отношений международного сотрудничества и дружбы, отвечающих желаниям свободолюбивых народов. Декларация провозглашала принципы уважения суверенных прав народов и самоопределения наций, права каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, на установление такого общественного строя и избрание такой формы правления, какие он считает целесообразными. Советский Союз вновь высказался за коллективные действия против агрессоров, за разоружение, за мирные и добрососедские отношения со всеми странами, за помощь жертвам агрессии. Выдвинув эту программу построения послевоенных международных отношений, Советское правительство с особой силой подчеркнуло, что «основная задача, стоящая в настоящее время перед всеми народами, признавшими необходимость разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма, заключается в том, чтобы сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнетом гитлеровских орд»[1].

Московская конференция трех держав 1941 г.

В конце сентября 1941 г. была созвана Московская конференция представителей СССР, США и Англии.

К моменту созыва конференции Советский Союз уже более трех месяцев вел борьбу против армий Германии и ее союзников. С каждым днем усиливалось сопротивление Вооруженных Сил СССР нацистским захватчикам. Советские войска на ряде участков фронта переходили в контрнаступление. Враг нес значительные потери в живой силе и технике. В начале сентября 1941 г. Гопкинс писал английскому министру информации Брендану Бракену: «Действия русской армии, несомненно, заставили всех наших военных чувствовать себя неловко»[2].

Однако положение на советско-германском фронте оставалось тяжелым. С начала войны немцы продвинулись в направлении на Ленинград до 750 *км* и блокировали город с суши, в направлении на Москву — до 800 *км* и находились в 300 *км* от советской столицы, на юге СССР — от 600 до 850 *км*.

В течение первых трех месяцев войны США и Англия, как уже указывалось, помощи материалами и вооружением Советскому Союзу практически не оказывали. Велись лишь разговоры об этой помощи.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 144—147.

[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 586.

Представители союзников на конференцию в Москве были назначены еще во время встречи Черчилля и Рузвельта в Арджентии. Делегацию США возглавил крупный американский бизнесмен и политический деятель Аверелл Гарриман, ведавший в то время поставками по ленд-лизу из США в Англию, английскую — лорд Бивербрук, министр военного снабжения, один из «газетных королей» Англии. Однако с назначением даты конференции союзники не спешили, выжидая исхода боев на Восточном фронте в летне-осеннюю кампанию 1941 г. «Мы не хотели бы,— телеграфировал Черчилль из Арджентии в Лондон,— чтобы конференция в России началась раньше второй половины сентября, когда, как мы надеемся, мы будем знать, где зимой будет проходить линия русского фронта»[1].

Полтора месяца готовились американцы и англичане к конференции. Были вновь рассмотрены вопросы стратегии, взвешены производственные возможности, установлены потребности английских и американских вооруженных сил на ближайший год.

В директиве Бивербруку Черчилль поручал добиваться, чтобы поставки Советскому Союзу велись «почти исключительно за счет американских ресурсов». Но осуществление таких поставок Черчилль намеревался начать лишь через год. «Однако мы не сможем предоставить ее (помощь вооружением и материалами.— *Ред.*) в большом масштабе до середины или до конца 1942 г.,— писал Черчилль Бивербруку,— а основные планы придется отнести к 1943 г. Ваша задача будет состоять в том, чтобы не только содействовать разработке планов оказания помощи России, но также обеспечить, чтобы мы сами не были при этом обескровлены; и даже если вы окажетесь под влиянием атмосферы в России, то я здесь, в Англии, буду совершенно непреклонен»[2].

Рузвельт и военные руководители Соединенных Штатов осенью 1941 г. пришли к выводу, что американо-германские противоречия достигли крайней остроты и США должны непременно добиться военного поражения Германии. В документе, подготовленном в связи с Московской конференцией руководством армии и флота США 25 сентября, говорилось: «Даже если бы Британское содружество и Россия потерпели полное поражение, у Соединенных Штатов были бы важные основания продолжать войну против Германии, несмотря на то что трудность завоевания окончательной победы возросла бы в огромной степени»[3]. Для того, чтобы избежать этих трудно-

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, p. 397.
[2] Ibid., p. 403.
[3] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War. 1940—1941, p. 739.

стей и победить Германию, считали политические и военные руководители США, необходимо оказать помощь Советскому Союзу. К тому же, в отличие от Черчилля, полагавшего, что для победы над Германией не нужны крупные сухопутные силы, а достаточно бомбардировочной авиации, американские военные руководители придерживались другой точки зрения. В документе от 25 сентября говорилось: «Сами по себе военно-морские силы и авиация редко, если вообще когда-либо выигрывали важные войны. Должно быть признано в качестве неизменного правила, что только сухопутные армии могут окончательно выигрывать войны»[1]. А поскольку самая мощная сухопутная армия была у СССР, то в интересах разгрома Германии ему и следовало оказать содействие вооружением и материалами для ведения войны.

22 сентября американская и английская делегации отплыли из Лондона в Архангельск на английском крейсере и 28 сентября прибыли в Москву.

Конференция началась 29 сентября и закончилась 1 октября. Она обсудила вопрос о расширении американских и английских поставок вооружения, промышленного оборудования и продовольствия Советскому Союзу и о встречных советских поставках сырья и товаров в США и Англию с целью объединения и улучшения использования материальных ресурсов СССР, США и Англии в войне против гитлеровской Германии. Было достигнуто соглашение об американских и английских поставках Советскому Союзу на период с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. Подписанный в Москве протокол предусматривал, что США и Англия будут ежемесячно поставлять Советскому Союзу по 400 самолетов, 500 танков и некоторые другие виды сырья, вооружения и военных материалов. Со своей стороны Советское правительство обязалось рассмотреть заявку западных союзников на поставку из СССР некоторых материалов и товаров[2]. Тем самым предусматривалось, что помощь будет не односторонней, а двусторонней. В речи на заключительном заседании конференции Гарриман говорил: «Лорд Бивербрук и я от имени наших Правительств подтверждаем получение от Советского Правительства крупных поставок русских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах»[3].

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 740.

[2] АВП СССР. Протокол конференции представителей США, СССР и Великобритании, состоявшейся в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 г.

[3] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 155.

Однако достигнутое на Московской конференции соглашение имело ряд недостатков. Во-первых, как писал И. В. Сталин Черчиллю 3 октября 1941 г., потребности военного снабжения СССР не исчерпывались «согласованными на конференции решениями, не говоря уже о том, что ряд вопросов отложен до окончательного рассмотрения и решения в Лондоне и Вашингтоне...» [1], во-вторых, оно охватывало небольшой период времени, что затрудняло перспективное планирование военных операций советским командованием.

Участники конференции подписали протокол, согласно которому США и Англия взяли обязательство оказать помощь в транспортировке поставок Советскому Союзу. Черчилль писал И. В. Сталину 6 октября 1941 г. по этому вопросу: «Мы намерены обеспечить непрерывный цикл конвоев, которые будут отправляться с промежутками в десять дней» [2]. Однако правительства США и Англии впоследствии задерживали поставки под предлогом «непреодолимых» трудностей, связанных с транспортировкой в Советский Союз.

Для финансирования поставок Советскому Союзу правительство США с 7 ноября 1941 г. распространило на СССР действие закона о передаче вооружения взаймы или в аренду (ленд-лиз) и объявило о предоставлении СССР беспроцентного займа в 1 млрд. долл [3]. Эту акцию Соединенных Штатов, направленную на реализацию решений Московской конференции, Советское правительство восприняло как серьезную поддержку СССР в его громадной и трудной борьбе с общим врагом.

Что касается поставок Англии в СССР, то они осуществлялись на основе соглашения о взаимных поставках, кредите и порядке платежей от 16 августа 1941 г. [4]

Московская конференция 1941 г. сыграла положительную роль в создании антигитлеровской коалиции, в налаживании сотрудничества Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, направленного на достижение победы. Она свидетельствовала о признании Соединенными Штатами Америки и Англией факта, что Советский Союз один нес всю тяжесть борьбы с фашистской Германией.

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 27.
[2] Там же, стр. 28.
[3] См. «Переписка...», т. II, стр. 12—13.
[4] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 132.

Советско-чехословацкое и советско-польское соглашения 1941 г. Признание Советским Союзом движения «Свободная Франция»

Правительство СССР прилагало энергичные усилия не только для укрепления и развития союзнических отношений с США и Англией; оно осуществило ряд мер по установлению сотрудничества с правительствами других стран, находившихся в состоянии войны с гитлеровской Германией.

18 июля 1941 г. Советское правительство заключило соглашение с правительством Чехословацкой Республики, находившимся в эмиграции в Лондоне. Оба правительства согласились немедленно обменяться посланниками и взаимно обязывались оказывать друг другу помощь в войне против Германии. Советское правительство согласилось на формирование в СССР национальных чехословацких частей, которые на его территории должны были действовать под руководством советского Верховного Командования. Это было оформлено военным соглашением между Верховным Командованием СССР и Верховным командованием Чехословакии от 27 сентября 1941 г.[1] В дальнейшем на основании заключенных между СССР и Чехословакией соглашений Советский Союз предоставлял Чехословакии средства для содержания ее воинских частей на территории СССР. Бывший президент Чехословакии Бенеш впоследствии писал: «Советский Союз, который с самого начала так решительно выступал против Мюнхена... вполне и решительно, без всяких ограничений и условий, снова признал республику в ее домюнхенском статусе»[2].

Правительство Англии в течение некоторого времени уклонялось от официального аннулирования своей подписи под мюнхенским соглашением. 5 августа 1942 г. оно все же отказалось от этого соглашения, но оставило вопрос о своем отношении к домюнхенским границам Чехословакии открытым.

В начале июля 1941 г. в Лондоне начались переговоры между представителями Советского Союза и польского эмигрантского правительства о заключении советско-польского соглашения о совместной борьбе против гитлеровской Германии. Переговоры тянулись почти месяц, так как реакционные польские круги, имевшие своих сторонников в правительстве Сикорского и не извлекшие, по существу, никаких уроков из сентября 1939 г., требовали, чтобы СССР в качестве компенсации за соглашение признал советско-польскую границу по состоя-

[1] См. «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы». М., 1960, стр. 18—20 (далее — «Советско-чехословацкие отношения...»).

[2] Цит. по кн.: *Г. А. Деборин.* Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М., 1958, стр. 140—141.

нию на 1 сентября 1939 г., т. е. отказался от части своей территории — Западной Украины и Западной Белоруссии. С территориальными требованиями к Советскому Союзу польское эмигрантское правительство выступило на второй день после нападения Германии на СССР. Таким образом, оно, пренебрегая жизненными интересами польского народа, продолжало вести враждебную в отношении СССР политику и не желало сотрудничать с ним в войне против общего врага.

Советское правительство, естественно, не могло пойти на удовлетворение этих требований. Да к тому же не все члены польского эмигрантского правительства были настолько ослеплены ненавистью к СССР, чтобы отклонить его предложение о сотрудничестве в борьбе против гитлеровской Германии. В частности, более реалистическим политиком, чем его коллеги, был премьер-министр генерал Сикорский, хотя и ему не чужды были явно нереальные антисоветские планы.

Справедливая и последовательная позиция Советского правительства и реалистический подход к делу части членов польского эмигрантского правительства сделали возможным подписание 30 июля 1941 г. соглашения между СССР и Польшей. Территориальным вопросам был посвящен первый пункт соглашения, который гласил: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское Правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза». Соглашение предусматривало восстановление дипломатических отношений между обоими правительствами и взаимное обязательство оказывать всякого рода помощь и поддержку друг другу в войне. Советское правительство согласилось на формирование польской армии на территории СССР. В Протоколе, приложенном к Соглашению, предусматривалось предоставление Советским правительством амнистии всем польским гражданам, содержавшимся в заключении на территории СССР в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях [1]. В дальнейшем было заключено военное соглашение между Верховным Главнокомандованием СССР и Верховным командованием Польши, которое численность польской армии в СССР определяло первоначально в 30 тыс. человек.

Следующим важным этапом в отношениях между двумя странами, укрепившим советско-польское сотрудничество, явились переговоры 3—4 декабря 1941 г. между И. В. Сталиным

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 121—122.

и В. Сикорским, приведшие к подписанию «Декларации Правительства Советского Союза и Правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи». Констатировав, что немецко-гитлеровский империализм — злейший враг человечества, оба правительства заявили, что вместе со своими союзниками они будут вести войну до полной победы и окончательного уничтожения фашистских захватчиков. Основой взаимоотношений между обеими странами в мирное время, говорилось в декларации, должно быть доброе соседское сотрудничество, дружба и обоюдное честное выполнение принятых на себя обязательств [1].

Во время переговоров Советское правительство согласилось удовлетворить просьбу правительства Польши об увеличении формируемой на территории СССР польской армии до 96 тыс. человек. Впоследствии Советское правительство предоставило польскому правительству на содержание армии заем в 65 млн. руб., а позднее второй заем в 300 млн. руб., снабжало польскую армию продовольствием и военным снаряжением. Находившиеся в СССР польские граждане пользовались помощью Советского правительства и его местных органов.

Однако реакционные помещичьи и буржуазные круги Польши рассматривали советско-польское сотрудничество как вынужденное и временное. Их лозунгом было «выжидание в боевой готовности». Эти круги надеялись на поражение СССР в войне с Германией, на ослабление его в ходе войны, на то, что при мирном урегулировании США и Англия заставят Советский Союз принять территориальные требования польских антисоветских кругов. Правительства США и Англии поддерживали эти иллюзии и тем самым препятствовали на протяжении всей войны стабилизации советско-польских отношений.

В начале Великой Отечественной войны были установлены контакты между Советским правительством и движением «Свободная Франция», возглавлявшимся генералом де Голлем. 26 сентября 1941 г. состоялся обмен письмами между послом СССР в Лондоне И. М. Майским и де Голлем. Советский Союз признал де Голля «как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились», и изъявил готовность «оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками». Правительство СССР выразило при этом твердую решимость после достижения совместной победы над общим врагом «обеспечить полное восстановление независимости и величия Фран-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 168—169.

ции»[1]. Признание Советским Союзом движения «Свободная Франция», по существу, было равнозначно установлению с ним союзных отношений в борьбе против Германии.

Эти внешнеполитические акты правительства СССР в сочетании с самоотверженной борьбой Советских Вооруженных Сил на фронте укрепляли антигитлеровскую коалицию и являлись мощным стимулом для развития освободительного движения народов оккупированных Германией стран.

Переговоры министра иностранных дел Великобритании А. Идена в Москве

Поздней осенью 1941 г. военное положение Советского Союза еще более ухудшилось. Враг стоял у ворот Москвы. Между тем западные союзники не оказывали СССР той помощи, которая была ему обещана во время Московской конференции и в которой он столь остро нуждался. В частности, из 800 самолетов, которые Англия должна была поставить за октябрь, ноябрь и декабрь в Советский Союз, доставлено было 669, танков — 487 вместо 1000, а танкеток — 330 вместо 600[2]. Нужно сказать, что у Англии имелось достаточно возможностей выполнить свои обязательства.

Нежелание Англии оказать обещанную помощь своему союзнику не могло не сказаться отрицательным образом на состоянии англо-советских отношений.

«...Нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией,— писал И. В. Сталин в послании Черчиллю от 8 ноября 1941 г.— Эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое — не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны; и второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие»[3].

Английское правительство было весьма обеспокоено такой постановкой вопроса. И премьер-министр решает направить в Москву министра иностранных дел А. Идена для переговоров с правительством СССР. Министр иностранных дел должен был заверить Советское правительство, что СССР будет оказана

---

[1] «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы». М., 1959, стр. 47 (далее — «Советско-французские отношения...»).

[2] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 394.

[3] «Переписка...», т. I, стр. 31.

всяческая, в первую очередь военная, помощь в войне и его интересы будут удовлетворены при мирном урегулировании.

Теперь известно, что уже в то время у английских руководителей существовали мысли о сепаратном мире с Германией и даже велись соответствующие переговоры. Р. Шервуд пишет о послании Черчилля Гопкинсу, отправленном после Атлантической конференции, в котором английский премьер заявил, что, если к началу 1942 г. США не вступят в войну против Германии, он не знает, что произойдет [1]. В Белом доме это расценили как угрозу пойти на сепаратный мир с гитлеровцами. Дело не ограничилось этим посланием. В сентябре 1941 г. сын лорда Бивербрука, офицер английской армии, от имени своего правительства вел в Лиссабоне переговоры с венгром Густавом фон Кевером, действовавшим по поручению германского правительства, о сепаратном мире между Англией и Германией [2]. Обращало на себя внимание и то, что Англия длительное время не объявляла войну Финляндии, Венгрии и Румынии. Только после соответствующего заявления Советского правительства правительству Великобритании последнее 6 декабря 1941 г. объявило войну этим странам — союзникам гитлеровской Германии. Черчилль пишет, что он «шел на это с большой неохотой» [3].

Направляя Идена в Москву, английское правительство действовало прежде всего в своих интересах. Иден говорил послу США в Лондоне накануне отъезда в СССР, что цель его — «рассеять недоверие Советского Союза и, не беря на себя определенных обязательств, дать Сталину максимальное удовлетворение» [4].

В этом духе и было написано Черчиллем его послание И. В. Сталину от 22 ноября. «Когда война будет выиграна, в чем я уверен,— писал Черчилль,— мы ожидаем, что Советская Россия, Великобритания и США встретятся за столом конференции победы как три главных участника и как те, чьими действиями будет уничтожен нацизм» [5]. В то же время Черчилль рассчитывал, что в результате войны Советский Союз будет ослаблен и англосаксы навяжут ему свои условия мира. В письме Идену, комментирующем отчет последнего о поездке в Москву, Черчилль 8 января 1942 г. писал: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся

---

[1] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 587.
[2] См. «Фальсификаторы истории», стр. 71—72.
[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, p. 473.
[4] *H. Feis.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. New Jersey, 1957 (далее — *H. Feis*, Churchill, Roosevelt, Stalin).
[5] «Переписка...», т. I, стр. 33.

армии-победительницы в конце войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя отнюдь не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи»[1].

А. Иден прибыл в Москву 16 декабря. Он имел беседы с И. В. Сталиным и другими членами Советского правительства, в ходе которых обсуждалось предложение СССР о заключении двух договоров: военного — о союзе и взаимопомощи во время войны — и политического — о послевоенном сотрудничестве; рассматривался также вопрос о совместных военных операциях[2].

Иден не принял предложения о заключении официальных договоров, сославшись на то, что для этого нужно согласие доминионов.

При обсуждении проекта договора о послевоенном сотрудничестве перед министром иностранных дел Англии был поставлен вопрос о признании Англией в качестве западной границы Советского Союза границы, существовавшей к моменту нападения гитлеровской Германии на СССР, т. е. к 22 июня 1941 г.[3]. Иден, уклоняясь от прямого ответа, заявил: «Я не могу это сделать, не посоветовавшись с премьер-министром и американцами, мы сможем дать ответ, когда я вернусь в Лондон»[4].

Правительство США занимало в данном вопросе даже более неблагоприятную для СССР позицию, нежели англичане. Накануне отъезда Идена в СССР государственный секретарь США К. Хэлл уведомил Идена, что американское правительство категорически возражает против удовлетворения предложений СССР и заключения с ним соответствующего договора[5]. В этих условиях Советское правительство не могло не проявлять особую озабоченность относительно характера и условий мирного урегулирования после победы над гитлеровской Германией.

В ответ на советское предложение Иден представил проект соглашения между Англией и СССР, сформулированный в весьма общих выражениях. Проект предусматривал, что английское и советское правительства подтвердят Атлантическую хартию и возьмут на себя обязательство «сотрудничать любыми возможными путями до тех пор, пока немецкая военная мощь не

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, p. 616.
[2] См. «Переписка...», т. I, стр. 390 (примечание 16).
[3] См. там же (примечание 14).
[4] "The Memoirs of Anthony Eden. The Reckoning". Boston, 1965, p. 337.
[5] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1165—1166.

будет сломлена в такой степени, что не сможет больше угрожать миру во всем мире». В нем говорилось также, что Англия и СССР не будут заключать мир ни с одним правительством Германии, если оно определенно не откажется от всех агрессивных замыслов. Обе страны должны были по окончании войны сотрудничать в деле восстановления мира и создания условий, которые не допустили бы нарушения мира Германией в будущем. Согласно английскому проекту соглашения правительства Англии и СССР обязывались сотрудничать в реконструкции Европы в послевоенный период и воздерживаться от заключения с третьими государствами секретных договоров по этому вопросу. В английском проекте говорилось о взаимной экономической помощи и сотрудничестве после войны. Территориальные вопросы подлежали решению в соответствии с Атлантической хартией [1].

В проекте ничего не говорилось о характере и сроках поставок Советскому Союзу со стороны Англии. В этой части проект Идена не шел дальше соглашения от 12 июля 1941 г., т. е. оставлял конкретное решение вопроса полностью на усмотрение английского правительства.

Иден был уполномочен успокаивать советских руководителей неопределенными заверениями и не брать никаких обязательств, хотя он не мог не видеть, что Советский Союз «искренне стремился к заключению военного соглашения» и что такое соглашение «не может быть подписано советской стороной до тех пор, пока Англия не признает границы СССР» [2]. Поэтому неудивительно, что его миссия не привела к решению каких-либо из обсуждавшихся вопросов. Правительство СССР смогло, однако, уточнить свое представление об английской позиции по ряду важных вопросов.

[1] "Foreign Relations... 1942", vol. III, p. 496—497.
[2] "The Memoirs of Anthony Eden. The Reckoning", p. 352.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАЧАЛО ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Позиция Японии в связи с нападением Германии на СССР

Гитлеровская Германия не сообщила своему союзнику Японии дату нападения на Советский Союз. На этом основании японская историография вслед за военными преступниками Японии, которых судил Международный военный трибунал в Токио, сочинила версию, будто нападение Германии на СССР было неожиданным для японского правительства. Но это не соответствует действительности.

Еще во время своего европейского турне весной 1941 г. Мацуока узнал о планируемом нападении гитлеровской Германии на СССР. 3—4 июня 1941 г. японский посол в Германии Осима встречался с Гитлером и Риббентропом. Во время этих встреч обсуждался вопрос о роли Японии в предстоящих операциях гитлеровских войск против Советского Союза. В сообщениях Осима в МИД Японии указывалось: в «новой ситуации Гитлер и Риббентроп отводят для Японии роль сдерживающей силы на Востоке в отношении США и роль сковывающей силы против Советского Союза, которому не следует давать возможности пользоваться всеми возможными людскими и материальными резервами, накопленными на Дальнем Востоке»[1]. 16 июня японский посол в Берлине вновь сообщил в Токио, что война между Германией и СССР начнется на следующей неделе. «Мы должны точно определить свои позиции в этой обстановке»[2],— писал Осима.

22 июня 1941 г. днем Мацуока был в театре Кабуки вместе с главой марионеточного нанкинского «правительства» Ван Цзин-вэем. Здесь ему сообщили о нападении Германии на Советский Союз. Мацуока немедленно явился в императорский дворец. Он убеждал императора, что Япония должна вместе с Германией выступить против СССР. Император запросил

[1] «Дзёхо то кайсэцу», X. 1941, стр. 21. Цит. по кн.: «Вторая мировая война и современность», стр. 155.

[2] Там же, стр. 36, Цит. по кн.: «Вторая мировая война и современность», стр. 155,

мнение правительства [1]. Мацуока, не ограничиваясь устным заявлением, в тот же день представил императору меморандум, в котором писал: «Япония должна объединить свои усилия с Германией и напасть на Советский Союз». По его мнению, войны с США следовало избегать, но «в случае вступления Америки в войну Японии придется воевать также и с этой страной» [2].

Правящие круги были едины в том мнении, что нападение нацистской Германии на Советское государство развязало Японии руки для агрессии, однако предстояло принять программу конкретных действий, исходя из сложившейся обстановки.

Политические деятели во главе с премьер-министром Коноэ считали необходимым прежде всего разрешить японо-американские разногласия, а войну против Советского Союза начать позднее. Коноэ отмечал, что руководство гитлеровской Германии игнорировало интересы Японии, начав войну против СССР в момент, когда перед Японией стояли задачи урегулирования отношений с США и обеспечения ее экспансии в Китае и Юго-Восточной Азии. На его взгляд, участие в Тройственном пакте грозило втянуть Японию в вооруженный конфликт с США и препятствовало ее окончательной победе в Китае. Коноэ предложил либо пересмотреть условия пакта, либо вообще отказаться от участия в нем Японии. Точку зрения Коноэ разделял ряд руководящих деятелей флота. Начальник морского штаба адмирал Нагано в докладе императору высказался против пакта, заявив: «Пока существует этот союз, урегулировать японо-американские дипломатические отношения невозможно» [3].

Мацуока и Тодзио были против отказа Японии от обязательств по Тройственному пакту. 22 июня 1941 г. германский посол в Токио Отт сообщил в министерство иностранных дел Германии о своей беседе с Мацуока. Отт писал: «...Мацуока, как и прежде, считает, что Япония не может в течение долгого времени оставаться нейтральной в ходе этого конфликта...» [4]

С 25 июня по 1 июля 1941 г. вопрос о позиции Японии в отношении советско-германской войны и о дальнейшей политике обсуждался на заседаниях Координационного совета действий правительства и ставки. Мацуока продолжал настаивать на немедленном нападении на Советский Союз. Премьер Коноэ был

[1] *M. Shigemitsu.* Japan and Her Destiny, My Struggle for Peace. London, 1958, p. 217.

[2] "Pearl Harbor Attack. Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack". Washington, 1946, pt. 35, p. 691—692 (далее — "Pearl Harbor Attack...").

[3] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 14 ноября 1946 г.

[4] *М. Ю. Рагинский* и *С. Я. Розенблит.* Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 243.

против этого, а морской министр Оикава поддерживал то одну точку зрения, то другую. Наконец 2 июля 1941 г. императорская конференция, принимавшая наиболее важные решения, утвердила «Программу национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки». В программе провозглашалась решимость «придерживаться политики построения сферы совместного процветания великой Восточной Азии», «прилагать усилия к разрешению конфликта в Китае», «продолжать продвижение на юг». Было подтверждено решение, не прекращая подготовки к войне с Англией и США, оккупировать Французский Индокитай и установить тесные связи с Таиландом. О японо-советских отношениях в документе говорилось: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе оси трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза». И далее: «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему...» [1] В этой же программе подчеркивалось, что если США вступят в войну с Германией, то Япония выполнит свои обязательства по Тройственному пакту [2].

Решения императорской конференции были сообщены гитлеровскому руководству японским послом в Берлине Осима [3]. В то же время Мацуока, беседуя 2 июля 1941 г. с послом СССР в Японии К. А. Сметаниным, заверял его, будто Япония намерена «поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом» [4]. Германскому послу Отту он разъяснил, что «причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности — ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась. В настоящее время Сметанин не знает о поспешной подготовке, которая проводится против СССР...» [5].

Позиция Японии не могла не вызвать законного беспокойства Советского правительства. 12 июля 1941 г. посол СССР посетил министра иностранных дел Японии и сделал ему следующее заявление: «Я встревожен, узнав, что вы в беседах с диплома-

---

[1] «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 379, 380.

[2] См. там же, стр. 380—381.

[3] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1946 г.

[4] АВП СССР. Запись устного заявления министра иностранных дел Японии послу СССР в Токио от 2 июля 1941 г.

[5] См. *М. Ю. Рагинский* и *С. Я. Розенблит*. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 244.

тическими представителями некоторых государств в Токио высказались в том смысле, что советско-японский пакт о нейтралитете будто бы не имеет никакой юридической силы и в настоящих условиях соблюдение его для Японии необязательно. Договор краток, но абсолютно ясен и не допускает никаких изъятий из взятого на себя обоими государствами обязательства о нейтралитете. Никаких оговорок ни во время подписания пакта, ни после вы не делали о допустимости нарушения пакта в силу обязательств Японии по трипартитному пакту. Более того, вы заявляли устно руководителям Советского правительства, что трипартитный пакт не обязывает Японию выступать в каких-либо случаях против СССР. Мое правительство считает, что любое нарушение нейтралитета Японии означало бы вопиющее и ничем не оправданное нарушение пакта с СССР». В заключение посол высказал надежду на получение от Японии «заверения о ненарушимости советско-японского пакта»[1].

В ответной памятной записке министра иностранных дел Мацуока позиция Японии излагалась уклончиво. Вначале указывалось, что советско-японский пакт «остается в силе, хотя и неприменим в германо-советской войне... Пакт сохраняет свою силу постольку,— говорилось в памятной записке,— поскольку он не будет противоречить Тройственному пакту в тех его аргументах, в которых Япония должна уважать цели и дух Тройственного пакта...». В заключение говорилось: «Поскольку это касается нынешней войны, то я уверен, что в настоящее время Япония будет занимать такую позицию, при которой она свободно, не связывая себя ни пактом о нейтралитете, ни Тройственным японо-германо-итальянским пактом, сможет определить свою собственную политику»[2].

Было очевидно, что японские дипломаты стремились замаскировать враждебность своей политики в отношении СССР.

23 июля 1941 г. К. А. Сметанин снова поставил перед Мацуока вопрос о том, какова позиция Японии в связи с советско-германской войной. Японский министр уклонился от прямого ответа, однако подчеркнул, что основой внешней политики Японии является Тройственный пакт и если настоящая война и пакт о нейтралитете (между СССР и Японией.— *Ред.*) будут находиться в противоречии с Тройственным пактом, то пакт о нейтралитете «не будет оставаться в силе»[3]. Для Советского правительства было ясно — и это учитывалось им в его военно-

---

[1] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Токио с министром иностранных дел Японии 12 июля 1941 г.

[2] АВП СССР. Памятная записка министра иностранных дел Японии, врученная советскому послу в Токио от 13 июля 1941 г.

[3] См. *М. Ю. Рагинский* и *С. Я. Розенблит*. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 243—244.

стратегических планах,— что действия Японии в отношении СССР в первую очередь зависели от хода и исхода вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Германо-советская война и отношения между США и Японией

В Соединенных Штатах существовало мнение, что Япония выступит против СССР, как только Гитлер нанесет ему решающий удар. В этой войне, считали в Вашингтоне, Японии придется использовать большую часть своих сил, и она приостановит, хотя бы на время, экспансию на юг, которая непосредственно угрожала американским империалистическим интересам на Дальнем Востоке и Тихом океане.

В результате раскрытия кодов японских дипломатических шифров в конце 1940 г.[1] руководство США получило возможность читать шифрованные телеграммы, которыми обменивались Токио и его посольства и миссии. Поэтому Вашингтону в общих чертах стало известно о решениях императорской конференции от 2 июля 1941 г. (полностью решения и материалы конференции из Токио за рубеж не передавались). Командование вооруженных сил США сообщило 5 июля всем штабам, что наиболее вероятный образ действий Японии — аннулирование советско-японского пакта о нейтралитете и удар по советскому Дальнему Востоку в конце 1941 г. или «когда прекратится сопротивление в европейской России»[2].

Американское правительство все еще считало, что Япония, если США будут осмотрительны, не пойдет на конфликт с ними. Исходя из этого, Рузвельт 4 июля 1941 г. в личном послании Коноэ настаивал на переговорах о «поддержании мира» в районе Тихого океана[3].

В ответном послании от 8 июля японское правительство заверяло в своем «искреннем желании» не допустить распространения войны на районы «великой Восточной Азии» и сохранить мир в тихоокеанском бассейне[4].

10 июля Координационный совет действий правительства и ставки обсуждал проект ответа на американское предложение от 21 июня[5]. Мацуока резко выступил против дальнейших переговоров с США[6]. Заседание совета закончилось безрезультатно. 12 июля он собрался вновь. Военные круги предложили сформулировать позицию Японии так: 1) отношение Японии

---

[1] В конце 1940 г. американцы на затонувшем японском корабле обнаружили коды японских шифров.

[2] *M. S. Watson.* Chief of Staff. Prewar Plans and Preparations, p. 494.

[3] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 219.

[4] *J. Grew.* Ten Years in Japan, p. 399—400.

[5] См. стр. 126.

[6] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 219.

к войне в Европе определяется договорными обязательствами и интересами самообороны; 2) китайский вопрос должен быть разрешен в соответствии с тремя принципами Коноэ. США не должны вмешиваться в выработку условий японо-китайского мира; 3) Япония оставляет за собой право применить, если сочтет это необходимым, вооруженную силу в районе Тихого океана [1].

Мацуока не мог пойти против единодушного мнения военных и заявил о своем согласии с их точкой зрения. Однако он тут же сманеврировал: сославшись на болезнь, отказался просмотреть окончательный вариант решения. Мнимый больной поспешил в тот же день встретиться с Оттом и сообщить ему о решении Координационного совета.

На свой страх и риск Мацуока решил задержать передачу в Вашингтон японского ответа. Он настоял на том, чтобы сначала в США была отправлена телеграмма, отклоняющая устное заявление Хэлла от 21 июня. Номура поручалось указать в госдепартаменте, что заявление Хэлла представляет собой «документ, составленный в непочтительных тонах», и что «до тех пор, пока американское правительство не откажется от этого заявления», правительство Японии не сможет рассмотреть условия японо-американского соглашения [2].

Опасаясь, что заявление Номура может быть истолковано в Вашингтоне как намерение прервать переговоры, Коноэ и члены его кабинета сочли необходимым отправить в США одновременно и японский проект соглашения [3]. Однако советник МИД Японии, преданный сторонник Мацуока Рёэй Сайто, вопреки настояниям Коноэ и минуя начальника американского отдела министерства иностранных дел Тэрасаки, 14 июля приказал послать в Вашингтон только телеграмму, отклонявшую заявление Хэлла [4]. Тэрасаки в свою очередь пошел на чрезвычайную меру. Не считаясь с указаниями Мацуока и без его ведома, он 15 июля добился санкции заместителя министра иностранных дел Охаси на отправку в США японского проекта соглашения.

В тот же день было принято решение о выводе Мацуока из состава кабинета. Эта акция давала правительству Коноэ возможность большего маневра при проведении внешнеполитического курса Японии как в отношении СССР, так и США. По-прежнему Япония была намерена «активно» выступить против Советского Союза, но нуждалась еще «в нескольких неделях» для завершения подготовки к этому. В таких условиях

---

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 219—220.

[2] См. там же, стр. 220.

[3] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1946 г.

[4] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 220—221.

японской правящей верхушке представлялось целесообразным, чтобы Мацуока, который был сторонником немедленного нападения на СССР, на некоторое время исчез с политической арены. 15 июля Коноэ созвал ведущих министров кабинета и заявил: «Нам следует либо произвести замену министра иностранных дел, либо всему кабинету уйти в отставку...»[1] Присутствовавшие пришли к выводу о необходимости отставки всего кабинета[2].

18 июля был создан третий кабинет Коноэ. Новым министром иностранных дел стал адмирал Тоёда, занимавший пост министра торговли и промышленности в предыдущем правительстве. Отставку Мацуока гитлеровцы рассматривали как сильный удар по их расчетам.

20 июля обеспокоенный германский посол Отт явился к Тоёда с целью выяснить истинные планы японского правительства. Тоёда заверил посла: «Никаких изменений по отношению к Германии и Италии не произойдет. Как преемник бывшего министра иностранных дел Мацуока я намереваюсь продолжать его политику и еще более укреплять тесный союз Японии, Германии и Италии и идти вперед к общим целям»[3].

В Токио внимательно следили за ходом войны Германии против Советского Союза. 6 августа Координационный совет обсудил вопрос о дальнейшей политике Японии и вынес решение: военную подготовку против СССР продолжать, но по возможности избегать войны, пока не создастся выгодная для Японии обстановка. В качестве же основной задачи в данный момент признавалось продвижение на юг[4].

Японская экспансия в Индокитае и позиция США

13 июля 1941 г. премьер-министр Японии Коноэ направил личное послание главе вишистского режима во Франции Петэну, в котором он заверял в намерении Японии уважать суверенные права Франции в Индокитае, но оговаривал это условием предоставления Японии ряда военно-морских баз.

14 июля начались переговоры представителей Японии с французскими властями Индокитая о размещении японских войск в южной части Индокитая. На следующий день заместитель министра иностранных дел Охаси нанес визит Отту. Охаси высказал просьбу к правительству Германии «повлиять на Виши в смысле мирного разрешения этого вопроса», т. е. оказать нажим на правительство Петэна с тем, чтобы оно удовлетворило япон-

---

[1] «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 221.
[2] См. там же.
[3] «Гендай сире», т. 2, стр. 276.
[4] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 224.

ские требования. Германский посол при правительстве Виши посетил министра иностранных дел и посоветовал ему удовлетворить «пожелания» японского правительства. А 20 июля японский генерал Сумита предъявил генерал-губернатору Индокитая адмиралу Деку ультимативное требование о предоставлении Японии «права» держать свои войска в южной части Индокитая и передаче в ее распоряжение баз в Сайгоне и Камране[1].

23 июля был подписан японо-французский протокол «о совместной обороне» Индокитая. Протокол предусматривал сотрудничество Японии и режима Виши в военных вопросах, касавшихся «обороны» Индокитая, что легализовало пребывание в Северном Индокитае японских вооруженных сил, вторгшихся ранее, и предоставляло Японии возможность вводить в страну все новые войска.

24 июля Номура был приглашен к президенту Рузвельту. Президент указал, что еще есть время заключить соглашение о признании Индокитая нейтральной страной, подобной Швейцарии, предусматривающее вывод оттуда японских войск. Так можно было бы избежать ухудшения японо-американских отношений. В этом случае Соединенные Штаты согласились бы поставлять Японии необходимое сырье[2].

Однако 26 июля был опубликован японо-французский протокол «о совместной обороне» Индокитая. За два дня до этого японские войска вступили в Южный Индокитай, а 29 июля высадились в столице Индокитая Сайгоне. Вскоре численность японских войск в Индокитае достигла 50 тыс. человек, но японское командование и в дальнейшем наращивало там свои силы.

Американское правительство издало распоряжение о замораживании японских активов в США, составлявших примерно 130 млн. долл. Было введено эмбарго на экспорт почти всех видов товаров, за исключением продовольствия и хлопка. Госдепартамент распорядился, чтобы экспорт нефти (при полном запрещении вывоза в Японию авиационного бензина) не превышал среднего уровня 1935—1936 гг.

В Китай была направлена группа американских военных советников, филиппинская армия подчинена американскому командованию, а Панамский канал под предлогом «ремонта» закрывался для японского судоходства.

Англия объявила о расторжении англо-японского договора 1911 г. о торговле и мореплавании.

---

[1] См. *Д. И. Гольдберг.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г.—декабрь 1941 г.), стр. 183.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 18 ноября 1946 г.

Одновременно колониальные власти в Голландской Индии прервали переговоры с японской делегацией в Джакарте и приостановили действие соглашения от 12 ноября 1940 г., предусматривавшего ежегодную поставку Японии 1800 тыс. *т* нефти.

Японское правительство прибегло к ответным санкциям в отношении собственности Англии и США в Китае. 28 июля оно установило ограничения для деятельности иностранных фирм в Китае: экспорт в США и Англию объявлялся лицензированным.

В начале августа 1941 г. Япония потребовала от Таиланда предоставить ей военные базы и право контроля над производством олова, каучука и риса. Правительства Соединенных Штатов и Англии заявили Японии протест.

Напряжение в японо-американских отношениях продолжало нарастать. В Токио шли беспрерывные совещания кабинета министров, военного командования и Координационного совета действий правительства и ставки.

Премьер-министр Коноэ настаивал на продолжении переговоров с США. 4 августа на заседании Координационного совета ему при поддержке командования армии удалось добиться принятия такого решения: обещать правительству США не продвигаться за пределы Индокитая в юго-западной части Тихого океана и выразить пожелание о прекращении военных приготовлений США на Филиппинских островах и снабжения Китая вооружением. Предполагалось потребовать предоставления Японии особых военно-политических и экономических прав в Индокитае. Ни о какой гарантии нейтралитета Индокитая, на чем настаивал Рузвельт, не было и речи.

6 августа Номура передал соответствующий документ Хэллу. Просмотрев японские предложения, государственный секретарь заметил: «Поскольку Япония не прекращает вооруженные карательные операции, переговоры бесполезны». 8 августа Номура получил официальный ответ правительства Соединенных Штатов, отвергавший предложения Токио[1].

Японо-американские переговоры и Англия

В Лондоне пристально следили за развитием событий на Дальнем Востоке и Тихом океане. Правительство Черчилля считало, что интересам Англии отвечала бы более решительная политика США в отношении японской экспансии. Английское правительство, связанное войной в Европе, не располагало достаточными силами для защиты своих владений на Дальнем Востоке и Тихом океане. Твердая позиция Соединенных Штатов дала бы возможность отстоять их чужими руками, а столкновение с Японией могло

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 225.

втянуть США в войну против Германии, что весьма облегчило бы положение Англии.

Английское правительство, естественно, несколько по-иному объясняло Вашингтону свое желание видеть США решительным противником японской экспансии. Черчилль в посланиях Рузвельту продолжал пугать президента тяжкими последствиями политики непротивления японской агрессии.

После ряда новых агрессивных актов со стороны Японии, приведших к дальнейшему обострению обстановки на Тихом океане, Черчилль решил воспользоваться своей встречей с Рузвельтом в начале августа 1941 г. в Атлантике.

Вопрос о международной политике на Дальнем Востоке и Тихом океане был одним из главных в переговорах Черчилля и Рузвельта. Япония уже завершила оккупацию Южного Индокитая и предъявила требование о пропуске своих войск в Таиланд.

Усилия англичан получить конкретные заверения Соединенных Штатов в том, что они начнут военные действия в случае нападения Японии на Голландскую Индию или Сингапур, оказались тщетными. Государственный секретарь Хэлл в ответ на прямой вопрос английского посла в Вашингтоне Галифакса о том, какой будет реакция правительства США в случае такого поворота событий, ограничился неопределенным заявлением: английские и американские представители-де тогда соберутся и вынесут суждение о дальнейших действиях [1].

Президент и его советники считали разумным вести переговоры с Японией, причем в качестве основы использовать японский контрпроект, который их не удовлетворял. Цель была одна: выиграть время. На одном из заседаний Рузвельт сказал: США считают, что если Япония оккупирует Таиланд, то это не должно быть casus belli (повод к войне) для Англии. По мнению военного и морского министерств США, основная цель Соединенных Штатов на Тихом океане пока должна заключаться в том, чтобы избежать войны с Японией, ибо эта война не только свяжет большую часть, если не весь американский флот, но и «ляжет тяжелым бременем» на военную организацию и производство США, в то время как они должны ориентироваться на ведение военных действий в Атлантике.

Окончательное обсуждение дальневосточной проблемы состоялось 11 августа. Черчилль заявил, что японский ответ от 6 августа на предложение президента о нейтрализации Индокитая и Таиланда неудовлетворителен и неприемлем, поскольку японцы, оккупировавшие юг Индокитая, обещают не продви-

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War, 1940—1941, p. 671.

гаться дальше только в том случае, если США отменят свои экономические и финансовые санкции, прекратят всякие оборонительные мероприятия, согласятся на уступки Японии, вплоть до подчинения ею Китая.

Однако Рузвельт подтвердил свою прежнюю позицию: «Я убежден: нужно сделать все для того, чтобы не допустить войны с Японией»[1]. «Даже 30 дней,— говорил он,— могут сыграть положительную роль для .укрепления американских позиций»[2]. Президент выразил готовность предупредить Японию, что если она откажется от своего обещания не расширять район экспансии и вывести войска из Индокитая, то США вынуждены будут принять соответствующие меры, хотя, как сознавал Рузвельт, такие заявления могут привести к войне между США и Японией[3]. Черчилль согласился с этой программой, оговорив необходимость составить заявление японцам «в решительных выражениях».

Между тем экстремисты в Токио яростно требовали покончить с японо-американскими переговорами. Среди представителей крайней военщины раздавались призывы физически расправиться с Коноэ и его сторонниками. В этих условиях Коноэ выдвинул идею личной встречи с Рузвельтом. 4 августа он поделился своими планами с военным и морским министрами. Военный министр выдвинул два условия: 1) нужна встреча с самим президентом, поскольку встречи с Хэллом или его подчиненными бессмысленны; 2) если встреча закончится провалом, кабинету в отставку не уходить, а, напротив, возглавить войну против США[4]. 6 августа Координационный совет одобрил идею Коноэ, а затем решение совета утвердил император.

Вернувшись в Вашингтон, Рузвельт 17 августа принял Номура. Президент вручил японскому послу меморандум, в котором выражался протест против дальнейшего распространения японской экспансии. Однако тон документа не был достаточно решительным. Рузвельт настаивал на том, чтобы «японское правительство любезно сообщило, более ясно, чем до сих пор, о своей нынешней позиции и планах на будущее»[5].

Тем временем военно-фашистские круги Японии продолжали неистовствовать. 14 августа было совершено покушение на президента тайного совета барона Хиранума. Всех видных членов правительства Коноэ усиленно охраняли. Одновременно официальная пропаганда требовала от Соединенных Штатов

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 672—675.
[2] Ibid., p. 677.
[3] Ibid., p. 676.
[4] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 226.
[5] «Pearl Harbor Attack...», pt. 4, p. 1695.

прекратить поставки Советскому Союзу. В качестве повода для этого Япония избрала отправку двух американских танкеров с нефтью во Владивосток. В конце августа японское правительство в этой связи даже обратилось с протестами к США и СССР. Протесты были решительно отвергнуты. В советском ответе указывалось, что любая попытка воспрепятствовать осуществлению нормальных торговых отношений между СССР и США через советские дальневосточные порты будет рассматриваться как недружелюбный по отношению к СССР акт [1].

Коноэ возлагал большие надежды на встречу с Рузвельтом. Он полагал, что сумеет добиться от США уступок, не доводя дело до войны.

26 августа Координационный совет утвердил ответ на обращение Рузвельта от 17 августа, а также принял текст «послания Коноэ» на имя президента. Японское правительство выражало готовность вывести войска из Индокитая, «как только будет урегулирован китайский инцидент или когда в Восточной Азии будет установлен справедливый мир». Пока СССР «остается верен советско-японскому пакту о нейтралитете и не будет угрожать Японии или Маньчжоу-Го или не предпримет действий, противоречащих духу пакта», говорилось в заявлении, Япония не начнет против Советского Союза военных действий. Высказывалась также надежда, что Соединенные Штаты будут избегать такого сотрудничества с Советским Союзом, которое может создать «угрозу» Японии. Заявлялось, что Япония «не имеет намерений применить военную силу против любой соседней страны...» [2].

28 августа Номура вручил Рузвельту послание, а также сделал «устное заявление». Президент в целом одобрил послание и выразил согласие на встречу с Коноэ. Но в ходе беседы он заметил: «Нельзя ли ожидать во время переговоров японского вторжения в Таиланд, как это случилось во время переговоров Хэлла с послом» [3].

3 сентября Рузвельт вручил Номура ответ на «послание Коноэ». Президент заметил при этом, что лично он за встречу с Коноэ, однако нужно принять в расчет американское общественное мнение и реакцию Китая [4]. Рузвельт назвал «обнадеживающими» заверения Коноэ о согласии с американскими принципами, но, чтобы «встреча оказалась успешной и привела к со-

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 139—140.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 18 ноября 1946 г.

[3] *К. Номура.* Воспоминания о японо-американских переговорах.., стр. 122.

[4] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War. 1940—1941, p. 705.

трудничеству», говорил он, необходимо устранить оставшиеся нерешенными проблемы. Президент предложил предварительно обсудить вопросы «практического применения принципов, необходимых для обеспечения достижения мира»[1]. В ответе правительства США, переданном Номура, предлагалось возобновить переговоры на основе американского проекта от 21 июня 1941 г.

Во время беседы с Номура 4 сентября государственный секретарь Хэлл потребовал в качестве предварительного условия встречи Рузвельта с Коноэ заверений в том, что это совещание приведет к соглашению «по основным принципам»: о Тройственном пакте, о пребывании японских войск в Китае и о «равных возможностях» в международной торговле. Последнее прежде всего касалось Китая.

Беседа с Хэллом оставила у Номура, по его признанию, «тяжелое впечатление». «За последнее время,— сообщил он в Токио,— позиция США стала более твердой. Они говорят о полной эвакуации войск (из Китая.— *Ред.*) в течение двух лет после установления мира»[2].

Поворот Японии к войне

Командование вооруженных сил Японии, видя безуспешность дипломатических переговоров, все более склонялось к военным действиям против США. Крайне агрессивные силы в Японии объединились вокруг военного министра Тодзио.

По требованию военщины 6 сентября 1941 г. на очередной императорской конференции было принято важнейшее решение — утверждены «Принципы осуществления государственной политики империи».

Требования к США и Англии в этом документе были сформулированы следующим образом: а) «Америка и Англия не должны вмешиваться в мероприятия империи по урегулированию китайского инцидента или мешать этим мероприятиям»; б) «Америка и Англия не должны предпринимать действий, могущих создать угрозу обороне империи»; в) «Америка и Англия должны сотрудничать с Японией в обеспечении ее необходимыми ресурсами».

Документ предусматривал в качестве максимальных такие уступки со стороны Японии в случае продолжения переговоров: не прибегать к вооруженным действиям во Французском Индокитае и прилегающих к нему районах, за исключением Китая; эвакуировать свои войска из Индокитая «после установления прочного и справедливого мира»; гарантировать нейтралитет Филиппин.

[1] "Foreign Relations... Japan, 1931—1941", vol. II, p. 592.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1946 г.

Крайним сроком завершения переговоров японцы назначали середину октября. «Если к началу октября,— говорилось в решении,— в ходе переговоров... не появятся перспективы на возможность удовлетворения наших (т. е. японских.— *Ред.*) требований, империя должна взять решительный курс на войну против Америки (Англии, Голландии)». По настоянию Коноэ в решении все же было записано, что «империя путем использования всех дипломатических средств в отношении Америки и Англии предпринимает усилия для достижения своих требований» [1].

Ссылка на «дипломатические средства» не имела, однако, никакого смысла. Главное в этом решении заключалось в том, что военщина добилась одобрения своего предложения начать военные действия. Именно по ее настоянию был указан срок окончания переговоров — октябрь. По заключению штабов, наиболее благоприятным по метеорологическим условиям для проведения десантных операций месяцем был ноябрь, в декабре погода была хуже, а в январе проведение широких операций на море исключалось.

Решение от 6 сентября свидетельствовало, что императорский двор и финансовая олигархия Японии солидаризировались с милитаристами. Отныне военщина приступила к завершению военной подготовки, а дипломатические усилия Коноэ стали лишь маскировкой предстоявшей агрессии.

Поздним вечером 6 сентября Коноэ в строжайшей тайне встретился с американским послом Грю. Коноэ сопровождал лишь личный секретарь, а Грю — советник посольства. Коноэ указал, что Японии и США представляется последняя возможность успешно завершить переговоры. Хотя Коноэ больше не называл сроков, он по-прежнему настаивал на встрече с Рузвельтом. Посол обещал немедленно сообщить о беседе в Вашингтон. Это будет, заявил он, «самая важная телеграмма, которую я когда-либо посылал за всю свою дипломатическую деятельность» [2].

20 сентября Координационный совет одобрил последний сводный контрпроект «Достижения взаимопонимания между США и Японией». В основу документа был положен ответ японского правительства от 15 июля 1941 г. на предложения Соединенных Штатов от 21 июня 1941 г. Принципиальные разногласия по-прежнему касались «четырех принципов», на принятии которых настаивал Хэлл. Конкретно стороны занимали противоположные позиции по вопросам о Тройственном пакте, о пребыва-

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1946 г.

[2] *J. Grew.* Ten Years in Japan, p. 425—428.

нии японских войск в Китае, о «равных возможностях» в Китае, о японских войсках в Индокитае и т. д.

Тем временем в Японии развернулись энергичные приготовления к войне на Тихом океане. Еще 1 сентября 1941 г. был отдан приказ о переводе всего флота на военное положение. Вслед за реорганизацией эскадр и вводом в действие судов общим водоизмещением в 630 тыс. *т* были мобилизованы еще 265 судов водоизмещением в 490 тыс. *т*. 18 сентября последовал приказ по армии о проведении подготовительных мероприятий к операциям в связи с изменением обстановки. Началась переброска в Южный Китай, на Тайвань и в Северный Индокитай 51-й дивизии, ранее предназначавшейся для дислокации в Маньчжурии, а также других соединений [1].

25 сентября на заседании Координационного совета представители армии и флота, ссылаясь на решение от 6 сентября, потребовали не позднее 15 октября вынести окончательное решение: война или мир? Это аргументировалось чисто военными соображениями: для завершения подготовки к концу октября необходимо по крайней мере за две недели до этого срока знать, намерено ли правительство начать военные действия. Через день военный министр Тодзио вновь без обиняков потребовал от Коноэ дать ясный ответ к указанному сроку.

Одновременно усиливался нажим со стороны гитлеровцев, добивавшихся прекращения японо-американских переговоров. В конце сентября 1941 г., в годовщину заключения Тройственного пакта, Риббентроп специально приехал из ставки в Берлин и заявил японскому послу Осима, что «у него имеются точные доказательства того, что в то время, как содержание японо-американских переговоров держится в секрете от посла Отта, Америка втайне сообщалась с Англией по поводу переговоров». В связи с этим Риббентроп высказал большое недовольство позицией, занимаемой Японией. В донесении в Токио Осима отмечал, что в министерстве иностранных дел Германии начиная с статс-секретаря министерства Вейцзекера все давали ему понять, что «возмущены поведением Японии» [2].

2 октября Хэлл вручил Номура памятную записку — официальный ответ на японские предложения. Правительство США категорически требовало признания «четырех принципов» и вывода всех войск Японии из Китая и Индокитая. Предложение о встрече Рузвельта с Коноэ окончательно отклонялось [3]. Хэлл заявил Номура: «Америка считает, что, если еще до совещания

---

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 233.

[2] АВП СССР. Стенограмма заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 июня 1947 г.

[3] "Pearl Harbor Attack...", pt. 34, p. 104.

руководителей двух государств не будет припята общая программа достижения взаимопонимания, это совещание грозит окончиться провалом». Номура заметил, что «подобный ответ вызовет разочарование в Токио, но тем не менее он передаст его содержание»[1].

Политический кризис в Токио

6 октября участники совещания высшего командного состава японской армии пришли к заключению, что перспектив на успех в переговорах с США нет и война неизбежна, но если МИД Японии считает, что существует все же возможность достигнуть соглашения, то можно до 15 октября продолжать переговоры. На следующий день Тодзио явился к Коноэ и сообщил, что командование армии безусловно против требований США о выводе японских войск, дислоцированных в других странах, а 10 октября военный министр в ультимативном тоне потребовал от Коноэ вынести окончательное решение[2]. Коноэ попытался еще раз прозондировать позицию Соединенных Штатов. Министр иностранных дел Тоёда, разделявший взгляды премьера, охотно пошел на это. Они надеялись, что Вашингтон изменит свою позицию.

7 и 10 октября Тоёда встретился с Грю, а 9 октября Номура посетил Хэлла. Американская сторона заявила, что переговоры можно вести лишь на основе ее предложений от 21 июня и памятной записки от 2 октября[3].

12 октября по поводу сложившейся обстановки в загородной резиденции премьера состоялась оживленная дискуссия между Коноэ, военным министром Тодзио, морским министром Оикава, министром иностранных дел Тоёда и начальником планового бюро Судзуки. В итоге министры согласились с предложением Тодзио: переговоры с Соединенными Штатами следует продлить «на время, которое сочтет желательным высшее командование армии и флота».

14 октября состоялось заседание кабинета. Тодзио резко высказался против вывода японских войск из Китая и потребовал положить конец переговорам с США. Ни один из участников совещания не выразил своего отношения к воинственной речи Тодзио, и они разошлись, не приняв решения[4]. Тогда военный министр пошел на крайнюю меру. Он передал Коноэ, что больше не желает с ним встречаться, так как «не уверен, сможет ли сдержать свои чувства», и посоветовал премьеру

---

[1] *К. Номура.* Воспоминания о японо-американских переговорах.., стр. 129.

[2] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 236—237.

[3] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1946 г.

[4] Там же.

уйти в отставку[1]. Официальное выражение армией недоверия правительству автоматически вело к падению кабинета.

16 октября Коноэ вручил императору прошение об отставке кабинета. Он уходил с политической арены. У руля государственной политики становились Тодзио и его единомышленники, выступавшие за разрешение японо-американских противоречий путем войны.

18 октября Тодзио сформировал новый кабинет. Премьер взял на себя также функции военного министра и министра внутренних дел. Портфель министра иностранных дел получил Того.

В Вашингтоне приход к власти Тодзио и его единомышленников был истолкован как предвестие похода Японии на север, против СССР. О связях Тодзио с Квантунской армией было хорошо известно. Рузвельт писал Черчиллю: обстановка в Японии ухудшилась, «и я думаю, что японцы направятся на север, однако ввиду этого вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке»[2].

Старый дипломат Номура оценил последствия прихода к власти Тодзио более правильно. Уже 22 октября Номура обратился в МИД Японии с просьбой отозвать его из Вашингтона. Для японского правительства Номура был, однако, неоценимым послом. Он настойчиво добивался договоренности Японии с США, о чем знали в Белом доме и госдепартаменте. Теперь, когда война стояла у порога, Номура тем более был необходим на своем посту, ибо его поведение на переговорах служило своего рода маскировкой завершавшихся военных приготовлений. Того, отклонив прошение Номура, объяснил ему, что новое правительство «искренне» стремится достигнуть соглашения с США[3]. Номура остался в Вашингтоне.

18 октября начальник политического отдела германского МИД Эрдманнсдорф встретился с Осима и попытался выяснить его мнение о приходе к власти Тодзио. Осима еще не был в курсе дела и дал стандартный ответ: «Японское правительство со времени заключения Тройственного пакта было уверено, что создания «сферы сопроцветания великой Восточной Азии» можно добиться только путем продвижения на юг с мечом в руках. И эти действия подготовлялись». Такой ответ едва ли мог удовлетворить гитлеровского дипломата. Его интересовало другое. Эрдманнсдорф заметил, что на советско-германском фронте отмечено появление советских дивизий, переброшенных из Сибири. Осима повторил свое известное мнение о том, что

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1946 г.

[2] "F.D.R. His Personal Letters", vol. II. New York, 1948, p. 1223.

[3] "Pearl Harbor Attack...", pt. 12, p. 79—82.

«было бы хорошо, если бы японская армия, путем продвижения в Восточную Сибирь, содействовала установлению территориальной связи между Германией и Японией». Он указал, что «часто делал предложения своему правительству по этому вопросу»[1].

Следует отметить, что как Тодзио, в прошлом служивший в Квантунской армии, так и Того, ранее занимавший дипломатический пост в Москве, понимали громадные трудности войны против Советского Союза. Они знали, что Советский Союз сохранял на Дальнем Востоке значительные силы.

Группа Тодзио решила выждать с нападением на Советский Союз по крайней мере до того момента, когда в ходе советско-германской войны обнаружится перелом. В то время в Токио ожидали результатов немецкого наступления на Москву. Если Германия действительно будет близка к победе, тогда, рассуждали в Токио, захват советского Дальнего Востока не представит особых трудностей. Имелось и другое соображение. Война на севере не только сулила военные трудности, но и не могла способствовать обеспечению Японии сырьем. Между тем в районе Южных морей находилось необходимое стратегическое сырье — нефть, цветные металлы, каучук, хлопок и др. Ввязавшись в войну с СССР, Япония попала бы в еще большую зависимость от США и Англии, контролировавших эти источники сырья. Более того, определенная часть японских правящих кругов не могла не видеть, что, подталкивая Японию к нападению на СССР, правительства США и Англии стремятся ослабить ее чужими руками, с тем чтобы впоследствии нанести по ней завершающий удар.

Возобновление «антикоминтерновского пакта»

В ноябре 1941 г. истекал срок действия «антикоминтерновского пакта». Гитлеровское руководство решило придать акту его продления большую торжественность с целью демонстрации «единства» участников пакта. 26 октября 1941 г., за месяц до истечения срока действия пакта, германский посол в Японии Отт официально поставил перед министерством иностранных дел Японии вопрос о подписании протокола о продлении пакта[2].

22 ноября японское правительство объявило о своем согласии продлить на пять лет «антикоминтерновский пакт». Мотивы этого решения были очевидны: Япония нуждалась в Германии как в союзнике в войне.

25 ноября 1941 г. в Берлине состоялись торжества в связи

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 22 января 1948 г.

[2] Там же.

с продлением «антикоминтерновского пакта». Помимо первоначальных трех его участников — Германии, Италии и Японии и присоединившихся впоследствии Венгрии, Маньчжоу-Го и Испании протокол о продлении пакта подписали также Финляндия, Хорватия, Дания, Румыния, Словакия и Болгария, а также «правительство» Ван Цзин-вэя.

Последний этап переговоров между Японией и США

Тем временем Координационный совет действий правительства и ставки продолжал обсуждать вопрос о заключении японо-американского соглашения. Участники бесчисленных заседаний пришли к выводу, что достижение договоренности на прежних условиях невозможно. 29 октября был одобрен проект ответа Японии на памятную записку США от 2 октября — так называемый проект «А»[1]. 1 ноября Координационный совет приступил к обсуждению возможных вариантов разрешения японо-американских противоречий. Военное командование исходило из того, что война с Соединенными Штатами неизбежна. Поэтому оно рассматривало дипломатические переговоры лишь как маскировку подготовки к ней и требовало от правительства как можно скорее принять решение о выступлении против США[2].

Министр иностранных дел Того настоял, однако, на небольшой отсрочке. Он опасался затяжной войны с США и надеялся вырвать уступки у Вашингтона в последний момент. Помимо проекта «А» он добился принятия проекта «Б»[3] как второй позиции, подлежащей осуществлению в случае неудачи с проектом «А». Координационный совет решил прекратить переговоры с США в 0 часов 1 декабря 1941 г.

5 ноября состоялась новая императорская конференция. На ней было принято решение, которое «с целью построения нового порядка в великой Восточной Азии» и обеспечения «существования и самообороны» страны предусматривало следующее: 1) открыть военные действия в начале декабря. К этому времени армии и военно-морскому флоту полностью закончить приготовления к развертыванию операций; 2) переговоры с США продолжать в соответствии с планом (т. е. либо по проекту «А», либо по проекту «Б»); 3) усилить сотрудничество с Германией и Италией; 4) непосредственно перед началом военных действий установить тайные военные связи с Таиландом. Если переговоры с США к 12 часам ночи 30 ноября закончатся успешно, то военные действия отложить[4].

---

[1] О содержании проекта «А» см. стр. 240.

[2] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 872.

[3] О содержании проекта «Б» см. стр. 240.

[4] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 246—247.

Утвержденный императорской конференцией проект «А» предусматривал некоторое смягчение японской позиции. В проекте говорилось о готовности Японии осуществить «принцип свободной торговли» во всем районе Тихого океана, в том числе и в Китае, если этот принцип будет применен к торговле и в других районах мира; об отсутствии у Японии намерений расширительно толковать статьи Тройственного пакта о праве на «самооборону». Несколько изменялись формулировки относительно эвакуации японских войск из оккупированных районов: здесь правительство Японии шло на некоторые уступки США — соглашалось вывести из Китая войска через два года после заключения мира, за исключением Северного Китая, Внутренней Монголии и острова Хайнань; из этих районов японское правительство обещало эвакуировать свои войска через 25 лет. Япония брала обязательство вывести войска из Индокитая после «урегулирования китайского инцидента или установления справедливого мира на Дальнем Востоке». В заключительной части проекта «А» говорилось, что необходимо избежать включения в соглашение «четырех принципов», выдвинутых государственным секретарем США Хэллом.

Проект «Б» предусматривал воздержание обеих стран от применения вооруженной силы за пределами Французского Индокитая в Юго-Восточной Азии или южной части Тихого океана, сотрудничество в Голландской Индии, полное восстановление японо-американских торговых отношений, в частности снабжение Японии необходимым количеством нефти. США, согласно проекту, должны были взять на себя обязательство не предпринимать действий, могущих помешать Японии и Китаю урегулировать свои отношения.

Для завершения переговоров отводилось менее одного месяца. Иными словами, на императорской конференции 5 ноября фактически было принято решение начать войну.

К этому времени вооруженные силы Японии завершали подготовку к агрессии. План нападения на Перл-Харбор отрабатывался с января 1941 г. К концу сентября основные силы Объединенного флота были сосредоточены у острова Кюсю. В приказе № 1 от 1 ноября по Объединенному флоту указывалось: «Великая японская империя объявляет войну Америке, Англии и Голландии. Указ об объявлении войны будет опубликован в день «X». Довести до сведения данный приказ в день «Y»». 5 ноября секретным приказом № 2 день «Y» был установлен — 23 ноября. Секретным приказом № 3 от 8 ноября устанавливался и день «X» — 8 декабря (все даты по токийскому времени)[1]. 6 ноября приказом по армии соединения, входившие

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 13 ноября 1946 г.

в группу «Юг», переводились на военное положение и были готовы к наступательным операциям [1].

4 ноября Номура были переданы по телеграфу проекты «А» и «Б». В телеграмме говорилось: «Доводим до вашего сведения, что это будет последним усилием — как по духу, так и по содержанию. Наше встречное предложение действительно последнее. Оно содержит в себе и название, и действительное содержание нашей политики. Желательно форсировать переговоры, имея в виду, что срок их завершения окончательно установлен на 25 ноября».

Далее указывалось: «Успех или провал настоящих переговоров будет иметь огромное влияние на судьбу японской империи. Вдумайтесь в это, соберитесь с силами... сделайте все от вас зависящее». Однако Того предупреждал: «В моих инструкциях нет места для вашей личной интерпретации» [2]. Правительство строго ограничивало компентенцию посла. В помощь Номура был направлен бывший японский посол в Берлине Курусу, который 6 ноября срочно выехал в США.

7 ноября Номура передал Хэллу проект «А». Для государственного секретаря он не был новостью. Американская разведка уже перехватила, дешифровала и доложила правительству все инструкции, переданные Номура из Токио 4 ноября. Документ не оставлял никаких сомнений: Япония была готова начать войну. Хэлл в своих мемуарах утверждал, что правительство США пошло на продолжение переговоров, надеясь все же оттянуть конфликт, «выиграть время для подготовки к войне».

В государственном департаменте приступили к разработке проекта «временного соглашения» между США и Японией. 7 ноября на заседании правительства Хэлл говорил: «Мы не знаем, когда и где Япония совершит вооруженное нападение, поэтому должны быть в постоянной готовности» [3]. Американский посол в Японии Грю, вопреки прежним прогнозам, направил 17 ноября в Вашингтон телеграмму, предупреждавшую о возможности внезапного выступления японского флота и армии.

Тем временем в Японии развернулась широкая кампания, имевшая цель дезориентировать США и замаскировать военные приготовления. 4 ноября правительство ввело в действие «План по подготовке общественного мнения в отношении проблем Америки и Англии». Была запрещена публикация статей о напряженности дипломатических отношений с этими странами, а также материалов, дающих противнику возможность понять,

---

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 251.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 13 ноября 1946 г.

[3] "The Memoirs of Cordel Hull", vol. II, p. 1058.

что стратегическая подготовка Японии к войне завершается[1]. Японская печать, публикуя сообщения о миссии Курусу в США, изображала ее как доказательство искренности и миролюбия Токио.

Курусу прибыл в Вашингтон 16 ноября, и на следующий день его приняли Рузвельт и Хэлл. У президента были подозрения, не является ли целью Курусу закамуфлировать военные приготовления Японии. 17 ноября начались японо-американские переговоры, в которых Японию представляли Номура и Курусу.

В первые дни переговоры не принесли никаких результатов. Тогда Номура, желая добиться прогресса, взял на себя смелость, вопреки категорическому указанию Того не отступать от инструкций, временно отложить обсуждение вопроса о Тройственном пакте, предложив Хэллу вести переговоры на условиях, что Япония эвакуирует войска из Южного Индокитая, а США отменят распоряжение о замораживании капиталов. Из неофициальных источников ему стало известно, что правительство США заинтересовано в соглашении.

В Токио были крайне недовольны этими действиями Номура. В очередном распоряжении, полученном им от Того, указывалось: «Что касается гарантий в отношении возврата к положению, существовавшему до издания закона о замораживании капиталов, то представляется чрезвычайно трудным урегулировать слишком обострившуюся в настоящее время обстановку. Для дальнейших переговоров по вопросу о путях смягчения обстановки времени нет». Послу было приказано передать американцам проект «Б». «В случае невозможности получить согласие США на этот проект,— говорилось в заключение,— придется прервать переговоры»[2].

К проекту «Б» к этому времени был добавлен ряд новых положений. Соединенным Штатам предлагалось взять обязательство поставлять Японии по 4 млн. *т* нефти ежегодно и принять меры, чтобы власти Голландской Индии также поставляли Японии по 4 млн. *т* нефти в год. Кроме того, США должны были обеспечить принятие властями Голландской Индии требований, предъявленных японским послом в Голландской Индии Иосидзава, по вопросу о торговле, путях сообщения, свободе въезда и местожительства японцев и т. д. США надлежало также в течение трех дней заставить английское правительство восстановить торговые отношения с Японией. Кроме того, они

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 13 ноября 1946 г.

[2] *Курусу Сабуро.* Нитибей Гайко Хицува (Секретные японо-американские дипломатические переговоры). Токио, 1948, стр. 51 (на японском языке).

не должны были предпринимать действий по оказанию помощи Чан Кай-ши, как, например, открытие Бирманской дороги и т. д.[1]

Выступая с речью при открытии чрезвычайной сессии парламента 15 ноября, премьер Тодзио заявил, что замораживание японских капиталов США, Англией и Голландией является «враждебным действием, по своему характеру не уступающим вооруженному нападению». Третьи державы, подчеркнул он, не должны вмешиваться в действия Японии по «урегулированию китайского инцидента». Соблюдение этих условий, по его словам, могло стать основой для успеха японо-американских переговоров. При обсуждении в парламенте резолюции, одобрявшей политику правительства, ряд депутатов настаивал на прекращении переговоров.

20 ноября Номура и Курусу вручили Хэллу проект «Б». Просмотрев текст, Хэлл заметил: пока Япония не внесет полной ясности в свои отношения с европейскими участниками пакта — Германией и Италией — и не заявит твердо о намерении проводить мирную политику, пункт о прекращении американской помощи чунцинскому правительству не может быть выполнен. Номура и Курусу, увидев, что переговоры находятся под угрозой срыва, дали понять Хэллу, что смягчить напряженность может только послание президента императору[2].

В руководящих кругах США далеко не все потеряли надежду прийти к соглашению с Японией. Государственный секретарь Хэлл полагал возможным пойти на заключение временного соглашения об отказе от военных действий. Составленный им проект соглашения предусматривал немедленную отмену распоряжения правительства США от 25 июля 1941 г. о замораживании японских активов в США при условии вывода японских войск из Южного Индокитая. Американская дипломатия соглашалась содействовать отмене аналогичных распоряжений о замораживании японских капиталов правительством Англии и властями Голландской Индии, а также «не рассматривать неблагожелательно» установление мира между Японией и Китаем. Американо-японский «модус вивенди» должен был носить временный характер — 90 дней, но мог быть и продлен в дальнейшем. США, таким образом, добивались отсрочки начала войны на три месяца, соглашаясь пойти на ряд уступок японцам. Американские предложения о «модус вивенди» не многим отличались от японского плана «Б». Главное различие состояло в том, что

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 13 ноября 1947 г.

[2] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 903.

США требовали немедленной эвакуации японских войск из Южного Индокитая.

22 ноября Хэлл вручил проект «временного соглашения» для согласования с их правительствами послам Англии и Китая, а также посланникам Австралии и Голландии. 24 ноября на совещании Хэлла с ними выяснилось, что только эмигрантское правительство Голландии выразило свое согласие с проектом «временного соглашения», от правительств же других стран ответа не было. Между тем аппарат посольства Китая во главе с послом развернул в США активную деятельность, направленную против соглашения.

В середине дня 25 ноября в Белом доме состоялось заседание под председательством Рузвельта, на котором присутствовали государственный секретарь Хэлл, военный министр Стимсон, морской министр Нокс, начальник штаба армии США генерал Маршалл и командующий флотом США адмирал Старк. Президент, записал Стимсон, «высказал предположение о вероятности нападения на нас не далее как в следующий понедельник (30 ноября.— *Ред.*), ибо японцы известны тем, что атакуют без предупреждения. Президент поставил вопрос: что мы должны будем делать в случае такого нападения? Как нам следует маневрировать, чтобы позволить Японии выстрелить первой и не допустить в то же время большой опасности для нас самих? Это трудная задача»[1]. Заседание закончилось одобрением проекта «модус вивенди». Американские военные были удовлетворены. Они получали время для подготовки к войне.

Тем временем, 26 ноября в 6 часов утра по токийскому времени, японское оперативное соединение, предназначенное для нападения на Перл-Харбор, покинуло свою базу на Курильских островах и взяло курс на Гавайи. Приказ главнокомандующего Объединенным флотом этому соединению гласил: «...в момент объявления военных действий атаковать главные силы американского флота на Гавайях с целью нанесения ему смертельного удара»[2].

В такой обстановке Рузвельт и Хэлл делают резкий поворот — отвергают проект «модус вивенди», предназначенный для вручения японцам. 26 ноября Хэлл вручил японским представителям памятную записку, являвшуюся ответом на проект «Б». Этот документ, озаглавленный «Общие положения предлагаемой основы для соглашения между Соединенными Штатами и Японией», состоял из двух частей и известен как «нота Хэлла».

---

[1] «Что произошло в Перл-Харборе? Документы о нападении Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года». М., 1961, стр. 168.

[2] «Кампании войны на Тихом океане. Материалы Комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов». М., 1956, стр. 63.

В документе не содержалось каких-либо угроз в случае непринятия японским правительством американских предложений. Тем не менее по существу, если не по форме, он содержал окончательные условия США. Так считали и его составители.

В первой части ноты содержалась общая декларация о политике обеих держав. США предлагали положить в основу их взаимных отношений и отношений с третьими странами четыре основных принципа, выдвинутые Хэллом еще 16 апреля: ненарушение территориальной целостности и суверенитета наций; невмешательство во внутренние дела других стран; равноправие, включая равенство при ведении торговых операций; международное сотрудничество и мирное улаживание конфликтов.

Конкретные условия урегулирования японо-американских отношений, содержавшиеся во второй части ноты, предусматривали: 1) заключение пакта о ненападении между США, Британской империей, Китаем, Японией, Голландией, Советским Союзом, Таиландом; 2) заключение соглашения между США, Великобританией, Китаем, Японией, Голландией и Таиландом об уважении территориальной целостности Французского Индокитая; 3) отвод японских войск из Китая и Индокитая; 4) отказ от поддержки каких-либо других правительств или режимов в Китае, кроме чунцинского правительства; 5) отказ от прав экстерриториальности в Китае; 6) заключение торгового соглашения; 7) временную отмену замораживания фондов; 8) стабилизацию разменного курса доллара и иены; 9) приоритет данного соглашения над всеми другими (т. е. фактическое аннулирование Тройственного пакта.— *Ред.*); 10) присоединение других держав к экономическим и политическим принципам этого договора [1].

Как заметил Курусу, бегло ознакомившись с документом, американские требования, в частности третий пункт, не оставляли японскому правительству ничего другого, как поднять руки [2].

Соединенные Штаты, объяснил Хэлл, не будут требовать немедленного вывода японских войск из Китая. Курусу, ответив, что нота Хэлла кладет конец переговорам, попросил, однако, о новой встрече с президентом.

Вечером 26 ноября Рузвельт встретился с Номура и Курусу. Он выразил разочарование по поводу переговоров и выступлений японских лидеров. Президент указал, что, если в Токио не проявят готовности вести более гибкую политику, успеха в переговорах достичь будет очень трудно. Он не проявил ни малейшего желания пересмотреть ноту Хэлла.

---

[1] "Foreign Relations... Japan. 1931—1941", vol. II, p. 769—770.
[2] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 256.

Нотой от 26 ноября Соединенные Штаты хотели показать Японии свою готовность всеми средствами воспрепятствовать ее продвижению на юг.

Начало войны между Японией и США

27 ноября японское правительство получило текст ноты Хэлла. В Токио никто не ожидал, что США займут столь твердую позицию. Тодзио, едва ознакомившись с документом, квалифицировал его как ультиматум и последнее слово Соединенных Штатов.

Такая трактовка была выгодна военным кругам Японии. Японская дипломатия также не осталась в стороне. Известный японский политический деятель С. Иосида писал в своих мемуарах: «Насколько я помню, японское правительство сделало в официальном переводе ноты Хэлла определенные акценты с целью настроить общественное мнение в Японии против Соединенных Штатов и в этом виде представило документ тайному совету»[1].

27 ноября в 2 часа дня собрался Координационный совет. Участники совещания считали войну решенным делом, а о принятии ультиматума США не хотели и слышать[2]. Исходя из программы, принятой на императорской конференции 5 ноября, было решено открыть военные действия.

Командующие армией и флотом выразили уверенность, что первоначальные успехи дадут Японии возможность получить необходимые сырьевые ресурсы для обеспечения дальнейших операций. Задачи дипломатии подчинялись военным целям; следовало, во-первых, принять меры к выводу из строя Англии (с помощью Германии) с тем, чтобы изолировать США и открыть путь к заключению с ними компромиссного мира, и, во-вторых, подготовить план переговоров о мире при посредничестве Советского Союза или Ватикана[3].

29 ноября состоялось совещание членов правительства и старейших государственных деятелей, на котором начальник морского штаба и морской министр выразили уверенность в победе. Император дал указание Тодзио приступить к окончательной подготовке выступления[4].

1 декабря решение Координационного совета утвердила императорская конференция. Был подтвержден и день начала войны — 8 декабря. Руководители Японии учитывали, что в декабре 1941 г. 40% американского флота находилось в Атлан-

---

[1] "The Josida Memoirs". Boston, 1962, p. 20.

[2] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 259.

[3] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 декабря 1947 г.

[4] Там же.

тическом океане, Англия не могла перебросить больших сил на Дальний Восток и, таким образом, в тот момент соотношение сил на Тихом океане сложилось в пользу Японии. Выбор момента определялся прежде всего соображением о необходимости в основном завершить первую стадию операций на южном направлении до начала войны против СССР.

28 ноября Того сообщил Номура и Курусу, что через два-три дня им станет известна позиция правительства Японии и с переговорами будет покончено. «Однако,— говорилось в телеграмме,— вы не должны давать правительству США понять, что переговоры прекращаются»[1]. 29 и 30 ноября Того поручает послам обратиться с устной просьбой к правительству США изучить японскую позицию с учетом того, что американские предложения «не отвечают действительному положению в Восточной Азии». Смысл этого демарша был очевиден, послов еще раз предупреждали: не должно быть «ни малейшего намека на то, что переговоры могут сорваться»[2].

29 ноября японский премьер-министр Тодзио заявил о стремлении «вырвать с корнем» в Азии результаты политики Англии и США. Речь вызвала негодование в Соединенных Штатах. На следующий день Курусу, сообщая по телефону в министерство иностранных дел Японии о реакции в США на эту речь, предупредил: «И премьер-министр, и министр иностранных дел должны переменить тон своих речей. Вы все должны следить, чтобы не делались такие неосторожные заявления»[3]. Хэлл пригласил Номура и Курусу и потребовал объяснений. Послы пытались убедить государственного секретаря, что американские газеты неправильно перевели и интерпретировали речь японского премьер-министра[4]. Хэлл спросил, когда Токио даст ответ на американскую ноту от 26 ноября. Послы сообщили, что ответ последует через несколько дней. В эти дни послы по собственной инициативе предложили своему правительству возобновить предложение о встрече президента США с премьер-министром Японии в Гонолулу. Но в Токио отвергли эту идею.

Еще 26 ноября в Вашингтон поступила информация о том, что, в дополнение к 25 тыс. солдат в Северном Индокитае, в Южном Индокитае сосредоточена японская армия в 70 тыс. человек и 150 самолетов. 2 декабря Рузвельт дал указание госдепартаменту запросить у Японии объяснения по поводу пребывания в Индокитае японских войск, превышающих по численности

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 14 ноября 1946 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

уровень, предусмотренный соглашением с правительством Виши. Заместитель государственного секретаря С. Уэллес передал соответствующее заявление японским представителям[1].

В тот же день, 2 декабря, президент и государственный секретарь созвали пресс-конференцию, для того чтобы подготовить общественное мнение к неминуемой войне с Японией. Они говорили, что правительство США стремилось прийти к справедливому соглашению, но Япония не захотела уступить ни по одному пункту. И Рузвельт, и Хэлл заявили, что, хотя надежд мало, попытки договориться с Японией еще предпринимаются.

3 декабря Номура и Курусу получили из Токио предписание информировать американское правительство, что численность войск в Северном Индокитае увеличена в связи с активностью китайцев на границе с Индокитаем, но она не превышает лимита, установленного соглашением с Виши[2]. Это указание встревожило японских представителей в США. Номура телеграфировал в Токио, что объяснение относительно увеличения численности войск в Индокитае «явится ключом к решению, будет война или мир между Японией и США», и не удовлетворит американцев. Он просил «пересмотреть этот вопрос»[3]. Правительство Японии не изменило, однако, свою позицию. 5 декабря Номура и Курусу передали Хэллу заявление, составленное в соответствии с полученной ими 3 декабря инструкцией[4].

4 декабря Рузвельт собрал лидеров сената и палаты представителей и обратился к ним с просьбой не делать перерыва в работе конгресса более чем на три дня. У лидеров конгресса создалось впечатление, что положение критическое, но до катастрофы дело не дойдет.

В эти дни, используя свои связи во влиятельных кругах столицы США, Номура и Курусу пошли на последний маневр. Они доверительно сообщили министру почт Уокеру свою идею попросить Рузвельта выступить посредником между Японией и Китаем. План понравился Уокеру. Он считал возможным этим путем добиться «нового Мюнхена» — за счет Китая и против СССР. Уокер и крупный делец Стенли Джонс посетили Рузвельта и убеждали его принять предложение японских дипломатов. Рузвельт, однако, отказался сделать это.

Американскому правительству примерно в течение недели было известно о движении больших японских конвоев вдоль побережья Китая. Но оно не знало их направления. Днем 6 де-

---

[1] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason*. The Undeclared War. 1940—1941, p. 919.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 14 ноября 1946 г.

[3] Там же.

[4] Там же.

кабря (5 декабря по вашингтонскому времени) разведывательные самолеты Англии обнаружили три японских конвоя, входившие в Сиамский залив. Из-за плохой погоды английские разведчики потеряли их из виду на 30 часов, и за это время конвои дошли до побережья Малайи. Сообщение об этом было передано из Лондона в Вашингтон утром 6 декабря. Не оставалось сомнений в том, что нападение на Малайю или Таиланд — дело нескольких часов. По указанию Рузвельта сообщение было передано в печать.

6 декабря на имя Номура стала передаваться из Токио пространная телеграмма, содержавшая текст ноты, предназначенной для Хэлла. Посла предупреждали, что время вручения ноты государственному секретарю ему будет сообщено дополнительно. К вечеру того же дня в японское посольство в Вашингтоне было передано 13 частей телеграммы из 14-ти. Одновременно работали и криптографы американской разведки. В 21 час 30 минут по вашингтонскому времени дешифрованные и переведенные 13 частей были доложены президенту.

Между тем, в 21 час по вашингтонскому времени Рузвельт направил через посла США в Токио Грю послание императору Японии. О послании было сообщено прессе и радио. Телеграмма с текстом послания по приказу Рузвельта была зашифрована «серым кодом», или «кодом Грю», который легко поддавался расшифровке. В послании президент указывал, что военные приготовления Японии создают угрозу для народов, которые «не могут вечно жить в тревоге и постоянно сидеть на бочке с порохом». Указывая на концентрацию японских войск в Индокитае, он настаивал на их выводе, подчеркивая, что действия Японии являются угрожающими и что он надеется на благоразумие императора, который должен подумать «о средствах, с помощью которых можно было бы рассеять черные тучи». Свое послание Рузвельт закончил словами: «Я уверен, что мы оба должны во имя не только народов наших великих стран, но и во имя человечества, населяющего соседние территории, руководствоваться священной задачей восстановления традиционной дружбы и предотвращения дальнейших жертв и разрушений в мире»[1].

Телеграмму в Токио получили в 22 часа по вашингтонскому времени (в полдень 7 декабря по японскому времени), но она была передана Грю в 22 часа 30 минут. Грю смог вручить ее Того лишь поздно ночью — в 0 часов 15 минут 8 декабря, т. е. когда до нападения на Перл-Харбор оставалось 3 часа. Телеграмма была намеренно задержана по распоряжению од-

[1] "Documents on American Foreign Relations, 1941—1942", vol. IV. Boston, 1942, p. 525—526.

ного из руководителей японского генштаба [1]. Такого рода факты известны в практике японской дипломатии: накануне русско-японской войны примирительный ответ царского правительства был задержан на телеграфе и передан русскому посланнику в Японии уже после нападения на Порт-Артур.

Когда вечером 6 декабря президенту был представлен текст 13 пунктов телеграммы, посланной из Токио послу Номура, Рузвельт сказал находившемуся у него специальному помощнику Гарри Гопкинсу: «Это — война». Гопкинс ответил, что японцы намерены ударить, когда им удобно. «Жаль,— добавил он,— что мы не смогли нанести первый удар и предотвратить неожиданное нападение». На это президент заметил: «Нет, мы не можем этого сделать... У нас хорошая репутация» [2]. Из текста телеграммы было ясно, что японское правительство решительно отвергает американские предложения от 26 ноября.

К 10 часам утра 7 декабря президент и его советники получили дешифрованную 14-ю, заключительную, часть японской ноты. Нота заканчивалась следующими словами: «Японское правительство сожалеет, но не может не уведомить американское правительство, что ввиду указанной позиции американского правительства достижение соглашения путем дальнейших переговоров японское правительство считает невозможным» [3].

Через полчаса Хэлл собрал у себя совещание с участием военного министра Стимсона и морского министра Нокса. Они знали, что в 13 часов по вашингтонскому времени Номура и Курусу поручено вручить ноту американскому правительству. Хэлл сказал присутствующим, что «Япония готовит какой-то дьявольский ход». Вслед за этим начальник штаба армии США генерал Маршалл собрал военное совещание. Начальник военной разведки генерал Майлс, начальник отдела планирования штаба армии генерал Джероу и сам генерал Маршалл, обсудив текст японского документа, пришли к выводу, что необходимо предупредить командующих американскими гарнизонами на Дальнем Востоке и Тихом океане. На Гавайские острова соответствующая телеграмма была послана в 12 часов 27 минут по вашингтонскому времени. В ней говорилось, что «в 1 час дня Япония должна представить документ, по существу равносильный ультиматуму». Эта телеграмма была принята в Гонолулу за 22 минуты до нападения [4], а доставлена адресату — в штаб командующего гарнизоном — через несколько часов после японского удара.

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 14 ноября 1946 г.

[2] См. *Р. Шервуд*. Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 659—661.

[3] «Что произошло в Перл-Харборе?», стр. 267—268.

[4] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 264.

7 декабря Номура и Курусу явились к Хэллу и вручили ему ответ японского правительства на американский меморандум от 26 ноября. Все предложения Соединенных Штатов отвергались и заявлялось о прекращении переговоров [1].

Более чем за час до вручения Хэллу японского ответа Япония уже совершила нападение на Перл-Харбор — военно-морскую базу США на Гавайских островах. Хэллу было известно о налете японской авиации на Гавайи. Посмотрев на записку, текст которой он уже знал, Хэлл заявил: «За все мои пятьдесят лет государственной службы я никогда не видел документа с такой отвратительной фальшью и извращениями» [2]. Государственный секретарь указал послам на дверь. Номура и Курусу еще не знали о том, что война уже идет. На резкие слова Хэлла они ничего не смогли ответить. Молча поклонившись, оба вышли из кабинета.

7 декабря японские самолеты, поднятые с авианосцев, нанесли удар по Перл-Харбору. В результате налета затонули или получили серьезные повреждения 19 американских кораблей. Из 8 линкоров, стоявших в Перл-Харборе, ни один не уцелел. Значительные повреждения получили 3 крейсера и авианосец. Это был тяжелейший удар по американскому Тихоокеанскому флоту. На аэродромах было уничтожено 188 американских самолетов (японские потери составили 29 самолетов и 6 подводных лодок). Погибло около двух с половиной тысяч американских военнослужащих и несколько десятков человек из гражданского населения [3]. Такого результата не ожидали даже сами милитаристы Японии.

Только после открытия военных действий японское правительство уведомило США и Англию о начале войны, да и то не сразу. Около 7 часов 30 минут утра 8 декабря по токийскому времени Того принял Грю. Министр сказал послу, что безуспешно звонил ему с 5 часов утра (нападение произошло 8 декабря в 3 часа 20 минут по токийскому времени, или 7 декабря в 13 часов 20 минут по вашингтонскому времени). Того вручил Грю меморандум, который Номура и Курусу уже вручили Хэллу. Японский министр сообщил при этом, что он был на приеме у императора (как понял Грю, около 3 часов утра) и меморандум является ответом императора на послание президента [4]. Затем министр произнес короткую речь, в которой поблагодарил посла за встречи и беседы, и проводил его до двери. Грю не понял, что все это означает. Лишь вернувшись в посольство, он узнал из газет, что Япония находится в состоянии войны с США

[1] "Foreign Relations... Japan, 1931—1941", vol. II, p. 787—792.
[2] "The Memoirs of Cordel Hull", vol. II, p. 1096.
[3] *W. Lord.* The Day of Infamy. New York, 1957, p. 220.
[4] В действительности Того меморандум императору не представлял.

и Великобританией,— министр ни словом об этом не обмолвился. Через несколько часов представитель министра иностранных дел Японии посетил Грю и зачитал официальное заявление о начале войны [1].

Около 8 часов утра Того принял английского посла Крейги и сообщил ему, что японское правительство прервало переговоры с Соединенными Штатами. Министр вручил послу копию меморандума, переданного американцам.

В 6 часов утра 8 декабря императорская ставка объявила, что «японская армия и флот с рассвета сегодняшнего дня находятся в состоянии войны с силами Соединенных Штатов и Англии в западной части Тихого океана». Объявление войны Голландии было отложено по стратегическим соображениям до вторжения в Голландскую Индию.

Гопкинс так описывает обстановку, царившую на совещании у Рузвельта после событий в Перл-Харборе: «Совещание открылось не в слишком напряженной обстановке, поскольку, я думаю, все мы считали, что в конечном счете противником является Гитлер и что его никогда не удастся разгромить иначе, как силой оружия; что рано или поздно нам пришлось бы вступить в войну и что Япония дала нам такой повод» [2]. На этом совещании Стимсон предложил немедленно объявить войну Германии и Италии. Хотя из перехваченных и дешифрованных сообщений, которыми обменивались Токио и Берлин, американское правительство знало, что Германия выступит одновременно с Японией, Рузвельт решил предоставить сделать первый шаг Германии и Италии [3].

Решение конгресса США об объявлении Японии войны последовало 8 декабря. В тот же день английское правительство заявило, что «состояние войны между Англией и Японией существует с момента начала Японией военных действий».

Еще 3 декабря японское правительство официально обратилось к Германии и Италии с просьбой поддержать Японию в войне против США и заключить соглашение о том, что ни одна из трех держав не подпишет сепаратного мира с противником.

Германия и США фактически уже находились в состоянии необъявленной войны в Атлантике, и Гитлер дал японцам просимые заверения [4]. 8 декабря Риббентроп сообщил Осима, что Гитлер отдал приказ немецкому флоту атаковать все американские корабли, где бы они ни встречались, и вопрос о формаль-

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 14 ноября 1946 г.

[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 668.

[3] *W. L. Langer* and *S. E. Gleason.* The Undeclared War. 1940—1941, p. 939.

[4] Ibid., p. 925.

ном объявлении войны США уже обсуждается[1]. 11 декабря гитлеровская Германия объявила войну Соединенным Штатам, направив им ноту, в которой говорилось, что США «нарушили нейтралитет и перешли к открытым военным действиям против Германии, практически создавшим состояние войны между обеими странами». Вслед за Германией войну США объявила Италия.

В день вступления Германии и Италии в войну против США, 11 декабря 1941 г., был подписан новый военный пакт держав «оси», дополняющий Тройственный пакт. Новый пакт устанавливал, что Германия, Италия и Япония будут впредь вести войну против Англии и США совместно, всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, и до конца. Они обязались не заключать ни перемирия, ни мира без полного и взаимного согласия. Статья III гласила: «Италия, Германия и Япония даже после победоносного окончания настоящей войны будут тесно сотрудничать в духе Тройственного пакта, заключенного 27 сентября 1940 г., для того чтобы осуществить и установить справедливый новый порядок в мире»[2]. Три державы фашистской «оси» открыто заявили о своих планах завоевания мирового господства.

С началом войны на Тихом океане на стороне США и Великобритании выступили Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский Союз, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас, Гаити, Доминиканская Республика, Куба, Панама, Гватемала, Голландская Индия. После четырех с половиной лет кровопролитной войны, которую не объявляла ни одна из сторон, Китай, подвергшийся еще в 1937 г. нападению Японии, официально объявил о состоянии войны с ней. Объявили войну Японии и ее союзникам Национальный комитет «Свободная Франция», эмигрантские правительства Голландии, Польши, Бельгии. Порвали дипломатические отношения с Японией и ее союзниками Венесуэла, Колумбия, Египет, Мексика, Норвегия, Греция.

Война с Японией для Соединенных Штатов Америки началась прежде всего как вооруженная борьба против их основного империалистического конкурента в Азии. Вместе с тем вступление США в войну с Японией, а затем с Германией и Италией ускорило оформление антифашистской коалиции и усилило ее, что имело важное значение для дальнейшего хода второй мировой войны.

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 18 ноября 1946 г.

[2] "Pearl Harbor Attack...", pt. 35, p. 691—692.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В БОРЬБЕ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ АНТИФАШИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ. МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СССР, АНГЛИИ И США в 1942 г.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и его международное значение

Уже первые месяцы Великой Отечественной войны со всей убедительностью показали, что судьбы второй мировой войны, исход борьбы с фашистскими захватчиками решаются на советско-германском фронте и что СССР играет главную роль в образовании и укреплении антифашистской коалиции государств и народов.

На первом этапе Великой Отечественной войны Красная Армия сорвала основной стратегический замысел гитлеровского командования — добиться победы в «молниеносной войне». И хотя фашистские войска продвинулись к поздней осени 1941 г. в пределы Советского Союза на глубину до 800—1200 *км*, достигнуть своей цели, т. е. «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании», как указывалось в плане «Барбаросса», Германия не смогла. Гитлеровский «блицкриг» провалился.

Особую ставку германское командование делало на захват Москвы до наступления зимы. Гитлеровцы рассчитывали, что защищать Москву — столицу, крупнейший промышленный центр — будут главные силы Красной Армии и их поражение обеспечит Германии полную победу. На подступах к Москве были сосредоточены главные силы немецкой армии. В конце сентября и середине ноября враг предпринял два генеральных наступления и приблизился к городу на отдельных участках до 25—30 *км*. В Берлине ликовали. Но наступление гитлеровских войск захлебнулось. Благодаря героической стойкости частей Красной Армии, самоотверженности жителей столицы противник был остановлен. Измотав немецко-фашистскую армию в тяжелых боях, Красная Армия 5—6 декабря 1941 г. перешла в решительное коптрнаступление.

Советские войска разгромили немецко-фашистские полчища под Москвой и отбросили их от столицы на 100—250 *км*. «Сила удара русских и размах этого контрнаступления,— писал

немецкий генерал Типпельскирх,— были таковы, что поколебали фронт на значительном протяжении и едва не привели к непоправимой катастрофе»[1].

Разгром немецких войск под Москвой развеял легенду о непобедимости фашистской армии. Битва за Москву оказала большое влияние на весь дальнейший ход второй мировой войны. Под Москвой германские вооруженные силы потерпели первое крупное поражение в этой войне.

«Историческая победа под Москвой,— говорил Л. И. Брежнев,— вдохновила советских людей на новые подвиги, укрепила их уверенность в том, что враг неминуемо будет разбит»[2].

В результате победы Красной Армии появились первые трещины в коалиции агрессоров, обострились противоречия, действовавшие внутри этого блока. Япония отложила свое нападение на Советский Союз до будущего года. В Лондоне и Вашингтоне тоже стали более реалистично оценивать место СССР в лагере противников держав «оси».

Признавая решающую роль СССР в войне с гитлеровской Германией, Черчилль 11 февраля 1942 г. писал И. В. Сталину: «Нет слов, чтобы выразить восхищение, которое все мы испытываем от продолжающихся блестящих успехов Ваших армий в борьбе против германского захватчика. Но я не могу удержаться от того, чтобы не послать Вам еще слово благодарности и поздравления по поводу всего того, что делает Россия для общего дела»[3]. Президент США Рузвельт в речи по радио 27 апреля 1942 г. говорил: «США воздают должное сокрушительному контрнаступлению великих русских армий против могучей германской армии. Русские войска уничтожали и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов — солдат, самолетов, танков и орудий, чем все остальные Объединенные Нации, вместе взятые»[4]. Анализируя значение победы под Москвой, начальник штаба армии США генерал Маршалл подчеркивал: «Это было стратегическим поражением германских вооруженных сил... поворотным пунктом в войне»[5].

Победа Красной Армии под Москвой содействовала дальнейшей активизации национально-освободительного движения народов европейских стран против фашистской тирании. В процессе его нарастания создавались руководящие органы народной борьбы и сопротивления фашизму. В Польше в январе 1942 г. была создана военная организация Гвардия Людова.

---

[1] *К. Типпельскирх.* История второй мировой войны, стр. 201.

[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 126.

[3] «Переписка...», т. I, стр. 37.

[4] *E. Poteer.* The United States as World Sea Power, New York, 1956, p. 685.

[5] Ibidem.

В Чехословакии с сентября 1941 г. существовал Центральный Национально-революционный комитет в Праге, а с марта 1942 г. и в Братиславе.

В Югославии с лета 1941 г. действовало организованное партизанское движение. В ноябре 1942 г. состоялось первое заседание Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ), избравшего Исполнительный комитет, который возглавил борьбу за освобождение страны от фашистского порабощения. В августе 1942 г. в Болгарии был создан Отечественный фронт, организовавший сопротивление фашизму.

В Греции с сентября 1941 г. действовал Национально-освободительный фронт (ЭАМ). В декабре 1941 г. было решено создать греческую Народно-освободительную армию (ЭЛАС). В сентябре 1942 г. было оформлено создание Национально-освободительного фронта Албании. Росло движение Сопротивления фашизму во Франции, Бельгии, Дании, Норвегии и других западноевропейских странах.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и успех наступления Красной Армии в январе — апреле 1942 г. укрепили международное положение Советского Союза, ведущей силы антигитлеровской коалиции.

Конференция глав правительств США и Англии 22 декабря 1941 г. — 14 января 1942 г. Декларация Объединенных Наций

22 декабря 1941 г.— 14 января 1942 г. в Вашингтоне состоялась конференция руководителей правительств США и Англии. Основной задачей этой конференции с условным названием «Аркадия» была выработка совместного англо-американского стратегического плана войны. Несмотря на тяжелую обстановку для США и Англии на тихоокеанском театре военных действий, руководители обоих государств проявили достаточно чувства реализма, чтобы считать этот театр второстепенным по сравнению с европейским театром, где сражения на советско-германском фронте определяли ход и исход войны в целом. «Германия,— говорил Черчилль,— является величайшей опасностью для всех нас, мы должны сокрушить ее в первую очередь, ведя только сдерживающие действия против Японии». «Не тратьте слов,— сказал Черчиллю президент.— Нам все это известно не хуже, чем вам. Дело в том, что мы можем разбить Японию и все же проиграть войну, однако невероятно, чтобы, разгромив Германию, мы не смогли затем добить Японию»[1]. Черчилль передал Рузвельту меморандум, подготовленный еще на пути в Вашингтон, изла-

---

[1] *A. P. Hatch.* Franklin D. Roosevelt. An Informal Biography. New York, 1947, p. 298.

гавший взгляды английского правительства относительно дальнейших действий США и Англии с учетом положения на советско-германском фронте. «В настоящий момент,— писал Черчилль,— фактом первостепенной важности в ходе войны являются провал планов Гитлера и его потери в России. Мы еще не можем сказать, насколько велика эта катастрофа для германской армии и нацистского режима. Этот режим держался до сих пор благодаря своим успехам, достававшимся ему без труда, дешевой ценой. Теперь же вместо предполагавшейся легкой и быстрой победы ему предстоит в течение всей зимы выдерживать кровопролитные бои, которые потребуют огромного количества вооружения и горючего.

Ни Великобритании, ни Соединенным Штатам не придется играть какую-нибудь роль в этом деле, за исключением того, что мы должны обеспечить точную и своевременную отправку (Советскому Союзу.— *Ред.*) обещанных нами материалов. Только таким путем мы сможем... включить мощные усилия русских в общий ход войны»[1].

Черчилль, таким образом, признавая первостепенное значение советско-германского фронта, по-прежнему намеревался вести войну против Германии исключительно силами Советского Союза. При выработке общей с США стратегической линии в войне он всячески старался оттянуть сроки открытия второго фронта в Европе, ссылаясь на необходимость длительного накапливания вооруженных сил США и Англии, подготовки транспортных и других технических средств и т. д.

Конференция проходила в острой политической борьбе почти по всем вопросам повестки дня, причем Черчиллю удалось добиться принятия в основном всех его предложений. В частности, Черчилль поставил на обсуждение вопрос о расчленении Германии, в связи с чем вскоре после конференции государственный департамент США занялся разработкой соответствующих планов.

Рузвельт не оспаривал взглядов Черчилля относительно первостепенной роли в войне советско-германского фронта. «Вся русская программа жизненно важна для наших интересов»[2],— говорил он военному министру Стимсону. 28 декабря президент США отменил распоряжение о приостановке поставок Советскому Союзу, отданное после нападения Японии на Перл-Харбор. На конференции довольно подробно обсуждался вопрос о поставках, следствием чего явилось принятие американским президентом решения о расширенной программе производства вооружений на 1942 и 1943 гг.

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. III, p. 574.

[2] *Н. Н. Яковлев.* Франклин Рузвельт — человек и политик, стр. 433.

В итоге конференции обе стороны подтвердили, что их врагом номер один остается Германия, однако в планах на 1942 г. свой вклад в войну с этим врагом по предложению Черчилля ограничили продолжением блокады и бомбардировок Германии и проведением десантных операций во Французской Северной Африке.

Для совместного руководства всеми последующими военными операциями войск США и Англии был создан Объединенный комитет начальников штабов с местопребыванием в Вашингтоне.

В ходе конференции Рузвельт и Черчилль после консультации с Советским правительством подготовили проект Декларации государств, борющихся против держав «оси». 1 января 1942 г. в Вашингтоне представители 26 стран, в том числе Советского Союза, подписали Декларацию Объединенных Наций. В ней заявлялось, что правительства этих стран обязуются употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов Тройственного пакта и присоединившихся к пему государств, с которыми эти правительства находятся в состоянии войны. Страны — участницы Декларации обязались сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами [1]. Декларация Объединенных Наций серьезно содействовала укреплению союза народов в борьбе с фашистскими агрессорами.

Советско-английский союзный договор от 26 мая 1942 г.

Важное значение в серии соглашений, укреплявших антигитлеровскую коалицию, имел советско-английский союзный договор. Речь о таком договоре шла во время приезда Идена в Москву в декабре 1941 г. Затем переговоры продолжались по дипломатическим каналам. Заключение договора было необходимо для того, чтобы внести ясность в советско-английские отношения, выработать согласованную точку зрения относительно целей войны и послевоенного мирного урегулирования.

К весне 1942 г. Черчилль и его правительство все больше убеждались, что военное положение Англии и США зависит от того, как будут развиваться события на советско-германском фронте. Исходя из этого, английские руководители пошли навстречу усилиям Советского правительства, направленным на улучшение советско-английских отношений и консолидацию сил в войне против фашистской агрессии.

Наиболее трудным в переговорах между правительствами СССР и Англии был вопрос о признании Англией границ СССР

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 170—171.

по состоянию на 22 июня 1941 г. Переговоры с Иденом в Москве в декабре 1941 г. показали, что английское правительство не желает признавать законные границы СССР. Жесткую позицию занимало в этом вопросе и правительство США, утверждавшее — как, кстати, и английское правительство,— что изменение государственных границ 1939 г. противоречит Атлантической хартии. Согласие Рузвельта на советские предложения Черчилль выставлял в качестве необходимого условия для достижения договоренности между СССР и Англией. Но под воздействием победы Советских Вооруженных Сил под Москвой английское правительство начало склоняться к пересмотру своей позиции. 7 марта 1942 г. Черчилль писал Рузвельту: «Возрастающая серьезность войны заставила меня прийти к выводу, что принципы Атлантической хартии не следует истолковывать таким образом, что они лишают Россию границ, которые она занимала, когда на нее напала Германия». Черчилль просил правительство США предоставить ему «свободу рук» для подписания договора с СССР (включая и пункт о признании границ 1941 г.), ибо, как он писал, «все предвещает возобновление весной в громадных масштабах германского наступления в России, и мы очень мало что можем сделать, чтобы помочь этой единственной стране, ожесточенно сражающейся с германскими армиями» [1].

В марте 1942 г. Иден телеграфировал английскому послу в США Галифаксу для передачи американскому правительству: «Мы не можем игнорировать тот факт, что наши нынешние отношения с Россией определенно неудовлетворительны...» Далее Иден отмечал: отказ удовлетворить справедливое требование Советского правительства относительно границ явится «подтверждением его подозрений, что ни мы, ни Соединенные Штаты не намерены должным образом учитывать интересы СССР, что мы хотим, чтобы Россия продолжала воевать за английские и американские цели, и что мы не против взаимного истощения России и Германии» [2]. 30 марта Галифакс передал в государственный департамент новую телеграмму Идена, в которой говорилось: «В настоящих условиях Англия не в состоянии оказать военную помощь и поддержку СССР в виде второго фронта или каких-либо значительных поставок материалов... Ввиду нажима со стороны английского общественного мнения Англия вынуждена заключить этот договор с СССР в качестве политической замены материальной и военной помощи» [3].

Однако правительство США продолжало категорически возражать против включения в англо-советский договор пункта

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 327.
[2] "Foreign Relations... 1942", vol. III, p. 532.
[3] Ibid., p. 537.

о границах. Во время переговоров наркома иностранных дел СССР в Лондоне в мае 1942 г. английское правительство выразило готовность признать границу СССР в Прибалтике, но воздерживалось безоговорочно признать советско-польскую границу.

Поскольку достичь договоренности по вопросу советско-польской границы не представлялось возможным, пункт о границах по предложению английской стороны был исключен из проекта договора.

В послании главе Советского правительства, полученном в Москве 24 мая, английский премьер-министр писал, что прежний проект договора неприемлем для английского правительства главным образом потому, что оно не может нарушить своих обязательств, данных ранее Польше, и должно принимать во внимание общественное мнение своей собственной страны и Соединенных Штатов [1].

26 мая 1942 г. в Лондоне нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и министр иностранных дел Великобритании А. Иден подписали советско-английский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.

Договор состоял из двух частей. Первая часть содержала обязательство СССР и Англии оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе. Участники договора обязались не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров и не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию.

Вторая часть договора определяла взаимоотношения обеих стран в послевоенный период. Обе страны взяли на себя обязательство работать совместно и сотрудничать после войны в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе и оказывать друг другу экономическую помощь. СССР и Англия согласились принять после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе. В случае, если одна из договаривающихся сторон оказалась бы в послевоенный период вовлеченной в военные действия с Германией или связанным с ней в актах агрессии в Европе

[1] См. «Переписка...», т. 1, стр. 46.

государством, другая сторона обязана была сразу же оказать ей всякую военную и другую помощь и содействие. СССР и Англия обязались не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против одной из них.

Первая часть договора должна была действовать до заключения СССР и Англией мира с Германией и ее сателлитами. Срок действия второй части устанавливался в 20 лет. По настоянию английской стороны в договор была внесена оговорка, смысл которой заключался в том, что обязательства о взаимопомощи сохраняются до того момента, когда по обоюдному согласию они будут сочтены излишними в связи с созданием международной организации по обеспечению мира и безопасности [1].

Договор имел большое положительное значение как для отношений между СССР и Англией, так и для дела укрепления антифашистской коалиции. Он существенно улучшал англо-советские отношения и создавал основу для дальнейшего развития сотрудничества двух стран. С заключением договора усилились международные позиции СССР и Англии, всех стран и народов, боровшихся против фашистских агрессоров. Именно поэтому он встретил горячее одобрение в СССР, Англии и в широких народных массах всех стран антигитлеровской коалиции. «Я уверен,— писал И. В. Сталин в послании Черчиллю, отправленном 28 мая 1942 г.,— что этот договор будет иметь большое значение для дальнейшего укрепления дружественных отношений между Советским Союзом и Великобританией, а также между нашими странами и Соединенными Штатами и обеспечит тесное сотрудничество наших стран после победоносного окончания войны» [2].

Для того, чтобы подчеркнуть большое значение, которое СССР придавал советско-английскому договору, его ратификация была произведена специально созванной сессией Верховного Совета СССР. Советский Союз ратифицировал договор 18 июня, Англия — 24 июня 1942 г.

Советско-американское соглашение от 11 июня 1942 г.

Другой документ, имевший важное значение для укрепления антифашистской коалиции,— соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Это соглашение, идентичное соглашениям, которые подписывали США со всеми странами, получавшими помощь по ленд-лизу, было

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 235—238.

[2] «Переписка...», т. I, стр. 48.

подписано 11 июня 1942 г. государственным секретарем США К. Хэллом и послом СССР в Вашингтоне М. М. Литвиновым. Образцом, по которому США заключали соглашения с другими странами, в том числе и с СССР, послужило англо-американское соглашение о ленд-лизе, подписанное 23 февраля 1942 г.

В преамбуле советско-американского соглашения заявлялось, что борьба СССР против агрессии жизненно важна для обороны США и поэтому Соединенные Штаты оказывали и будут оказывать Советскому Союзу помощь в деле сопротивления агрессии.

В статье I соглашения говорилось: «Правительство Соединенных Штатов Америки будет продолжать снабжать Правительство Союза Советских Социалистических Республик теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять». Это снабжение должно было осуществляться на основе взаимности. Статья II предусматривала оказание Советским Союзом «в меру его возможностей» аналогичной помощи Соединенным Штатам. По окончании войны СССР должен был вернуть «те из полученных... материалов, которые окажутся не уничтоженными, утраченными или потребленными...» (статья V). Статья VII гласила, что условия расчетов за поставки «должны быть таковы, чтобы не только не затруднять торговлю между этими двумя странами, а, наоборот, содействовать взаимно выгодным экономическим отношениям между ними и улучшению мировых экономических отношений». СССР и США должны были действовать согласованно с другими государствами в интересах улучшения мировых экономических отношений и поддержания мира [1].

Правительство Соединенных Штатов Америки заключило с Советским правительством соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, понимая, что оно отвечает коренным интересам американского государства. Наиболее дальновидные политические деятели, и прежде всего президент Рузвельт, четко представляли себе, сколь опасны для США агрессивные планы фашистского блока.

Соглашение с Соединенными Штатами Америки от 11 июня 1942 г., как и союзный договор с Великобританией от 26 мая 1942 г., явилось международным признанием силы и успехов Красной Армии и советского народа в борьбе против фашистской Германии и ее союзников.

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 241—246.

Вопрос об открытии второго фронта в 1942 г.

В 1942 г. вопрос о втором фронте занимал важнейшее место в отношениях СССР, Англии и США. Создание второго фронта обеспечило бы армиям антигитлеровской коалиции более быструю и с меньшими человеческими и материальными жертвами победу, способствовало бы скорейшему освобождению народов, временно оказавшихся в фашистской неволе. С вступлением США в войну в декабре 1941 г. проблема второго фронта в Европе касалась уже не только СССР и Англии, но и Соединенных Штатов.

1 апреля 1942 г. президент Рузвельт утвердил стратегический план, предусматривавший, хотя и с оговорками, открытие военных действий в Западной Европе. Рузвельт придавал большое значение политической стороне этого плана. Он считал желательным заверить Советское правительство в том, что оно может рассчитывать на военную помощь США и Англии в 1942 г. Такая позиция президента объяснялась стремлением не только поддержать союзника, но и удовлетворить общественность своей страны, которая требовала открытия второго фронта. Не считаться с мнением широких слоев населения США Рузвельт не мог: осенью 1942 г. должны были состояться очередные выборы в конгресс США, на которых проверялась прочность позиций правящей демократической партии. В начале марта 1942 г. Рузвельт заявил советскому послу в США М. М. Литвинову, что он «нажимает на англичан», добиваясь создания второго фронта, и готов для этого послать американские войска в Англию [1].

3 апреля 1942 г. Рузвельт писал Черчиллю: «Ваш и мой народы требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я, вместе взятые» [2].

Английское правительство во главе с Черчиллем и правящие круги Англии в целом по-прежнему решительно выступали против высадки союзных войск в Европе, стремясь переложить всю тяжесть войны с Германией на Советский Союз.

Тем не менее 12 апреля 1942 г. И. В. Сталин получил послание Рузвельта. «Я имею в виду,— писал Рузвельт,— весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте» [3]. Президент

---

[1] См. «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 74.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 314.
[3] «Переписка...», т. II, стр. 21.

предложил направить в Вашингтон «в самое ближайшее время» наркома иностранных дел СССР и военного представителя. Советское правительство поручило своему послу в Вашингтоне выяснить, какие конкретные вопросы президент хотел бы обсудить с советскими представителями. 14 апреля Рузвельт сообщил послу СССР в США, что он со своими советниками пришел к выводу о необходимости открытия второго фронта против Германии путем высадки войск во Франции, но что этот план еще не одобрен Англией [1].

20 апреля И. В. Сталин ответил Рузвельту, что Советское правительство согласно направить наркома иностранных дел СССР в Вашингтон для обмена мнениями с президентом «по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время» [2]. Президенту сообщалось, что нарком посетит также Лондон для обмена мнениями с английским правительством.

Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в мае — июне 1942 г. совершил поездку в Лондон и Вашингтон, в ходе которой была обсуждена особо важная проблема в союзнических отношениях СССР с США и Англией — проблема второго фронта.

Переговоры были сложными. В Лондоне в ответ на вопрос народного комиссара английскому правительству о том, нет ли возможности отвлечь летом и осенью 1942 г. с советско-германского фронта хотя бы 40 немецких дивизий, Черчилль и Иден принялись рассуждать об условиях и возможности высадки союзных войск в Западной Европе, но упорно избегали конкретных обязательств относительно сроков и количества вооруженных сил, которые могли быть выделены для вторжения [3].

Английское правительство, как стало ясно в дальнейшем, не собиралось открывать второй фронт в 1942 г., но не хотело заявить об этом открыто. Поскольку В. М. Молотов должен был отправиться из Англии в США, англичане предложили ему остановиться на обратном пути в Лондоне и обещали тогда дать более определенный ответ с учетом обсуждения этого вопроса в Вашингтоне. Так закончился первый этап переговоров о втором фронте в Лондоне.

В Вашингтоне, куда нарком прибыл 29 мая, в заключение переговоров по вопросу о высадке войск союзников в Западной Европе в 1942 г. президент Рузвельт резюмировал американскую позицию следующим образом: «...американское правительство стремится и надеется на создание второго фронта в 1942 году» [4].

---

[1] См. «Международная жизнь», 1970, № 5, стр. 38.
[2] «Переписка...», т. II, стр. 21.
[3] См. «Международная жизнь», 1970, № 11, стр. 107—109.
[4] См. там же, стр. 112.

По предложению советской стороны был согласован текст коммюнике, в котором указывалось, что при переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.

В телеграмме Черчиллю от 31 мая 1942 г. Рузвельт писал о своем особенном желании, чтобы советский нарком «вернулся из своей поездки с какими-то реальными результатами и сделал Сталину благоприятный отчет» [1]. В другой телеграмме, от 6 июня 1942 г., он пояснил: «Должен признаться, что я с большой тревогой взираю на русский фронт...» [2]

9 июня нарком, возвращаясь из США, вновь прибыл в Лондон, где переговоры были продолжены.

В свете имевшего место в Вашингтоне обсуждения вопроса о втором фронте английское правительство согласилось с советским предложением внести по аналогии с американо-советским коммюнике в текст англо-советского коммюнике формулировку о том, что во время переговоров в Лондоне «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.» [3]. Одновременно премьер-министр Англии вручил советскому наркому памятную записку, датированную 10 июня 1942 г., в которой, в частности, говорилось: «Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года [4]... Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок. Поэтому мы не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но, если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы» [5]. Памятная записка, как видно из ее текста, содержала определенные обязательства Англии об открытии второго фронта осенью 1942 г., хотя они и давались с оговорками.

Оба коммюнике по поводу переговоров народного комиссара иностранных дел СССР в Вашингтоне и Лондоне были опубликованы 12 июня 1942 г., когда нарком вернулся в Москву.

Договоренность между Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки о создании второго фронта в Ев-

---

[1] "Foreign Relations... 1942", vol. III, p. 590.

[2] Ibidem.

[3] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 247.

[4] Речь в данном случае шла о высадке во Франции десанта в количестве 6 дивизий (так называемая операция «Следжхэммер»). Эта операция предусматривалась как резервный вариант с целью подрыва морального состояния гитлеровцев и возможного отвлечения части германских войск на Запад.

[5] «Переписка...», т. I, стр. 391.

ропе в 1942 г. открывала перед антигитлеровской коалицией огромные возможности. Реализация ее позволила бы закончить войну намного раньше.

Зимнее наступление Красной Армии поставило фашистские вооруженные силы в весьма трудное положение. Англия и США располагали для успешного вторжения на европейский континент в 1942 г. необходимыми войсками и техническими средствами, созданными в течение года, когда Советский Союз один выносил всю тяжесть борьбы против гитлеровских полчищ.

Командование вооруженных сил США считало возможным осуществить вторжение 15 июля — 1 августа 1942 г.[1] Однако со стороны правительства Англии, а затем и правительства США последовали действия, которые прямо противоречили обязательствам, данным Советскому Союзу. Еще до опубликования совместных коммюнике прибывший в Вашингтон уполномоченный английского премьер-министра Луис Маунтбэттен информировал президента Рузвельта и Гарри Гопкинса об отрицательном отношении английского правительства к плану форсирования Ла-Манша и захвата плацдарма на европейском континенте в 1942 г.

18 июня в США в сопровождении английских военных руководителей прибыл сам премьер-министр Черчилль, чтобы вместе с президентом принять окончательное решение по поводу военных операций в 1942—1943 гг., и в первую очередь относительно высадки в Европе в 1942 г. В переданной Черчиллем Рузвельту записке говорилось, что английское правительство не одобряет эту операцию и что «в этом году не должно быть существенной высадки во Франции». Вместо открытия второго фронта в Европе Черчилль ставил вопрос о необходимости «изучить операцию во Французской Северо-Западной Африке»[2], о которой он говорил еще при переговорах с Рузвельтом в декабре 1941 г.— январе 1942 г.

В разгар англо-американских встреч было получено сообщение о неожиданной сдаче английскими войсками в Ливии хорошо укрепленной крепости Тобрук. Это известие заставило Черчилля прервать переговоры и срочно возвратиться в Англию. Хотя никакого окончательного решения о втором фронте в 1942 г. Черчилль и Рузвельт не приняли, однако по возвращении английского премьера в Лондон там в информированных кругах укрепилось убеждение, что никакого вторжения во Францию в этом году не будет.

В связи с неудачами английских войск в Ливии среди английской общественности поднялась мощная волна возмущения

---

[1] *G. A. Harrison.* Cross-Channel Attack. Washington, 1951, p. 12.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 381—382.

тем, как правительство и военные лидеры руководят военными действиями. В газетах и парламентских кулуарах заговорили о возможности политического кризиса. При обсуждении вотума недоверия правительству в палате общин лорд Уинтертон потребовал от Черчилля сложить с себя обязанности премьера. Парламентская буря закончилась для Черчилля в общем благополучно, вотум недоверия собрал лишь 25 голосов и принят не был [1]. Однако это было демонстрацией серьезного недовольства англичан военной деятельностью правительства.

Черчилль решил предпринять все возможное для спасения от разгрома английских войск в Ливии и восстановления репутации британского оружия. Путь к достижению этой цели он видел в высадке английских и американских войск в Африке. В то же время премьер-министр считал, что эта операция могла послужить ему поводом для отказа от создания второго фронта в Европе в 1942 г. В связи с этим Черчилль формулирует свою позицию следующим образом: «В течение июля, когда в политическом отношении мои позиции были особенно слабы и когда не было ни проблеска военного успеха, мне надо было добиться от Соединенных Штатов решения, которое... имело решающее значение в течение следующих двух лет войны. Это были отказ от всех планов вторжения через Ла-Манш в 1942 г. и оккупация Французской Северной Африки в течение осени или зимы крупными англо-американскими экспедиционными силами» [2].

Рузвельт, вынужденный считаться с позицией Черчилля, поскольку высадка в Северной Франции в 1942 г. была бы «операцией почти целиком английской» [3], также все больше и больше проникался идеей вторжения англо-американских войск в Африку. К июлю его решение окончательно определилось. В этом наряду с настояниями Черчилля главную роль сыграла усилившаяся у президента США уверенность, что Советский Союз сможет один выстоять в летней кампании 1942 г., а также влияние тех сил в американских правящих кругах, которые стремились истощить СССР в войне с Германией. Кроме того, президент разделял заинтересованность американских монополий в североафриканских французских колониях, которые, как тогда казалось, можно было легко прибрать к рукам, если только не дать англичанам возможности проникнуть в этот район раньше американцев. Наконец, эффектная военная операция против вражеских сил могла стать для Рузвельта крупным козырем в кампании по выборам в конгресс.

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 391—408.
[2] Ibid., p. 432—433.
[3] Ibid., p. 323.

С целью продолжить обсуждение с англичанами планов военных операций и принять определенное решение на 1942 год Рузвельт направляет в Англию Гопкинса, генерала Маршалла и адмирала Кинга. Накануне их вылета, 15 июля, Рузвельт беседовал с Гопкинсом о предстоящих в Лондоне переговорах. Из записи этой беседы, сделанной Гопкинсом, следует, что Рузвельт уже склонился к африканскому варианту наступательной операции в 1942 г. «Хотя нам и приходится отказываться с большой неохотой от операции «Следжхэммер» в 1942 году,— говорил он,— я все же думаю, что нам нужно энергично действовать, чтобы предпринять ее в 1943 году... Операция «Джимнаст» [1] имеет большие преимущества, ибо она явилась бы чисто американским предприятием» [2].

Как показал ход англо-американских переговоров в Лондоне, главной причиной принятого там решения не открывать второй фронт в 1942 г. было то, что, по мнению влиятельных английских и американских политиков, СССР в этом году не разгромит Германию, а Германия не победит СССР. «Мы до сих пор обсуждали «Следжхэммер»,— писал Черчилль в заметках к совещанию с американцами 20 июля 1942 г., формулируя позицию английского правительства,— исходя из того, что Россия либо восторжествует, либо будет сокрушена. Более вероятно, что мы столкнемся с промежуточным положением. Русская битва может в течение длительного времени оставаться незавершенной, или опять-таки результат может быть нерешающим и русский фронт сохранится, хотя линия фронта будет проходить несколько дальше на восток» [3]. А раз так, то, рассуждали участники совещания, пусть СССР и Германия продолжают взаимно изматывать друг друга.

После краткого обмена мнениями Гопкинс и Маршалл сообщили Рузвельту, что англичане не склонны договариваться о вторжении в Северную Францию, и запросили инструкции. Рузвельт ничего иного и не ожидал. Поэтому его ответ последовал сразу же. Президент предложил достигнуть соглашения о «каких-то других операциях», причем как можно быстрее. «Это был поистине окончательный приказ главнокомандующего» [4],— замечает Р. Шервуд. В телеграмме, направленной американским представителям на следующий день, президент повторил, что «он стоит за операцию в Северной Африке в

---

[1] Условное название операции англо-американских войск по вторжению во Французскую Северо-Западную Африку.

[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 231.

[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV. p. 445.

[4] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 242.

1942 году»[1]. Хиггинс пишет, что «к вечеру двадцать пятого (июля.— *Ред.*) Гопкинс смог уже послать президенту телеграмму, которая может служить образцом торжественной лаконичности. Она состояла всего из одного слова: «Африка»»[2].

Генерал Д. Эйзенхауэр назвал день окончательного отказа от открытия второго фронта в 1942 г. «самым черным днем в истории»[3]. Реакция Эйзенхауэра понятна: он рассуждал как профессиональный военный, видевший, что в жертву политическим соображениям приносится здравая военная стратегия.

Итак, вместо открытия второго фронта в Европе в 1942 г. в Лондоне было решено предпринять англо-американскую высадку в Северной Африке, а поскольку эта операция поглотила бы предназначаемые для вторжения в Европу силы и средства, то не было уверенности в открытии второго фронта и в 1943 г.

18 июля 1942 г. И. В. Сталин получил от Черчилля послание, в котором содержалось завуалированное сообщение об отказе союзников открыть второй фронт в 1942 г.[4] В ответном послании от 23 июля И. В. Сталин писал: «Что касается... вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»[5].

В связи с этим протестом со стороны союзника правительства Англии и США решили, что Черчилль нанесет специальный визит в Москву и даст правительству СССР объяснения их отказа от обещаний в отношении второго фронта.

Черчилль просил президента США направить с ним А. Гарримана и таким образом продемонстрировать Советскому правительству единодушие обоих государств.

В первый же день переговоров в Москве, 12 августа, Черчилль заявил главе Советского правительства, что «американцы и англичане тщательно изучили вопрос» о втором фронте и «пришли к выводу, что они не в состоянии предпринять операции в сентябре месяце... которые имеют своей задачей отвлечение пехотных дивизий противника с русского фронта». Как он уверял, «Англия и США готовятся к большим операциям в 1943 году.

---

[1] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 243.

[2] *Т. Higgins.* Winston Churchill and the Second Front. 1940—1943, p. 147.

[3] *Н. С. Butcher.* My Three Years with Eisenhower. New York, 1946, p. 29.

[4] См. «Переписка...», т. I, стр. 51.

[5] Там же, стр. 54.

Для этой цели в 1943 году в Англию должен прибыть 1 миллион американских солдат». Черчилль говорил далее, что союзники, располагая «десантными средствами для того, чтобы перевезти шесть дивизий для десанта на укрепленное побережье», «не считали, что было бы разумным предпринять наступление в районе Па-де-Кале в этом году», равно как и в каком-либо другом районе побережья Франции.

На уточняющий вопрос советской стороны по поводу этих высказываний Черчилль подтвердил: «...открыть второй фронт в Европе в этом году англичане не в состоянии, но они полагают, что второй фронт может быть создан в другом месте». «Что касается операции по высадке 6—8 дивизий на французском побережье в этом году,— сказал Черчилль,— то английское правительство считает, что эта операция принесла бы больше вреда, нежели пользы, и отрицательно отразилась бы на приготовлениях к операции большого масштаба в 1943 году».

Гарриман заявил, что поддерживает соображения Черчилля и не имеет к ним добавлений [1].

Советское правительство решительно высказало свое несогласие с позицией союзников. Во врученном И. В. Сталиным Черчиллю на следующий день меморандуме напоминалось, что «организация второго фронта в Европе в 1942 году была предрешена... и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г.». Организация второго фронта, указывалось в меморандуме, имела своей целью отвлечь немецкие силы с Восточного фронта на Запад и облегчить таким образом положение советских войск на советско-германском фронте в 1942 г. Естественно, что Советское командование планировало свои операции на 1942 г. в расчете на выполнение союзниками этого обязательства. Отказ английского правительства от открытия второго фронта в 1942 г. в Европе наносил «моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования»; «затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников». В заключение Советское правительство подчеркивало, что «именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе» [2].

Заявление Черчилля о том, что открытие второго фронта лишь откладывается и что Англия и США «готовятся к большим операциям в 1943 г.» [3], означало, что английское и американское

[1] См. «Международная жизнь», 1961, № 9, стр. 72—74.
[2] «Переписка...», т. I, стр. 58—59.
[3] *W. S. Churchill*, The Second World War, vol. IV, p. 478.

правительства брали на себя обязательство открыть второй фронт в 1943 г. Позднее И. В. Сталин, имея в виду это обязательство, подчеркивал в одном из посланий Черчиллю: «...Вы сообщили, что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году»[1]. Известно, что союзники уклонились от выполнения и этого четкого и ясного обязательства.

Во время московских переговоров английский премьер-министр сообщил Советскому правительству о намерении Англии и США осуществить в октябре 1942 г. высадку в Северной Африке. Аргументируя невозможность высадки союзников в Западной Европе в 1942 г., Черчилль ссылался на нехватку десантных судов. Однако высадка в Африке тоже требовала большого количества десантных судов, и, как известно, осенью 1942 г. они нашлись у союзников. Нехватка судов, замечает Хиггинс, вряд ли могла быть серьезной причиной отказа от высадки в Европе[2]. Компетентный в вопросах второй мировой войны историк Ч. Вилмот также отмечает, что «нехватка десантных судов была относительной, а не абсолютной. Проблема заключалась в распределении»[3].

В равной мере не соответствовал истине и второй аргумент Черчилля — прочность немецкой обороны на европейском атлантическом побережье. В меморандуме И. В. Сталина Черчиллю указывалось, что летом 1942 г. «почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил»[4]. После войны эту оценку подтвердили сами немецкие генералы. Генерал-лейтенант Циммерман писал: «К лету 1942 года неудачи немцев в войне с Россией начали весьма отрицательно сказываться и на западной армии. Из частей вторых эшелонов и резервов «вычесывалось» большое количество солдат, пригодных для использования на Востоке... Боеспособные соединения направлялись на Восток, а прибывавшие им на смену соединения были неполноценными в боевом отношении. По мере достижения ими пригодности для боевых действий эти соединения также отправлялись в Россию»[5]. Система оборонительных сооружений в Западной Европе, известная под названием «атлантического вала», также не могла служить непреодолимым препятствием для англо-американских войск. Ее строительство началось лишь весной 1942 г., и, как признал пос-

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 136.

[2] *T. Higgins.* Winston Churchill and the Second Front. 1940—1943, p. 155.

[3] *Ch. Wilmot.* The Struggle for Europe. London, 1953, p. 177.

[4] «Переписка...», т. I, стр. 59.

[5] «Мировая война. 1939—1945 годы». М., 1957, стр. 60.

ле войны немецкий командующий на Западе фельдмаршал Рундштедт, «сила укреплений была до абсурдности преувеличенной. Атлантический вал являлся иллюзией, созданной пропагандой, чтобы ввести в заблуждение немецкий народ и союзников» [1].

Этого не могли не знать американо-английские штабы. В августе 1942 г. канадские части высадились на побережье Франции, захватили французский город Дьепп и сутки его удерживали. Численность войск несколько превышала 6 тыс. человек, их поддерживало 60 танков. Командующие операцией английский адмирал Маунтбэттен и канадский генерал Макнатон указывали: «Мы направились в Дьепп с намерением высадиться, а затем вернуться. Если бы операция была спланирована иначе, мы, вне всяких сомнений, сумели бы остаться. Мы смогли бы удержаться, и немцам не удалось бы вытеснить нас» [2]. В официальной американской истории войны сказано: как считал отдел планирования штаба армии США, «значительная высадка через Ла-Манш может быть начата в 1942 г.» [3]. Офицеры отдела не были фантазерами: они знали, что численность немецких войск на Западе в то время составляла 27—33 дивизии, причем половина из них обычно после боев на советско-германском фронте находилась на восстановлении. В 1944 г., когда второй фронт был наконец открыт, немцы имели на Западе более 40 дивизий.

В Москве Черчилль получил исчерпывающее представление о положении на советско-германском фронте, о состоянии Красной Армии и, что самое главное, ему было сообщено о подготовке контрнаступления, которое привело к великой советской победе у Сталинграда и коренному перелому в ходе второй мировой войны в пользу антифашистской коалиции. Как сообщал 14 августа Черчилль военному кабинету, он лично думал, что «Сталин вполне уверен в победе» [4]. На следующий день премьер-министр сообщал в Лондон и в Вашингтон: «В частной беседе со мной Сталин открыл мне другие веские основания своей уверенности, в том числе и план широкого контрнаступления... Я лично считаю, что существуют равные шансы и на то, что они выдержат...» [5]

Ввиду отказа Англии и США открыть второй фронт в Европе Советский Союз вынужден был продолжать сражения с фашистским блоком один на один.

---

[1] *B. H. Liddell-Hart.* The Other Side of the Hill. London, 1951, p. 393.
[2] *M. Werner.* Attack can Win in 1943. Boston, 1943, p. 199.
[3] *G. A. Harrison.* Cross-Channel Attack, p. 12.
[4] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 490.
[5] Ibid., p. 495.

Англо-американские поставки военных материалов Советскому Союзу в 1942 г.

Весьма важным в отношениях Советского Союза с Англией и США в 1942 г. был вопрос о поставках ему военных материалов. До 30 июня 1942 г. эти поставки осуществлялись согласно первому протоколу, подписанному 1 октября 1941 г. в Москве.

После возникновения войны на Тихом океане военные материалы и корабли, предназначенные для СССР, поступили в распоряжение американских вооруженных сил. В поставках Советскому Союзу создался дефицит. Президент Рузвельт распорядился о покрытии дефицита к 1 апреля 1942 г., однако это распоряжение не было выполнено и поставки военных материалов СССР продолжали сокращаться. Как указывают американские исследователи Мэтлофф и Снелл, хотя и было «небольшое увеличение (поставок.— *Ред.*)... в январе и феврале 1942 г., но все же количество грузов не достигало 100 тыс. *т* в месяц, тогда как, согласно обязательствам, требовалось доставлять 200 тыс. *т* ежемесячно» [1].

В целом к концу июня 1942 г. из США и Англии было отправлено лишь четыре пятых предусмотренного протоколом количества материалов, а прибыло в СССР, в связи с потерями во время перевозок, еще меньше.

«Мы слишком мало сделали для России,— признавал Черчилль в выступлении по радио 15 февраля 1942 г.,— если учесть все, что она сделала для разгрома Гитлера, для нашего общего дела».

Летом 1942 г. немцы вели наступление на советско-германском фронте. В связи с этим возрастало значение союзных военных поставок Советскому Союзу. Но именно в этот момент Англия и США почти совершенно прекратили отправку военных грузов в СССР северным морским путем — главным путем снабжения Советского Союза. Поводом послужили значительные потери, понесенные конвоем P. Q. 17, направленным в конце июня из Исландии в Архангельск.

Конвой вышел в составе 34 торговых судов, в большинстве своем американских. Его охраняли мощные военно-морские силы под командованием английского контр-адмирала Гамильтона, в состав которых входили крейсеры, эсминцы, подводные лодки и другие корабли. Западнее крейсировали силы прикрытия — два линкора, авианосец, три крейсера и флотилия эсминцев. Когда конвой находился уже за островом Медвежьим, у английского морского министерства появились «основания предполагать», что немецкие корабли могут атаковать его. Этого оказа-

[1] *М. Мэтлофф* и *Э. Снелл*. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг., стр. 239.

лось достаточно, чтобы начальник морского штаба адмирал Паунд 4 июля отдал приказ контр-адмиралу Гамильтону: «Отряду крейсеров отступить на запад с большой скоростью», а «конвою рассредоточиться и идти к русским портам» [1]. В результате немецкие самолеты с норвежских баз и подводные лодки беспрепятственно потопили 23 судна. Остальные добрались до Архангельска и доставили 70 тыс. *т* груза из 200 тыс. *т*. Немецкие военные корабли так и не вышли на перехват конвоя, и, таким образом, предположения английского адмиралтейства оказались лишенными оснований. Было очевидно, что ответственность за гибель большей части конвоя P. Q. 17 несет английское адмиралтейство.

Казалось бы, результатом этой трагедии должно было быть наказание виновных и принятие мер к тому, чтобы подобные факты не повторялись. Но произошло иначе. «Учитывая катастрофу, постигшую конвой P.Q. 17,— пишет Черчилль,— морское министерство (т. е. главный виновник этой катастрофы.— *Ред.*) предложило приостановить арктические конвои...» [2]

18 июля Черчилль известил Советское правительство о прекращении отправки конвоев в СССР северным путем [3].

23 июля в послании премьер-министру Англии И. В. Сталин выразил решительный протест в связи с тем, что английское правительство отказалось продолжать снабжение Советского Союза военными материалами по северному пути. Советские военно-морские специалисты, отмечалось в послании, считают доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными. Советские специалисты «убеждены, что при доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно с большими потерями для немцев. Приказ Английского Адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым... Я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Понятно, что подвоз через персидские порты ни в какой мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем» [4].

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 262—264.
[2] Ibid., p. 266.
[3] См. «Переписка...», т. I, стр. 50—53.
[4] Там же, стр. 54.

Столь существенное сокращение поставок военных материалов Советскому Союзу (северным морским путем доставлялось $^3/_4$ грузов) в трудные для него летние месяцы 1942 г. без каких-либо серьезных оснований было открытым нарушением союзниками своих обязательств в отношении СССР.

В послании, полученном в Москве 31 июля 1942 г., Черчилль сообщил, что союзники принимают меры «к отправке конвоя в 40 судов в первую неделю сентября»[1]. Таким образом, союзники оставляли СССР без материальной помощи в самое тяжелое для него время.

После летнего перерыва в сентябре 1942 г. в СССР был отправлен конвой P. Q. 18. Из 34 торговых судов, вышедших в СССР, 27 достигли места назначения. Операция с конвоем P. Q. 18 была успешной, и следовало предполагать, что теперь конвои в Советский Союз пойдут регулярно. Однако английское и американское правительства решили зарезервировать суда для высадки в Северной Африке и вновь приостановили доставку материалов в СССР северным путем. «Черчилль,— пишет американский историк Ньюмэн,— в конце сентября 1942 г. предложил отменить отправку в Мурманск конвоя с материалами, поставляемыми по ленд-лизу, в связи с тем, что отправка конвоя требовала слишком много судов. Рузвельт согласился, но предложил держать Сталина в неведении об этом решении по возможности дольше»[2]. 6 октября 1942 г. в Вашингтоне представители СССР, США и Англии подписали второй протокол относительно поставки Соединенными Штатами и Англией Советскому Союзу военного снаряжения, боеприпасов и сырья. Но только в конце декабря в СССР отправился следующий конвой, который благополучно прибыл к месту назначения.

Однако размеры поставок были намного меньше уровня, предусматривавшегося и вторым протоколом. Так, в июле — ноябре 1942 г. Англия поставила СССР 394 самолета вместо обещанных 1000 и 642 танка вместо обещанных 1250[3]. Что касается США, то, как пишут американские исследователи Р. Лейтон и Р. Коакли, «когда решалась судьба великого сражения под Сталинградом, поставки из США далеко не достигли обещанного по второму протоколу. К концу ноября было отправлено 840 тыс. *т* грузов против 1608 тыс. *т*, намеченных по плану»[4].

Все это происходило в 1942 г., когда на советской земле развертывались гигантские сражения.

[1] «Переписка...», т. I, стр. 55.

[2] *W. L. Neumann.* Making the Peace 1941—1945. The Diplomacy of the Wartime Conferences. Washington, 1950, p. 40.

[3] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 402.

[4] *R. Leighton* and *R. Coakley.* Global Logistics and Strategy 1940—1943. Washington, 1955, p. 526.

Американо-английская высадка в Северной Африке, ее военно-политическое и дипломатическое значение

Осенью 1942 г. англо-американское командование приступило к осуществлению высадки американских и английских войск в Северной Африке. По свидетельству начальника штаба президента США адмирала У. Леги, «Рузвельт думал о ней длительное время, и операция готовилась под его руководством» [1]. Военный министр США Г. Стимсон указывал, что вторжение в Северную Африку «было любимым детищем президента» [2].

Рузвельт стремился начать операцию не позднее 30 октября 1942 г. В ноябре предстояли очередные выборы в конгресс, и президенту США хотелось ко дню голосования показать, что его правительство уже ведет успешные военные действия, готовясь к решительным битвам против агрессоров. Вместе с тем Рузвельт стремился продемонстрировать свою заботу о политическом присутствии США в африканских колониальных владениях, которое могло бы явиться первым шагом к захвату их Соединенными Штатами.

Однако подготовить операцию к намеченному сроку американцам мешали споры с англичанами по вопросу о местах высадки и о составе войск, осуществляющих десант. Обстановка в Северной Африке в результате военных действий английских войск против наступающих войск Италии, а затем и Германии сложилась к этому времени следующим образом.

После поражения Франции в июне 1940 г. фашистская Италия открыто провозгласила в качестве своей программы колониальных захватов установление контроля над Суэцким каналом и Гибралтаром и создание огромной итальянской империи с включением в нее всей Африки севернее экватора.

Итальянские войска в июле 1940 г. начали из Эфиопии наступление на Судан (города Кассала и Галлиабад), Британское Сомали и Кению. В первое время итальянцам удалось добиться некоторых успехов. Но в конце 1940 г. более чем 300-тысячная английская армия перешла в наступление и в январе — мае 1941 г. изгнала итальянцев из Кении, Судана, Британского и Итальянского Сомали, Эритреи.

Итальянские войска были изгнаны и из Эфиопии. В начале 1941 г. здесь началось всеобщее восстание против итальянцев. Совместно с английскими войсками эфиопские партизанские

[1] *W. Leahy.* I Was There. New York — London — Toronto, 1950, p. 111.

[2] *H. Stimson, M. Bundy.* On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 425.

отряды разгромили итальянскую армию, которая потеряла пленными 100 тыс. и убитыми 19 тыс. солдат и офицеров [1]. Вице-король Эфиопии герцог Аоста, командовавший итальянскими войсками в Восточной Африке, в мае 1941 г. сдался в плен.

Независимость Эфиопии была восстановлена, хотя английские войска оставались в стране и были выведены лишь после войны.

Для реализации своих захватнических планов в Северной Африке Муссолини сосредоточил в Ливии почти 370-тысячную армию, имевшую 1900 артиллерийских орудий, свыше 15 тыс. пулеметов и 750 танков и бронемашин [2].

Обеспечив подавляющее превосходство над английскими войсками (более чем в 2 раза по количеству войск и вооружений, а также авиации), итальянская армия 13 сентября 1940 г. перешла в наступление. Линия обороны английских войск за несколько часов была прорвана. В тот же день итальянские войска заняли Эс-Саллум, а через три дня — Сиди-Баррани. Однако продвигавшиеся к Мерса-Матрух итальянцы, пройдя от ливийской границы 120—130 *км*, приостановили наступление. С одной стороны, возрастало сопротивление британских войск, а с другой стороны, продвигаясь по узкой прибрежной полосе, итальянцы растянули свои коммуникации. Активизация английской авиации и особенно английского флота, державшего под обстрелом корабельных орудий пути продвижения итальянских войск и их связь с тылом, серьезно затруднила дальнейшие операции итальянцев. На египетском фронте наступило затишье. Некоторую роль сыграло и то обстоятельство, что правительство Италии усиленно готовилось к наступлению на Грецию и не могло выделить дополнительных резервов для наступления в Африке.

Правительство Англии использовало передышку и значительно усилило свою армию в Египте. После сокрушительного поражения итальянцев в Греции, от которого они не могли оправиться в течение полугода, английская армия 9 декабря 1940 г. перешла в наступление в Африке. В течение нескольких дней итальянцы были выброшены из Египта, а в начале февраля 1941 г. уже вся Киренаика оказалась в руках англичан, занявших Бенгази, Аджедабию и Эль-Агейлу. Итальянская армия в паническом бегстве потеряла 133 тыс. солдат и офицеров пленными, большую часть артиллерии, вооружений, боеприпасов и т. д. [3].

---

[1] См. *Р. А. Авербух.* Италия в первой и второй мировых войнах. М., 1946, стр. 116.

[2] *E. Rosenthal.* Fortress on Sand. London, 1942, p. 23—24.

[3] Ibid., p. 24—25.

В связи с неудачей итальянцев Гитлер, планировавший завоевание с их помощью и использование позиций в Африке в войне против Англии и США, направил на африканский военный театр германский экспедиционный корпус под командованием генерала Роммеля. Последний был назначен командующим объединенными германо-итальянскими войсками в Северной Африке. В марте — апреле 1941 г. армия Роммеля перешла в наступление, отвоевала всю Киренаику и, вступив на территорию Египта, достигла Эс-Саллума. Развить успех далее Роммелю не удалось, так как гитлеровское верховное командование готовило нападение на Советский Союз, стягивая к границам СССР свои основные силы, и не могло усилить африканскую армию, насчитывавшую всего 110 тыс. солдат и офицеров и имевшую 1140 орудий и 380 средних танков [1].

Английская 8-я армия, имевшая 145 тыс. человек, 840 танков, 500 самолетов и 850 орудий [2], при поддержке военно-морского флота не только остановила наступление армии Роммеля, но и перешла в ноябре — декабре 1941 г. в контрнаступление, вновь заняв Киренаику. Успеху английского оружия в Северной Африке в огромной степени способствовал разгром советскими войсками германских армий под Москвой. Даже Черчилль, придававший преувеличенное значение английской «битве за Африку», заявил в палате общин 27 января 1942 г.: «Только благодаря победе на русском фронте мы спаслись от вражеского вторжения во все страны от Леванта до Каспийского моря, в долину Нила, Ирак и Индию» [3].

В конце мая 1942 г. Роммель предпринял вторичное наступление на Египет. В упорных боях в июне 1942 г. немцы добились крупных успехов [4]. Они продвинулись на 300 *км* в глубь Египта до местечка Эль-Аламейн, расположенного всего в 100 *км* к западу от Александрии. За эти успехи Гитлер наградил Роммеля Железным крестом с золотыми дубовыми листьями и присвоил ему высшее воинское звание в Германии — фельдмаршала. Однако далее двигаться германо-итальянские войска не могли, ибо в это время все наземные и воздушные силы стран фашистской «оси» были брошены на советско-германский фронт, где развертывалось историческое Сталинградское сражение. Армия Роммеля не получила резервов для развития успеха, часть поддерживавшей ее германской авиации была направлена на советско-германский фронт.

---

[1] "Return to the Attack". Wellington, 1944, p. 7.

[2] Ibid., p. 8.

[3] См. *В. Н. Линецкий*. Проникновение США в Африку. М., 1947, стр. 3—4.

[4] Потери английской 8-й армии в июле составили 13 250 солдат и офицеров («Battle for Egypt», p. 27).

Черчилль рассчитывал путем высадки союзных войск в Северной Африке прежде всего облегчить положение 8-й английской армии Монтгомери, без успеха действовавшей в Египте против немецко-итальянских войск Роммеля. Для англичан было важно осуществить высадку как можно восточнее на средиземноморском побережье Африки. Американцы же опасались, что при «средиземноморском» варианте коммуникации десантных войск окажутся под угрозой: их могут, закрыв Гибралтар, перерезать испанцы или немцы, при этом не исключалась возможность оккупации гитлеровцами Испании. В связи с этими разногласиями, в основе которых лежали скорее политические, нежели военные соображения, союзники в конце концов приняли компромиссное решение, согласившись осуществить одну высадку на атлантическом побережье Африки (в Касабланке) и две — на средиземноморском побережье.

Не сразу договорились руководители США и Англии и о составе десантных войск. Американцы утверждали, что высадка их войск не встретит сопротивления находящихся в Северной Африке французских войск, тогда как войскам англичан и Сражающейся Франции будет оказано упорное противодействие, поскольку войска, подчиненные Виши, помнят о событиях лета 1940 г., когда англичане внезапно напали на французские военные корабли в Мерс-эль-Кебире, а также у Дакара и у берегов Англии. Поэтому американцы настаивали на осуществлении первых десантов исключительно силами США. Англичанам же на первой стадии операции предлагали довольствоваться участием в транспортировке десантных войск и в обеспечении поддержки с воздуха и моря. Американцы явно пытались оттеснить англичан на второй план и утвердиться самим на территориях, которые будут заняты в результате высадки. В Лондоне это прекрасно понимали. На закрытом заседании английского парламента Черчилль назвал высадку в Африке «американской экспедицией», которая «проводится под командованием президента США»[1].

Американский генерал Эйзенхауэр, назначенный командующим операцией, смог лишь 22 сентября окончательно назвать Рузвельту и Черчиллю дату вторжения в Северную Африку — 8 ноября.

По планам американо-английского командования высадке должно было предшествовать наступление 8-й английской армии, которой командовал генерал Монтгомери, из Египта на запад и ее максимальное продвижение в сторону пунктов, где намечалась высадка. Усилив 8-ю армию как британскими, так

---

[1] *W. Churchill.* Secret Session Speeches. London, 1946, p. 79.

и польскими и чешскими частями и доведя ее численность до 174 тыс. человек при 1100 танках[1], при поддержке войск Сражающейся Франции, английское командование 23 октября 1942 г. начало наступление в районе Эль-Аламейна, в ходе которого немецко-итальянские войска были вынуждены отойти из Египта, а затем из Триполитании и Киренаики. 108-тысячная армия фельдмаршала Роммеля, имевшая 600 танков[2], была разбита. Остатки немецких и итальянских войск добрались до Туниса, где Роммель безуспешно пытался организовать оборону.

Вслед за Черчиллем буржуазная историография преувеличивает победу под Эль-Аламейном, одержанную во время этого наступления английскими войсками. Однако западные исследователи, как правило, умалчивают о том, что главные вооруженные силы Германии находились тогда под Сталинградом и немецкое командование не могло оказать Роммелю необходимую помощь; более того, часть немецких войск из Африки была переброшена на советско-германский фронт. Англичанам противостояло всего 4 немецких и 8 итальянских дивизий, причем основным немецким силам и части сил итальянских удалось уйти из-под Эль-Аламейна.

8 ноября американо-английские войска начали высаживаться в Алжире, Оране и Касабланке. Союзнический десант насчитывал 110 тыс. бойцов и состоял из 6 американских и 1 английской дивизии, в переброске которых участвовало до 650 военно-морских и крупных транспортных судов. Французские войска правительства Виши, расположенные в Северной Африке, не желали сражаться против войск США и Англии и поэтому не оказали им сколько-нибудь значительного сопротивления. 11 ноября находившийся в Алжире главнокомандующий вишистскими вооруженными силами адмирал Дарлан отдал своим войскам в Северной Африке приказ прекратить сопротивление. В течение двух-трех недель союзники заняли Марокко, Алжир и вступили на территорию Туниса. Однако союзное командование определенное время воздерживалось от дальнейших наступательных действий, считая необходимым предварительно обеспечить для себя решительный перевес в технике и живой силе. Это промедление дало возможность германскому командованию срочно перебросить в Тунис подкрепления из Западной Европы. В результате борьба затянулась до мая 1943 г., когда союзники полностью освободили Северную Африку от немецко-итальянских войск.

В ответ на высадку американских и английских войск в Северной Африке гитлеровцы оккупировали всю Францию и Кор-

[1] "Battle for Egypt", p. 36, 41.
[2] Ibidem.

сику. При этом они стремились захватить французский флот, стоявший в Тулоне. Однако французские военные моряки сорвали этот план: часть флота они затопили, а часть взорвали. Три линкора, авианосец, четыре тяжелых крейсера, три легких крейсера, 25 эсминцев, 26 подводных лодок и другие суда были уничтожены.

Дипломатическая сторона подготовки и проведения союзниками североафриканской кампании во многом определялась позицией США и Англии в отношении так называемой французской проблемы.

К Французскому национальному комитету, возглавлявшемуся де Голлем, официальный Вашингтон относился враждебно. Только в январе 1942 г. между Свободной Францией и США было достигнуто первое соглашение относительно размещения американских баз на французских островных владениях в Океании, присоединившихся к де Голлю [1]. В июле 1942 г. Рузвельт выступил с меморандумом, в котором говорилось, что Французский национальный комитет является «символом французского Сопротивления вообще державам «оси»» [2]. Но и после этого правительство США до ноября 1942 г. поддерживало отношения с правительством Виши, причем разрыв этих отношений произошел по инициативе последнего.

Несколько иной политики в данном вопросе придерживалось правительство Англии. Французский национальный комитет находился в Лондоне, и некоторые аспекты его деятельности пользовались поддержкой английского кабинета. Вместе с тем правительство Черчилля и правящие круги Англии, как и американцы, стремились ослабить позиции Франции на мировой арене и завладеть ее колониями.

По настоянию американцев Французский национальный комитет не был заранее извещен о высадке в Северной Африке. Правительство США решило сделать своей опорой там генерала Жиро, представлявшего ту часть вишистов, которая по мере ухудшения военного положения гитлеровской Германии стала склоняться к созданию «свободного Виши» под покровительством США. Накануне высадки союзных сил в Северной Африке Жиро тайно, на подводной лодке, был доставлен в Гибралтар, в штаб верховного главнокомандующего союзными армиями вторжения во Французскую Северную Африку генерала Д. Эйзенхауэра. Здесь Жиро встретился с Эйзенхауэром для окончательного урегулирования всех вопросов. Однако выяснилось, что Жиро претендует на пост... верховного командующего

---

[1] См. *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 1, стр. 248.

[2] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 2. Единство. 1942—1944 годы. М., 1960, стр. 390—391.

союзными войсками в Северной Африке. Договоренность не была достигнута.

В то же время американцы имели контакты с адмиралом Дарланом, возглавлявшим вооруженные силы правительства Виши. Незадолго до высадки союзников Дарлан прибыл в Алжир и после операции в Касабланке перешел на сторону англо-американцев. Представитель американского правительства Кларк заключил с Дарланом 22 ноября 1942 г. соглашение, по которому правительство США признавало руководство Дарлана в североафриканских владениях Франции, а Дарлан обязался не только создать для американского командования на этой территории необходимые условия для ведения военных действий против немецко-итальянских войск, но и предоставить определенные экономические льготы американцам в Северной Африке. Американский капитал использовал соглашение Кларка — Дарлана для обеспечения себе важных экономических позиций, в особенности в Марокко.

Правящие круги США намеревались не только установить свое экономическое господство во Французской Северной Африке, но и создать там сеть военных баз, которые должны были явиться опорными пунктами американской экспансии в Африке, на Средиземном море и Ближнем Востоке.

После того как 24 декабря 1942 г. Дарлан был убит террористом, Эйзенхауэр поручил генералу Жиро исполнять функции верховного комиссара в Северной Африке и главнокомандующего сухопутными, морскими и воздушными армиями [1].

Де Голль по-прежнему оставался для Вашингтона неприемлемой фигурой, ибо он считал необходимым сохранение целостности французской империи и был независим в своих действиях.

Правительство США пользовалось услугами не только Дарлана и Жиро, а всех мало-мальски видных вишистов, оказавшихся в то время в Северной Африке и выразивших готовность сотрудничать с американскими правящими кругами. На занятых союзными войсками территориях продолжали действовать реакционные законы и порядки правительства Виши, прогрессивные силы, как и раньше, преследовались. Заключенные правительством Петэна в тюрьмы коммунисты освобождены не были.

Американские правящие круги, сотрудничая в Северной Африке с французскими реакционерами, которые в связи

---

[1] См. *В. П. Смирнов.* Операция «Факел» и французский вопрос. — «Новая и новейшая история», 1973, № 3, стр. 158.

с крахом после Сталинграда надежд на победу Германии очень охотно переметнулись к американцам, преследовали, кроме захвата французских колоний, и другую цель. Сохраняя реакционные порядки во Французской Северной Африке, американцы собирались распространить их на Францию после ее освобождения, что, естественно, противоречило национальным интересам страны. Представитель Французского национального комитета в СССР Гарро говорил в беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР 1 февраля 1943 г.: «Впечатление таково, что правительство США намерено сохранить во Франции режим Виши — режим Петэна... всю административную, военную и пропагандистскую машину, передав ее в руки Жиро, который первый со своей армией должен будет высадиться во Франции и при поддержке США захватить всю государственную машину, чтобы помешать свободному волеизъявлению французского народа» [1].

Однако реализовать эти планы американскому правительству не удалось. Победы Советских Вооруженных Сил над гитлеровскими полчищами придали новые силы французскому народу, его лучшие сыны вошли в ряды движения Сопротивления, которое сыграло видную роль в борьбе за свободу и независимость Франции.

Вторжение союзников в Северную Африку было известным успехом антигитлеровской коалиции. Несколько немецких и итальянских дивизий были уничтожены, немцы и итальянцы потеряли свои опорные пункты в Северной Африке, утратили возможность получения стратегического и иного сырья из африканских владений Франции.

Однако африканская операция американцев и англичан все же была очень слабой помощью Советскому Союзу и никоим образом не могла сравниться по своему значению со вторым фронтом. Она, по существу, убедила немцев в том, что второй фронт им не угрожает, и они спокойно перебрасывали свои дивизии из Западной Европы на советско-германский фронт. В течение ноября 1942 г.— апреля 1943 г. немцы перебросили с Запада на Восток 35 соединений [2].

Тем не менее разгром итало-германских войск в Ливии и Французской Северной Африке в определенной мере способствовал установлению взаимодействия в операциях вооруженных сил антифашистской коалиции и приблизил кризис блока фашистских агрессоров.

---

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 108.

[2] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 30.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ДЕРЖАВ — УЧАСТНИЦ ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ в 1941—1942 гг.

Стратегия и дипломатия Японии

Развязывая войну на Тихом океане, японское правительство и верховное командование делали ставку на «молниеносный удар». Учитывая ограниченные собственные ресурсы, Япония намеревалась быстро захватить страны Южных морей, взять под контроль их богатейшие природные богатства, занять важнейшие стратегические позиции и таким образом создать базу для продолжения агрессии.

Японское командование планировало одновременное внезапное нападение на основные военные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана с целью уничтожения значительных сил флота и авиации противника, завоевания господства на море и в воздухе и овладения стратегической инициативой для проведения десантных операций в первую очередь в Малайе и на Филиппинах. Проведением внезапной десантной операции в Малайе руководители Японии рассчитывали захватить важнейшие ресурсы Малаккского полуострова и создать плацдарм для продвижения в Голландскую Индию. Начальные наступательные операции армии намечалось осуществить в течение 4—5 месяцев, а флота — в течение 6—8 месяцев.

Достижение этих целей зависело от положения на морских коммуникациях Японии: необходимо было с самого начала боевых действий значительно ослабить американский флот. В Токио знали, что силы и возможности США и Японии на Тихом океане почти одинаковы, а с 1942 г. США намечали увеличивать свои флот и авиацию на Тихом океане такими темпами, которые обеспечили бы им в дальнейшем преимущество перед японскими силами. Командование военно-морских сил Японии предполагало добиться победы в первых же сражениях, удерживать инициативу в своих руках и не допускать превосходства американского флота. В этой связи особое значение придавалось проведению Гавайской операции.

Еще в ноябре 1941 г. японское правительство и верховное командование приняли стратегический «план окончания войны против США, Англии, Голландии и Китая», который сводился

к следующему: 1) уничтожить базы США, Англии и Голландии на Дальнем Востоке и таким образом обеспечить оборону Японии. Путем проведения эффективных мер добиваться подчинения чунцинского правительства. В сотрудничестве с Германией и Италией заставить капитулировать Англию и тем самым подорвать решимость США продолжать войну; 2) мешать вступлению в войну других стран и стремиться к тому, чтобы третьи государства заняли выгодную для Японии позицию [1].

Первый этап войны на Тихом океане, как уже отмечалось, ознаменовался крупными успехами Японии. Бросив в наступление весь свой флот, она нанесла тяжелые потери американскому флоту в Перл-Харборе, а затем захватила территории, в 10 раз превышавшие территорию самой Японии,— 4,2 млн. *кв. км* с населением более 200 млн. человек. Японцы заняли Малайю и Сингапур, острова Голландской Индии, Бирму, Филиппины, Гонконг, острова Гуам, Уэйк, Новая Британия, бóльшую часть Соломоновых островов и др., вторглись в китайскую провинцию Юньнань. Кроме того, под контролем Японии продолжали оставаться оккупированные раньше территории Китая.

В этой ситуации перед японской дипломатией ставилась задача создать благоприятную внешнеполитическую обстановку для дальнейшего расширения экспансии.

Япония стремилась прежде всего укрепить свои отношения с Германией и Италией. Министр иностранных дел Того, выступая в парламенте 22 января 1942 г., говорил: «Отношения между Японией, Германией и Италией становятся все более и более тесными, и близкое сотрудничество шаг за шагом стало выражаться в военных делах, экономике, дипломатии и во многом другом. Как бы ни старались Америка и Англия разъединить Японию, Германию, Италию и другие дружественные страны, нельзя допустить достижения ими этой цели» [2].

18 января 1942 г. в Берлине было подписано военное соглашение между Германией, Италией и Японией. Как указывалось в его преамбуле, это соглашение, в соответствии с Тройственным пактом от 27 сентября 1940 г. и договором от 11 декабря 1941 г., должно было «обеспечить действенное сотрудничество трех держав в целях возможно скорого уничтожения военной силы противника».

Военное соглашение предусматривало разделение зон операций между участниками договора. Так, в зону действий Японии входили воды восточнее 70° восточной долготы до западного побережья американского континента, а также сам американский

[1] «Сюсен сироку» («Исторические документы об окончании войны»). Токио, 1952, стр. 5 (на японск. яз., далее — «Сюсен сироку»).

[2] «Асахи», 23.I.1942.

континент, Австралия, Новая Зеландия, Голландская Индия и многочисленные другие острова, расположенные в этих водах. Кроме того, в указанную зону входил и сам азиатский континент восточнее 70° восточной долготы, и в том числе почти вся азиатская часть территории СССР.

В зону действий Германии и Италии входили воды западнее 70° восточной долготы до восточного берега американского континента, острова (Исландия и др.), расположенные в этих водах, а также весь африканский континент, Ближний и Средний Восток и Европа западнее 70° восточной долготы, т. е. все территории от Уральского хребта на запад.

Предусматривалось, что до заключения специального соглашения операции в Индийском океане могут производиться за линиями границ зон.

Осуществляя свои операции в Южных морях и на Тихом океане, Япония брала на себя задачу уничтожить важнейшие базы Англии, США и Голландии в районе «великой Восточной Азии» и оккупировать колониальные владения этих держав. Таким образом, в значительной степени предрешался вопрос о будущем статусе указанных территорий, т. е. о переходе их под контроль Японии.

Япония обязалась уничтожить находившиеся в Тихом и Индийском океанах американские и британские наземные, морские и воздушные силы. В случае если американский и британский флоты будут концентрироваться в Атлантике, Япония должна была усилить удары по судам противника на всей площади Тихого и Индийского океанов, а также перебросить часть своих военно-морских сил в Атлантический океан, чтобы непосредственно сотрудничать там с германским и итальянским флотами.

Германия и Италия обязывались уничтожить важнейшие базы Англии и США на Ближнем и Среднем Востоке, в Средиземном море и в Атлантическом океане, а также ликвидировать в этих районах наземные, морские и воздушные силы и торговый флот противника.

В случае если Англия и США начнут сосредоточивать свои главные силы в Тихом океане, Германия и Италия соглашались послать часть своих военно-морских сил в Тихий океан, чтобы они действовали там вместе с японским флотом.

Соглашение предусматривало широкое сотрудничество в области ведения экономической войны, обмен информацией военного, экономического и технического характера. Предусматривалось налаживание воздушных и морских линий связи через Индийский океан[1].

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного Военного трибунала для Дальнего Востока от 27 сентября 1946 г.

Поскольку в войне каждая из воюющих держав стремилась не только расширить сферу военных действий, но и обеспечить своей стране наиболее выгодные политические позиции, перед японской дипломатией и пропагандой стояла задача привлечь как можно большее количество населения в колониальных странах на сторону Японии. Японские захватчики заявляли, что они якобы стремятся к «освобождению азиатов» от ига европейских колонизаторов. Бирманскому, филиппинскому и другим народам японские власти обещали предоставление независимости, а индонезийцам на первом этапе — автономию острова Ява. Несомненно, объявленное японскими правящими кругами создание «сферы сопроцветания великой Восточной Азии» предполагало предоставление колониальным странам мнимой независимости по типу Маньчжоу-Го. Но демагогические лозунги находили отклик среди определенных групп местного населения, надеявшихся получить независимость из рук Японии. Японским милитаристам удалось даже создать воинские формирования в ряде оккупированных ими английских и голландских колоний[1].

В дальнейшем население колоний начало понимать истинный характер японской оккупации и колонизаторской политики Японии, попиравшей национальные права народов. На первых порах это привело к разочарованию и недоверию, а затем и к возрастающему недовольству, выразившемуся в сопротивлении японскому господству. Уже в 1942 г. стало возникать массовое национально-освободительное движение в Индокитае, Малайе, Голландской Индии и других странах Юго-Восточной Азии. Вдохновляющим примером для народов этих стран служили героические подвиги советских людей в борьбе с фашизмом.

В феврале — марте 1942 г. Координационный совет действий ставки и правительства обсуждал перспективы войны и международную обстановку, сложившуюся в результате трех месяцев войны. Министр иностранных дел Того при поддержке министра-хранителя печати Кидо, а также некоторые старейшие политические деятели высказывали определенные опасения относительно дальнейших перспектив войны. Они указывали, что Япония испытывает недостаток сырья и других экономических ресурсов. В связи с этим предлагалось ограничиться тем, что уже захвачено Японией, и начать поиски выгодного мира. Однако под нажимом Тодзио и военных лидеров, находившихся под впечатлением первых военных успехов Японии, был утвержден курс на ведение затяжной войны[2].

---

[1] См. *В. Я. Аварин.* Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М., 1947, стр. 363.

[2] «Сюсен сироку», стр. 1.

Определяя свой политический курс, японские руководители исходили из того, что «США и Англия последовательно пытаются подчинить Японию своему контролю». «Поэтому,— говорилось в решении Координационного совета,— не следует ожидать, что удастся закончить войну компромиссом»[1]. Анализируя сложившуюся международную обстановку, Координационный совет пришел к выводу, что Англия и США планируют прежде всего разгромить Германию. Основываясь на этом, Япония рассчитывала, «используя успехи начала войны, добиться окончательной победы в результате затяжной войны»[2].

Координационный совет сформулировал основные направления внешнеполитической деятельности. Главное из них предусматривало дальнейшее расширение сотрудничества с Германией и Италией.

Важное место в дискуссиях в Координационном совете занял вопрос об отношении к СССР. Было принято решение пока «не участвовать в войне против СССР». Перед японской дипломатией ставилась задача «вбить клин в отношения между Советским Союзом и Англией и США».

Что касается Китая, то было решено продолжать «изыскание возможности для подчинения Чунцина»[3]. Того настаивал на дополнении этого решения формулой, предусматривавшей «изыскание возможностей к заключению мира»[4]. Однако его предложения не были приняты как «несвоевременные».

7 марта 1942 г. совместное заседание императорской ставки и правительства высказалось также за расширение достигнутых завоеваний, приняло решение усиливать военно-экономический потенциал и готовиться к ведению затяжной войны[5].

В результате на повестку дня был поставлен вопрос о завоевании и подчинении Японией стратегических опорных пунктов за пределами оккупированной территории.

Главной задачей войны на Тихом океане были провозглашены не только захват района Южных морей и оборона Японии, но и захват и оборона «сферы совместного процветания великой Восточной Азии», в которую японские империалисты включали Китай, Бирму, Индию, Голландскую Индию, Австралию, а также советский Дальний Восток и Сибирь. В связи с этим командование японского флота стало настаивать на развертывании операций с целью захвата Австралии и Гавайских островов. Но армейские лидеры выступили против этого предложения: они

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 1.
[2] Там же, стр. 2.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] См. *С. Хаяси*. Японская армия в военных действиях на Тихом океане, М., 1964, стр. 60.

заявили, что необходимо держать войска наготове для нападения на СССР, и настаивали на укреплении обороны захваченных территорий. В качестве компромисса 28 апреля 1942 г. в Токио приняли решение начать операции с целью нарушения коммуникаций между США и Австралией [1].

В мае 1942 г. японцы предприняли неудачную попытку захватить Порт-Морсби (Новая Гвинея). Сильная японская эскадра, направленная в Коралловое море, столкнулась с американским флотом. Хотя силы японцев превосходили силы противника, японское командование ошибочно расценило исход боя, не давшего преимущества ни одной из сторон, и японцы отошли [2].

В июне 1942 г. Объединенный флот под командованием адмирала Ямамото предпринял крупную операцию по захвату острова Мидуэй. Ямамото надеялся, что ослабленный после Перл-Харбора Тихоокеанский флот США, брошенный на оборону Мидуэя, попадет в ловушку и будет окончательно разгромлен. Но американской разведке удалось расшифровать японские сообщения и узнать заранее о готовившемся наступлении. Адмирал Нимиц подтянул к Мидуэю все три имевшихся у США на Тихом океане авианосца. В сражении, развернувшемся 4—6 июня 1942 г., японцы понесли серьезные потери; были потоплены 4 лучших японских авианосца [3], погиб летный состав морской авиации.

В августе 1942 г. американцы провели первую десантную операцию на острове Гуадалканал.

Поражение у острова Мидуэй и первые десантные операции американцев способствовали появлению среди японских правительственных и военных чиновников настроений в пользу передачи поста военного министра, который принадлежал премьер-министру Тодзио, другому лицу. Сторонником таких взглядов был, в частности, министр иностранных дел Того. Однако этим взглядам не суждено было восторжествовать. Тодзио и военная верхушка не считали, что поражение у острова Мидуэй носит стратегический характер. Они расценивали это как случайную неудачу, не менявшую общей военно-политической обстановки.

Тодзио поспешил избавиться от строптивого министра. Использовав выступление Того против создания министерства по делам «великой Восточной Азии», премьер заставил его 1 сентября 1942 г. уйти в отставку. Министром иностранных дел был назначен Тани, личный друг Тодзио. Это означало, что японское правительство решило и в дальнейшем осуществлять принятый ранее курс на затяжную войну.

[1] *S. Griffits.* The Battle for Guadalcanal. New York, 1963, p. 65.

[2] См. *Ф. С. Шерман.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., 1956, стр. 68—69.

[3] См. *М. Футида, М. Окумия.* Сражение у атолла Мидуэй. М., 1958, стр. 215.

Политика США и Англии на Тихом океане

Тяжелая обстановка, создавшаяся на Тихом океане для Англии и США после нападения Японии на Перл-Харбор и оккупации ею ряда территорий Юго-Восточной Азии и Океании, требовала от англо-американских союзников принятия мер по противодействию японской агрессии и согласования вопросов военной стратегии и политики как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

На Вашингтонской конференции 22 декабря 1941 г.— 14 января 1942 г. Рузвельт и Черчилль обсудили обстановку, сложившуюся к этому времени на фронтах войны. Как уже говорилось, они признали врагом номер один Германию [1]. Вместе с тем положение на тихоокеанском театре войны было оценено на конференции как «весьма мрачное». «Стремительность японского нападения,— говорил Черчилль,— превзошла все наши ожидания. Если Сингапур падет, за ним последуют голландские острова, возможно, Австралия». «Я знаю,— сказал Рузвельт,— Филиппины почти потеряны... Гуам и Уэйк утеряны. Если японцы будут продолжать давить, мы не сможем удержать Мидуэй...» «Картина весьма мрачная,— продолжал Черчилль...» [2].

В этих условиях Рузвельт и Черчилль попытались наметить планы действий союзников в войне против Японии. Но положение Англии и США на Тихом океане не было одинаковым. Там решалась в значительной степени судьба Британской колониальной империи, тогда как безопасность США не находилась под большой угрозой. По словам американского историка Гарольда Айзекса, США «защищали не то, что они имели в Азии», а «то, что они могли получить в будущем» [3]. Однако это «будущее» находилось пока в «сфере интересов» старых колониальных держав, которые стремились получить помощь от Вашингтона в защите своих владений, но не хотели допускать туда США. Американцы же не желали воевать за чужие интересы и стремились обеспечить себе место во владениях других стран, а там, где это не удавалось, занять пока важные стратегические рубежи, необходимые для обороны своей собственной страны. Это определяло различную стратегию США и Англии на тихоокеанском театре войны.

На первом же заседании Вашингтонской конференции был оглашен британский меморандум относительно стратегии союзников на Тихом океане. В нем содержались следующие положения: защита жизненных интересов и безопасности Австралии,

---

[1] См. стр. 256—258.
[2] *A. P. Hatch.* Franklin D. Roosevelt. An Informal Biography, p. 298.
[3] *H. Isaacs.* No Peace for Asia. New York, 1947, p. 227.

Новой Зеландии, Индии, а также оказание помощи Китаю в войне; первоочередность обороны Гавайев и Датч-Харбора, Сингапура, Филиппин и Бирмы [1]. Ссылаясь на отсутствие необходимых сил для войны против Японии, Англия пыталась возложить на США ответственность за оборону английских колоний и доминионов.

Американцы разгадали подлинные намерения англичан и в свою очередь стремились переложить наибольшую тяжесть войны против Японии на Англию. Они предложили создать в дополнение к объединенному американо-английскому комитету начальников штабов объединенное австралийско-английско-голландско-американское командование в юго-западной части Тихого океана и на юго-востоке Азии во главе с английским генералом Уэйвеллом. 2 января такое объединенное командование было создано. Однако в сферу его действия вошли лишь Малайя, Бирма, Голландская Индия и Филиппины. Оборонять остальные территории в Океании должны были непосредственно США. Таким образом, Англия уклонялась от участия значительными силами в войне против Японии, ссылаясь на отсутствие у нее для этого вооруженных сил, а американцы также не намеревались проявлять активность в обороне английских колоний и заботились лишь об обеспечении своих стратегических целей.

Как показали дальнейшие события, созданное на конференции объединенное командование оказалось нежизнеспособным. Каждое государство осуществляло контроль над своими силами и использовало их в своих интересах [2]. Руководители США и Англии избрали выжидательную позицию в войне не только в Европе, но и на Тихом океане.

В то же время дипломатия США и Англии пыталась втянуть Советское правительство в войну против Японии. Государственный секретарь Хэлл после нападения японцев на Перл-Харбор пригласил к себе посла СССР в Вашингтоне М. М. Литвинова и прямо поставил вопрос о позиции Советского правительства в отношении войны на Тихом океане [3]. Советская сторона дала на это ясный ответ, который был затем обнародован М. М. Литвиновым на пресс-конференции: Советский Союз считает необходимым сосредоточить все силы и средства для борьбы с основным и самым сильным врагом — нацистской Германией [4].

---

[1] См. *М. Мэтлофф* и *Э. Снелл*. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг., стр. 142.

[2] См. *Г. Н. Севостьянов*. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Перл-Харбора до Каира. М., 1969, стр. 58.

[3] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1111—1112.

[4] См. «Известия», 16 декабря 1941 г.

Тем не менее накануне Вашингтонской конференции в послании И. В. Сталину от 16 декабря Рузвельт, указывая на необходимость «предпринять немедленно шаги с целью подготовки почвы для совместных действий не только в ближайшие недели, но также для окончательного поражения гитлеризма», предлагал в целях «подготовки более постоянного совместного планирования»: а) «созвать немедленно в Чунцине конференцию в составе китайского, советского, британского, голландского и американского представителей», которая бы дала «предварительное представление об общей проблеме под углом зрения Чунцина»; б) «собрать в Сингапуре военно-морскую конференцию» для составления доклада «под углом зрения операций в южной зоне»; в) провести совещание главы Советского правительства с американским, британским и китайским послами в Москве. Рузвельт просил осуществить эти меры и сообщить ему о результатах до 20 декабря [1].

Предложение Рузвельта относительно созыва совещаний в Чунцине и в Москве с участием советских представителей поставило Советское правительство перед необходимостью выяснить цели совещаний, о которых И. В. Сталин и спросил Рузвельта в послании от 17 декабря [2]. Американская дипломатия поняла нереальность своих намерений втянуть Советский Союз в войну на Дальнем Востоке. Переговоры в Москве не состоялись, а в Чунцине совещание прошло без участия СССР.

В соответствии со стратегической линией США и Англии в войне на Тихом океане их боевые действия на этом театре имели лишь оборонительную цель. Даже после победы союзных сил в сражениях за Порт-Морсби, а затем у острова Мидуэй они продолжали носить локальный характер. Позже, в докладе конгрессу 7 января 1943 г., президент Рузвельт, касаясь результатов боев за остров Мидуэй и остров Гуадалканал, признал, что они «были, по существу, оборонительными и являлись частью стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу» [3].

Такая стратегическая линия США и Англии в войне на Тихом океане, как уже показала Вашингтонская конференция, обусловливалась наличием серьезных противоречий между ними, которые находили свое выражение также при планировании и проведении конкретных военных акций союзников.

19 декабря 1941 г. по предложению Рузвельта в Чунцине состоялась конференция военных представителей США, Англии и Китая. Конференция была призвана найти пути к координи-

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 15—16.
[2] См. там же, стр. 16.
[3] "The War Messages of Franklin D. Roosevelt. November 7, 1942 to July 30, 1943". New York, 1943, p. 29—30.

рованию усилий американо-английских и китайских вооруженных сил. С самого начала обнаружились, однако, серьезные разногласия между ее участниками. Японское наступление на Южную Бирму с территории Таиланда, который без сопротивления согласился допустить на свою территорию японские войска, поставило под угрозу единственную линию, связывавшую Китай с внешним миром,— китайско-бирманскую дорогу.

Под нажимом американцев Китай внес предложение направить в Бирму, в помощь находившимся там двум английским дивизиям, 11 китайских дивизий. Правительство США рассчитывало с помощью китайцев не только защитить эту линию коммуникаций, но и прочно закрепиться в Бирме. В свою очередь чунцинское правительство было заинтересовано в сохранении китайско-бирманской дороги для получения оружия, боеприпасов и снаряжения для своей армии из США. Английская дипломатия немедленно уловила истинный характер «благородного» предложения гоминьдановцев. Английский главнокомандующий в Юго-Восточной Азии Уэйвелл отклонил китайское предложение[1]. В Лондоне опасались союзников не менее, чем противников.

Отказавшись от помощи Китая, правительство Англии не пожелало направить в Бирму и своих подкреплений. Оно держало крупные воинские соединения в Индии, задача которых заключалась не столько в обороне Индии, сколько в сдерживании национально-освободительного движения индийского народа.

Используя затруднения Англии и противоречия между Англией и США, японцы усилили нажим в Южной Бирме и в марте 1942 г. подошли к границам Индии, перерезав китайско-бирманскую дорогу. В мае 1942 г. японские войска оккупировали Бирму.

Англо-американские противоречия на Тихом океане сказывались и на их внешнеполитических акциях, связанных с необходимостью привлечения колониальных народов на свою сторону. Как уже говорилось, японская пропаганда, пользуясь антиимпериалистическими настроениями населения колоний, призывала его к освобождению от западного империализма с помощью японцев, осуществлявших якобы «великую историческую миссию» создания «сферы совместного процветания великой Восточной Азии». Между тем США и Англия не могли принять эффективных мер для того, чтобы противодействовать этой пропаганде. Правда, еще до нападения Японии на США в Атлантической хартии от 14 августа 1941 г. было зафиксировано «право

[1] *Ф. Элдридж.* Гнев в Бирме. Нецензурованные записи о генерале Стилуэлле и международных интригах на Дальнем Востоке. М., 1947, стр. 31—32.

всех народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить»[1]. Тем не менее, опасаясь за судьбу Британской империи, Черчилль опубликовал 9 сентября 1941 г. декларацию, исключавшую «Индию, Бирму и другие части Британской империи» из сферы действия Атлантической хартии. «На Атлантическом совещании,— разъяснял Черчилль,— имелось в виду главным образом восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни стран и народов Европы, находящихся сейчас под нацистским игом»[2]. Заявления такого рода лишь помогали японской дипломатии и пропаганде обманывать народы колоний, провозглашая лозунги «антиколониализма». Президент Рузвельт вынужден был как-то поправить Черчилля. В выступлении по радио 22 февраля 1942 г. он, заявляя о стремлении США содействовать достижению независимости народов стран Тихого океана, сказал: «Атлантическая хартия распространяется не только на страны, граничащие с Атлантикой, но и на весь мир»[3]. Но и Рузвельт не назвал конкретные страны, которые получат независимость в послевоенном мире. В этом проявилась классовая солидарность правительств США и Англии. Такие декларации, естественно, не могли воодушевить народы колоний в борьбе с японскими оккупантами.

Истинный смысл американских деклараций раскрывали откровенные заявления представителей правящих и деловых кругов, а также печати США по колониальному вопросу. Открыто выступая с критикой английской колониальной системы, они требовали предоставления США равных с Англией прав на эксплуатацию ее колоний. В июле 1942 г. была опубликована докладная записка Джеймса Даунея, одного из руководителей «Дженерал моторс», в которой он писал: «Раз мы участвуем в обороне Британской империи, мы должны иметь равные права в развитии ресурсов на ее территории. Англия нуждается ныне в сильном партнере, который помогал бы ей руководить миром. Эту роль в грядущие годы будут выполнять Соединенные Штаты»[4]. Подобные притязания США все больше тревожили английские власти, не без основания опасавшиеся, что американский империализм, воспользовавшись войной, полностью вытеснит Англию из Индии, Бирмы, Гонконга и других колоний.

Дипломатия США уже тогда довольно искусно использовала зависимость Англии от США в поставках по ленд-лизу и теснила своего союзника на мировых рынках. 29 декабря 1941 г.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 148.

[2] „The Times", 10.IX.1941.

[3] The New York Times", 23.II.1942.

[4] См. *В. Я. Аварин.* Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952, стр. 306.

К. Хэлл сообщил британскому послу в Вашингтоне Галифаксу, что эти поставки Англии будут рассматриваться в совокупности с проблемой имперских преференций, что означало требование устранить в странах Британской империи созданные английским правительством тарифные барьеры. Несмотря на попытку Черчилля и Галифакса сопротивляться этому требованию американского правительства, последнее добилось своей цели. 23 февраля 1942 г. в Вашингтоне было подписано американо-английское соглашение, по которому Англия обязалась сократить таможенные тарифы и устранить другие ограничения для поставок товаров США в страны Британской империи[1]. В результате американцам удалось расширить проникновение на рынки этих стран.

Американо-английская выжидательная «стратегия» в начале войны на Тихом океане, поражение союзников в Юго-Восточной Азии в сочетании с их неудачами в Ливии в 1942 г. могли иметь далеко идущие последствия. Некоторые американские и английские руководители в те недели не без основания опасались, как бы немцы не прорвались на Средний Восток, а японцы не продвинулись через Индию и таким образом не соединили бы свои вооруженные силы и ресурсы. Оценивая стратегическую обстановку того времени, Черчилль писал Рузвельту 5 марта 1942 г.: «Сейчас весь фронт — от Леванта до Каспия—всецело зависит от успеха русских армий»[2].

Значение стратегического соединения сил европейских держав «оси» и Японии где-то в районе Ближнего Востока понимали и агрессоры. Командование японского флота после серии побед над вооруженными силами США и Англии разработало следующий план: перенести центр военных действий на Запад, захватить Цейлон и пробиваться к Ближнему Востоку. План этот был рассмотрен на императорской конференции в середине марта 1942 г. Этот план был отложен лишь потому, что командование японской сухопутной армии отказалось предоставить необходимые для его реализации войска, мотивируя это тем, что армия «должна быть в полной готовности на случай вступления Японии в войну с Советской Россией и поэтому не может направить свои силы в Юго-Восточную Азию»[3]. Японские стратеги внимательно следили за развитием военной обстановки в Европе, с тем чтобы начать активные действия, соответствующие ходу событий на советско-германском фронте. Планы агрессоров как на Западе, так и на Востоке были сорваны Вооруженными Силами СССР на советско-германском фронте.

---

[1] См. *Г. Н. Севостьянов.* Дипломатическая история войны на Тихом океане, стр. 63.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 191.

[3] *М. Футида, М. Окумия.* Сражение у атолла Мидуэй, стр. 82.

Дипломатия Чан Кай-ши после объявления Китаем войны Японии и Германии

Начало войны на Тихом океане китайское правительство Чан Кай-ши восприняло как благоприятное для него событие. Несмотря на формальное объявление Китаем войны Японии и Германии (9 декабря 1941 г.), Чан Кай-ши надеялся, что гоминьдановским армиям теперь не придется воевать с Японией, поскольку центром военных действий стали районы Южных морей, где основная тяжесть войны должна была лечь на плечи США и Англии. Гоминьдановцы также рассчитывали на вовлечение Советского Союза в войну против Японии. 8 декабря Чан Кай-ши вручил советскому послу в Китае декларацию, адресованную правительству СССР. В ней заявлялось о готовности китайского правительства вступить в войну против держав «оси», а также выражалась надежда на вступление Советского Союза в войну против Японии[1]. СССР согласно советско-китайскому договору 1937 г. осуществлял военные поставки армиям Чан Кай-ши. Советские летчики-добровольцы вплоть до начала Великой Отечественной войны сражались в Китае против японской авиации. Все это содействовало усилению сопротивления Китая японской агрессии. Однако правительство СССР не могло позволить втянуть страну в войну с Японией, поскольку это вынудило бы Советский Союз воевать на два фронта. 12 декабря 1941 г. Советское правительство официально отклонило предложение китайского правительства о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке[2]. Между тем гоминьдановцы стремились спровоцировать нападение Японии на Советский Союз. 30 декабря 1941 г. вице-министр иностранных дел Китая Фу Бин-чан заявил, что китайское правительство, «заинтересованное» в советско-японской войне, глубоко верит в ее неизбежность. С аналогичными заявлениями выступали на пресс-конференциях иностранных корреспондентов в Чунцине 10 декабря 1941 г. представитель гоминьдановского правительства Лян Хань-цао, а 20 декабря 1941 г.— Ван Ши-цзе[3].

Успехи японских вооруженных сил на рубеже 1941—1942 гг. вызвали растерянность у гоминьдановских руководителей. Им стало казаться, что они поторопились с объявлением войны Японии и Германии. Чан Кай-ши уволил в отставку министра иностранных дел Го Тай-ци, который от имени правительства объявил войну державам фашистской коалиции. На его место

---

[1] "Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. 1941", vol. IV. Washington, 1956, p. 736.

[2] АВП СССР. Сообщение посла СССР в Чунцине А. С. Панюшкина в НКИД СССР 12 декабря 1941 г.

[3] См. *М. С. Капица*. Советско-китайские отношения, стр. 308.

был назначен Сун Цзы-вень, представитель клана «четырех семейств», фактически контролировавших вместе с иностранными монополиями всю экономику страны. Поскольку Сун Цзы-вень с осени 1941 г. находился в США, то всеми делами в министерстве иностранных дел вершил Ван Чун-хой, сторонник прекращения войны против Японии.

Гоминьдановцы придерживались своего варианта «дешевой войны». Они стремились сберечь вооружение для борьбы против компартии и демократических сил внутри страны. Когда же положение союзников ухудшилось, в Чунцине возникли планы заключить сепаратный мир с Японией. В январе 1942 г. один из видных гоминьдановских руководителей, выступая перед американскими журналистами, откровенно заявил: «Жертвы, понесенные Китаем в войне с Японией, настолько серьезны, что Китай, если ему не будет оказана немедленная помощь, начнет переговоры с Японией о сепаратном мире».

Стараясь скрыть свою подготовку к капитуляции перед Японией, гоминьдановцы прибегли к маневру. Они потребовали, чтобы Объединенные Нации считали своим главным врагом Японию и направили против нее основные усилия. Как заявил в мае 1942 г. представитель гоминьдановского правительства в Чунцине, Китай не может допустить, чтобы страны антифашистской коалиции считали тихоокеанский фронт второстепенным участком мировой войны. Гоминьдановцы начали пропагандировать лозунг: «Сначала Азия, потом Европа».

Гоминьдановцы понимали, что их требование нереально и что англо-американские союзники не планировали широких операций против Японии. На это и рассчитывали в Чунцине, давая понять, что-де у них, гоминьдановцев, нет другой перспективы, кроме сепаратного мира. «Если США и Англия намерены предоставить Японии свободу действий на Дальнем Востоке, пока они не покончат с Гитлером,— заявил гоминьдановский деятель Сунь Кэ,— то у нас существуют большие сомнения, будет ли для Китая разумно продолжать борьбу...»[1] Гоминьдановцев поддержали организации китайской буржуазии Нью-Йорка, которые потребовали от Рузвельта перенести центр военных операций на Тихий океан. В противном случае они угрожали переходом Китая на сторону Японии. Вскоре в эту кампанию включился военный министр чунцинского правительства Хэ Ин-цинь и жена Чан Кай-ши—Сун Мей-лин.

В то же время чанкайшисты от разговоров перешли к практическим действиям. По указанию Чан Кай-ши в марте 1942 г. губернатор Гуанси Хуан Сю-чу начал предварительные пере-

---

[1] "Amerasia. A Review of America and the Far East. February, 1942", vol. 5, N 12, p. 558.

говоры с японским разведчиком Курода. В апреле 1942 г. командующий гоминьдановскими войсками в Шаньдуне генерал Сунь Лянь-чэн перешел на сторону врага, а генерал Гу Чжутун без боя начал отступление на центральном фронте, демонстрируя таким образом готовность гоминьдановцев к прекращению войны с Японией.

Одновременно представители Чунцина установили связь с германской разведкой в Берне и через ее агента Джанка предложили Германии выступить «авторитетным посредником» в переговорах между Китаем и Японией по вопросу заключения мира [1]. В Берлине согласились на такое посредничество. Предложения Чунцина были переданы в Токио, но там не спешили с ответом. В это время японские силы вели широкое наступление в Китае и рассчитывали на решение «китайской проблемы» военными методами. Лишь в июне японцы обратились в Берлин, да и то лишь за новыми «разъяснениями» по поводу китайских предложений. Гоминьдановская дипломатия в свою очередь также стремилась затянуть переговоры, надеясь использовать тайную связь с Берлином, когда появятся более благоприятные возможности примирения с Японией.

Угроза Китая заключить сепаратный мир с Японией оказала определенное воздействие на правящие круги США, опасавшиеся усиления своего империалистического соперника. Не хотели они и ликвидации власти гоминьдановцев. В правящих кругах США в то время преобладала идея о целесообразности использования китайской территории как базы для войны против Японии. Сторонники этой идеи надеялись также воспользоваться трудным положением английского империализма и захватить его позиции в Китае, а также в Индии, Бирме и других владениях Великобритании. Своих целей американские экспансионисты рассчитывали достичь, развертывая активные военные операции в Китае и создав значительные китайские вооруженные силы, которые могли бы использовать в своих интересах. В 1941—1942 гг. США предоставили Китаю три займа на общую сумму 600 млн. долл. Одновременно были увеличены поставки вооружения по ленд-лизу [2].

В начале 1942 г. правительство Рузвельта направило в Китай генерала Стилуэлла [3], сторонника активизации китайского фронта и использования китайских войск для борьбы с Японией, в прошлом американского военного атташе в Китае. Стремясь укрепить авторитет Чан Кай-ши и усилить его заинтере-

---

[1] *W. Schellenberg.* The Labyrinth. New York, 1956, p. 252—260.

[2] См. «Новейшая история Китая. 1917—1970». М., 1972, стр. 197.

[3] До направления в Китай генерал-лейтенант Стилуэлл занимал пост начальника интендантской службы США.

сованность в победе, англо-американские союзники назначили Чан Кай-ши союзным главнокомандующим китайским театром военных действий. Стилуэлл в марте 1942 г. занял посты начальника личного штаба Чан Кай-ши и заместителя главнокомандующего союзными войсками в Бирме и Китае. На него возлагалась и политическая миссия укрепления позиций США на Дальнем Востоке. Рузвельт вынашивал план создания трехстороннего органа управления Китаем из представителей Китая, Англии и США. Президент дал указание Стилуэллу в случае падения Чан Кай-ши «поискать какого-либо другого человека, или группу лиц, с тем чтобы продолжать дело...»[1].

В 1942—1943 гг. главная задача американской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить капитуляции Китая, его выхода из войны или перехода на сторону Японии. Этой задаче и подчинялась деятельность Стилуэлла и американского посла в Чунцине Гаусса.

Для проведения глубокого зондажа настроений гоминьдановского руководства в конце сентября 1942 г. в Чунцин прибыл с визитом лидер республиканцев Уэндел Уилки. В своих выступлениях Уилки говорил об отмене Соединенными Штатами неравноправных договоров с Китаем, уничтожении «сфер влияния», обещал широкую помощь. Но медоточивые речи американского представителя не изменили линии гоминьдановцев на заключение сепаратного мира с Японией.

В сентябре 1942 г. чунцинское правительство отозвало из США своего посла американофила Ху Ши и назначило на этот пост У Дао-миня, в прошлом китайского представителя в Виши.

На гоминьдановском фронте по-прежнему не велось серьезных операций против японских войск. По оценке Стилуэлла, военные усилия Чан Кай-ши начиная с 1938 г. «практически равнялись нулю»[2]. В сложившихся условиях особое значение могла бы иметь сплоченность китайского народа, единство антияпонского фронта, создание которого было предусмотрено соглашением между Компартией Китая и гоминьданом в 1937 г. Но между ними продолжалась борьба. 28 полноценных дивизий гоминьдановцев были отвлечены от действий против японцев и блокировали Особый район[3]. В то же время часть 8-й народной армии вместо активных военных действий против японских интервентов ограничивалась вялыми оборонительными боями местного значения. Вследствие такой политики гоминь-

---

[1] *Дж. Стилуэлл.* Военные дневники и письма.— «Знамя», 1948, № 9, стр. 140.

[2] Там же, стр. 151.

[3] См. *П. П. Владимиров.* Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973, стр. 26.

дановского правительства, а также установок руководства Компартии Китая в лице Мао Цзэ-дуна на отказ от маневренных операций сравнительно крупного масштаба с целью «повсеместно экономить людские силы»[1] в конце 1941 — начале 1942 г. значительно ухудшилось стратегическое положение Китая, особенно освобожденных районов. К лету 1942 г. территория освобожденных районов значительно сократилась, уменьшились численность партизанских отрядов, количество бойцов в войсках КПК. Только перелом в ходе второй мировой войны после победы Советских Вооруженных Сил на советско-германском фронте, повлекший за собой ослабление японских военных действий в Китае, позволил освобожденным районам Китая вступить в новую фазу развития.

Индия, Австралия и Новая Зеландия в системе международных отношений 1941—1942 гг.

В условиях, когда большинство стран Юго-Восточной Азии было оккупировано Японией, для англо-американских союзников, в том числе их дипломатии, первоочередной задачей являлось использование людских и материальных ресурсов Индии, одной из крупнейших стран Южной Азии, не ставшей театром военных действий (продвижение японских частей было остановлено на подступах к реке Иравади).

Британское владычество в этой стране сковывало силы индийского народа, национально-освободительное движение жестоко подавлялось. Индийцы, призванные в армию, не были уверены в справедливости целей войны, поскольку свобода Индии, к которой они стремились, не была прокламирована в официальных заявлениях союзников. Любые намеки на предоставление независимости Индии и другим колониальным владениям Англии встречались в штыки официальными властями Великобритании. Эту точку зрения англичан не поколебали даже советы американцев о предоставлении Индии известной «автономии». Естественно, что подобные советы со стороны США вызывались не только желанием помочь Англии лучше приспособиться к обстановке подъема освободительной борьбы в Индии с целью сохранения там английского господства. Американская дипломатия учитывала и корыстные интересы монополий США в этой стране. 27 декабря 1941 г. президент Рузвельт в меморандуме на имя государственного секретаря Хэлла указал на желательность присутствия Индии в списке государств, подписывающих Декларацию Объединенных Наций, рядом с основными государствами, ведущими войну[2]. Однако при обсуждении этого

---

[1] Цит. по кн.: «Новейшая история Китая», стр. 199.

[2] "Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. 1942", vol. I. Washington, 1960, p. 13.

вопроса помощником государственного секретаря и послом Англии Галифаксом последний отрицал возможность включения Индии в такой список. Позже, 30 декабря 1941 г., Галифакс сообщил о согласии Англии с американским предложением, но обусловил это согласие рядом оговорок, в силу которых Индия не могла бы считаться самостоятельным государством на международных переговорах [1]. Индия заняла место в ряду правительств, провозгласивших Декларацию, вслед за Англией и ее четырьмя доминионами — Австралией, Канадой, Новой Зеландией и Южно-Африканским Союзом.

Продвижение Японии в глубь Азии серьезно ослабило позиции Англии в Индии. Создалась непосредственная военная опасность для полуострова Индостан. Одновременно резко активизировалось антианглийское национально-освободительное движение в Индии. В этих условиях правительство Англии продолжало проводить колониальную политику. Оно решило, что «в Индии необходимо будет иметь дополнительное количество английских войск... для обеспечения внутренней безопасности на случай восстания». Тогда же, в марте 1942 г., в Индию прибыла делегация во главе с членом военного кабинета Великобритании С. Криппсом, слывшим левым деятелем, для переговоров о предоставлении стране прав доминиона. Криппс имел встречи с лидерами ведущей политической партии страны — Индийского национального конгресса, которым представил лишь проект декларации о предоставлении Англией Индии прав доминиона после войны. Руководство партии отвергло этот проект, так как он не удовлетворял основного требования индийского народа о создании национального правительства. Один из тогдашних лидеров Индийского национального конгресса Джавахарлал Неру дал следующую выразительную оценку английскому предложению: «Существующая структура управления останется такой, какой она была прежде, сохранится деспотическая власть вице-короля, а некоторые из нас смогут стать одетыми в ливреи членами его свиты в походе и присматривать за маркитантскими лавками и тому подобным» [2].

Даже в крайне трудной и опасной для Великобритании ситуации 1942 г. правительство Черчилля не изъявило готовности идти на уступки индийскому народу. Миссия Криппса была лишь маневром.

Не желая предоставить индийскому народу возможность самому решать свою судьбу и подавляя национально-освободительное движение в этой стране, английское правительство ши-

---

[1] "Foreign Relations... 1942", vol. I, p. 23, 24.

[2] Цит. по кн.: *Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи.* История Индии. М., 1954, стр. 413.

роко использовало экономический потенциал и людские резервы Индии. Оно призвало на службу в английские войска и во флот около 2 млн. индийцев [1]. Индия содержала английские и американские войска (около 500 тыс. человек), размещенные на ее территории. Путем «стерлинговых авуаров» британские власти вынудили Индию предоставить им товаров и услуг на огромную сумму — свыше 1300 млн. ф. ст.

В то же время дипломатия США стремилась усилить свое политическое и экономическое влияние в Индии, чему способствовало ослабление Англии в войне, а также пребывание американских войск на индийской территории. Для проникновения в Индию США широко использовали поставки по ленд-лизу.

В апреле 1942 г. в Индии находилась американская миссия Грейди с официальной целью «помочь военным усилиям Индии», а в действительности для выяснения возможностей дальнейшей эксплуатации Соединенными Штатами ресурсов этой страны. Миссия ознакомилась с экономическим положением и состоянием отдельных отраслей индийской промышленности. В отчете миссии рекомендовалось увеличить ввоз в Индию оборудования американского производства для предприятий текстильной и кожевенной промышленности [2].

Во время войны был создан ряд объединенных англо-американских комиссий, в том числе по судоходству и производству стали, заключены контракты, относящиеся к промышленному производству. К концу войны США достигли уровня Англии во внешней торговле Индии. Но британский монополистический капитал по-прежнему сохранял сильные позиции в индийской экономике и тесные связи с национальным крупным капиталом. Англо-американское соперничество не выходило за рамки союза монополистических кругов США и Англии, направленного на борьбу против их главных конкурентов — Германии и Японии.

Доминионы Британской империи—Австралия (Австралийский Союз) и Новая Зеландия 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, а в декабре 1941 г.— Японии. Как и в первую мировую войну, новозеландское правительство направило в Египет две дивизии, вошедшие в состав 8-й английской армии, которые приняли активное участие в боевых действиях против итальянских войск в 1940—1942 гг. Австралийское правитель-

---

[1] "What the British Empire has Done. Facts and Figures on the Empire at War". London, 1944, p. 31.

[2] См. *М. Александров.* Миссия Грейди — шаг на пути проникновения американского капитала в Индию. «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР» № 75. М., 1964, стр. 71—75.

ство, направившее в первую мировую войну в распоряжение британского командования 40-тысячную армию, во время второй мировой войны считало своей основной задачей оборону собственной территории в связи с японскими захватами многих стран Юго-Восточной Азии. 19 сентября 1939 г. военный министр Австралии Дж. О. Стрит заявил в парламенте: «Я подчеркиваю, что самооборона является для Австралии основным делом... Правительство Соединенного Королевства... само признало, что в настоящее время самооборона будет наилучшим вкладом Австралии»[1]. Тем не менее в начале 1941 г. в Сингапур прибыли австралийские войска в целях усиления его обороны. Представители австралийского и новозеландского генеральных штабов обсуждали вопросы, связанные с обороной английских владений в бассейне Тихого океана.

После нападения японцев на Перл-Харбор австралийское правительство, встревоженное ухудшением военного положения Великобритании на тихоокеанском военном театре, встало на путь укрепления союза с США, с которыми установило прямые дипломатические отношения еще в 1940 г. В конце декабря 1941 г. глава австралийского правительства Джон Кэртен в новогодней речи заявил: «...Австралия не должна погибнуть, и мы должны мобилизовать всю свою энергию на осуществление военных планов совместно с США...»[2] Австралия стала местом сосредоточения американских командных центров юго-западного района Тихого океана и базой союзников для военных операций против Японии. В распоряжение главнокомандующего союзными вооруженными силами в этом районе генерала Д. Макартура были приданы и австралийские воинские части. Австралийцы принимали участие в военных действиях против японцев на Новой Гвинее и на островах Тимор и Амбон.

В результате переговоров между Макартуром и австралийским правительством было заключено соглашение об организации «Союзного совета снабжения», имевшего задачей координацию усилий по снабжению Объединенных Наций в районе юго-западной части Тихого океана и осуществление экономической политики этого района в соответствии с нуждами войны. В совет входили только представители США и Австралии. Англичане в него допущены не были.

Австралийское правительство создало крупную армию и наладило широкое производство танков, самолетов, авиамоторов,

---

[1] «Хрестоматия по новейшей истории», т. II. М., 1960, стр. 282.

[2] Цит. по кн.: *В. Б. Воронцов.* Тихоокеанская политика США. 1941—1950. М., 1967, стр. 61.

артиллерийских орудий, пулеметов, боеприпасов и др. Экономика страны была перестроена на военный лад.

Новозеландская экономика также была несколько реорганизована с учетом военных нужд. Однако военно-промышленное строительство в стране осуществлялось в незначительных масштабах.

США использовали благоприятные возможности военной обстановки для проникновения в Австралию и заняли в ее экономике серьезные позиции. Большую роль в этом играли американские поставки по ленд-лизу для Австралии. Однако австралийцев не допускали к участию в союзных комитетах по экономическим вопросам при Объединенном комитете начальников штабов. Австралийскому правительству приходилось мириться с этим, учитывая японскую опасность с севера, которая была устранена лишь с поражением фашистов на Волге, заставившим Японию прекратить дальнейшее наступление на юг. Оценивая обстановку того времени, исполняющий обязанности премьер-министра Австралии Дж. Чифли в послании главе Советского правительства И. В. Сталину от 13 мая 1945 г. писал: «Австралия будет всегда помнить с искренним восхищением и благодарностью доблесть Ваших славных армий, особенно в те критические дни, когда само существование нашей Нации было в опасности»[1].

Подготовка Японии к агрессии против СССР

Развертывая военные операции на юге, Япония продолжала готовиться к нападению на Советский Союз.

Японский генеральный штаб и штаб Квантунской армии разработали план подготовки войны, известный как план «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»). Согласно этому плану численность Квантунской армии к январю 1942 г. достигла 700 тыс. человек[2]. Были усилены японские части, дислоцировавшиеся в Маньчжурии и Северном Китае, а также сформирована новая группа войск в Корее[3].

Оперативный план, являвшийся составной частью плана «Кантокуэн», исходил из того, что «Советский Союз отведет свои войска с Дальнего Востока на западный фронт», после чего захват советских дальневосточных районов не вызовет особых затруднений.

В японском генеральном штабе, штабе Квантунской армии, в специально созданных комитетах, а также в комитетах полу-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 528.

[2] См. «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X, стр. 716.

[3] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 11 октября 1946 г.

официальных обществ (например, «Кокусаку кенкью кай» — «Общество по изучению национальной политики») разрабатывались планы административного управления территориями Советского Союза, которые предполагалось оккупировать, велась подготовка кадров руководящих работников из числа белоэмигрантов. По «Плану управления территориями великой Восточной Азии», подготовленному в декабре 1941 г. военным министерством и министерством колоний совместно с обществом «Кокусаку кенкью кай», предполагалось полностью уничтожить Советское государство, а территорию СССР разделить между Японией и Германией. О будущем разделе советской территории в плане говорилось следующее: «Этот вопрос будет разрешен японо-германским соглашением; в настоящее время его решать трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи, и районы, прилегающие к Маньчжурской империи, будут включены в ее сферу влияния. Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Японии и Германии. При этом линия разграничения между ними будет проходить в Омске»[1].

В планах по управлению оккупированными областями, составленных «Институтом тотальной войны»[2], намечалось: «Все старые законы и указы должны считаться недействительными. Вместо них будут проводиться в жизнь простые, но сильные военные приказы... Местному населению в принципе не будет разрешаться участвовать в политической жизни... На эти территории будут посланы японские, корейские и маньчжурские колонисты, если в этом возникнет необходимость с точки зрения экономики и национальной обороны»[3]. Советских граждан, проживавших в северной части Сахалина, японцы собирались использовать на рудниках[4].

Вопреки своим обязательствам по пакту о нейтралитете 1941 г., японские власти чинили СССР серьезные затруднения в борьбе против Германии, препятствуя советскому судоходству на Дальнем Востоке. После нападения Германии на СССР японский министр иностранных дел Мацуока заверил германского посла в том, что «Соединенные Штаты не будут в состоянии переправлять военные поставки в Советский Союз через

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 9 октября 1946 г.

[2] Институт был учрежден указом императора от 30 сентября 1940 г. Разработка планов административной системы на территориях Восточной Азии, в которые предполагалось включить и советские дальневосточные районы, была поручена институту лично премьер-министром Тодзио.

[3] *М. Ю. Рагинский* и *С. Я. Розенблит*. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 252.

[4] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 9 октября 1946 г.

Тихий океан»[1]. Помехи, создаваемые японцами советскому судоходству, шли в трех направлениях: 1) закрытие для судоходства проливов, соединяющих открытые моря (это являлось нарушением общепризнанных норм о свободе морей, а также статьи 9 Портсмутского договора 1905 г. в отношении судоходства в проливе Лаперуза); 2) осмотр и задержание японскими вооруженными силами советских судов, что нарушало общепризнанные нормы международного права; 3) нападение на советские суда и их потопление.

23 августа 1941 г. новый министр иностранных дел Японии Тоёда, а затем посол в Москве Татекава сделали заявление Советскому правительству о том, что провоз советскими судами закупленных в США товаров вблизи японской территории «создает для Японии весьма деликатное и затруднительное положение», в связи с чем японское правительство просило Советское правительство «обратить серьезное внимание на это обстоятельство, в особенности на вопрос о путях и способах этих перевозок»[2].

Советское правительство решительно отклонило японское представление, квалифицировав его как «попытки воспрепятствовать осуществлению нормальных торговых отношений между Советским Союзом и США» и «как недружелюбный по отношению к СССР акт»[3].

Тогда японцы прибегли к силе. Советские суда подвергались обстрелу и бомбардировке, задерживались по пути следования через проливы и т. д. Японские власти закрыли для советских судов Сангарский пролив и вынудили их пользоваться другим — менее доступным и более опасным Корейским проливом.

31 декабря 1941 г. советский посол в Токио заявил японскому правительству протест по поводу обстрела, бомбардировки и потопления советских кораблей[4]. Однако подобные действия со стороны Японии продолжались.

С августа 1941 г. по 1944 г. включительно японскими вооруженными кораблями было задержано 178 советских торговых судов, в том числе три с применением оружия[5]. В 1941—1945 гг. было захвачено и потоплено 18 советских судов.

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 17 октября 1946 г.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 139, 140.

[3] Там же, стр. 140.

[4] АВП СССР. Запись беседы советского посла в Японии с министром иностранных дел Японии 31 декабря 1941 г.

[5] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1948. Документы и материалы», ч. I. М., 1950, стр. 462.

На рубеже 1941—1942 гг., после поражения под Москвой, гитлеровская дипломатия решила сделать ряд уступок Японии в спорных вопросах, надеясь получить от нее военную поддержку в войне против СССР, что нашло выражение в германо-итало-японском соглашении от 18 января 1942 г.

В Берлине были заинтересованы в быстрейшем нападении Японии на СССР, хотя и понимали, что Япония оказывала существенную помощь Германии тем, что отвлекала силы США и Англии от европейского театра военных действий. Еще большее значение имел тот факт, что Япония вынуждала СССР держать на Дальнем Востоке до 40 дивизий. Германский министр иностранных дел Риббентроп 15 мая 1942 г. телеграфировал в Токио: «Без сомнения удобный случай захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятен, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте... С германской точки зрения внезапное и успешное нападение на Советскую Россию отразится очень благоприятно для держав «пакта трех» на дальнейшем ходе войны...» [1]

Летом 1942 г. Тодзио обсуждал вопросы координации военных операций с послом Германии Оттом и помощником германского военного атташе Петерсдорфом. Тодзио говорил, что Япония — «смертельный враг России», что Владивосток «является настоящей угрозой с фланга для Японии» и что в ходе советско-германской войны имеется удобная возможность устранить эту угрозу. «Он сказал,— сообщал Петерсдорф в Берлин,— что сделать это не трудно, для этого имеется прекрасная Квантунская армия, в которую включены лучшие войсковые части» [2].

К лету 1942 г. стало ясно, что война на советско-германском фронте приобрела затяжной характер. Тогда же Риббентроп, пригласив к себе 9 июля 1942 г. японского посла Осима, стал пространно доказывать ему выгодность обстановки для нанесения Японией удара по Советскому Союзу. Он ссылался при этом на мнение Гитлера, который «ввиду успешного осуществления военных действий в России и полученного там опыта... пришел к выводу, что настал благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией в том случае, если она считает себя достаточно сильной. Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 17 октября 1946 г.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 28 января 1948 г.

на обоих фронтах окажется необычайно тяжелым. Таким образом, конец войны будет предрешен...»[1].

30 июля 1942 г. Осима сообщил Риббентропу, что он передал своему правительству мнение Гитлера. В ответ из Токио сообщили: японское правительство, учитывая, что «выступление Японии против СССР приведет к чересчур большому распылению сил Японии, предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге и в Китае». Передавая Риббентропу японский ответ, Осима добавил, что лично он является сторонником немедленной войны с СССР и уже высказывал правительству свое мнение о необходимости «быстрейшей интервенции против России». Поэтому, заявил Осима, ответ, который он передал министру, не является окончательным, может быть, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны[2].

В 1942 г. генеральный штаб Японии разработал новый оперативный план войны против СССР, который уже не изменялся до весны 1944 г. Война должна была начаться внезапным вторжением на советскую территорию 30 пехотных дивизий, 2 танковых и 4 авиационных дивизий, сосредоточенных в Маньчжурии[3].

Учитывая враждебную политику Японии в отношении СССР, Ставка Верховного Главнокомандования в 1942 г. на случай японского нападения на СССР поставила задачи Дальневосточному и Забайкальскому фронтам. Дальневосточный фронт, в состав которого входили шесть армий, Тихоокеанский флот и Амурская военная флотилия, должен был не допустить прорыва японских войск на территорию СССР на благовещенском, приханкайском и приморском направлениях, а также на Северный Сахалин, Камчатку и советское дальневосточное побережье со стороны Японского и Охотского морей. Забайкальскому фронту в составе двух армий надлежало закрыть проходы через Большой Хинган на солуньском и хайларском направлениях[4].

Япония стремилась помешать Советскому государству укрепить оборону его дальневосточных рубежей. 12 июля 1941 г. СССР объявил опасными для плавания судов некоторые районы Японского моря и вод, омывающих Камчатку[5]. Эта мера вызы-

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 21 января 1948 г.

[2] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 22 января 1948 г.

[3] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3. М., 1961, стр. 574.

[4] См. там же.

[5] АВП СССР. Вербальная нота НКИД СССР в японское посольство в СССР от 12 июля 1941 г.

валась тем, что германские рейдеры, используя японские базы, появились в прилегающих к Японскому морю водах. Кроме того, в японских портах находилось более двух десятков германских, итальянских и финских пароходов, которые могли быть использованы в качестве рейдеров [1]. Меры Советского правительства отвечали общепринятым нормам международного права (в частности, VIII Гаагской конвенции). Однако японское правительство выступило против этих необходимых и вполне закономерных действий.

Пытаясь доказать, будто установление мин в советских прибрежных водах создало угрозу для японского судоходства в открытом море, японцы устраивали провокационные инсценировки с «вылавливанием» «советских» мин, якобы сорвавшихся с якоря и занесенных течением в открытое море. Японские газеты систематически публиковали провокационные сообщения о советских «дрейфующих» минах, убытках японских рыбопромышленников и т. д. [2]. Заканчивались эти сообщения угрозами в адрес Советского правительства.

В ноябре 1941 г. заместитель министра иностранных дел Японии Ниси устроил специальную пресс-конференцию, где обрушился с нападками на правительство СССР. Воспользовавшись аварией японского парохода «Кэхи мару» у берегов Кореи, Ниси 6 ноября заявил протест, потребовав от СССР «возмещения всех убытков и отмены опасных для мореплавания зон». Предложение советского посла детально расследовать обстоятельства дела японская сторона отклонила [3]. Японцы явно боялись, что объективное выяснение фактов покажет лживость их обвинений.

Участились факты нарушения японскими воинскими соединениями и самолетами советской государственной границы.

Не прекращались пограничные инциденты и на монгольской границе, несмотря на то что 15 августа 1941 г. были завершены работы по демаркации монголо-маньчжурской границы в районе озера Буйр-Нур и реки Халхин-Гол.

В 1942 г. Советское правительство направило Японии десять нот, в которых перечислялись случаи нарушения советской границы и захода японских военных судов в советские территориальные воды. Всего в 1942 г. было 96 нарушений советской

---

[1] По данным командования ВМФ СССР, в японских водах и портах на 25 ноября 1941 г. находилось 15 немецких, 9 итальянских и один финский пароход.

[2] Сообщение «Отару симбун», 17 декабря 1941 г.

[3] АВП СССР. Запись беседы советского посла в Японии с вице-министром иностранных дел Японии 6 ноября 1941 г.

границы. Правительство СССР настаивало на принятии мер, призванных положить конец нарушениям советской границы японскими вооруженными силами[1]. Постоянные конфликты создавали напряженное положение в пограничных районах.

Японские органы занялись военной подготовкой японских рыбаков, работавших на арендуемых у СССР рыболовных участках. Осенью 1942 г. НКИД СССР направил японскому посольству в Москве ноту, в которой указывалось: «...на арендуемых японскими рыбопромышленниками рыболовных участках, расположенных на дальневосточном побережье СССР, втайне от советских властей была организована военная подготовка японских подданных — рабочих и служащих консервных заводов и рыбопромыслов»[2]. Эти люди должны были принять участие в боевых действиях после нападения Японии на СССР.

Не решаясь начать войну против СССР, Япония пыталась использовать трудное положение Советского Союза и получить от него экономические выгоды, одновременно отказываясь от выполнения ранее взятых на себя обязательств. Так, 4 декабря 1941 г. Ниси поставил перед советским послом вопрос о продлении еще на 5 лет права нефтяной концессии на Северном Сахалине вести разведку. В 1936 г. такое право уже продлевалось и председатель концессионного общества Сакондзи заверял советскую сторону, что срок в 5 лет «имеет окончательный характер»[3]. Предложение японцев противоречило их обязательству от 6 апреля 1941 г. ликвидировать японские концессии на Северном Сахалине в течение 6 месяцев.

Японские дипломаты не нашли ничего лучшего, как аргументировать свой отказ от выполнения принятых на себя обязательств по ликвидации концессий ссылкой на войну между СССР и Германией. Ниси заявил советскому послу: «Я не говорю, что оно (т. е. соглашение.— *Ред.*) потеряло силу, а говорю, что осуществить его стало невозможным». Было ясно, что Япония стремится использовать трудное положение СССР для нажима на Советское правительство. Правительство СССР отказалось удовлетворить наглые притязания японских дельцов, потребовав прекращения всех разведочных работ на Северном Сахалине[4].

---

[1] АВП СССР. Памятные записки НКИД СССР японскому посольству в СССР 12 и 26 января, 11 марта, 16 апреля, 16 мая, 24 июня, 27 июля, 14 сентября, 21 октября и 16 декабря 1942 г.

[2] АВП СССР. Вербальная нота НКИД СССР японскому посольству в СССР от 21 сентября 1942 г.

[3] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии с вице-министром иностранных дел Японии 4 декабря 1941 г.

[4] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии с вице-министром иностранных дел Японии 12 декабря 1941 г.

В Японии печаталось много статей, издавалось большое количество книг, в которых доказывалась необходимость для Японии захватить Сибирь и советский Дальний Восток. При этом официальные лица в Токио продолжали утверждать, будто их политика в отношении СССР основывается на пакте о нейтралитете.

В нарушение своих обязательств, вытекавших из пакта о нейтралитете, Япония с первых же дней нападения Германии на СССР снабжала Берлин секретной информацией о хозяйственном, политическом и военном положении СССР, используя для этого свой военный и дипломатический аппарат. 10 июля 1941 г. Риббентроп счел необходимым поручить Отту поблагодарить «министра иностранных дел Японии за пересылку телеграммы от японского посла в Москве». Риббентроп просил передать, что «было бы желательно регулярно получать таким же путем еще больше сведений из России»[1]. Японцы снабжали Германию различного рода секретной информацией вплоть до начала битвы за Берлин[2].

Для маскировки агрессивных планов Японии ее дипломатия использовала многочисленные запросы в адрес Советского правительства о том, будет ли оно соблюдать пакт о нейтралитете. Причем это делалось в самые трудные для Советского государства дни, когда враг подошел к Москве и Ленинграду и было ясно, что СССР более, чем когда-либо, заинтересован в сохранении мира на Дальнем Востоке. Тем не менее 22 ноября 1941 г. японский министр иностранных дел Того потребовал от советского посла подтвердить намерение СССР соблюдать пакт о нейтралитете[3]. 1 декабря 1941 г. посол сообщил ответ Советского правительства. В нем говорилось о намерении соблюдать пакт на принципах взаимности[4].

В связи с началом войны против США и Англии японское правительство в декабре 1941 г.— январе 1942 г. стало выяснять, не предполагает ли правительство СССР предоставить советскую территорию под американские военные базы. В ответ правительство СССР заявило, что оно уважает заключенные соглашения и намерено строго соблюдать пакт о нейтралитете. Об этом было сказано послу Татекава 9 декабря 1941 г.[5] и затем

---

[1] См. *М. Ю. Рагинский* и *С. Я. Розенблит*. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 256.

[2] См. там же, стр. 257.

[3] АВП СССР. Запись беседы советского посла в Японии с министром иностранных дел Японии 22 ноября 1941 г.

[4] АВП СССР. Запись беседы советского посла в Японии с министром иностранных дел Японии 1 декабря 1941 г.

[5] АВП СССР. Из дневника заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского. Прием японского посла 9 декабря 1941 г.

подтверждено новому японскому послу— Сато в апреле 1942 г. [1].

После заключения советско-английского союзного договора от 26 мая 1942 г. и советско-американского соглашения о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, от 11 июня 1942 г. поступил новый запрос от Японии, касающийся содержания этих документов. Советское правительство в ответ на запрос Японии сообщило, что эти соглашения не касаются советско-японских отношений, базирующихся на пакте от 13 апреля 1941 г. [2].

В 1942 г. наиболее дальновидные политические деятели Японии уже поняли всю несостоятельность надежд на победу Германии. 7 ноября 1942 г. на приеме в советском посольстве в Токио бывший японский посол в СССР Татекава сказал послу СССР: «В силе и крепости Советского Союза и в стойкости духа советского народа просчиталась не только Германия, но и Япония. Ожидаемого краха Советского Союза не получилось» [3].

Героическая борьба советского народа против гитлеровской Германии и ее сателлитов сорвала планы нападения Японии на СССР как в 1941 г., так и в 1942 г.

---

[1] АВП СССР. Из дневника наркома иностранных дел СССР. Прием японского посла 6 апреля 1942 г.

[2] АВП СССР. Из дневника наркома иностранных дел СССР. Прием японского посла 19 июня 1942 г.

[3] АВП СССР. Справка «Официальный прием в посольстве СССР в Японии 7 ноября 1942 г. (в день 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции)».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ. НАЧАЛО КРИЗИСА В ФАШИСТСКОМ БЛОКЕ. ДИПЛОМАТИЯ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ В ЕВРОПЕ В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Победа Красной Армии под Сталинградом. Укрепление международных позиций СССР

Пользуясь тем, что западные союзники не открыли и не намеревались в ближайшее время открыть второй фронт в Европе (а в Северной Африке они сковывали лишь незначительную часть немецкой армии), гитлеровское командование летом 1942 г. сосредоточило на советско-германском фронте до $^3/_4$ всей своей армии. При этом гитлеровцы стянули большую часть войск на одном, южном направлении, поставив перед собой цель овладеть Кавказом, выйти к Волге и создать условия для решающего наступления на Москву. Гитлеровским войскам с боями, ценой огромных потерь удалось продвинуться к Волге в районе Сталинграда. Но фашистские стратеги реализовать свои планы не смогли.

19—20 ноября 1942 г. началось стремительное контрнаступление советских войск, завершившееся полным окружением и разгромом 330-тысячной вражеской группировки под Сталинградом. Во время контрнаступления советские войска полностью ликвидировали две гитлеровские армии, две румынские и одну итальянскую армии, взяли в плен свыше 91 тыс. солдат и офицеров противника. «В этой битве,— говорил Л. И. Брежнев,— Красная Армия проявила героизм и воинское искусство, которые не знают себе равных в истории войн, и одержала блестящую победу. Этим было положено начало коренному перелому во всей мировой войне»[1].

С разгрома фашистских войск под Сталинградом началось мощное наступление Красной Армии зимой 1942/43 г. на Северном Кавказе, в районе Верхнего и Нижнего Дона, под Воронежем, на центральном участке советско-германского фронта и под Ленинградом. Летом 1943 г. Красная Армия одержала блестящую победу в грандиозной битве с врагом под Курском,

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 126.

развернула широкое наступление на Левобережной Украине, вышла к Днепру.

В результате победы под Курском и выхода советских войск к Днепру завершился коренной перелом как в ходе Великой Отечественной войны, так и всей второй мировой войны, создались благоприятные условия для дальнейшего расширения и укрепления межсоюзнических отношений стран — участниц антигитлеровской коалиции, был нанесен решающий удар по авантюристическим планам порабощения народов фашистской Германией.

Еще выше стали международный авторитет и влияние СССР. Оценивая победу советских войск под Сталинградом, президент США Рузвельт в телеграмме И. В. Сталину отмечал, что эпическая борьба за Сталинград и достигнутый Красной Армией результат будут «одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей» [1].

Премьер-министр Англии Черчилль в послании И. В. Сталину, передав «поздравления по случаю капитуляции фельдмаршала Паулюса и по случаю конца 6-й германской армии», заявил: «Это, действительно, изумительная победа» [2].

Победы советских армий под Сталинградом и Курском, начавшееся массовое изгнание врага с советской земли послужили могучим стимулом к развитию революционного национально-освободительного движения в оккупированных странах. Борьба против фашистских оккупантов стала более массовой и организованной.

Множились силы тех, кто не склонил голову перед гитлеровскими захватчиками. «Слово «Сталинград»,— говорил Л. И. Брежнев,— передавалось из уст в уста как пароль сопротивления, пароль победы» [3].

Во Франции в мае 1943 г. был создан Национальный совет Сопротивления. В Югославии, где под контролем Национально-освободительной армии находилась значительная часть территории страны, 29—30 ноября 1943 г. был образован Национальный комитет освобождения Югославии. Развертывалась национально-освободительная борьба албанского народа. В Чехословакии с начала 1943 г. появились постоянно действующие партизанские отряды. Отдельные части словацкой армии, направлявшиеся на советско-германский фронт, начали переходить на сторону Красной Армии. Победа под Сталинградом

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 52—53.

[2] «Переписка...», т. I, стр. 90.

[3] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1973, стр. 68.

способствовала сплочению народно-демократических сил вокруг рабочего класса в Польше. 1 марта 1943 г. в подпольной печати была опубликована декларация ЦК Польской рабочей партии «За что мы боремся?», определившая программу борьбы польского народа и будущее страны после освобождения. Расширялась национально-освободительная борьба в других оккупированных странах Европы — в Греции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии.

Серьезного успеха в 1943 г. добились патриоты в странах, оккупированных японскими милитаристами. Активные действия против захватчиков развернулись в Малайе, Вьетнаме, Бирме, Голландской Индии, Таиланде.

В самих странах — участницах агрессивного блока стали все более четко проявляться признаки недовольства фашистской политикой. В Германии усиливается деятельность подпольных антифашистских групп. 12—13 июля 1943 г. в Красногорске под Москвой был создан немецкий антифашистский центр борьбы — Национальный комитет «Свободная Германия», который начал проводить активную работу среди немецких военнопленных, а также внутри Германии.

Антифашистское движение активизировалось весной 1943 г. в Италии, где проходили антивоенные выступления. Все настойчивее высказывали недовольство политикой правящих клик трудящиеся Болгарии, Румынии, Венгрии. Весной 1943 г. патриоты Болгарии создали единую народно-освободительную повстанческую армию. Летом 1943 г. был организован Патриотический антигитлеровский фронт в Румынии.

С нарастанием освободительного движения повышались роль и авторитет народных масс, чья война против фашизма носила освободительный, справедливый характер.

Победы вооруженных сил СССР существенно повлияли и на всю совокупность международных отношений и мировой дипломатии. Исход Сталинградской битвы решительно склонил чашу весов в пользу свободолюбивых народов, подорвал авторитет гитлеровской Германии в других государствах фашистского блока и в нейтральных странах, поставил фашистскую коалицию перед кризисом. Если накануне войны с Советским Союзом Германия имела дипломатические отношения с 40 государствами, то в 1943 г.— лишь с 22, из которых более половины составляли гитлеровские сателлиты. Многие из них тоже хотели порвать с фашистской Германией [1]. Союзники Гитлера (действительные и потенциальные) были вынуждены пересмотреть

---

[1] См. *С. П. Иванов.* Сталинградская битва и ее международное значение.— «Новая и новейшая история», 1973, № 1, стр. 19.

свои планы нападения на дальневосточные и южные районы СССР.

Победы советских армий нанесли сильнейший удар и по международной реакции, в особенности по реакционным кругам Англии и США, рассчитывавшим на ослабление СССР в ходе войны. Теперь отдельные антисоветские выпады тонули в море дружеских чувств, проявляемых во всем мире к Советскому Союзу.

Рост международного авторитета СССР создал благоприятные условия и для активизации деятельности советской дипломатии. Советский Союз восстановил дипломатические отношения с Люксембургом и Мексикой (1942 г.), Уругваем (1943 г.). С рядом стран, в том числе с Австралией, Канадой, Голландией, Кубой (1942 г.), Египтом, Колумбией, Эфиопией (1943 г.), были установлены дипломатические отношения. Правительство СССР заключило с рядом государств соглашения о преобразовании на основе взаимности дипломатических миссий в посольства. Значительно расширились торговые, культурные и другие международные связи Советского Союза.

В этот период Совнарком СССР подготовил предложения о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений. Эти предложения были затем одобрены Пленумом ЦК партии, состоявшимся в январе 1944 г., и внесены на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР.

1 февраля 1944 г. Верховный Совет СССР принял закон о предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений, по которому каждая союзная республика получила право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться полномочными представителями. В союзных республиках были образованы наркоматы иностранных дел, а НКИД СССР из общесоюзного был преобразован в союзно-республиканский орган внешних сношений. За высшими органами государственной власти СССР сохранялись установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами и представительство в международных отношениях СССР в целом. Союзные республики стали принимать непосредственное участие в международной жизни.

В то же время союзные республики получили право формировать свои республиканские войсковые соединения, входящие в состав Вооруженных Сил СССР, что еще более укрепляло Красную Армию.

Начало кризиса в фашистском блоке

Одним из важнейших международных последствий Сталинградской битвы был глубокий военный и политический кризис в фашистском лагере. «В этой битве,—говорил Л. И. Брежнев,— не только были перемолоты отборные гитлеровские войска. Здесь выдохся наступательный порыв, был сломлен моральный дух фашизма. Начался распад фашистского блока» [1].

В первых числах февраля 1943 г. германское правительство сообщило о разгроме под Сталинградом. В стране был объявлен траур. Вскоре после поражения под Сталинградом гитлеровские власти провели «тотальную мобилизацию». В армию призвали мужчин, оставшихся на гражданской службе и не занятых на квалифицированной работе или в военной промышленности. У руководителей «рейха» появилось чувство неуверенности и страха. «Геринг ясно представляет,— записал в своем дневнике в марте 1943 г. Геббельс,— что события на восточном фронте в минувшую зиму серьезно подорвали доверие к нам. Генералы делают все возможное, чтобы обвинить в этих событиях фюрера. Они берут реванш за прошлогоднюю зиму, когда фюрер пытался взвалить вину на них».

Именно в это время уполномоченному американской разведки в Европе Аллену Даллесу удалось установить контакты с группой немецких монополистов и милитаристов, с которой в предвоенные годы сотрудничали американские монополии. Эта группа, возглавлявшаяся Герделером, Беком и др., длительное время подготавливала в Германии государственный переворот. Заговорщики намеревались устранить Гитлера и, захватив власть, добиться выгодного для Германии мира. Они планировали открыть фронт англо-американским войскам, одновременно бросив всю немецкую армию на советско-германский фронт. Покушение на Гитлера намечалось сначала на январь, затем на март 1943 г. Однако заговорщикам не удалось осуществить свой план.

В феврале 1943 г. между А. Даллесом и князем М. Гогенлоэ, близким к правящим кругам гитлеровской Германии, велись переговоры о заключении сепаратного мира с Германией, а также относительно будущего Австрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии. Американцы начали эти переговоры без ведома и согласия Советского Союза. А. Даллес, по существу, высказался за сохранение за Германией захваченных ею территорий. Так, он сказал М. Гогенлоэ, что «об отделении Австрии

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, стр. 68.

не может быть речи»[1]. Касаясь Польши и послевоенного устройства в Европе, Даллес, в частности, говорил: «Путем расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии следует поддержать создание санитарного кордона против большевизма и панславизма». Даллес был «более или менее согласен с государственной и промышленной организацией Европы, на основе больших пространств, полагая, что федеративная Великая Германия (подобная США) с примыкающей к ней Дунайской конфедерацией будет лучшей гарантией порядка и восстановления Центральной и Восточной Европы»[2]. Он заявил также, что полностью признает притязания германской промышленности на ведущую роль в Европе.

В первой половине 1943 г. усилились трения среди фашистских стран. В этот период состоялись встречи Гитлера с Муссолини и Чиано, Антонеску, Хорти, Тисо, Павеличем, а также итало-венгерские, итало-румынские и другие переговоры. Во время встреч Гитлер требовал от сателлитов максимальной мобилизации сил для продолжения войны. В ходе переговоров выявились, однако, серьезные расхождения между Германией и ее союзниками. Муссолини и его окружение, заинтересованные в активных действиях против англо-американских войск в бассейне Средиземноморья и в Северной Африке, хотели, чтобы в этом районе были сосредоточены значительные силы фашистского блока. Но, поскольку при наличии Восточного фронта, приковывавшего к себе главные фашистские вооруженные силы, это было невозможно, итальянцы предлагали Гитлеру прекратить безнадежную войну на Востоке и попытаться заключить мир с Советским Союзом, а затем укрепиться на средиземноморском театре и при выгодном соотношении сил сговориться с западными державами о новом переделе мира.

В качестве альтернативы сепаратному миру на Востоке итальянцы предлагали «занять такую позицию на русском фронте, которая позволила бы державам оси перебросить большое количество войск с Востока на Запад в кратчайшее время». Они высказались также за привлечение Японии «к политическому решению с Россией»[3]. «Я... заявляю вам,— писал Муссолини Гитлеру 26 марта 1943 г.,— что русский эпизод мог бы быть теперь закончен. Если возможно, а я думаю, что это так,— мы

---

[1] См. «Фальсификаторы истории», стр. 73.

[2] См. там же.

[3] "Polit. Archiv des A. A." Bonn. — Цит. по кн.: *В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967, стр. 265.

должны закончить его заключением сепаратного мира[1] или, если из этого ничего не получится, созданием оборонительной системы — внушительного восточного вала, который Россия никогда не смогла бы преодолеть...»[2] Подобную же точку зрения «дуче» высказывал во время очередной встречи с Гитлером в Зальцбурге в апреле 1943 г.[3].

Идея Муссолини о концентрации вооруженных сил фашистского блока в Средиземноморье не нашла поддержки у Гитлера. Последний хорошо понимал, что судьба второй мировой войны решается на Востоке, и, наоборот, настаивал на концентрации всех военных усилий на советско-германском фронте. Он говорил о необходимости сплотить все «европейские силы» для борьбы против СССР.

Переговоры в Зальцбурге лишь выявили серьезные разногласия между Германией и Италией. Об обострении противоречий внутри гитлеровской коалиции свидетельствовали и другие встречи фашистских главарей.

Гитлеровцы настойчиво требовали от своих вассалов новых и новых активных военных действий. Так, во время переговоров с Хорти в апреле 1943 г. Гитлер потребовал от него отправить на советско-германский фронт целую армию[4].

Хорти отказался это сделать, сославшись, в частности, на то, что венгерские войска не были своевременно и должным образом экипированы и вооружены, несмотря на соответствующие обязательства со стороны Германии[5].

Осенью 1943 г. Гитлер потребовал от своих союзников дальнейшей мобилизации всех материальных и людских ресурсов для войны против СССР. В письме И. Антонеску от 25 октября 1943 г. он указывал: «Настал решающий момент, когда мы всеми силами должны обеспечить нашим солдатам борьбу со стоящим у ворот Румынии противником». Гитлер предупреждал румынских правителей, чтобы они не предъявляли никаких экономических требований и не поднимали никаких политических вопросов, а использовали все свои резервы в войне с СССР. Советские территории, оккупированные румынскими войсками и

---

[1] Как видно, фашисты полагали, что СССР пойдет на сепаратный мир с ними. Верное своим союзническим обязательствам, Советское правительство не раз заявляло, что только после полного разгрома врага может быть заключен мир.

[2] *D. Alfieri.* Deux dictateurs face à face. Rome — Berlin, 1939—1943. Genève — Paris, 1948, p. 302 (далее — *D. Alfieri.* Deux dictateurs face à face).

[3] *B. Mussolini.* Memoirs. 1942—1943. London, 1949, p. 220—221.

[4] *N. Kallay.* Hungarian Premier. A Personal Account of a Nation's Struggle in the Second World War. London, 1954, p. 180 (далее — *N. Kallay.* Hungarian Premier).

[5] *N. Kallay.* Hungarian Premier, p. 180.

объявленные властями Румынии «Транснистрией», по требованию Гитлера должны были быть превращены в тыловой район германских армий, в котором беспрепятственно и неограниченно распоряжались бы немецкие командующие.

Ответы Гитлеру его сателлитов свидетельствовали о дальнейшем обострении противоречий в фашистской коалиции и о тяжелом положении в странах фашистского блока. Так, И. Антонеску в письме Гитлеру от 15 ноября 1943 г., отклоняя его требование, жаловался на огромные трудности военного и экономического характера и на низкие боевые качества войск. Отказываясь направить новые дивизии на фронт, И. Антонеску отмечал: боеспособность этих дивизий такова, что если их «в таком состоянии отправить на фронт, то мы скорее увеличим ничем не оправданные потери, а не будем способствовать улучшению положения на фронте». В том же письме румынский диктатор упрекал Гитлера: «Если бы нам вовремя была оказана помощь, другими были бы наши возможности сегодня».

Переговоры Гитлера с его союзниками в 1943 г. показали, что последние всячески уклонялись от дальнейшего развития военно-политического сотрудничества с Германией и ожидали удобного момента для разрыва с фашистским блоком. Фашистские главари стран, находившихся в союзе с Германией, видели для себя спасение лишь в опоре на антисоветские элементы в правящих кругах Англии и Соединенных Штатов Америки. И. Антонеску, Хорти, царь Борис, Рюти и их единомышленники не без оснований полагали, что реакционные круги в западных странах сделают все возможное, чтобы предотвратить освобождение восточноевропейских стран советскими войсками. Как пишет в своих мемуарах бывший посланник Румынии в Турции Крециану, министр иностранных дел М. Антонеску был убежден, что «западные союзники скорее заинтересованы в предупреждении советского вторжения в Европу, чем в ликвидации гитлеровского режима»[1]. Исходя из этого, фашистские правители восточноевропейских стран выражали полную готовность сотрудничать с западными державами на антисоветской основе. Косвенными или прямыми предложениями своих услуг в качестве «антисоветских часовых» в Восточной Европе пестрела весной 1943 г. румынская, венгерская, болгарская и финская реакционная печать. Не скрывали своих надежд на разногласия в лагере союзников правители Венгрии и Финляндии. Премьер-министр Венгрии Каллаи заявил 19 февраля 1943 г. в парламентском комитете по иностранным делам: участие Венгрии во второй мировой войне ограничивается ее бор-

[1] *A. Cretzianu.* The Lost Opportunity. London, 1957, p. 89.

бой против Советской России, «в то время как борьба между державами оси, с одной стороны, и Англией и США — с другой, ее не касается»[1]. О настроениях венгерской правящей верхушки говорит и такой факт. После переговоров Хорти с Гитлером в апреле 1943 г. в Берлине и Будапеште было опубликовано коммюнике. В германской столице это коммюнике начиналось словами: «Фюрер и регент выразили твердую решимость продолжать войну против большевизма и его британских и американских союзников до окончательной победы...» В опубликованном же в Будапеште коммюнике не содержалось никакого упоминания об Англии и США[2]. Изо дня в день фашистская печать стран — сателлитов гитлеровской Германии доказывала недолговечность союза Англии и США с СССР, неизбежность вооруженного конфликта между ними.

Расчеты фашистских правителей этих стран на разногласия внутри антигитлеровской коалиции явились следствием антисоветских высказываний и действий некоторых официальных деятелей Англии и США. Большие надежды господствующие классы стран Восточной Европы возлагали на так называемый «балканский вариант» второго фронта, выдвигавшийся Черчиллем[3].

Участники фашистского блока предприняли усиленный зондаж относительно возможности заключения сепаратного мира непосредственно после катастрофы, постигшей их войска под Сталинградом. Так, 3 февраля 1943 г. в Финляндии было срочно созвано совещание правительства, на котором обсуждалось положение на советско-германском фронте. Участники совещания высказали мнение, что война достигла поворотного пункта и Финляндия должна использовать первую же возможность, чтобы выйти из нее[4]. Основой для переговоров о сепаратном мире финские правители считали границы Финляндии 1939 г.[5]. Выдвигая это условие, они рассчитывали прежде всего на поддержку Англии и США.

13 февраля 1943 г. министр финансов Финляндии Таннер обратился с письмом к первому лорду адмиралтейства Англии Александеру, в котором спрашивал, есть ли какие-нибудь пути к восстановлению мира между Англией и Финляндией[6]. Для установления контактов между финнами и англичанами

---

[1] *N. Kallay.* Hungarian Premier, p. 182.
[2] Ibid., p. 183—184.
[3] См. стр. 327—328, 344.
[4] *C. G. F. Mannerheim.* Memoirs. New York, 1954, p. 460.
[5] *J. H. Wuorinen (ed.).* Finland and World War II, 1939-1944. New York, 1948, p. 151.
[6] Ibidem.

было использовано также посредничество министра иностранных дел Швеции [1].

Еще в середине декабря 1942 г. президент Финляндии Рюти сообщил американскому посланнику в Хельсинки, что Финляндия намерена выйти из войны. В этой связи в январе — апреле 1943 г. между послом США в Москве Стэндли и народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым происходили переговоры, в ходе которых стало очевидно, что финны имеют своей целью выяснить возможности ревизии советско-финского договора 1940 г. путем включения в состав Финляндии ряда советских земель. Американское правительство, по существу, разделяло эту позицию правительства Финляндии [2].

Сведения о мирном зондаже финнов вызвали раздражение в Берлине. В германскую столицу срочно был вызван финский министр иностранных дел Рамсай. Риббентроп заставил Рамсая дожидаться в течение шести часов в своей приемной. Затем, не дав Рамсаю произнести ни слова, гитлеровский министр заявил, что в случае подписания Финляндией сепаратного мира Германия предпримет в отношении нее «крайние меры». Он потребовал, чтобы всякие мирные переговоры были немедленно прекращены [3].

Однако вскоре после крупных успехов советских войск летом 1943 г. финны предприняли новые попытки заключить сепаратный мир. Ранней осенью 1943 г. финское правительство вновь установило контакты с Англией и США. На этот раз переговоры начались в Лиссабоне. Посольство США в Португалии запросило финского поверенного в делах, как реагировало бы правительство Финляндии на высадку американского десанта в Северной Норвегии, окажут ли финские войска сопротивление, сумеют ли они освободить свою территорию от германских вооруженных сил, какие понадобятся им в этом случае поставки и вооружение. Финская сторона заявила, что Финляндия не будет оказывать сопротивления американским вооруженным силам и готова начать переговоры с Германией по поводу вывода с территории страны германских войск и что ей потребуются некоторые поставки продовольствия и материалов [4]. Эти переговоры велись за спиной Советского Союза — государства, против которого Финляндия, собственно, и воевала.

В 1943 г. Румыния также пыталась выяснить возможность заключения сепаратного мира. Министр иностранных дел М. Ан-

---

[1] *J. H. Wuorinen.* Finland and World War II, p. 151.

[2] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943", vol. III. Washington, 1963, p. 229—268.

[3] *J. H. Wuorinen.* Finland and World War II, 1939—1944, p. 153.

[4] "Foreign Relations... 1943", vol. III, p. 293—294.

тонеску в беседе с итальянским посланником в Бухаресте Бова Скоппа в январе 1943 г. подчеркнул необходимость как для Италии, так и для Румынии «установить контакт с союзниками для того, чтобы защитить Европу от большевизма»[1]. Несколько позднее, в феврале 1943 г., М. Антонеску принял турецкого посланника и папского нунция в Бухаресте и просил их передать в Анкару и Ватикан, чтобы они указали западным державам на то, «какую большую угрозу Советский Союз представляет для Европы». Румынский министр считал «крайне необходимым сепаратный мир между западными державами и Германией»[2]. Фашистские правители Румынии дали указание румынскому посланнику в Лиссабоне начать переговоры с португальским диктатором Салазаром и послом Англии в Португалии. Ту же цель преследовали румынские дипломаты, устанавливая многочисленные контакты с представителями Англии и США в Анкаре, Стокгольме, Берне и Ватикане[3]. Наконец, во время переговоров с Гитлером 12—13 апреля 1943 г. М. Антонеску открыто предложил «прекратить войну против западных держав для того, чтобы довести борьбу против Советского Союза до решительного конца»[4].

В целях скорейшего заключения сепаратного мира М. Антонеску в июле 1943 г. посетил Рим, где беседовал об этом с Муссолини. Последний в принципе согласился с М. Антонеску, однако считал, что к практическому осуществлению этих планов следует приступить при более благоприятной военной обстановке, которая, по мнению Муссолини, создастся к осени 1943 г.[5]

Идея сепаратного сговора фашистской Румынии с англо-американцами вызывала сочувствие среди определенных кругов США и Англии. Так, американский посол в Мадриде Карлтон Хэйс в беседе с секретарем румынской миссии в Испании С. Григориу 14 ноября 1943 г. заявил: «Единственным способом избежать полной оккупации Румынии Красной Армией явилось бы направление М. Антонеску правительству Соединенных Штатов формального заявления о безоговорочной капитуляции»[6].

По мнению Хэйса, румынская делегация, состоящая из высших офицеров, должна встретиться с представителями верховного командования союзников на средиземноморском театре с целью «секретно обсудить практические военные мероприя-

---

[1] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu; die deutsch-rumanischen Beziehungen 1938—1944. Wiesbaden, 1954, S. 168—169 (далее — *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu).
[2] Ibid., S. 169.
[3] *A. Cretzianu.* The Lost Opportunity, p. 89.
[4] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu, S. 170.
[5] Ibid., S. 171.
[6] *A. Cretzianu.* The Lost Opportunity, p. 117.

тия»[1]. Эти соображения посла США были, по существу, приняты фашистским правительством Румынии. В Мадрид было сообщено, что М. Антонеску готов подписать необходимый документ, который будет передан турецкому правительству с условием, что последнее вручит его правительству США в одном из двух случаев: «Англо-американская высадка на Балканах, направленная в сторону Румынии; вступление Турции в войну на стороне союзников»[2]. Однако и эта попытка сепаратного сговора с западными державами не удалась. Вопрос о выходе Румынии из войны мог быть решен только с участием Советского Союза.

Серьезные поражения, нанесенные зимой 1943 г. венгерским войскам на советско-германском фронте, вынудили искать выхода из войны и фашистских правителей Венгрии. Первые непосредственные контакты с английским правительством хортисты установили еще летом 1942 г.[3]. Ответственный сотрудник венгерского министерства иностранных дел был направлен в Стамбул, где ему удалось связаться с официальными лицами Англии. В результате секретных англо-венгерских переговоров, длившихся довольно долго, представители Венгрии летом 1943 г. заявили о готовности венгерского правительства капитулировать, подчеркнув, что капитуляция Венгрии вступит в силу только после того, как войска Англии и США достигнут венгерской границы. Информация о ходе и результатах англо-венгерских переговоров была сообщена в Квебек, где в то время проходила конференция Рузвельта и Черчилля[4].

Осенью 1943 г. посланник Венгрии в Лиссабоне Водианер заявил своему английскому коллеге в Португалии Р. Кэмпбеллу: «Венгрия готова выполнить любые условия, предъявленные англичанами и американцами»[5].

Венгерское правительство установило в 1943 г. и ряд других контактов с представителями западных держав. Посол в отставке Барца выехал со специальной миссией в Ватикан и Швейцарию. Формально представляя оппозиционную буржуазную группу Бетлена, Барца по указанию премьер-министра Каллаи должен был подчеркнуть во время встреч с англичанами и американцами, что между правительством и «оппозицией» нет никаких расхождений относительно путей выхода Венгрии из войны[6]. В одной из многочисленных бесед с представителями западных держав Барца было заявлено, что Венгрии нечего бояться «карательного» мира, поскольку западные союзники

---

[1] *A. Cretzianu.* The Lost Opportunity, p. 117.
[2] Ibidem.
[3] *N. Kallay.* Hungarian Premier, p. 373.
[4] Ibidem.
[5] Ibid., p. 374—375.
[6] Ibid., p. 384.

очень благосклонно относятся к существующему в Венгрии режиму и считают, что Хорти сможет управлять страной в течение «переходного периода», который наступит для Венгрии после войны [1].

Важные политические переговоры вел в июле 1943 г. с американцами в Берне председатель венгерского национального банка Бараняи. Он установил здесь контакт с А. Даллесом и Р. Тайцером, в прошлом занимавшим пост комиссара Лиги наций в Венгрии по финансовым вопросам. Бараняи вручил американцам меморандум, в котором, в частности, говорилось, что Венгрия во всех случаях будет оказывать сопротивление Советскому Союзу, но не Западу. Переговоры хортистских представителей с американцами велись и в Лиссабоне. Упоминавшийся выше Водианер обсуждал со специальными американскими эмиссарами Людвигом Габсбургом и полковником Ф. Деаком, прибывшими в Лиссабон, вопросы послевоенного политического устройства Венгрии. В частности, обе стороны с одобрением отнеслись к планам создания в Центральной Европе конфедерации во главе с отпрыском Габсбургской династии — Отто Габсбургом [2]. Наконец, аналогичные переговоры с представителями западных держав вел в сентябре 1943 г. в Стокгольме венгерский посланник в Швеции Уллейн-Ревицки [3].

Основной задачей хортистского правительства являлось заключение сепаратного мира с западными державами на антисоветской основе. Союз с западными державами против СССР был «первой задачей и целью венгерского правительства» [4]. Сателлиты Германии, не получив одобрения Гитлера на заключение мира, тем не менее всячески пытались договориться с западными державами, действуя при этом, как правило, тайно друг от друга.

Вынашивая планы сепаратного мира, руководители Италии, Румынии, Венгрии проектировали создание новых политических союзов без участия Германии. Так, Каллаи во время переговоров с Муссолини в апреле 1943 г. говорил о необходимости создания нового «антибольшевистского союза» государств в составе Италии, Испании, Португалии, Венгрии, Польши, Турции, Финляндии и некоторых других стран [5]. 17 мая 1943 г. итальянскому правительству было передано предложение Ру-

---

[1] *C. A. Macartney.* October Fifteenth. A History of Modern Hungary 1929—1945, part. II. Edinburgh, 1957, p. 161 (далее — *C. A. Macartney.* October Fifteenth).

[2] *N. Kallay.* Hungarian Premier, p. 388.

[3] Ibid., p. 389.

[4] Ibid., p. 378.

[5] Ibid., p. 149.

мынии о создании «средиземноморской антанты»[1], в которой участие Германии также не предусматривалось.

Однако все эти попытки фашистской дипломатии добиться сепаратного мира не имели успеха. Советский Союз и народы оккупированных фашистами стран требовали продолжения борьбы против фашизма до победы. Это стремление к победе было так велико, решимость искоренить фашизм столь тверда, что главари фашистской коалиции, даже при наличии определенных связей в западных странах, не могли рассчитывать путем заключения сепаратного мира сохранить свою власть. Позиция Советского правительства по этому вопросу была вновь ясно высказана в приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 1 мая 1943 г., в котором, в частности, говорилось: «Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?»[2]

Победы Советских Вооруженных Сил под Сталинградом и начавшееся вслед за этим массовое изгнание агрессоров с советской земли расстроили планы и тех, кто ждал поражения СССР, надеясь в последний момент присоединиться к Германии и принять участие в дележе добычи. Среди таких стран в годы второй мировой войны была Турция[3].

Поражение Германии под Сталинградом заставило Турцию отложить начало агрессии против СССР до того времени, когда ход борьбы на советско-германском фронте окончательно изменится, как надеялись некоторые турецкие политики, в пользу немецко-фашистских войск. Однако этим надеждам не суждено было осуществиться.

Столь же отрезвляющее действие победа Красной Армии под Сталинградом оказала и на японских милитаристов. Осенью 1942 г., когда развернулись ожесточенные бои на Волге, германское правительство вновь обратилось к Японии с настоятельной просьбой выступить против СССР. В ответ японский посол в Берлине Осима заявил 6 марта 1943 г. Риббентропу:

---

[1] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu, S. 171.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 86.

[3] О советско-турецких отношениях в период второй мировой войны см. стр. 580—583.

«Японское правительство... прекрасно понимает желание своего союзника — Германии, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако ввиду сложившейся в настоящее время военной обстановки японское правительство не может вступить в войну»[1]. «Победа Советской Армии под Сталинградом,— отмечается в изданной в Японии пятитомной «Истории войны на Тихом океане»,— явилась тяжелым ударом не только для Германии, но и для Японии и Италии. Япония давно ожидала случая напасть на Советский Союз. Теперь этот случай был утерян навсегда»[2]. Победа Советских Вооруженных Сил под Сталинградом сорвала захватнические планы японских милитаристов.

Конференция США и Англии в Касабланке в январе 1943 г.

С 14 по 24 января 1943 г. в Касабланке проходила встреча Рузвельта и Черчилля. Президента США и премьер-министра Англии сопровождали высшие военные руководители двух государств — Маршалл, Кинг, Арнольд, Эйзенхауэр, Паунд, Брук и др. Желая подчеркнуть, что конференция будет заниматься лишь вопросами военной стратегии, Рузвельт и Черчилль не привлекли к участию в конференции министров иностранных дел.

Еще в начале декабря 1942 г. Черчилль в памятной записке писал: «Недавние весьма важные события изменили и меняют данные, из которых до сих пор исходили по обе стороны Атлантики. Русские не потерпели поражения и не были ослаблены в ходе кампании 1942 года. Напротив, именно Гитлеру было нанесено поражение...» Английский премьер-министр считал необходимым пересмотреть общее положение с тем, чтобы «найти средства использовать американские и английские армии непосредственно на континенте»[3]. В Вашингтоне разделяли эти взгляды. Конкретные решения предполагалось разработать на англо-американской конференции.

Важнейшим вопросом конференции в Касабланке было обсуждение перспектив военных действий союзников.

На совещаниях военных выявились серьезные разногласия по поводу дальнейшего планирования войны. Так, Кинг (США), поддержанный некоторыми другими высшими американскими офицерами, настаивал на том, чтобы главное внимание было уделено тихоокеанскому театру. Маршалл отдавал предпочтение открытию военных операций на европейском континенте (так называемому плану «Раундап»). «Любые операции на средизем-

---

[1] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока в Токио от 17 октября 1946 г.

[2] «История войны на Тихом океане», т. IV. М., 1958, стр. 16.

[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 657.

номорском театре неизбежно замедлили бы сосредоточение американских войск в Англии», [1] — говорил он. Однако в основу обсуждения всего комплекса стратегических вопросов, касающихся европейского театра военных операций, было положено следующее программное положение, сформулированное Черчиллем: «Главной задачей, стоящей перед нами, является, во-первых, завоевание африканского побережья Средиземного моря и создание там военно-морских и авиационных баз, которые необходимы для открытия эффективного пути через Средиземное море для военных транспортов, и, во-вторых, использование баз на африканском побережье «для нанесения удара в мягкое подбрюшье держав «оси»... крупными силами в самое кратчайшее время» [2]. Иными словами, Черчилль продолжал добиваться осуществления в первую очередь так называемого «балканского варианта» второго фронта, смысл которого заключался в том, чтобы англо-американские войска раньше советских вступили в страны Юго-Восточной Европы, а затем перерезали Красной Армии путь на запад, в Центральную Европу.

Точка зрения Черчилля была подробно изложена им еще накануне конференции в Касабланке, в меморандумах от 25 ноября и 3 декабря 1942 г. Английский премьер-министр предлагал направить главный удар союзников против Сицилии и Италии; этот удар предполагалось нанести силами союзных войск, находившихся в Северной Африке. Второй удар Черчилль планировал осуществить в районе восточной части Средиземного моря. Здесь он намеревался использовать Турцию для открытия балканского театра военных действий. Черчилль планировал перебросить на этот новый театр войны английские вооруженные силы, находившиеся в Иране. И только последнее место он отводил организации десанта на западном побережье Европы, причем оговаривал высадку в Западной Европе рядом условий, в том числе успешным осуществлением военных операций в Средиземном море, эффективным осуществлением стратегических бомбардировок [3] и т. д.

На конференции в Касабланке стратегическая концепция Черчилля в целом получила поддержку американской делегации. Вопрос же о вторжении в Европу через Ла-Манш в 1943 г.,

---

[1] См. *М. Мэтлофф*. От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964, стр. 48.

[2] *W. S. Churchill*. The Second World War, vol. IV, p. 654.

[3] Черчилль в своих мемуарах частично воспроизводит упомянутые меморандумы (W. S. Churchill. The Second World War, vol. IV, p. 654—655). Британские начальники штабов в целом разделяли точку зрения Черчилля; они считали, что ранее 1944 г. ни о какой высадке во Франции и речи быть не могло.

которое могло бы приблизить разгром Германии, так и остался открытым. Американские военные руководители, не говоря уже об английских, согласились с новой отсрочкой открытия второго фронта в Европе.

Решения Касабланкской конференции по вопросам стратегии явились логическим продолжением линии, принятой руководителями США и Англии на предыдущих конференциях. Вместо массированных ударов по жизненным центрам Германии — отдельные отвлекающие маневры, которые, как впоследствии рассказывал Маршалл, должны были лишь свидетельствовать о том, что союзники все время что-то предпринимают [1].

Планируемая высадка в Сицилии с последующим вторжением в Италию не могла, разумеется, сравниться по своей эффективности с открытием военных операций в Западной Европе. Решив не создавать второй фронт в 1943 г., Рузвельт и Черчилль не рискнули официально зафиксировать это. Более того, они в течение почти полугода держали в неведении о своем решении Советское правительство.

В Касабланке был принят также план «Анаким», предусматривавший проведение в 1943 г. операций в Северной Бирме и изгнание противника из Рангуна. На конференции рассматривались и другие вопросы, связанные с войной на Тихом океане [2].

Подводя итоги обсуждения стратегических вопросов на конференции в Касабланке, американский автор Макнейл пишет: «В целом американцы согласились с первым пунктом британского плана — наступлением в Средиземном море, а британцы согласились с американскими планами в отношении Тихого океана и Дальнего Востока» [3].

Хотя задачей конференции в Касабланке было рассмотрение чисто военных вопросов, Рузвельт и Черчилль уделили большое внимание политическим проблемам. По-прежнему одной из наиболее важных среди них являлась французская. Участников конференции отнюдь не занимали вопросы восстановления международного престижа Франции как великой державы, оказание помощи французским патриотам в их борьбе против оккупантов. Руководителей США и Англии интересовали вопросы совсем иного порядка. Каждый из них пытался выдвинуть на роль руководителя французской администрации приемлемую для себя кандидатуру.

---

[1] *S. E. Morison.* American Contribution to the Strategy of World War II. London, 1958, p. 23.

[2] См. главу двенадцатую.

[3] *W. H. McNeil.* America, Britain and Russia, p. 266.

После убийства Дарлана американцы лихорадочно подыскивали подходящие кандидатуры для замещения различных административных постов во французских колониальных владениях в Африке. В переписке Рузвельта с Хэллом названы имена Моннэ, Камбона и др. 19 января было объявлено о назначении генерал-губернатором Алжира Пейрутона, снискавшего печальную славу во время пребывания на посту министра внутренних дел в правительстве Виши. Наибольшие надежды американцы возлагали, однако, на генерала Жиро.

Во время конференции в Касабланке Рузвельт встретился с Жиро, и генерал изложил президенту свои планы организации французской администрации. Возглавлять эту организацию должен был сам Жиро, второе место он отдавал де Голлю. По свидетельству присутствовавшего при встрече Гопкинса, Рузвельт разрешил все проблемы, поставленные Жиро, к полному удовлетворению последнего, «но в вопросе о верховной власти он (Рузвельт.— *Ред.*) был непреклонен и настаивал на том, чтобы Жиро в данный момент действовал только как представитель Франции в Северной Африке... Жиро и президент питают друг к другу взаимное доверие»[1]. Совсем с иным отношением американцев встретился де Голль. «Позже я узнал,—вспоминал он,— что нашу беседу скрытно слушали Гарри Гопкинс и несколько секретарей и что вооруженные полицейские охраняли Рузвельта»[2].

Зная о враждебном к себе отношении правящих кругов США и считая, что захват американцами и англичанами колониальных владений Франции в Африке ущемляет авторитет возглавляемого им движения «Сражающаяся Франция» и его лично, де Голль вначале даже отказывался от поездки в Касабланку: Рузвельту и Черчиллю пришлось несколько дней ждать его приезда.

Де Голль прибыл в Касабланку 22 января. В беседах с Рузвельтом и Черчиллем он высказал свою точку зрения по поводу будущей французской администрации, в которой, как он считал, ему должна принадлежать ведущая роль. Он не отказывался от сотрудничества с Жиро, но требовал, чтобы последний удалил из своего окружения лиц, скомпрометированных сотрудничеством с Виши. В беседе с английским политическим советником в Северной Африке Г. Макмилланом де Голль заявил, что претендует на роль Клемансо, а на Жиро возлагает роль Фоша[3]. В конце концов была достигнута договоренность о не-

---

[1] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 340, 341.
[2] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 2, стр. 94.
[3] См. *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 352.

обходимости создания в будущем единой французской администрации, возглавляемой совместно Жиро и де Голлем.

В Касабланке обсуждался также вопрос о позиции Турции. Эта страна занимала важное место в стратегических планах английских и американских руководителей. С помощью турецкой армии США и Англия предполагали осуществить вторжение на Балканский полуостров. С этой целью на конференции было решено добиться вступления Турции в войну против фашистского блока. Ведение переговоров с турецким правительством взял на себя Черчилль. Государственный секретарь США Хэлл в своих воспоминаниях рассказывает о соглашении, достигнутом в Касабланке, в соответствии с которым Турция рассматривалась в качестве сферы влияния Англии, а Китай — США; Хэлл, однако, тут же подчеркивает, что хотя США и согласились с тем, что Турция явится сферой влияния Англии, тем не менее не отказались от собственных притязаний в отношении Турции, которую рассматривали как «полезную помощницу» в решении послевоенных проблем на Балканах[1].

Особенно острые противоречия возникли между участниками конференции по вопросу о судьбе колоний в послевоенный период. В многочисленных беседах Рузвельта с Черчиллем первый постоянно критиковал британскую колониальную систему, высказывал надежду, что в послевоенный период все будет устроено «по-новому», что с помощью американской экономики жизнь колониальных стран приобретет иной характер и т. д. Было ясно, что монополисты США стремятся вытеснить британского конкурента из колоний. Черчилль хорошо понимал, к чему клонит Рузвельт, и с возмущением отвергал все американские планы. По рассказу Эллиота Рузвельта, в конце конференции произошел такой эпизод. 22 января президент в присутствии Черчилля принял марокканского султана Сиди Мухаммеда бен Юсуфа. Во время беседы Рузвельт рисовал перед султаном картину быстрого расцвета Марокко в послевоенный период с помощью США. Султан согласился с рассуждениями Рузвельта и заверил его, что сразу же по окончании войны обратится к США за помощью. Черчилль с нескрываемым раздражением следил за этой беседой, не раз пытался перевести разговор на другую тему и в конце концов, не выдержав, вышел из комнаты[2].

Относительно войны на Тихом океане Рузвельт в Касабланке заметил: «Было бы весьма желательно, если бы это было возможно, добиться определенного обязательства — если нужно, секретного — со стороны России, что она присоединится к борьбе

---

[1] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1365—1366.

[2] См. *Э. Рузвельт.* Его глазами, стр. 119—121.

против Японии, когда Германия будет выведена из войны»[1]. На Советский Союз, следовательно, союзники планировали возложить тяжесть войны со странами фашистской коалиции и на Дальнем Востоке.

На конференции рассматривались и некоторые организационные вопросы. Генерал Дуайт Эйзенхауэр был назначен верховным главнокомандующим вооруженными силами союзников в Северной Африке, английский генерал Гарольд Александер — его заместителем[2].

В опубликованном по окончании конференции коммюнике говорилось: «Президент, премьер-министр и объединенная группа начальников штабов, завершив разработку своих планов наступательных кампаний 1943 г., разъехались с тем, чтобы активно и согласованно привести эти планы в исполнение»[3]. На пресс-конференции в Касабланке 25 января 1943 г. Рузвельт заявил: «Объединенные Нации убеждены в том, что мир может быть достигнут только в результате безоговорочной капитуляции держав «оси»». Он предложил именовать совещание в Касабланке «конференцией по вопросу о безоговорочной капитуляции»[4]. Провозглашение принципа «безоговорочной капитуляции» должно было завуалировать истинный смысл решений в Касабланке, отказ правительств США и Англии от решительной борьбы с фашистской Германией путем открытия второго фронта в Европе.

Союзники не приняли на конференции никаких конкретных решений о высадке в Западной Европе в 1943 г. Напротив, намеченные ими планы практически исключали возможность такой операции. Начальник штаба президента США адмирал Уильям Леги, например, пишет: «Американский план вторжения во Францию через Ла-Манш в 1943 г. не был принят англичанами, и вместо него было принято решение о комбинированной операции против средиземноморских островов, в частности Сицилии»[5].

Конференция в Касабланке показала прежде всего, что руководители США и Англии вновь откладывают организацию таких военных операций, которые смогли бы нанести сокрушительный удар по гитлеровскому «рейху» в ближайшее время. Принятая в Касабланке стратегическая линия практически снимала с повестки дня высадку англо-американских войск в Западной Европе в 1943 г., вела к затягиванию сроков войны.

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 684.
[2] *D. Eisenhower.* Crusade in Europe. New York, 1948, p. 138.
[3] "Documents on American Foreign Relations", vol. V. Boston, 1944, p. 253.
[4] Ibid., p. 255.
[5] *W. Leahy.* I Was There, p. 145.

Вопрос об открытии второго фронта в 1943 г.

По окончании конференции в Касабланке Рузвельт и Черчилль направили И. В. Сталину совместное послание. В нем они сообщали о некоторых результатах своих переговоров: о решениях относительно комбинированных операций в Средиземном море, которые должны были быть проведены американскими и британскими вооруженными силами в «ближайшее время», а также о концентрации сил в пределах Соединенного Королевства, с тем чтобы они могли высадиться в Европе, «как только это будет осуществимо». «Мы полагаем,— говорилось в послании,— что эти операции, вместе с Вашим мощным наступлением, могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году»[1]. В послании Рузвельта и Черчилля был, однако, полностью обойден главный вопрос межсоюзнических отношений — об открытии второго фронта.

30 января 1943 г. Советское правительство обратилось к правительствам США и Англии с просьбой сообщить конкретные планы и сроки открытия второго фронта в 1943 г. «Понимая принятые Вами решения в отношении Германии,— писал И. В. Сталин Рузвельту и Черчиллю,— как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления»[2]. В ответном послании Черчилля от 9 февраля 1943 г. относительно второго фронта говорилось следующее:

«Мы... энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь. Сроки этого наступления должны, конечно, зависеть от состояния оборонительных возможностей, которыми будут располагать в это время немцы по ту сторону Канала»[3].

Советское правительство выразило свое несогласие с этими сроками. «Что касается открытия второго фронта в Европе, в частности во Франции,— писал И. В. Сталин Черчиллю и Рузвельту 16 февраля,— то оно, как видно из Вашего сообщения, намечается только на август — сентябрь. Мне кажется, однако, что нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был от-

---

[1] См. «Переписка...», т. I, стр. 84—86.
[2] Там же, стр. 87.
[3] Там же, стр. 92.

крыт значительно раньше указанного срока. Для того чтобы не дать врагу оправиться, по-моему, весьма важно, чтобы удар с Запада не откладывался на вторую половину года, а был бы нанесен еще весной или в начале лета».

Правительство СССР обратило внимание союзников на тот факт, что с конца декабря 1942 г. Гитлер, пользуясь бездействием их войск, перебросил на советско-германский фронт еще 27 дивизий, в том числе 5 танковых. «Таким образом,— подчеркивалось в послании,— вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение для Гитлера, который... получил возможность перебросить дополнительные свои войска против русских»[1]. Ответ Рузвельта на это послание был довольно неопределенным. «Я понимаю,— писал он И. В. Сталину 22 февраля 1943 г.,— насколько важно предпринять военные усилия на континенте Европы в ближайший подходящий момент времени в целях уменьшения сопротивления держав оси Вашей героической армии. Вы можете быть уверены в том, что после успеха в Северной Африке, как только наши максимальные усилия смогут обеспечить нам транспортные средства, американские военные усилия будут распространены на европейский континент»[2].

Свой ответ главе Советского правительства Черчилль направил 11 марта. В своем послании он сообщил о предстоявших союзникам в ближайшем будущем операциях: 1) завершение военных действий в Северной Африке к концу апреля 1943 г.; 2) ускорение подготовки к высадке англо-американских войск в Сицилии, с тем чтобы произвести эту высадку в июне 1943 г., т. е. на месяц раньше, чем было запланировано на конференции в Касабланке; 3) изучение планов операций в восточной части Средиземного моря, например захват Крита или Додеканезских островов или того и другого вместе и десант в Греции. Как совершенно очевидно, операция по высадке союзников в Западной Европе в их планах отсутствовала.

Стремясь убедить правительство СССР в трудностях осуществления англо-американских операций в Европе, Черчилль приводил данные о военных ресурсах союзников. Подавляющая часть британской армии, указывал он, всего 38 дивизий, сосредоточена в Северной Африке, на Среднем Востоке и в Индии, «и нет никакой физической возможности перебросить ее морем назад на Британские острова». Наоборот, отмечал Черчилль, с целью усиления вооруженных сил для операции по высадке в Сицилии английское правительство предполагало направить

[1] «Переписка...», т. I, стр. 93—94; т. II, стр. 55.
[2] «Переписка...», т. II, стр. 56.

новые дивизии в Северную Африку, в том числе 2 дивизии из Ирана и одну из Англии, сосредоточив там всего до 14 дивизий.

В самой Англии, сообщал Черчилль, остается примерно 19 сформированных дивизий, 4 дивизии внутренней обороны и 4 дивизии для пополнения. 16 из перечисленных дивизий готовятся к операции по форсированию Канала в августе. США, сообщал далее премьер-министр, намеревались отправить в июле 1942 г. в Англию для вторжения во Францию 27 дивизий. С тех пор они отправили 7 дивизий для операции в Северной Африке и готовятся направить туда еще 3 дивизии. В Англии в настоящее время имеется лишь одна американская дивизия. К августу 1943 г. в Англии будет 4 американских дивизии. США, объяснил Черчилль, не прислали условленного количества дивизий не потому, что у них нет войск, а потому, что в распоряжении союзников не имеется тоннажа и эскортных средств.

В отношении форсирования союзниками Ла-Манша Черчилль указывал, что он и президент хотят, чтобы их войска участвовали в Европе в общем сражении, которое Советский Союз ведет «с такой изумительной доблестью. Но, чтобы поддержать операции в Северной Африке, на Тихом океане и в Индии и доставлять снабжение в Россию,— писал он,— программа ввоза в Соединенное Королевство была урезана до предела, и мы расходовали и расходуем наши резервы. Однако в том случае, если противник достаточно ослабеет, мы готовимся ударить раньше августа, и с этой целью еженедельно вносятся соответствующие изменения в планы. Если он не ослабеет, то преждевременное наступление с худшими по качеству и недостаточными по количеству силами привело бы лишь к кровопролитной неудаче...»[1]

15 и 16 марта 1943 г. И. В. Сталин направил Черчиллю и Рузвельту ответные послания. Глава Советского правительства сообщил им, что гитлеровская Германия вновь перебросила «с Запада против советских войск 36 дивизий, из них 6 дивизий танковых». В связи с сообщением Черчилля об ускорении операции в Сицилии И. В. Сталин отмечал, что эта операция «не заменит собою второго фронта во Франции».

«По-прежнему я считаю главным вопросом,— писал глава Советского правительства,— ускорение открытия второго фронта во Франции». И. В. Сталин напомнил, что союзниками допускалось открытие второго фронта еще в 1942 г. и во всяком случае не позже весны 1943 г. Для этого были достаточно серьезные мотивы. Поэтому, объяснил глава Советского правительства, в предыдущем послании он подчеркивал необходимость

---

[1] См. «Переписка...», т. I, стр. 98—101.

осуществления удара с Запада не позже чем весной или в начале лета 1943 г.

Глава Советского правительства далее указывал: «После того как советские войска провели всю зиму в напряженнейших боях и продолжают их еще сейчас, а Гитлер проводит новые крупные мероприятия по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним операциям против СССР, нам особенно важно, чтобы удар с Запада больше не откладывался, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета».

И. В. Сталин согласился, что открытие второго фронта связано с определенными трудностями. «И тем не менее,— писал он,— я считаю нужным со всей настойчивостью предупредить, с точки зрения интересов нашего общего дела, о серьезной опасности дальнейшего промедления с открытием второго фронта во Франции. Поэтому неопределенность Ваших заявлений относительно намеченного англо-американского наступления по ту сторону Канала вызывает у меня тревогу, о которой я не могу умолчать»[1].

Весной 1943 г. англо-американские вооруженные силы начали развернутое наступление в Северной Африке, которое закончилось к середине мая поражением немецко-итальянских войск. Побережье Африки полностью перешло под контроль союзников. В связи с этим перед правительствами Англии и США встал вопрос о дальнейшем согласовании стратегических планов.

С 12 по 25 мая 1943 г. в Вашингтоне состоялась третья конференция Рузвельта и Черчилля (условное название «Трайдент»), также посвященная обсуждению вопросов дальнейшего ведения войны против держав «оси». К моменту открытия конференции союзники располагали разведывательными данными о том, что гитлеровская Германия готовит новое крупное наступление на советско-германском фронте. «По нашей оценке,— сообщал Рузвельт И. В. Сталину 5 мая 1943 г.,— положение таково, что Германия предпримет развернутое наступление против Вас этим летом, и мои штабисты полагают, что оно будет направлено против центра Вашей линии»[2]. В послании от 26 мая 1943 г. глава Советского правительства писал Рузвельту: «Я согласен с Вами, что этим летом — возможно, еще в июне месяце — следует ожидать начала нового крупного наступления гитлеровцев на советско-германском фронте... Мы готовимся к встрече нового германского наступления и к контратакам, но у нас не хватает самолетов и авиабензина. Сейчас, конечно, невозможно предвидеть всех военных и других шагов, которые нам придет-

[1] «Переписка...», т. I, стр. 104—105; т. II, стр. 58.
[2] «Переписка...», т. II, стр. 63.

ся предпринимать. Это будет зависеть от развития дел на нашем фронте. Многое будет зависеть также от того, насколько быстрыми и активными будут англо-американские военные действия в Европе»[1].

Вопрос об оказании Советскому Союзу эффективной помощи путем открытия второго фронта вновь встал со всей остротой. И союзники отдавали себе в этом отчет. На советско-германском фронте было сосредоточено около 200 немецких дивизий и до 30 дивизий гитлеровских сателлитов[2]. Тем не менее, встретившись 12 мая в Вашингтоне, Черчилль и Рузвельт приняли решение об открытии второго фронта в Европе лишь в 1944 г.

Как отмечает американский военный историк Мэтлофф, Черчилль и английские начальники штабов выступили на конференции за продолжение операций на средиземноморском театре. По их мнению, после операции «Хаски» (захват Сицилии) главной задачей союзников в Европе являлся вывод из войны Италии. Операцию по форсированию Ла-Манша («Раундап») они намеревались осуществить, «как только для этого сложатся благоприятные условия», которые, по их мнению, «появятся в 1944 году» в результате успешных действий Красной Армии[3].

По свидетельству участника конференции американского адмирала Леги, Черчилль ссылался на то, что союзники не смогут к весне 1944 г. подготовиться должным образом к вторжению в Западную Европу, и предложил осуществить это вторжение «когда-нибудь в будущем». «Не было и намека на то,— писал Леги,— что он склоняется в пользу такой попытки в 1944 г...»[4].

Рузвельт и американские начальники штабов предполагали после захвата Сицилии немедленно использовать освободившиеся английские и американские войска для подготовки операции «Раундап». Президент соглашался с тем, что «нет никакой возможности осуществить высадку через Ла-Манш в этом (1943 г.— *Ред.*) году, но эта операция должна быть осуществлена в самых широких масштабах весной 1944 г.»[5].

В результате конференции Черчилль и Рузвельт приняли компромиссное решение, заключавшееся в следующем. Начальники штабов одобрили план значительного усиления бомбардировок территории Германии и оккупированных ею стран Европы английской и американской авиацией. Это авиационное наступление было разделено на четыре этапа, причем решающий

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 65.
[2] См. там же.
[3] См. *М. Мэтлофф.* От Касабланки до «Оверлорда», стр. 176—177.
[4] *W. Leahy.* I Was There, p. 159.
[5] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 794.

этап намечался на апрель 1944 г. Цель наступления — подорвать силы германской истребительной авиации. Был запланирован и срок операции по форсированию Ла-Манша и высадки во Франции — 1 мая 1944 г. Штурм предстояло начать 5 дивизиям (2 из них авиадесантные). 20 дивизий должны были быть наготове для немедленной переброски на предмостное укрепление, как только оно будет создано. 4 американские и 3 английские дивизии намечалось перебросить из Средиземного моря после 1 ноября 1943 г. для участия в операции «Оверлорд» (новое условное обозначение операции по форсированию Ла-Манша, намеченной на 1944 г.). В дальнейшем американские дивизии должны были перебрасываться из США непрерывно в количестве от 3 до 5 ежемесячно.

Верховному главнокомандующему союзными вооруженными силами в Северной Африке Эйзенхауэру было предложено разработать более широкий план операции, чем операция «Хаски» (высадка в Сицилии), на случай, если последняя не приведет к капитуляции Италии[1].

Сразу же по окончании Вашингтонской конференции Черчилль в сопровождении английских начальников штабов и начальника штаба армии США Маршалла направился в ставку Эйзенхауэра в Алжир. Он хотел настоять на высадке союзных войск в Италии. «Прежде чем выехать из Африки,— писал Черчилль в своих мемуарах,— я твердо решил добиться принятия решения о вторжении в Италию, если Сицилия будет захвачена»[2]. Настаивая на вторжении в Италию, Черчилль на совещаниях в Алжире 29 мая — 3 июня 1943 г. доказывал, будто «именно таким путем можно оказать наибольшую услугу делу союзников и общему ходу развития войны как здесь, так и в районе Ла-Манша»[3]. Однако Маршалл занял твердую позицию, заявив, что решение должно быть принято после того, как начнется наступление на Сицилию[4]. Таким образом, совещание в Алжире не дало конкретных результатов; вопрос о методах вывода Италии из войны был отложен до занятия Сицилии.

4 июня президент Рузвельт от своего имени и от имени Черчилля поставил Советское правительство в известность о принятых в Вашингтоне решениях.

Планы союзников предусматривали усиление борьбы против подводных лодок держав «оси», вовлечение Турции в войну против фашистской коалиции в качестве либо активного, либо пассивного союзника, ослабление военной мощи Японии и осуществление таких мер, «при помощи которых можно удержать

[1] См. *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 408.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 816.
[3] Ibid., p. 822.
[4] Ibid., p. 825.

Китай в войне в качестве эффективной силы и в качестве базы, с которой можно проводить операции против Японии... оказание такой помощи и поддержки французским вооруженным силам в Африке, чтобы они могли быть готовыми к активному участию в наступлениях, которые должны быть предприняты на территории Европы...», а также вывод Италии «из войны в ближайший возможный момент времени». Советскому Союзу вновь обещали лишь усиление воздушных операций против Германии и оккупированной ею части Европы. В отношении второго фронта союзники писали: «Согласно теперешним планам на Британских островах весной 1944 года должно быть сконцентрировано достаточно большое количество людей и материалов, для того чтобы позволить предпринять всеобъемлющее вторжение на континент в это время»[1].

11 июня глава Советского правительства направил Рузвельту ответ на его послание; текст послания И. В. Сталина Рузвельту был послан также Черчиллю. В нем указывалось, что решения, принятые союзниками в Вашингтоне, противоречат тем, которые Черчилль и Рузвельт приняли в начале 1943 г. о сроках открытия второго фронта в Западной Европе. «Вы, конечно, помните,— писал И. В. Сталин Рузвельту,— что в Вашем совместном с г. Черчиллем послании от 26 января сего года сообщалось о принятом тогда решении отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и заставить Германию встать на колени в 1943 году.

После этого г. Черчилль от своего и Вашего имени сообщил 12 февраля уточненные сроки англо-американской операции в Тунисе и Средиземном море, а также на западном берегу Европы. В этом сообщении говорилось, что Великобританией и Соединенными Штатами энергично ведутся приготовления к операции форсирования Канала в августе 1943 года и что если этому помешает погода или другие причины, то эта операция будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь 1943 года.

Теперь, в мае 1943 года, Вами вместе с г. Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть — открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года.

Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 66—68.

не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий.

Что касается Советского Правительства,— подчеркивалось в послании,— то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»[1].

На это послание Советского правительства, адресованное Рузвельту, ответил Черчилль, получив «полное одобрение» президента США. В своем послании от 19 июня 1943 г. он заявил, что США и Англия предпринимают «действия, которые являются не только правильными, но и единственно физически возможными в данных обстоятельствах». Затем Черчилль пространно изложил причины, делавшие, по его мнению, невозможной высадку союзников в Западной Европе раньше весны 1944 г., а также аргументы в пользу «средиземноморского варианта» военных действий союзников[2].

В ответном послании Черчиллю от 24 июня 1943 г. глава Советского правительства писал, что ему «вполне понятна сложность организации англо-американского вторжения в Западную Европу, в частности организации переброски войск через Канал»; однако сообщения Рузвельта и Черчилля в 1942 и 1943 гг. вселяли уверенность, что союзники «отдавали себе полный отчет в трудностях организации такой операции и что соответствующая подготовка этого вторжения... ведется с полным учетом этих трудностей и со всем необходимым напряжением сил и средств. Еще в прошлом году Вы сообщили,— отмечал И. В. Сталин,— что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году». Далее в послании цитировался английский меморандум от 10 июня 1942 г., в котором Черчилль указывал: «Наконец, и это является наиболее важным из всего, мы концентрируем наши максимальные усилия на организации и подготовке вторжения на континент Европы английских и американских войск в большом масштабе в 1943 году. Мы не устанавливаем никаких пределов для размеров и целей этой кампании, которая вначале будет выполнена английскими и американскими войсками в коли-

[1] «Переписка...», т. II, стр. 69—70.
[2] См. «Переписка...», т. I, стр. 132—134.

честве свыше 1 миллиона человек при соответствующей авиационной поддержке».

Глава Советского правительства напоминал английскому премьер-министру, что в начале 1943 г. Черчилль от своего имени и от имени Рузвельта дважды сообщал о решениях союзников по вопросу о вторжении англо-американских войск в Западную Европу с целью «отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта», при этом он говорил о задаче «поставить Германию на колени уже в 1943 году» и определял срок вторжения «не позже сентября месяца».

И. В. Сталин, приведя в своем ответе выдержки из послания Черчилля от 26 января и 12 февраля 1943 г., указывал: «В феврале, когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из Северной Африки англо-американскими войсками; в подводной войне немцы также попали в более трудное положение, чем когда-либо раньше, а превосходство англо-американских сил значительно возросло; известно также, что американцы и англичане достигли господства своей авиации в Европе, а военный и транспортный морской флот возросли в своей мощи.

Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское Правительство не могло предполагать, что Британское и Американское Правительства изменят принятое в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году. Напротив, Советское Правительство имело все основания считать, что это англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется и второй фронт в Западной Европе будет, наконец, открыт в 1943 году.

Поэтому, когда Вы теперь пишете, что «Россия не получила бы помощи, если бы мы бросили сотню тысяч человек через Канал в гибельное наступление», то мне остается напомнить Вам о следующем. Во-первых, о Вашем же собственном меморандуме от июня месяца прошлого года, когда Вы заявляли о подготовке к вторжению не одной сотни тысяч человек, а о количестве англо-американских войск свыше 1 миллиона человек уже в начале операции. Во-вторых, о Вашем февральском послании, в котором говорилось о больших подготовительных мероприятиях к вторжению в Западную Европу в августе — сентябре этого года, чем, очевидно, предусматривалась операция отнюдь не с одной сотней тысяч человек, а с достаточным количеством войск...

Я уже не распространяюсь о том,—писал в заключение глава Советского правительства,— что это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и Президентом без участия Советского Правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское Правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»[1].

В своем ответе от 27 июня 1943 г.[2] Черчилль вновь пытался ссылаться на «неподготовленность» союзников к высадке в Западной Европе, особенно на недостаток десантных судов и трудности переброски американской армии в Европу. Черчилль продолжал отстаивать «средиземноморскую стратегию», утверждая, будто действия союзников привели «к отсрочке третьего наступления Гитлера на Россию, к которому, казалось, велись большие приготовления шесть недель тому назад». В заключение британский премьер писал: «Таким образом, дело не только в том, что, с одной стороны, трудности наступления через Канал все время казались нам более значительными и что не было ресурсов, но и в том, что для нас открылись возможности для проведения более многообещающей и плодотворной политики на другом театре...»[3]

Утверждения Черчилля о «задержке» германского наступления оказались неверными. Используя отсутствие второго фронта в Европе, гитлеровцы провели «тотальную» мобилизацию, собрали все силы и ресурсы как у себя, так и в оккупированных странах и бросили их на советско-германский фронт. 5 июля 1943 г. мощная ударная группировка гитлеровских войск начала наступление севернее и южнее Курска. Однако это на-

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 135—138.
[2] См. там же, стр. 139—140.
[3] Там же, стр. 140.

ступление не застало Красную Армию врасплох. Немецкое наступление было остановлено, а 12—15 июля советские войска перешли в контрнаступление и одержали блистательную победу над немецко-фашистскими захватчиками. После завершения Курской битвы контрнаступление Красной Армии переросло в стратегическое наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря. В результате летне-осенней кампании Советские Вооруженные Силы освободили Левобережную Украину и Донбасс, форсировали Днепр, изгнали оккупантов с Таманского полуострова, начали освобождение Белоруссии. Коренной перелом в ходе второй мировой войны завершился. Германской армии был нанесен удар, от которого она уже не могла оправиться.

Что же касается «плодотворной политики на другом театре», то Черчилль имел в виду операции союзных войск против Италии. Используя тяжелое положение немцев на советско-германском фронте, английские и американские войска 10 июля 1943 г. начали операцию по высадке в Сицилии, в которой участвовало 7 английских и 6 американских дивизий. Им противостояли 9 итальянских и 2 немецкие дивизии. Английские и американские войска не встретили серьезного сопротивления противника, однако только к 18 августа они заняли весь остров. Успех советских войск под Курском облегчил англо-американским силам высадку в Италии. 3 сентября войска 8-й английской армии высадились на юге Италии. 9 сентября в районе Салерно высадились войска 5-й американской армии. Этому способствовало и движение Сопротивления в Италии. Итальянские патриоты под руководством коммунистов усилили борьбу с фашизмом, приведшую к свержению Муссолини. Потерпев военный и политический крах, в сентябре 1943 г. Италия капитулировала[1]. И хотя военные действия союзников явились одной из причин выхода Италии из войны, однако с точки зрения интересов успешного ведения войны в целом, а также военной целесообразности длительная и малоэффективная кампания союзников в Италии была весьма сомнительной операцией. Известный английский буржуазный военный писатель генерал Фуллер в своей книге «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» отмечал: «...вследствие настояний Черчилля, что после занятия Сицилии со всей решительностью должна быть завоевана Италия, инициатива, с трудом захваченная союзниками, была частично растрачена в кампании, которая по своей стратегической бессмысленности и тактической заурядности является уникальной в военной истории»[2].

[1] См. главу одиннадцатую.

[2] *Дж. Ф. Ч. Фуллер.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956, стр. 343.

Англо-американская конференция в Квебеке (август 1943 г.)

В разгар летних операций 1943 г. Черчилль и Рузвельт договорились о новой встрече. В послании от 7 августа английское правительство известило правительство СССР, что «в результате успешного развития англо-американской акции против Италии» Англия и США решили возобновить переговоры «с целью достижения соглашения о дальнейших операциях на средиземноморском театре одновременно с ускорением... приготовлений к «Оверлорду»... и с целью определения связи всех этих операций с войной на Тихом и Индийском океанах»[1].

Англо-американская конференция под условным названием «Квадрант» состоялась с 14 по 24 августа 1943 г. в Квебеке. Кроме Рузвельта и Черчилля в ней участвовали представитель Китая Сун Цзы-вень и высшие военные и политические деятели США и Англии. Главным вопросом конференции была высадка союзных войск в Северной Франции в 1944 г.

Английский премьер-министр, стремившийся вновь оттянуть открытие второго фронта в Европе, приехал на конференцию, вооруженный документами в защиту своей позиции. На этот раз он привез меморандум под названием «Соображения по поводу падения Муссолини», который еще до конференции в Квебеке направил президенту США. В этом документе Черчилль излагал свои планы продвижения англо-американских войск в Италии и развертывания дальнейших действий на юге Европы, включая Балканы. «Мы пока еще не можем оценить,— говорилось в меморандуме,— какое воздействие падение Муссолини и капитуляция Италии окажут на Болгарию, Румынию и Венгрию. Оно может оказаться очень серьезным»[2].

Однако Черчилль столкнулся с решительным сопротивлением американских военных руководителей, в частности Маршалла, который на первом же заседании конференции заявил, что основной операцией союзных войск в Европе должно стать вторжение через Ла-Манш весной 1944 г. На этот раз английский премьер не рискнул открыто выступить против осуществления операции «Оверлорд» в 1944 г. Тем не менее, как свидетельствует американский военный историк Мэтлофф, Черчилль настаивал, что реализация плана «Оверлорд» зависит от соблюдения ряда условий. В частности, Черчилль считал возможной высадку войск союзников на севере Франции лишь в тот момент, когда там будет находиться не более 12 подвижных немецких дивизий.

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 393 (примечание 42).

[2] *Winston S. Churchill.* The Second World War, vol. V. Closing the Ring. Boston, 1951, p. 55—59.

Другое условие заключалось в достижении союзниками превосходства в воздухе в районе высадки[1].

Характеризуя поведение английского премьер-министра на конференции в Квебеке, американский публицист Шервуд писал в своей книге «Рузвельт и Гопкинс»: «Черчилль выступил со своими обычными и всегда убедительными предостережениями против ужасных потерь, которые могут быть понесены. Он снова и снова подходил к карте Франции, показывая огромнейшие коммуникационные преимущества немцев, густую сеть линий снабжения, идущих на восток и запад, шоссейные и железные дороги, построенные французами в соответствии с их планами обороны для снабжения и укрепления бельгийской границы и линии Мажино, начиная от портов Ла-Манша. Однако военно-воздушные силы могли уже дать теперь ответ на эти возражения: концентрированными беспрерывными бомбардировками всех немецких коммуникаций можно было нарушить систему снабжения и ограничить возможности маневра»[2].

24 августа 1943 г. конференция одобрила заключительный доклад Объединенного комитета начальников штабов о будущей стратегии союзников в 1943—1944 гг. Как указывает Мэтлофф, этот документ носил компромиссный характер и американцам, в частности, пришлось согласиться «с некоторым уменьшением роли операции «Оверлорд»»[3].

В докладе содержались следующие решения относительно военных действий в Европе: 1) проведение объединенного воздушного наступления против Германии в качестве предварительного условия осуществления операции «Оверлорд»; 2) проведение операции «Оверлорд». «Эта операция,— говорилось в докладе,— будет главным американо-английским наступлением на суше и в воздухе против европейских держав «оси» (день начала операции — 1 мая 1944 года)». Специально оговаривалось, что «при нехватке тех или иных ресурсов и необходимости выбора между операцией «Оверлорд» и операциями на средиземноморском театре наличные ресурсы будут распределяться с учетом достижения главной цели — обеспечения успеха операции «Оверлорд». Операции на средиземноморском театре будут проводиться силами, выделенными в соответствии с решениями, принятыми на конференции «Трайдент», если впоследствии Объединенный комитет начальников штабов не примет иного решения относительно изменения размера этих сил»; 3) подготовка плана операции «Юпитер» (высадка в Норвегии) в качестве альтернативы операции «Оверлорд» в случае, если проведение послед-

---

[1] См. *М. Мэтлофф.* От Касабланки до «Оверлорда», стр. 285.
[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 429.
[3] *М. Мэтлофф.* От Касабланки до «Оверлорда», стр. 285.

ней окажется невозможным; 4) ведение военных действий в Италии тремя этапами. Первый этап — вывод Италии из войны и создание военно-воздушных баз в районе Рима и, если окажется возможным, далее к северу. Второй этап — захват Сардинии и Корсики. Третий этап — осуществление неослабевающего нажима на немецкие войска в Северной Италии и создание благоприятных условий как для проведения операции «Оверлорд», так и для возможного вторжения союзных войск в Южную Францию; 5) вторжение в Южную Францию для отвлечения сил противника от района высадки по плану «Оверлорд»; 6) высадка на континент при чрезвычайных обстоятельствах (операция «Рэнкин»); 7) в отношении действий на Балканах в докладе, принятом конференцией, указывалось, что они будут ограничены снабжением партизан с воздуха и по морю, использованием небольших диверсионно-десантных групп и бомбардировкой важных стратегических объектов[1].

На конференции в Квебеке был утвержден также разработанный комитетами начальников штабов план военных действий западных союзников в Азии против Японии. При обсуждении тихоокеанской стратегии союзников английское правительство выразило желание «принять полное и достойное участие в войне против Японии». При этом наибольшее значение Черчилль придавал тому, чтобы английские войска были направлены для десантных операций против Голландской Индии, в первую очередь на остров Суматра или в крайнем случае на Малаккский полуостров. Одновременно Черчилль добивался контроля над «воздушным мостом» через Гималаи в Китай[2].

Представители США не согласились с мнением Черчилля. Американцы стремились не допустить Англию во владения Голландии.

В Квебеке были утверждены планы операций по занятию Маршалловых, Каролинских и Марианских островов, а также планы подготовки наступления в Бирме и оказания помощи Китаю. Что касается Японии, то был установлен срок ее разгрома — в течение 12 месяцев после поражения Германии. Конкретные операции предстояло определить позже[3].

На Квебекской конференции главы правительств США и Англии 19 августа 1943 г. заключили секретное соглашение о сотрудничестве в создании атомной бомбы. Еще ранее (летом 1942 г.) между Рузвельтом и Черчиллем была достигнута договоренность о сосредоточении в США всех исследовательских ра-

---

[1] См. *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958, стр. 43—45.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 572.

[3] См. стр. 387—388.

бот в этой области. В результате США монополизировали контроль за ходом работ. Английское правительство хотело изменить положение. В Квебеке союзники пришли к компромиссному решению. США сохраняли преобладающие позиции в сфере научных изысканий и производства атомного оружия. В то же время обе стороны обязались никогда не использовать атомное оружие друг против друга и лишь с обоюдного согласия применять его против третьих стран или передавать информацию о нем другим странам. Этим соглашением предусматривалось создание «Комитета общего руководства» (по три представителя с каждой стороны) для осуществления сотрудничества в создании атомной бомбы.

В Квебеке руководители США и Англии подготовили текст декларации США, Великобритании, СССР и Китая о создании постоянной Организации Объединенных Наций и об ответственности четырех великих держав за поддержание мира после войны.

На конференции были рассмотрены декларация Французского комитета национального освобождения от 3 июня 1943 г. и обращение к союзным правительствам о его дипломатическом признании. Участники конференции договорились о дипломатическом признании ФКНО с оговорками, которые низводили комитет до положения органа, лишь управляющего теми французскими заморскими территориями, которые признали его власть [1].

Черчилль и Рузвельт договорились сепаратно об условиях капитуляции Италии и вели переговоры по другим вопросам, относящимся к Европе.

Во время конференции главами правительств США и Англии был в принципе согласован с Советским правительством вопрос о встрече министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве.

По окончании конференции президент США и премьер-министр Великобритании информировали Советское правительство о принятых решениях. В послании, полученном в Москве 26 августа 1943 г., они указывали, что в течение 1943—1944 гг. будут продолжаться бомбардировки Германии в целях подготовки форсирования Ла-Манша и вторжения в Северную Францию. «В настоящее время,— писали Рузвельт и Черчилль,— в Соединенном Королевстве в широких масштабах осуществляется концентрация американских вооруженных сил. Этим будет создана концентрация американских и британских дивизий для действий по ту сторону Канала. Как только на континенте будет создано предмостное укрепление, оно будет неуклонно усиливаться дополнительными американскими войсками со

[1] См. стр. 355—356.

скоростью от трех до пяти дивизий в месяц. Эта операция будет основным американо-британским воздушным и наземным усилием против держав оси»[1]. Далее излагался план военных действий против Италии. Конкретный срок операции по вторжению в Северную Францию назван не был.

Глава Советского правительства оставил послание президента США и английского премьер-министра, извещавших его о решениях в Квебеке, без ответа.

3 сентября 1943 г. был подписан акт капитуляции Италии. В тот же день англо-американские войска вторглись на юг Апеннинского полуострова. Эти события послужили для английского правительства стимулом вновь начать борьбу за реализацию балканских проектов.

По свидетельству Шервуда, Черчилль в то время был настроен во что бы то ни стало «осуществить свой собственный стратегический план в восточной части Средиземного моря — в районе, который теперь был более близок его сердцу, чем когда-либо»[2]. В качестве одного из путей проникновения на Балканы Черчилль рассматривал захват Додеканесских островов.

В сентябре 1943 г. англичане предприняли попытку овладеть этими островами. Английские войска высадились на островах Лерос, Самос и Кос, расположенных в Эгейском море. Они намеревались захватить также остров Родос, развернуть военные действия в восточной части Средиземного моря и в случае успеха перенести их на Балканы, втянув в эти операции и американские войска. Однако английская экспедиция потерпела неудачу[3].

7 октября 1943 г. Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой о помощи. Ответная телеграмма Рузвельта от 8 октября 1943 г. содержала, однако, как отмечает Черчилль, «фактический отказ в предоставлении какой-либо помощи». Рузвельт писал, что он возражает против любых отвлекающих операций и считает, что «нельзя допускать таких переброс сил или вооружения, которые могут поставить под угрозу осуществление операции «Оверлорд», как она намечена в составленных нами планах».

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 85.

[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 453.

[3] Как рассказывает Шервуд, вслед за высадкой английских войск на греческих островах немцы послали туда свои морские и авиадесантные силы и снова заняли эти острова. В боях за Лерос англичане потеряли около пяти тысяч лучших солдат, четыре крейсера и семь эсминцев, которые были либо потоплены, либо повреждены. «Это неожиданное поражение,— пишет Шервуд,— было потрясающим и унизительным в такой момент, когда казалось, что немцы потеряли всякую возможность захватить где-либо инициативу в свои руки» (*Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 453—454).

Разъясняя свою позицию, Рузвельт отмечал в послании Черчиллю от 9 октября 1943 г., что, посылая свою предыдущую телеграмму, он руководствовался мыслью о недопустимости каких-либо действий, могущих поставить «под угрозу успех операции «Оверлорд»»[1]. Американское правительство на этот раз твердо остановило свой выбор на вторжении во Францию, руководствуясь собственными политическими интересами.

Советский Союз и Сражающаяся Франция (1942—1943 гг.)

Признание Советским Союзом Национального комитета «Свободная Франция» в сентябре 1941 г. означало, что Свободная Франция становится союзником СССР в борьбе против фашистского блока. Установление прямого контакта между правительством СССР и Национальным комитетом закладывало основы для развития деловых и дружественных советско-французских отношений в будущем и создавало хорошие предпосылки восстановления международного престижа Франции.

Успехи советских войск в зимнюю кампанию 1941/42 г. были с огромной радостью встречены всеми французскими патриотами. «Французский народ,— отмечал в своем выступлении по лондонскому радио в январе 1942 г. де Голль,— восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа. Ибо эти успехи приближают Францию к ее желанной цели — к свободе и отмщению... К общему несчастью,— говорил де Голль,— слишком часто на протяжении столетий на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия, порожденные интригами или непониманием. Тем не менее необходимость в таком союзе становится очевидной при каждом новом повороте истории»[2].

Глава Национального комитета «Свободная Франция» придавал решающее значение советско-германскому фронту в общей борьбе против фашистской коалиции, в связи с чем обратился к СССР с предложением направить отдельные воинские формирования Национального комитета на Восточный фронт. Советская сторона с одобрением встретила французское предложение. В конце декабря 1941 г. посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов заявил де Голлю, что правительство СССР согласно принять в ряды действующей армии французскую дивизию, находящуюся в Сирии[3]. Получив этот ответ, де Голль решил согласовать вопрос о посылке французских соединений в СССР с правительством Англии. Последнее, однако, отнеслось отрицательно к его инициативе. Начальник штаба британского министра обороны генерал Исмей в своем

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 214.
[2] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 1, стр. 657, 658.
[3] См. «Советско-французские отношения...», стр. 52.

ответе 6 января 1942 г. говорил о трудностях, якобы стоящих на пути осуществления этого намерения[1]. 20 января 1942 г. де Голль получил письмо и от Идена. «...Принимая во внимание, с одной стороны, трудности снабжения бригады Свободной Франции в Советском Союзе...— писал английский министр иностранных дел,— и, с другой стороны, возможность изменения обстановки на Среднем и Ближнем Востоке, я полагаю, что было бы благоразумнее не брать на себя в настоящее время формального обязательства перед Советским правительством об обязательной посылке одной бригады Свободной Франции в Советский Союз»[2]. Тем не менее де Голль направил в феврале 1942 г. своему представителю на Ближнем и Среднем Востоке генералу Катру приказ переправить одну дивизию в Иран и на Кавказ. Английское командование отказалось снабжать французских солдат во время их переезда через Иран, и в конце концов реализация предложения де Голля была сорвана.

25 ноября 1942 г. в Москве было подписано соглашение об участии французских летчиков в боях на советско-германском фронте. Вскоре после этого в СССР прибыла группа французских летчиков. Советское правительство взяло на себя полностью расходы по их содержанию и снаряжению. Французские летчики, из которых сначала была сформирована эскадрилья «Нормандия», а позже авиационный полк «Нормандия — Неман», прошли большой путь сражений и проявили себя отважными и мужественными бойцами. На их боевом счету более 5300 вылетов, 869 воздушных боев, 268 сбитых самолетов[3].

В то время как французские летчики сражались на советско-германском фронте, на территории оккупированной Франции в рядах движения Сопротивления вели борьбу против немецких захватчиков вместе с французами и советские патриоты. В восточных районах Франции действовали отряды советских партизан «Севастополь», «За Родину», «Сталинград» и др. В 1943 г. при участии и помощи ЦК Французской коммунистической партии был создан Центральный комитет советских пленных во Франции, выпускавший газету «Советский патриот». В газете печатались сообщения о героическом движении Сопротивления во Франции, о положении на советско-германском фронте.

В марте 1942 г. в СССР прибыли представители Национального комитета «Свободная Франция» Гарро, Пети и Шмитлейн. Они информировали советских руководителей о деятельности Национального комитета, о положении во Франции. С обеих

[1] См. *Ш. де Голль*. Военные мемуары, т. 1, стр. 782.
[2] Там же, стр. 786.
[3] См. подробнее *Ф. де Жоффр*. Нормандия — Неман. Воспоминания военного летчика. М., 1960, стр. 11.

сторон была выражена взаимная заинтересованность в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и в установлении тесного сотрудничества между СССР и Свободной Францией.

24 мая 1942 г., во время визита народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова в Англию, состоялась его беседа с Ш. де Голлем в Лондоне. Генерал де Голль говорил о трудностях, которые испытывает движение «Свободная Франция» во взаимоотношениях с правительствами Англии и США. Последние, по словам де Голля, сводили значение движения свободных французов до уровня «чисто военной организации, избегая всячески политической квалификации этого движения»[1].

Де Голль информировал народного комиссара также о затруднениях, которые могут возникнуть в связи с империалистическими тенденциями, проявляющимися в Америке[2].

С советской стороны было подтверждено желание правительства СССР видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и в мире свое место великой демократической антифашистской державы. Касаясь вопроса о суверенитете французского народа, нарком заявил, что правительство СССР «желало бы видеть этот суверенитет полностью восстановленным и Францию возрожденной во всем ее прежнем величии и блеске»[3].

Сообщая своему представителю в СССР о результатах лондонских переговоров, Национальный комитет «Свободная Франция» подчеркнул, что «Советское правительство считает необходимым восстановление сильной Франции, связанной союзом с Россией»[4].

Встреча в Лондоне в значительной степени способствовала укреплению авторитета Национального комитета «Свободная Франция». Вскоре после опубликования коммюнике о встрече министерство иностранных дел Англии заявило, что французский порт Дакар не будет занят союзниками без предварительного согласования с Национальным комитетом, а американцы «предложили, хотя пока еще неофициально, признать де Голля...»[5]. Комиссар по иностранным делам Национального комитета М. Дежан в беседе с А. Е. Богомоловым прямо признавал, что эти английские и американские заявления являлись результатом советско-французской встречи.

Особенно ярко дружественное отношение Советского Союза к Франции проявилось в вопросе о статуте движения «Свободная

---

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 79.
[2] См. *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 1, стр. 662.
[3] «Советско-французские отношения...», стр. 80.
[4] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 1, стр. 663.
[5] «Советско-французские отношения...», стр. 86.

Франция», который имел важнейшее значение в смысле укрепления международных позиций этого движения. Национальный комитет еще в апреле 1942 г. поставил перед союзниками вопрос о признании его временным французским правительством, что позволило бы комитету занять более видное место в антигитлеровской коалиции и лучше отстаивать свои интересы. Однако ни Англия, ни тем более США не пошли на это признание; они не желали узаконивать комитет, в частности, потому, что он мешал им проводить политику «свободных рук» во французских колониях. И де Голль вынужден был временно отказаться от своей идеи.

В июне 1942 г. Национальный комитет представил союзникам формулы, определяющие понятия «Сражающаяся Франция» (так предлагалось отныне именовать движение «Свободная Франция») и «Французский национальный комитет». Французы хотели, чтобы под понятием «Сражающаяся Франция» («Франс комбатант») понималась совокупность французских территорий и граждан, которые не признают капитуляции и которые, где бы они ни находились, способствуют имеющимися в их распоряжении средствами освобождению Франции в результате общей победы союзников. «Французский национальный комитет — руководящий орган Сражающейся Франции,— говорилось в формулировке де Голля,— который лишь один имеет право организовывать участие французов в войне и представлять при союзниках французские интересы, особенно в той мере, в какой эти интересы затрагиваются ведением войны»[1].

Английское правительство внесло в предложения де Голля такие изменения, которые существенно сужали французскую формулу. Первое из них ограничивало понятие «Сражающаяся Франция» совокупностью тех французских граждан и территорий, «которые объединяются вместе, чтобы сотрудничать с Объединенными Нациями в войне против общих врагов». Англичане хотели рассматривать Сражающуюся Францию просто как «символ» сопротивления французов державам «оси». Кроме того, они стремились сохранить за собой свободу рук для установления отношений с другими органами французской власти, которые могли бы быть созданы в будущем; в связи с этим в английской формуле определения Французского национального комитета были вычеркнуты слова «лишь один»[2].

Правительство США выработало формулу, еще более отличавшуюся от французского проекта. В американском документе вовсе не упоминалось о Сражающейся Франции. Руководители США продолжали упорно придерживаться старого термина — «движение Свободная Франция». Французский национальный

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 83.
[2] См. там же, стр. 469—470.

комитет определялся как символ французского сопротивления вообще державам «оси»[1].

Советское правительство полностью приняло предложенную французами формулу. 24 сентября 1942 г. посол А. Е. Богомолов сообщил комиссару по иностранным делам Национального комитета М. Дежану решение Советского правительства. Оно было высоко оценено французами, видевшими в этом «важный этап на пути, который должен все больше объединять Францию и Советскую Россию в едином стремлении разгромить агрессию и фашизм и вместе трудиться для восстановления мира в условиях военной безопасности и экономического процветания»[2].

Опыт сотрудничества между Советским Союзом и Сражающейся Францией в первые годы Великой Отечественной войны убедительно показал, что в лице СССР движение сопротивления французских патриотов имеет верного и надежного союзника. Главная задача СССР заключалась в том, чтобы всеми средствами способствовать консолидации антифашистских сил французского народа, поддерживать их борьбу за освобождение своей родины от фашистских оккупантов и их союзников внутри Франции и обеспечить развитие дружественных, союзнических отношений между СССР и Францией. В ноябре 1943 г. Генеральный секретарь ФКП Морис Торез писал: «Франция никогда не забудет, как многим она обязана Советскому Союзу, Красной Армии. Народ Франции отдает себе отчет в том, что наше поражение и нашествие врага, обрушившиеся на нашу страну несчастья являются следствием оголтелой антисоветской политики лавалевцев и прочих мюнхенцев. Он понимает, что старая франко-русская дружба станет завтра одной из лучших гарантий безопасности и независимости Франции»[3].

3 июня 1943 г. в Алжире была опубликована декларация о создании Французского комитета национального освобождения. Возглавили комитет два председателя — де Голль и Жиро. По настоянию американцев командующим вооруженными силами комитет утвердил генерала Жиро. Комитет опубликовал заявление, в котором объявлял себя центральной французской властью. Исходя из этого, комитет обратился к союзникам с просьбой признать его. Советское правительство отнеслось к этому заявлению положительно. Более того, как только в Северной Африке был образован Французский комитет национального освобождения, Советское правительство решило направить туда своего представителя для установления непосредственного контакта с руководителями комитета. Однако в течение почти двух

[1] См. «Советско-французские отношения...», стр. 468—469.

[2] Там же, стр. 97.

[3] *М. Торез.* Избранные статьи и речи. 1930—1964 гг. М., 1966, стр. 176.

месяцев правительству СССР не удавалось осуществить это намерение из-за противодействия англо-американских властей, ссылавшихся на различные «военные обстоятельства»[1]. Правительства США и Англии не только препятствовали установлению непосредственного контакта между Советским Союзом и руководителями французского комитета, но и отказались его признать. Они объясняли это тем, что военное командование союзников якобы не может быть уверено в том, какие действия предпримет генерал де Голль, и не убеждено в его дружественных чувствах к союзникам[2].

В этой связи И. В. Сталин направил 26 июня 1943 г. послание Черчиллю, в котором указывал: «Правительство Великобритании, как нам казалось, до сих пор поддерживало генерала де Голля, и это представлялось вполне естественным, так как с момента капитуляции Франции генерал де Голль возглавлял французские антигитлеровские силы и руководил борьбой французских патриотов, объединенных вокруг Сражающейся Франции. Последующее развитие событий в Северной Африке с ноября прошлого года и участие в проводившихся англо-американскими войсками операциях французских вооруженных сил, возглавлявшихся генералами Жиро и де Голлем, создало условия для их объединения. Это объединение считалось целесообразным всеми союзниками, и в данном вопросе не возникало никакого сомнения. Признание созданного объединенного органа в лице Французского Комитета Национального Освобождения должно было явиться следствием тех стремлений и усилий, которые были проявлены в этом деле. Тем более что после того, как Французский Национальный Комитет в лице Жиро и де Голля официально обратился к союзникам с просьбой признать этот Комитет, Советскому Правительству казалось, что общественному мнению французов был бы непонятен отказ в признании»[3]. Однако поскольку английское правительство просило отложить признание Французского комитета национального освобождения и обещало не предпринимать никаких сепаратных действий в этом направлении, Советское правительство согласилось повременить с признанием.

Тем временем правительство Англии пыталось выработать общую формулу признания Французского комитета национального освобождения, выдвинув летом 1943 г. два ее варианта — в письмах посла Великобритании в СССР А. Керра народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову от 26 июля и 5 августа. И та и другая формулы, по существу, обходили вопрос о признании Французского комитета национального осво-

[1] См. «Война и рабочий класс», 1943, № 6, стр. 21.
[2] См. «Переписка...», т. I, стр. 138.
[3] «Переписка...», т. I, стр. 138—139.

бождения в качестве представителя государственных интересов Франции. Вторая формула (в письме от 5 августа) отличалась от первой своим введением, из которого явствовало, что англичане предлагали признать Французский комитет не как единственный орган, объединяющий французов, а как один из органов. Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что во введении говорилось не о восстановлении основных свобод, законов республики и республиканского режима, как об этом сказано в декларации Французского комитета национального освобождения, а о том, что «французский народ сам должен решить вопрос о своем устройстве и создать свое собственное правительство...»[1]. Эту формулировку следовало понимать как желание англичан не связывать себя какими-либо обязательствами в отношении Французского комитета и сохранить свободу рук во Франции после высадки союзных войск.

Характерно, что в первой английской формуле признания комитета говорилось: правительство Великобритании рассчитывает, что комитет предоставит «возможности в военной и экономической областях на управляемых им территориях, какие могут потребоваться правительствам Объединенных Наций для ведения войны»[2], в то время как вторая формула признания излагала это положение следующим образом: «Комитет будет, конечно, предоставлять любые военные и экономические возможности и гарантии на управляемых им территориях, которые потребуются правительству Соединенных Штатов и правительству его величества в Соединенном Королевстве для ведения войны»[3].

Таким образом, правительства США и Англии всячески стремились ограничить авторитет и компетенцию Французского комитета национального освобождения. Пытаясь навязать комитету свою волю, правительство Великобритании, в частности, потребовало в форме ультиматума передачи верховного командования французскими войсками генералу Жиро[4]. В этой связи говорили даже о возможной отставке де Голля. Отказ правительств Англии и США признать Французский комитет национального освобождения отрицательно сказывался на объединении усилий французских патриотов в борьбе против нацизма.

Французская проблема была предметом обсуждения на англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г. Государственный секретарь США Хэлл продолжал занимать враждебную позицию в отношении де Голля и не желал рассматривать Французский комитет национального освобождения в качестве центральной власти Франции. Все попытки добиться какой-либо

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 186.
[2] Там же, стр. 185.
[3] Там же, стр. 187.
[4] См. там же, стр. 190.

общей формулы признания потерпели неудачу. В итоге было решено, что каждое правительство само определит свое отношение к комитету и направит соответствующее обращение де Голлю и Жиро.

26 августа 1943 г. Советское правительство заявило о своем решении «признать Французский Комитет Национального Освобождения как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании, и обменяться с ним полномочными представительствами»[1].

Одновременно английское правительство передало Французскому комитету национального освобождения меморандум, а президент США опубликовал декларацию о признании комитета. Однако эти документы содержали ряд оговорок. Так, в английской формуле подчеркивалось, что Французский комитет национального освобождения является лишь органом, действующим в пределах определенных ограничений во время войны и только на тех французских территориях, «которые признают его власть»[2]. Такая формулировка давала полную возможность не допускать присоединения к движению Сражающаяся Франция тех французских владений, которые представляли особый интерес для английских и американских монополий.

Советская формула признания Французского комитета национального освобождения коренным образом отличалась от английской и американской: она выражала полное и безоговорочное признание Французского комитета правительством СССР. Представитель ФКНО в СССР Р. Гарро выразил Советскому правительству благодарность комитета за дружественный шаг, подчеркнув «исключительно большое впечатление, которое произвело на французский народ это признание, сделанное в ясной и четкой форме»[3]. 5 октября 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР назначил Полномочным представителем Советского правительства при ФКНО А. Е. Богомолова, который прибыл в Алжир 8 октября. Представителем ФКНО при правительстве СССР продолжал оставаться Гарро.

Политика английского и американского правительств в отношении Французского комитета национального освобождения вызывала критику и в самих США и Англии. Так, член английского парламента Кокс, выступая в палате общин 21 сентября 1943 г., заявил: «Советский Союз признал Французский национальный комитет как представителя государственных интересов Франции... Ни Америка, ни Великобритания не пошли так далеко. Мы не признали комитет как представителя государствен-

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 195.
[2] Там же, стр. 190.
[3] Там же, стр. 215.

ных интересов Франции, хотя мы признали другие союзные правительства, которые в действительности не являются ни столь демократическими, ни столь представительными, как Французский комитет»[1]. В вопросе признания Французского комитета национального освобождения вновь проявилась последовательная и принципиальная позиция Советского Союза, направленная на восстановление международного престижа и авторитета Французской Республики.

Заключение советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве

В соответствии с советско-чехословацким соглашением от 18 июля 1941 г. о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии, на территории СССР была сформирована и в 1943 г. начала сражаться плечом к плечу с Красной Армией против фашистских захватчиков чехословацкая воинская часть под командованием Людвика Свободы.

Правительство СССР неизменно стремилось к дальнейшему укреплению советско-чехословацкого сотрудничества.

Чехословацкое правительство, находившееся в Лондоне, вступило в марте 1943 г. в переговоры с правительством СССР о новом союзническом договоре между Чехословакией и Советским Союзом. 6 марта 1943 г. посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовским сообщил о намерении президента Э. Бенеша приехать в Москву с целью обсудить вопрос о дальнейших формах чехословацко-советского сотрудничества. З. Фирлингер сказал, что Бенеш запросил его мнение о том, «можно ли надеяться на какую-либо возможность подписания договора с Советским Союзом, который регулировал бы не только вопросы чехословацко-советских отношений в процессе войны, но и в послевоенный период». Как отметил посол, «Бенеш пока еще не имеет определенного проекта, но... весь чехословацкий народ хочет тесного чехословацко-советского сотрудничества, тесного союза с великим русским народом»[2]. При этом Фирлингер подчеркивал, что чехословацкий народ «идет гораздо дальше, чем чехословацкое правительство» в Лондоне. Он спросил, «нет ли каких-нибудь международных препятствий для союза между Чехословакией и СССР»[3]. Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР заявил, что не видит никаких препятствий — ни национальных, ни международных — для тесного сотрудничества между Чехословакией и СССР[4].

---

[1] "Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report", vol. 392, col. 120.

[2] «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 63, 64.

[3] Там же, стр. 64.

[4] См. там же.

20 марта 1943 г. Бенеш официально обратился к Советскому правительству с вопросом о возможности заключения договора о взаимопомощи между СССР и Чехословакией или между СССР, Чехословакией и Польшей в духе англо-советского договора 1942 г. Правительство СССР выразило на это принципиальное согласие[1]. Оно готово было обсудить конкретные предложения чехословацкого правительства относительно заключения договора о взаимопомощи между СССР и Чехословакией. Советское правительство считало в принципе приемлемым и соглашение между СССР, Чехословакией и Польшей, указав лишь на несвоевременность обсуждения этого вопроса.

10 мая 1943 г. Фирлингер сообщил Бенешу в Лондон, что правительство СССР ждет от него проекта договора и считает, что договор мог бы быть подписан во время визита Бенеша в СССР. Фирлингер рекомендовал не откладывать это дело и считал, что остальные вопросы, вытекающие из договора, могли бы быть обсуждены в Москве[2]. Однако заключению советско-чехословацкого договора пыталось помешать английское правительство. В ту пору оно еще надеялось осуществить свои проекты создания антисоветской федерации вблизи западных границ СССР[3] и старалось не допустить сближения Чехословакии с Советским Союзом. Иден советовал Бенешу отложить подписание договора ввиду наличия польско-советского конфликта[4]. Кроме того, Иден заявил Бенешу, будто Советское правительство обещало не заключать с малыми странами договоров, затрагивающих послевоенный период. Никаких подобных обещаний англичанам Советское правительство не давало. 7 июля 1943 г. заместитель наркома иностранных дел СССР А. Е. Корнейчук разъяснил это послу Чехословакии Фирлингеру. Тем не менее Бенеш готов был уступить англичанам, мотивируя это, в частности, зависимостью чехословацкого правительства от Англии.

Позиция чехословацкого правительства, естественно, вызывала недовольство среди чехов и словаков, дружественно настроенных к СССР. В телеграмме Бенешу Фирлингер указывал: «Вести переговоры о соглашении и не подписать его — это вызвало бы неблагоприятное впечатление, и Москва не согласилась бы с подобными действиями»[5].

В августе 1943 г. Бенеш передал проект договора на рассмотрение Советского правительства, выразив при этом надежду, что вопрос о его визите в Москву будет урегулирован на предстоящей встрече советских и английских представителей. Рас-

[1] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 65, 71.
[2] См. там же, стр. 75, 76.
[3] Подробнее см. стр. 411—412.
[4] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 86.
[5] Там же, стр. 93.

смотрев чехословацкий проект, Советское правительство направило контрпредложение, которое, как отмечал Фирлингер, должно было полностью удовлетворить чехословацкое правительство. В советском проекте подчеркивалось стремление СССР и Чехословакии продолжать войну против гитлеровской Германии до победного конца, готовность Советского Союза оказывать помощь Чехословакии также и в послевоенное время, если бы она была вовлечена в военные действия с Германией, в случае если последняя возобновила бы свою политику «дранг нах Остен», или с каким-либо из государств, которое объединилось бы с ней в такой войне. В проекте договора предусматривалось сотрудничество после войны на началах суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Проект предусматривал возможность присоединения к договору третьей стороны, граничащей с СССР и Чехословакией и являвшейся в этой войне объектом германской агрессии [1].

23 октября 1943 г., во время Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, Советское правительство передало британскому и американскому правительствам для сведения согласованный проект советско-чехословацкого договора о взаимопомощи. 24 октября на совещании трех министров при обсуждении вопроса о договорах с малыми странами о послевоенных отношениях, внесенного делегацией Англии, представители СССР поставили вопрос о чехословацко-советском договоре. При этом было заявлено, что, несмотря на полную договоренность между Советским и чехословацким правительствами, приезд Бенеша в Москву для подписания договора задержался вследствие возражения со стороны британского правительства. Иден на том же заседании заявил, что он ознакомился с содержанием договора, считает его очень хорошим и не имеет возражений против поездки Бенеша в Москву для его подписания [2]. Сообщив об этом чехословацкому правительству, Советское правительство пригласило Бенеша посетить Москву и подписать договор [3].

12 декабря 1943 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословакией, который послужил прочной основой для новой внешнеполитической ориентации Чехословакии. Договор гарантировал чехословацкому народу независимость, безопасность, право свободно и самостоятельно решать судьбу своей страны. Советский Союз еще раз продемонстрировал, что он не признает мюнхенского сговора и всеми имеющимися у него

---

[1] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 107—109.
[2] См. там же, стр. 124.
[3] См. там же, стр. 126.

средствами поможет чехословацкому народу вернуть отнятую у него независимость.

Союзный договор между СССР и Чехословакией от 12 декабря 1943 г. явился надежной гарантией избавления чехов и словаков от угрозы порабощения, гарантией свободного и всестороннего развития страны. Генеральный секретарь КПЧ Клемент Готвальд в связи с заключением советско-чехословацкого договора говорил: «Наш национальный и государственный корабль нашел надежную гавань»[1].

Дипломатические акции СССР в поддержку движения Сопротивления в Югославии, Польше и Албании

Советский Союз оказывал всемерную политическую и дипломатическую поддержку движению Сопротивления против фашизма. СССР проявлял горячее сочувствие к народам Югославии, лучшие сыны и дочери которых под руководством ЦК КПЮ, возглавляемого Иосипом Броз Тито, героически боролись с агрессорами. Положение в Югославии осложнялось тем, что в стране действовали сотрудничавшие с оккупантами усташи, руководимые главарем хорватских фашистов Павеличем, и вооруженные силы югославского эмигрантского правительства — четники во главе с генералом Михайловичем, военным министром этого правительства. Последних поддерживало английское правительство. Англичане уже с осени 1941 г. активно стремились ликвидировать партизанское движение в Югославии. В этих целях они для начала добивались подчинения Михайловичу партизан, возглавляемых Иосипом Броз Тито. Правительство Англии настойчиво пыталось получить на это согласие Советского правительства, убеждая его в том, что таким образом в Югославии удастся организовать «общий фронт», с которым могли бы сотрудничать как Великобритания, так и Советский Союз[2].

Советское правительство, разумеется, не пошло на это. СССР неизменно поддерживал национально-освободительное движение в Югославии, возглавляемое Тито. Правительство СССР не признавало возможным навязывать Тито какое-либо сотрудничество с четниками Михайловича и справедливо считало, что последние не могут рассматриваться как «силы сопротивления».

Правительству Англии все в большей степени приходилось считаться с югославским партизанским движением. В мае 1943 г. оно само установило связи с партизанами, возглавляемыми Тито, не переставая, однако, поддерживать четников Михай-

---

[1] *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. II, 1939—1953 годы. М., 1957, стр. 39.

[2] АВП СССР. Меморандум, направленный английским послом в Москве в НКИД СССР 9 марта 1943 г.

ловича. Когда в конце ноября 1943 г. на второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии был создан Национальный комитет освобождения с правами временного правительства во главе с маршалом Тито, английское правительство сообщило 14 декабря 1943 г. Советскому правительству, что оно «не считает, что этот шаг (т. е. создание Национального комитета освобождения.— *Ред.*) обязательно повлияет на его теперешнюю политику в отношении Югославии». Английское правительство вновь выражало надежду, что Тито, король и югославское эмигрантское правительство «найдут базис для сотрудничества» [1].

Советский Союз выразил свое принципиальное отношение к освободительному движению Югославии в заявлении Наркоминдела от 14 декабря 1943 г., в котором указывалось, что правительство СССР положительно оценивает происшедшие в Югославии события и рассматривает их как «способствующие дальнейшей успешной борьбе народов Югославии против гитлеровской Германии. Они свидетельствуют также о серьезном успехе новых лидеров Югославии в деле объединения всех национальных сил Югославии» [2].

Советский Союз оказывал всемерную помощь борьбе польских патриотов. Весной 1943 г. в СССР был образован Союз польских патриотов, объединивший всех поляков, которые проживали в СССР, для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. По инициативе союза была сформирована польская дивизия имени Тадеуша Костюшко. 12 октября 1943 г. эта дивизия в составе Красной Армии начала боевые действия против немецко-фашистских войск.

В то же время правительство СССР давало решительный отпор антинациональным и антисоветским происках польского эмигрантского правительства в Лондоне и его агентов в Польше, пользовавшихся поддержкой американских и английских правящих кругов. Польские реакционеры в марте — августе 1942 г. вывели за пределы СССР часть армии генерала Андерса, сформированной в соответствии с советско-польским соглашением для совместной с Красной Армией борьбы против немецко-фашистских войск на советско-германском фронте. В феврале 1943 г. эмигрантское польское правительство вновь выступило с притязаниями на украинские и белорусские земли. Весной 1943 г. оно стало поддерживать различного рода антисоветскую клевету, фабрикуемую ведомством Геббельса.

---

[1] АВП СССР. Меморандум правительства Великобритании Советскому правительству от 14 декабря 1943 г.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 379.

Правительство СССР после ряда предупреждений, на которые польское эмигрантское правительство не реагировало, 25 апреля 1943 г. прервало дипломатические отношения с этим правительством, указав, что оно, «скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу»[1].

Решение Советского правительства прервать дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством не означало какого-либо изменения в отношении СССР к польскому народу. Советское правительство продолжало помогать польским патриотам в их борьбе против оккупантов. 4 мая 1943 г. И. В. Сталин, отвечая на вопросы московского корреспондента американской газеты «Нью-Йорк таймс» и английской газеты «Таймс» Р. Паркера, заявил, что Советский Союз желает видеть Польшу сильной и независимой и строить с ней отношения на базе прочных добрососедских связей и взаимного уважения и, если этого пожелает польский народ, на основе союза и взаимопомощи против немецких захватчиков[2].

Большую поддержку от Советского Союза получал в своей национально-освободительной борьбе народ Албании. 18 декабря 1942 г. правительство СССР опубликовало заявление «О независимости Албании». В этом документе говорилось: «Советский Союз, относящийся с полным сочувствием к мужественной освободительной борьбе албанских патриотов против итальянских оккупантов, не признает никаких притязаний итальянского империализма на албанскую территорию и желает видеть Албанию освобожденной от ига фашистских захватчиков и независимость ее — восстановленной... Вопрос о будущем государственном строе Албании является ее внутренним делом и должен быть решен самим албанским народом»[3].

Советский Союз твердо проводил политику, направленную на поддержку и сплочение антифашистских сил и в других странах. Героическая борьба народа СССР против гитлеровской Германии, а также политическая и дипломатическая деятельность Советского государства явились значительной поддержкой силам освободительного движения, создали исключительно благоприятные условия для дальнейшего укрепления фронта свободолюбивых народов и государств. В свою очередь, движение Сопротивления народов фашистским захватчикам было реальным вкладом в общую борьбу против фашистских агрессоров.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 303.

[2] См. там же, стр. 89.

[3] Там же, стр. 287.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КАПИТУЛЯЦИЯ ИТАЛИИ

Военный крах Италии. Начало распада блока агрессоров

Поражения, нанесенные итальянцам на советско-германском фронте, а также в Африке, крайне обострили внутреннее положение в стране. Заметно активизировалось антифашистское движение.

Еще в начале войны в Италии происходили отдельные антифашистские, антивоенные выступления. В 1942 г. и в начале 1943 г. эти выступления участились. Итальянские трудящиеся все настойчивее требовали выхода Италии из войны. К концу 1942 г. заключение мира «стало заветной мечтой всех итальянцев, единственным средством спасения родины»[1],— писал один из руководителей антифашистского освободительного движения Италии Луиджи Лонго. В октябре — ноябре 1942 г. в Турине по инициативе Коммунистической партии Италии был образован Комитет национального фронта, состоявший из представителей антифашистских партий. В стране начались крупные забастовки. Так, в январе — феврале 1943 г. состоялись забастовки в промышленных центрах Северной Италии. Новая волна забастовочного движения прокатилась по Италии в марте 1943 г.

Усилилось брожение в правящей верхушке Италии. Королевский двор и его окружение, включая отдельных фашистских руководителей (Гранди, Чиано и др.), спешили отмежеваться от Муссолини. Они искали выход из создавшегося положения на пути устранения Муссолини и заключения сепаратного мира с США и Англией. Были сделаны попытки установить контакты с западными державами. Эти попытки санкционировал министр иностранных дел Италии Чиано.

Муссолини знал о настроениях в правящей верхушке. В начале февраля 1943 г. он реорганизовал правительство, уволив из него девять министров (из одиннадцати), в том числе Чиано. Пост министра иностранных дел «дуче» занял сам, а заместителем назначил Бастианини.

---

[1] *Л. Лонго.* Народ Италии в борьбе. М., 1952, стр. 69.

Фашистский диктатор и сам искал выход из войны, пытаясь убедить Гитлера прекратить войну на Востоке[1].

Германское правительство видело нарастание внутриполитического кризиса в Италии. Его пугали антифашистские выступления итальянского народа. Оно знало и о настроениях в правящей верхушке Италии. Гитлер и его приближенные не хотели выхода Италии из войны и не скрывали своего недоверия к итальянскому союзнику[2].

Гитлеровский фельдмаршал Кессельринг, находившийся в Риме, вмешивался в дела, входившие исключительно в компетенцию итальянского военного командования, осуждал действия и решения последнего и, к неудовольствию итальянских военачальников, превратился в главного военного советника Муссолини. В начале мая 1943 г. гитлеровцы предложили ввести в Италию пять германских дивизий. Учитывая ненависть итальянского населения к гитлеровским войскам и опасаясь дальнейшего обострения внутреннего положения в стране, Муссолини не согласился на это. «Мы нуждаемся прежде всего в танках и самолетах»,— неоднократно повторял он в беседах с представителями «рейха». Не удалось заручиться согласием Муссолини на ввод пяти дивизий и адмиралу Дёницу, специально прибывшему с этой целью в Рим.

В телеграмме Гитлеру 12 мая 1943 г. Муссолини вновь просил направить в Италию самолеты и другую военную технику. На этот раз он согласился на ввод в страну трех германских дивизий. Но в Берлине преобладали настроения в пользу военной оккупации всей итальянской территории. В середине мая 1943 г. германский генеральный штаб представил на рассмотрение Гитлера «Обзор положения на случай выхода Италии из войны», в котором содержались предложения об укреплении позиций Германии на юге Европы. Одновременно были разработаны планы военной оккупации Италии под кодовыми наименованиями «Аларих» и «Константин». В Риме об этих двух планах ничего не знали.

Военные поражения в Африке в апреле — мае 1943 г. еще более осложнили положение Италии. В начале мая союзники овладели Тунисом и Бизертой, добились господства на море и в воздухе. 13 мая итало-немецкие войска капитулировали. Общее количество сдавшихся союзникам достигало 250 тыс. человек, из них примерно половину составляли итальянцы. Спустя месяц англо-американские войска высадились на острове Пантелле-

---

[1] См. стр. 318—319.

[2] *F. W. Deakin.* The Brutal Friendship. Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. London, 1962, p. 287 (далее — *F. W. Deakin.* The Brutal Friendship).

рия, расположенном в 100 *км* от Туниса. Десант не встретил, по существу, никакого сопротивления. Теперь ожидалась высадка англо-американских войск на юге Европы.

Среди гитлеровского командования было довольно широко распространено мнение, что союзники осуществят десантную операцию в районе Балкан. Исходя из этого, гитлеровцы особое внимание уделяли борьбе против партизан в этом районе, в том числе в Югославии.

Еще в начале 1943 г. Гитлер настаивал на проведении совместных германо-итальянских операций против югославских партизан, в частности в Черногории. Эти операции, однако, успеха не имели. 19 мая Гитлер обратился к Муссолини с весьма резким письмом. Представитель германского командования в Италии генерал Ринтелен был настолько встревожен тоном письма, что вручил его Муссолини, только получив подтверждение на свой специальный запрос.

В этом письме Гитлер подверг резкой критике действия и позицию итальянского командования и итальянского губернатора Черногории, обвиняя их в непонимании серьезности положения в связи с возможной высадкой союзников на Балканах. Гитлер подчеркивал, что, несмотря на его усилия, итальянская сторона практически саботирует выполнение соглашения о совместных действиях в районе, имеющем «жизненно важное значение» для обеих стран.

«Фюрер» напоминал, что уже во время итало-абиссинской войны Германия оказывала помощь Италии. «С тех пор,— продолжал он,— это сотрудничество, начавшееся на полях сражений в Испании и продолжавшееся до недавнего времени, скреплено со стороны как Италии, так и Германии кровью десятков тысяч человек. Нынешние операции на Балканах,— пояснял Гитлер,— не имеют никакого иного значения, кроме как подготовка почвы для германских соединений на случай высадки союзников...»[1].

Муссолини в ответном послании высказал готовность к совместным операциям на Балканах. Однако он не согласился с некоторыми оценками Гитлера относительно роли партнеров Германии в ряде военных операций. Признавая значение германского участия в греческой кампании в 1941 г., он вместе с тем подчеркивал, что якобы «сопротивление греческой армии было сломлено итальянскими войсками в длительных зимних боях», т. е. до нападения Германии на Грецию. «Дуче» согласился, что Северная Африка утеряна в результате трудностей снабжения войск, но объяснял перебои в снабжении тем, что англо-американцы имели преимущество в воздухе, т. е. упрекал Гит-

[1] *F. W. Deakin.* The Brutal Friendship. p. 353.

лера в неоднократном нарушении Германией своих обязательств помочь Италии авиацией [1].

Растущее взаимное недоверие все более сказывалось на отношениях гитлеровской Германии и фашистской Италии. Спасти «ось Берлин — Рим» могли лишь военные успехи фашистских держав на фронтах. Это отчетливо понимали правители гитлеровской Германии, как и прежде уделявшие предстоявшей летней кампании на решающем, советско-германском фронте первостепенное внимание. Однако надежды гитлеровцев не оправдались. Летом 1943 г. Красная Армия разгромила немецко-фашистские войска в районе Курска.

Победы Вооруженных Сил СССР, то обстоятельство, что гитлеровцы вынуждены были уделять Восточному фронту главное внимание, в значительной степени облегчили и обусловили успешное осуществление военных операций союзников в районе Средиземного моря. 10 июля 1943 г. англо-американские войска, в соответствии с решением конференции в Касабланке, высадились в Сицилии.

Итальянские войска, находившиеся в Сицилии, не оказали серьезного сопротивления союзникам и большей частью были взяты в плен. Расквартированные же на острове немецкие войска после упорных боев сумели эвакуироваться на континент. Сицилийская операция длилась 38 дней [2]. К 18 августа Сицилия была наконец очищена от фашистских войск. Высадка англо-американских войск в Сицилии предвещала перенесение военных операций на Апеннинский полуостров.

После начала операций в Сицилии Муссолини немедленно запросил у Гитлера срочной помощи, предупреждая, что в противном случае Италия не сможет удержать остров. Однако, бросив все свои резервы на Восточный фронт, фашистская Германия была не в состоянии помочь союзнику. 13 июля, т. е. на другой день после перехода советских войск в контрнаступление на Курской дуге, Гитлер утвердил директиву в отношении Сицилии. Признавая невозможность удержать остров, он приказывал германским войскам хотя бы оттянуть его сдачу.

Одновременно германское командование по указанию Гитлера втайне от итальянцев приступило к созданию линии обороны на севере Италии на случай внезапного краха партнера по «оси»: к границам Италии были переброшены эсэсовские войска, несколько парашютных дивизий и т. д. Хорошо информированный посол Италии в Германии Альфьери сообщил Бастианини

---

[1] *F. W. Deakin.* The Brutal Friendship, p. 356.

[2] Многие исследователи объясняют затяжку Сицилийской операции тактическими просчетами союзников.

в письме от 12 июля 1943 г. о планах германского командования в отношении Италии. По его словам, эти планы сводились к тому, что, будучи полностью занята борьбой на Востоке и стремясь по возможности оттянуть момент возможного нападения противника на собственную территорию, Германия рассматривала окружавшие ее союзные и оккупированные страны как свои укрепленные бастионы. Италия являлась одним из таких бастионов. Не имея сил ввязаться здесь в серьезную борьбу с англо-американскими войсками, Германия, по мнению Альфьери, будет лишь ограниченными средствами поддерживать «героическое» сопротивление Италии [1].

В письме Гитлеру от 18 июля Муссолини отмечал, что помощь со стороны Германии на средиземноморском театре недостаточна и что успехи англо-американцев в Сицилии объясняются их господством в воздухе. По мнению Муссолини, целью противника является не только завоевание Италии, но и выход в районе Балкан на фланги Германии. Указав, что Италия не согласна играть роль жертвы, приносимой ради отсрочки прямого нападения на Германию, «дуче» писал: «Моя страна, которая вступила в войну на три года раньше, чем было предусмотрено, и которая поэтому не была подготовлена, постепенно истощила себя, расходуя свои ресурсы в Африке, России и на Балканах. Я думаю, фюрер, что наступила минута, когда необходимо совместно рассмотреть обстановку, чтобы сделать выводы, наиболее отвечающие интересам обеих стран» [2].

Надеясь предотвратить крах фашистской Италии, Гитлер согласился на новую встречу с Муссолини. Накануне этой встречи, 18 июля, в Берхтесгадене на совещании германских военачальников был принят документ, который должен был явиться основой для переговоров с итальянцами. Суть предложений, содержавшихся в этом документе, сводилась к тому, чтобы, сохраняя номинально положение Муссолини как главы правительства и главнокомандующего, всю фактическую власть в Италии, в первую очередь в военной области, передать германскому командованию, которому подчинить итальянский генеральный штаб и итальянскую армию. Речь шла, таким образом, о военной оккупации этой страны гитлеровцами.

Встреча Гитлера с Муссолини состоялась 19 июля в Фельтре (область Венето). Желая подчеркнуть исключительно военный характер переговоров, Гитлер взял с собой одних лишь военных советников. «Эта встреча,— рассказывает присутствовавший на ней переводчик Гитлера Шмидт,— была одной из самых удручающих встреч, в которых я когда-либо принимал

---

[1] *F. W. Deakin.* The Brutal Friendship, p. 373.
[2] Ibid, p. 379.

участие»[1]. В течение двух часов Гитлер упрекал итальянских партнеров в неудачах на фронте, в неспособности организовать оборону своих территорий, в слабости тыла и т. д. Гитлер обещал, что к зиме Германия создаст новое мощное секретное оружие. «Италию необходимо защищать,— заявил он,— чтобы Сицилия стала для врага тем, чем Сталинград был для нас»[2]. Однако из-за напряженного положения на Восточном фронте Гитлер отказался выделить какое бы то ни было подкрепление Италии.

Муссолини молча слушал разглагольствования «фюрера». Некоторые члены итальянской делегации стремились подбодрить «дуче», убеждали его объяснить Гитлеру всю серьезность положения. «Крайне необходимо объясниться с Гитлером, чтобы найти выход,— говорил Альфьери.— Поскольку возможность заключения сепаратного мира не может не приниматься в расчет, гораздо лучше сделать это тогда, когда государство все еще продолжает существовать, когда различные его органы все еще функционируют... Быть может, завтра это будет слишком поздно»[3].

Начальник генерального штаба итальянской армии генерал Амброзио потребовал от Муссолини прямо заявить Гитлеру, что Италия не в состоянии продолжать войну. Однако Муссолини никаких решительных заявлений не сделал.

Конференция в Фельтре не имела каких-либо практических результатов. Она лишь свидетельствовала о том, что «ось Берлин — Рим» доживает последние дни. Комментируя конференцию в Фельтре, один из ее участников, представитель гитлеровской ставки при главном командовании итальянской армии Ринтелен, в своих воспоминаниях признает, что Муссолини и сопровождавшие его лица находились на конференции в унизительном положении. «Такой способ проведения «конференции»,— пишет Ринтелен,— которая означала для Муссолини скорее инструктаж, должен был произвести на присутствовавших итальянцев — на обоих фашистов Бастианини и Альфьери и на начальника генерального штаба Амброзио, тщетно ждавшего заявления Муссолини о том, что Италия стоит на грани полного истощения своих сил,— тяжелейшее впечатление»[4].

О характере встречи в Фельтре свидетельствовал и тот факт, что выступление Гитлера даже не переводилось на итальянский язык и некоторые ее участники со стороны Италии многое из сказанного Гитлером просто не поняли.

---

[1] *P. Schmidt.* Statist auf Diplomatischer Bühne, S. 568.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 47.
[3] *D. Alfieri.* Deux dictateur face à face, p. 324.
[4] *E. Rintelen,* Mussolini als Bundesgenosse, S. 214.

Свержение Муссолини. Дипломатия правительства Бадольо

Рост антифашистского движения в Италии, с одной стороны, и военно-политическое поражение фашистского режима во главе с Муссолини — с другой, привели некоторых из его бывших сторонников к убеждению в необходимости быстрейшего устранения «дуче». Возникшие среди правящих кругов Италии группы заговорщиков преследовали главную цель — сохранить существующий в стране порядок, отстранив от власти лиц, наиболее себя скомпрометировавших.

Одна из групп заговорщиков возглавлялась председателем Палаты фашей и корпораций Гранди, бывшим министром иностранных дел Чиано и другими видными деятелями фашистской партии. Другая группа возникла среди военных и придворных кругов. К ней принадлежали маршал Бадольо, генерал Амброзио, министр королевского двора герцог Аквароне.

Заговорщики стали предпринимать попытки достигнуть соглашения с Англией и США. Важное значение имели в этом отношении переговоры представителей Ватикана с деятелями католической церкви США. Так, весной 1943 г. американский кардинал Спеллман посетил Ватикан и обсуждал с государственным секретарем Ватикана кардиналом Мальоне возможности выхода Италии из войны [1].

Назначенный в феврале 1943 г. итальянским послом в Ватикане Чиано встретился со своим английским коллегой, который в одобрительных тонах «высказался за быстрейшее осуществление государственного переворота, имеющего целью отстранение Муссолини от власти» [2].

24 июля 1943 г. по требованию группы членов «Большого фашистского совета» было созвано чрезвычайное заседание совета. Выступившие на заседании члены совета подвергли критике деятельность Муссолини, а один из них — Гранди, поддержанный Чиано, внес резолюцию, выражавшую недоверие Муссолини. При голосовании этой резолюции 19 голосов было подано за нее и только 7 против. Неспособный понять действительные причины глубокого политического кризиса Италии, наступившего в результате полного провала внутренней и внешней политики итальянского фашизма, разгневанный Муссолини, закрывая заседание совета, бросил упрек Гранди и его единомышленникам: «Вы вызвали кризис режима» [3].

---

[1] См. *Н. Ковальский.* Итальянский народ — против фашизма. Из истории освободительной борьбы в годы второй мировой войны. М., 1957, стр. 29.

[2] *Р. Батталья.* История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 г.—25 апреля 1945 г.). М., 1954, стр. 83—84.

[3] *E. Rintelen.* Mussolini als Bundesgenosse, S. 219.

На следующий день, 25 июля, «дуче» как ни в чем не бывало продолжал заниматься делами. Тем временем группа наиболее решительных противников Муссолини подготовилась к его устранению. Во второй половине дня «дуче» вызвали к королю, который предложил ему уйти в отставку и сообщил о назначении на пост премьер-министра маршала Бадольо. Даже король, в течение двадцати с лишним лет поддерживавший фашистского диктатора, вынужден был ему сказать: «В настоящий момент вы являетесь человеком, которого больше всех ненавидят в Италии»[1]. Предложение короля об отставке «дуче» воспринял как гром среди ясного неба, он несколько раз повторил: «Так что же это значит... конец?»[2]. После аудиенции у короля Муссолини посадили в санитарную машину, заключили под стражу и спустя несколько дней в целях «обеспечения безопасности его личности», как было сообщено официально, отправили на небольшой островок Понца. Формирование нового правительства было поручено представителю крупной буржуазии и высших военных кругов маршалу Бадольо, который в прошлом активно сотрудничал с Муссолини.

Итальянский народ ожидал, что в результате свержения диктатуры Муссолини затеянная им военная авантюра будет прекращена, «ось Берлин — Рим» окончательно ликвидирована и мир в стране восстановлен. Однако новое правительство в первом же своем обращении к народу заявило о намерении продолжать войну.

Во внутренней политике правительство Бадольо считало своей главной задачей подавление революционного, антифашистского движения итальянского народа. Бадольо прямо заявил об этом в беседе с Ринтеленом 1 августа 1943 г. «К главным задачам нового кабинета,— говорил он,— которые были усложнены уходом многих ведущих чиновников, сразу же присоединилась и та трудность, что в крупных промышленных центрах — Милане, Турине, Болонье, Ла-Специи и Ливорно вспыхнули коммунистические беспорядки. Подавление последних со всей строгостью являлось первейшей и важнейшей задачей нового правительства»[3]. В целях подавления национально-освободительного движения, руководимого коммунистами, Бадольо предлагал гитлеровцам широкое сотрудничество. Если его, Бадольо, правительство падет, говорил он Ринтелену, то ему на смену придет коммунистическое правительство. «Это ни в наших, ни в ваших интересах»[4],— устрашал он собеседника. Через день после создания нового правительства Бадольо обратился к

[1] *B. Mussolini.* Memoirs 1942—1943, p. 81.
[2] *D. Alfieri.* Deux dictateurs face à face, p. 360.
[3] *E. Rintelen.* Mussolini als Bundesgenosse, S. 230.
[4] Ibid., S. 231.

Гитлеру с заверением в прочности и незыблемости германо-итальянского союза и предложил организовать встречу с ним. Гитлер, не доверяя Бадольо, высказался за конференцию министров иностранных дел и начальников штабов обеих стран.

Переговоры между Риббентропом и Кейтелем, с одной стороны, и новым министром иностранных дел Италии Гуарилья и Амброзио — с другой, состоялись 6 августа 1943 г. в местечке Тарвизио. Об атмосфере, которая царила во время этой встречи, свидетельствовал тот факт, что Риббентроп, пересекая границу, распорядился не везти в Италию секретные документы [1]. В ходе встречи Гуарилья заявил, что внешняя политика Италии остается неизменной и правительство не собирается вести с Англией и США никаких переговоров о мире. Смену правительства он объяснял исключительно внутренними обстоятельствами. Амброзио, выразив удивление по поводу ввода новых германских дивизий в Италию, просил представителей Германии возвратить на родину итальянские дивизии, находившиеся во Франции и на Балканах.

Встреча в Тарвизио не ослабила недоверия гитлеровской Германии к своему партнеру по «оси». Еще во время переговоров Кейтель отдал приказ о дальнейшем увеличении численности немецких войск в Италии [2].

Правительство Бадольо стало усиленно искать пути выхода из войны. Летом 1943 г. состоялись переговоры представителей Италии с представителями Англии и США. Однако смена внешнеполитического курса итальянского правительства происходила довольно медленно.

Это имело тяжелые последствия для страны. В августе 1943 г. гитлеровцы перебросили в Италию новые крупные соединения. Кроме того, нерешительность Бадольо и его правительства привела к усилению бомбардировок территории страны англо-американской авиацией. Объясняя причины политики правителей Италии, итальянский исследователь Роберто Батталья пишет в книге «История итальянского движения Сопротивления», что «правительство Бадольо не могло принять никакого определенного и ясного решения, предпринять какие-либо энергичные действия, ибо оно было зажато в тиски самых глубоких противоречий: оно должно было удовлетворить требование народа — как можно скорее положить конец фашистской войне и в то же время должно было продолжать, учитывая классовую его природу и цели, политику репрессий и реакции. Не только страх перед нацистами остановил правительство Бадольо на пути

---

[1] *P. Schmidt.* Statist auf diplomatischer Bühne, p. 569.
[2] *H. Fels.* Churchill, Roosevelt, Stalin, p. 161.

спасения Италии, но также, и прежде всего, страх перед тем, что, если оно решится пойти дальше по пути мира и демократии, его оттеснят в сторону прогрессивные силы итальянского народа»[1].

Оттягивая разрыв с гитлеровской Германией, правительство Бадольо рассчитывало выторговать наиболее выгодные условия выхода Италии из войны. Оно надеялось добиться отказа Англии и США от применения к Италии формулы безоговорочной капитуляции.

Выход Италии из войны

В начале августа 1943 г. правительство Бадольо предприняло зондаж относительно условий выхода Италии из войны. 4 августа советник итальянской миссии в Лиссабоне Д'Айета встретился с британским послом в Португалии Р. Кэмпбеллом и сообщил ему о желании итальянского правительства выйти из войны и порвать с Германией.

Опасаясь, однако, за свою судьбу в случае открытого разрыва с Германией, итальянское правительство просило содействия и помощи со стороны союзных войск. Отчитываясь о состоявшейся встрече, Кэмпбелл писал в Лондон: «Д'Айета ни разу в течение всего разговора не упомянул об условиях перемирия, и весь его разговор представлял собой не больше как мольбу о том, чтобы мы спасли Италию от немцев, равно как и от нее самой, и чтобы мы это сделали как можно быстрее»[2]. Не добившись результатов в Лиссабоне, правительство Бадольо снарядило новую миссию к союзникам — на этот раз в Танжер. Здесь представитель Италии Берио, заявив о готовности его правительства обсудить условия перемирия, просил союзников произвести атаку на Балканский полуостров, с тем чтобы вынудить германские войска к эвакуации из Италии и облегчить тем самым выход Италии из фашистской коалиции.

Пока в Лондоне и Вашингтоне изучалась информация о мирном зондаже, предпринятом итальянцами в Лиссабоне и Танжере, в Мадрид прибыл новый посланец правительства Бадольо — генерал Кастеллано с рекомендательным письмом от английской миссии в Ватикане. Встретившись с английским послом в Мадриде С. Хором, Кастеллано сказал ему, что уполномочен сообщить о готовности Италии безоговорочно капитулировать при условии, что она сможет присоединиться к союзникам. Через несколько дней, 18 августа, Кастеллано встретился с представителями штаба Эйзенхауэра, которые информировали его о том, что безоговорочная капитуляция Италии будет осуществлена на основе так называемых «кратких условий» перемирия.

---

[1] *Р. Батталья.* История итальянского движения Сопротивления, стр. 100.

[2] *Н. Feis.* Churchill, Roosevelt, Stalin, p. 160.

«Краткие условия» капитуляции Италии, так же как и «исчерпывающие», или «пространные», были подготовлены союзниками летом 1943 г. в связи с предстоявшими военными операциями на итальянской территории. «Краткие условия» состояли из 11 статей и касались в основном военных вопросов. Среди этих статей были такие, как немедленное прекращение военных действий со стороны итальянской армии, вывод итальянского флота и авиации в пункты, указанные союзниками, предоставление в распоряжение союзников всех аэродромов и военно-морских портов на итальянской территории, немедленный отвод в Италию всех ее вооруженных сил со всех фронтов второй мировой войны и т. д.[1]

«Пространные условия» капитуляции Италии, включавшие 44 статьи, содержали не только военные, но и политические, экономические и финансовые условия, связанные с выходом Италии из войны[2].

Получив текст «кратких условий» капитуляции, Кастеллано собрался в обратный путь. Не успел он, однако, выехать, как в Лиссабон прибыл еще один представитель Бадольо — генерал Дзанусси.

Многочисленные миссии к союзникам, имевшие подчас противоречивые инструкции, продолжающееся сотрудничество с гитлеровцами, лавирование — все это свидетельствовало о непоследовательности правительства Бадольо, которое видело свою главную цель в предотвращении дальнейшего развития демократического движения в стране.

Характеризуя переговоры правительства Бадольо с англо-американскими представителями, итальянский автор Виллари пишет: «Было справедливо отмечено, что если бы были отобраны сто наиболее способных людей Италии и на них возложили задачу заключить перемирие наихудшим образом, то они вряд ли действовали бы более абсурдно, чем это сделали участники переговоров»[3].

31 августа Кастеллано приехал в Сицилию на новую встречу с представителями союзного командования. Правительство Бадольо, заявил он, готово принять «краткие условия» перемирия, но оно настоятельно просит не объявлять о перемирии до тех пор, пока союзники не добьются решающего перевеса в Италии и их войска не будут вблизи или севернее Рима, чтобы в случае каких-либо эксцессов иметь возможность взять правительство

---

[1] "United States and Italy 1936—1946. Documentary Record". Washington, 1946, p. 51—52.

[2] Ibid., p. 55—64.

[3] *L. Villari.* Italian Foreign Policy under Mussolini. New York, 1956, p. 303.

под свою защиту. Эта оговорка оказалась неприемлемой для союзников, которые настаивали на подписании перемирия, согласившись отсрочить объявление его лишь до высадки своих основных сил в Италии. 3 сентября 1943 г. «краткие условия» были подписаны в местечке Кассибиле на острове Сицилия от имени Италии Кастеллано и от имени всех Объединенных Наций генералом Б. Смитом. В тот же день началась высадка союзных войск в Южной Италии — в Калабрии.

В самый последний момент, испугавшись решительных акций со стороны Германии, правительство Бадольо попыталось отказаться от перемирия. 7 сентября Бадольо направил верховному главнокомандующему англо-американскими силами на Средиземном море генералу Эйзенхауэру следующую телеграмму: «В связи с изменением положения, вызванным дислокацией и мощью германских сил в районе Рима, принятие немедленного перемирия более не представляется возможным, так как это могло бы вызвать оккупацию столицы и насильственную акцию в отношении правительства со стороны немцев»[1]. Тем не менее по настоянию союзников 8 сентября текст «кратких условий» был опубликован, и Бадольо пришлось объявить по радио о повсеместном прекращении итальянскими войсками военных действий. Бадольо, король и их приближенные бежали из столицы в район расположения англо-американских войск и вскоре обосновались в Бриндизи. В этой связи 12 сентября центральный Комитет национального освобождения опубликовал декларацию, в которой осудил бегство главы правительства и короля в ответственный момент борьбы против германских захватчиков[2].

Англо-американская политика в отношении Италии

Вопрос о политике союзников в отношении Италии обсуждался во время переговоров Идена в Вашингтоне еще в марте 1943 г. При планировании этой политики руководители Англии и США не считались с антифашистским движением Сопротивления и опасались его перерастания в демократическую революцию. Они игнорировали также своего важнейшего союзника — СССР и стремились сформулировать особую, сепаратистскую линию.

Американское правительство формально признавало преимущественные интересы Англии в районе Средиземного моря. Заместитель государственного секретаря С. Уэллес писал: «Общая схема откровенно базировалась на преобладании британских интересов на итальянском театре. Было согласовано, что как в военной, так и в политической организации американское

---

[1] *N. Kogan.* Italy and the Allies. Cambridge, 1956, p. 38.
[2] Ibid., p. 40.

представительство будет примерно эквивалентным английскому представительству, однако полномочия Соединенных Штатов будут скорее дополняющими, чем равными полномочиям Великобритании»[1].

Впоследствии в обстановке обострившегося англо-американского соперничества каждая из империалистических держав добивалась установления в Италии своего собственного господства. На первых же порах английское правительство проявляло бо́льшую инициативу при решении итальянской проблемы. Основные задачи, которые ставили перед собой Англия и США в Италии, заключались в сохранении капиталистического строя и в подавлении революционного движения итальянского народа.

Исходя из этих целей, английское и американское правительства стремились возложить всю ответственность за военную катастрофу Италии на одного человека — Муссолини. «Я считаю,— писал еще в ноябре 1942 г. в своих заметках о положении Италии Черчилль,— что было бы целесообразно сбрасывать над всеми итальянскими городами, подвергающимися бомбежке, листовки на тему: «Только один человек причина ваших страданий — Муссолини»»[2]. Эта мысль, которая подчеркивалась английской и американской пропагандой, косвенно оправдывала существовавший в Италии строй. Английские и американские радиопередачи сосредоточили весь огонь своей критики на личности Муссолини. Итальянские антифашисты, проживавшие в США, даже считали, что «целью союзников является восстановление фашизма без Муссолини»[3].

В специальном обращении Рузвельта и Черчилля к итальянскому народу, опубликованном в середине июля 1943 г., хотя и содержалась критика фашистского режима, особо подчеркивалась персональная ответственность Муссолини. При этом авторы обращения, касаясь перспектив развития итальянского государства, почти полностью обошли вопрос о необходимости серьезных демократических преобразований в политической и экономической жизни страны. Не случайно поэтому образование нового правительства во главе с Бадольо, являвшегося представителем господствующей верхушки Италии, и сохранение Савойской династии вызвали одобрение в Лондоне и Вашингтоне.

В письме Рузвельту Черчилль писал в конце июля 1943 г.: «Меня нисколько не страшит, что создается впечатление о признании мною Савойской династии или Бадольо, если они смогут побудить итальянцев делать то, что нам нужно для наших воен-

---

[1] *S. Welles.* Where are we Heading? New York, 1946, p. 130.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 54.
[3] *N. Kogan.* Italy and the Allies, p. 20.

ных целей»[1]. Как давал понять в том же письме Черчилль, он рассчитывал на правительство Бадольо как на силу, способную предотвратить «большевизацию» Италии. В другом письме в начале августа того же года Черчилль выражал большое беспокойство по поводу дальнейшего усиления революционных настроений в итальянском народе. «Италия буквально за один день стала красной,— писал он,— в Турине и Милане состоялись коммунистические демонстрации, которые пришлось подавить с помощью вооруженных сил»[2].

Черчилль считал необходимым сделать все возможное ради сохранения существовавшего в Италии политического строя. Выступая в английском парламенте, он заявил, что Англия и США не должны разрушать «всю структуру и облик итальянского государства»[3]. Сохранение монархии являлось одним из важнейших условий осуществления английских планов в отношении Италии и неотъемлемой частью британской концепции послевоенного устройства мира[4]. В Англии, как и в США, усиленно обсуждались планы отторжения от Италии ее средиземноморских островов и колониальных владений. Так, капитан Стефан Кинг-Холл из английского Адмиралтейства подготовил проект, в котором предусматривалось восстановление итальянских границ 1914 г., отторжение Сардинии, Сицилии и всех колоний. «Вполне вероятно...— пишет Коген,— что в начале 1943 г. правительство (Англии.— *Ред.*) рассматривало мирное урегулирование, которое включало бы либо раздел итальянской территории, либо сохранение Сицилии за итальянской короной, но под британским контролем»[5].

Хотя в то время английские государственные деятели и не выражали открыто свои намерения установить британское владычество над итальянскими колониальными владениями, характер пропагандистской кампании в прессе и повышенный интерес к этой проблеме, проявленный в Англии, не оставляли сомнений в существовании таких планов.

С военной точки зрения операции союзников в Италии являлись важным шагом на пути осуществления общей стратегической концепции правительств Англии и США. Как известно, главным в этой концепции было затягивание открытия крупных военных операций в Западной Европе и стремление ввести свои основные силы в действие лишь на завершающем этапе второй мировой войны. Кроме того, высадку в Италии многие английские и американские деятели считали первым этапом в органи-

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 64.
[2] Ibid., p. 99—100.
[3] *H. Feis.* Churchill, Roosevelt, Stalin, p. 157.
[4] *N. Kogan.* Italy and the Allies, p. 19.
[5] Ibidem.

зации военных операций союзников на Балканском полуострове. В этом смысле Италия рассматривалась как удобный трамплин для «прыжка» на Балканы. Об этом совершенно недвусмысленно Рузвельт писал Черчиллю в конце июля 1943 г.: «...нам должна быть гарантирована возможность использования всей итальянской территории и транспорта для действий против немцев на севере и на всем Балканском полуострове, а также использования всех аэродромов»[1]. Еще более определенно намерение использовать итальянский плацдарм для осуществления своих планов в отношении Балкан высказал Черчилль в «Соображениях по поводу падения Муссолини». В этом документе английский премьер подчеркивал, что главным преимуществом возможного выхода Италии из войны явилось бы использование итальянской территории для действий на Балканах. Наличие итальянского плацдарма, отмечал он, позволило бы высадить в Греции, Албании и Югославии англо-американские десанты. Кроме того, капитуляция Италии, рассчитывал английский премьер, оказала бы серьезное влияние на позиции Болгарии, Румынии и Венгрии и, наконец, позволила бы использовать Турцию для осуществления его планов в отношении Балканских стран[2].

«Оккупация южной части Италии,— обосновывал на одном из военных совещаний союзников в мае 1943 г. свою точку зрения Черчилль,— или хотя бы всего «носка» или «каблука» дала бы нам доступ в Адриатическое море и возможность посылать в адриатические порты суда со снаряжением, а также агентов и, пожалуй, небольшие группы «коммандос»»[3].

Таким образом, правительства США и Англии стремились использовать территорию Италии для осуществления своей балканской стратегии.

Политика СССР в отношении Италии

При определении своей политики в отношении Италии Советское правительство руководствовалось стремлением оказать всемерную помощь итальянскому народу в прекращении преступной, агрессивной войны, в которую его втянула клика Муссолини, и в ликвидации фашистского строя в стране. Советский народ приветствовал свержение Муссолини. Вместе с тем было ясно, что смена правительства в Италии не привела к желательным для итальянского народа переменам в социально-политической и общественной жизни страны. «Отставка Муссолини — это бегство самой крупной фашистской крысы с тонущего фашистского корабля. Но это только первый шаг на пути ликвидации итальянского фашизма...»[4] — отмечала газета «Правда».

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 55.
[2] Ibid., p. 57—58.
[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 824.
[4] «Правда», 28 июля 1943 г.

Несмотря на большую заинтересованность Советского правительства в вопросах, касавшихся Италии, союзники долгое время держали его в неведении о своих политических и военных планах в отношении этой страны. На первой стадии событий в Италии, когда руководство операциями союзников осуществлялось с территории Северной Африки, правительство СССР встретилось даже с известными трудностями в посылке туда своего представителя [1]. Однако возросший авторитет Советского Союза в международных делах исключал возможность сохранения такого положения на длительный срок. Даже некоторые политические деятели Англии и США вынуждены были констатировать сомнительность такой ситуации. Так, 26 июля 1943 г., во время беседы Идена с послом США в Англии Вайнантом, была высказана мысль о необходимости консультации с Советским Союзом по поводу того, как союзники должны строить отношения с правительством Бадольо, и об условиях перемирия. «Когда произойдет переворот в событиях и русская армия будет в состоянии наступать,— информировал свое правительство об этой беседе американский посол,— мы могли бы также захотеть оказать влияние на их (советские.— *Ред.*) условия капитуляции и оккупации территорий союзных и вражеских государств» [2]. Аналогичные соображения высказывал американский посол в Москве Стэндли.

Таким образом, привлечение СССР к решению вопросов, касавшихся Италии, западные союзники связывали в основном со своим намерением оказывать на него давление при определении будущего стран, освобожденных Советскими Вооруженными Силами.

Только с конца июля 1943 г. Советское правительство стало получать некоторую информацию о положении в Италии. 30 июля 1943 г. Иден передал советской стороне документ, содержавший изложение «исчерпывающих условий» капитуляции Италии. Через несколько дней — 3 августа — английский посол в Москве Керр довел до сведения правительства СССР текст так называемых «кратких условий», а 26 августа Советскому правительству был вручен полный текст «пространных условий». 27 августа правительство СССР уполномочило генерала Эйзенхауэра подписать условия капитуляции с Италией и от имени Советского правительства [3]. В целом же США и Англия проводили в итальянском вопросе сепаратную политику, и Советский Союз оказывался в ряде случаев перед лицом совершившихся

[1] АВП СССР. Стенограмма 4-го заседания Московской конференции министров иностранных дел СССР, Соединенных Штатов Америки и Великобритании от 22 октября 1943 г.

[2] *H. Fels.* Churchill, Roosevelt, Stalin, p. 167.

[3] См. «Переписка...», т. I, стр. 394.

фактов. «До сих пор дело обстояло так,— писал Сталин Рузвельту и Черчиллю 22 августа 1943 г.,— что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего» [1].

Советское правительство предложило создать военно-политическую комиссию из представителей трех держав «для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии» [2].

В ноте правительства СССР американскому правительству от 25 сентября 1943 г. задачи комиссии определялись следующим образом: «По мнению Советского правительства, в задачи военно-политической комиссии должно входить координирование и направление деятельности организуемых на вражеских территориях всех военных органов и любых гражданских властей союзников по вопросам перемирия и контроля за осуществлением условий перемирия и, следовательно, к функциям военно-политической комиссии должно быть отнесено издание время от времени инструкций и директив по военно-политическим и административным вопросам для правительства Бадольо, с тем что военно-оперативные вопросы полностью подлежат ведению союзного главнокомандующего» [3].

Необходимость создания такой комиссии была тем более настоятельна, что речь шла о первом случае выхода из фашистской коалиции одного из ее участников. Сепаратные переговоры представителей англо-американского командования с различными эмиссарами правительства Бадольо лишний раз подтвердили, что нужен политический орган, обеспечивающий согласованную политику главных держав антигитлеровской коалиции.

Советская инициатива в создании военно-политической комиссии свидетельствовала о стремлении СССР к тесному сотрудничеству с союзными державами по всем проблемам, связанным с выходом бывших союзников гитлеровской Германии из фашистской коалиции, показывала заинтересованность СССР в проведении союзниками согласованной политики в вопросах мирного урегулирования с бывшими вражескими государствами.

Несмотря на очевидную актуальность создания военно-политической комиссии, правительства Англии и США тянули с ответом. В послании И. В. Сталину в начале сентября 1943 г. президент США Рузвельт, обойдя молчанием советские предложения о создании комиссии, предложил правительству СССР направить своего военного представителя в штаб генерала Эйзен-

[1] «Переписка...», т. I, стр. 149.

[2] Там же, стр. 148—149.

[3] АВП СССР. Нота Советского правительства посольству США от 25 сентября 1943 г.

хауэра [1]. Такой ответ не мог, разумеется, удовлетворить Советское правительство, настаивавшее на более широком сотрудничестве трех держав в итальянском вопросе.

«Наиболее неотложным вопросом,— писал И. В. Сталин 8 сентября 1943 г. Рузвельту,— я по-прежнему считаю создание военно-политической комиссии из представителей трех стран с ее местопребыванием на первое время в Сицилии или в Алжире. Посылка советского офицера в штаб ген. Эйзенхауэра ни в какой мере не может заменить военно-политическую комиссию, которая необходима для руководства на месте переговорами с Италией (а также и с правительствами других отпадающих от Германии стран). Времени прошло уже немало, а дело стоит на месте» [2].

Затягивая создание военно-политической комиссии, союзники, основываясь на статье 37 «пространных условий» перемирия с Италией, образовали Союзную контрольную комиссию, находившуюся в подчинении у Эйзенхауэра, и возложили на нее функции Союзного военного правительства оккупированных территорий (АМГОТ). В октябре 1943 г. этот англо-американский военно-административный орган был официально переименован в Союзное военное правительство (АМГ) и слит с Союзной контрольной комиссией. АМГ осуществлял управление итальянскими территориями, очищенными от немецко-фашистских войск в ходе военных операций в 1943—1945 гг. и имел чрезвычайно широкие полномочия. Его деятельность касалась всех отраслей государственного управления Италией.

Таким образом, еще до создания военно-политической комиссии союзники сосредоточили, по существу, ее функции в руках верховного главнокомандующего англо-американскими войсками и подчиненных ему органов.

Предприняв эти сепаратные действия, правительства Англии и США стремились вместе с тем сузить функции предлагавшейся Советским Союзом военно-политической комиссии до чисто информационных. «Политические представители (в этой комиссии.— *Ред.*),— писал Черчилль И. В. Сталину,— должны быть информированы своими правительствами о военных и политических событиях, влияющих на их работу, и в свою очередь должны информировать свои правительства о событиях на месте» [3].

В конце сентября была наконец достигнута договоренность об учреждении военно-политической комиссии в составе представителей правительств СССР, США и Великобритании и с участием представителя Французского комитета национального

---

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 88.
[2] Там же, стр. 89.
[3] «Переписка...», т. I, стр. 153.

освобождения. Окончательный состав и функции комиссии были уточнены несколько позже, на Московской конференции министров иностранных дел СССР, Англии и США в октябре 1943 г.

Выход Италии из фашистского блока и объявление ею войны Германии

Наступление союзных войск в Италии развивалось медленно. Это возродило у итальянских фашистов надежды на восстановление своей власти. 12 сентября немцы похитили интернированного правительством Бадольо Муссолини и доставили его сначала в ставку Гитлера, а затем в Мюнхен. Вскоре он провозгласил в местечке Сало́ (на берегу озера Гарда) так называемую «Итальянскую социальную республику» и возглавил правительство, которое держалось лишь с помощью гитлеровских войск.

Но судьба «оси Берлин — Рим» была решена. 29 сентября 1943 г. на острове Мальта Эйзенхауэр и Бадольо подписали «пространные условия» капитуляции Италии. 13 октября, подчиняясь настойчивым требованиям итальянского народа, правительство Бадольо объявило войну Германии. В этой связи Италия была признана ведущими участниками антигитлеровской коалиции — СССР, США и Англией — совоюющей стороной. В специальной декларации правительств СССР, Англии и США о признании Италии совместно воюющей стороной говорилось, в частности: «Три Правительства признают обязательство Итальянского Правительства подчиниться воле итальянского народа после того, как немцы будут изгнаны из Италии, и подразумевается, что ничто не может ущемить абсолютного и неотъемлемого права народа Италии принять конституционными средствами решение о демократической форме правительства, которую он в конечном счете будет иметь»[1].

Выход Италии — главной союзницы гитлеровской Германии в Европе — из фашистского блока имел серьезное международное значение. Он свидетельствовал прежде всего о начавшемся распаде фашистской коалиции. «Нет никакого сомнения, что безоговорочная капитуляция Италии произведет сильнейшее впечатление на тех союзников и сообщников Гитлера в Европе,— отмечалось в редакционной статье газеты «Правда»,— которые еще состоят в его разбойничьей коалиции»[2].

«Ось Берлин — Рим» перестала существовать. Это ухудшило военное и политическое положение гитлеровской Германии, усилило ее международную изоляцию.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 353.

[2] «Правда», 9 сентября 1943 г.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Дипломатия держав — участниц войны на Тихом океане в 1943 г.

«Новый курс» японской дипломатии в Китае и странах Юго-Восточной Азии

Поражение гитлеровских армий под Сталинградом, означавшее не только крах планов фашистской Германии, но и крушение надежд правящих кругов Японии осуществить при поддержке Германии свои захватнические устремления на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в Океании, внесло дальнейшие изменения в обстановку на тихоокеанском театре войны. Уже в начале 1943 г. японское командование начало убеждаться в провале своих стратегических замыслов. В результате побед Красной Армии обстановка на фронтах второй мировой войны, в том числе на Тихом океане, все более складывалась в пользу союзников по антифашистской коалиции.

В связи с продолжением Японией военных действий особое значение для нее приобрели Китай и Корея, являвшиеся основными источниками сырьевых ресурсов и продовольствия. Стремясь разрешить «китайскую проблему», а вместе с ней и проблему обеспечения сырьевых и продовольственных поставок, правительство Японии приняло «новый курс» в отношении Китая, предложенный тогдашним послом в ванцзинвэевском Нанкине Сигемицу. Было решено отдать приоритет политическим маневрам в отношении Китая, в частности укреплению марионеточного нанкинского правительства и привлечению его к активному участию в войне на стороне Японии. Одновременно с этим намечалось установление тайных связей с гоминьдановским правительством в Чунцине.

В конце декабря 1942 г. на очередной императорской конференции был принят документ под названием «Основной курс урегулирования китайского вопроса с целью завершения войны в великой Восточной Азии». В нем указывалось, что ближайшей задачей экономической политики Японии в отношении Китая «является увеличение количества используемых материальных ценностей, необходимых для завершения войны»[1]. Иными словами,

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 300—301.

Япония под видом «военного сотрудничества» намеревалась усилить экономическое ограбление Китая. Документ предусматривал принятие ряда мер, которые должны были создать видимость повышения авторитета правительства Ван Цзин-вэя, в том числе «отказ по мере возможности от вмешательства в его дела, возвращение сеттльментов, отмену прав экстерриториальности» и т. д.

9 января 1943 г. Япония заключила с правительством Ван Цзин-вэя «Соглашение о возвращении сеттльментов и отмене прав экстерриториальности». Оно не меняло характера оккупационного режима, установленного японской военщиной на захваченных территориях Китая, и имело только пропагандистское значение. Цель соглашения, как и других мер, принятых японцами, заключалась в том, чтобы «лишить чунцинское правительство главнейших доводов в пользу продолжения сопротивления», усилить антиамериканские и антианглийские настроения в Китае, склонить гоминьдановцев к сговору с Японией.

20 апреля 1943 г. произошла реорганизация кабинета Тодзио. Пост министра иностранных дел занял Сигемицу, автор «нового курса», который японская дипломатия стала проводить в оккупированном Китае.

Япония активизировала свою дипломатию и в отношении чунцинского правительства. Прояпонские настроения среди правящих кругов гоминьдановского Китая были хорошо известны в Токио. Еще весной 1942 г. Чан Кай-ши установил связь с японским агентом Курода. В мае 1943 г. связи чунцинского режима с японцами еще более активизировались. Чанкайшисты воспользовались «услугами» предателя У Кай-сяня, который в прошлом был заместителем заведующего организационным отделом ЦИК гоминьдана, а затем перешел на сторону японцев.

В апреле 1943 г. У Кай-сянь получил указание японских властей отправиться в Чунцин и от имени Японии начать с Чан Кай-ши переговоры о заключении мира. Представитель японского генерального штаба генерал-майор Кобаяси заявил У Кай-сяню: «Отношения между японцами и Чунцином рано или поздно непременно станут дружественными во имя совместной борьбы против коммунистов и Советского Союза». Кобаяси просил передать Чан Кай-ши, что Япония настаивает на установлении в Северном Китае режима по образцу Хэбей-Чахарского политического совета [1]. Взамен Япония брала обязательство добиться от Германии, Италии и режима Виши отказа от неравноправных договоров с Китаем. Предварительные мирные условия, которые выдвигала Япония, состояли в следующем:

[1] Хэбей-Чахарский политический совет — марионеточное правительство в провинциях Хэбей и Чахар, установленное японцами по соглашению с Чан Кай-ши в 1935 г.

1. Япония уводит свои войска из Уханя и Кантона, а войска Чан Кай-ши, действующие в этих районах, переводятся на север для «борьбы с коммунистами». 2. Нанкин и морское побережье «временно» остаются в руках Японии. 3. Северный Китай становится «зоной совместной борьбы против коммунистов». 4. Решение вопроса о судьбе Ван Цзин-вэя не составит трудностей.

Как бы в подтверждение этой программы японское главное командование еще 10 декабря 1942 г. отдало приказ экспедиционной армии в Китае прекратить подготовку к наступлению на Чунцин. В японских радиопередачах на Китай содержались призывы к быстрейшему «оформлению мира» между Японией и чунцинским правительством.

Тем временем гоминьдановские войска фактически прекратили военные действия против японцев.

Однако линия гоминьдановского руководства на сговор с Японией не встретила поддержки со стороны китайской общественности. Мужественная борьба советских людей против фашистских захватчиков вдохновляла китайский народ, вселяла в него уверенность в победе. Решимость народа продолжать борьбу за свободу и независимость помешала гоминьдановским лидерам пойти на капитуляцию перед Японией.

События на советско-германском фронте летом и осенью 1943 г.— разгром германской армии под Курском и последующее стремительное наступление советских войск еще более осложнили положение не только Германии, но и Японии. Новым серьезным ударом для японских правящих кругов, связывавших свои агрессивные действия с военными успехами союзников Японии в Европе, явилась капитуляция Италии. В условиях такой неблагоприятной для него международной обстановки и в связи с поражениями, которые начали терпеть японские вооруженные силы на тихоокеанском фронте, руководство Японии было вынуждено внести изменения в свою стратегию.

30 сентября 1943 г. главная ставка и правительство Японии приняли решение «Об общих принципах ведения войны». Новый стратегический курс предусматривал ограничение сферы «государственной обороны» Японии районом, включавшим Курильские острова, острова Огасавара, внутреннюю часть района Южных морей, западную часть Новой Гвинеи, Зондские острова и Бирму. Одновременно было решено принять меры к усилению боевой мощи армии, прежде всего за счет развития авиации [1]. На японскую дипломатию возлагалась задача укрепления позиций Японии в указанном районе. Было признано необходимым распространить «новый курс» японской дипломатии на оккупи-

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 56—57.

рованные Японией территории, создать видимость их «независимости» и «союза» с Токио.

1 августа 1943 г. состоялось провозглашение «независимости» Бирмы. Японская военщина объявила, что все права по управлению страной передаются правительству У Ба Мо. Это была, конечно, фикция: власть в Бирме по-прежнему оставалась в руках оккупантов. У Ба Мо подписал с японцами секретное соглашение, по которому японский главнокомандующий имел право осуществлять «любые мероприятия в интересах ведения войны» и мог наложить вето на тот или иной акт бирманского правительства. Бирма должна была объявить войну Англии и США и обязалась поддерживать всестороннее военное, экономическое и политическое сотрудничество с Японией[1].

4 сентября японские оккупационные власти одобрили филиппинскую конституцию. 25 сентября был избран марионеточный президент Филиппин Хосе Лаурель, который вскоре же подписал договор о «союзе» Филиппин с Японией, обязывавший филиппинское правительство тесно «сотрудничать» с Японией в целях ведения войны в Юго-Восточной Азии[2]. 14 октября Лаурель провозгласил «независимость» Филиппин.

5 сентября 1943 г. на острове Ява (Голландская Индия) японские оккупационные власти объявили о создании «центрального совещательного совета», а в конце сентября образовали «комитет бдительности» на острове Суматра. Органы «самоуправления» были призваны обеспечить японцам получение сырья.

Вместе с этим в августе 1943 г. Япония передала Таиланду ряд территорий Бирмы и Малайи (бирманские княжества Кенгтунг и Монгпан и малайские княжества Перлис, Кедах, Келантан, Тренгану)[3], подчинив себе таким образом таиландское правительство, возглавляемое Пибун Сонгкрамом.

30 октября 1943 г. состоялось подписание Японией «союзного договора» с правительством Ван Цзин-вэя, по которому Япония обязалась рассматривать Китай в качестве «суверенной республики». Японцы стремились распространить свой контроль на весь Китай.

В ноябре 1943 г. в Токио была созвана «конференция Великой Восточной Азии». В ней участвовали представители Таиланда, марионеточных правительств, созданных японцами на оккупированных территориях Китая, Бирмы, Филиппин и др. Выступивший на конференции премьер-министр Тодзио демагоги-

[1] *F. C. Jones, H. Borton* and *B. R. Pearn.* The Far East 1942—1946. London, 1955, p. 61—63.

[2] Ibid., p. 47.

[3] См. *Г. Н. Севостьянов.* Дипломатическая история войны на Тихом океане, стр. 498—499; *Э. О. Берзин.* История Таиланда (Краткий очерк), М., 1973, стр. 251.

чески восхвалял «новый порядок» в Восточной Азии. Он подчеркивал, что, только одержав победу в войне, государства Восточной Азии смогут обеспечить себе мирное существование.

Конференция приняла подготовленную японцами «Декларацию Великой Восточной Азии», провозгласившую «освобождение Азии от всякой агрессии и эксплуатации» и «возвращение ее азиатам»[1]. В декларации было зафиксировано обязательство участников конференции «сотрудничать в ведении войны... до ее успешного завершения, а также сотрудничать в освобождаемых от ярма англо-американского господства областях в установлении системы самосуществования, самообороны и строительства Великой Восточной Азии...»[2]. Декларация, по существу, призвана была подорвать национально-освободительное движение в странах Азии, вовлечь азиатские народы в войну ради защиты японских интересов. Однако политика Японии не могла сдержать национально-освободительное движение в Азии, активизировавшееся в результате коренного перелома в ходе войны.

Дипломатия США и Англии на Дальнем Востоке

Коренной перелом во второй мировой войне создавал благоприятные условия для развертывания военных действий англо-американских союзников против Японии.

Япония утратила стратегическую инициативу, а продолжающееся сосредоточение ее вооруженных сил на советской границе предопределяло перевес сил американо-английских союзников на тихоокеанском театре. 26 ноября 1942 г. Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Мы располагаем в юго-западной части Тихого океана весьма мощными воздушными, сухопутными и морскими силами...»[3]

Но США и Англия не использовали благоприятную обстановку для развертывания широких военных действий на Тихом океане, стремясь сохранить свои силы к заключительному этапу войны, чтобы навязать участвующим в войне государствам мирные условия, выгодные англо-американскому империализму. Численность американских и австралийских соединений, находившихся на тихоокеанском театре военных действий, была значительно меньше сил Красной Армии, которые вынуждено было держать советское командование на своих дальневосточных рубежах.

---

[1] *R. S. Ward.* Asia for Asiatics? The Techniques of Japanese Occupation. Chicago, 1945, p. 189.

[2] «Бюллетень информационного бюро японского кабинета министров» 10 ноября 1943 г. (на японск. яз.). Цит. по кн.: *А. М. Дубинский.* Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке (Из истории международных отношений, национально-освободительной борьбы народов Восточной и Юго-Восточной Азии в годы второй мировой войны). М., 1966, стр. 427.

[3] «Переписка...», т. II, стр. 39.

Принятые США и Англией на Касабланкской конференции в январе 1943 г. решения предусматривали проведение на Дальнем Востоке лишь операций ограниченного характера. Как явствует из послания Рузвельта и Черчилля И. В. Сталину, полученного в Москве 27 января 1943 г., планы англо-американских союзников на Тихом океане состояли в том, чтобы «изгнать японцев из Рабаула в течение ближайших нескольких месяцев и затем развить успех в общем направлении на Японию». «Мы также намерены,— писали Рузвельт и Черчилль,— увеличить масштаб наших операций в Бирме с тем, чтобы снова открыть этот путь для снабжения Китая»[1].

На Вашингтонской конференции (май 1943 г.)[2] американцы выступили за скорейшее проведение операции в Бирме, а англичане пытались отсрочить ее.

Начальник имперского генерального штаба Алан Брук записал в дневнике после переговоров в Вашингтоне: «Наши трудности все еще вытекают из различия в точках зрения по тихоокеанской проблеме. Я убежден, что мы можем записать что угодно на бумаге, но все это окажет мало влияния на наши основные концепции»[3]. На 1943 год США и Англия не намечали крупных наступательных операций не только в Европе, но и на в Тихом океане, в том числе и в Бирме.

На конференции в Квебеке (август 1943 г.), где в качестве наблюдателя присутствовал и министр иностранных дел Китая Сун Цзы-вень, англо-американские противоречия в вопросе о дальневосточной стратегии проявились вновь. Англичане добивались скорейшего освобождения их колониальных владений в Южных морях (Малайя, Сингапур и др.), а американцы выступали против английских предложений под предлогом, что операции в этом районе отвлекли бы силы союзников от Японии. Действительная же причина такой позиции США заключалась в том, что они не были заинтересованы в восстановлении английского господства в Юго-Восточной Азии[4]. В то же время англичане воспротивились принятию американских планов относительно Бирмы. Черчилль, по словам Шервуда, рассматривал Бирму как аванпост Британской империи, и «ему вовсе не нравилась мысль, что американцам или скорее всего китайцам будет принадлежать заслуга ее освобождения»[5].

США и Англия, как уже отмечалось, договорились в Квебеке о завершении разгрома Японии через 12 месяцев после

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 51.

[2] См. стр. 336—338.

[3] *A. Bryant.* The Turn of the Tide. 1939—1943. London, 1957, p. 625.

[4] *Дж. Эрман.* Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944). М., 1955, стр. 155.

[5] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 463.

победы над Германией, но никаких конкретных мер в этом направлении не наметили. Вопрос о том, когда, где и какими силами будет осуществлено решающее наступление на Японию, остался открытым. Даже такая операция, как «Анаким» — изгнание японцев из Бирмы,— не была до конца согласована [1]. В Квебеке было лишь создано отдельное командование для Юго-Восточной Азии во главе с английским адмиралом Маунтбэттеном. Оценивая итоги конференции, Р. Шервуд писал: «Что касается войны против Японии, то, кроме создания громоздкого и в значительной степени бесплодного (хотя и не по его вине) командования Юго-Восточной Азии, Квебекская конференция, по-видимому, ничего не достигла, если не считать значительного числа отдельных запланированных операций, большинство которых никогда не было осуществлено» [2].

В то время как война на Тихом океане еще продолжалась, правящие круги США и Англии спорили по поводу послевоенного устройства мира. Многие американские политики высказывались, правда завуалированно, за переход к США тихоокеанских островов, находящихся под господством Японии. Важное место среди подобных планов занял проект передачи этих островов под опеку США при содействии Объединенных Наций.

Еще в июне 1942 г. президент Рузвельт так охарактеризовал положение колониальных стран Азии: «...в конечном счете белые нации не могут надеяться на то, что им удастся сохранить эти районы в качестве колоний» [3]. Тогда же президент США предложил создать систему «опеки». Он говорил, что опека означала бы отказ от системы мандатов. Американский президент выразил пожелание применить систему опеки не только к территориям, оккупированным японцами, но и к другим колониальным странам. Рузвельт упомянул в этой связи Индокитай, Малайю, Голландскую Индию. Срок опеки, по мнению президента, должен быть определен в 20 лет.

Новые планы США в отношении колоний встретили сопротивление английских правящих кругов, усмотревших в них угрозу Британской империи. «...Мы намерены удержать то, что является нашей собственностью. Я стал премьер-министром его величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи» [4],— говорил в связи с этим Черчилль. Только под напором антиколониального движения и настойчивых предложений США об опеке правительству Анг-

---

[1] См. стр. 329.

[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 430.

[3] "The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1942", p. 473—476.

[4] Цит. по кн.: *Е. Варга.* Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны). М., 1957, стр. 364.

лии пришлось пойти на поиски новых путей сохранения колоний под другими вывесками.

В марте 1943 г. Вашингтон посетил министр иностранных дел Англии Иден. Во время его переговоров с Рузвельтом проблемы послевоенного устройства мира подверглись детальному рассмотрению. 27 марта 1943 г. в беседе с Иденом президент высказался против возвращения всех дальневосточных колоний странам, которые владели ими или контролировали их до войны. Особенно твердую позицию Рузвельт занял в отношении Индокитая и португальского Тимора. Он считал, что «Франция определенно не станет снова перворазрядной державой (по крайней мере в течение 25 последующих лет!)». По мнению президента США, Франция должна была лишиться Индокитая, Новой Каледонии, Маркизских островов[1]. Иден лишь выразил надежду на переход японских подмандатных островов к США «предпочтительно в непосредственное владение», указав при этом, что такие меры будут подлежать одобрению Объединенных Наций[2].

Выдвигая идею аннексии тихоокеанских островов Соединенными Штатами, англичане предполагали получить взамен гарантии целостности своих имперских владений. Однако правительствам США и Англии не удалось прийти к общему мнению. В ходе переговоров с Иденом американцы предложили вариант декларации по колониальному вопросу, в котором не делалось различий между колониями и территориями, захваченными Японией. Но этот вариант отверг Иден[3].

Противоречия между США и Англией на Дальнем Востоке отрицательно сказывались на развитии операций англо-американских войск. В феврале 1943 г. после длительных боев, начавшихся еще в августе 1942 г., они заняли остров Гуадалканал, оставленный японцами по решению императорской ставки[4]. В июне 1943 г. войска союзников развернули бои за Соломоновы острова. Только осенью 1943 г., когда Советские Вооруженные Силы одерживали все новые победы над Германией, американцы приступили к наступательным операциям в центральной части Тихого океана, высадив десанты на островах Гилберта.

В 1943 г. на фронтах Бирмы было фактически полное затишье. Наступление союзников здесь началось лишь в январе 1944 г., и то ограниченными силами[5].

---

[1] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1596.

[2] См. *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 387.

[3] *L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War, p. 440.

[4] «Нихон-но Хяку нэн» (Сто лет из истории Японии), т. 3. Токио, 1967, стр. 177 (на японск. яз.).

[5] См. *Дж. Ф. Ч. Фуллер.* Вторая мировая война. 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор, стр. 276—285.

Не хотели по-настоящему воевать против Японии и правящие круги Чунцина.

Чан Кай-ши не помышлял об отстаивании независимости Китая в войне против японской агрессии, а больше всего думал о поддержании и укреплении господства гоминьдановской верхушки в стране. Все внимание чунцинского командования было переключено на планы разгрома вооруженных сил, руководимых коммунистами.

Правительство Чан Кай-ши делало все для подрыва отношений с СССР. С самого начала Великой Отечественной войны советского народа оно пыталось спровоцировать СССР на войну против Японии, имея в виду удержаться у власти хотя бы в качестве марионетки фашистских государств. Гоминьдановская пропаганда распространяла всякого рода антисоветские измышления и провокационные слухи, стараясь обострить отношения между СССР и Японией.

Правительство Чан Кай-ши сознательно свертывало китайско-советские экономические отношения, надеясь таким образом создать дополнительные трудности для Советского Союза. В 1942—1943 гг. оно пошло, в частности, на почти полное прекращение торгово-экономических связей с СССР китайской провинции Синьцзян. В конце 1942 г. резко упал товарооборот Синьцзяна с СССР. Более того, местные власти по указанию центрального правительства стали чинить всяческие препятствия деятельности советских учреждений и организаций в Синьцзяне. В апреле 1943 г. в Синьцзян, т. е. по существу к границам Советского Союза, была переброшена крупная группировка гоминьдановских отборных войск. В ответ на враждебные действия гоминьдановских властей Советское правительство в мае 1943 г. было вынуждено закрыть свои хозяйственные и торговые организации в Синьцзяне и отозвать персонал этих организаций[1].

Победы Красной Армии в битвах под Сталинградом и Курском, изменившееся международное положение после этих побед советского оружия, подъем демократического движения и протесты широких слоев населения Китая против планов нападения на Особый район заставили Чан Кай-ши отложить развязывание гражданской войны. Руководители гоминьдана были вынуждены объявить о своем отказе от намерения вторгнуться в Особый район.

---

[1] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Китае с и.о. министра иностранных дел Китая 17 мая 1943 г.

Каирская декларация от 1 декабря 1943 г.

В период коренного перелома в ходе войны в стратегических планах западных держав на Дальнем Востоке возрастающая роль отводилась Китаю. США проявляли особую заинтересованность в сотрудничестве с гоминьдановским Китаем. Американская дипломатия считала, что при безоговорочной поддержке Чан Кай-ши она без особых трудностей сможет проводить свою политику на Дальнем Востоке. Чан Кай-ши был нужен Вашингтону не только во время войны против Японии, но и для оказания совместного противодействия Советскому Союзу в послевоенный период. Поэтому правящие круги США стремились укрепить позиции Чан Кай-ши, предоставляя ему займы, вооружение, а также повышая его политический престиж в китайском народе. Чан Кай-ши в свою очередь добивался не только увеличения американских военных поставок и активизации действий американской авиации на китайском фронте, но и ряда политических уступок со стороны Вашингтона в пользу Чунцина. Правительство Чан Кай-ши, в частности, выдвинуло идею провозглашения — по образцу Атлантической хартии — «Тихоокеанской хартии» применительно к азиатским странам. Эта идея отражала стремление гоминьдановцев участвовать вместе с США и Англией в определении судеб послевоенного мира. 7 октября 1942 г. чунцинское правительство официально обратилось к правительствам США и Англии с предложением о том, чтобы США и Англия из политических соображений объявили о ликвидации неравноправных договоров с Китаем и отказались от прав экстерриториальности[1]. Руководители западных держав понимали необходимость некоторых уступок Китаю ради сохранения его в составе антифашистской коалиции. Не могли они не считаться и с тем, что по вопросу об отмене прав экстерриториальности велись переговоры между японцами и нанкинским «правительством» Ван Цзин-вэя.

9 октября 1942 г. правительство США заявило о своей готовности отказаться от прав экстерриториальности в Китае. 24 октября государственный секретарь США Хэлл вручил китайскому послу в Вашингтоне проект соответствующего соглашения, после чего начались переговоры. Одновременно происходили аналогичные переговоры между Китаем и Англией. Империалистические державы очень неохотно шли на отказ от своих преимуществ в Китае, всеми способами стремились осложнить переговоры.

---

[1] См. *Г. Н. Севостьянов.* Дипломатическая история войны на Тихом океане, стр. 346.

Только после подписания 9 января 1943 г. договора между Японией и «правительством» Ван Цзин-вэя об отказе Японии от прав экстерриториальности в Китае США и Англия, а за ними и другие западные державы заключили аналогичные соглашения с Китаем[1].

Несмотря на отмену прав экстерриториальности и международных сеттльментов, эти соглашения предоставляли западным державам ряд привилегий. Англия сохранила за собой насильственно отторгнутые от Китая остров Гонконг и территорию полуострова Коулун. За Португалией осталась территория Макао. Западные державы, и в первую очередь США и Англия, рассчитывали с помощью экономического и военного превосходства сохранить господствующие позиции в Китае.

Во второй половине ноября 1943 г. в Каире для обсуждения вопросов, связанных с войной на Дальнем Востоке, встретились президент США Рузвельт, премьер-министр Великобритании Черчилль и гоминьдановская делегация во главе с Чан Кай-ши. Во встрече участвовали министры и многочисленные военные и политические советники. Советское правительство воздержалось от участия в конференции, поскольку Красная Армия не вела военных действий на Дальнем Востоке.

Конференция вновь выявила наличие острых противоречий между США, Англией и Китаем на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Единственным политическим результатом конференции явилась Каирская декларация трех держав, опубликованная 1 декабря 1943 г. В декларации указывалось, что цель США, Англии и Китая заключается в том, чтобы «лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны», и в том, чтобы «все территории, которые Япония отторгла у китайцев», как, например, Маньчжурия (северо-восточные районы), Формоза (Тайвань) и Пескадорские острова (острова Пэнхуледао), «были возвращены Китайской Республике»[2].

Решения по Китаю преследовали цель укрепить положение Чан Кай-ши и возглавляемого им правительства, представить его в качестве единственной силы в Китае, возглавлявшей борьбу против Японии.

В Каирской декларации руководители США, Англии и гоминьдановского Китая подтвердили свою верность некоторым принципам Атлантической хартии, провозглашавшей в част-

---

[1] "Documents on American Foreign Relations", vol. V, p. 489—492.

[2] "Foreign Relations of the United Statas. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943." Washington, 1961 p. 448 (далее — "Foreign Relations,,, The Conferences at Cairo and Tehran").

ности, право всех народов избирать себе форму правления. Безусловно, это их заявление было рассчитано лишь на пропагандистский эффект. Предоставление независимости оговаривалось рядом условий. Так, в декларации указывалось, что Корея станет свободной и независимой лишь «в должное время»[1].

На конференции обсуждался вопрос о Гонконге (Сянган). Чан Кай-ши потребовал его возвращения Китаю. Рузвельт предложил передать Гонконг китайцам, с тем чтобы превратить его в свободный порт. Однако Черчилль не хотел возвращать Китаю эту весьма выгодную для Великобритании колонию. Вопрос о Гонконге не был упомянут в декларации.

Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не ставили своей целью освобождение азиатских народов. Они, по справедливой оценке американского историка Баттистини, вынуждены были об этом только говорить[2].

Канберрский пакт

По мере приближения победы союзников над державами «оси» стала проявлять большую активность Австралия, претендуя «на роль основной державы на Тихом океане». Правительство Австралии «заявило о своем намерении прямо и непосредственно участвовать в послевоенном урегулировании»[3].

О своих намерениях правительства Австралии и Новой Зеландии заявили в подписанном ими 21 января 1944 г. Канберрском пакте. В этом соглашении оба правительства выразили свою заинтересованность в участии «во всех подготовительных мероприятиях к заключению перемирия», в прекращении ведущихся военных действий, а также в последующих за перемирием соглашениях. Договаривающиеся стороны заявили, что сооружение и использование во время войны какой-либо державой морских, сухопутных или военно-воздушных баз на территориях, находящихся под суверенитетом или контролем другой державы, не создают сами по себе основания для территориальных претензий или возникновения права на суверенитет или контроль над этими территориями после прекращения военных действий. Правительства Австралии и Новой Зеландии объявили, что использование вражеских тихоокеанских территорий является «жизненно важным» для обеих стран и потому передача суверенных прав на эти территории какой-либо третьей державе будет действительной «только с их согласия»[4].

---

[1] "Foreign Relations... The Conferences at Cairo and Tehran", p. 449.
[2] *L. H. Battistini.* The US and Asia. New York, 1955, p. 185—186.
[3] «Хрестоматия по новейшей истории», т. II, стр. 286.
[4] См. *И. В. Малаховский*, История Австралийского Союза, М., 1971, стр. 248—249.

Канберрское соглашение вызвало озабоченность в Соединенных Штатах, где оно рассматривалось как показатель возможного противодействия Австралии и Новой Зеландии экспансионистским устремлениям американцев в Тихом океане после войны. Госдепартамент назвал соглашение «неудачным». Американская пресса откровенно проявила недовольство по поводу этого соглашения, в частности рассматривая его как показатель австралийских притязаний на остров Суматру. Американцам не нравились два положения договора: добиваться сохранения суверенитета и контроля над тихоокеанскими владениями за тихоокеанскими державами; любая передача вражеских территорий на Тихом океане какой-либо державе должна быть произведена с согласия Австралии и Новой Зеландии. Это могло помешать Соединенным Штатам Америки сохранить за собой территории, захваченные ими в ходе войны.

Попытки американской дипломатии вовлечь СССР в войну против Японии до окончания войны с Германией

Американская дипломатия на Дальнем Востоке в период коренного перелома в ходе войны снова стремилась вовлечь СССР в военный конфликт с Японией до окончания войны с Германией. В 1942—1943 гг. существовала реальная угроза японского нападения на советский Дальний Восток. США добивались согласия Советского правительства на размещение в Сибири американских военно-воздушных частей под предлогом оказания СССР помощи в случае нападения на него Японии. Совершенно очевидно, что это могло еще более обострить советско-японские отношения.

30 декабря 1942 г. Ф. Рузвельт обратился к И. В. Сталину с посланием, в котором писал, что «нападение (Японии на СССР.— *Ред.*) представляется в конце концов вероятным». Он предлагал послать в Сибирь в случае нападения Японии на СССР приблизительно 100 четырехмоторных бомбардировщиков. В предварительном порядке президент настаивал на отправке в Сибирь американской военной миссии во главе с генералом Брэдли для осмотра советских военно-воздушных баз на Дальнем Востоке[1].

Спустя несколько дней И. В. Сталин в ответе Ф. Рузвельту писал: «...в данное время нам нужна помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не ведет войны, а на фронте жесточайшей войны с немцами, то есть на советско-германском фронте»[2].

Однако Рузвельт 8 января 1943 г. вновь направил послание И. В. Сталину. Он писал: «...отправка тяжелых бомбардиров-

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 45—46.
[2] Там же, стр. 47.

ников в Россию в это время неосуществима иначе, как в составе существующих организованных авиачастей». Президент вновь настаивал, чтобы Советское правительство согласилось с инспектированием военных объектов Сибири группой американских офицеров во главе с генералом Брэдли: «Только путем подобного предварительного инспектирования и составления заранее планов будет возможно оказать достаточно скорую помощь в случае возникновения военных действий в Сибири» [1].

13 января 1943 г. глава Советского правительства ответил президенту: «...нам нужны не авиачасти, а самолеты без летчиков, так как своих собственных летчиков у нас более чем достаточно... Нам нужна Ваша помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не находится в состоянии войны, а на советско-германском фронте, где нужда в авиационной помощи особенно остра».

Советское правительство решительно отклонило всякие попытки американского инспектирования советского Дальнего Востока и Сибири. «...Русские военные объекты,— указал И. В. Сталин,— могут быть инспектируемы только русской инспекцией, так же как американские военные объекты могут быть инспектируемы только американской инспекцией. В этой области не могут быть допущены никакие неясности» [2].

Благодаря принципиальной линии правительства СССР силы советского народа не были отвлечены от решения первостепенной задачи — разгрома гитлеровского фашизма. Попытки американских правящих кругов использовать напряженность обстановки на Дальнем Востоке для провоцирования советско-японской войны и проведения стратегической разведки в Сибири не увенчались успехом.

2. Новые факты нарушения Японией пакта о нейтралитете с СССР

Политическая и экономическая помощь Японии гитлеровской Германии в войне против СССР

В обстановке побед советских войск над немецко-фашистскими агрессорами под Сталинградом Япония не посмела начать войну против СССР. Однако Квантунская армия продолжала выжидать благоприятного момента для вторжения на территорию СССР. Лучшие японские дивизии, половина артиллерии и $^2/_3$ танков были сосредоточены на северо-востоке Китая. Для нападения на СССР при «подходящей обстановке» предназначалось 30 пехотных дивизий, 2 танковые дивизии и 4 авиадивизии.

[1] «Переписка...», т. II, стр. 48.
[2] Там же, стр. 49.

В Токио не переставали верить в силу Германии. Япония продолжала сотрудничать с гитлеровской Германией. В связи с подготовкой к летнему наступлению гитлеровских войск на советско-германском фронте Риббентроп 18 апреля 1943 г. вызвал к себе посла Японии в Берлине Осима и заявил ему следующее: «Для Японии, если она чувствует себя достаточно сильной и обладает достаточным количеством противотанкового вооружения, этот год представляет самую удобную возможность напасть на Россию, которая никогда больше не будет такой слабой, какой она является теперь...» Желая, видимо, усилить свои аргументы, Риббентроп сообщил Осима, что у немцев есть якобы достоверные сведения о строительстве «русскими большого числа аэродромов на Востоке, откуда как они сами, так и американцы в один прекрасный день пошлют на японскую островную империю эскадрильи своих бомбардировщиков». В то же время Риббентроп пытался убедить Осима, что японцы значительно преувеличивают силу советских войск на Дальнем Востоке [1].

Осима ответил, что, хотя он и не знает замыслов правительства, «неоспоримо, что уже 20 лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию... Если можно будет предвидеть успех в этом направлении,— заверил японский посол Риббентропа,— то японцы, несомненно, начнут наступление» [2]. Такой ответ, разумеется, не удовлетворил Риббентропа, и в заключение беседы он решительно заявил: «Если Япония не готова напасть быстро и решительно, то лучше не нападать вообще. Однако при любых обстоятельствах ей придется начать где-нибудь новое наступление против англичан или американцев» [3].

Военное положение Японии не позволило ей в тот период пойти на риск войны с СССР. Но она активизировала свои военные действия в Индийском океане, где осуществляла операции совместно с германскими подводными лодками [4]. Так, летом и осенью 1942 г. японские подводные лодки потопили в Мадагаскарском проливе несколько судов, перевозивших военные грузы в СССР через порты Персидского залива. Япония, где это было возможно, продолжала оказывать политическую и экономическую помощь гитлеровской Германии в войне против Советской страны.

---

[1] *А. М. Дубинский.* Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, стр. 411.

[2] Там же, стр. 410.

[3] АВП СССР. Стенограмма судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 21 октября 1946 г.

[4] Япония и Германия еще в июне 1942 г. приняли решение о разделе сфер боевых действий в Индийском океане.

27 сентября 1943 г. Германия и Япония опубликовали декларацию в связи с капитуляцией Италии. В ней подтверждалась верность двух держав Тройственному пакту, подписанному 27 сентября 1940 г. В условиях войны гитлеровской Германии против СССР это означало открытое признание Японией притязаний Германии на территории Советского Союза.

Советское правительство запросило по этому поводу разъяснений у Японии. 9 декабря 1943 г. японский посол в СССР по поручению своего правительства заявил народному комиссару иностранных дел: «Подтверждение Тройственного пакта имело целью только показать, что изменение режима в Италии не нанесло никакого ущерба действительности соглашения». Японский посол пытался доказать, ссылаясь на статью 5 пакта, что «соглашение не имеет в виду никоим образом Советский Союз», а «советско-германская война не затрагивает действительности пакта о нейтралитете и Япония пакт выполняет» [1].

Японское заявление, однако, не соответствовало фактам, Япония продолжала систематически нарушать пакт о нейтралитете с СССР. Секретное военное соглашение Германии, Японии и Италии от 18 января 1942 г., как уже указывалось, включало в зону военных действий трех держав и территории Советского Союза; граница зон операций между Германией и Японией проходила по 70° восточной долготы. Исходя из этого соглашения, японская военщина рассматривала Сибирь и Северный Сахалин в качестве составных частей будущей «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии».

В январе 1943 г. Япония заключила экономическое соглашение с Германией и Италией, координировавшее усилия трех держав по мобилизации экономических ресурсов на ведение войны. Япония доставляла в Германию стратегическое сырье (каучук, цветные металлы и др.) на подводных лодках и кораблях вплоть до того времени, когда англо-американская блокада стала эффективной и японские корабли потеряли возможность прорываться к берегам Европы.

Задержание Японией советских судов

Япония нарушала пакт о нейтралитете и в других областях своих взаимоотношений с СССР. Так, не прекращались нарушения советских государственных границ, а также границ союзной СССР Монгольской Народной Республики японскими военнослужащими и самолетами. Суда Японии в 1943 г. неоднократно вторгались в советские территориальные воды, где занимались разведывательной деятельностью и хищническим ловом рыбы.

---

[1] АВП СССР. Из записи беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 9 декабря 1943 г.

Японское правительство всячески затрудняло снабжение населения советских дальневосточных районов продовольствием и сырьем. Систематически задерживались пароходы, идущие в советские дальневосточные порты. В апреле 1943 г. были задержаны советские корабли «Ингул» и «Каменец-Подольск» под надуманным предлогом нарушения ими японского законодательства о ведении морской войны.

Советское правительство заявило решительный протест японскому правительству, квалифицируя действия японских властей как незаконные, нарушающие пакт о нейтралитете, и потребовало незамедлительного освобождения судов [1]. Японская дипломатия пыталась использовать задержание судов для оказания давления на СССР в решении других вопросов, в частности вопроса о нефтяной концессии на Северном Сахалине, и всячески затягивала дело. Лишь 28 июня 1943 г., после многократных представлений со стороны Советского Союза, суда были освобождены. Однако до этого японцы без всяких оснований задержали еще один пароход — «Ногин». В связи с этим правительство СССР потребовало от Японии заверения в том, что японские власти не будут в дальнейшем задерживать советские суда. «Нынешнее положение вещей,— было указано при этом японскому послу,— не может не отразиться на советско-японских отношениях» [2].

Правительство Японии, однако, не оставило попыток осуществить нажим на СССР. В июле 1943 г. японские власти задержали пароход «Двина» [3].

Правительство Советского Союза дважды, 23 июля и 13 августа 1943 г., заявляло протесты против незаконного задержания судов и, настаивая на их освобождении, вновь потребовало от японской стороны заверений в том, что подобные факты не будут повторяться. Японское правительство отказалось взять на себя такое обязательство [4], хотя и вынуждено было освободить задержанные суда.

---

[1] АВП СССР. Устное заявление заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского японскому послу в СССР 12 мая 1943 г.

[2] АВП СССР. Из записи беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 3 июля 1943 г.

[3] Пароход сел на мель в японских территориальных водах. Вместо оказания помощи японцы арестовали команду парохода.

[4] АВП СССР. Устное заявление заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского японскому послу в СССР 23 июля 1943 г. АВП СССР. Запись беседы С. А. Лозовского с Сато 13 августа 1943 г.

Вопрос о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине

Одновременно с подписанием 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете японский министр иностранных дел Мацуока дал Советскому правительству письменное обязательство разрешить в течение нескольких месяцев вопрос о ликвидации нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине. Это обязательство Мацуока подтвердил 31 мая 1941 г. в заявлении, переданном Советскому правительству через японского посла в Москве Татекава [1], однако Япония его не выполнила.

В июне 1943 г. Советское правительство поставило перед Японией вопрос о необходимости выполнять обязательства, взятые ею при подписании пакта о нейтралитете. В памятной записке, врученной японскому послу Сато, говорилось: «Советское правительство считает необходимым настаивать на выполнении японским правительством всех обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете» [2].

Несмотря на очевидную справедливость требований Советского Союза, японская дипломатия старалась всячески осложнить этот вопрос, ставя его разрешение в зависимость от подписания новой рыболовной концессии, а также получения от СССР некоторых политических уступок. Более того, беседуя с В. М. Молотовым 15 июня 1943 г., Сато попытался поставить под сомнение необходимость выполнения Японией взятых обязательств. «С момента подписания пакта,— заявил посол,— произошли большие изменения в самой Японии и в международной обстановке. Началась война на Тихом океане, и Мацуока ушел в отставку». Сато попытался даже объявить обязательство Мацуока в отношении северосахалинских концессий его «личными действиями», которые якобы не связывают японское правительство [3].

Советское правительство дало решительный отпор таким попыткам, указав, что СССР не подписал бы пакта о нейтралитете, если бы Япония не дала обязательства о ликвидации концессий [4].

В условиях коренного изменения международной обстановки в 1943 г. японское правительство вынуждено было пойти на переговоры с Советским Союзом. В начале июля Сато официально сообщил о согласии японского правительства начать переговоры о ликвидации концессий, обусловив разрешение этого

[1] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. V, стр. 362—363.

[2] АВП СССР. Из беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 4 июня 1943 г. и заявления Советского правительства 4 июня 1943 г., врученного японскому послу в СССР.

[3] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 15 июня 1943 г.

[4] Там же.

вопроса подписанием новой рыболовной конвенции и протокола, подтверждающего пакт о нейтралитете[1].

Предложения, представленные японской стороной на переговорах, были рассчитаны на то, чтобы максимально затруднить достижение соглашения. Япония потребовала компенсацию за неиспользованное время эксплуатации концессий, срок которых истекал в 1970 г. Японцы считали, что Советское правительство должно взять на себя все расходы по ликвидации концессионных компаний, в том числе покрыть долги концессионеров, а также обеспечить поставки Японии значительного количества нефти и каменного угля.

Возглавлявший советскую делегацию заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский заявил, что правительство СССР не намерено оплачивать задолженность нефтяного и угольного концессионеров, так же как и компенсировать досрочное прекращение концессий, поскольку вопрос о безвозмездной ликвидации концессий был решен еще в 1941 г. Советское правительство соглашалось лишь компенсировать стоимость оборудования, построек и имущества, которые должны были быть переданы Советскому государству на Северном Сахалине. Отказывалось правительство СССР также и от поставок нефти, поскольку нефть представляла собой важное стратегическое сырье. Советское правительство считало возможным пойти на то, чтобы после войны поставлять Японии на общих коммерческих началах по 50 тыс. *т* нефти в течение пяти лет[2].

Переговоры затягивались. Несмотря на ясно выраженную позицию Советского правительства, Япония настаивала на удовлетворении своих требований, более всего добиваясь получения нефти, в которой она испытывала острую потребность. Японцы стремились обеспечить поставки нефти на 5 лет в размере 150—200 тыс. *т* ежегодно[3], и не после войны, а сразу же после передачи концессий СССР.

Советское правительство заявило о том, что просьба Японии поставлять ей по 150—200 тыс. *т* нефти не может быть удовлетворена[4]. СССР не считал возможным поставлять Японии нефть, нужную ей для продолжения войны.

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 8 июля 1943 г.

[2] АВП СССР. Из дневника заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского. Прием японского посла 7 января 1944 г.

[3] Японцы хотели получить нефти в 2 раза больше того, чем сами они тогда добывали на Северном Сахалине. За время действия концессии — с 1926 по 1944 гг.— японцы добыли 1479 тыс. *т* угля и 1791 тыс. *т* нефти (см. АВП СССР. Из ответов японской стороны на вопросы, заданные С. А. Лозовским 17 декабря 1943 г.).

[4] АВП СССР. Из дневника заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского. Прием японского посла 14 января 1944 г.

Переговоры продолжались в течение 8 месяцев, вплоть до марта 1944 г. Только стремление Японии до весенней навигации закончить переговоры о рыболовной конвенции, срок которой истек в декабре 1943 г., заставило ее отказаться от своих требований и согласиться с условиями, предложенными советской стороной. 30 марта был подписан протокол о передаче Советскому Союзу японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине. Японские концессионеры передавали все имущество, оборудование концессий Советскому правительству, взамен чего СССР должен был уплатить Японии 5 млн. рублей и брал обязательство после окончания войны поставлять Японии ежегодно в течение 5 лет по 50 тыс. *т* нефти на обычных коммерческих условиях [1].

Таким образом, японские концессии на Северном Сахалине были ликвидированы за 26 лет до истечения срока действия концессионных договоров, что являлось несомненным успехом советской дипломатии.

В связи с ликвидацией нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине Советское правительство поставило вопрос о закрытии японских консульств на территории Северного Сахалина (в городах Охе и Александровске), с помощью которых в годы войны японцы собирали важную информацию о положении в советском тылу для передачи ее гитлеровцам. Японская сторона очень неохотно шла на закрытие своих консульств. Вместо консульства в Охе японцы добивались права открыть консульство в одном из городов — Хабаровске, Благовещенске, Новосибирске или Чите [2], однако в этом им было отказано. Достигнутая договоренность предусматривала закрытие японских консульств в городах Охе и Александровске и советских консульств в Цуруге и Хакодате [3].

Одновременно с переговорами о ликвидации концессий по настоянию японской стороны шли переговоры о заключении новой рыболовной конвенции. Японский посол предложил начать переговоры с тех позиций, на которых оставались стороны в июне 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Тогда заключить новую конвенцию помешал ряд разногласий. Япония настаивала на том, чтобы ей были сданы в аренду без торгов все находящиеся у японских подданных рыболовные участки. Советская сторона считала необходимым сохранение принципа торгов. При этом советские организации брали обя-

---

[1] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. V, стр. 364—365.

[2] АВП СССР. Из дневника заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского. Прием японского посла 9 марта 1944 г.

[3] См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. V, стр. 363.

зательство не заторговывать более 10% участков, находящихся в аренде у японцев. Другим спорным вопросом являлась проблема запрещения рыболовства в определенных бухтах, заливах, а также в части открытого моря. Япония считала возможным согласиться на запрещение рыболовства в восьми бухтах, заливах и районах, но решительно возражала против запрещения рыболовства на отдельных участках открытого моря [1].

Переговоры о рыболовной конвенции начались в сентябре 1943 г. и длились более полугода. Больше всего внимания было уделено проблеме торгов. Советское правительство подчеркивало, что вопрос об аренде рыболовных участков определяется самой его юридической природой: СССР сдает некоторое количество участков на Тихом океане на коммерческой основе, по принципу торгов. Этот принцип должен остаться в качестве основы новой рыболовной конвенции. Добиваясь отмены торгов, Япония приводила различные надуманные аргументы. Но это не имело результатов.

В связи с войной на Тихом океане Советское правительство настаивало на том, чтобы Япония до окончания войны не эксплуатировала рыболовные участки, расположенные у восточного берега Камчатки. Эти районы находились поблизости от зоны военных действий и могли стать театром войны, если бы японские суда появились там [2].

Японская дипломатия старалась добиться уменьшения территории, на которой было бы запрещено рыболовство. Советское правительство, исходя из необходимости обеспечить свою безопасность, отказалось пойти на уступки японцам [3]. СССР лишь согласился на то, чтобы запретные зоны для рыболовства, установленные в период войны, были пересмотрены в послевоенные годы.

Переговоры завершились подписанием 30 марта 1944 г. Протокола об оставлении в силе на пятилетний срок рыболовной конвенции 1928 г. Положениями протокола было установлено, что отныне все вопросы, относящиеся к рыбопромысловой деятельности советских граждан и организаций, изымаются из ведения рыболовной конвенции. Запрещалось рыболовство в ряде бухт и районов, включая и открытое море (залив Петра Великого, залив Авачинский, бухта Де-Кастри, Советская Гавань, бухты Св. Ольги и Св. Владимира).

---

[1] АВП СССР. Памятная записка, врученная заместителем наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовским японскому послу в СССР 18 сентября 1943 г.

[2] АВП СССР. Из бесед заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с японским послом в СССР 3 и 24 декабря 1943 г.

[3] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 24 июня 1943 г.

Попытки Японии обвинить СССР в нарушении нейтралитета

Систематически нарушая условия советско-японского пакта, правительство Японии постоянно напоминало правительству СССР о его обязательствах по пакту о нейтралитете, когда это касалось войны на Тихом океане и особенно в связи с ухудшением положения Японии.

С началом боев на Алеутских островах в мае 1943 г. японские правящие круги стали опасаться, что СССР предоставит американцам базы на Камчатке для ведения операций против Японии. Японский посол Сато 17 мая обратился в Наркоминдел с запросом. При этом он счел нужным напомнить, что правительство СССР ранее, в 1941 г., заявляло о том, что не уступит своей территории третьей державе для организации баз.

21 мая С. А. Лозовский сообщил Сато, что «заявление Советского правительства, сделанное правительству Японии в 1941 году, полностью исчерпывает вопрос, поставленный послом по поручению японского правительства, так как никаких изменений в позиции Советского правительства по этому вопросу с того времени не произошло»[1].

Японцы не пропускали ни одного случая вынужденного приземления американских самолетов на советской территории, чтобы не обратиться с запросами к Советскому правительству, подчас сопровождая их угрозами.

24 августа 1943 г. Сато сказал наркому иностранных дел СССР, что 12 августа американский самолет был поврежден и полетел в направлении Камчатки. Посол напомнил, что такой же случай был в Приморье в 1942 г. «Япония желает,— заявил посол,— чтобы такие случаи не повторялись, так как их повторение означало бы угрозу не только безопасности Японии, но и хорошим отношениям между Японией и СССР». Послу было сообщено, что самолеты в обоих случаях были интернированы, как это предусматривается международным правом[2].

В сентябре 1943 г. японцы попытались использовать для провоцирования конфликта между СССР и США вынужденную посадку четырех американских самолетов на советской территории. Как дал понять Сато 20 сентября 1943 г., японское правительство желало бы, чтобы СССР заявил протест американскому правительству против посадки американских самолетов[3]. Затем японские представители стали добиваться предоставления воз-

---

[1] АВП СССР. Из беседы заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с японским послом в СССР 21 мая 1943 г.

[2] АВП СССР. Из беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 24 августа 1943 г.

[3] АВП СССР. Из беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 20 сентября 1943 г.

можности на месте ознакомиться с корпусами самолетов и составом команд. Эти требования, разумеется, Советское правительство отвергло [1].

Предложение Японии о посылке «специальной миссии» в СССР

Ухудшение военного положения агрессоров вынудило японское правительство прибегнуть к дипломатическим маневрам с целью укрепить международное положение фашистской «оси». Японская дипломатия попыталась добиться согласия Советского правительства на приезд в Москву «специальной миссии» из Токио для «посредничества» в мирных переговорах между СССР и Германией. Японские политики надеялись, что прекращение войны на основном фронте — советско-германском — даст возможность Германии бросить все свои силы против Англии и США, а это приведет к коренному изменению обстановки на Тихом океане в пользу Японии. Японские дипломатические круги, по-видимому, рассчитывали и на то, что таким маневром они смогут испортить отношения между СССР и его западными союзниками, ибо согласие Советского правительства на приезд «специальной миссии» из Токио могло, при соответствующем освещении в японской прессе, создать впечатление о каких-то тайных переговорах между СССР и Японией.

10 сентября 1943 г. японский посол Сато заявил наркому иностранных дел В. М. Молотову, что «японское правительство с целью улучшения отношений, существующих между Японией и СССР... желало бы послать в Москву высокопоставленное лицо, представляющее непосредственно японское правительство...». Японский уполномоченный, обменявшись мнениями с представителями Советского правительства в Москве, должен был затем отправиться в Турцию, в Западную Европу, посетить как державы, участвующие в войне, так и нейтральные страны. «Посещение миссией стран, находящихся в войне с СССР,— говорил посол,— будет не только в интересах Японии» [2].

СССР отказался принять предложение Японии о приезде «специальной миссии». В ответе Советского правительства указывалось, что это предложение «не может быть рассмотрено иначе, как попытка посредничества между СССР и воюющими с ним странами с целью подготовки почвы для перемирия или мира с ними». «При существующей обстановке, в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия

[1] АВП СССР. Из дневника заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского. Прием японского посла в СССР 24 сентября 1943 г.

[2] АВП СССР. Из записи беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 10 сентября 1943 г.

или мира с гитлеровской Германией или ее сателлитами в Европе совершенно исключенной»[1].

Советское правительство незамедлительно информировало своих союзников о маневрах Японии. Посол СССР в США А. А. Громыко 16 сентября 1943 г. посетил государственного секретаря США К. Хэлла и сообщил об отклонении японского предложения Советским правительством. Ответ Советского правительства Хэлл расценил как «решительно отрицательную реакцию на обращение Японии»[2].

[1] АВП СССР. Из записи беседы наркома иностранных дел СССР с японским послом в СССР 13 сентября 1943 г.

[2] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1263—1264.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КОНФЕРЕНЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТРЕХ ДЕРЖАВ — СССР, США и АНГЛИИ — В ТЕГЕРАНЕ

1. Подготовка к Тегеранской конференции. Московская конференция министров иностранных дел

Победы Красной Армии летом и осенью 1943 г. имели огромное международное значение. Они коренным образом изменили стратегическую и военно-политическую обстановку в мире. Руководители США и Англии сознавали, что при мирном урегулировании они не смогут навязать Советскому Союзу свои условия. Необходимость считаться с СССР и решать основные вопросы войны и послевоенного устройства в сотрудничестве с ним становилась для США и Англии все более очевидной.

Советский Союз со своей стороны последовательно выступал за укрепление сотрудничества с западными союзниками в целях прежде всего скорейшего разгрома фашизма и завершения войны. Исходя из своих собственных позиций и интересов, каждая из трех великих держав — СССР, Англия, США — вела дипломатическую работу с целью договориться о встрече своих представителей на высшем уровне.

19 августа 1943 г. президент Ф. Рузвельт и премьер-министр У. Черчилль направили из Квебека главе Советского правительства И. В. Сталину послание, в котором говорилось: «Сейчас мы переживаем решающий момент войны, период, представляющий единственную в своем роде возможность для встречи»[1].

У правительств США и Англии не было согласованной линии по многим вопросам как военной стратегии, в том числе и по запланированной в Квебеке операции «Оверлорд», так и послевоенного мирного устройства. «Существовала общая политическая цель,— пишет английский историк Л. Вудворд,— нанести поражение врагу в войне, но «победа» ни в коем случае не была однозначным понятием. Она имела один смысл для Соединенных Штатов, другой — для Англии и... третий — для России»[2]. Уже тогда США добивались установления своего единоличного господства в послевоенном мире, в то время как Англия стреми-

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 147.

[2] *L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War, p. XXIV.

лась всеми силами сохранить свои позиции. Вместе с тем США и Англия были готовы при рассмотрении коренных вопросов ведения войны и мирного урегулирования объединиться в дипломатической борьбе против Советского Союза.

Местом первой встречи в верхах Рузвельт и Черчилль предлагали Фербенкс (на Аляске), Басру (в Ираке), Багдад, Анкару, Каир, Асмару (Эритрея). Все это были удаленные от СССР пункты.

В период, когда Красная Армия вела упорные кровопролитные бои, Советское правительство, признавая целесообразность встречи глав правительств СССР, США и Англии, не считало возможной поездку руководителей Советского правительства в отдаленный от СССР пункт, поскольку обстановка на советско-германском фронте почти ежедневно требовала контроля со стороны Верховного Главнокомандования СССР. Советская сторона предложила провести встречу в менее удаленном от СССР месте, в частности в Тегеране, где имелись представительства всех трех держав. Одновременно правительство СССР предложило заранее определить круг вопросов, подлежащих обсуждению, и договориться о тех проектах предложений, которые должны быть приняты.

Правительства США и Англии приняли предложение Советского правительства провести предварительную встречу министров иностранных дел трех государств. Однако при этом они оговаривали, что принятие окончательных решений должно быть предоставлено правительствам и встреча министров иностранных дел должна носить «исследовательский характер» [1]. Глава Советского правительства в ответном послании уточнил, что этой встрече следовало бы придать «не узко исследовательский характер, а практически-подготовительный характер», для того чтобы после этого совещания правительства «могли принять определенные решения и тем самым можно было бы избежать задержки в принятии решений по неотложным вопросам» [2]. В ходе дальнейшей переписки было решено созвать совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве и на нем договориться о встрече глав трех правительств.

С 19 по 30 октября 1943 г. состоялась Московская конференция министров иностранных дел СССР (В. М. Молотов), США (К. Хэлл) и Англии (А. Иден). В состав советской делегации входили Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, заместители наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, М. М. Литвинов и др. К. Хэлла сопровождал новый посол США в СССР А. Гарриман. Вместе с А. Иденом прибыли помощник

[1] «Переписка...», т. I, стр. 147.
[2] Там же, стр. 149.

заместителя министра иностранных дел У. Стрэнг и начальник штаба министра обороны генерал Х. Исмей.

Вопрос о сокращении сроков войны

Делегации представили вопросы для включения в повестку дня конференции. Советская сторона предложила прежде всего рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны.

Следует отметить, что у каждой делегации были вопросы, которым она придавала особое значение. Иден в своих мемуарах пишет: «Русские были заинтересованы в открытии второго фронта в Европе весной 1944 г. Для Хэлла главным вопросом было подписание декларации четырех держав о создании международной организации для поддержания мира... Передо мной стояла цель — достичь соглашения о создании органа для консультаций между союзниками по европейским вопросам, связанным с войной»[1].

Первым пунктом повестки дня конференции были мероприятия по сокращению сроков войны и связанные с этим проблемы второго фронта, вторым пунктом — вопрос о подписании декларации союзных держав по вопросу о всеобщей безопасности. В числе остальных вопросов были: германский вопрос, положение в Италии, судьба Австрии, учреждение Европейской консультативной комиссии и некоторые другие.

После выдающихся побед Советских Вооруженных Сил на советско-германском фронте в 1943 г. вопрос об открытии союзниками второго фронта принял иной характер, чем это было в 1941 и 1942 гг. Красная Армия уверенно шла к победе над Германией. Но Советскому Союзу было не безразлично, какими усилиями и в какие сроки будет одержана победа.

Желая ускорить окончание войны, советская делегация на конференции министров иностранных дел предложила точно определить сроки открытия второго фронта в Европе. Представители Англии и США продолжали, однако, маневрировать. Выступивший на конференции от имени Англии и США английский генерал Исмей сообщил, что на совещании Рузвельта и Черчилля в Квебеке (14—24 августа 1943 г.) было принято решение о вторжении в Северную Францию в 1944 г., если «климатические условия в районе Ла-Манша будут благоприятными». Но он тут же подчеркнул, что для осуществления этого решения требуется наличие и других условий. Во-первых, «должно произойти значительное сокращение германских военно-воздушных сил в Северо-Западной Европе». Во-вторых, германские резервы во Франции в момент вторжения не должны превышать 12 дивизий и немцы не должны иметь возможности перебросить

[1] "The Memoirs of Antony Eden. The Reckoning", p. 476.

во Францию с других фронтов более 15 дивизий в течение первых двух месяцев англо-американских операций [1]. И Исмей, и его американский коллега Дин избегали называть точные сроки открытия второго фронта в Европе. Как стало известно позже, во время конференции в Москве Черчилль направил министру иностранных дел Англии Идену и генералу Исмею телеграммы с извещением о том, что вторжение в Европу будет отложено [2].

Советская делегация понимала, что представители союзников не хотят посвящать правительство СССР в свои планы в отношении создания второго фронта.

Правящие круги Англии и США беспокоила вполне реальная перспектива установления народной власти в европейских странах после их освобождения, и они хотели любой ценой воспрепятствовать этому. Американские и английские союзники стремились навязать освобожденным странам довоенные порядки, насадить там угодные им правительства, в частности из числа эмигрантов, находившихся в Лондоне. Этой цели в первую очередь и должна была служить высадка англо-американских войск в Европе. Вопрос заключался лишь в том, где и когда союзники откроют второй фронт. Как известно, между англичанами и американцами были расхождения по этому вопросу: Черчилль выступал за открытие второго фронта на Балканах; американские политические и военные руководители придерживались плана вторжения в северо-западную часть Европы.

В результате обсуждения вопроса о втором фронте в англо-советско-американском коммюнике о конференции трех министров по инициативе СССР было записано, что три правительства признают своей «первейшей целью ускорение конца войны...» [3]. Однако представители США и Англии так и не дали точных обязательств о сроках открытия второго фронта. Они согласились лишь зафиксировать в протоколе, что принятое правительствами США и Англии решение о вторжении в Северную Францию весной 1944 г. при наличии условий, изложенных Исмеем, остается в силе [4].

На Московской конференции министров иностранных дел рассматривались и некоторые другие важные вопросы сотрудничества трех держав как в период войны, так и в послевоенное время. В частности, конференция приняла решение «о линии

---

[1] АВП СССР. Стенограмма заседания Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании от 20 октября 1943 г.

[2] *Ch. Wilmot.* The Struggle for Europe, p. 136.

[3] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 358.

[4] АВП СССР. Стенограмма заседания Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании от 21 октября 1943 г.

поведения в случае получения пробных предложений мира от враждебных стран». Три правительства обязывались немедленно информировать друг друга о таких предложениях и проводить взаимные консультации «с тем, чтобы согласовывать свои действия в отношении подобных предложений»[1]. Это решение имело большое значение для создания атмосферы доверия в отношениях между тремя державами.

Германская проблема

Из вопросов послевоенного устройства мира главное внимание участники конференции уделили германской проблеме.

На Московской конференции подвергся обсуждению вопрос о будущем Германии. Государственный секретарь США Хэлл 23 октября внес предложение оккупировать Германию войсками трех держав, установить контроль над ней и осуществить «политическую децентрализацию». Но через день, 25 октября, Хэлл говорил уже о расчленении Германии, заявив, что оно «отвечает интересам США»[2].

Министр иностранных дел Англии изложил английский план расчленения Германии. «Мы хотели бы,— говорил Иден,— разделения Германии на отдельные государства, в частности мы хотели бы отделения Пруссии от остальных частей Германии. Мы хотели бы поэтому поощрять те сепаратистские движения в Германии, которые могут найти свое развитие после войны. Конечно, сейчас трудно определить, какими возможностями мы будем располагать для осуществления этих целей и можно ли будет их добиться путем применения силы. В этом отношении я оставляю вопрос открытым, однако возможность осуществления этих целей с помощью силы не исключена»[3].

Что касается позиции Советского правительства относительно послевоенного устройства Германии, то народный комиссар иностранных дел СССР заявил на конференции, что «вопрос находится в процессе изучения»[4].

В результате обмена мнениями конференция решила передать вопрос о будущем Германии для дальнейшего изучения в Европейскую консультативную комиссию (ЕКК). Было признано целесообразным создать такую комиссию для обеспечения более тесного сотрудничества трех правительств при решении важнейших послевоенных проблем. На ЕКК возлагалась задача «изучать европейские вопросы, связанные с окончанием военных

---

[1] АВП СССР. Протокол Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании от 31 октября 1943 г.

[2] АВП СССР. Стенограмма заседания Московского совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании от 25 октября 1943 г.

[3] Там же.

[4] Там же.

действий», и прежде всего проблемы, относящиеся к Германии. Европейская консультативная комиссия создавалась на первых порах в составе представителей СССР, Англии и США с местопребыванием в Лондоне.

При обсуждении вопроса об организации этой комиссии Советское правительство высказалось за участие в ней представителей Французского комитета национального освобождения, а также малых европейских союзных стран. Однако английская и американская делегации возразили против расширения состава комиссии [1]. В то же время англичане пытались убедить французов, будто представитель Французского комитета национального освобождения не был включен в состав Европейской консультативной комиссии по инициативе СССР. И только на прямой вопрос представителя комитета Рене Массигли, обращенный к Идену, о том, кто предложил ограничить состав этой комиссии представителями лишь СССР, США и Англии, английский министр был вынужден признать, что на Московской конференции «окончательные предложения действительно были сделаны англичанами» [2].

Вопрос о послевоенных объединениях европейских государств

Конференция рассмотрела и некоторые другие вопросы послевоенного устройства Европы, в частности вопрос о федерациях и конфедерациях европейских государств. В 1942—1943 гг. правительство Англии усиленно разрабатывало планы создания федеративных объединений малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы под эгидой Англии, с тем чтобы создать новый «санитарный кордон» против СССР. В результате 15 января 1942 г. был подписан греко-югославский союзный договор, который мыслился как первый шаг к созданию федерации этих государств. Через неделю было заключено соглашение о создании польско-чехословацкой конфедерации, «идущее,— как заметил английский журнал «Экономист»,— намного дальше, чем греко-югославский пакт» [3]. Участники конфедерации обязались действовать сообща в области экономической, политической, социальной и военной. Сотрудничество в военной области предполагалось настолько тесное, что предусматривалось создание общего генерального штаба. В западноевропейской печати отмечалось, что «Польша и Чехословакия очень хотят включить в конфедерацию все европейские государства, с которыми связаны их жизненные интересы» [4].

---

[1] См. «Советско-французские отношения...», стр. 524—525.
[2] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 2, стр. 715.
[3] "Economist", January 31, 1942, p. 141.
[4] Ibidem.

Черчилль еще 21 октября 1942 г. сообщил Идену, что мечтает о «Соединенных Штатах Европы»[1], которые, как указывал В. И. Ленин еще во время первой мировой войны, при капитализме «либо невозможны, либо реакционны»[2].

Правительство Англии планировало образование двух конфедераций — одной в Центральной, а другой в Юго-Восточной Европе,— которые охватывали бы страны, расположенные между Германией и Италией, с одной стороны, и СССР и Турцией — с другой[3]. В январе 1943 г. Черчилль заявил руководителям Турции: «Мы должны организовать самое тесное объединение против России»[4]. В тот же период эмигрантские правительства малых европейских стран, находившиеся в Лондоне, в свою очередь энергично разрабатывали всевозможные проекты создания федераций в Европе. В правительственных кругах США к подобного рода проектам относились благожелательно.

На Московской конференции представитель СССР категорически отверг различного рода проекты объединений и группировок малых государств в Европе. Советское правительство исходило из того, что освобождение малых стран и восстановление их суверенитета и независимости — одна из важнейших задач послевоенного устройства Европы и создания прочного мира. Делегация СССР указывала на опасность преждевременного и искусственного прикрепления малых стран к группировкам, запланированным без участия заинтересованных народов, на недопустимость постороннего вмешательства в дела освобождаемых народов при решении ими своих судеб после войны[5]. Позиция СССР была изложена по окончании Московской конференции в редакционной статье газеты «Известия», где подчеркивалось, что «советская точка зрения решительно отвергает всякие попытки воскресить политику «санитарного кордона» против СССР, в какие бы формы они ни маскировались»[6].

Вопросы, касающиеся освобожденных стран Европы

Министры иностранных дел обсудили положение в Италии, где на освобожденной части страны США и Англия установили власть созданного ими союзного военного правительства оккупированных территорий, проводили сепаратную политику, носившую, по существу, антидемократический характер. Англия и США хотели сохранить в Италии режим неограниченной оккупации. Органы союзного

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 562.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 352.
[3] *L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War, p. 437.
[4] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. IV, p. 710—711.
[5] См. «История внешней политики СССР», ч. I, стр. 408.
[6] «Известия», 18 ноября 1943 г.

военного правительства, опираясь на силы реакции, преследовали демократические силы Италии. Англо-американская политика наносила ущерб антифашистской борьбе в стране.

На Московской конференции делегация СССР запросила у союзников информацию о выполнении условий соглашения о перемирии с Италией. В свою очередь она внесла предложение о проведении союзниками в Италии такой политики, которая обеспечила бы ликвидацию фашизма и установление демократического строя в Италии. Дискуссия по этому вопросу завершилась подписанием «Декларации об Италии», в которой говорилось, что «политика союзников по отношению к Италии должна базироваться на основном принципе: что фашизм и все его пагубные влияния и последствия должны быть полностью уничтожены и что итальянскому народу должна быть предоставлена полная возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии» [1]. Конференция постановила создать Консультативный совет по вопросам Италии в составе представителей СССР, США, Англии, Французского комитета национального освобождения, Греции и Югославии. Этот Совет, заменявший военно-политическую комиссию в Алжире, должен был «формулировать рекомендации, рассчитанные на координацию политики союзников в отношении Италии» [2]. Создание Консультативного совета по вопросам Италии имело положительное значение. Оно несколько ограничивало действия американских и английских властей в Италии, наносившие ущерб интересам итальянского рабочего класса и демократического развития страны.

На конференции был обсужден представленный правительствами Англии и США документ «Основная схема управления освобожденной Францией» [3]. Согласно этой схеме правящие круги США и Англии предполагали установить на освобожденной французской территории, по существу, режим оккупации, хотя этого слова и не было в документе. Внося на обсуждение конференции «Основную схему», представители США и Англии хотели таким путем получить согласие СССР на право бесконтрольной деятельности своей администрации типа союзного военного правительства в Италии и на территории освобожденной Франции. Советская делегация с этим не согласилась. В результате «Основная схема» не получила одобрения конференции и была направлена на рассмотрение Европейской консультативной комиссии. На основании решений Московской конференции

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 361.

[2] Там же, стр. 359.

[3] См. «Советско-французские отношения...», стр. 222–224.

союзное правительство освобожденных территорий было ликвидировано.

Конференция обсудила вопрос об Австрии. С советской стороны было подчеркнуто, что австрийский народ имеет право на независимое национальное существование и на определение будущего своей страны. По инициативе СССР конференция приняла «Декларацию об Австрии», в которой три правительства заявляли о желании «видеть восстановленной свободную и независимую Австрию». Они объявляли недействительным и несуществующим захват Германией Австрии в марте 1938 г. В то же время в декларации обращалось внимание на то, что Австрия несет ответственность за участие в войне на стороне Германии и что «при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание ее собственный вклад в дело ее освобождения» [1].

Представители США и Англии подняли на конференции вопрос об отношениях между СССР и польским эмигрантским правительством, находившимся в Лондоне. Они пытались добиться от Советского правительства восстановления дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством, разорванных в апреле 1943 г., стремясь тем самым подготовить почву для установления в Польше после ее освобождения власти этого правительства, связанного с английским и американским империализмом. Правительство СССР отказалось иметь дело с враждебным Советскому Союзу правительством, чуждым польскому народу. Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил на конференции: «...мы стоим за независимую Польшу и готовы помочь ей, но надо, чтобы в Польше было такое правительство, которое было бы дружественно настроено в отношении СССР» [2].

По окончании конференции от имени глав трех правительств была опубликована декларация «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Правительства СССР, США и Англии заявили в декларации, что военные преступники не уйдут от справедливого суда, они «будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия», и что три союзные державы «наверняка найдут их даже на краю света...» [3]. Главные преступники, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, будут наказаны совместным решением правительств-союзников.

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 362—363.

[2] АВП СССР. Стенограмма заседания Московского совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании от 29 октября 1943 г.

[3] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 363—364.

Декларация о всеобщей безопасности

Одним из важных вопросов конференции явилась проблема обеспечения всеобщей безопасности в послевоенный период. Значительное внимание было уделено выработке проекта декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. При этом возник вопрос о правомочности конференции принять «Декларацию четырех» (США, СССР, Англии и Китая), поскольку в ней официально участвовали только три державы. Но в конце концов было решено опубликовать декларацию от имени четырех держав.

30 октября три министра иностранных дел и китайский посол в Москве Фу Бин-чан подписали «Декларацию четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности». Этот документ содержал главные направления послевоенного устройства и наметил некоторые основные принципы деятельности будущей Организации Объединенных Наций.

В документе указывалось, что союзные государства будут продолжать военные действия против держав гитлеровского блока до тех пор, пока эти державы не сложат оружия и не капитулируют безоговорочно. Совместные действия союзников, направленные на ведение войны против врагов, будут продолжены в послевоенный период для организации и поддержания мира и безопасности. Правительства четырех держав признавали необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств. Членами этой организации могут быть все такие государства — большие и малые. В декларации провозглашалось, что после окончания войны правительства СССР, США, Англии и Китая не будут применять военные средства в решении спорных вопросов без взаимной консультации. Правительства четырех держав заявляли также, что они будут консультироваться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединенных Наций в целях достижения осуществимого всеобщего соглашения о регулировании вооружений в послевоенный период [1].

Московская конференция признала необходимым, и это было записано в коммюнике, продолжать сотрудничество трех держав в период, который последует за окончанием военных действий, в интересах всех свободолюбивых наций и в целях «поддержания мира и полного развития политического, экономического и социального блага их народов» [2].

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 360—361.

[2] Там же, стр. 358.

На конференции министров иностранных дел в Москве были обсуждены, таким образом, многие сложные вопросы послевоенного урегулирования. В процессе дискуссий выявились серьезные расхождения в позиции СССР и его союзников — США и Англии — по ряду проблем. Однако конференция показала, что есть возможность разрешения спорных вопросов путем согласования на взаимоприемлемой основе. Одни вопросы могли быть решены в ходе конференции. По другим в результате обсуждения были согласованы принципы и предстояла их детальная разработка в дипломатическом порядке. По третьей группе вопросов состоялся обмен мнениями.

Решения Московской конференции подготовили условия для первой встречи глав правительств трех держав.

2. Конференция в Тегеране

В ходе Московской конференции и после ее окончания продолжалось обсуждение вопроса о месте и сроках созыва конференции глав правительств трех держав. Советское правительство продолжало настаивать на встрече в Тегеране. Президент Ф. Рузвельт, ссылаясь на свои обязанности, установленные конституцией США, в частности на необходимость быстрого рассмотрения и утверждения законопроектов, поступающих из конгресса, возражал против Тегерана, с которым, по его мнению, трудно было установить авиасвязь для пересылки документов.

В связи с этим И. В. Сталин высказал мысль о том, что его мог бы на конференции заменить первый заместитель в правительстве, который при переговорах пользовался бы всеми правами главы правительства СССР; в таком случае отпали бы все затруднения в выборе места встречи.

Получив послание И. В. Сталина от 5 ноября 1943 г., содержащее это предложение, Рузвельт ответил 8 ноября, что, придавая чрезвычайное значение встрече глав трех правительств, он решил отправиться в Тегеран. Президент предложил провести встречу 27—30 ноября 1943 г. И. В. Сталин принял это предложение. С ним согласился и У. Черчилль[1].

В дальнейшей переписке между главами трех правительств были согласованы детали встречи в Тегеране, получившей условное название «Эврика», а также меры обеспечения безопасности делегаций. В частности, было решено, что президент Рузвельт остановится в советском посольстве в Тегеране, иначе ему пришлось бы ездить на совещания через весь город. К принятию этой меры предосторожности имелись серьезные основания. Как

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 104—105; т. I, стр. 176.

стало известно органам государственной безопасности Советского Союза, гитлеровские агенты разрабатывали план похищения Рузвельта в Тегеране и готовили террористические акты против других участников конференции. В переписке глав трех правительств накануне конференции шла речь и о встрече представителей союзников в Каире с участием советской делегации для обсуждения вопросов, относящихся к ведению войны. Однако правительство СССР не сочло целесообразным посылать в Каир своих представителей. Там состоялось лишь совещание англо-американских союзников с представителями Китая по дальневосточным вопросам.

Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Англии — И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля — проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Глав правительств трех держав сопровождали министры иностранных дел, политические и военные советники, участвовавшие в работе конференции.

Вопрос об открытии второго фронта

Основное внимание руководители союзных держав уделили вопросам ведения войны, в особенности срокам открытия второго фронта. Этот важнейший вопрос был одним из наиболее острых в отношениях между союзниками, поскольку от его решения зависели сроки окончания войны в Европе и, следовательно, судьбы миллионов людей европейских стран, и прежде всего советских людей, продолжавших нести на своих плечах всю тяжесть войны.

На конференции в Тегеране снова выявились расхождения о месте, масштабах и сроках вторжения союзников в Европу. У. Черчилль приложил немало усилий, чтобы уйти от конкретного решения вопросов, связанных с открытием второго фронта. Однако президент Рузвельт не поддержал английского премьер-министра.

На первом пленарном заседании конференции президент Ф. Рузвельт дал обзор «той части войны, которая больше касается Соединенных Штатов». При этом он отметил, что США, так же как Англия и Советский Союз, надеются на скорую победу. Рузвельт сообщил о разработанном на конференции в Квебеке плане, который исходил из того, чтобы экспедиция через Ла-Манш была осуществлена около 1 мая 1944 г. (операция «Оверлорд»)[1]. Американцы рассчитывали вместе с англичанами занять большую часть Европы ударом через северо-западную Германию и первыми взять Берлин. При этом, конечно, «Оверлорд» был представлен как наиболее эффективный вариант «помощи» Советскому Союзу.

---

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам». Сборник документов. Изд. 3-е. М., 1971, стр. 38.

У. Черчилль снова пытался отстаивать «средиземноморскую стратегию». Он утверждал, что для успеха союзников необходимо сначала занять Рим и продвинуться до линии Пиза — Римини в Италии, а также развернуть операции в восточной части Средиземного моря, даже если они, «возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Канал...»[1].

Следует отметить, что Черчилль, как и Рузвельт, стремился не допустить Красную Армию в Западную Европу. Но он предполагал достигнуть этого путем развития операций в Италии и на Балканах, где и находились основные английские силы, которые, по мнению премьер-министра, могли бы опередить советские войска и выйти первыми в Центральную и Юго-Восточную Европу. «Всякий раз,— говорил Рузвельт своему сыну Эллиоту,— когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию»[2].

И. В. Сталин, исходя из настоятельной необходимости скорейшего разгрома врага, заявил в Тегеране: «...было бы хорошо, если бы имели место две операции: операция «Оверлорд» и в качестве поддержки этой операции — высадка в Южной Франции. В то же время операция в районе Рима была бы отвлекающей операцией. Осуществляя высадку во Франции с севера и с юга, при соединении этих сил можно было бы добиться наращивания сил. Франция является слабым местом Германии»[3].

В беседе с Черчиллем 30 ноября 1943 г. И. В. Сталин говорил, что, «как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия, в свою очередь, перейдет в наступление. Если бы было известно, что операция состоится в мае или в июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу»[4].

Временем высадки союзных войск во Франции, по мнению советской делегации, должен был быть май 1944 г. Советское правительство предлагало указать точную дату начала операции «Оверлорд». Однако Черчилль отказывался взять конкретные обязательства. «Я не могу пожертвовать операциями в Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая»[5],— говорил он. Премьер-министр предложил передать этот вопрос на обсуждение военных специалистов, что означало бы оттяжку

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 43.
[2] *Э. Рузвельт.* Его глазами, стр. 186—187.
[3] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 44.
[4] Там же, стр. 80.
[5] Там же, стр. 46.

его решения на неопределенное время. Рузвельт в известной мере солидаризировался с Черчиллем, когда предложил передать все нерешенные вопросы «военной комиссии», дав ей директивы от имени глав трех правительств [1]. На это И. В. Сталин заметил: «Мы можем решить эти вопросы сами, ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия» [2].

Твердая позиция советской делегации произвела должное впечатление на англо-американских представителей. Черчилль был вынужден снять свои возражения относительно операции «Оверлорд», тем более что, хотя и по разным причинам, налицо было совпадение взглядов по данному вопросу между делегациями США и Советского Союза.

На заседании конференции 30 ноября 1943 г. в присутствии И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля военный представитель Англии генерал Алан Брук заявил от имени США и Англии, что начало операции «Оверлорд» состоится в течение мая 1944 г. Она будет поддержана, сказал генерал Алан Брук, «операцией против Южной Франции, причем масштаб этой операции будет зависеть от количества десантных судов, которые будут иметься в наличии к этому времени» [3]. Глава советской делегации в свою очередь заявил, что «русские обязуются к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах, с тем чтобы приковать немецкие дивизии на Восточном фронте и не дать возможности немцам создать какие-либо затруднения для «Оверлорда»» [4].

На конференции Черчиллю не удалось подменить открытие второго фронта во Франции операциями на Балканах. Правительства США и Англии подтвердили на конференции, что численность десантных англо-американских войск при вторжении в Западную Европу составит 1 млн. человек. Эти обязательства были зафиксированы в военных решениях Тегеранской конференции. В них записано: «Конференция приняла к сведению, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 г. вместе с операцией против Южной Франции. Эта последняя операция будет предпринята в масштабе, в котором это позволят наличные десантные средства. Конференция далее приняла к сведению заявление маршала Сталина, что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт» [5]. В опубликованной декларации три правительства

---

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 73—74.
[2] Там же, стр. 74.
[3] Там же, стр. 83.
[4] Там же.
[5] АВП СССР. Военные решения Тегеранской конференции, проходившей 28 ноября — 1 декабря 1943 г.

заявили, что «пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга»[1].

В числе других военных решений была достигнута договоренность трех держав о необходимости принятия мер для вступления в войну Турции на стороне антигитлеровской коалиции, а также об оказании помощи югославским партизанам.

Договоренность об участии СССР в войне против милитаристской Японии

Идя навстречу неоднократным просьбам союзных правительств и учитывая систематические нарушения Японией советско-японского договора о нейтралитете и ее помощь гитлеровской Германии в войне, И. В. Сталин заявил на конференции, что Советский Союз объявит войну Японии после поражения фашистской Германии.

29 ноября Ф. Рузвельт передал И. В. Сталину записку, содержавшую предложение договориться об обмене информацией, а также «о таком предварительном планировании, которое может быть подходящим при существующих условиях для возможных операций против Японии, когда Германия будет выведена из войны. Чем больше мы сможем предварительно спланировать, без того чтобы подвергнуть чрезмерному риску существующую обстановку,— писал Рузвельт,— тем скорее война в целом может быть доведена до окончания»[2].

Решение Советского правительства об объявлении войны Японии было справедливо оценено союзниками как важный шаг к дальнейшему укреплению антигитлеровской коалиции и скорейшей ликвидации очага агрессии на Дальнем Востоке.

Послевоенное устройство Германии

На конференции в Тегеране главы трех правительств обменялись мнениями о судьбах Германии.

Вопрос о Германии поставил на обсуждение конференции президент Рузвельт на заседании 1 декабря. Но и до этого, во время неофициальных встреч глав трех правительств, данный вопрос уже был предметом внимания.

Прежде всего речь шла о том, какие меры необходимо принять, чтобы от Германии никогда уже не исходила угроза новой войны.

Глава Советского правительства в беседе с президентом США 29 ноября говорил, что через 15—20 лет Германия сможет восстановить свои силы и начать новую войну, если ее ничто не будет сдерживать. Чтобы не допустить этого, сказал И. В. Ста-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 369.

[2] «Переписка...», т. II, стр. 109.

лин, союзники должны создать сильный орган, который будет иметь право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии эти пункты должны быть немедленно заняты, чтобы окружить Германию и подавить ее [1]. Рузвельт ответил, что он полностью согласен с этим мнением. Английский премьер-министр считал долгом США, Англии и СССР «обеспечить безопасность в мире по крайней мере на 50 лет путем разоружения Германии, предотвращения перевооружения, установления контроля над германскими предприятиями, запрещения авиации и путем далеко идущих территориальных изменений» [2]. Последний аргумент особенно подробно развивался премьер-министром перед союзниками. Он считал, что Пруссия должна быть изолирована и обособлена, что Бавария, Австрия и Венгрия могли бы создать широкую мирную неагрессивную конфедерацию. По его мнению, с Пруссией следовало бы обойтись более сурово, чем с другими частями «рейха», и это могло бы склонить их не связывать свою судьбу с Пруссией [3].

На официальных заседаниях Тегеранской конференции главы правительств США и Англии пытались навязать Советскому Союзу свою линию в вопросе о будущем устройстве Германии. 1 декабря Рузвельт изложил план расчленения Германии на пять государств, составленный, как он сказал, им лично за два месяца до конференции. «По моему мнению,— заявил он,— Пруссия должна быть возможно ослаблена и уменьшена в своих размерах. Пруссия должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую часть Германии должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден, Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединенные Нации или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных Наций, либо попечителей всей Европы» [4].

Премьер-министр Англии поддержал идею расчленения Германии, заявив, что у него «две мысли: первая — это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии — Баварии, Бадена, Вюртемберга,

---

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 61.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 360.
[3] Ibid., p. 360—361.
[4] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 94.

Палатината от Саара до Саксонии включительно»[1]. Таким образом, планы правящих кругов США и Англии в основном совпадали. При этом Черчилль вновь доказывал необходимость отделения южных провинций от Пруссии и включения их в Дунайскую федерацию вместе с Придунайскими странами Центральной Европы, которая, конечно, должна была выступать под эгидой Англии.

Советская делегация на Тегеранской конференции, на заседаниях и во время неофициальных встреч, указывала на необходимость решительных мер по предупреждению германского реваншизма и милитаризма, а также сурового наказания военных преступников. Глава Советского правительства предложил передать вопрос о Германии в Европейскую консультативную комиссию в Лондоне[2]. По поводу высказанных предложений о создании федераций в Европе И. В. Сталин заявил: «Мне не нравится план новых объединений государств... Не нужно создавать какого-то нового нежизнеспособного объединения дунайских государств. Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга». В своих записях специальный помощник президента Рузвельта Гарри Гопкинс, присутствовавший на Тегеранской конференции при обсуждении английского и американского планов относительно Германии, характеризует позицию Советского правительства следующим образом: «Сталин без особого энтузиазма отнесся к обоим предложениям... Обсуждение этого вопроса закончилось безрезультатно»[3].

Польский вопрос

Главы трех держав обменялись в Тегеране мнениями по вопросу о Польше.

Еще в марте 1943 г. Иден говорил Рузвельту, что польское эмигрантское правительство «имеет очень большие амбиции, касающиеся послевоенного периода». Лондонские поляки, сообщил английский министр иностранных дел, неофициально говорят: «Поскольку Россия будет крайне ослаблена, а Германия сокрушена, Польша будет самым мощным государством в этой части света»[4].

Польское эмигрантское правительство продолжало антисоветские интриги после того, как правительство СССР было вынуждено прекратить с ним отношения, и развернуло активную работу по укреплению в Польше военной конспиративной организации — Армии Краевой и вооруженных сил для борьбы с Советским Союзом. Агенты этого правительства, которое после гибели в июле 1943 г. генерала Сикорского возглавил Миколайчик, вступали в переговоры с гитлеровцами в Польше, убивали

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 94.
[2] См. там же, стр. 95.
[3] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 493.
[4] "Foreign Relations.., 1943", vol. III, p. 15.

партизан, вели клеветническую кампанию против СССР. Естественно, что польское эмигрантское правительство в Лондоне все более теряло авторитет среди польского народа в самой Польше, где, несмотря на происки реакции, развертывалось мощное национально-освободительное движение. К концу 1943 г. в Польше действовало свыше 60 отрядов Гвардии Людовой.

В ноябре 1943 г. была опубликована вторая программная декларация Польской рабочей партии «За что мы боремся?». В декларации выражалась твердая уверенность в неизбежности разгрома фашизма и победы демократии. В ней разоблачалась политика и деятельность польского эмигрантского правительства и заявлялось, что в будущей Польше власть должна принадлежать трудящимся. В области внешней политики декларация провозглашала прочный союз и дружбу с Советским Союзом, видя в этом гарантию свободы и независимости страны. В декларации содержалось полное признание права на самоопределение украинского и белорусского народов, объединившихся в 1939 г. со своими братьями в Советской Украине и Советской Белоруссии [1].

В этих условиях правительства Англии и США опасались, что демократические силы в Польше сформируют в ближайшее время органы управления, верные народу, дружественные СССР. Чтобы предупредить это, на конференции в Тегеране союзники пытались побудить Советское правительство восстановить отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Теперь, однако, они не могли не видеть абсурдности амбиций лондонских поляков, в частности в отношении советско-польской границы. Правительство Англии пришло к заключению, что поляки должны признать в качестве границы между СССР и Польшей линию Керзона, отказаться от попыток отторжения от СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. В качестве «компенсации» англичане предполагали отдать Польше территории Восточной Пруссии, Данциг и часть Верхней Силезии [2].

Министр иностранных дел Англии Иден рекомендовал военному кабинету предложить Советскому правительству восстановить отношения с польским эмигрантским правительством и сотрудничать с ним и с английским правительством «в изыскании удовлетворительного решения» вопроса о «польском подпольном сопротивлении» и о возникших в СССР демократических польских организациях и армиях; взамен Англия и польское эмигрантское правительство признали бы линию Керзона в качестве советско-польской границы [3]. С этой идеей Черчилль направился в Тегеран и добивался ее принятия на конференции.

---

[1] "Ksztatowanie sie podstaw programmowych Polskie j Partii Robotniczejw Latach 1942—1945". Warszawa, 1958, S. 150—151.

[2] *L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War, p. 250.

[3] Ibid., p. 251.

Дискуссия по польскому вопросу на официальных заседаниях конференции была начата Ф. Рузвельтом, выразившим надежду, что «Советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским правительством» [1]. Черчилль поддержал Рузвельта. Вместе с тем он изложил свою идею о будущих границах Польши, показав на трех спичках, какими должны быть границы между СССР, Польшей и Германией. Одна из этих спичек, говорил он, «представляет Германию, другая — Польшу и третья — Советский Союз. Все эти три спички должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками,— обеспечение западных границ Советского Союза» [2].

И. В. Сталин ответил на предложение Рузвельта: «Я должен сказать, что Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз» [3].

И. В. Сталин, уточнив у Черчилля, что означает пример с тремя спичками, подтвердил, имея в виду границу между СССР и Польшей 1939 г., что «Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным» [4]. Правительство СССР всегда выступало за создание независимого, демократического и сильного польского государства, за обеспечение для Польши справедливых, исторически обоснованных границ. Учитывая, что польская территория в прошлом неоднократно перекраивалась и ее границы не раз бывали источником конфликтов, Советское правительство считало необходимым превратить границы Польши в фактор безопасности и устойчивого мира в Европе.

Конференция приняла формулу, предложенную Черчиллем: «...очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер...» [5] Эта формула включала и точку зрения Советского Союза, изложенную на конференции и в двусторонних переговорах советской и английской делегаций. Было в принципе согласовано также, что Кенигсберг с прилегающей к нему территорией будет передан Советскому Союзу.

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 91.
[2] Там же, стр. 92.
[3] Там же, стр. 92—93.
[4] Там же, стр. 93.
[5] Там же, стр. 96.

На Тегеранской конференции восторжествовали принципы сотрудничества великих союзных держав, направленного на быстрейшее окончание войны. В принятой декларации главы правительств трех держав выражали решимость в том, что три страны «будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время»[1].

Тегеранская конференция и ее решения имели важное значение. Уже сам созыв конференции был воспринят мировым общественным мнением как проявление духа сотрудничества трех великих держав. В те дни газета «Правда» писала: «Эта знаменательная встреча, являющаяся новым ярким свидетельством все возрастающей прочности англо-советско-американского боевого союза, все более глубокого сотрудничества трех великих держав, окрылила новой светлой надеждой все свободолюбивые народы...»[2] Как указывал президент Франклин Рузвельт, выступая 24 декабря 1943 г., участники конференции «заглянули в дни, месяцы и годы, которые последуют за поражением Германии»[3]. И хотя по некоторым вопросам не были приняты решения, однако и в этом случае обмен мнениями имел положительное значение, так как помог лучше узнать точки зрения сторон по ряду вопросов мировой политики и принять по ним решения в будущем.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 369.

[2] «Правда», 7 декабря 1943 г.

[3] "The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1943", New York, 1950, p. 557.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА В ФАШИСТСКОМ БЛОКЕ И «МИРНЫЕ» МАНЕВРЫ ЕГО ЕВРОПЕЙСКИХ УЧАСТНИКОВ И ЯПОНИИ. ПОЗИЦИЯ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ

1. «Пробные предложения о мире» со стороны фашистских правителей Финляндии, Румынии, Венгрии и Болгарии. Заговор «20 июля» в Германии

В конце 1943 — начале 1944 г. Красная Армия приступила к проведению новых крупных наступательных операций, чтобы в кратчайший срок очистить от фашистских захватчиков советскую землю и восстановить государственные границы СССР по всей линии от Баренцева до Черного моря.

Понеся тяжелейшие потери на советско-германском фронте, гитлеровцы вынуждены были отказаться от наступательной стратегии. Они стремились любой ценой стабилизировать фронт на Востоке и воспрепятствовать продвижению советских войск. Гитлеровское командование, как и прежде, уделяло главное внимание Восточному фронту. Из 315 дивизий и 10 бригад немецко-фашистской армии на советско-германском фронте к началу 1944 г. находились 198 дивизий и 6 бригад. В Италии же англо-американским войскам противостояло из числа немецких войск всего 19 дивизий и одна бригада. Одновременно против Красной Армии на Восточном фронте действовало 38 дивизий и 18 бригад сателлитов Германии [1]. Однако новое наступление Советских Вооруженных Сил, начавшееся зимой 1944 г., сорвало надежды гитлеровского командования на ведение затяжной оборонительной войны на Востоке. Германия была обречена на полное поражение.

Коренной перелом в войне привел к усилению кризиса среди союзников гитлеровской Германии. В 1943 г. Италия порвала с фашистским блоком и вышла из него, объявив войну гитлеровской Германии. Остальные участники этого блока еще продолжали бессмысленное сопротивление. Но и в этих странах нарастали антивоенные настроения.

Советское правительство, руководствуясь принципами интернационализма, стремилось избавить народы Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии от дальнейшего кровопролития и продолжения войны. В конце 1943—начале 1944 г.

---

[1] См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк». М., 1958, стр. 543.

по его указанию через советскую миссию в Стокгольме финским и румынским представителям дали понять, что Советский Союз готов начать переговоры о перемирии с Финляндией и Румынией.

При этом посланник СССР в Швеции А. М. Коллонтай заявила финнам, что Москве должна быть заранее известна позиция финского правительства и Финляндия не должна предъявлять к СССР территориальные требования. Подчеркивалось, что Советский Союз не имеет намерений превращать Финляндию в провинцию или угрожать ее независимости, если не будет вынужден к этому в результате финской политики. Советский Союз не требовал безоговорочной капитуляции Финляндии[1]. Вновь выдвинув требование о восстановлении границы 1939 г., финское правительство, по существу, отклонило советские предложения о заключении перемирия.

Румынское фашистское правительство Антонеску также не отозвалось на мирную инициативу Советского правительства[2].

В январе 1944 г. Красная Армия развернула стремительные операции на северо-западном и юго-западном направлениях советско-германского фронта, имевшие своим следствием дальнейшее ухудшение стратегического положения фашистского блока. Углубился кризис как в самой Германии, так и среди ее сообщников. В этих условиях сообщники Германии предпринимают ряд маневров с целью выхода из войны. Все без исключения сателлиты фашистской Германии стали делать «пробные предложения о мире». Каждый из них при этом стремился добиться, однако, таких условий мира, которые обеспечили бы прежде всего избавление от сокрушительного поражения и сохранение у власти фашистских клик. Естественно, что такие маневры заранее были обречены на провал.

Участники фашистского блока не сделали для себя должных выводов после того, как 13 мая 1944 г. правительства СССР, Англии и США заявили, что своей политикой и позицией фашистские правители Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии существенно укрепляют силу германской военной машины и что указанные государства все еще могут, прекратив свое пагубное сотрудничество с Германией, содействовать победе союзников, сократить сроки войны и уменьшить свои собственные жертвы[3].

Мирный зондаж Финляндии

В середине января 1944 г. советские войска взломали долговременную оборону немцев под Ленинградом и Новгородом и в течение месяца наступательных боев продвинулись на 150—250 *км*, очистив от противника побережье Финского залива до реки

[1] *J. H. Wuorinen.* Finland and World War II, 1939—1944, p. 161—162.
[2] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S. 175.
[3] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 132—133.

Нарвы и территорию восточнее реки Нарвы и Чудского озера.

По мере ухудшения военно-стратегического положения фашистского блока в Финляндии становились все настойчивее требования о разрыве союза с Германией и выходе из войны. 20 августа 1943 г. 33 видных политических и общественных деятеля обратились к президенту Финляндии Рюти с предложением принять меры для своевременного заключения мира [1].

В январе 1944 г. в ставке верховного главнокомандования финской армии не было ни одного человека, который верил бы в победу Германии в случае, если англо-советско-американская коалиция сохранилась бы до конца войны [2]. «Когда Финляндия вступала в войну,— говорил главнокомандующий Маннергейм в феврале 1944 г.,— весь мир был уверен в победе Германии. Теперь, однако, совершенно очевидно, что Германия будет побеждена... Мы не сможем успешно продолжать войну до конца. Если в скором времени мир не будет заключен, то произойдет ужасная катастрофа...» [3].

Финское правительство решило вступить в непосредственные переговоры с СССР. В середине февраля 1944 г. в Стокгольме через посредство видного шведского промышленника М. Валленберга была организована встреча советского посланника в Швеции А. М. Коллонтай с прибывшим в Стокгольм представителем Финляндии Ю. К. Паасикиви. 16 февраля, во время этой встречи, Паасикиви заявил Коллонтай, что он уполномочен финским правительством выяснить условия Советского правительства относительно прекращения Финляндией военных действий и выхода ее из войны. При следующей встрече Коллонтай передала Паасикиви ответ Советского правительства, содержавший условия перемирия. Советские условия перемирия были опубликованы 1 марта того же года [4]. Одновременно Наркоминдел СССР опроверг слухи, будто «Советское Правительство предъявило Финляндии требование о безоговорочной капитуляции, а также о том, что Советский Союз потребовал от Финляндии согласия на оккупацию советскими войсками г. Хельсинки и других крупных финских городов...» [5].

Вернувшись из поездки в Стокгольм, Паасикиви оценил советские мирные предложения как «неожиданно мягкие» [6].

---

[1] См. *Л. А. Ингульская.* В борьбе за демократизацию Финляндии (1944—1948). М., 1972, стр. 29—30.

[2] *W. Erfurth.* Der Finnische Krieg. 1941—1944. Wiesbaden, 1950, S. 162.

[3] *C. L. Lundin.* Finland in the Second World War. Bloomington, 1957, p. 195.

[4] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 89—90.

[5] Там же, стр. 90.

[6] *C. L. Lundin.* Finland in the Second World War, p. 198.

Однако финское правительство, рассмотрев их, ответило, что ему якобы неясны многие пункты советских предложений. На самом же деле речь шла о стремлении финских правителей затянуть переговоры и добиться пересмотра советских предложений.

26 марта в Москву прибыла финская делегация в составе Ю. К. Паасикиви и К. Энкеля. В ходе переговоров в Москве финской делегации были переданы уточненные советские предложения мира с Финляндией, основное содержание которых сводилось к следующему: 1. Разрыв отношений с Германией и интернирование или изгнание немецких войск и кораблей. 2. Восстановление советско-финского договора 1940 г. 3. Немедленное возвращение советских и союзных военнопленных. 4. Демобилизация 50% финской армии, осуществляемая в течение мая 1944 г., и перевод на мирное положение всей финской армии, осуществляемый в течение июня и июля того же года. 5. Возмещение убытков Советскому Союзу в размере 600 млн. долл., выплачиваемых в течение 5 лет товарными поставками. 6. Возвращение Советскому Союзу Петсамо и Петсамской области, добровольно уступленных Советским Союзом Финляндии по мирным договорам 1920 и 1940 гг. 7. При условии принятия первых шести пунктов Советское правительство считает возможным отказаться в пользу Финляндии от права на аренду полуострова Ханко и района Ханко без какой-либо компенсации[1].

Советское правительство не ставило вопроса об оккупации Финляндии. Советские условия перемирия с Финляндией были расценены многими газетами, в том числе и некоторыми финскими, как великодушные.

Ю. К. Паасикиви настаивал на принятии советских предложений, однако он не нашел поддержки у кабинета. Реакционное финское правительство отвергло советские условия и продолжало участвовать в войне. При этом в ходе самих переговоров финское правительство не выдвинуло никаких поправок к советским условиям перемирия и не внесло своих собственных предложений. Ответственность за новое отклонение советских предложений нес и лидер правых социал-демократов Таннер.

Свое отрицательное отношение к советским условиям перемирия финские правители пытались объяснить «невыполнимостью» советских условий. В частности, утверждалось, что якобы неосуществимы требования о демобилизации финской армии, интернировании или изгнании немецких войск, возмещении убытков Советскому Союзу и т. д. 19 апреля 1944 г. в ответе на советские предложения финское правительство отмечало:

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 112—113.

«...принятие этих предложений, которые отчасти не осуществимы уже по техническим причинам, в значительной степени ослабило бы и нарушило бы те условия, при которых Финляндия может продолжать существовать как самостоятельное государство, и наложило бы на финский народ тяготы, которые по единодушному компетентному свидетельству в значительной мере превосходят размеры его сил» [1].

Разумеется, дело заключалось не в «невыполнимости» советских условий, а в нежелании правительства Рюти — Линкомиеса наладить мирные, добрососедские отношения с СССР.

Позже Маннергейм объяснял мирный зондаж со стороны Финляндии исключительно внутриполитическими соображениями. «...Необходимо было показать финскому народу,— говорил он представителю германских вооруженных сил при верховном командовании финской армии генералу Эрфурту,— что мир с Москвой был невозможен» [2]. Такой же точки зрения придерживались и многие другие официальные финские деятели, подчеркивавшие, что дипломатическая инициатива, предпринятая финским правительством весной 1944 г., имела своей целью нейтрализовать деятельность антивоенной оппозиции [3].

Определяющее влияние на позицию финских правителей оказывало, несомненно, давление Берлина. Германское правительство было осведомлено о мирном зондаже финских правителей и предпринимало различные шаги для того, чтобы сорвать успешное завершение советско-финских переговоров о перемирии. В декабре 1943 г. Риббентроп вручил финскому посланнику в Берлине Кивимяки меморандум, в котором, со ссылкой на упорные слухи о сепаратном мире Финляндии, вновь выдвигалось требование о заключении германо-финского договора, содержавшего обязательство об отказе от сепаратного мира [4]. Новые германские представления по этому вопросу были сделаны в феврале 1944 г. Германский посланник в Хельсинки Блюхер в беседах с финскими деятелями, в том числе и президентом Рюти, неоднократно подчеркивал, что заключение сепаратного мира Финляндией явится «абсолютным предательством» в отношении Германии. «Если Финляндия заключит сепаратный мир с Россией,— запугивал он министра иностранных дел Рамсая,— то это приведет к большевизации страны, к истреблению интеллигенции и правящих классов и переселению народа в качестве рабов в Сибирь» [5].

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 113.
[2] *W. Erfurth.* Der Finnische Krieg, S. 186.
[3] Ibid., S. 225.
[4] *C. L. Lundin.* Finland in the Second World War, p. 202.
[5] Ibid., p. 203.

Когда гитлеровцам стало известно о контактах Паасикиви с Коллонтай в Стокгольме и переговорах финской делегации в Москве, они решили усилить давление и предпринять определенные репрессалии в отношении Финляндии. Германские представители в Финляндии Блюхер и Эрфурт предупреждали финских руководителей, что предпринятый финнами мирный зондаж может привести к самым серьезным последствиям. Так, в беседе с начальником финского генерального штаба генералом Хейнриксом Эрфурт 28 марта прямо говорил о возможности оккупации Финляндии гитлеровской Германией по примеру того, как это было сделано в Венгрии 19 марта 1944 г.[1].

В середине апреля Гитлер решил в качестве меры наказания за дипломатическую инициативу финнов приостановить поставки оружия в Финляндию. Он распорядился оказывать лишь такую помощь, которая будет абсолютно необходима для проведения совместных операций на финском фронте. В конце апреля генерал Хейнрикс был вызван на переговоры с Кейтелем, который прочитал ему длинную нотацию по поводу предпринятого финнами мирного зондажа. Присутствовавший на переговорах Эрфурт был вынужден отметить бестактное поведение гитлеровского фельдмаршала, который не упустил случая указать на то, что в Венгрии «аналогичные» попытки к заключению мира привели к внутренним трудностям и вынудили Германию осуществить долго откладывавшееся вмешательство. В ходе германо-финских военных переговоров гитлеровские военачальники потребовали, чтобы финны дали заверение, что германское оружие, поставляемое Финляндии, никогда не окажется в русских руках[2].

12 мая 1944 г. Маннергейм направил Гитлеру письмо, в котором заверял «фюрера» в надежности финского союзника. Гитлера, однако, письмо Маннергейма не удовлетворило, и он направил финскому главнокомандующему длинный ответ, в котором резко критиковал весенний мирный зондаж Финляндии. Гитлер подчеркнул, что мирные переговоры, которые ведет Финляндия с противником, не являются чисто финским делом, а затрагивают все воюющие страны. Россия должна быть разбита, повторял «фюрер», а с западными державами соглашение может быть достигнуто только после того, как они попытаются высадиться на континент и понесут сокрушительное поражение[3].

Таким образом, реакционные правители Финляндии, несмотря на полную обреченность фашистской коалиции, весной 1944 г. отказались от советского предложения заключить мир

---

[1] *C. L. Lundin.* Finland in the Second World War, p. 204—205.
[2] Ibid., p. 209.
[3] Ibid., p. 210.

и продолжали войну, что привело к новым жертвам как со стороны Финляндии, так и со стороны Советского Союза.

Попытки правящих кругов Румынии добиться сепаратного сговора с западными державами

Поражения фашистских войск на советско-германском фронте вызвали растерянность румынских правителей. Правительство И. Антонеску и лидеры так называемой буржуазной «оппозиции» Ю. Маниу и Д. Брэтиану сходились на том, что необходимо предотвратить освобождение Румынии силами Красной Армии и обеспечить вступление на румынскую территорию англо-американских войск. Еще в мае 1943 г. министр иностранных дел М. Антонеску по согласованию с Маниу назначил явного англофила А. Крециану на пост посланника в Турции, уполномочив его заявить представителям западных держав, что правительство И. Антонеску имеет своей «единственной целью обеспечить порядок» в стране с тем, чтобы немедленно передать «бразды правления правительству, одобренному англичанами и американцами»[1].

По мере приближения советских войск к границам Румынии все сильнее становилось стремление ее правителей сговориться с западными державами. 31 января 1944 г. румынское правительство поручило своему военному атташе в одной из нейтральных стран связаться с военным атташе США и заявить ему, что сотрудничество Румынии зависит от политических гарантий. Оно указало, что Румыния не может последовать примеру Италии, «так как это приведет лишь к оккупации ее германскими войсками, которые вскоре будут заменены советскими. Когда английские и американские войска подойдут к Дунаю, румынская армия будет стоять у Днестра и отбивать атаки Красной Армии»[2]. В феврале 1944 г. румынское правительство сделало еще одну попытку договориться с западными державами. Однако в условиях стремительного продвижения советских войск на запад план румынской реакции был настолько нереален, что ни Англия, ни США, связанные обязательством не заключать сепаратный мир или перемирие с любым участником фашистской коалиции и решением Московской конференции по поводу «пробных предложений о мире», не могли пойти на сепаратный сговор с Румынией. Еще в английской ноте Советскому правительству от 16 января 1944 г. говорилось, что английское правительство «полностью признает, что, поскольку главный удар военных усилий Румынии направлен против советских сил и так как последние будут,

---

[1] *A. Cretzianu.* The Lost Opportunity, p. 94.
[2] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S. 179—180.

по-видимому, первыми союзными силами, которые достигнут Румынии, Советское правительство будет играть главную роль в определении того, какими должны быть условия перемирия с румынами»[1].

В феврале — марте 1944 г. развернулось крупное наступление советских войск в районе рек Южный Буг и Днестр. В результате этого наступления была освобождена Правобережная Украина и часть Молдавии и в конце марта советские войска вышли на 85-километровом участке к реке Прут — государственной границе СССР с Румынией. С хода форсировав реку Прут, советские войска перенесли военные действия на румынскую территорию. В связи с этим Советское правительство сделало заявление, вновь подтвердившее советскую политику невмешательства во внутренние дела других стран. В заявлении говорилось: «Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское Правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»[2].

В резко ухудшившейся для него военно-стратегической обстановке правительство Антонеску решило предпринять очередную попытку выторговать себе такие условия мира, которые обеспечили бы сохранение в Румынии буржуазно-помещичьего строя и фашистских порядков. При этом Антонеску договорился с так называемой оппозицией, возглавляемой Маниу и Брэтиану, о посылке для тайных переговоров в Англию делегации во главе с бывшим румынским премьер-министром князем Барбу Штирбеем[3]. Однако осуществить замысел сепаратных румынско-английских переговоров не удалось. По указанию союзников группа Штирбея направилась через Анкару в Каир, где с 17 марта 1944 г. начались переговоры между ней и представителями правительств СССР, США и Англии. Правильно разгадав маневр, предпринятый буржуазными правителями Румынии, Советское правительство не возлагало особых надежд на переговоры, начавшиеся в Каире. 22 марта 1944 г. Советское правительство отмечало в своей ноте английскому правительству: «Что касается самого Маниу, то теперь стало

[1] АВП СССР. Нота правительства Великобритании Советскому правительству от 16 января 1944 г.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 105.

[3] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S. 180.

ясно, что он не принадлежит к числу таких лидеров, которые могут вести борьбу против Антонеску, а скорее всего следует считать, что то, что он делает, он делает с разрешения Антонеску, являясь лишь орудием в его руках. С другой стороны, ни из сообщений Штирбея, ни из других данных сейчас не видно, чтобы Антонеску проявлял интерес или стремился к переговорам с союзниками по поводу выхода Румынии из войны и перехода на сторону союзников против Германии. Ввиду такого положения приходится сделать вывод, что, судя по имеющейся информации, нет оснований придавать значение сообщению Штирбея и следует выразить сомнение в том, что переговоры, которые велись с князем Штирбеем в последние дни в Каире, могут привести к положительным результатам»[1].

Как во время различных встреч в Анкаре, по пути следования в Каир, так и в ходе каирских переговоров Штирбей стремился убедить своих английских и американских собеседников в необходимости вывести Румынию из войны путем ее оккупации войсками Англии и США. Западные державы со своей стороны, вступая в переговоры со Штирбеем, имели в виду усилить свои позиции в Румынии; с этой целью они предпринимали определенные шаги, которые могли бы привести к прекращению военных действий между Советским Союзом и Румынией. Так, 22 марта 1944 г. румынам было передано послание Верховного командующего союзными войсками на средиземноморском театре военных действий генерала Вильсона, лично адресованное Антонеску. В этом послании говорилось:

«1. Вы не должны ни под каким видом встречаться с Гитлером. Если вы это сделаете, то это будет рассматриваться как окончательное свидетельство румынского намерения сотрудничать с Германией до конца и вашей стране придется нести ответственность за все последствия.

2. Вы немедленно должны капитулировать перед тремя великими державами и приказать румынским войскам прекратить сопротивление русским. Немцы находятся в безнадежном положении на юге России, и у вас теперь наилучший шанс для того, чтобы способствовать их полному поражению. Мы будем судить по результатам, и характер мирных условий, которые будут предъявлены Румынии в конечном счете, в большей части будет зависеть от размера тех усилий, которые она внесет в поражение Германии»[2].

Советское правительство еще раз заявило союзникам, что «оно имеет мало надежд на эффективность возможного контакта»

---

[1] АВП СССР. Нота Советского правительства правительству Великобритании от 22 марта 1944 г.

[2] *A. Cretzianu.* The Lost Opportunity, p. 130.

с правительством Антонеску[1]. Однако, стремясь испробовать любую возможность для скорейшего завершения войны и прекращения дальнейшего кровопролития, Советское правительство высказало готовность предъявить свои условия перемирия с Румынией. 12 апреля посланник СССР в Каире Н. В. Новиков вручил Штирбею условия перемирия с Румынией, которые были предварительно согласованы с правительствами Англии и США: 1. Разрыв с немцами и включение Румынии в войну против гитлеровской Германии в целях восстановления ее независимости и суверенитета. 2. Восстановление советско-румынской границы 1940 г. 3. Возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу Румынией. 4. Возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных. 5. Обеспечение советским войскам, так же как и другим союзным войскам, возможности свободного передвижения по территории Румынии. 6. Согласие Советского правительства на аннулирование решения Венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в освобождении Трансильвании[2].

Антонеску отклонил предъявленные условия, заявив о своем желании продолжать войну на стороне гитлеровской Германии. По существу, отклонил эти условия и Маниу, так как в телеграмме Штирбею для передачи союзникам от 21 апреля 1944 г. принятие советских условий он оговорил такими пунктами, которые свидетельствовали лишь о желании Маниу затянуть выход Румынии из войны. В конце апреля правительства трех держав в ультимативном порядке потребовали от Антонеску и группы Маниу ответа на предъявленные условия перемирия с Румынией. Союзники потребовали также ясного доказательства того, что румынское правительство готово прекратить войну[3].

Правительство Антонеску окончательно отказалось от принятия предъявленных союзниками требований. Что касается группы Маниу, то она еще некоторое время продолжала переговоры в надежде на оккупацию Румынии англо-американскими войсками. 22 мая 1944 г. Маниу направил в Каир телеграмму, в которой говорилось о невозможности якобы предпринять какие-либо акции и в заключение вновь отмечалось: «...англо-американская помощь внутри страны вновь становится важнейшим условием всякого действия с нашей стороны. Конечно, ответственные и решившиеся на выступления румынские группировки могли бы произвести переворот, если бы было

---

[1] АВП СССР. Письмо В. М. Молотова А. Керру от 25 марта 1944 г.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 174—175.

[3] АВП СССР. Телеграмма представителей трех союзных держав в Каире И. Антонеску от 26 апреля 1944 г.

достигнуто приемлемое соглашение...»[1] Позиция группы Маниу не оставляла сомнения в том, что между ней и кликой Антонеску имеется прямой сговор. Поэтому союзники решили прервать переговоры с румынскими представителями в Каире. 1 июня 1944 г. на совещании представителей трех союзных держав был принят текст заявления румынам, в котором говорилось: «Ввиду положения, создавшегося в связи с последними телеграммами Маниу, делегаты трех держав считают необходимым заявить румынским делегатам, что дальнейшие переговоры бесполезны и они считают их законченными»[2].

Несмотря на неблагоприятный исход переговоров с румынами весной 1944 г., Советское правительство не закрывало дверей перед возможностью новых контактов с представителями Румынии с целью выхода последней из войны. Через завязавшиеся с конца 1943 г. контакты с румынским посланником в Стокгольме и по другим каналам румынскому правительству было подтверждено стремление Советского Союза к прекращению военных действий с Румынией на условиях, сообщенных через Штирбея в апреле 1944 г. Однако правительство Антонеску не использовало и эти возможности. Румынскому посланнику в Швеции Нану в конце июня 1944 г. было дано указание из Бухареста затягивать ответ на советские предложения[3]. Антонеску продолжал надеяться, что ему удастся добиться выгодного сепаратного мира с англо-американцами.

Зондируя возможности заключения сепаратного мира, правительство Антонеску вместе с тем продолжало военно-политическое сотрудничество с гитлеровской Германией. 9 февраля 1944 г. были подписаны румыно-германские соглашения, предусматривавшие, в частности, порядок размещения и снабжения германских войск на румынской территории. Румынское правительство соглашалось ежемесячно выделять 1160 млрд. лей для снабжения почти стотысячной германской армии, расквартированной на территории Румынии[4]. Тогда же было достигнуто соглашение о транзите через Румынию лиц, насильственно вывозимых гитлеровцами с оккупированной советской территории.

Вопросам дальнейшего расширения военного сотрудничества между Германией и Румынией были посвящены и две встречи Гитлера и Антонеску в замке Клейсхейм (Зальцбург). На первой из них (28 февраля 1944 г.) Гитлер стремился при-

---

[1] Цит. по кн.: *В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков.* Дипломатия агрессоров, стр. 333.

[2] АВП СССР. Текст заявления представителей трех союзных держав румынским представителям от 1 июня 1944 г.

[3] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu, S. 197.

[4] Ibid., S. 178—179.

влечь Антонеску к участию в планировавшейся гитлеровцами оккупации Венгрии, однако при условии, что румыны не будут настаивать на одновременном удовлетворении своих территориальных претензий. Так как Антонеску не пожелал отказаться от территориальных требований, Гитлер решил провести оккупацию Венгрии одними германскими силами. Он исходил при этом из того, что удовлетворение румынских территориальных требований в отношении Венгрии могло бы привести к отпадению последней от фашистского блока.

Вторая встреча Антонеску с Гитлером (23—24 марта 1944 г.) была посвящена укреплению фронта германских и румынских армий на случай нового советского наступления. В качестве важнейшего условия укрепления позиций румынской армии на советско-германском фронте Антонеску выдвинул эвакуацию венгерских войск из Северной Трансильвании, ссылаясь на угрозу, которую последние создают в тылу румынской армии. Удовлетворение этого требования создало бы необходимую предпосылку для решения в пользу Румынии венгеро-румынского территориального спора. Хотя Гитлер и заметил во время беседы с румынским диктатором, что для него «Венский арбитраж более не существует», тем не менее, опасаясь нежелательных осложнений в тылу германской армии, Гитлер не пошел навстречу пожеланию Антонеску[1]. Он ограничился тем, что объявил спорную территорию оперативной зоной и подчинил находившиеся в этом районе венгерские войска германскому верховному командованию.

В самый разгар переговоров Штирбея в Каире германские и румынские военные руководители детально обсуждали планы совместных операций против Советских Вооруженных Сил. Германские представители в Румынии были удовлетворены моральным состоянием своих румынских партнеров. Начальник германской военной миссии в Бухаресте генерал Ганзен 2 апреля 1944 г. доносил в ставку верховного командования о непреклонности «боевого духа» Антонеску. Два дня спустя вернувшийся из поездки в Бухарест полковник Полек, имевший специальное поручение, констатировал, что «Румыния не развалится, а, наоборот, и впредь будет с еще большими усилиями продолжать борьбу»[2].

Для того чтобы усилить давление на руководителей Румынии и исключить возможность каких-либо нежелательных политических осложнений в стране, Гитлер направил в Бухарест опытного фашистского дипломата Клодиуса, хорошо знакомого с внутриполитической обстановкой и экономикой Румынии.

---

[1] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S. 182.
[2] Ibid., S. 186.

Клодиус вскоре фактически отстранил германского посланника Киллингера от политических, экономических и военных переговоров с румынским правительством. Ему удалось сравнительно быстро завоевать расположение Антонеску и его окружения и в ходе регулярных встреч летом 1944 г. успешно подталкивать румынских руководителей к дальнейшему продолжению войны.

Маневры правящих кругов Венгрии

Несколько иначе, чем в Финляндии и Румынии, сложилась весной 1944 г. обстановка в хортистской Венгрии. Так же как и у других сателлитов гитлеровской Германии, продолжавших участвовать в войне против СССР, у правящей верхушки Венгрии после поражения гитлеровских войск под Сталинградом и Курском и разгрома венгерской армии под Воронежем зимой 1943 г. усилилось сомнение в победе фашистской коалиции. В течение всего 1943 г. правительство Каллаи неоднократно предпринимало попытки наладить контакт с западными державами, приведшие в сентябре 1943 г. к достижению предварительного соглашения об условиях капитуляции Венгрии, которое базировалось на предпосылке ее оккупации англо-американскими войсками. Указанное соглашение не вступило в силу, так как «балканская стратегия» Черчилля, на основе которой строилось соглашение с Венгрией, потерпела фиаско. «Сепаратный мир был неосуществим,— отмечал Хорти,— так как все наши границы находились на слишком большом расстоянии от границ западных держав»[1].

Расчет венгерских правителей на раскол антигитлеровской коалиции не оправдался. Сотрудничество между СССР, США и Англией продолжало укрепляться. Тегеранская конференция еще раз подтвердила решимость великих держав антигитлеровской коалиции совместно бороться против фашистского блока.

В начале февраля 1944 г. венгерские представители за границей — Д. Барца в Швейцарии и барон Д. Бакач-Бешеньеи в Швеции — получили уведомление от англо-американских представителей, что, «как только Советская Армия достигнет Карпат, Венгрии лучше всего порвать с гитлеровской Германией и просить мира у Советского Союза»[2]. Однако венгерское правительство не предпринимало серьезных шагов для того, чтобы прекратить агрессию против Советского Союза и других государств.

В сентябре 1943 г. в связи с признанием Тройственного пакта утратившим силу в результате выхода Италии из войны

---

[1] *N. Horthy.* Memoirs. New York, 1957, p. 207.
[2] *C. A. Macartney.* October Fifteenth, p. 211.

правительство Каллаи в специальном заявлении подчеркнуло, что оно «не делает из этого факта никаких выводов и не видит ни причин, ни способа для изменения венгеро-немецких отношений». Однако, желая несколько ослабить свое непосредственное участие в военных действиях на советско-германском фронте, венгерское правительство отмечало, что военные отношения с Германией должны служить тому, чтобы Венгрия «оставалась способной собственными силами защитить границы и поддержать внутренний порядок». Кроме того, оно выразило пожелание, чтобы в дальнейшем немецкие военные перевозки осуществлялись через территорию Венгрии, минуя ее важнейшие промышленные центры. Это пожелание мотивировалось необходимостью предотвращения бомбардировок с воздуха и поддержания «внутреннего порядка», интересами военного производства и «венгеро-германского товарообмена»[1].

В начале 1944 г. в Германию был направлен начальник генерального штаба венгерской армии генерал Ф. Сомбатхеи, который имел поручение от Хорти и Каллаи добиться возвращения хотя бы части венгерской армии в пределы Венгрии или ее сосредоточения в районе венгерских границ, так как «Венгрия желает, чтобы защита ее границ осуществлялась исключительно ее собственными войсками». Гитлер и Кейтель оставили обращение венгерского правительства без ответа. В конце февраля венгерское правительство снова обратилось в Берлин с просьбой о возвращении венгерских войск в Венгрию[2].

Отношения между гитлеровской Германией и хортистской Венгрией обострялись. С осени 1943 г. германское правительство с известной тревогой следило за событиями в Венгрии, опасаясь, что последняя может последовать примеру Италии. Учитывая такую возможность, оперативный штаб вермахта подготовил в сентябре план оккупации Венгрии и разоружения ее армии, который предусматривал участие румынских и словацких сил в этой акции. В конце января — начале февраля 1944 г. германский генштаб вновь рассмотрел этот план — операцию «Маргарета-1» — и представил его на утверждение Гитлеру. Участие румынских и словацких войск в операции «Маргарета-1» привело бы, как показали упомянутые выше переговоры Гитлера с Антонеску в конце февраля 1944 г., к новой территориальной перекройке, которую немцы считали преждевременной. К тому же не было никаких оснований опасаться серьезного сопротивления с венгерской стороны. Поэтому Гитлер утвердил проведение операции «Маргарета-1» одними

---

[1] См. *А. И. Пушкаш.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 365.

[2] *C. A. Macartney.* October Fifteenth, p. 219.

германскими силами. Было решено, что оккупацию удобнее всего осуществить в воскресенье 19 марта 1944 г. Хотя венгерское правительство знало о планах гитлеровцев, оно не приняло никаких мер против германского вторжения. Каллаи и его коллеги полагали, что «вторжение немцев в Венгрию было бы (со стороны Германии.— *Ред.*) стратегической ошибкой в политическом отношении и военным просчетом в тактическом отношении»[1]. Каллаи считал военные приготовления немцев лишь «демонстрацией», не представляющей реальной опасности.

Помимо плана операции «Маргарета-1» у немцев существовал другой план «усмирения» Венгрии. Штандартенфюрер СС Э. Везенмайер и другие эксперты по венгерским делам считали, что можно было бы ограничиться в отношении Венгрии политической акцией, не прибегая к оккупации. Главной целью указанной акции являлось бы изменение состава венгерского правительства в пользу наиболее последовательных прогерманских деятелей при сохранении власти Хорти. В представленном на рассмотрение Гитлера меморандуме говорилось: «...должно быть создано легализованное регентом правительство на широкой основе — начиная от правого крыла правящей «Партии венгерского обновления» до «Венгерской национал-социалистской партии» и партии «Скрещенные стрелы»»[2]. 15 марта на совещании Гитлера с Риббентропом и Гиммлером было принято решение использовать оба плана — военную оккупацию и смену правительства.

18 марта 1944 г. Хорти был вызван в замок Клейсхейм (Зальцбург) для переговоров с Гитлером. В ходе переговоров Гитлер обрушил на Хорти град упреков: позиция Венгрии становится все более ненадежной, она стремится к сговору за спиной Германии, в ее правительстве находятся люди, враждебные Германии, и т. д. В этой связи Гитлер заявил о принятом решении — оккупации Венгрии. Хорти согласился на требование Гитлера об одобрении оккупации «в интересах совместной борьбы против большевизма».

Весь ход военно-политической акции «Маргарета-1» был чрезвычайно характерен для методов фашистской дипломатии.

Вызов Хорти и других венгерских руководителей (военного министра Чатаи, министра иностранных дел Гици, начальника генерального штаба Сомбатхеи) был приурочен к моменту ввода германских войск в Венгрию. Если бы даже венгерские руководители заняли в ходе переговоров несговорчивую позицию, что было маловероятным, сам факт их пребывания в Зальц-

---

[1] *N. Kallay.* Hungarian Premier, p. 408—409.
[2] «Венгрия и вторая мировая война», стр. 318.

бурге должен был создать впечатление согласованности германской акции с позицией венгерского руководства.

Все военно-политические акции Германии в отношении Венгрии были заранее предрешены, и переговоры с Хорти, по существу, ничего не могли изменить. Они могли лишь отразиться на судьбе самого Хорти. Последний это, очевидно, понимал и поэтому согласился и на оккупацию Венгрии, и на создание нового правительства.

В ходе германо-венгерских переговоров Гитлер, Риббентроп и Кейтель вели себя в отношении своих союзников откровенно цинично. Хорти заявил Гитлеру, что считает бесчестным выход Венгрии из войны и переход ее на сторону противника. В таком случае он пустил бы себе пулю в лоб. На это Гитлер заметил: «А что мне это даст?» [1]

Довольно трудно восстановить все подробности венгеро-германских переговоров в Зальцбурге: венгерские участники в своих воспоминаниях всячески извращают события и обеляют свои действия. Некоторый дополнительный свет па переговоры проливают дневники германского генштаба. В них, в частности, указывается, что после двух безрезультатных встреч Хорти с Гитлером в течение дня 18 марта вечером состоялась третья встреча, о которой имеется следующая запись: «Вопреки ожиданиям, около 20 часов регент еще раз зашел к фюреру. В ходе этого нового разговора регент заявил, что теперь он полностью понял намерения фюрера и согласен выполнить его требования» [2].

Не выдерживают критики попытки Хорти и других участников переговоров изобразить свою позицию как твердую, непреклонную, основанную на стремлении «защитить венгерские интересы». Необоснованно и утверждение Хорти, что ему удалось в ходе зальцбургских переговоров добиться у Гитлера обещания исключить участие румынских войск в операции «Маргарета-1». Гитлер принял это решение задолго до встречи с Хорти.

В Венгрии было образовано новое правительство во главе с гитлеровским агентом Стояи, бывшим венгерским посланником в Германии. О характере правительства Стояи свидетельствовал тот факт, что «полномочный представитель и посланник Германии» в Венгрии Везенмайер получил специальные инструкции от Риббентропа проконтролировать «назначение нового правительства, которое должно быть настроено по отношению к Германии более лояльно, чем предшествующее правительство» [3].

---

[1] «Венгрия и вторая мировая война», стр. 321.
[2] "Kriegstagebuch des OKW". Bd. 4. Frankfurt am Main, 1961, S. 230.
[3] C. A. Macartney. October Fifteenth, p. 241.

Таким образом, весной 1944 г. Венгрия была полностью оккупирована. Везенмайер превратился в фактического хозяина положения в Венгрии. «Полномочный представитель империи,— говорилось в инструкции Везенмайеру, подписанной Гитлером,— ответствен за политическое положение в Венгрии; инструкции он получает через министра иностранных дел. Его особой задачей является расчистить путь для образования нового национального правительства, которое будет преисполнено решимости вплоть до окончательной победы лояльно выполнять свои обязательства, ложащиеся на него по Тройственному пакту. Полномочный представитель империи должен давать советы этому правительству по всем важным вопросам, всегда имея в виду интересы империи»[1].

На долю венгерского народа выпали новые тяжелые испытания. Советское правительство сочувственно относилось к положению венгерского народа и в одной из своих нот английскому правительству отмечало в мае 1944 г., что «решение вопроса о будущем Венгрии должно принадлежать самому венгерскому народу, который следует поощрять в стремлении к объединению и активному сопротивлению немцам и нынешнему венгерскому правительству»[2].

Политическое лавирование царской Болгарии

В 1944 г., когда военное положение Германии стало все более ухудшаться, болгарское правительство также стало искать выхода из войны. При этом оно начало усиленно афишировать свой мнимый нейтралитет в войне. Правда, оно так и не решилось объявить войну Советскому Союзу, ограничившись объявлением войны США и Англии. На самом же деле болгарские правители продолжали оказывать всяческое содействие гитлеровской Германии. Это вынудило Советское правительство весной 1944 г. самым серьезным образом предупредить правительство Болгарии о тяжелых последствиях преступной политики сотрудничества с гитлеровской Германией. В ноте от 17 апреля 1944 г. Советское правительство обращало внимание болгарского правительства на несовместимость с нормальными отношениями между СССР и Болгарией таких фактов, когда в связи со все ухудшающимся военным положением Германии «болгарские портовые города Варна и Бургас, наряду с румынским портом Констанца, превращены теперь в германские базы, в которых базируются основные германские военно-морские силы в Черном море, действующие против Советского Союза и находящиеся под прикрытием бол-

[1] «Венгрия и вторая мировая война», стр. 327.
[2] АВП СССР. Нота Советского правительства правительству Великобритании от 5 мая 1944 г.

гарских властей»[1]. Советское правительство предложило правительству Болгарии немедленно прекратить использование гитлеровской Германией болгарской территории и болгарских портов против Советского Союза. 26 апреля Советское правительство выразило пожелание восстановить советское консульство в Варне, закрытое по настоянию болгарского правительства, а также учредить советские консульства в Бургасе и Рущуке (Русе).

Болгарское правительство в ходе завязавшейся советско-болгарской переписки отрицало приведенные в советских заявлениях факты и связывало открытие советских консульств в Варне, Бургасе и Рущуке (Русе) с возобновлением экономических отношений между СССР и Болгарией, нарушенных войной.

Занятая болгарским правительством позиция свидетельствовала о том, что правители Болгарии, прикрываясь нейтралитетом, продолжали оказывать гитлеровской Германии существенную помощь в военных операциях на Балканах.

Проводя враждебную Советскому Союзу политику, правительство Божилова и пришедшее ему на смену 1 июня 1944 г. правительство Багрянова вместе с тем вновь стали искать возможности заключения сепаратного мира с Англией и США. В июле 1944 г. правительство США получило из официальных болгарских источников сообщение о том, что правительство Болгарии готово начать переговоры о сепаратном мире[2]. Однако и этот зондаж не привел к выходу Болгарии из войны.

Заговор «20 июля» в Германии

Победы Советских Вооруженных Сил в 1944 г. потрясли германский тыл и вызвали кризис фашистского режима. Был подорван боевой дух фашистской армии. В самой Германии расширилась антифашистская борьба народных масс.

Недовольство охватило и представителей правящего лагеря, и в частности германский генералитет. Оппозиционная группировка подготовила заговор против Гитлера. Заговорщики собирались сохранить фашистский режим ценой устранения самого Гитлера и его ближайших приспешников, образовать новое правительство, прекратить сопротивление на Западном фронте, заключить перемирие с западными державами и перебросить все войска на Восточный фронт для продолжения войны с Советским Союзом.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 185—186.

[2] АВП СССР. Памятная записка, врученная послом США в Москве А. Гарриманом заместителю наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому 29 июля 1944 г.

В заговоре приняли участие бывший бургомистр Лейпцига К. Герделер, бывший министр финансов Пруссии И. Попитц, бывший начальник генерального штаба Л. Бек, фельдмаршалы Э. Вицлебен, Э. Роммель, фон Клюге, генерал К. Г. фон Штюльпнагель, посол У. фон Хассель, граф Ф.-Д. фон дер Шуленбург и др.

К заговору примкнули многие патриотически настроенные люди, которые добивались не просто смены власти, но и уничтожения фашизма и победы демократии в Германии (К. фон Штауффенберг, А. Тротт цу Зольц, Г. Мольтке и др.). Однако не левая группировка, а представители монополистической буржуазии определяли характер и лицо заговора в целом. «Буржуазные круги привели Гитлера к власти и поддерживали политику германо-фашистского империализма до тех пор, пока ему сопутствовали военные успехи. Но теперь, накануне катастрофы, они попытались спрыгнуть с поезда, мчащегося к пропасти, в надежде сохранить основы господства монополистического капитала»[1].

По замыслам заговорщиков, первым шагом после устранения Гитлера должно было явиться формирование нового правительства «рейха». Характерно, что заговорщики не собирались вводить в его состав ни одного подлинного представителя антифашистского подполья; напротив, оно должно было быть сформировано из реакционных элементов.

Основные программные документы заговорщиков были составлены реакционно настроенными деятелями — Герделером, Попитцем и фон Хасселем, что не могло не отразиться на характере этих документов.

Внутриполитическая программа руководителей заговора была рассчитана на замену фашистской диктатуры Гитлера реакционной диктатурой военщины. Что касается внешнеполитических планов заговорщиков, то это были экспансионистские планы, предусматривавшие расширение границ Германии на востоке (Западная Польша) и сохранение германского господства в Австрии и Судетах[2].

Заговорщики находились в контакте с западными державами, в том числе с американской разведкой в Европе, руководимой Алленом Даллесом. По свидетельству Даллеса, «и Вашингтон и Лондон были заранее информированы обо всем, что планировалось заговорщиками»[3]. В частности, Даллеса держал в курсе всей деятельности заговорщиков один из участников заговора — Гизевиус. Во время Нюрнбергского процесса Гизевиус, вы-

[1] *В. Ульбрихт.* К истории новейшего времени. М., 1957, стр. 37.
[2] См. «Германская история в новое и новейшее время», т. 2. М., 1970, стр. 312.
[3] *A. W. Dulles.* Germany's Underground. New York, 1947, p. 173.

ступая в качестве свидетеля, признал, что находился в контакте с американской разведкой «на дружеской и политической основе»[1].

Весной 1944 г. заговорщики разработали военный план. Он сводился к тому, что немецкие генералы должны были открыть путь американским и английским войскам для оккупации Германии при одновременном удержании фронта против советских войск на Востоке. Об этом плане Гизевиус сообщил Даллесу в начале мая[2].

Покушение на Гитлера намечено было осуществить в июле 1944 г., после высадки союзников в Северной Франции. Детально разработанный план («план Валькирия») предусматривал, что после убийства Гитлера Бек выступит по радио. Сообщив о смерти «фюрера», он провозгласит себя главой государства, а затем объявит о назначении Вицлебена главнокомандующим и Герделера — канцлером. Заговорщики рассчитывали, что резервная армия под командованием генерал-полковника Фромма, который в общих чертах знал о планах заговорщиков, обеспечит им контроль над страной.

В день 20 июля 1944 г. Гитлер находился в своей ставке близ Растенбурга (Восточная Пруссия). Весь район ставки окружали сплошные минные поля и проволочные заграждения, единственный проход через них строго охранялся эсэсовцами. В этот день в ставку был вызван К. фон Штауффенберг (начальник штаба при командующем армии резерва) для доклада о формировании новых дивизий. Он прибыл в ставку с портфелем, в котором находилась мина замедленного действия. Во время заседания, сославшись на необходимость закончить телефонный разговор с Берлином, фон Штауффенберг вышел, оставив портфель с миной под столом рядом с сидящим Гитлером. Через одну-две минуты раздался оглушительный взрыв. Уверенный в успехе, фон Штауффенберг добрался до автомобиля, а затем вылетел в Берлин. Однако на самом деле Гитлер, который за несколько секунд до взрыва перешел на другую сторону стола, отделался лишь легким ранением. Убитыми и тяжело ранеными оказались другие лица.

Провал покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. вызвал растерянность среди заговорщиков и повлек крушение их планов. Все активные участники заговора и многие причастные к нему лица были расстреляны, в том числе более 700 генералов и офицеров. Гестапо нанесло удар и по подлинным антифашистам: в течение нескольких недель было казнено до 50 тыс. человек[3].

[1] "Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal", vol. XII. Nuremberg, 1947, p. 293—294.

[2] *A. W. Dulles.* Germany's Underground, p. 139.

[3] См. «Германская история в новое и новейшее время», т. 2, стр. 313.

Заговор 20 июля 1944 г. кончился неудачей. Вместе с тем он явился еще одним свидетельством разложения германского тыла и приближения конца фашистской диктатуры.

2. «Мирные» маневры Японии

Поражение гитлеровских войск на советско-германском фронте все более сказывалось на поведении в войне Японии. Произошел коренной поворот и в войне на Тихом океане. Японское командование уже не могло строить расчеты, исходя из возможных успехов немецких войск. Рушились его надежды на возникновение «благоприятной ситуации» на советско-германском фронте. Пришлось отказаться от вторжения в СССР. Более того, крупные вооруженные силы на Дальнем Востоке, которые СССР был вынужден держать перед лицом угрозы со стороны японской Квантунской армии, теперь связывали руки японским милитаристам и не давали им возможности использовать части этой армии для войны с американцами и англичанами. Японское командование приняло меры по усилению обороны метрополии путем укрепления базы сопротивления на японских островах и в оккупированных японскими войсками районах азиатского континента, перейдя к обороне на тихоокеанском театре войны, где с конца 1943 г. инициатива в боевых операциях принадлежала уже союзникам. В мае 1944 г. оно развернуло одно из самых мощных наступлений за семь лет войны в Китае в южном направлении, стремясь создать сплошной фронт от Индокитая до Северного Китая. Боевые успехи Японии в Китае были призваны компенсировать ее островные потери на Тихом и Индийском океанах. Но в это время и США, учитывая сложившееся положение на фронтах Великой Отечественной войны, спешили наращивать темпы «наступательных операций» в центральной и южной частях Тихого океана, с тем чтобы перерезать так называемые пути японской «сферы сопроцветания», захватить важнейшие стратегические позиции на Дальнем Востоке и использовать их для создания баз, с которых можно было бы вести дальнейшие наступления в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Начатое американским командованием наступление на тихоокеанском театре в ноябре 1943 г. получило развитие в 1944 г.

В течение первого полугодия 1944 г. американский флот адмирала Нимица и войска генерала Макартура провели ряд успешных операций по захвату островов в Тихом океане (Маршалловы, острова Адмиралтейства и др.). В начале июля после ожесточенных боев американцы овладели островом

Сайпан, откуда самолеты США могли достигать Японии. На пресс-конференции в Вашингтоне в начале июля 1944 г. президент Рузвельт отмечал, что стратегические позиции Японии в целом ненадежны.

В Японии росло всеобщее недовольство войной. Народ видел ее полную бесперспективность. Правящие круги решили направить возмущение народных масс войной против премьер-министра Тодзио и взвалить на него ответственность за ухудшение военного положения Японии. 18 июля 1944 г. правительство Тодзио ушло в отставку. Премьер-министром был назначен бывший генерал-губернатор Кореи Койсо. Новое правительство заявило о решимости продолжать войну. В то же время японская дипломатия была призвана облегчить положение Японии.

Попытки Японии добиться прекращения советско-германской войны

В сложившихся условиях японская внешнеполитическая стратегия ставила своей первой задачей оттянуть основные силы англо-американских войск с Дальнего Востока к европейскому театру военных действий против Германии, а заодно вбить клин между СССР и западными державами. С этой целью был извлечен на свет старый проект японской дипломатии — добиваться прекращения войны между СССР и Германией. Этот проект соответствовал и планам японских военных кругов. Последние не видели необходимости идти на мир с США и Англией на условиях безоговорочной капитуляции Японии.

Несмотря на ясно выраженную отрицательную позицию Советского правительства в отношении возможности заключения мира с Германией, в апреле 1944 г. японское правительство вновь поставило перед ним вопрос о посылке миссии в Москву. В своих разъяснениях оно признавало, что главной целью предполагаемой миссии является установление мира между Германией и СССР[1].

Советское правительство отклонило японское предложение. Ответ Советского правительства на это обращение Японии был аналогичен ответу, данному японцам в сентябре 1943 г.

В августе 1944 г. министр иностранных дел Сигемицу в беседе с немецким послом Штаммером заявил о необходимости «перейти к взаимопониманию между Германией и Россией по вопросу о заключении мира». Вскоре после этого японский посол в Берлине Осима сообщил Гитлеру об этом предложении Сигемицу[2].

В середине сентября 1944 г. Штаммер передал Сигемицу содержание беседы Осима с Гитлером и ответ Гитлера на пред-

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 75.
[2] Там же, стр. 156.

ложение японского правительства выступить с посредничеством. Гитлер заявил, что он не располагает какими-либо сведениями о том, что Советское правительство готово к тому, чтобы прийти к взаимопониманию с Германией [1].

19 августа 1944 г. на императорской конференции была принята «Программа руководства войной». Программа предусматривала активизацию японской политики в отношении СССР. В ней говорилось: «В случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира необходимо, не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз» [2].

15 сентября во время заседания Высшего совета по руководству войной японский министр иностранных дел представил на обсуждение совета составленный им предварительный план под названием «Дипломатические меры, которые следует предпринять в отношении Советского Союза». В этом документе, датированном 12 сентября 1944 г., говорилось, что ввиду создавшейся обстановки Япония должна немедленно предпринять энергичный дипломатический демарш в отношении Советского Союза, задачей которого будет установление мира между Германией и СССР, а также улучшение отношений между Советским Союзом и Японией. Предполагалось просить посредничества СССР между Японией и Китаем. Для этой цели в Советский Союз для ведения переговоров должен быть направлен специальный представитель, наделенный широкими полномочиями. Главная цель демарша — попытаться спасти Германию от поражения путем заключения мира с СССР. Мы должны, заявил Сигемицу, добиться того, чтобы Германия поняла нашу политику в отношении Советского Союза [3].

Сигемицу, рассказывая в своих мемуарах об этих маневрах японской дипломатии, пытается представить их как стремление Японии восстановить мир повсеместно. Вместе с тем он заявляет, что «японская армия хотела бы видеть мир между Германией и Россией как осуществление части своих военных планов, и еще больше она хотела получить какое-либо соглашение с Чунцином». Сигемицу признает, что, проводя эти маневры, он выполнял задание военщины. С его личной точки зрения, было желательно создать благоприятные условия для мира с Чунцином, но еще большее значение имели отношения с Советским Союзом [4].

Признания Сигемицу подтверждают, что маневры японской дипломатии были продиктованы задачами обеспечения благоприятных условий для завершения захватнической войны.

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 158—159.
[2] «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 187.
[3] «Сюсен сироку», стр. 236—237.
[4] *M. Shigemitsu.* Japan and Her Destiny, p. 296.

В соответствии с решением Высшего совета японский министр иностранных дел в сентябре 1944 г. поставил перед правительством СССР вопрос о посылке в Москву специального представителя под видом советника в помощь японскому послу. Миссию должен был возглавить бывший премьер-министр и министр иностранных дел Хирота. Позиция Советского правительства осталась неизменной. «Русские,— пишет Сигемицу,— рассматривали это лишь как предложение направить посла для выступления в качестве посредника между ними и немцами и отвергли предложение. Я предлагал это несколько раз» [1].

Советское правительство отказалось обсуждать с Японией вопрос о каких-либо переговорах с гитлеровцами для заключения сепаратного мира.

Зондаж Японии о мире с Англией и США

Осенью 1944 г. премьер-министр Койсо по предложению Коноэ начал осуществлять также дипломатический зондаж относительно мира с Англией через нейтральную Швецию. Директор-исполнитель газеты «Асахи» Бунгиро Судзуки в середине сентября 1944 г. посетил шведского посланника Видара Багге и, ссылаясь на мнение Коноэ, попросил его передать шведскому правительству просьбу Японии о том, чтобы оно позондировало почву в Лондоне о возможности прекращения войны. В Японии считали, как сообщил на Токийском процессе Багге, что с Великобританией договориться будет легче, чем с США.

О серьезности намерений японского правительства говорит тот факт, что оно, опасаясь решительных репрессий со стороны германских фашистских партнеров в случае достижения соглашения с Англией и США, в конце сентября 1944 г. дало указание перевести свои экономические представительства из Берлина в Швейцарию.

Предпринимая мирный зондаж, японцы соглашались возвратить бывшим владельцам все территории, захваченные во время войны, и, возможно, Северо-Восточный Китай, с тем чтобы сохранить за собой Тайвань и Корею. Багге обо всем этом доложил в Стокгольм.

Предложение японцев не встретило одобрения ни в Англии, ни в Соединенных Штатах, придерживавшихся принципа безоговорочной капитуляции Японии. В свою очередь, при обсуждении в течение ряда месяцев между Багге и Судзуки проблем заключения мира, Судзуки заявил, что требование союзников о безоговорочной капитуляции является «величайшим препят-

---

[1] *M. Shigemitsu.* Japan and Her Destiny, p. 296.

ствием для мира»[1]. Японские правящие круги все еще надеялись на более благоприятное завершение войны и заключение более приемлемого мира.

Мирный зондаж Японии в Китае

Одновременно с «мирными маневрами» в отношении СССР, Англии и США японская дипломатия направила свои усилия на достижение мира с правительством Чан Кай-ши. При этом японские правящие круги рассчитывали использовать разногласия, существовавшие между гоминьданом и Коммунистической партией Китая, а также успехи начатого весной 1944 г. наступления в Китае в целях оказания на Чан Кай-ши давления в нужном им направлении.

5 сентября 1944 г. на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение «О проведении политических акций в отношении Чунцина». Предусматривалось заключение мира при условии эвакуации японских войск из Китая и передачи правительству Чан Кай-ши власти над всем Китаем, за исключением Маньчжурии, в обмен на уход из Китая американцев и англичан[2]. Старый и опытный политический деятель, бывший министр иностранных дел Угаки был командирован в Шанхай для выяснения возможностей заключения мира.

В конце октября 1944 г. на совещании у Койсо, в присутствии военного министра Сугияма и министра иностранных дел Сигемицу, Угаки доложил о результатах своей поездки. Угаки считал, что есть надежды на заключение мира с Чунцином. Для этого необходимо пойти на эвакуацию японских войск из Китая и согласиться на создание нейтральной зоны в Северо-Восточном Китае[3]. Однако японские круги, находившиеся под впечатлением своих успехов в Китае, выступили против заключения мира с Чунцином. К тому же рассчитывать на капитуляцию чунцинского правительства в сложившейся международной обстановке уже не приходилось. В условиях великих побед советских войск на Западе и наступательных операций войск США и Англии на тихоокеанском театре войны неизбежно должны были создаваться благоприятные для союзников, в том числе и для правительства Чан Кай-ши, перспективы военной обстановки в Китае.

В конце года японцы прекратили дальнейшее наступление в Китае.

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 238.
[2] См. «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 186.
[3] «Сюсен сироку», стр. 215.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ КРАСНОЙ АРМИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

К середине 1944 г. военно-политическое положение СССР и его союзников еще более упрочилось. Советские Вооруженные Силы завершали освобождение советской земли от фашистских захватчиков. Летние наступательные операции Красной Армии начались на Карельском перешейке и в Карелии, а затем развернулись на центральном участке фронта, на Балканах, в Прибалтике и Заполярье. В ходе наступательных операций советские войска прошли на запад с боями от 600 до 900 *км* и изгнали немецко-фашистских захватчиков с территории Украины и Белоруссии, Молдавии, Эстонии, Литвы и из Восточной Латвии.

Советский народ, боровшийся за свою свободу и независимость, не мог оставаться равнодушным к судьбам других народов, оказавшихся в фашистской неволе.

В связи с этим Советское правительство провозгласило своей целью:

1) освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств.

2) предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники войны и страданий народов, понесли суровое наказание за все совершенные ими злодеяния;

4) установить в Европе порядок, полностью исключающий возможность новой агрессии со стороны Германии;

5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного хозяйства и культуры в странах, подвергшихся оккупации и разграблению фашистами[1].

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 103.

Эти цели были выдвинуты в программе, разработанной ЦК партии и изложенной в докладе Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 6 ноября 1943 г.

Выполняя интернациональный долг, Красная Армия начала великий освободительный поход, оказавший прямую помощь европейским народам в их борьбе против фашизма. Вместе с Красной Армией шли на запад освобождать свои родные земли Войско Польское, чехословацкий корпус, румынская дивизия, югославская бригада.

Важная роль в осуществлении этой цели наряду с вооруженными силами принадлежала советской дипломатии, которая руководствовалась указанными программными положениями как в отношении стран, являвшихся по воле их фашистских правителей сообщниками гитлеровской Германии, так и в отношении освобождаемых союзных стран, порабощенных немецким фашизмом. В период начавшегося великого освободительного похода Красной Армии Советское правительство и его дипломатия боролись за справедливые, демократические условия перемирия с бывшими союзниками Германии после их выхода из войны.

СССР оказывал большую помощь, в том числе и дипломатическую, всем народам, освобожденным от фашистской тирании, в восстановлении целостности и независимости их государств, в утверждении права этих народов на осуществление прогрессивных социально-экономических преобразований и создание народно-демократических режимов. Советской дипломатии пришлось преодолеть значительное сопротивление Англии и США, занимавших иную позицию по этим вопросам.

1. Заключение соглашений о перемирии с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Развал гитлеровского блока

Освободительная миссия Красной Армии в Румынии. Перемирие с Румынией

В августе 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, разгромив основные силы фашистской группы армий «Южная Украина», развернули наступление в глубь территории Румынии.

Вступление советских войск на территорию Румынии содействовало дальнейшему подъему борьбы румынских трудящихся за прекращение войны и разрыв с гитлеровской Германией. Сопротивление народных масс диктатуре Антонеску стало перерастать в активные антиправительственные выступления румынских рабочих, крестьян и прогрессивной интелли-

генции. Коммунистическая партия Румынии проводила в тот период усиленную подготовку к вооруженному восстанию.

Дни военно-фашистского режима в Румынии были сочтены. Однако гитлеровские правители продолжали верить в прочность диктатуры Антонеску, проявляя полное непонимание того, что происходило внутри самой Румынии. Так, 10 августа 1944 г. немецкий посланник в Румынии Киллингер направил Риббентропу телеграмму, в которой сообщал: «В Румынии все спокойно. Король Михай — наилучший гарант прочности союза Румынии с Германией»[1]. Когда же командующий группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер высказал некоторое беспокойство по поводу внутреннего положения Румынии, Киллингер ответил ему, что если даже дело дойдет до правительственного кризиса, то нет никаких оснований для волнения, так как «наше министерство иностранных дел немедленно пришлет сюда своих людей, которые быстро восстановят порядок»[2]. Да и сам фашистский диктатор Антонеску продолжал верить в прочность своей власти. Об этом он говорил Гитлеру во время последней встречи с ним, состоявшейся 4 августа 1944 г. в германской ставке в Восточной Пруссии. Во время пятичасовой беседы они детально обсуждали планы совместных оборонительных боев на южном участке советско-германского фронта. Немцы обещали в ближайшее время ввести в бой мифическое «секретное оружие», которое якобы изменит весь ход войны. На прямой вопрос Гитлера, будет ли Румыния и лично Антонеску сражаться на стороне Германии до конца, румынский диктатор выдвинул серию контрвопросов и увильнул от ответа[3].

После встречи с Гитлером Антонеску заявил, что он не предвидит в ближайшее время никаких особых событий в Румынии. Антонеску рассчитывал главным образом на то, что ему удастся воплотить в жизнь стратегический план, одобренный Гитлером и поддержанный партиями Маниу и Брэтиану. Этот план состоял в том, чтобы организовать оборону на линии Галац — Нэмелоаса — Фокшаны, куда Гитлер обещал направить подкрепление. В то же время правительство Антонеску и лидеры реакционных буржуазных партий надеялись, замедлив советское наступление, дать возможность англо-американским войскам осуществить «балканский вариант» Черчилля, обеспечив оккупацию Балканских стран англо-американцами. Прорыв советскими войсками южного участка фронта застал врасплох группировку Маниу — Брэтиану. 20 августа 1944 г., уже после

[1] *Г. Фриснер.* Проигранные сражения. М., 1966, стр. 63.

[2] Там же, стр. 59.

[3] *A. Hillgruber,* Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S. 209—210.

того, как началось наступление Красной Армии, Маниу телеграфировал своим представителям в Каире о готовности к решительным действиям. О характере и направлении этих действий можно было догадываться по тому, как Маниу вновь настойчиво требовал направить в Румынию крупный англо-американский воздушный десант [1].

Дворцовые круги не желали до конца связывать свою судьбу с гитлеровцами. Для спасения монархии они видели единственный путь: согласие короля Михая на заключение перемирия, чтобы смягчить суровость «неизбежной советской оккупации». Наилучшим решением, при котором можно было бы избежать выступления народных масс, дворцовые круги, так же как Маниу и Брэтиану, считали заключение перемирия самим правительством Антонеску. Однако король и его советники искали также и другое решение на тот случай, если фашистский диктатор откажется порвать с гитлеровской Германией. Они вынуждены были признать роль коммунистической партии как единственной реальной силы, решительно выступавшей на протяжении всей войны за свержение военно-фашистской диктатуры и разрыв союза Румынии с гитлеровской Германией.

Коммунистическая партия Румынии сознавала, что король и дворцовые круги, согласившись действовать совместно с коммунистами, попытаются ограничиться государственным переворотом, с тем чтобы помешать развитию революционной борьбы. Однако коммунистической партии удалось сорвать эти намерения; дворцовые и другие буржуазно-либеральные круги вынуждены были включить свои действия в общий план, разработанный коммунистами [2].

Успешное продвижение Красной Армии все больше убеждало солдат и многих офицеров румынской армии в том, что дальнейшее продолжение войны на стороне Германии будет иметь катастрофические последствия для их страны. Это давало компартии благоприятные возможности для работы в армейской среде.

В то время, когда Красная Армия осуществляла операцию по окружению и разгрому гитлеровских сил и войск румынского фашистского правительства в районе Кишинев — Яссы, патриотические силы во главе с Коммунистической партией Румынии свергли 23 августа 1944 г. фашистскую диктатуру Антонеску. Сам диктатор и его ближайшие сообщники (Михай Антонеску, военный министр генерал Пантази и др.) были арестованы

---

[1] "The Roumanian Armistice Negotiations".— "Journal of Central European Affairs", 1951, № 11, p. 255.

[2] См. «История Румынии. 1918—1970». М., 1971, стр. 400—402, 410.

в королевском дворце после аудиенции у короля. Вечером 23 августа вооруженный патриотический отряд вывез И. Антонеску и его сообщников на конспиративную квартиру ЦК КПР на окраине Бухареста [1].

Король впоследствии рассказывал, что он задал Антонеску вопрос о дальнейших планах его правительства. Антонеску ответил, что готов запросить перемирия, но только в том случае, если Англия и Америка согласились бы немедленно высадить в Румынии вооруженные силы и гарантировать страну от вступления в нее Красной Армии. В противном случае правительство Антонеску собиралось продолжать войну [2].

В ночь с 23 на 24 августа патриотические отряды и военные части, возглавляемые Коммунистической партией Румынии, заняли важнейшие учреждения и стратегические пункты столицы — здания совета министров, министерства внутренних дел, центральную телефонную станцию, телеграф, радиостанцию и т. д.

События в Румынии вызвали панику среди гитлеровцев. Командующий группой армий «Южная Украина» Фриснер около 23 часов 23 августа доложил Гитлеру о свержении Антонеску. Сообщение Фриснера привело «фюрера» в ярость. Он приказал немедленно разогнать правительство генерала К. Санатеску, организованное в Румынии в результате вооруженного восстания, и создать новое правительство из гитлеровских агентов [3]. «Фюрер» строго запретил немецким представителям в Бухаресте всякое общение с новым румынским правительством [4]. Немецкие генералы, находившиеся в Румынии, стали готовиться к осуществлению приказа Гитлера.

Для успеха вооруженного восстания было необходимо обезвредить гитлеровские войска, находившиеся на территории Румынии, не дать им возможности перейти к организованным действиям. Вместо этого король Михай вечером 23 августа заявил гитлеровским генералам Гапзену и Герштенбергу, что «он не хочет вести войну» против немцев. Король согласился на беспрепятственный вывод гитлеровских войск. Прибыв в Бэнясу (пригород Бухареста), где были сосредоточены значительные силы гитлеровских войск, командующий немецкими военно-воздушными силами в Румынии Герштенберг приказал арестовать сопровождавших его румынских офицеров и в соответствии с приказом Гитлера начал подготавливать немецкие

---

[1] Подробнее см. *С. М. Штеменко.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. вторая. М., 1973, стр. 138—140.

[2] *A. S. Gould Lee.* Special Duties. London, 1946, p. 208.

[3] См. *Г. Фриснер.* Проигранные сражения, стр. 91.

[4] *A. Hillgruber.* Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S, 219.

войска к захвату Бухареста, где он намеревался образовать новое прогитлеровское правительство.

Согласие Михая на беспрепятственный вывод гитлеровских войск было аннулировано в результате немедленного и решительного вмешательства Коммунистической партии Румынии. Румынская армия вместе с патриотическими силами начала борьбу с гитлеровцами.

События 23 августа 1944 г., происходившие в обстановке разгрома Красной Армией войск гитлеровской Германии и ее румынского союзника на южном фланге советско-германского фронта, ускорили выход Румынии из войны.

25 августа румынский посланник в Анкаре Крецяну посетил советского посла в Турции С. А. Виноградова и вручил ему ноту, в которой новое румынское правительство генерала Санатеску сообщало, что оно решило подписать немедленно перемирие и приступить с помощью всех сил страны к полному удалению всех немцев, находящихся на румынской территории [1]. Вскоре после этого в Москву прибыла румынская правительственная делегация в составе Б. Штирбея, Л. Патрашкану, Д. Дэмэчану, Г. Поп и др. 12 сентября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии. По уполномочию правительств СССР, США и Англии соглашение о перемирии с Румынией было подписано Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским.

Соглашение о перемирии с Румынией содержало все шесть условий перемирия, предъявленных Румынии Советским Союзом в апреле 1944 г. В некоторые из них были внесены лишь необходимые уточнения. Так, статья 1 соглашения о перемирии констатировала не только разрыв Румынии с Германией, но и объявление ею войны Германии и Венгрии «в целях восстановления своей независимости и суверенитета...» [2]. При этом указывалось, что Румыния выставит не менее 12 пехотных дивизий со средствами усиления. Статья 11 определяла размеры и порядок выплаты репараций: «...принимая во внимание, что Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и ведет ее на деле против Германии и Венгрии, стороны уславливаются о том, что возмещение... убытков будет произведено Румынией не полностью, а только частично, а именно: в сумме 300 млн. амер. долларов с погашением в течение шести лет товарами (нефтепродукты, зерно, лесные материалы, морские и речные суда, различное машинное оборудование и т. п.)» [3]. Размер репараций, определенный в соглашении, составлял лишь одну

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 174.

[2] Там же, стр. 206.

[3] Там же, стр. 208.

пятую от суммы в 1,5 млрд. долларов [1], которой, по румынским данным, достигал ущерб, причиненный СССР в результате военных действий Румынии.

В текст соглашения о перемирии с Румынией были включены также новые положения, которых не было в апрельских условиях. К числу наиболее важных из них относились статьи, способствовавшие демократизации политической и общественной жизни Румынии (статьи 14 и 15). Эти статьи предусматривали восстановление и обеспечение гражданских прав румынских подданных, наказание военных преступников, запрещение деятельности в Румынии всех организаций фашистского типа, ведущих враждебную Советскому Союзу или любой из других Объединенных Наций пропаганду, и т. д. Другая группа новых статей (статьи 7, 8, 9, 12 и 13) определяла имущественные отношения Румынии и союзных государств. Так, статья 12 обязывала Румынию возвратить Советскому Союзу все имущество, вывезенное ею с советской территории во время войны, а статья 13 — восстановить все законные права и интересы Объединенных Наций и их граждан на румынской территории, как они существовали перед войной. Соглашение о перемирии содержало и такие постановления, которые определяли взаимоотношения советских военных властей и Союзной контрольной комиссии с румынской администрацией (статьи 16, 17, 18) [2].

Оценивая условия соглашения о перемирии, подписанного в Москве, румынская газета «Скынтейя» почти два года спустя отмечала, что эти условия выражали великодушие и глубокое понимание народов Советского Союза, «которые сделали различие между режимом Антонеску и румынским народом, втянутым в войну вопреки своим интересам и чаяниям» [3].

Правительство К. Санатеску, в котором преобладало реакционное большинство, не выполняло всех условий перемирия и ограничивало демократическое движение в стране. Оно было вынуждено уйти в отставку в декабре 1944 г. Сменившее его правительство генерала Радеску, хотя в него и было включено несколько демократов, в основном проводило политику предыдущего правительства. Только после отстранения реакционеров от власти и сформирования 6 марта 1945 г. демократического правительства во главе с Петру Гроза в Румынии стали осуществляться программа Национально-демократического фронта, возглавляемого коммунистами, и полностью выполняться условия перемирия.

---

[1] "Independenta, suveranitatea si integritatea RPR sunt garantate prin prietenia cu URSS". Bucureşti, 1948, p. 12.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 207—209.

[3] "Scinteia", 17.VIII. 1946.

Румынский народ принял активное участие в войне против гитлеровской Германии и внес свой вклад в окончательный разгром фашизма. Взяв на себя по соглашению о перемирии обязательство выставить не менее 12 дивизий, Румыния за период между 23 августа 1944 г. и 9 мая 1945 г. держала на фронте не менее 15 дивизий. Действуя под руководством Советского Верховного Главнокомандования, румынские войска сражались на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии, закончив войну в предместьях Праги.

Свержение фашистской диктатуры в Болгарии. Перемирие с Болгарией

В конце августа 1944 г. Красная Армия, громя отступающие фашистские войска и освобождая Румынию от немецких оккупантов, приближалась к границам Болгарии.

В этой обстановке царское правительство Болгарии под флагом так называемого «нейтралитета» давало возможность отступавшим немецко-фашистским войскам укрыться на территории Болгарии. Кроме того, гитлеровцы использовали в военных целях аэродромы и порты Болгарии. Несмотря на реальные возможности порвать с гитлеровской Германией, болгарские реакционные правители продолжали свою прогерманскую политику, участвуя, по существу, в войне против Советского Союза. Вместе с тем, отдавая себе отчет в том, что участь Гитлера решена, болгарское правительство, как и обанкротившиеся режимы в других странах-сателлитах гитлеровской Германии, стали искать выхода из создавшегося тупика в установлении контакта с американским и английским правительствами.

В августе 1944 г. представитель болгарского правительства Стойчо Мошанов был направлен в Каир для переговоров с представителями США и Англии относительно возможности выхода Болгарии из войны. В том же направлении действовал в Стамбуле летом 1944 г. один из руководителей буржуазной оппозиции — доктор Дмитров (Гемето). Наконец, в начале сентября 1944 г., т. е. тогда, когда советские войска были в непосредственной близости от болгарской границы, в Болгарию прибыла секретная английская военная миссия. В Пловдиве между главой английской миссии и представителем болгарского правительства состоялся обмен мнениями, в ходе которого выяснилось, что правительство Англии вынашивает планы немедленного ввода в Болгарию турецких дивизий. Турецкая оккупация, по уверению англичан, должна была быть заменена в дальнейшем англо-американской.

О намерении правительств Англии и США осуществить военную оккупацию Болгарии свидетельствует также и тот факт, что в английском и американском проектах соглашения

о перемирии с Болгарией, обсуждавшихся в Европейской консультативной комиссии весной и летом 1944 г., содержались статьи, которые предусматривали оккупацию Болгарии англо-американскими войсками. Так, в пункте 3 американского проекта упомянутого соглашения говорилось: «Союзные правительства, подписавшие документ о капитуляции, должны иметь право оккупировать любыми вооруженными силами... любую или все части болгарской территории и пользоваться во всей стране законным правом оккупирующей державы».

Переговоры Мошанова и других болгарских представителей с англо-американцами не дали практических результатов ввиду бурно развивавшихся событий в самой Болгарии и предпринятого Советским правительством в начале сентября 1944 г. важного дипломатического акта.

В условиях продолжавшегося сотрудничества болгарского правительства с гитлеровской Германией и возможного сговора болгарской реакции с империалистическими кругами западных держав Советское правительство 30 августа 1944 г. предложило болгарскому правительству немедленно прекратить пропуск немецких войск в Румынию. Однако правительство К. Муравиева, созданное 2 сентября 1944 г., прикрываясь «пейтралитетом», уклонялось от выполнения предъявленного требования.

5 сентября 1944 г. в 7 часов вечера народный комиссар иностранных дел СССР вручил болгарскому посланнику в Москве ноту Советского правительства. В ноте был дан обстоятельный анализ прогерманской политики болгарских правителей. Далее в ноте говорилось, что «Советское Правительство не считает дальше возможным сохранять отношения с Болгарией, рвет всякие отношения с Болгарией и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку на деле она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, но и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией»[1].

«...Правящие круги Болгарии,— говорилось в сообщении Информбюро Наркоминдела СССР от 7 сентября 1944 г.,—вступив на путь военного сотрудничества с гитлеровской Германией, втянули болгарский народ, вопреки его коренным национальным интересам, в войну сначала против Англии и США, и затем и против Советского Союза, против братского русского народа, пролившего свою кровь за освобождение Болгарии»[2].

Правительство К. Муравиева оказалось в безвыходном положении. 7 сентября оно официально заявило о разрыве отношений с Германией, а вечером 8 сентября объявило ей войну.

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 199.

[2] Там же.

В изменившейся обстановке болгарские и англо-американские представители были вынуждены приостановить переговоры в Каире. 7 сентября они зафиксировали следующее: считать, что Болгария обратилась к Великобритании и США с просьбой о заключении перемирия; что в ожидании прибытия дополнительной болгарской делегации условия перемирия не были переданы болгарской стороне; что переговоры о перемирии приостановлены из-за объявления Советским Союзом войны Болгарии, в связи с чем необходимо начать новые переговоры с участием трех союзных держав [1].

В 11 часов утра 8 сентября войска 3-го Украинского фронта под командованием Ф. И. Толбухина пересекли румыно-болгарскую границу и приступили к освобождению Болгарии. За два дня были освобождены города Русе, Бургас, Шумен и др. Болгарский народ восторженно встретил Красную Армию — армию-освободительницу. С обеих сторон не было сделано ни одного выстрела [2].

В ночь с 8 на 9 сентября 1944 г. в Болгарии под руководством Болгарской рабочей партии (БРП) произошло всенародное восстание и было образовано правительство Отечественного фронта во главе с Кимоном Георгиевым.

Новое болгарское правительство обратилось к союзникам с просьбой о заключении перемирия. 10 сентября делегация болгарского правительства, в которую входили член Политбюро ЦК БРП Димитр Ганев, профессор Димитр Михалчев (бывший посланник Болгарии в Москве) и два представителя генерального штаба, прибыла в штаб 3-го Украинского фронта. Здесь делегаты узнали, что по приказу Верховного Главнокомандования военные действия прекращены с 22 часов 9 сентября [3]. В качестве предварительного условия правительства СССР, США и Англии обязали Болгарию эвакуировать все свои войска и чиновников с греческой и югославской территорий. Это условие было выполнено правительством Отечественного фронта, после чего его делегация, в которую входили министр иностранных дел П. Стайнов, министр без портфеля Д. Терпешев и др., была принята в Москве. 26—28 октября 1944 г. проходили переговоры о перемирии между представителями СССР, Англии и США, с одной стороны, и правительственной делегацией Болгарии — с другой.

---

[1] См. *А. Наков.* Интернациональная миссия советских войск в Болгарии. М., 1973, стр. 33.

[2] См. *С. М. Штеменко.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. вторая, стр. 169.

[3] См. «Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг. Документы и материалы». М., 1969, стр. 14 (далее — «Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг.»).

В ходе переговоров относительно соглашения о перемирии с Болгарией между правительствами СССР, с одной стороны, Англии и США — с другой, возникли серьезные разногласия.

Советское правительство выступило против требования Англии и США об оккупации Болгарии, так как такие требования не предъявлялись ни к Румынии, ни к Финляндии. Советское правительство было за то, чтобы болгарское правительство допустило лишь использование территории Болгарии вооруженными силами союзников для войны против гитлеровской Германии. Точка зрения Советского Союза была принята, и статья 3 соглашения о перемирии гласила: «Правительство Болгарии обеспечит советским и другим союзным войскам возможность свободного передвижения по болгарской территории в любом направлении, если этого потребует, по мнению Союзного (Советского) Главнокомандования, военная обстановка...»[1]

Советское правительство выступило против требования англичан и американцев относительно сдачи, передачи, использования или отдачи под контроль союзникам военных материалов, собственности, ресурсов, средств и т. д., принадлежащих Болгарии. Советский Союз выступал за то, чтобы полученные у болгарского правительства материалы строго учитывались для последующего включения их в счет подлежащих с Болгарии репараций.

Ввиду занятой Советским правительством позиции американцам и англичанам не удалось включить в соглашение о перемирии с Болгарией эти требования, которые отсутствовали и в соглашениях о перемирии с Румынией и Финляндией.

В ходе упомянутых переговоров правительства Англии и США пытались поставить Болгарию в худшее положение, чем других бывших союзников гитлеровской Германии. Так, например, англичане настаивали на включении в соглашение о перемирии специальной статьи относительно консервации болгарских активов. Они настаивали и на том, чтобы Болгария обязалась выполнять любые требования союзников под видом восстановления мира и безопасности[2].

Советское правительство решительно выступило против включения каких бы то ни было дополнительных обязательств, ставивших Болгарию в худшее положение, чем другие страны, с которыми были заключены аналогичные соглашения. «...Налагать на Болгарию обязательства сверх тех, какие установлены

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 288.

[2] АВП СССР. Замечания 2-го Европейского отдела НКИД СССР к английскому проекту соглашения о перемирии с Болгарией от 5 октября 1944 г.

статьей 9 (обязательства Болгарии о репарациях.—*Ред.*) и какие не предусмотрены соглашением о Румынии,— говорилось в ноте Советского правительства,— было бы неправильным и необоснованным»[1]. По настоянию Советского правительства предложенные англичанами статьи не были включены в соглашение о перемирии с Болгарией.

Возникли разногласия также и по поводу того, кто будет подписывать соглашение о перемирии с Болгарией. Англия и США настаивали на том, чтобы Верховный командующий союзными войсками на средиземноморском театре военных действий генерал Вильсон подписал это соглашение от имени всех Объединенных Наций[2]. Кроме того, англичане и американцы предлагали, чтобы Союзная контрольная комиссия (СКК), создаваемая в Болгарии, являлась бы трехсторонним органом, в котором Советский Союз, США и Англия имели бы одинаковую долю в практической деятельности и ответственности этой комиссии. Эти предложения оказались неприемлемыми. Болгария была освобождена от немецко-фашистских оккупантов Советскими Вооруженными Силами. Исходя из этого, Советское правительство предлагало, чтобы соглашение о перемирии с Болгарией было подписано Маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным[3]. Советское правительство возражало и против порядка работы СКК, предлагавшегося правительствами США и Англии. В результате переговоров было принято решение, что соглашение о перемирии с Болгарией подпишут Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин и представитель Верховного командующего союзников в средиземноморском районе генерал-лейтенант Д. Гаммелль. Что касается Союзной контрольной комиссии, то в соглашении о перемирии было сказано, что она будет работать под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования с участием представителей Англии и США[4]. Таким образом, соглашение о перемирии с Болгарией отразило реальную обстановку, сложившуюся в Болгарии, и тот решающий вклад, который внес Советский Союз в освобождение Болгарии от немецко-фашистских оккупантов.

Еще одно серьезное разногласие, возникшее в ходе подготовки соглашения о перемирии с Болгарией, касалось участия

---

[1] АВП СССР. Нота Советского правительства правительству Великобритании от 14 октября 1944 г.

[2] АВП СССР. Нота правительства Великобритании Советскому правительству от 14 сентября 1944 г.

[3] АВП СССР. Нота Советского правительства правительству Великобритании от 17 сентября 1944 г.

[4] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 291.

Болгарии в войне против гитлеровской Германии. Правительство Отечественного фронта намеревалось внести свой вклад в общую борьбу свободолюбивых народов против фашизма. Болгарский народ горячо поддержал это решение и с огромным энтузиазмом поднялся на всенародную, отечественную войну. Под общим советским командованием болгарская армия наносила серьезные удары по отступавшим немецко-фашистским войскам. В составе 3-го Украинского фронта она участвовала в освобождении Югославии, Венгрии и в боях на территории Австрии. Окончание войны застало болгарские войска у подножия австрийских Альп.

Правительства Англии и США были недовольны широким размахом революционного движения болгарского народа и коренными изменениями в политической жизни страны. Они не хотели допустить революции в Болгарии, которая с самого начала приняла социалистический характер. По их настоянию статья 1 соглашения о перемирии с Болгарией лишь констатировала разрыв Болгарией отношений с Германией и Венгрией и не отмечала факта объявления ею войны Германии. Кроме того, соглашение о перемирии с Болгарией не устанавливало конкретного количества войск, которые она должна была выставить против Германии. В нем говорилось лишь о том, что она «обязывается содержать и предоставлять такие сухопутные, морские и воздушные силы, которые могут быть определены для службы под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования»[1].

Текст соглашения о перемирии с Болгарией был согласован между правительствами СССР, Англии и США в результате длительных переговоров. Многие из возникших разногласий были устранены в ходе переговоров И. В. Сталина с У. Черчиллем, состоявшихся в октябре 1944 г. в Москве. Советскому правительству удалось оградить Болгарию от несправедливых, тяжелых условий перемирия, которые пытались ей навязать правящие круги Англии и США.

В связи с этим ЦК БРП (к) издал циркуляр, в котором подчеркивалось, что подписание перемирия вызывает особую признательность болгарского народа своим великим братьям-освободителям[2].

В целом соглашение о перемирии с Болгарией носило весьма умеренный характер. Болгарская газета «Отечествен фронт»,

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 287.

[2] «Работническо дело», 2. XI. 1944.

комментируя соглашение, писала: «Читая этот документ, поражаешься умеренности условий. Следует констатировать отсутствие всякого чувства мести по отношению к Болгарии. От болгарского народа требуют лишь исправления ошибок, совершенных его прежними преступными руководителями. Перемирие, в сущности, лишь утверждает уже существующее положение дел, установленное болгарским народом по собственной инициативе»[1].

Перемирие с Венгрией и освобождение венгерского народа от фашистской тирании

Осенью 1944 г. в условиях резкого ухудшения военного положения фашистской Германии и обострения внутриполитической обстановки в Венгрии Хорти и его приверженцам также не оставалось ничего иного, как искать выхода из проигранной войны.

В августе — начале сентября 1944 г. венгерские представители в столицах различных нейтральных государств обратились к представителям западных держав с предложением начать переговоры об условиях капитуляции Венгрии[2]. Вместе с тем венгерское правительство продолжало обсуждать перспективы участия Венгрии в войне. Так, 25 августа на заседании правительства рассматривался вопрос о дальнейших взаимоотношениях с Германией. Начальник генерального штаба генерал-полковник Янош Вёрёш, который перед этим вел переговоры с начальником германского генерального штаба Гудерианом, сообщил: немцы полагают, что у Венгрии нет намерения выйти из войны. Заместитель министра иностранных дел Юнгерт-Арноти обобщил на этом совещании точку зрения западных держав: «Факт таков: англосаксы не хотят, чтобы русские оккупировали Венгрию. Они хотели бы, чтобы венгры сдерживали русских до тех пор, пока англосаксы не оккупируют Венгрию»[3]. В результате переговоров с Гудерианом у Вёрёша создалось впечатление, что «немцы предпочитают, чтобы Греция была оккупирована англичанами, а не русскими»[4]. Замечание Вёрёша о намерении немцев уступить Балканы англичанам выражало сокровенные надежды хортистской клики. На этом же совещании обсуждался вопрос и о том, должны ли венгерские

---

[1] Цит. по: *Л. Б. Валев.* Народно-демократическая Болгария с 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. III. М., 1951, стр. 66.

[2] АВП СССР. Письмо заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского послу США в Москве У. А. Гарриману от 20 сентября 1944 г.

[3] *Д. Немеш.* Освобождение Венгрии. М., 1957, стр. 27.

[4] Там же, стр. 26.

войска вторгнуться в Южную Трансильванию. Большинство министров высказалось за вторжение [1].

Новые военные поражения Германии летом 1944 г., а также военно-политические события в Румынии привели к отставке правительства Стояи. Хорти назначил новое правительство из лиц, входивших в его ближайшее окружение. Правительство возглавил генерал-полковник Геза Лакатош. В этом правительстве не было единой точки зрения по вопросу о дальнейшем участии Венгрии в войне. Одни считали, что надо воевать на стороне Германии до конца, и отвергали сговор с англо-американцами, утверждая, что нельзя рассчитывать на их помощь. Во главе этой группы стоял ярый реакционер министр земледелия Юрчек. Сам премьер Лакатош и большинство членов правительства связывали продолжение войны против СССР и занятие Южной Трансильвании с определенными условиями, а именно с требованием соответствующих подкреплений со стороны Германии. Третья группа во главе с заместителем министра иностранных дел Юнгертом-Арноти выступала за продолжение войны против СССР, но при условии, если немцы окажут достаточную военную помощь, которая могла бы обеспечить успешное сопротивление Красной Армии до прихода англо-американцев. Нападение на Южную Трансильванию эта группа отвергала [2].

Пока в Будапеште дискутировался вопрос о Южной Трансильвании, военно-стратегическое положение Венгрии резко ухудшилось. Разрыв Финляндии с фашистской Германией и народное восстание в Болгарии вызвали новое смятение в венгерской столице.

8 сентября на секретном совещании в кругу своих приближенных Хорти заявил, что при создавшейся обстановке он решил просить перемирия у западных держав. Все участники совещания одобрили решение регента. Затем были обсуждены условия, на которых Венгрия готова была заключить такое перемирие: «1) западные союзники оккупируют только стратегически важные центры Венгрии; 2) румынские и югославские войска не должны принимать участия в оккупации Венгрии; 3) в Венгрии сохраняется венгерская полиция и администрация; 4) западные союзники должны разрешить немецким войскам беспрепятственно покинуть Венгрию» [3].

Было решено направить условия перемирия через венгерские дипломатические представительства в Швеции и Турции. Министр иностранных дел Хенньеи тотчас же телеграфировал

---

[1] См. *Д. Немеш.* Освобождение Венгрии, стр. 27—28.
[2] См. там же, стр. 29.
[3] *C. A. Macartney.* October Fifteenth, p. 337.

об этом венгерским посланникам: «Мы собираемся заключить перемирие. Подробные конкретные инструкции последуют незамедлительно»[1].

В тот же день состоялось чрезвычайное заседание совета министров, на котором обсуждался вопрос о военном и внешнеполитическом положении Венгрии. Министры высказались за продолжение войны против Советского Союза. Министр внутренних дел Бонцош заявил, что вопрос о том, когда Венгрия запросит перемирия, не будет иметь для западных держав особого значения, ибо в их интересах, чтобы Венгрия продолжала сопротивление Советскому Союзу. «Следовательно,— заключил Бонцош,— продолжая сопротивление возможно дольше, мы ничего не теряем»[2]. Военный министр Чатаи утверждал, что, если бы немцы сумели прислать подкрепление, Венгрия смогла бы продолжить сопротивление; кроме того он добавил, что «вообще как для нас, так и для немцев было бы гораздо лучше, если бы англосаксы заняли часть Венгрии, в крайнем случае даже символически»[3]. Венгерское правительство приняло решение просить Гитлера о присылке новых немецких подкреплений. Как свидетельствует генерал Фриснер, венгерское правительство запросило пять немецких танковых дивизий, которые должны были прибыть в Венгрию в течение 24 часов; в противном случае, заявило венгерское правительство, оно вынуждено будет запросить перемирия[4].

Заседание совета министров 8 сентября пришло, по существу, к тем же выводам, что и совещание 25 августа, с той лишь разницей, что на совещании 8 сентября больший упор делался на необходимость срочной немецкой помощи в качестве условия продолжения войны против СССР. Германия и Венгрия должны были сдерживать продвижение советских войск, чтобы англо-американские войска успели вступить на территорию Венгрии.

В то время когда совет министров обсуждал вопрос военного сотрудничества с немцами, Хорти вел переговоры с немецким посланником, передавшим ему письмо Риббентропа, в котором говорилось, что «Германия считает Венгрию настолько входящей в сферу немецких интересов, что она не сдаст Венгрию». Немецкий посланник дал понять, что если «в Венгрии произойдут внутренние беспорядки, то они, немцы, всеми средствами выступят против этого и подавят войсками и полицейскими отрядами, переброшенными из Вены, всякую попытку перево-

---

[1] *C. A. Macartney.* October Fifteenth p. 337—338.

[2] *L. Zsigmond.* Adalékok a magyar elenforradalmi rendszer külpolitikayahoz. Budapest, 1953, o. 129—130.

[3] Ibidem.

[4] См. *Г. Фриснер.* Проигранные сражения, стр. 124.

рота»[1]. Очередная угроза гитлеровцев, видимо, возымела действие. 9 сентября Хорти заверил генерала Фриснера, что венгерское правительство поддержит все военные мероприятия гитлеровцев. «Вы являетесь ответственным командующим в данном районе,— заявил Хорти,— и должны сами решать, что́ вы считаете наиболее правильным»[2].

11 сентября состоялось чрезвычайное заседание венгерского правительства, на котором была отвергнута мысль о заключении перемирия. Более того, совет министров принял решение о посылке генерал-полковника Вёрёша к Гитлеру за подкреплением для продолжения войны.

Крах хортистского режима приближался. В сентябре венгерские дивизии, вторгшиеся в Южную Трансильванию, были выбиты оттуда в течение нескольких дней войсками 2-го Украинского фронта. Красная Армия подходила к границам Венгрии.

В этих условиях венгерские правящие круги решили обратиться к Советскому Союзу. В середине сентября 1944 г. в Словакию был направлен граф Янош Зичи, который установил там контакт с советским подполковником Макаровым, возглавлявшим один из словацких партизанских отрядов. В конце сентября в Москву для переговоров о возможности заключения перемирия между Венгрией и Советским Союзом была направлена группа из трех представителей во главе с бароном Эде Ацелом.

По возвращении в Будапешт Зичи сообщил, что через Макарова Советское правительство передало Венгрии предложение перейти на сторону антигитлеровской коалиции и сражаться вместе с СССР против Германии. Кроме того, Макаров сообщил советские условия перемирия с Венгрией, которые основывались на принципе уважения суверенитета и независимости Венгрии и невмешательства в ее внутренние дела. Венгерскому правительству было также сообщено, что Советский Союз не собирается вести никаких переговоров за спиной своих союзников и что соглашение о перемирии с Венгрией будет подготовлено совместно представителями главных держав антигитлеровской коалиции.

Вскоре из Москвы возвратилась делегация Э. Ацела, которая привезла сведения, конкретизирующие ранее полученные условия перемирия. В Москве было вновь подчеркнуто, что Советский Союз не имеет никаких намерений вмешиваться во внутренние дела Венгрии. Однако вместо того, чтобы принять условия перемирия, предложенные Советским Союзом, венгер-

---

[1] *Д. Немеш.* Освобождение Венгрии, стр. 32, 33.
[2] *Г. Фриснер.* Проигранные сражения, стр. 123.

ское правительство предприняло новые попытки договориться с западными державами за спиной Советского Союза.

21 сентября 1944 г. глава правительства Лакатош выступил с заявлением, в котором предлагал услуги Венгрии англосаксам в качестве «защитника Запада против Востока», одновременно добавив, что рассчитывает на помощь Германии для обороны венгерских границ.

На следующий день, 22 сентября, Хорти направил своего представителя генерал-полковника Иштвана Надаи в ставку союзных войск в районе Неаполя на самолете, пилотируемом английским полковником Хаути, бежавшим из немецкого плена. В послании Хорти западным державам, в частности, предлагалось: «Было бы желательно, чтобы Антанта смогла убедить Советы не переходить границы Венгрии; в этом случае мы могли бы снять с границ все наши войска и сделать решающие шаги. Или пусть Антанта спешно высадит несколько дивизий в Фиуме и вторгнется в Западную Венгрию...»[1]

Надаи прибыл в Фоггию, но контакты с союзниками не состоялись, поскольку последние не сочли возможным идти на сепаратные переговоры о перемирии с Венгрией в условиях, когда на ее территорию вступили советские войска[2]. Хорти наконец решил направить делегацию в Москву.

В конце сентября 1944 г. венгерские представители во главе с инспектором жандармерии армейским генералом Габором Фараго были пропущены через линию фронта и 1 октября прибыли в Москву, где начались переговоры о выходе Венгрии из войны. Хорти поручил Фараго добиться включения в соглашение о перемирии следующих условий: 1) немедленное прекращение военных действий; 2) участие англичан и американцев в оккупации Венгрии; 3) беспрепятственный отход немецких войск; 4) недопущение армий «малых государств» к участию в оккупации Венгрии[3]. В письме на имя И. В. Сталина венгерский регент пытался снять с Венгрии ответственность за участие в войне на стороне гитлеровской Германии и обращался с просьбой «пощадить несчастную страну»[4].

Кроме того, среди условий выхода из войны, предложенных хортистской делегацией, содержалось требование о сохранении некоторых территориальных захватов, совершенных хортистами накануне и в ходе второй мировой войны. Это требование было решительно отклонено.

---

[1] *C. A. Macartney.* October Fifteenth, p. 352.

[2] См. *И. Эльведи.* Дебреценская операция и советско-венгерские переговоры о перемирии.— «Военно-исторический журнал», 1973, № 9, стр. 102.

[3] См. *А. И. Пушкаш.* Венгрия в годы второй мировой войны, стр. 434.

[4] «История Венгрии», т. III, М., 1972, стр. 440.

8 октября венгерскую делегацию принял В. М. Молотов, вручив ей предварительные условия перемирия. Советские условия перемирия предусматривали отвод венгерских войск и чиновников в пределы границ, существовавших на 31 декабря 1937 г., немедленный разрыв с Германией и объявление ей войны. Советское правительство обещало для облегчения выполнения этих условий оказать Венгрии военную помощь [1].

В это время советские войска, форсировав Тиссу, угрожали полным окружением 1-й и 2-й венгерским армиям. Поэтому Хорти после совещания 9 октября с Лакатошем, Чатаи, Вёрёшем, Хенньеи и другими приближенными дал согласие на подписание условий перемирия. Одновременно Хорти обратился с просьбой к командованию Красной Армии прекратить наступление в направлении Будапешта, мотивируя это необходимостью подготовки к осуществлению условий перемирия.

11 октября 1944 г. Советское правительство приостановило наступление, приняв к сведению заявление Фараго о том, что Венгрия согласна с условиями перемирия, предложенными союзниками. Венгрия должна была эвакуировать все свои войска и гражданскую администрацию с территории Словакии, Румынии и Югославии в пределы границ Венгрии, существовавших на 31 декабря 1937 г. Венгрия оставалась самостоятельным, независимым государством, другие государства не должны были вмешиваться в ее внутренние дела. Венгерская армия обращала оружие против немецких войск.

Однако соглашение о перемирии в силу не вступило, так как клика Хорти проявила колебания и нерешительность. В результате этого гитлеровцы, узнав о намерении хортистов прекратить войну, утром 15 октября потребовали передачи им командования всеми вооруженными силами Венгрии. Принимая германский ультиматум, Хорти заверил гитлеровского посланника Везенмайера, передавшего ультиматум, что они не нанесут немцам «удара в спину» [2]. Вместе с тем, понимая, что нет никаких надежд на получение серьезных подкреплений от немцев, Хорти сообщил Везенмайеру, что собирается просить перемирия.

Во второй половине дня 15 октября 1944 г. Хорти обратился к державам антигитлеровской коалиции с предложением заключить перемирие (прокламацию регента зачитал по радио начальник отдела печати премьер-министра) [3]. Венгерский диктатор обосновывал свой шаг тем, что Германия не выполнила своих союзнических обязательств, и прежде всего не обеспечила

---

[1] См. «История Венгрии», т. III, стр. 441.
[2] См. *Д. Немеш.* Освобождение Венгрии, стр. 88.
[3] См. «История Венгрии», т. III, стр. 448.

в достаточных размерах обещанную венграм помощь для обороны страны. Кроме того, он обвинял Германию во вмешательстве во внутренние дела Венгрии в течение нескольких месяцев. Хорти заявил, что он получил достоверные сведения о том, что немецкие отряды особого назначения намерены путем насильственного переворота поставить у власти своих людей, а территорию страны превратить в театр арьергардных боев германской империи[1]. Обращение регента не содержало ни призыва к выступлению против немецко-фашистских войск, ни осуждения политики сотрудничества с гитлеровской Германией.

После выступления Хорти по радио гитлеровцы организовали в Будапеште путч. По требованию Везенмайера Хорти отказался от поста регента в пользу Салаши, открытого гитлеровского наймита, провозгласившего себя главой государства и «вождем нации». Хорти вместе с семьей и небольшой свитой покинул свою резиденцию в королевском дворце и получил убежище в Германии.

Таким образом, клика Хорти не хотела вывести Венгрию из войны. Прекращение преступной войны против Советского Союза взяли на себя демократические силы венгерского народа.

Вступление Красной Армии на территорию Венгрии в конце сентября 1944 г. дало толчок освободительному, антифашистскому движению венгерского народа. На освобожденной территории Венгрии по инициативе и под руководством Венгерской коммунистической партии стали создаваться органы народной власти. В декабре 1944 г. в городе Дебрецене из представителей политических партий и организаций, выступавших против хортистского режима, было создано Временное национальное собрание Венгрии, образовавшее 22 декабря Временное национальное правительство во главе с генерал-полковником Бела Миклошем, которое объявило войну гитлеровской Германии.

20 января 1945 г. в Москве представители Временного национального правительства — министр иностранных дел Я. Дьёндьёши, министр обороны Я. Вёрёш и статс-секретарь кабинета министров И. Балог подписали соглашение о перемирии. По уполномочию правительств СССР, Англии и США соглашение о перемирии подписал Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Его положения были аналогичны условиям перемирия с Румынией, Финляндией и Болгарией. Соглашение содержало ряд постановлений, направленных к ликвидации последствий захватнической политики хортистской Венгрии, обеспечивало необходимые условия для участия Венгрии

[1] См. «Венгрия и вторая мировая война», стр. 341.

в войне против гитлеровской Германии на завершающем этапе второй мировой войны. создавало благоприятные предпосылки для демократического развития страны, определяло характер взаимоотношений между венгерской администрацией и союзными властями [1].

В целях ликвидации последствий захватнической политики Венгрии соглашение о перемирии предусматривало: выход Венгрии из войны против Объединенных Наций и объявление войны Германии (статья 1), отмену решений венских арбитражей от 2 ноября 1938 г. и 30 августа 1940 г. (статья 19), эвакуацию всех венгерских войск и чиновников с оккупированных Венгрией территорий Чехословакии, Югославии и Румынии, аннулирование всех законодательных и административных положений, относящихся к аннексии или включению в состав Венгрии чехословацкой, югославской и румынской территорий, и восстановление венгерских границ, существовавших на 31 декабря 1937 г. (статья 2), немедленное освобождение всех союзных военнопленных и интернированных (статья 4) и др.

Соглашение о перемирии содержало также некоторые положения, регулирующие материальные претензии Объединенных Наций к Венгрии. Так, статья 12 устанавливала, что убытки, причиненные СССР, Чехословакии и Югославии военными действиями и оккупацией Венгрией этих государств, будут частично (в сумме 300 млн. ам. долл.) возмещены с погашением в течение 6 лет товарными поставками. Сумма возмещения Советскому Союзу составляла 200 млн. долл., а сумма возмещения Чехословакии и Югославии — 100 млн. долл. (по 50 млн. долл.). В специальном приложении к указанной статье обусловливалось, что подробные наименования и виды товаров, поставляемых Венгрией, а также уточненные сроки этих поставок по годам будут определены особыми соглашениями между соответствующими правительствами.

Статья 6 обязывала Венгрию возвратить Советскому Союзу, Чехословакии, Югославии и другим Объединенным Нациям в полной сохранности все имущество, вывезенное в Венгрию с территории этих стран. Кроме того, правительство Венгрии брало на себя обязательство восстановить все законные права и интересы Объединенных Наций и их граждан на венгерской территории, как они существовали перед войной (статья 13).

Соглашением о перемирии учреждалась Союзная контрольная комиссия (СКК), в функции которой входило регулирование и контроль за выполнением соглашения. Было обуслов-

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 76—81.

лено, что председателем СКК будет назначен представитель Советского Союза, а США и Англия будут представлены в ней членами комиссии. Отдельные постановления соглашения о перемирии определяли компетенцию СКК и характер ее отношений с венгерской администрацией.

13 февраля 1945 г. войска 2-го Украинского фронта при содействии войск 3-го Украинского фронта после полуторамесячной осады завершили разгром окруженной в Будапеште группировки противника и полностью овладели городом. Продолжая наступление, Красная Армия к 4 апреля 1945 г. завершила освобождение венгерской территории от немецко-фашистских захватчиков.

Выход из войны Финляндии. Перемирие с Финляндией

В июне 1944 г. Советское командование приступило к осуществлению крупной военной операции в районе Карелии. Войска Ленинградского фронта прорвали долговременную оборону финнов на Карельском перешейке, освободили Териоки, Выборг и другие населенные пункты, отбросив финские войска в глубь Финляндии. Военно-политическое положение Финляндии стало критическим. Даже самые преданные сторонники Гитлера в Финляндии не могли не видеть бесперспективности продолжения войны.

Для того чтобы предотвратить выход Финляндии из фашистского блока и навязать Финляндии военный союз, Гитлер направил в Хельсинки Риббентропа. 22 июня 1944 г., сразу же по прибытии в финскую столицу, Риббентроп встретился с президентом Рюти, с которым он беседовал в течение нескольких часов. В ходе этой беседы гитлеровский министр иностранных дел стремился убедить своего собеседника в конечной победе Германии, запугать его мрачными перспективами сепаратного мира, резко критиковал Паасикиви за его деятельность, обвинил финские власти в попустительстве «шпионской антигерманской» деятельности в Финляндии и т. д. [1].

На следующий день Риббентроп продолжил свою дипломатическую атаку. В беседе с министром иностранных дел Рамсаем он потребовал, чтобы финское правительство сделало публичное заявление о том, что Финляндия будет сражаться на стороне Германии до конца. В случае отклонения этого требования германское правительство угрожало прекратить любую помощь Финляндии. 25 июня Гитлер направил Риббентропу телеграмму, в которой извещал его, что принял решение прекратить всякую поддержку Финляндии, пока последняя

[1] *W. Blucher.* Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Erinnerungen aus den Jahren 1935—1944. Wiesbaden, 1951, S. 369—370.

не сделает ясного публичного заявления о своей политике. Для того чтобы подсластить горькую пилюлю, Риббентроп в беседе с финнами высказал предположение о возможности назначения Маннергейма главнокомандующим объединенными германо-финскими силами на севере Восточного фронта.

В течение нескольких дней финские руководители обсуждали германское требование и в конце концов приняли его. 26 июня Рюти подписал декларацию, проект которой был подготовлен немцами. В частности, в ней содержалось требуемое немцами обязательство. «Учитывая дружескую помощь,— говорилось в декларации Рюти,— которую Германия оказывает Финляндии в ее нынешнем тяжелом положении, я как президент Финляндской Республики заявляю, что не заключу мира с Советским Союзом иначе как по соглашению с Германской империей и не разрешу никакому правительству Финляндии, назначенному мной, и вообще никому начинать переговоры о перемирии или мире или переговоры, преследующие такую цель, иначе как по согласованию с правительством Германской империи» [1].

Позже Маннергейм пытался в своих воспоминаниях объяснить эти действия заинтересованностью Финляндии в германских поставках оружия и продовольствия. Эти поставки, по объяснению Маннергейма, должны были служить не для продолжения проигранной войны, а для создания лучших предпосылок к переговорам о мире. В этих целях будто бы и было принято решение дать требуемое немцами заявление. Однако, чтобы не связывать себя, была избрана своеобразная форма обязательства, не утвержденная парламентом,— заявление президента, которое можно было дезавуировать отставкой Рюти [2].

Финские руководители действительно были заинтересованы в получении германского оружия и других поставках. Однако на удовлетворение германских требований они пошли в основном потому, что понимали явную безнадежность военного положения Германии и надеялись, что крах фашистского «рейха», а вместе с тем и конец войны наступит раньше, чем Финляндия превратится в арену боев, а финское правительство будет вынуждено заключить мир. Крайне пессимистическая оценка германских шансов в войне была весьма характерна для позиции финских руководителей.

Даже в условиях крайне тяжелого военно-политического положения Финляндии ее руководители стремились укрепить

---

[1] *C. L. Lundin.* Finland in the Second World War, p. 216.

[2] *C. G. Mannerheim.* Erinnerungen. Zürich — Freiburg, 1952, S. 513—514.

свои антисоветские позиции, используя в этих целях и германо-финское сотрудничество, и контакты с западными странами. Антисоветские высказывания некоторых американских и английских деятелей оказывали несомненное влияние на позицию финского правительства. Так, накануне приезда Риббентропа в Хельсинки посол США в Анкаре Штейнгардт запугивал своего финского коллегу тем, что Советский Союз собирается якобы ликвидировать Финляндию [1].

1 августа 1944 г. президент Рюти ушел в отставку. На пост президента вступил Маннергейм, а через несколько дней было сформировано новое правительство во главе с Хакцелем, который долгое время был послом в Москве. Мировая печать комментировала смену руководства в Финляндии как предвестие выхода ее из войны, однако практические шаги в этом направлении финское правительство предприняло лишь под влиянием новых успехов советских войск на различных участках советско-германского фронта, выхода из войны Румынии и настойчивых требований финской общественности о немедленном прекращении войны.

25 августа 1944 г. финский посланник в Стокгольме Гриппенберг передал через советское посольство в Швеции просьбу министра иностранных дел Финляндии К. Энкеля о приеме в Москве финской правительственной делегации, «чтобы договориться о перемирии или заключении мира, или о том и другом, между Финляндией и Советским Союзом» [2].

В своем ответе от 29 августа Советское правительство заявило, что оно готово принять финскую делегацию лишь в случае принятия финнами предварительного условия, а именно: «Финское правительство должно публично заявить, что оно разрывает отношения с Германией, что оно предъявляет Германии требование о выводе Германией вооруженных сил из Финляндии в течение 2-х недель со дня принятия финским правительством настоящего предложения Советского Правительства и во всяком случае не позже 15 сентября с. г. и что если Германия не выведет своих вооруженных сил в указанный срок из Финляндии, то немецкие вооруженные силы будут разоружены и переданы союзникам в качестве военнопленных» [3].

«Ввиду изменения военно-политической обстановки для нашей страны и большого стремления нашего народа к миру,— вынужден был заявить в ночь на 3 сентября 1944 г. финский премьер-министр Хакцель,— правительство сочло своим дол-

[1] См. *В. Л. Исраэлян, Л. И. Кутаков.* Дипломатия агрессоров, стр. 354.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 177.

[3] Там же, стр. 177—178.

гом установить в возможно кратчайший срок контакт с Советским Союзом»[1]. В ночь на 4 сентября 1944 г. финское правительство заявило, что оно принимает выдвинутые Советским Союзом предварительные условия перемирия и прекращает военные действия.

Финские правители не смогли использовать заявление Рюти для получения из Германии необходимого оружия и других поставок. По свидетельству представителя германских вооруженных сил при верховном командовании финской армии генерала Эрфурта, пожелание финской главной ставки о перевооружении всей финской армии германским оружием летом 1944 г. было решительно отклонено германским командованием[2]. Выступая в парламенте 2 сентября, премьер-министр Хакцель вынужден был признать, что Германия оказалась не в состоянии предоставить финнам такую помощь, на которую они рассчитывали при подписании пакта с Риббентропом[3]. Таким образом, заявление Рюти, так же как и отказ финского правительства принять советские условия весной 1944 г., лишь затянуло выход Финляндии из войны и осложнило ее позицию в ходе переговоров о перемирии осенью 1944 г.

2 сентября 1944 г. финское правительство официально информировало своего германского союзника о принятом решении прекратить войну против Советского Союза. Министр иностранных дел Энкель пригласил к себе германского посланника Блюхера и зачитал ему соответствующее заявление. Маннергейм направил пространное послание Гитлеру, в котором извещал «фюрера» о решении Финляндии прекратить участие в войне.

Маннергейм и его единомышленники действительно стремились осуществить разрыв союзнических отношений с гитлеровской Германией в самой дружелюбной форме. Прощание Маннергейма с Эрфуртом носило прямо-таки трогательный характер, не говоря уже о готовности финских властей способствовать быстрейшей и безболезненной эвакуации германских войск с финской территории.

Позиция Гитлера и Риббентропа носила совершенно иной характер. 3 сентября 1944 г. германские представители в Финляндии получили указание из Берлина прекратить всякие деловые и личные контакты с финнами, которые отныне рассматривались как предатели. Даже по признанию самих германских представителей в Хельсинки, такое распоряжение было по меньшей мере неразумным, так как значительно затрудняло эвакуацию немцев из Финляндии. Однако позиция Гитлера

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 345.

[2] *W. Erfurth.* Der Finnische Krieg, S. 265.

[3] *C. L. Lundin.* Finland in the Second World War, p. 225.

станет понятней, если учесть, что еще задолго до описываемых событий германский генеральный штаб разработал план оккупации важнейших стратегических районов Финляндии (операции «Танне-Вест», «Танне-Ост», «Бирке»). Эти операции гитлеровцам так и не удалось осуществить из-за продолжавшегося ухудшения общего военно-стратегического положения Германии.

В течение 14—19 сентября в Москве проходили переговоры между представителями СССР и Англии, действовавшими от имени всех Объединенных Наций, находившихся в состоянии войны с Финляндией, с одной стороны, и финской правительственной делегацией — с другой. Переговоры закончились 19 сентября 1944 г. подписанием соглашения о перемирии с Финляндией. От имени правительства СССР и Англии соглашение о перемирии подписал представитель союзного Главнокомандования генерал-полковник А. А. Жданов, от имени Финляндии — К. Энкель, генералы Р. Вальден, Э. Хейнрикс и О. Энкель. Соглашение о перемирии с Финляндией не предусматривало военной оккупации финской территории, так как это не вызывалось необходимостью ведения операций Красной Армией против гитлеровских войск на территории Финляндии. В преамбуле соглашения о перемирии с Финляндией указывалось, что последнее включает в себя ряд положений будущего мирного договора.

Согласно условиям перемирия, Финляндия обязывалась отвести свои войска за линию советско-финляндской границы 1940 г. и разоружить все оставшиеся после 15 сентября германские вооруженные силы, находившиеся на ее территории, с передачей их личного состава Советскому Главнокомандованию в качестве военнопленных. Советское правительство соглашалось оказать в этом помощь Финляндии. Восстанавливалось действие советско-финского мирного договора 12 марта 1940 г. Кроме того, Финляндия обязывалась вернуть Советскому Союзу область Петсамо (Печенга), добровольно уступленную Финляндии Советским государством по мирным договорам 1920 и 1940 гг. Советский Союз, в свою очередь, отказывался от своих прав на аренду полуострова Ханко, а Финляндия обязывалась предоставить Советскому Союзу на правах аренды территорию и водные пространства для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд.

Согласно статье 9, прерванное войной действие соглашения об Аландских островах, заключенного между СССР и Финляндией 11 октября 1940 г., полностью восстанавливалось.

Статьей 11 было предусмотрено возмещение Финляндией ущерба, нанесенного Советскому Союзу, в размере 300 млн. ам. долл. с погашением в течение шести лет товарами (лесные мате-

риалы, бумага, целлюлоза, морские и речные суда, различное машинное оборудование).

Остальные условия перемирия были аналогичны условиям перемирия с Румынией[1].

Таким образом, в 1944 г. окончательно распался фашистский блок. Гитлеровская Германия лишилась всех своих союзников в Европе. Прекратив войну против СССР и других стран антигитлеровской коалиции, Румыния, Болгария, Венгрия, а затем и Финляндия объявили Германии войну.

2. Советская дипломатия и освобождение Польши, Чехословакии, Югославии, Албании и северной Норвегии. Позиция Англии и США

Помощь СССР в освобождении Польши. Польский вопрос

В период летне-осенних операций 1944 г. Красная Армия в целях освобождения Восточной и Юго-Восточной Европы от фашистского господства вступила на территорию Польши, Чехословакии, Югославии. Вокруг проблем, касающихся судьбы освобождаемых от фашизма стран, развертывалась острая дипломатическая борьба внутри антигитлеровской коалиции. СССР поддерживал антифашистские, демократические силы освобождаемых стран, а США и Англия стремились вновь передать эти страны под власть эмигрантских правительств в Лондоне и внутренних реакционных сил.

В июле 1944 г. Красная Армия, в составе которой находилась сформированная в СССР 1-я Польская армия, начала освобождение Польши. На освобожденной территории, в городе Хелме, а затем (с 26 июля) в Люблине, начал действовать временный исполнительный орган власти — Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с Эдвардом Осубка-Моравским. 22 июля 1944 г. Польский комитет национального освобождения опубликовал «Манифест к польскому народу», в котором была изложена программа его действий. В Манифесте указывалось, что созданная борющимся народом Крайова Рада Народова является временным парламентом польского народа, единственным законным источником власти в Польше, а Польский комитет национального освобождения, созданный Крайовой Радой Народовой,— законной временной исполнительной властью, призванной руководить освободительной борьбой народа, завоевать независимость и восстановить польскую государственность. Манифест провозгласил, что до созыва Законодательного сейма и принятия новой конституции

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 215—220.

КРН и ПКНО в своей деятельности будут руководствоваться основными положениями мартовской конституции 1921 г. Фашистская конституция 1935 г. отвергалась. Эмигрантское правительство в Лондоне объявлялось самозванной, незаконной властью. Манифест призывал польский народ усилить участие в борьбе за разгром гитлеровской Германии, тесно сотрудничать с Красной Армией — армией-освободительницей и превратить братство по оружию Войска Польского с Красной Армией в «прочный союз и добрососедское сотрудничество после войны».

Польский комитет национального освобождения призывал народ Польши подниматься на борьбу за свободу Польши, за возвращение Польше исконно польских западных земель, «за широкий выход к морю, за польские пограничные столбы на Одере». В Манифесте говорилось, что вопрос о польско-советской границе должен быть урегулирован путем взаимного соглашения на основе принципа «польские земли — Польше, украинские, белорусские и литовские земли — Советской Украине, Советской Белоруссии и Советской Литве». Прочный союз с СССР и Чехословакией — непосредственными соседями Польши — провозглашался в Манифесте основным принципом польской внешней политики[1].

День 22 июля 1944 г. стал днем возрождения Польши. 25 июля — 1 августа 1944 г. ПКНО и Советское правительство обменялись письмами об установлении дипломатических отношений. 26 июля 1944 г. в связи с вступлением советских войск на территорию Польши Наркоминдел СССР опубликовал заявление об отношении Советского Союза к Польше, в котором, в частности, указывалось: «Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши». Советское правительство заявило, что «оно рассматривает военные действия Красной Армии на территории Польши, как действия на территории суверенного, дружественного, союзного государства»[2].

В тот же день между Советским правительством и Польским комитетом национального освобождения было подписано «Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Польской Администрацией после вступления советских войск на территорию Польши», в силу которого ПКНО полностью

[1] См. «Известия», 25 июля 1944 г.; «Очерки истории народной Польши». М., 1965, стр. 52—56.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 155.

брал на себя руководство всеми делами гражданского управления на освобождаемых территориях (кроме зоны непосредственных военных операций)[1].

Кроме того, 27 июля 1944 г. было заключено советско-польское соглашение о границе. В основу ее легла линия Керзона с исправлением в пользу Польши. К Польше отходили город Белосток с областью и часть Беловежской пущи. В состав Польши были включены южная часть Восточной Пруссии и город Данциг (Гданьск) с прилегающей к нему областью. СССР принял на себя обязательство «при определении государственной границы между Польшей и Германией поддерживать требование об установлении границы» по рекам Одеру и Нейсе с включением города Штеттина (Щецина) в состав Польши[2].

По мере приближения советских войск к государственной границе Советского Союза с Польшей внутри антигитлеровской коалиции развернулась острая дипломатическая борьба по польскому вопросу.

В начале 1944 г. для правительств Англии и США не было уже сомнений в том, что территорию Польши могут освободить только советские войска. Как признавал премьер-министр Черчилль, «освобождение Польши от германского ига осуществляется главным образом ценой огромных жертв со стороны русских армий»[3]. Поэтому руководители Англии и США не могли не считаться с мнением Советского правительства по польскому вопросу и были вынуждены вести с ним переговоры. В частности, в январе — марте 1944 г. правительства Англии и США выступили посредником в отношениях между СССР и польским эмигрантским правительством по просьбе последнего. Это посредничество имело целью склонить Советское правительство к восстановлению отношений с польским эмигрантским правительством. Выглядело оно следующим образом: Черчилль и Иден вели в Лондоне переговоры с представителями польского эмигрантского правительства и об их результатах информировали правительства СССР и США. Со своей стороны Советское правительство в посланиях английскому и американскому правительствам излагало свою точку зрения по польскому вопросу.

В самом начале этих переговоров (в послании И. В. Сталина У. Черчиллю от 4 февраля 1944 г.) советская сторона заявила, что в первую очередь должна быть внесена полная ясность в вопросы о советско-польской границе и о составе польского

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 157—159.

[2] См. «Советский Союз — Народная Польша. 1944—1974. Документы и материалы». М., 1974, стр. 19—20.

[3] «Переписка...», т. I, стр. 193.

правительства. Советское правительство предложило, чтобы польское правительство официально заявило в своей декларации, что «линия границы, установленная Рижским договором, подлежит изменению и что линия Керзона является линией новой границы между СССР и Польшей».

Советское правительство заявило, что с польским эмигрантским правительством оно не может восстановить отношения. «И в самом деле,— писал И. В. Сталин У. Черчиллю 4 февраля 1944 г.— Какой может быть смысл в восстановлении отношений с правительством, когда нет никакой уверенности, что завтра мы опять не будем вынуждены прервать эти отношения из-за какой-либо очередной фашистской провокации с его стороны...» Выход из создавшегося положения Советское правительство видело в коренном улучшении состава польского правительства, т. е. в исключении из него профашистских империалистических элементов и включении в него людей демократического образа мыслей, что создало бы «надлежащие условия для установления хороших советско-польских отношений, решения вопроса о советско-польской границе и вообще для возрождения Польши как сильного, свободного и независимого государства»[1].

Польское эмигрантское правительство отказалось сделать официальное заявление о своем согласии с линией Керзона в качестве советско-польской границы. Более того, как явствовало из послания Черчилля, полученного 27 февраля, оно претендовало на то, чтобы «районы, которые будут переданы в ведение польской гражданской администрации, включали бы такие пункты, как Вильно и Львов...»[2]. Резко отрицательную позицию оно заняло и в отношении изменения состава польского правительства в сторону его демократизации[3].

Ознакомившись с позицией польского эмигрантского правительства, Советское правительство сообщило Черчиллю и Рузвельту, что оно еще раз пришло к выводу, что такие люди не способны установить нормальные отношения с Советским Союзом[4]. «Приходится констатировать,— писал И. В. Сталин Ф. Рузвельту 3 марта,— что решение вопроса о польско-советских отношениях еще не назрело»[5].

Поведение польского эмигрантского правительства, не желавшего считаться с реальным положением вещей, объяснялось прежде всего тем, что за его спиной стояли западные державы, и в первую очередь Англия. Вместо того чтобы подействовать

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 196—198.
[2] Там же, стр. 203.
[3] См. там же, стр. 204.
[4] См. «Переписка...», т. I, стр. 208; т. II, стр. 127.
[5] «Переписка...», т. II, стр. 127.

отрезвляюще на польских деятелей в Лондоне, Черчилль в ходе переговоров с ними сам отошел от своей позиции, в частности в вопросе о линии Керзона, которую он занимал в Тегеране. Теперь он склонялся к тому, чтобы вопрос о советско-польской границе отложить до созыва конференции о перемирии или мирной конференции, и подчеркивал, что «такое предложение будет равным образом поддержано Соединенными Штатами»[1].

Английское правительство предприняло еще одну попытку оказать давление на Советское правительство, с тем чтобы последнее изменило свою позицию по польскому вопросу. 19 марта 1944 г. английский посол в СССР А. К. Керр посетил народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова и сделал от имени У. Черчилля для передачи И. В. Сталину заявление, в котором, в частности, настаивал, чтобы Советское правительство пришло к соглашению с польским эмигрантским правительством на основе предложения Черчилля — отложить решение вопроса о советско-польской границе до созыва конференции о перемирии. Керр отметил также, что английское правительство будет продолжать признавать польское эмигрантское правительство в Лондоне и не признает никакого другого польского правительства, которое могло бы быть создано. Разногласия по польскому вопросу, заявил он, могут создать затруднения в отношениях между СССР и западными союзниками и «бросить тень» на осуществление крупных военных операций, согласованных в Тегеране.

В таком же угрожающем тоне было составлено и последующее послание У. Черчилля И. В. Сталину от 21 марта. Черчилль писал: «В весьма скором времени мне придется сделать заявление в Палате общин по польскому вопросу. Это приведет к тому, что я должен буду сказать, что попытки достигнуть договоренности между Советским и Польским Правительствами потерпели неудачу; что мы продолжаем признавать Польское Правительство, с которым мы были в постоянных отношениях с момента вторжения в Польшу в 1939 году; что мы теперь считаем, что все вопросы о территориальных изменениях должны быть отложены до перемирия или до мирной конференции держав-победительниц и что тем временем мы не можем признавать никаких передач территории, произведенных силой»[2].

Советское правительство дало достойный отпор подобного рода угрозам. В послании от 23 марта И. В. Сталин напомнил У. Черчиллю, что тот в Тегеране согласился с правомерностью линии Керзона. «Не значит ли это, что Вы не признаете больше того, о чем мы договорились в Тегеране,— писал глава

[1] «Переписка...», т. I, стр. 209.
[2] Там же, стр. 213.

Советского правительства,— и тем самым нарушаете тегеранское соглашение? Я не сомневаюсь, что если бы Вы продолжали твердо стоять по-прежнему на Вашей тегеранской позиции, конфликт с польским эмигрантским правительством был бы уже разрешен»[1].

В ответ на заявление У. Черчилля, что вопрос о советско-польской границе придется отложить до созыва конференции о перемирии, И. В. Сталин писал: «Я думаю, что мы имеем здесь дело с каким-то недоразумением. Советский Союз не воюет и не намерен воевать с Польшей. Советский Союз не имеет никакого конфликта с польским народом и считает себя союзником Польши и польского народа. Именно поэтому Советский Союз проливает кровь ради освобождения Польши от немецкого гнета. Поэтому было бы странно говорить о перемирии между СССР и Польшей. Но у Советского Правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое не отражает интересов польского народа и не выражает его чаяний. Было бы еще более странно отождествлять с Польшей оторванное от Польши эмигрантское польское правительство в Лондоне»[2].

В связи с сообщением английского премьер-министра о намерении выступить в палате общин И. В. Сталин отмечал: «Конечно, Вы вольны сделать любое выступление в Палате общин — это Ваше дело. Но если Вы сделаете такое выступление, я буду считать, что Вы совершили акт несправедливости и недружелюбия в отношении Советского Союза». «...Метод угроз и дискредитации,— заключил глава Советского правительства,— если он будет продолжаться и впредь, не будет благоприятствовать нашему сотрудничеству»[3].

Переговоры по польскому вопросу в январе — марте 1944 г. не дали положительных результатов. Вызывающая позиция эмигрантского правительства по главным вопросам советско-польских отношений свидетельствовала о том, что это правительство не было способно установить нормальные отношения с СССР. Эту задачу смогли выполнить, как показали дальнейшие события, лишь демократические силы Польши.

После вступления советских войск на территорию Польши Советское правительство информировало об этом своих союзников по антигитлеровской коалиции. Сообщая о продвижении советских войск и освобождении Люблина, глава Советского правительства писал в послании Черчиллю от 23 июля 1944 г.: «В этой обстановке перед нами встал практически вопрос об

---

[1] «Переписка...». т. I, стр. 214.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 215.

администрации на польской территории. Мы не хотим и не будем создавать своей администрации на территории Польши, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны сделать сами поляки. Мы сочли поэтому нужным установить контакт с Польским Комитетом Национального Освобождения... Польский Комитет Национального Освобождения намерен взяться за создание администрации на польской территории, и это будет, я надеюсь, осуществлено. В Польше мы не нашли каких-либо других сил, которые могли бы создать польскую администрацию. Так называемые подпольные организации, руководимые Польским Правительством в Лондоне, оказались эфемерными, лишенными влияния. Польский Комитет я не могу считать правительством Польши, но возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного польского правительства из демократических сил»[1].

В новой обстановке западные державы, которые продолжали поддерживать польское эмигрантское правительство, предприняли еще одну попытку оказать нажим на Советское правительство в польском вопросе. На этот раз в Москву для переговоров поехал премьер-министр польского эмигрантского правительства С. Миколайчик.

В послании, направленном 27 июля И. В. Сталину в связи с предстоящим визитом Миколайчика, У. Черчилль выражал опасения, что западные державы окажутся в таком положении, когда они будут признавать один орган поляков, а Советский Союз — другой. Черчилль несколько отошел от своей прежней позиции и утверждал, что «поляки, которые настроены дружественно в отношении России, должны объединиться с теми поляками, которые настроены дружественно в отношении Британии и Соединенных Штатов, чтобы создать сильную, свободную, независимую Польшу, хорошего соседа России и важный барьер между Вашей страной и возможной германской агрессией в будущем»[2].

В ответном послании от 28 июля И. В. Сталин еще раз подчеркнул, что Советское правительство приветствует «созданный на территории Польши Национальный Комитет из демократических сил...». «...Созданием этого Комитета,— писал он,— положено хорошее начало для объединения поляков, дружественно настроенных в отношении Великобритании, СССР и Соединенных Штатов, и для преодоления противодействия со стороны тех польских элементов, которые не способны на объединение с демократическими силами»[3]. Советскому пра-

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 244—245.
[2] Там же, стр. 248.
[3] Там же, стр. 249.

вительству, указывал И. В. Сталин, понятна важность польского вопроса для общего дела союзников, и именно поэтому оно готово «оказать содействие всем полякам и посредничать в достижении соглашения между ними»[1].

По прибытии в Москву С. Миколайчик был принят 31 июля В. М. Молотовым, а 3 августа — И. В. Сталиным.

6 и 7 августа в Москве состоялись встречи представителей польского эмигрантского правительства С. Миколайчика, С. Грабского и Т. Ромера с председателем Крайовой Рады Народовой Б. Берутом и членами ПКНО Э. Осубка-Моравским, А. Витосом, М. Жимерским и В. Василевской. Основным разногласием, которое не позволило успешно завершить переговоры, был вопрос о польской конституции. Представители ПКНО считали, что до избрания сейма и принятия новой конституции в Польше должно быть восстановлено действие конституции 1921 г. Представители польского эмигрантского правительства выступали за сохранение навязанной силой польскому народу антидемократической конституции 1935 г. Во время этих встреч представители ПКНО внесли также конкретные предложения об объединении Комитета с демократическими представителями польской эмиграции в Лондоне. В частности, они предложили группе Миколайчика четыре портфеля в новом правительстве (из восемнадцати), в том числе пост премьер-министра для самого Миколайчика при условии, что он полностью признает программу ПКНО, изложенную в Июльском манифесте. Последний заявил, что не может принять решение по этим вопросам без согласования со своими коллегами в Лондоне[2].

Сообщая У. Черчиллю в послании от 8 августа о переговорах в Москве между представителями ПКНО и польского эмигрантского правительства, И. В. Сталин указывал, что «эти встречи еще не привели к желательным результатам. Но они все же имели положительное значение, так как позволили как Миколайчику, так и Моравскому и Беруту, только что прибывшему из Варшавы, широко информировать друг друга о своих взглядах и особенно о том, что как Польский Национальный Комитет, так и Миколайчик выражают желание совместно работать и искать в этом направлении практических возможностей»[3].

В то время как Миколайчик находился в Москве, польская реакция предприняла бессмысленную авантюру, стоившую жизни около четверти миллиона поляков. Отрядам Армии

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 249.
[2] См. там же, стр. 253—254.
[3] Там же, стр. 254.

Крайовой (подпольным войскам польского эмигрантского правительства) было дано указание поднять в Варшаве восстание. Цель организаторов восстания состояла в том, чтобы до вступления советских войск в Варшаву провозгласить там власть эмигрантского правительства. Преследуя корыстные политические цели, польские лондонские круги не сделали никаких попыток заранее уведомить Советское правительство и советское военное командование о своих планах.

Варшавское восстание было слабо подготовлено; повстанцы были плохо вооружены и с первых же дней оказались в очень тяжелом положении. «Краевая Армия поляков,— писал И. В. Сталин У. Черчиллю 5 августа,— состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили четыре танковые дивизии...»[1]

Восстание было несвоевременным: оно могло быть успешным только при условии наступления Красной Армии на Варшаву. Однако к этому времени в продвижении советских войск наступила пауза. Пройдя свыше 500 *км*, советские войска нуждались в подтягивании тылов, перегруппировке, в подготовке к дальнейшему наступлению.

Советское правительство справедливо указало, что ответственность за эту авантюру несет польское эмигрантское правительство в Лондоне. И. В. Сталин писал У. Черчиллю и Ф. Рузвельту 22 августа: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию»[2].

Варшавское восстание явилось одной из самых трагических страниц истории Польши. Вопреки авантюристическим замыслам реакционеров восстание приняло всенародный, антигитлеровский характер. Варшавяне были уверены: минута свободы близка. И не предполагали, что главари польской реакции вели лишь политическую игру. Еще раз подтвердилась марксистско-ленинская истина: буржуазия ради своих классовых интересов пойдет на любые преступления[3].

Советское командование сделало все возможное, чтобы помочь восставшим варшавянам. За время варшавского восстания советские самолеты совершили 2243 вылета и сбросили повстанцам 156 минометов, 505 противотанковых ружей,

[1] «Переписка...», т. 1, стр. 252—253.

[2] Там же, стр. 258.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. I. М., 1970, стр. 601.

2667 автоматов и винтовок, 41 780 гранат, 3 млн. патронов, 113 *т* продовольствия и 500 *кг* медикаментов[1].

14 сентября 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта овладели предместьем польской столицы — Прагой. Однако предпринятое в ночь на 16 сентября форсирование Вислы с целью захвата плацдармов и ведения совместных действий с повстанцами закончилось неудачей.

2 октября после 63-дневной борьбы повстанцы прекратили сопротивление. Советские войска под прикрытием артиллерии помогли многим варшавянам переправиться на другой берег Вислы, где им была оказана необходимая помощь.

31 декабря 1944 г. ПКНО был преобразован во Временное правительство Польской Республики, которое 4 января 1945 г. было признано Советским правительством. Послом Советского Союза при Временном правительстве Польши был назначен В. З. Лебедев. Признание де-юре Временного правительства Польской Республики укрепило международное положение народно-демократической Польши.

Начало освобождения Чехословакии. Словацкое восстание

Успешное наступление Красной Армии в 1944 г. на центральном направлении создавало предпосылки для скорого освобождения Чехословакии.

В связи с приближением советских войск к чехословацкой границе возникла необходимость разрешить некоторые проблемы военно-политического и дипломатического характера между Советским правительством и представителями Чехословакии. В частности, были выработаны принципы взаимоотношений между советским командованием и чехословацкой администрацией на освобожденной территории, которые были закреплены в «Соглашении об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой Администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии», подписанном 8 мая 1944 г. в Лондоне[2]. Соглашением было установлено, что после вступления в результате военных действий советских (союзнических) войск на территорию Чехословакии верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, должны были находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, в руках Главнокомандующего советскими (союзническими) войсками. Как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет являться зоной непосредственных военных операций, чехословацкое правительство полностью берет в свои руки власть

[1] См. «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 390.

[2] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 160—162.

управления общественными делами и будет оказывать советскому (союзному) Главнокомандующему через свои гражданские и военные органы всестороннее содействие и помощь.

Соглашение от 8 мая 1944 г. было основано на принципах равенства, взаимопомощи и невмешательства во внутренние дела другого государства. Оно фактически явилось первым международным актом о взаимоотношениях советских войск и командования с местными органами власти на освобожденной территории дружественного государства[1]. Советская сторона неукоснительно соблюдала все пункты соглашения.

В то время в Чехословакии под руководством компартии развертывалось широкое национально-освободительное движение. В Словакии партизанская борьба переросла в конце августа в национальное восстание с центром в городе Банска-Бистрица. План восстания был разработан Словацким национальным советом (СНС), созданным во второй половине 1943 г. усилиями Компартии Словакии при участии представителей некоторых буржуазных групп Сопротивления, подчинявшихся эмигрантскому правительству. План восстания был одобрен Заграничным бюро Компартии Чехословакии. Вооруженное восстание в Словакии должно было начаться тогда, когда Красная Армия вступит в Словакию или когда гитлеровцы решатся предпринять открытую оккупацию Словакии[2].

Восстание началось 29 августа, в день вступления немецко-фашистских частей в Словакию, введенных туда по призыву марионеточного словацкого президента Тисо для расправы с партизанами.

30 августа восстание уже охватило всю центральную Словакию. В рядах повстанцев вместе со словаками и чехами сражались советские люди, представители других народов. С 1 сентября 1944 г. Словацкий национальный совет взял на себя верховную власть в освобожденной Словакии.

Словацкий национальный совет принял ряд декретов по коренным экономическим и социальным проблемам. Большую роль в СНС играли его сопредседатель Карол Шмидке и уполномоченный по внутренним делам Густав Гусак.

Еще при разработке плана вооруженного восстания СНС на заседании 29 июня 1944 г. принял решение установить связь с советским командованием и координировать свои действия с действиями Красной Армии. С этой целью К. Шмидке и подполковник М. Ферьенчик в начале августа побывали в Москве и имели беседы с представителем Генерального штаба Красной Армии генерал-майором Н. В. Славиным[3]. 31 августа 1944 г.

[1] См. *А. А. Гречко.* Через Карпаты. М., 1972, стр. 66.
[2] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 185.
[3] См. *А. А. Гречко.* Через Карпаты, стр. 60.

группа словацких офицеров во главе с заместителем командира Восточнословацкого корпуса полковником В. Тальским, ничего не сообщив штабу корпуса, неожиданно прилетела в штаб 1-го Украинского фронта и сообщила командующему фронтом Маршалу Советского Союза И. С. Коневу о начавшемся восстании. Командующий 1-м Украинским фронтом направил 2 сентября 1944 г. письменное донесение в Ставку, в котором предложил провести операцию для соединения со словацкими повстанцами и оказания помощи восстанию [1].

В то же время находившееся в Лондоне эмигрантское чехословацкое правительство Бенеша хотело использовать сложившуюся обстановку в своих интересах. Оно заявило, что руководит борьбой в Словакии, и объявило словацкие партизанские отряды и словацкие военные части, сражавшиеся против немцев, частью чехословацкой армии.

31 августа посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер и начальник чехословацкой военной миссии в СССР генерал Г. Пика обратились через НКИД СССР к Советскому правительству с просьбой, чтобы словацкому народу была оказана помощь в рамках оперативных возможностей Красной Армии. В частности, они «просили оказать помощь авиацией и сбрасыванием вооружения в определенных районах, которые захвачены партизанами, а также переброской 2-й чехословацкой бригады, которая была подготовлена как парашютно-десантная бригада». Пика добавил, что чехословацкое правительство ведет одновременно переговоры с союзниками в Лондоне о помощи с их стороны [2].

4 сентября З. Фирлингер направил письмо народному комиссару иностранных дел СССР, в котором подтверждалось, что Словацкий национальный совет поддерживает связь с президентом Бенешем и чехословацким правительством и признает его верховное руководство. В письме была снова выражена просьба к Советскому правительству оказать «любую скорейшую моральную и материальную помощь, какую только Советское правительство могло бы оказать чехословацким войскам, сражающимся против нацистов на чехословацкой территории». Одновременно в письме содержалось обращение к правительству СССР сделать соответствующее заявление, в котором бы признавалось, что чехословацкие военные части, сражающиеся на территории Чехословакии, должны «пользоваться всеми правами войска воюющей страны и что всякое нарушение этих прав будет преследоваться и караться» [3].

---

[1] См. *А. А. Гречко.* Через Карпаты, стр. 67—68.
[2] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 181—182.
[3] См. там же, стр. 190—193.

Такое заявление мотивировалось необходимостью спасти жизнь многих патриотов Словакии перед лицом угрозы со стороны нацистов учинить жестокую расправу со словацким населением, принимающим участие в борьбе против оккупантов.

Руководство Компартии Чехословакии, как об этом сообщалось в записке К. Готвальда «К событиям в Словакии», переданной 2 сентября 1944 г. в Наркоминдел СССР, считало заявление лондонского правительства о том, что оно руководит борьбой в Словакии, «бахвальством»[1]. В той же записке К. Готвальд писал, что «в Словакии развертывается мощная вооруженная *народная война* против вторгшихся немецких войск, в которой участвуют кроме партизан значительная часть словацкой армии и широкие слои населения». И далее К. Готвальд указывал: «Политическая платформа Словацкого национального совета: демократическая Чехословацкая Республика на основе равноправия словацкого и чешского народов (возможно, на основе федеративных отношений); прочная дружба с Советским Союзом»[2].

По просьбе ЦК КПЧ и в соответствии с союзным договором между СССР и Чехословакией Советское правительство приняло решение оказать немедленную помощь восставшим в Словакии как вооружением, так и военными действиями Красной Армии. 2 сентября Ставка приказала 1-му и 4-му Украинским фронтам начать наступление не позднее 8 сентября 1944 г. Одновременно было дано указание 2-му Украинскому фронту нанести удар по противнику с целью содействовать войскам 4-го Украинского фронта в преодолении Карпат[3].

2 сентября решение Советского правительства относительно оказания помощи восставшим в Словакии было сообщено и чехословацким представителям в Москве[4]. Позже с советской стороны был дан официальный ответ на вопросы, поставленные в письме посла Чехословакии в СССР от 4 сентября. Советское правительство, говорилось в ответе НКИД СССР на это письмо, считая развернувшуюся борьбу словацкого народа против гитлеровских захватчиков ценным вкладом в освободительную войну союзников против общего врага, приняло необходимые меры по оказанию помощи словацким партизанам и присоединившимся к ним словацким солдатам и офицерам. При этом оно, «разумеется, признает за объединенными силами сопротивления на чехословацкой территории права войска воюющей страны со всеми вытекающими из этого последствиями»[5].

---

[1] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 186.
[2] Там же, стр. 184—185.
[3] См. *А. А. Гречко.* Через Карпаты, стр. 69—70.
[4] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 187, 189.
[5] Там же, стр. 201.

8 сентября 1944 г. советские войска, выполняя свой интернациональный долг, перешли в наступление, с тем чтобы помочь восставшим в Словакии. В составе советских войск действовал также 1-й Чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Людвика Свободы. В трудных условиях, без соответствующей подготовки, части Красной Армии и чехословацкий корпус вели ожесточенные бои с крупными силами противника, стянутыми сюда из Венгрии. В конце сентября началась переброска в Словакию сформированной и хорошо вооруженной в СССР чехословацкой парашютно-десантной бригады. В ночь на 6 октября советские и чехословацкие воинские части овладели Дуклинским перевалом и вступили на землю Чехословакии.

«Мы вступили на родину,— писал тогда Людвик Свобода в телеграмме командующему войсками 1-го Украинского фронта И. С. Коневу,— плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига»[1]. Говоря о значении совместного наступления советских и чехословацких войск через Дуклинский перевал, К. Готвальд говорил: «На Дукле родился лозунг, прочно вошедший в чувство и сознание чехословацкого народа: «С Советским Союзом на вечные времена! С Советским Союзом и никогда иначе»»[2].

Наступление советских войск позволило восставшим в течение двух месяцев удерживать повстанческие районы против превосходящих сил гитлеровцев. Только в конце октября партизаны отошли в горы для продолжения борьбы. Руководители СНС ушли в подполье. Как признавал чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер в телеграмме министру иностранных дел чехословацкого эмигрантского правительства Я. Масарику, Советский Союз сделал для Словакии все, что было в его силах. «Как на грех,— сообщал посол,— подвело командование обеих словацких дивизий в Восточной Словакии, которые должны были поддерживать наступление»[3]. От имени чехословацкого правительства З. Фирлингер выразил глубокую благодарность правительству Советского Союза «за все, что Главное командование Красной Армии столь быстрым и решительным образом и в соответствии с обстоятельствами могло предпринять для того, чтобы дать возможность освободившейся территории Словакии продержаться до прихода Красной Армии», и «оказало все возможное внимание этому уча-

---

[1] «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 202.
[2] *K. Gottwald.* 1949—1950. Praha, 1951, str. 137.
[3] «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 203.

стку, осуществляя на деле истинно братское чувство к нашему народу»[1].

Эмигрантское правительство в Лондоне, как это видно из телеграммы министра иностранных дел этого правительства послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру от 13 октября 1944 г., считало, однако, для себя нежелательным наступление советских войск через Карпаты с целью оказания помощи и соединения с восставшими словацкими патриотами[2]. В этом еще раз сказалась узкоклассовая двурушническая политика правительства Бенеша в отношении СССР и демократических сил Чехословакии.

Словацкое национальное восстание заняло выдающееся место в развитии национально-освободительной борьбы в Чехословакии. Идеи национально-освободительной борьбы Компартия Чехословакии развила затем в программу народно-демократической революции.

По мере освобождения чехословацкой территории Красной Армией там создавались национальные органы власти. В этих условиях эмигрантское правительство Бенеша выразило готовность к переезду на освобожденную чехословацкую территорию. Компартия Чехословакии со своей стороны считала своевременными переговоры о создании на родине первого правительства Чехословацкой Республики и выразила готовность принять в них участие. В телеграмме К. Готвальда Э. Бенешу от 2 февраля 1945 г. предлагалось, чтобы «президент со своими ближайшими сотрудниками, а также с лондонскими представителями заслуживающих внимания политических групп немедленно выехал в Москву», где «представители лондонской и московской групп сопротивления за рубежом наряду с ответственными представителями Словакии могли бы под председательством президента обсудить все программные вопросы и вопросы состава нового правительства». «Присутствие президента в Москве,— говорилось далее в телеграмме,— одновременно дало бы возможность обсудить с советскими властями актуальные чехословацко-советские вопросы, что мы считаем необходимым»[3]. 16 февраля 1945 г. посол Чехословакии в Москве сообщил Наркоминделу СССР, что Бенеш решил в ближайшее время выехать из Лондона на освобожденную территорию Чехословакии через Москву[4].

В марте 1945 г. Бенеш, приехавший в Москву, начал переговоры с представителями Компартии Чехословакии о созда-

---

[1] «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 209.
[2] См. там же, стр. 205.
[3] Там же, стр. 225.
[4] См. там же.

нии нового правительства и его программе. Боясь потерять свои позиции и на время скрывая корыстные планы чехословацкой буржуазии, Бенеш и его окружение были вынуждены согласиться на создание демократического правительства с участием коммунистов. 4 апреля 1945 г. было образовано правительство Национального фронта чехов и словаков во главе со Зденеком Фирлингером. Заместителем главы правительства стал Клемент Готвальд. Это правительство 5 апреля обнародовало в словацком городе Кошице программу, в которой нашла выражение линия Компартии Чехословакии на развитие народно-демократической революции в Чехословакии, на союз и дружбу с Советским Союзом.

Освобождение Югославии и Албании. Югославский вопрос

В середине сентября 1944 г. Красная Армия подошла к границам Югославии. Началась подготовка к освобождению народов Югославии от фашистской тирании. 21 сентября 1944 г. верховный главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) маршал Иосип Броз Тито прибыл в Москву. Здесь была достигнута договоренность о временном вступлении Красной Армии в Югославию, а также заключено соглашение о совместных операциях советских войск и НОАЮ[1]. 29 сентября 1944 г. было опубликовано сообщение ТАСС относительно этой договоренности между советским командованием и командованием НОАЮ. При этом также сообщалось, что советские войска по выполнении своих оперативных задач будут выведены из Югославии и на территории Югославии в районах расположения частей Красной Армии будет действовать гражданская администрация Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ)[2].

Советские войска оказали помощь НОАЮ в изгнании гитлеровских захватчиков. 20 октября войска Красной Армии вместе с НОАЮ и болгарскими частями освободили столицу Югославии город Белград. В тот же день маршал И. Тито направил послание Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР по поводу освобождения столицы Югославии, в котором было сказано: «Освобождение *Белграда* для наших народов имеет историческое значение, особенно потому, что страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны Великого Советского Союза с достойными сынами Югославии. Этим еще раз крепко за-

---

[1] См. «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник». М., 1972, стр. 277.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 236.

печатлено кровное братство народов Югославии с народами Советского Союза»[1]. После Белградской операции войска Красной Армии во взаимодействии с частями НОАЮ продолжали наступление в северо-западном направлении.

С продвижением частей НОАЮ и советских войск в Югославии немцы поспешно отступали на север. Лишь в конце ноября 1944 г. английское правительство обратилось к Советскому правительству с предложением «расширить границы» английских бомбардировок по объектам гитлеровцев в Югославии. 1 декабря, в оправдание допущенных ранее американской авиацией ошибок, в результате которых ею были подвергнуты бомбардировке советские части в районе Ниш—Алексинаца, Черчилль просил установить более точную разграничительную линию бомбардировок советских и союзных воздушных сил в Югославии[2]. Советское правительство подтвердило англичанам необходимость «обеспечить полную согласованность и эффективность наших действий против немцев в Югославии»[3]. Генеральный штаб Красной Армии дал согласие на установление границы бомбардировок по линии Сараево через Прилеп до южной границы Югославии и далее по южной границе Болгарии[4].

В то же время Советское правительство усилило помощь НОАЮ. Советское командование передало НОАЮ большое количество вооружения, боеприпасов и других материальных средств. В распоряжение командования НОАЮ была передана авиагруппа, несколько батальонов аэродромного обслуживания, а также сформированная и полностью укомплектованная в СССР югославская пехотная бригада[5].

К концу 1944 г. в Югославии окончательно укрепились на всей освобожденной территории революционные органы власти: Антифашистское вече народного освобождения (АВНОЮ) и Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), наделенный правами временного правительства.

Правительства США и Англии продолжали, однако, поддерживать югославского короля Петра II и его правительство, находившееся в Англии. Они добивались, чтобы после освобождения Югославии власть не перешла к демократическим силам. Советская сторона давала отпор притязаниям Англии и США, направленным на укрепление реакционных сил в Югославии, а вместе с тем и влияния английского и американского

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 359.

[2] См. «Переписка...», т. I, стр. 280.

[3] Там же, стр. 287.

[4] См. там же, стр. 287—288.

[5] См. «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии». М., 1960, стр. 49—59.

империализма. Наиболее острый разговор на эту тему произошел во время пребывания Черчилля в Москве в октябре 1944 г. Благодаря усилиям Советского правительства было подтверждено право народов Югославии самим определить форму правления после войны.

1 ноября 1944 г. между маршалом И. Тито и премьер-министром королевского правительства доктором И. Шубашичем было достигнуто соглашение о создании единого правительства на базе НКОЮ. Соглашение предусматривало, что вопрос о форме государственного устройства Югославии должен быть решен после войны свободным волеизъявлением народа. До этого король лишался права возвратиться в страну. Соглашение Тито — Шубашича было подтверждено в беседах заместителя председателя Национального комитета освобождения Югославии Э. Карделя и премьер-министра И. Шубашича с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым в Москве 20—23 ноября 1944 г. В советско-югославском коммюнике констатировалась необходимость образования объединенного югославского правительства [1]. 25 ноября 1944 г. Советское правительство заявило об одобрении им соглашения Тито — Шубашича. Король Петр II, не без поддержки англичан, саботировал соглашение и уволил Шубашича в отставку. Советское правительство в посланиях Черчиллю настойчиво требовало выполнения соглашения, которое отвечало интересам национально-освободительного движения Югославии. Вопрос был обсужден на Крымской конференции трех держав — СССР, Англии и США [2]. Несмотря на противодействие югославских эмигрантских кругов, соглашение было введено в действие в марте 1945 г. Так была обеспечена победа народных органов власти в Югославии.

В октябре 1944 г., после Белградской операции, началось массовое отступление гитлеровских войск из Албании. К 29 ноября 1944 г. Народно-освободительная армия Албании полностью завершила освобождение албанской территории.

Освобождение северной Норвегии

Вскоре после выхода Финляндии из фашистского блока развернулось успешное наступление Красной Армии в Заполярье. В середине октября 1944 г. советские войска вышли к норвежской границе, чтобы помочь народу Норвегии изгнать гитлеровских оккупантов.

Еще в феврале 1944 г. наркомом иностранных дел СССР через посла Норвегии в Москве довел до сведения норвежского правительства о желании Советского Союза оказать помощь в деле

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 311—312.

[2] См. главу семнадцатую, стр. 571—572.

освобождения Норвегии. В связи с этим возник вопрос о будущих отношениях между советскими войсками и норвежской гражданской администрацией. Советское правительство, идя навстречу пожеланиям норвежской стороны, приняло предложенный ею проект и 16 мая 1944 г. подписало соглашение о гражданской администрации. В тот же день Норвегия подписала два идентичных соглашения — с США и с Англией. Эти документы предусматривали получение норвежским правительством гражданской власти на освобожденной союзными войсками территории с того момента, как только это позволит военная обстановка. Основное значение этих соглашений состояло в том, что великие союзные державы обязывались уважать суверенитет и законное правительство Норвегии [1].

27 октября 1944 г. находящееся в Лондоне правительство Норвегии обратилось к правительству СССР с посланием, в котором, отмечая героизм Советских Вооруженных Сил, заявило: «В течение войны норвежское правительство неоднократно убеждалось в дружбе и симпатии Советского правительства к Норвегии. Население северных районов Норвегии будет приветствовать армии нашего советского союзника как освободителей. Норвежские вооруженные силы примут участие в боях, и вместе с ними народ и назначенные норвежским правительством гражданские власти приложат максимальные усилия в общей борьбе против германских угнетателей. Освобождение северной части Норвегии будет приветствоваться с радостью и энтузиазмом всем норвежским народом, и оно приведет к дальнейшему укреплению дружбы между нашими странами» [2].

В середине октября правительство Норвегии поставило перед советской стороной вопрос о возможности использования норвежских войск в борьбе с немцами на севере Норвегии и в северных районах Финляндии, а также о прибытии норвежской военной миссии в Советский Союз. Советское правительство удовлетворило все пожелания норвежцев.

С 7 по 12 ноября 1944 г. по приглашению Советского правительства в Москве находилась норвежская правительственная делегация во главе с министром иностранных дел Трюгве Ли. Переговоры касались вопросов, связанных с началом освобождения Норвегии советскими войсками.

К началу ноября Красная Армия освободила от немецких войск северо-восток Норвегии — Восточный Финмарк. Норвежский народ горячо приветствовал своих освободителей.

---

[1] См. *А. С. Кан.* Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967, стр. 336—337, 340.

[2] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. V, стр. 490.

В результате действий советских войск Германия лишилась важных военно-морских и авиационных баз. Норвежские патриоты получили возможность ускорить освобождение своей родины от немецко-фашистских захватчиков [1].

Приезд Черчилля в Москву в октябре 1944 г. и англо-советские переговоры

27 сентября 1944 г. У. Черчилль выразил И. В. Сталину желание приехать в Советский Союз для переговоров с Советским правительством или направить в Москву А. Идена [2]. Решение о поездке в Москву английский премьер-министр объяснял в послании Ф. Рузвельту необходимостью обсуждения с правительством СССР двух вопросов: «Во-первых, окончательно договориться о его вступлении в войну против Японии и, во-вторых, попытаться добиться полюбовного соглашения с Польшей» [3]. Но Черчилль не полностью изложил Рузвельту цель своей поездки в Москву, умолчав о том, что его очень беспокоило наступление советских войск летом и осенью 1944 г. и провал «балканской стратегии».

Черчилль спешил в Москву, чтобы обсудить с Советским правительством прежде всего проблемы Юго-Восточной и Восточной Европы и попытаться сохранить там хотя бы частично английское влияние. Рузвельт согласился с поездкой Черчилля в Москву. Решение английского премьер-министра немедленно отправиться в СССР было неожиданностью для Советского правительства. Тем не менее, следуя неизменно политике развития межсоюзнических отношений, оно выразило свое согласие на переговоры с английскими руководителями. «Я весьма приветствую Ваше желание приехать в Москву в октябре,— ответил И. В. Сталин У. Черчиллю 30 сентября 1944 г.— Нам следовало бы обсудить военные и другие вопросы, которые имеют большую важность» [4]. При этом Советское правительство полагало, что Черчилль «едет в Москву по уговору» с Рузвельтом [5].

Англо-советские переговоры в Москве начались 9 октября 1944 г. На первом же заседании, в соответствии с пожеланием Рузвельта, было решено, что американский посол в СССР А. Гарриман «будет присутствовать как наблюдатель на всех встречах, когда речь будет идти о важных делах», и что глава

---

[1] См. *А. М. Носков.* Норвегия во второй мировой войне. 1940—1945. М., 1973, стр. 236—239.

[2] См. «Переписка...», т. I, стр. 261.

[3] *Winston S. Churchill.* The Second World War, vol. VI. Triumph and Tragedy. London, 1954, p. 188.

[4] «Переписка...», т. I, стр. 262.

[5] См. «Переписка...», т. II, стр. 162.

американской военной миссии в Москве генерал-майор Д. Дин должен присутствовать, «когда будут обсуждаться военные вопросы» [1]. Во время московских переговоров состоялся обмен взглядами по таким вопросам, как «отношение к будущему Германии, польский вопрос, политика в отношении балканских государств, важные вопросы дальнейшей военной политики» [2].

При обсуждении германского вопроса Черчилль и Иден изложили план раздела Германии на три государства: Пруссию, зону международного контроля в составе Рурской, Вестфальской и Саарской областей и Австро-Баварское государство с включением в него южногерманских провинций [3]. Рассмотрение германского вопроса, однако, было отложено до конференции трех держав.

Большое внимание во время переговоров было уделено польскому вопросу. При этом по предложению Черчилля в Москву были приглашены и прибыли представители Польского комитета национального освобождения (Б. Берут и др.) и эмигрантского польского правительства (С. Миколайчик и др.).

Во время встречи глав советского и английского правительств с представителями ПКНО 13 октября 1944 г. последние высказали готовность договориться с представителями эмигрантского правительства об образовании польского правительства национального единства во главе с Миколайчиком, но при условии предоставления большинства мест в этом правительстве Польскому комитету национального освобождения. ПКНО настаивал также на восстановлении в Польше конституции 1921 г., провозгласившей элементарные демократические права, и на отмене фашистской конституции 1935 г.

16 октября 1944 г. состоялась встреча представителя ПКНО Б. Берута с С. Миколайчиком, однако она не привела к положительным результатам. Польское эмигрантское правительство и лично Миколайчик отвергли предложения ПКНО. Они отказывались от демократических преобразований в Польше и намеревались навязать Польше реакционную конституцию с восстановлением власти помещиков и капиталистов. Польское эмигрантское правительство отказывалось также признать так называемую линию Керзона и выдвинуло притязания на обширные области белорусских и украинских земель. Когда эти захватнические планы были отвергнуты, оно продолжало

---

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 162.

[2] Там же, стр. 163.

[3] АВП СССР. Запись беседы И. В. Сталина с У. Черчиллем и А. Иденом от 17 октября 1944 г.

требовать передачи под свою власть столицы Литвы Вильнюса и украинского города Львова.

Никакого соглашения по польскому вопросу в Москве не было достигнуто. В то время как ПКНО и Советское правительство шли на определенные уступки в польском вопросе, эмигрантское правительство и поддерживавшие его Черчилль и Иден заняли непримиримую позицию. Английский премьер-министр сделал даже шаг назад по вопросу о советско-польской границе. Если в начале переговоров он заявил, что его правительство стоит за советское предложение об установлении границы между СССР и Польшей по линии Керзона, то в конце переговоров он представил проект соглашения, где говорилось лишь, что польское правительство принимает линию Керзона в качестве демаркационной линии между СССР и Польшей [1]. Черчилль уверял, что это максимум того, чего удалось добиться от Миколайчика. В то же время Миколайчик заявил, что он «выезжает в Лондон, чтобы посоветоваться со своими коллегами» [2].

Польское эмигрантское правительство отказалось принять условия, предложенные на переговорах в Москве. 24 ноября 1944 г. Миколайчик ушел с поста премьер-министра эмигрантского правительства.

Во время переговоров в Москве был обсужден и балканский вопрос. Черчилль и Иден были в особенности недовольны поездкой Тито в Москву в сентябре 1944 г., когда было достигнуто соглашение о помощи Вооруженных Сил СССР в освобождении Югославии. Иден рекомендовал направить послания Тито и Шубашичу с предложением встретиться на территории Югославии для образования единого правительства. Правительство Англии поставило вопрос о согласовании политики в Югославии.

В итоге переговоров о положении в Югославии было принято решение о проведении совместной политики в Югославии «с целью концентрации всей энергии против отступающих немцев и с целью разрешения югославских внутренних трудностей путем объединения Королевского Югославского Правительства и Национального Освободительного движения». При этом подчеркивалось, что «право югославского народа самому решить вопрос о своем будущем государственном устройстве после войны, конечно, признается неотъемлемым» [3].

---

[1] АВП СССР. Предложение У. Черчилля по польскому вопросу от 13 октября 1944 г.

[2] АВП СССР. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с С. Миколайчиком 19 октября 1944 г.

[3] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 272.

Были рассмотрены и окончательно согласованы спорные вопросы соглашения о перемирии с Болгарией. При этом Черчилль и Иден настаивали на равном участии представителей СССР, США и Англии в создаваемой Союзной контрольной комиссии в Болгарии. Советское правительство не согласилось на это, сославшись на пример работы Контрольной комиссии в Италии, где руководство принадлежало представителю англо-американского командования. В результате СКК в Болгарии была образована по образцу СКК в Румынии, где ее председателем был советский представитель — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

В своих мемуарах Черчилль задним числом пытается доказать, что во время англо-советских переговоров в Москве в октябре 1944 г. проходил «раздел сфер влияния» между Англией и СССР в Балканских странах. Это утверждение не соответствует истине. Действительно, Черчилль выдвигал предложение о «разделе сфер влияния» между великими державами на Балканах. Но вымыслом является то, что Советское правительство согласилось с этим предложением Черчилля, которое имело бы своим следствием предоставление английскому и американскому правительствам права на вмешательство во внутренние дела освобожденных балканских народов. Во время переговоров Советское правительство выступило защитником всех Балканских стран от попыток империалистического вмешательства в их внутренние дела. В большинстве этих стран уже в 1944 г. установилась власть народной демократии.

Во время переговоров в Москве представители СССР, Англии и США на трехсторонних совещаниях сделали обзор военного положения на фронтах и выразили уверенность в успешном развитии будущих союзных операций на всех театрах войны. При этом обсуждался вопрос о сроках и условиях вступления Советского Союза в войну против Японии. Окончательное решение по дальневосточным делам предстояло принять на предстоящей встрече глав трех держав.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТКРЫТИЯ ВТОРОГО ФРОНТА В ЕВРОПЕ И ОПЕРАЦИЙ АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИХ ВОЙСК НА ДРУГИХ ТЕАТРАХ ВОЙНЫ В 1944 г.

1. Подготовка и осуществление операции «Оверлорд»

Победы Советских Вооруженных Сил показали всему миру, что война вступила в завершающий период. Уже после зимне-весенней кампании 1944 г. было очевидно, что Красная Армия, окончательно закрепив за собой стратегическую инициативу, в состоянии одна разгромить гитлеровскую Германию и освободить народы всей Европы от фашистского ига.

Успешное наступление советских войск оказало влияние на дальнейшее развитие событий не только в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, но и на территории Западной Европы, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками.

В движении Сопротивления сплачивались представители различных социальных групп и партий, люди разных политических убеждений и религиозных воззрений. Однако главной силой движения Сопротивления были рабочие и крестьяне. Ведущими организаторами и руководителями движения Сопротивления в западноевропейских странах являлись коммунистические партии. По их инициативе в 1943 г. и начале 1944 г. возникли подпольные руководящие центры, объединившие действия всех сил Сопротивления.

Исторические победы советских войск облегчили коммунистическим и рабочим партиям борьбу за дальнейшее расширение освободительного движения, за вовлечение в него новых слоев населения. Успехи советских армий способствовали росту авторитета коммунистов во всех странах. Рабочий класс и его авангард — коммунистические и рабочие партии возглавили общенародную борьбу, какой не знала еще история,— борьбу против фашизма, за национальную независимость и демократию. Коммунистические партии лучше, чем какие-либо другие партии, оказались подготовленными к тому, чтобы повести за собой широкие народные массы. Коммунисты показали, что они являются истинными выразителями интересов трудящихся, самыми последовательными защитниками коренных национальных интересов своих народов.

Цель движения Сопротивления состояла не только в изгна-

нии захватчиков и наказании предателей, но и в коренных преобразованиях в политическом и социальном устройстве своих стран. Участники освободительного движения боролись за установление подлинно демократического строя, так как видели в этом лучшую гарантию от возможной реставрации фашизма в будущем. Таким образом, движение Сопротивления не только носило национально-освободительный характер, но и представляло собой социальную, классовую борьбу.

В первой половине 1944 г. движение Сопротивления охватило всю Францию. Французские патриоты уничтожали немецко-фашистских оккупантов, устраивали крушения воинских составов, взрывали десятки мостов и электролиний. Оккупационные власти, стремясь подавить вооруженные выступления народа, неоднократно проводили карательные экспедиции. За время оккупации во Франции было расстреляно 75 тыс. коммунистов. Несмотря на террор, борьба росла. В марте 1944 г. были созданы единые «Французские внутренние силы» (ФФИ), которые объединили все вооруженные организации в стране (партизан, франтиреров и другие отряды). Руководящее положение в ФФИ заняли коммунисты. Французская коммунистическая партия в тяжелых условиях подполья вела подготовку к национальному восстанию.

Осенью 1943 г. активизировалась национально-освободительная борьба итальянского народа. В Северной и Центральной Италии стали создаваться партизанские группы и отряды, а затем партизанские бригады имени Гарибальди. Наряду с вооруженной борьбой участились массовые выступления трудящихся, усилился саботаж на заводах, росло забастовочное движение. По инициативе Итальянской коммунистической партии в начале июня 1944 г. было создано единое военное командование Корпуса добровольцев свободы, руководящую роль в котором играли представители левого крыла Комитета национального освобождения Северной Италии (КНОСИ) во главе с коммунистом Луиджи Лонго и руководителем Партии действия Ферруччо Парри. Летом — осенью 1944 г. национально-освободительное движение в Северной и Центральной Италии достигло большого размаха. Партизанами были освобождены отдельные районы Италии.

В Бельгии, Голландии и Дании в начале 1944 г. также развернулось широкое движение Сопротивления против гитлеровских оккупантов и их сообщников.

Успешное наступление Советских Вооруженных Сил, создавшее реальные перспективы скорой победы над агрессором, и рост движения Сопротивления в Европе побудили правительства Англии и США активизировать, во исполнение решений Тегеранской конференции, подготовку к открытию второго

фронта во Франции. Благодаря сокрушительным ударам Красной Армии по немецко-фашистским войскам для армий США и Англии создавались исключительно благоприятные условия вторжения на европейский континент.

Европейская стратегия США и Англии накануне открытия второго фронта в Северной Франции

После Тегеранской конференции Черчилль и Рузвельт встретились еще раз в Каире, где в течение нескольких дней (4—6 декабря 1943 г.) продолжали переговоры, в том числе и по вопросам европейской стратегии. На второй Каирской конференции операции «Оверлорд» и «Энвил» (вспомогательная операция по высадке в Южной Франции) были признаны основными операциями 1944 г. Ни в каком другом районе не должны были предприниматься никакие действия, которые могли бы помешать успеху этих двух операций [1]. На конференции Рузвельт и Черчилль приняли также решение о назначении американского генерала Дуайта Эйзенхауэра Верховным главнокомандующим союзными войсками, которым предстояло осуществить вторжение в Северную Францию.

После Каирской конференции английский премьер-министр со свойственным ему упорством предпринял еще одну попытку отсрочить операцию «Оверлорд».

В конце декабря 1943 г.— начале января 1944 г. руководство на средиземноморском театре военных действий полностью перешло в руки англичан [2]. Это позволило Черчиллю добиться решения о проведении в конце января 1944 г. морской десантной операции у Анцио с целью прорыва обороны гитлеровских войск и наступления в направлении Рима. 25 декабря 1943 г. Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой согласиться на задержку отправки в Англию 56 танко-десантных барж, предназначенных для «Оверлорда», чтобы использовать их в операциях в Италии [3]. «...Один вопрос занимал меня больше всего,— писал Черчилль в своих мемуарах,— какой ответ даст президент на мою телеграмму? Вспоминая упорное, косное, не принимавшее в расчет ни времени, ни масштабов сопротивление, на которое наталкивались все мои сре-

[1] См. *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, стр. 210.

[2] Вместо Д. Эйзенхауэра союзным Верховным командующим на средиземноморском театре военных действий был назначен английский генерал Генри Вильсон. Он стал подчиняться не Объединенному комитету начальников штабов, как его предшественник, а английскому комитету начальников штабов. Благодаря этим изменениям англичанам удалось установить свой непосредственный контроль на средиземноморском театре военных действий.

[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 436—437.

диземноморские проекты, я ждал ответа с глубокой тревогой. Я просил согласия на рискованное предприятие на итальянском побережье и возможную задержку операции по форсированию Ла-Манша на три недели, начиная с 1 мая, или на четыре, если учитывать фазу луны. Я добился согласия командующих на местах. Английские начальники штабов всегда соглашались на это в принципе, а сейчас были удовлетворены и в отношении деталей. Но что скажут американцы на предложение об отсрочке операции «Оверлорд» на четыре недели?»[1]

Рузвельт в своем ответе Черчиллю от 28 декабря 1943 г. согласился отложить отправку танко-десантных барж в Англию при условии, что «Оверлорд» остается «первоочередной операцией и будет проведен в срок, о котором была достигнута договоренность в Каире и Тегеране»[2]. В другом послании, от 14 января 1944 г., в ответ на новый нажим Черчилля, направленный на отсрочку операции «Оверлорд», американский президент писал: «Я думаю, что психологически было бы очень плохо поднимать этот вопрос сейчас, поскольку прошло лишь немногим более месяца с тех пор, как мы трое согласовали соответствующее заявление в Тегеране»[3].

Упорное стремление английского правительства сосредоточить внимание союзников на военных действиях в Италии, чтобы продолжить их в Восточном Средиземноморье, а затем в Юго-Восточной Европе, объяснялось прежде всего желанием помешать освобождению этого района советскими войсками и укрепить там свои позиции.

22 января 1944 г. началась высадка десанта в Анцио, однако она не принесла желаемых результатов. Союзным войскам не удалось прорвать оборону противника, и военные действия в Италии снова заглохли.

В англо-американских разногласиях по вопросам европейской стратегии появился в то время новый фактор. Не рискуя больше выступать открыто против «Оверлорда», английское правительство высказалось за отмену предполагавшейся одновременно с «Оверлордом» высадки в Южной Франции. Оно рассчитывало использовать войска, а также морские транспортные средства, предназначенные для операции «Энвил», в интересах наступления в Италии с дальнейшим перенесением военных действий на Балканы.

В феврале — марте 1944 г. между англичанами и американцами развернулись споры относительно того, чему отдать предпочтение — операции «Энвил» или итальянской кампании.

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 440.
[2] Ibid., p. 440—441.
[3] Ibid., p. 449.

4 февраля 1944 г. английские начальники штабов по согласованию с премьер-министром направили своим американским коллегам пространную телеграмму, в которой выражали сомнение в разумности осуществления операции «Энвил», как таковой, учитывая ход событий в Италии[1]. 21 февраля английский генерал Б. Монтгомери обратился к Д. Эйзенхауэру с предложением отказаться от операции «Энвил». «Пусть,— заявил он,— у нас будут две действительно большие кампании: одна в Италии, другая — на северо-западе Франции»[2]. Позднее Монтгомери писал в своих мемуарах, что он выступал против операции «Энвил» «по двум главным причинам. Во-первых, нам нужны были десантные суда для «Оверлорда», и, во-вторых, она ослабляла итальянский фронт в то самое время, когда достигнутый на нем успех давал хорошую возможность достичь Вены до прихода русских»[3].

Президент Рузвельт, обеспокоенный возможной реакцией Советского Союза на отмену согласованной в Тегеране операции в Южной Франции, дал указание Эйзенхауэру обратить внимание англичан на тот факт, что США и Англия имеют обязательства перед Советским Союзом и что нельзя отменять операцию «Энвил», не обсудив этого предварительно с русскими. В итоге Эйзенхауэр отказался принять предложение англичан[4].

В апреле 1944 г. было принято компромиссное решение, которое, не отменяя операции «Энвил», откладывало ее на неопределенный срок[5]. Попытки агличан отменить операцию «Энвил» продолжались вплоть до момента осуществления этой операции в августе 1944 г.

Весной 1944 г. союзники предприняли новое наступление в Италии. К этому времени они имели на итальянском фронте уже 28 дивизий. Им противостояли 22 немецко-фашистские дивизии. 18 мая был занят город Кассино, 4 июня союзники вступили в Рим. Однако для завершения итальянской кампании союзникам понадобился почти целый год.

Высадка союзников в Северной Франции

Второй фронт, создание которого в первые годы войны могло оказать эффективное воздействие на борьбу против общего врага, США и Англия открыли только тогда, когда война уже вступила в заключительную стадию и судьба гитлеровской Германии, по существу, была решена в результате историче-

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 512.

[2] *М. Мэтлофф.* От Касабланки до «Оверлорда», стр. 480—481.

[3] "The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein", p. 221.

[4] См. *М. Мэтлофф.* От Касабланки до «Оверлорда», стр. 481.

[5] См. там же, стр. 485.

ских побед Красной Армии. Вторжение произошло 6 июня 1944 г.

Весной 1944 г. на Британских островах были сосредоточены значительные силы. К моменту высадки американо-английских войск во Франции общее соотношение сил на европейском театре военных действий было в пользу союзников: по людям они превосходили противника в 2,1 раза, по танкам — в 2,1 раза и по боевым самолетам — почти в 23 раза [1]. Американо-английский флот безраздельно господствовал на Атлантическом океане, в Северном и Средиземном морях, а союзная авиация — в воздухе.

Тяжелые потери фашистской Германии в войне с Советским Союзом заставляли гитлеровское верховное командование снимать с Западного фронта наиболее боеспособные дивизии и перебрасывать их на советско-германский фронт. По свидетельству начальника оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-лейтенанта Циммермана, «Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику» [2].

К моменту открытия второго фронта во Франции Советское Главнокомандование готовило новое наступление своих вооруженных сил. После того как 10 апреля 1944 г. главы военных миссий США и Англии генералы Дин и Бэрроуз уведомили Генеральный штаб Красной Армии о том, что операция по форсированию Ла-Манша произойдет 31 мая 1944 г. при возможном отклонении на два или три дня [3], И. В. Сталин 22 апреля сообщил У. Черчиллю и Ф. Рузвельту, что, согласно договоренности в Тегеране, «Красная Армия предпримет к тому же сроку свое новое наступление, чтобы оказать максимальную поддержку англо-американским операциям» [4].

Германское верховное командование было введено в заблуждение относительно района вторжения. Наиболее вероятным местом вторжения оно считало район Па-де-Кале, допускалась также возможность высадки у устья Сены и в районе Антверпена. Возможность вторжения в Нормандию считалась спорной [5]. Поэтому фашистское командование сосредоточило свои главные силы севернее реки Сены. В районе же наиболее опасного участка побережья Нормандии протяженностью свыше 40 км находились только три немецко-фашистские дивизии.

---

[1] См. *В. М. Кулиш.* История второго фронта. М., 1971, стр. 355.

[2] *З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит* и др. Роковые решения. М., 1958, стр. 219.

[3] См. «Переписка...», т. I, стр. 216, 397.

[4] Там же, стр. 217.

[5] См. *К. Типпельскирх.* История второй мировой войны, стр. 396.

5 июня 1944 г. в полевом штабе Эйзенхауэра после некоторых колебаний была назначена окончательная дата вторжения — 6 июня. К тому времени германское верховное командование было информировано метеослужбой, что 5 и 6 июня вторжение будет невозможно вследствие штормовой погоды, которая может продлиться несколько дней [1].

В ночь на 6 июня англо-американская авиация подвергла сильной бомбардировке оборонительные позиции врага. Первыми высадились три воздушнодесантные дивизии союзников. Утром 6 июня на пяти участках побережья началась высадка морских десантов. На некоторых участках сопротивление немцев было слабым.

В первые дни союзники достигли определенных успехов. К 12 июня захваченный ими плацдарм был расширен до 80 *км* по фронту и 17 *км* в глубину. Однако в дальнейшем наступление шло более медленными темпами, чем предусматривалось планом, и к концу июля союзные войска увеличили плацдарм лишь до 110 *км* по фронту и до 50 *км* в глубину.

Форсирование Ла-Манша и вторжение вооруженных сил союзников во Францию явилось, по оценке Советского правительства, крупнейшей операцией с точки зрения ее «масштабов, широкого замысла и мастерства выполнения» [2]. После высадки американо-английских войск на севере Франции положение гитлеровской Германии безусловно ухудшилось. Однако, хотя вооруженные силы союзников сковали немецко-фашистские войска, находившиеся в Западной Европе, и оттянули на себя часть сил вермахта, главным, решающим фронтом второй мировой войны по-прежнему оставался советско-германский фронт.

В соответствии с договоренностью на Тегеранской конференции советские войска почти одновременно с высадкой союзников в Северной Франции начали свои наступательные операции. В то время как союзники вели бои в Нормандии, Красная Армия разгромила врага на Карельском перешейке, у Петрозаводска и в Белоруссии, освободила часть Польши и подходила к границам Восточной Пруссии. Одновременно советские войска наступали в Прибалтике и в западных областях Украины.

По темпам и масштабам наступления Западный фронт, разумеется, не мог сравниться с советско-германским фронтом, где Советские Вооруженные Силы только в Белоруссии с 23 июня по конец июля продвинулись на 500—600 *км* [3].

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 630—631.

[2] «Переписка...», т. I, стр. 230.

[3] См. «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», стр. 432.

25 июля 1944 г. началось новое наступление англо-американских войск, которые к концу августа заняли всю территорию Северо-Западной Франции, за исключением отдельных портов в Бретани и островов в Ла-Манше, и вышли на рубеж реки Сены. 15 августа 1944 г. началась высадка союзных войск в Южной Франции.

Движение Сопротивления во Франции приняло в это время столь широкие масштабы, что вклад французских патриотов в дело освобождения своей родины вынужден был признать и генерал Д. Эйзенхауэр, который с момента вторжения выступал против вооруженной борьбы французского народа с немецкими оккупантами. После окончания войны он писал: «По всей Франции эти силы оказывали нам неоценимую услугу во время кампании. Особенно активны они были в Бретани, но и на других участках фронта мы получали помощь в самых различных видах. Без их великой помощи освобождение Франции и разгром неприятеля в Западной Европе потребовали бы больше времени и бóльших жертв»[1].

25 августа 1944 г. в результате восстания парижан была освобождена столица Франции. Военный комендант Парижа генерал фон Хольтиц был вынужден подписать соглашение о капитуляции с командующим ФФИ Парижского района полковником А. Роль-Танги (член ФКП) и генералом Ф. Леклерком[2]. В августе — сентябре патриоты освободили Тулузу, Бордо и Лион.

3 сентября апглийские войска вступили в столицу Бельгии Брюссель, также освобожденный патриотами. К середине сентября фронт проходил вдоль южной границы Голландии, западной границы Германии до Люксембурга, затем по территории Франции от города Мец к Жюссе и далее до Монбельяра. Попытка американских войск прорвать с ходу на отдельных участках «линию Зигфрида» не увенчалась успехом[3]. Таким образом, к концу 1944 г. англо-американские армии остановились у западной границы Германии. Гитлеровскому командованию удалось стабилизировать Западный фронт и подготовить контрнаступление в Арденнах.

---

[1] *D. Eisenhower.* Crusade in Europe, p. 296.

[2] См. *В. П. Смирнов.* Освобождение Парижа от гитлеровских оккупантов. — «Новая и новейшая история», 1974, № 6, стр. 125—126.

[3] См. «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», стр. 435.

2. Отношение западных союзников и СССР к Франции после ее освобождения

Отношение западных союзников и СССР к ФКНО

Вторжение во Францию имело не только военный аспект. С ним были связаны сложные политические и дипломатические отношения западных союзников с французами, достигшие накануне вторжения высшей степени напряжения.

Вторжение во Францию отличалось от вторжения в Италию. Кроме петэновской Франции, находившейся в подчинении гитлеровцев и действовавшей по их указке, существовала другая — Сражающаяся Франция, которая являлась союзником, а не враждебным государством. В июне 1943 г. в Алжире был создан под председательством генералов де Голля и Жиро Французский комитет национального освобождения (ФКНО), представлявший государственные интересы Франции. Этот орган, хотя и с оговорками, был в августе 1943 г. признан Англией и США [1]. Американское и английское правительства были вынуждены считаться с этим фактором.

Англия и США стремились ограничить роль французов в освобождении их страны и намеревались взять на себя решение вопроса о будущем политическом устройстве Франции. Для осуществления своих планов в отношении Франции они рассчитывали использовать ряд деятелей из ФКНО, открыто на них ориентирующихся. В частности, с американцами был связан генерал Жиро. Однако эти расчеты не осуществились.

В начале ноября 1943 г. в Алжире была созвана Временная консультативная ассамблея. В нее вошли депутаты от различных политических партий и делегаты, представлявшие организации движения Сопротивления внутри Франции и на территориях Французской империи. Во время заседаний ассамблеи генерал Жиро и его сторонники были выведены из состава комитета. Генерал де Голль стал единственным председателем ФКНО, причем состав комитета и его органов был изменен и целиком укомплектован его сторонниками.

Усиление власти де Голля вызвало серьезную тревогу у США и Англии. Даже Черчилль, ранее относившийся к генералу более благосклонно, чем американцы, теперь выражал опасения, что он «проявил себя несравненно более сильной личностью» [2]. «Я отнюдь не доволен изменениями во Французском комитете национального освобождения, единственным председателем которого остался де Голль,— писал Черчилль Рузвельту 10 ноября 1943 г.— Орган, который мы признали, был

---

[1] См. главу десятую, стр. 353—357.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 184.

совершенно иного характера, поскольку его отличительной чертой было совместное председательствование Жиро и де Голля. Я предлагаю занять абсолютно сдержанную позицию, пока мы не сможем совместно обсудить положение»[1]. А положение было таково, что к концу 1943 г. отношения Англии и США с ФКНО настолько ухудшились, что, по существу, превратились в острую дипломатическую борьбу между обеими сторонами. Характеризуя свои отношения с западными союзниками, де Голль писал, что «президент Соединенных Штатов и английский премьер-министр считают Францию своей вотчиной, где они могут распоряжаться как им угодно, а генералом де Голлем они недовольны главным образом из-за того, что он не хочет с этим мириться»[2].

Первое крупное разногласие во взаимоотношениях западных союзников с ФКНО произошло по вопросу об использовании французских войск в освобождении своей страны. Руководители ФКНО понимали, что авторитет возрождающейся в борьбе Франции и ее положение в послевоенном мире будут зависеть и от того вклада, который она внесет в общее дело борьбы с фашизмом. Поэтому комитет стремился к более активному участию французских войск в операциях по вторжению. Что касается самого генерала де Голля, который к тому времени установил широкие контакты с движением Сопротивления внутри Франции, то его «ни на мгновение не покидала мысль о возвращении во Францию, и не в обозе победителей, а рядом с ними, в качестве главы свободного, единственного и обладающего всей полнотой власти правительства»[3]. Со своей стороны английское и американское правительства были настроены против участия французских вооруженных сил в планируемой высадке на континент и не хотели привлекать ФКНО к подготовке открытия второго фронта.

1 декабря 1943 г. во время беседы с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР С. И. Кавтарадзе представитель ФКНО в СССР Р. Гарро рассказывал, что союзники не разрешают французским войскам, находящимся в Северной Африке, начать дело освобождения Франции, мотивируя это отсутствием необходимого для переброски на европейский материк морского транспорта. Гарро сообщил, что в Африке уже имеется вполне экипированная французская армия в 300 тыс. человек и 200 тыс. экипируются.

Для урегулирования военных вопросов в декабре 1943 г. французские военные представители встретились в Алжире

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 184.

[2] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. 2, стр. 252.

[3] *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, стр. 328.

с представителями англо-американского командования. На этом совещании англо-американские военные власти отклонили французский проект военного соглашения между правительствами США и Великобритании и ФКНО [1]. Они не хотели допустить равноправного участия французских войск в операциях вторжения. Лишь за день до высадки союзных войск во Франции де Голль был приглашен из Алжира в Лондон, где Черчилль информировал его о предстоящей операции.

В Нормандии была высажена только танковая дивизия генерала Леклерка, которая затем первой вошла в Париж. Американцы пропустили ее через свои войска, так как боялись парижского восстания. Когда вскоре после вторжения, 12 июня, советский посол в Англии Ф. Т. Гусев спросил у генерала де Голля, почему основные французские войска не участвуют в борьбе за освобождение Франции, глава ФКНО резко ответил, что «об этом надо спросить Рузвельта и Черчилля». «Наши лучшие войска,— сказал он,— посланы в Италию» [2].

И только в дальнейшем французским соединениям удалось принять более действенное участие в освобождении своей родины. Это произошло в августе 1944 г., когда они вместе с американской армией высадились в Южной Франции.

Отрицательно влиял на отношения между западными союзниками и ФКНО и вопрос о гражданской администрации на освобожденной территории Франции. Еще в конце 1943 г. правительства Англии и США разработали проекты установления во Франции, по существу, оккупационного режима. С этими проектами они выступили на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. в надежде получить одобрение со стороны Советского Союза. Однако советская делегация не согласилась с этими проектами.

Тем не менее 16 января 1944 г. правительство США направило Советскому правительству новый документ — проект заявления относительно Франции, которое предлагалось опубликовать от имени трех великих держав. В заявлении, как и в представленной на Московской конференции «Основной схеме управления освобожденной Францией», Французский комитет национального освобождения устранялся от формирования гражданской администрации на территории Франции. Этот документ также не получил одобрения Советского правительства.

---

[1] См. «Советско-французские отношения...», стр. 483—484.
[2] Там же, стр. 284.

Стремление западных союзников отстранить ФКНО от участия в гражданской администрации во Франции объяснялось тем обстоятельством, что он «не разделял в такой степени их взгляды, чтобы ему можно было предоставить власть»[1].

Французский комитет национального освобождения не мог мириться с таким положением. 14 марта 1944 г. он издал указ об организации гражданской и военной власти на территории Франции в период ее освобождения[2]. Этот указ, с одной стороны, был направлен против англо-американских планов, но с другой — против демократических сил движения Сопротивления. США и Англия пошли на некоторые уступки. 15 марта 1944 г. президент Рузвельт с согласия премьер-министра Черчилля направил Верховному главнокомандующему экспедиционными силами союзников генералу Эйзенхауэру директиву «на случай занятия французской территории». Директива облекала главнокомандующего «верховной властью» во Франции, а также правом окончательного решения вопроса о том, «где, когда и как гражданская администрация во Франции будет осуществляться французскими гражданами, всегда помня о том, что определяющим фактором должна быть военная обстановка». Эйзенхауэр получал право консультироваться с ФКНО и уполномочивать его по своему усмотрению «отбирать и назначать персонал, необходимый для такой администрации», что не означало, однако, признания комитета «в качестве правительства Франции даже на временной основе». Верховный главнокомандующий не ограничивался тем, чтобы иметь дело только с ФКНО; ему предоставлялась также возможность консультироваться по вопросу гражданской администрации и «с другими комитетами или лицами»[3].

Решение американцев и англичан предоставить генералу Эйзенхауэру возможность самому определять, с какими политическими группами он может сотрудничать во Франции, а также делать выбор в части назначения тех или иных лиц в качестве администраторов на различные гражданские посты, вызвало возмущение французского народа. Об этом заявил в НКИД СССР французский представитель в СССР Р. Гарро. Он подчеркнул, что «Национальный совет Сопротивления и все французские патриоты, участвующие в движении Сопротивления, решительно требуют того, чтобы администрация территории освобожденной Франции была передана в руки французов»[4].

---

[1] *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, стр. 338.

[2] См. «Советско-французские отношения...», стр. 247—250.

[3] См. там же, стр. 257—259.

[4] Там же, стр. 262.

В апреле 1944 г. англичане и американцы согласились наконец на переговоры с представителем ФКНО в Лондоне по вопросу о гражданской администрации во Франции. Однако переговоры были вскоре прерваны, и ФКНО так и не удалось урегулировать этот вопрос с союзниками до вторжения. Лишь в августе 1944 г. английское и американское правительства подписали соглашения с ФКНО по вопросам управления освобожденной Францией и согласились с рядом его требований [1].

15 мая 1944 г. Временная консультативная ассамблея приняла резолюцию, в которой выражалось пожелание, чтобы Французский комитет национального освобождения был преобразован во Временное правительство Французской Республики. Это стремление руководителей ФКНО натолкнулось на сопротивление со стороны правящих кругов Англии и Соединенных Штатов.

Отрицательное отношение английского и американского правительств к созданию временного правительства Франции подтверждало их общую политическую линию в отношении ФКНО. 20 мая 1944 г. постоянный заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадоган сообщил советскому послу в Лондоне Ф. Т. Гусеву о том, что правительству Великобритании стало известно о решении Временной консультативной ассамблеи в Алжире и о готовящемся законе, согласно которому ФКНО примет на себя функции временного правительства. Кадоган напомнил советскому послу, что в свое время «президент Рузвельт высказал мнение о невозможности для правительства Соединенных Штатов признать в какой-либо форме Французский комитет национального освобождения в качестве правительства Франции...». Кадоган заявил, что «позиция правительства США остается неизменной». Что касается правительства Великобритании, то, по заявлению Кадогана, оно в настоящее время «также не намерено признавать Французский комитет национального освобождения в качестве правительства Франции» и выражает надежду, что правительства США, СССР и Великобритании будут действовать совместно в этом деле [2].

2 июня 1944 г., т. е. за несколько дней до вторжения англо-американских войск во Францию, в Алжире ФКНО издал указ о создании Временного правительства Французской Республики во главе с генералом Шарлем де Голлем. Ввиду позиции, занятой Англией и США, вопрос о признании Временного

---

[1] См. «Советско-французские отношения...», стр. 490—503.
[2] См. там же, стр. 269—270.

французского правительства союзниками в то время не рассматривался, тем более что и сами французы сначала прямо не ставили вопроса об официальном признании Временного правительства Франции.

9 июня представитель ФКНО в СССР Р. Гарро официально уведомил народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова о создании Временного правительства Французской Республики. В беседе с Гарро В. М. Молотов разъяснил ему сложившуюся обстановку. Он отметил, что события, которые развертываются в настоящее время в Западной Европе, и предстоящие летние бои на советско-германском фронте имеют большое историческое значение прежде всего для Франции, а также для всех европейских государств. «В этих условиях,— сказал нарком,— согласованность действий главных союзников — Соединенных Штатов, Англии и СССР — имеет исключительно большое значение... Наша позиция не может не зависеть в некоторой степени от позиции... англичан и американцев. Но французы могут не сомневаться, что Советский Союз высоко ценит значение возрождения Франции, глубоко понимает интересы французского народа и испытывает к нему чувство глубочайшей симпатии». В ответ на это Гарро заявил, что он хорошо понимает сказанное наркомом об отношениях между главными союзниками и что именно поэтому французы всегда избегали того, чтобы вносить трудности в эти отношения. «Французы знают,— сказал Гарро,— что они обязаны прежде всего Советскому Союзу всем тем, чего они смогли достичь в политическом и военном отношении»[1].

После высадки союзных войск во Франции Временное правительство еще некоторое время оставалось в Алжире. В конце августа, после того как восставшие патриоты освободили Париж, оно переехало в столицу Франции. 10 сентября 1944 г. генерал де Голль сформировал в Париже новое Временное правительство, назвав его «правительством национального единства». В его состав вошли представители различных политических партий. Французская коммунистическая партия получила в правительстве де Голля два портфеля — министров авиации и здравоохранения.

Стремясь укрепить авторитет своего правительства, де Голль поднял вопрос о признании его великими державами. Этот вопрос был предметом взаимных консультаций между правительствами СССР, Англии и США. Западные державы не спешили с признанием правительства де Голля. Лишь в середине октября 1944 г. они сообщили Советскому правительству о намерении признать Временное правительство Французской

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 276.

Республики. Признанию Временного правительства со стороны западных держав предшествовало заключение соглашения между правительствами Англии и США и французскими властями об установлении внутренней зоны Франции, включая Париж, под управлением французской администрации. 22 октября 1944 г. Советское правительство ответило, что «оно приветствует решение признать Временное Французское Правительство и уже дало соответствующее указание своему Представителю в Париже»[1]. 23 октября четыре посла (советский, английский, американский и канадский) одновременно вручили министру иностранных дел Ж. Бидо ноты о признании их правительствами Временного правительства Французской Республики[2]. В ноте Советского правительства при этом подчеркивалось, что Советский Союз неизменно дружественно относится к демократической Франции и что «признание временного правительства Франции тремя союзными державами будет способствовать еще большему сплочению французского народа и мобилизации его сил на дальнейшую борьбу против общего врага — гитлеровской Германии»[3].

Советско-французский союзный договор 10 декабря 1944 г.

Вскоре после признания Временного правительства Франции Советским правительством генерал де Голль выразил пожелание посетить Советский Союз для обсуждения взаимоотношений между Францией и Советским Союзом. В середине ноября 1944 г. ему было передано официальное приглашение Советского правительства, и 2 декабря председатель Временного правительства Французской Республики Шарль де Голль в сопровождении министра иностранных дел Жоржа Бидо, директора политического департамента МИД Мориса Дежана, начальника штаба национальной обороны генерала Альфонса Жюэна и других лиц прибыл в Москву.

Главным вопросом во время советско-французских переговоров был вопрос об обеспечении безопасности Франции и Советского Союза против повторения германской агрессии.

2 декабря состоялась первая беседа Шарля де Голля с Председателем Совета Народных Комиссаров И. В. Сталиным. Во время этой беседы де Голль признал, что именно Советский Союз сыграл главную роль в освобождении Франции и что «в сущности причиной несчастий, постигших Францию, было то, что Франция не была с Россией, не имела с ней соглашения, не имела эффективного договора». «...Если не считать Герма-

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 165.
[2] См. «Советско-французские отношения...», стр. 316.
[3] Там же, стр. 317.

нию,— сказал он,— то только Россия и Франция имеют в Европе географическую континентальную позицию. Обе эти страны являются соседями Германии и, следовательно, находятся под ее угрозой. Так было в прошлом, так будет и в будущем» [1].

В целях обеспечения безопасности Франции де Голль предложил провести границу Франции по Рейну, что предполагало отделение от Германии и присоединение к Франции Рейнской области. В отношении северной части области — Рурского бассейна — он предлагал установление международного режима. «Французы полагают,— сказал де Голль,— что, по всем соображениям, Рейн должен быть окончательным барьером на востоке против Германии и германской угрозы» [2]. В ответ на это глава Советского правительства заявил, что данный вопрос для него является новым и нужно узнать о нем мнение союзников. «Дело в том,— сказал И. В. Сталин,— что мы, русские, не можем решить этот вопрос одни, не побеседовав с англичанами и американцами. Не только такой, но и многие другие вопросы мы не можем решать без своих союзников и без попыток прийти к общему решению» [3].

В беседе был обсужден вопрос и о восточных границах Германии. Де Голль поддержал предложение советской стороны о проведении границы между Германией и Польшей по линии Одер — Нейсе и подчеркнул, что вряд ли «Франция будет иметь серьезные возражения против передачи полякам Восточной Пруссии, которая всегда была злым элементом в германской политике» [4].

Де Голль затронул также вопрос о заключении нового пакта между СССР и Францией, на что глава Советского правительства ответил, что в настоящее время имеются благоприятные условия для заключения пакта и что этот вопрос надо обдумать [5].

5 декабря стороны приступили к обсуждению проекта франко-советского договора, представленного французской делегацией. В ходе обсуждения народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал министру иностранных дел Ж. Бидо ряд замечаний, в частности предложил исключить из проекта упоминание о советско-французских договорах 1932 и 1935 гг., а также статью 6, в которой говорилось о необходимости заключения военной конвенции. Нарком иностранных дел пояснил, что подобной статьи не было в англо-совет-

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 340.
[2] Там же, стр. 343.
[3] Там же, стр. 345.
[4] Там же, стр. 347.
[5] См. там же.

ском договоре 1942 г. и наличие ее «могло бы вызвать нежелательные высказывания и сопоставления»[1].

Далее парком отметил, что «советской стороне нравится французский проект договора, но в Советском правительстве связывают вопрос о пакте с Францией с разрешением вопроса о франко-польских отношениях по линии официального контакта между Польским комитетом национального освобождения и Парижем». «В Советском правительстве считают,— сказал он,— что эти вопросы должны быть разрешены одновременно»[2]. При этом В. М. Молотов подчеркнул, что Советское правительство «не ставит вопроса о том, чтобы французское правительство порвало отношения с польским эмигрантским правительством, а лишь ставит вопрос о том, чтобы оно обменялось официальными представителями и с Польским комитетом национального освобождения»[3].

В ответ Бидо заявил, что ввиду сложности вопроса он должен посоветоваться с де Голлем и другими членами французской делегации, но во всяком случае он «не видит особых препятствий к тому, чтобы вопрос, поднятый Советским правительством, был разрешен к взаимному удовлетворению обеих сторон»[4].

6 декабря состоялась вторая беседа главы Временного правительства Французской Республики с Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, в которой большое место было отведено обмену мнениями по польскому вопросу. Де Голль подтвердил свое согласие на проведение западной границы Польши по линии Одер — Нейсе, а также заявил, что поддерживает предложение советской стороны о проведении восточной границы Польши по линии Керзона[5]. Что же касается Польского комитета национального освобождения, то де Голль не выразил желания пойти на его официальное признание. «Франция считает,— сказал он,— что она должна действовать с согласия СССР, Англии, Соединенных Штатов и других союзников... Когда польская территория будет полностью освобождена, французы будут готовы оказать свое влияние на поляков для достижения между ними союза и принятия того, что только что было сказано о польских границах, и для занятия Польшей позиции откровенной дружбы с Советским Союзом и Францией»[6].

В ответ на это И. В. Сталин следующим образом изложил

---

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 351.
[2] Там же, стр. 353.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 354.
[5] См. там же, стр. 358.
[6] Там же, стр. 358—359.

позицию Советского правительства в польском вопросе: «Де Голль знает, что в последние 30 лет Польша была коридором, по которому немцы проходили в Россию. Это надоело и русским и полякам. Мы, русские, хотим, чтобы этот коридор был закрыт. Другие страны не могут закрыть этот коридор. Нужно, чтобы Польша сама его закрыла, а для этого нужно, чтобы Польша была сильной, независимой и демократической... В истории Франция всегда была другом Польши и ее независимости. Можно сказать, что Франция была покровительницей польской независимости. В этом отношении ее политика выгодно отличалась от политики других держав. Поляки это знают и помнят... В связи с этим он думал, что и теперешняя политика Франции будет чем-то выгодно отличаться от политики Америки и Англии»[1]. И. В. Сталин заметил также, что разница между польским эмигрантским правительством в Лондоне и новой демократической властью в Польше заключается в том, что «одна неизвестно что делает, а другая, люблинская, занята делами, имеющими большое значение. Вот те соображения,— сказал он,— на которых основывалось Советское правительство, устанавливая хорошие отношения с новой, возрождающейся Польшей в лице ее Комитета национального освобождения»[2].

На это де Голль заявил, что Франция поддерживает отношения с лондонским польским правительством, но «возможно, что некоторое время спустя французское правительство признает другое польское правительство по согласованию с другими союзниками»[3].

Во время беседы глава Советского правительства также информировал де Голля по его просьбе о положении в Болгарии, Греции, Югославии и Румынии. Выслушав эту информацию, де Голль сказал, что «Франция только три месяца тому назад была освобождена и что она еще собирает силы и делает пока мало, но будет делать все больше, чтобы возобновить нормальные отношения с другими государствами. И первое дело, которым занята сейчас Франция,— это поворот к Москве. Предлагая пакт о взаимопомощи, Франция рассчитывает выяснить и другие вопросы. Что касается других государств, то французское правительство счастливо констатировать, что позиция Советского Союза по отношению к этим государствам направлена к поддержанию их независимости и дружбы с ними, а также к развитию дружбы с Советским Союзом и с Францией, к развитию этих государств в направлении демократии»[4].

---

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 360, 361.
[2] Там же, стр. 361.
[3] Там же, стр. 363.
[4] Там же, стр. 364.

В конце беседы французской стороне был вручен советский проект франко-советского пакта [1].

Вечером того же дня после беседы с де Голлем И. В. Сталин получил послание У. Черчилля, в котором английский премьер-министр (в ответ на информацию И. В. Сталина о предложении де Голля заключить франко-советский пакт о взаимопомощи) выдвигал идею заключения трехстороннего англо-франко-советского договора [2].

Когда В. М. Молотов сообщил 7 декабря об этом предложении Ж. Бидо, последний выразил опасение, что решение о заключении трехстороннего договора может быть истолковано как «признак некоторой неполноценности Франции по отношению к двум другим державам, так как будут существовать англо-советский договор и тройственный договор, но не будет франко-советского договора» [3]. Бидо подчеркнул, что не подготовился для обсуждения этого вопроса. Со своей стороны нарком информировал французского министра о положительном отношении Советского правительства к предложению Черчилля [4].

Во время беседы с Молотовым Бидо изложил позицию французской стороны относительно советского проекта франко-советского договора. Он отметил, в частности, что «французы рассмотрели советский проект с симпатией и с интересом» и что, по его мнению, между советским и французским проектами нет большой разницы [5].

На вопрос наркома иностранных дел, не имеет ли Бидо ответа по вопросу об обмене официальными представителями между Францией и ПКНО, министр ответил, что «французское правительство не хотело принимать немедленно меры, которые оторвали бы его от его союзников, и оно не хочет принимать такие меры, которые не были бы поняты общественным мнением той части поляков, которая находится во Франции» [6].

В конце концов была достигнута договоренность о неофициальном обмене представителями между Францией и ПКНО с сообщением об этом в печати. В конце декабря 1944 г. Париж и Люблин обменялись представителями [7].

8 декабря состоялась заключительная беседа между главами советской и французской делегаций, во время которой

---

[1] См. «Советско-французские отношения...», стр. 366.
[2] См. «Переписка...», т. I, стр. 285.
[3] «Советско-французские отношения...», стр. 369.
[4] См. там же, стр. 372.
[5] См. там же, стр. 367.
[6] Там же, стр. 373.
[7] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 657.

де Голль снова изложил свою точку зрения в отношении предотвращения германской угрозы. Для устранения возможной угрозы агрессии со стороны Германии в будущем де Голль считал необходимым разрешить вопросы о границах, о разоружении и о союзах. Особое внимание он уделил вопросу о союзах. «В течение предыдущей и последней войн,— сказал де Голль,— Франция увидела на практике, какую политику союзов она должна вести». Председатель Временного правительства Французской Республики продолжал: «Франция и Россия являются теми странами, которые находятся под непосредственной германской угрозой и которые платят дороже всех во время германских вторжений, когда эта угроза превращается в агрессию»[1]. Де Голль назвал СССР и Францию первым этажом безопасности, Англию — вторым этажом, а США — третьим. «...Англия — это такой союзник,— заявил де Голль,— с которым трудно иметь дело, который всегда и везде опаздывает»[2]. О Соединенных Штатах он высказался в том смысле, что, пока они «тронутся в путь, война успеет шагнуть далеко вперед»[3].

Вместе с тем де Голль заявил, что между Францией и СССР нет нигде расхождений и у них «одинаковые интересы по отношению к Германии». «И Франция и Россия находятся на европейской почве,— подчеркнул он.— Они заинтересованы в быстродействующих и надежных средствах безопасности». Поэтому «французская политика заставляет французов желать прежде всего пакта о взаимопомощи с Советским Союзом»[4].

Глава французской делегации высказался против предложения Черчилля о заключении трехстороннего пакта, хотя и не отверг его в принципе.

Вечером 9 декабря в честь де Голля и сопровождавших его лиц в Кремле состоялся прощальный банкет. Во время приема и позже, вплоть до 4 часов утра 10 декабря 1944 г., между советской и французской сторонами происходило обсуждение и окончательное согласование точек зрения по вопросу заключения договора. Обсуждение завершилось подписанием Договора о союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой.

Договор предусматривал взаимную помощь и поддержку в борьбе до окончательной победы над Германией (статья 1), обязательство сторон не вступать в сепаратные переговоры с Германией, не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора ни с гитлеровским правительством, ни

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 376.
[2] Там же, стр. 377.
[3] Там же.
[4] Там же.

с каким-либо другим агрессивным правительством в Германии (статья 2). Согласно статье 3, стороны обязались «и по окончании нынешней войны с Германией совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны»[1]. Статья 4 предусматривала немедленную взаимную помощь и поддержку в случае возобновления германской агрессии, а статья 5 — обязательство не заключать союзов и не участвовать во враждебных друг другу коалициях. В статье 6 указывалось, что СССР и Франция будут оказывать друг другу всю возможную экономическую помощь после войны в целях «облегчения и ускорения восстановления обеих стран...». В статье 7 говорилось, что договор ничем не затрагивает обязательств, взятых ранее на себя сторонами по отношению к третьим государствам в силу опубликованных договоров. Срок действия договора был установлен в 20 лет[2].

Выступая по возвращении из Советского Союза на заседании Временной консультативной ассамблеи 21 декабря 1944 г., де Голль заявил: «Договор о союзе и взаимной помощи, который Франция заключила с Советской Россией, отвечает тенденции, ставшей в обеих странах естественной и традиционной в силу трудностей, с которыми они сталкиваются в их европейской политике. Он являет собой акт союза, скрепленного между двумя великими державами континента не только с целью ведения войны до полной победы, но также и для обеспечения того, чтобы Германия после ее поражения не была в состоянии наносить вред. Наконец, этот договор является символом стремления России и Франции к тесному сотрудничеству во всех действиях, ведущих к установлению будущего статуса Европы»[3].

Советско-французский договор закрепил боевое и политическое сотрудничество СССР и Франции.

3. Вторая Квебекская конференция

С 11 по 16 сентября 1944 г. главы правительств Англии и США устроили в Квебеке англо-американскую конференцию, вторую в этом городе за время войны. Кроме Рузвельта и Черчилля в конференции приняли участие министр финансов США Г. Моргентау, министр иностранных дел Великобритании А. Иден и высшие военные деятели обеих держав. Конференция

---

[1] «Советско-французские отношения...», стр. 384.
[2] См. там же, стр. 385.
[3] Там же, стр. 393.

состоялась уже после открытия второго фронта в Европе. Военные операции союзников на Западе развивались успешно. На советско-германском фронте Красная Армия наносила сокрушительные удары по немецко-фашистским войскам; Румыния, Финляндия и Болгария были фактически выведены из войны. В этих условиях Рузвельт и Черчилль обсудили прежде всего планы военных операций в Северо-Западной Европе, Италии и на Балканах. Рассматривая перспективы развития войны в Европе, союзники решили продвигаться вперед в целях уничтожения германских вооруженных сил. «Наилучшая возможность для нанесения поражения противнику на Западе,— писали президент и премьер-министр о результатах конференции в Москву,— заключается в ударе по Руру и Саару» с намерением «проникновения в сердце Германии»[1]. Кроме того, в случае успешного исхода операций в Италии предполагалось наступление на полуострове Истрия в направлении Балкан, чтобы оказаться там раньше советских войск. Фашистские армии уже начали постепенную эвакуацию из Греции, опасаясь оказаться в «мешке» в связи со вступлением советских войск в Румынию и Болгарию. Президент США и премьер-министр Англии решили высадить английские дивизии в Пирее и Афинах и тем опередить вступление туда Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС). Согласованы были также планы «быстрой переброски сил на тихоокеанский театр после крушения Германии»[2].

Во вторую очередь на Квебекской конференции были обсуждены проблемы, связанные с войной на Дальнем Востоке и Тихом океане. Участники конференции высказали мнение, что для полного разгрома Японии им потребуется значительное время. В соответствии с этим комитеты начальников штабов разработали, а участники конференции утвердили планы и сроки совместных военных операций Соединенных Штатов и Великобритании на Дальнем Востоке. Эти планы предусматривали усиление воздушных и морских операций против японских вооруженных сил, наступление в Бирме и высадку десанта в ее столице Рангуне, изгнание японцев с Филиппин и тихоокеанских островов (Иводзима, Окинава и др.), нанесение воздушных ударов по промышленным центрам Японии.

Участники конференции определили наиболее целесообразное использование против Японии огромных сил, находившихся тогда в распоряжении держав антифашистской коалиции. Учитывая, что на Дальнем Востоке и Тихом океане основные воздушные и морские силы были американскими, У. Черчилль

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 259; т. II, стр. 160.
[2] «Переписка...», т. I, стр. 259.

предложил перебросить туда значительную часть английских военно-воздушных и военно-морских сил, чтобы в конце войны быть там полноправным «партнером» Соединенных Штатов. Англия хотела заранее обеспечить себе возможность восстановления колониальных позиций, захвата новых территорий и недопущения вместе с американцами образования самостоятельных государств народами бывших колоний, боровшимися против японской оккупации и создавшими национальные вооруженные силы. Рузвельт согласился с предложением Черчилля.

На конференции было решено не создавать (по примеру европейского театра военных действий) единого командования вооруженными силами на Дальнем Востоке и Тихом океане, а сохранить три раздельных командования: в юго-западной части Тихого океана — во главе с американским генералом Дугласом Макартуром, в Юго-Восточной Азии — во главе с английским адмиралом Луисом Маунтбэттеном и морскими операциями — во главе с американским адмиралом Честером Нимицем.

О военных решениях, принятых на Квебекской конференции, Черчилль и Рузвельт в общей, весьма краткой форме информировали И. В. Сталина[1].

На конференции в Квебеке главы правительств США и Англии обсудили проблему будущего Германии. В основу обсуждения был положен план, подготовленный по поручению президента министром финансов США Генри Моргентау. План предусматривал расчленение Германии и превращение ее в «страну полей и пастбищ». Он соответствовал тайным замыслам англо-американского империализма об устранении Германии с мировых рынков, превращении ее в аграрную страну и рынок сбыта для американских товаров, создании такого «баланса сил» в Европе, при котором США и Англия играли бы доминирующую роль, а побежденная Германия была бы их послушным ландскнехтом.

О соглашениях по политическим вопросам в Квебеке Советское правительство не получило от правительств Англии и Соединенных Штатов никакой информации. Государственный секретарь США Хэлл заметил в этой связи, что «у Советского Союза по этому вопросу могут быть другие соображения»[2]. Президент Рузвельт вскоре признал «план Моргентау» ошибкой и предложил временно приостановить всякое планирование в отношении Германии.

---

[1] См. «Переписка...», т. I, стр. 259.
[2] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1616—1617.

4. Интервенция английских войск в Греции

Греческий народ с первых дней фашистской неволи героически сражался против немецких и итальянских оккупантов. Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ), руководящую роль в котором играла коммунистическая партия, объединил к 1944 г. более 2 млн. греческих патриотов. Греческая Народно-освободительная армия к весне 1944 г. насчитывала в своих рядах свыше 40 тыс. человек[1]. Две трети страны было освобождено частями ЭЛАС.

В марте 1944 г. был создан Политический комитет национального освобождения (ПЕЕА), объединивший в своем составе представителей всех партий, входивших в ЭАМ (коммунистической, аграрной, союза народной демократии). Так в Греции возник центральный политический орган, пользовавшийся большей поддержкой и доверием греческого народа, чем королевское эмигрантское правительство, находившееся в Каире.

Рост национально-освободительного движения в Греции вызывал серьезное беспокойство у западных держав, в первую очередь у Англии, которая рассчитывала обеспечить свои интересы в Греции, занимающей важное стратегическое положение в Средиземноморье. Английское правительство выступало за восстановление в Греции монархии. Англичане всеми средствами старались поднять авторитет послушных им короля Георга II и эмигрантского правительства в Каире, состоявшего из реакционных элементов. Английское правительство поддерживало также наиболее реакционные силы и в самой Греции. В то же время оно вело подрывную деятельность против ЭАМ и его вооруженных сил ЭЛАС. В апреле 1944 г. с помощью английских войск было жестоко подавлено демократическое движение в греческих военных частях эмигрантского правительства на Ближнем Востоке (в Египте), которые заявили о своей солидарности с ЭАМ. Президент США одобрил действия Черчилля: «Надеюсь, что ваша линия действий в отношении этой проблемы приведет к возвращению греков в лагерь союзников...»[2] Только Советский Союз выразил солидарность с греческим народом[3].

В то же время, учитывая влияние Национально-освободительного фронта Греции, английское правительство приступило к реализации плана создания единого коалиционного правительства, объединяющего как ЭАМ, так и правые группировки. Цель этого маневра заключалась в том, чтобы подчинить ЭАМ

[1] См. *Г. Д. Кирьякидис.* Греция во второй мировой войне. М., 1967, стр. 244.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 548.

[3] См. «Правда», 8 и 13 апреля 1944 г.

правительству, большинство которого составляли бы правые элементы.

В результате инициативы английской дипломатии в мае 1944 г. в Ливане состоялось совещание, на котором делегация ЭАМ не смогла противостоять объединенному натиску реакционных группировок и пошла на некоторые уступки, в частности согласилась участвовать в коалиционном правительстве. Ливанское соглашение не отражало действительную расстановку политических сил в Греции, где главную роль продолжал играть Национально-освободительный фронт. Росла мощь и ЭЛАС, которая постепенно освобождала от гитлеровцев территорию своей страны.

13 июля 1944 г. ЭАМ потребовал отставки Георга Папандреу, назначенного премьер-министром в апреле 1944 г. под давлением англичан. Однако английское правительство не собиралось отказываться от своего ставленника, который был ему нужен для осуществления своих планов в отношении Греции. Черчилль, кроме того, решил добиться согласия союзников на то, чтобы инициатива военных действий против немецких войск в Греции была предоставлена англичанам. 12 июля 1944 г. И. В. Сталин получил послание Черчилля, содержащее предложение о том, чтобы «Советское Правительство взяло на себя инициативу в Румынии и чтобы британцы сделали то же самое в Греции». «Я хотел бы спросить,— писал Черчилль,— не согласны ли Вы с тем, чтобы этот план был испробован в течение трех месяцев. Никто не сможет сказать, что он затрагивает будущее Европы или разделяет ее на сферы. Но мы можем обеспечить ясную политику на каждом театре...»[1] Предложение Черчилля само по себе не представляло ничего необычного. Было бы вполне естественно, если бы английские войска, находившиеся во время войны поблизости от Греции, пришли на помощь союзному греческому народу для того, чтобы изгнать немецких оккупантов, конечно с согласия самих греков. К тому времени советские войска уже перенесли военные действия на румынскую территорию, преследуя там вражеские войска. Поэтому у Советского правительства не было оснований отклонять предложение Черчилля при условии, конечно, что оно не вызовет возражений со стороны США. 1 июля советская сторона запросила мнение американского правительства по этому вопросу[2]. 15 июля И. В. Сталин ответил У. Черчиллю, что «будет лучше вернуться к этому делу, когда мы получим американский ответ на наш запрос»[3]. В тот же день американцы сообщили,

[1] «Переписка...», т. I, стр. 238—239.

[2] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944", vol. V. Washington, 1965, p. 128-129.

[3] «Переписка...», т. I, стр. 241.

что они согласны с предложенным англичанами трехмесячным военным соглашением, «принимая во внимание существующую военную стратегию»[1]. В результате английским войскам была предоставлена инициатива военных действий по изгнанию немцев из Греции. Это было одно из обычных военных соглашений союзников, вызванное военной обстановкой и не означавшее ничего большего, чем разграничение между ними зоны военных действий против немецких захватчиков. Однако английское правительство использовало его для осуществления своих империалистических целей.

Опасаясь развития революционного движения в Греции и установления там демократических порядков, английское правительство разработало план вооруженной интервенции в Греции. Введение войск в Грецию с самого начала было задумано отнюдь не в целях борьбы с гитлеровцами. Напротив, англичане, переложив на плечи греческого народа всю тяжесть борьбы с врагом, предполагали ввести войска в уже освобожденную Грецию с целью подавления демократических сил.

Еще в сентябре 1943 г., вынашивая планы интервенции, Черчилль писал английскому комитету начальников штабов: «Во время эвакуации немцами Греции мы обязательно должны быть в состоянии направить в Афины 5 тысяч английских солдат с бронемашинами и бреновскими самоходками... Нам, возможно, придется вмешаться во внутренние дела Греции в момент освобождения»[2]. 6 августа 1944 г. Черчилль приказал начальнику имперского генерального штаба подготовить к высадке в Афинах примерно через месяц 10—12 тыс. человек с танками и бронемашинами[3].

Готовя вооруженную интервенцию в Греции, английское правительство намеревалось, кроме того, осуществить «сокращенный вариант» балканского плана, который оно неоднократно стремилось провести в жизнь в ходе войны. По первоначальным замыслам английские правящие круги предполагали подчинить своему политическому и военному контролю все страны Балканского полуострова, чтобы преградить путь наступавшей Красной Армии и не допустить демократических преобразований в этих странах. Когда сделать этого не удалось, английское правительство направило свои усилия на осуществление «сокращенного варианта», стремясь создать свой военный плацдарм в южной части Балкан, в Греции.

О готовящейся интервенции с целью подавления демократических сил Греции английское правительство информировало

---

[1] "Foreign Relations... 1944", vol. V, p. 131.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. V, p. 538.
[3] *W. S. Churchill,* The Second World War, vol, VI, p. 97.

правительство США. 26 августа президент Рузвельт ответил, что он не возражает против того, чтобы англичане имели «наготове достаточные английские силы для сохранения порядка в Греции, когда германские войска эвакуируют эту страну». Он даже был согласен предоставить для этой цели американские самолеты [1].

Успешное наступление советских войск на Балканах и вступление их на территорию Югославии ускорило эвакуацию немецко-фашистских войск с греческой территории. 3 октября Гитлер отдал приказ об отступлении из Греции. Высадка английских войск (парашютной и танковой бригад) началась в ночь на 4 октября в районе города Патры и прошла без помех. Гитлеровских войск здесь уже не было, и весь полуостров находился, по существу, в руках ЭЛАС.

12 октября английское командование узнало об эвакуации немецких войск из Афин, и на другой день в районе греческой столицы высадились английские парашютисты. Английские десантные отряды начали высаживаться, кроме того, на важнейших островах Эгейского моря, а в начале ноября заняли важный в стратегическом отношении город и порт Салоники, после того как гитлеровцы оставили его. Остальная территория страны почти полностью находилась под контролем Национально-освободительного фронта. Вслед за английскими войсками в Грецию прибыло эмигрантское правительство.

Цели английской интервенции обнаружились очень скоро. Командующий оккупационными войсками в Греции генерал Р. Скоби установил в стране режим полицейского террора. Было дано распоряжение о разоружении всех отрядов ЭЛАС. В знак протеста шесть министров — представители ЭАМ, вошедшие в правительство Папандреу на основе решения Ливанской конференции,— вечером 1 декабря отказались от своих постов. 3 декабря в Афинах состоялась грандиозная демонстрация протеста против антинародных действий правительства и английского командования. Последнее пустило в ход против мирных демонстрантов танки, авиацию и пушки.

В ответ на эти действия греческий народ поднялся на борьбу. Части ЭЛАС приступили к разоружению полиции и жандармерии. Вечером 3 декабря Папандреу подал в отставку. Английское правительство грубо и открыто вмешалось во внутренние дела Греции. После расстрела мирной демонстрации генерал Скоби приказал атаковать ЭЛАС и начать военные действия в Афинах. Греческие патриоты оказали интервентам упорное сопротивление. Прибывший в Афины для выяснения положения

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 100; "Foreign Relations... 1944", vol. V, p. 133 134.

дел Верховный командующий войсками союзников на средиземноморском театре военных действий фельдмаршал Александер докладывал английскому кабинету 21 декабря, что английские войска смогли бы захватить район Афин, но не в состоянии нанести поражение ЭЛАС и заставить ее капитулировать. «Мы недостаточно сильны,— писал он,— чтобы пойти дальше этого и предпринять операции в континентальной Греции». Он высказал мнение, что «греческая проблема не может быть разрешена с помощью военных мер. Ответа следует искать в политической области»[1].

Англичане, придя в Грецию, действовали как завоеватели. Поддерживая там крайне реакционные круги, они чинили расправу над демократическими силами страны.

Еще до окончательного изгнания гитлеровцев из Греции настоящим хозяином на освобожденной греческой земле был Национально-освободительный фронт (ЭАМ) и его вооруженные силы (ЭЛАС). Организатором всенародной борьбы в Греции против фашистских оккупантов была Коммунистическая партия Греции. В условиях жестокой оккупации греческий народ черпал свое вдохновение в героической борьбе советского народа и его армии. Гитлеру не удалось найти в оккупированной Греции ни одного солдата, которого он мог бы послать на советско-германский фронт. Однако греческому народу не пришлось воспользоваться плодами своей борьбы и победы. Англичане, вступившие в Грецию, поставили своей целью подавить национально-освободительное движение, превратить Грецию в английский форпост.

25 декабря в Афины в сопровождении Идена прибыл Черчилль, чтобы, как он отмечает в своих мемуарах, «увидеть все самому на месте»[2]. Черчилль убедился, что англичане оказались в Греции в весьма тяжелом положении. В этой обстановке английское правительство, не сумев сломить сопротивление греческого народа силой оружия, вновь прибегло к дипломатическому маневру. Было решено заменить Папандреу генералом Пластирасом, а вместо короля поставить регента — афинского архиепископа Дамаскиноса.

В феврале 1945 г. в местечке Варкиза (недалеко от Афин) при участии английских представителей было подписано соглашение между новым греческим правительством Пластираса и Национально-освободительным фронтом. По Варкизскому соглашению ЭАМ взял на себя обязательство демобилизовать Народно-освободительную армию, а греческое правительство обязалось установить в стране свободу слова, печати, собра-

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 269.
[2] Ibid., p. 270.

ний, отменить военное положение, предоставить амнистию всем политическим заключенным, сформировать национальную армию без какой-либо дискриминации в отношении бывших бойцов ЭЛАС, провести до конца 1945 г. плебисцит по вопросу о государственном строе Греции. Как показали дальнейшие события, обязательства выполнила только одна сторона — Национально-освободительный фронт.

Советское правительство неоднократно официально осуждало политику Англии в Греции, в частности на Крымской и Потсдамской конференциях руководителей СССР, США и Англии.

5. Дипломатия союзных держав в Италии после ее капитуляции

Положение в Италии после капитуляции и политика союзных держав

После капитуляции Италия оказалась разделенной на две части. На юге страны сохранялся военно-монархический режим правительства Бадольо, опиравшийся на войска западных союзников. В Северной и Центральной Италии, оккупированной гитлеровцами, была создана неофашистская так называемая Итальянская социальная республика Салó во главе с Муссолини[1].

С первых дней оккупации Италии германскими войсками итальянский народ развернул активную национально-освободительную борьбу. Возглавили эту борьбу антифашистские партии, объединившиеся в Комитеты национального освобождения (КНО).

9 сентября 1943 г., после того как правительство Бадольо покинуло Рим, Комитет антифашистских партий объявил себя центральным Комитетом национального освобождения, приняв на себя ответственность за будущее страны. В КНО вошли представители всех антифашистских партий: коммунистической, социалистической, Партии действия, христианско-демократической, либеральной и партии Демократия труда. Центральный КНО провозгласил себя органом политического руководства Сопротивления и призвал народ к вооруженной борьбе против итальянского фашизма и гитлеризма.

Освободительной борьбой на местах руководили местные Комитеты национального освобождения. Особо выдающуюся роль сыграл южный КНО в Неаполе, который стал во главе восставшего народа в знаменательные дни 27—30 сентября 1943 г. В результате победоносного восстания город был освобожден патриотами до прихода англо-американских войск.

[1] См. главу одиннадцатую, стр. 381.

Наиболее широким и организованным было движение Сопротивления в Северной Италии.

Комитет национального освобождения Северной Италии (КНОСИ), в который на паритетных началах вошли представители основных антифашистских партий, возглавил партизанскую борьбу на Севере Италии.

Штаб движения Сопротивления находился в оккупированном гитлеровцами Милане. Руководящая роль в движении принадлежала Итальянской коммунистической партии и Партии действия. Уже в октябре 1943 г. коммунисты приступили к созданию вооруженных отрядов имени Гарибальди. На втором месте по численности после гарибальдийцев были отряды Партии действия «Справедливость и свобода».

Англия и США, устанавливая в своих интересах контакты с движением Сопротивления и направляя свои военные миссии в районы действия партизан, ориентировали их главным образом на саботаж и диверсионные акты, а не на создание вооруженных боевых отрядов[1]. В этом смысле характерен циркуляр англо-американского командования от 10 декабря 1943 г., адресованный командирам партизанских отрядов Северной Италии. В нем содержалось нелепое утверждение, что «население и характер местности Италии мало приспособлены к ведению партизанской войны» и поэтому итальянские отряды не должны вести самостоятельные действия, а обязаны подчиняться приказам англо-американского командования. Такая политика США и Англии наносила ущерб антифашистскому движению, порождала дополнительные трудности и разногласия внутри итальянского Сопротивления.

Политика Англии и США в отношении Италии отражала империалистические цели этих стран в войне и послевоенном мире. В Южной Италии они поддерживали правительство Бадольо и короля. Особенно рьяным защитником монархии выступал английский премьер-министр Черчилль, который считал, что в Италии «вряд ли сейчас возможно другое правительство»[2]. Американцы изображали из себя республиканцев и в своей политической игре делали ставку на бывшего министра иностранных дел графа К. Сфорца, с 1940 г. проживавшего в США и возглавлявшего там итальянскую антифашистскую эмиграцию.

Несмотря на это внешнее различие во взглядах на государственное устройство Италии, главные цели США и Англии в отношении Италии были едины: сохранить в Италии антинародные, реакционные порядки и привилегии господствующих классов,

---

[1] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati. Milano, 1962, p. 99.
[2] *A. Degli Espinosa.* Il regno del Sud. Firenze, 1956, p. 345.

не допустить, чтобы демократические силы взяли на себя руководящую роль в освобождении страны.

С этой целью западные державы стремились расколоть антифашистские силы, обострить разлад между правительством Бадольо и Комитетом национального освобождения, помешать укреплению связей возрождавшихся демократических партий с народными массами. «Ловко маневрируя, действуя на два фронта,— отмечает участник итальянского Сопротивления Велио Спано,— англо-американцы стремились, с одной стороны, лишить всякого влияния правительство и монархию, а с другой стороны, парализовать освободительное движение. Если бы они решились тогда на ликвидацию монархии, Италия выиграла бы несколько лет на пути своего восстановления. Но это никак не входило в расчеты англо-американцев, и поэтому они вели двойную игру — поддерживали короля и его клику против КНО и одновременно делали вид, что поддерживают КНО против короля. Если бы англо-американцы в ведении военных операций проявили такую же тактическую ловкость и такое же усердие, какие они показали в деле раскола итальянского народа, то вполне возможно, что весь полуостров был бы освобожден уже к концу 1943 года»[1].

В то же время политика Советского правительства в отношении Италии исходила из решения двух основных задач: достижения главной цели антигитлеровской коалиции — разгрома фашизма и оказания помощи итальянскому народу в его борьбе за свободу, независимость и демократию. Советское правительство понимало, что из всех противоречий, существовавших в «Южном королевстве», самым глубоким было противоречие между политикой, проводимой англо-американскими союзниками, и национальными интересами Италии. Учитывая реальную обстановку, Советское правительство выработало такую политическую линию, которая не могла быть отвергнута правительствами США и Англии и в то же время препятствовала осуществлению их империалистических планов в отношении Италии.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в октябре 1943 г. Советский Союз выступил инициатором принятия «Декларации об Италии»[2], которая имела важное значение для дальнейшего развития Италии. Декларация предусматривала меры, направленные на действительную демократизацию страны, в частности необходимость того, чтобы «Итальянское Правительство было сделано более демо-

---

[1] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов». М., 1953, стр. 416.

[2] См. главу тринадцатую, стр. 413.

кратичным, путем включения представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма». В декларации указывалось далее, что итальянскому народу, который должен иметь право образовывать антифашистские политические группы, будет возвращена в полной мере свобода слова, вероисповедания, политических убеждений, печати и собраний; предусматривалось также проведение чистки и наказание военных преступников. В декларации содержалось обязательство трех великих держав консультироваться друг с другом по итальянскому вопросу. В конце документа заявлялось о том, что «ничто в этой декларации не ограничивает права итальянского народа впоследствии избрать свою собственную форму правления»[1].

Таким образом, декларация решала в демократическом духе проблемы, непосредственно стоявшие перед итальянским народом, и вопросы будущего политического развития Италии.

Решения Московской конференции были с удовлетворением встречены демократическими кругами Италии. Комитеты национального освобождения Южной и Северной Италии, так же как центральный КНО в Риме, одобрили и приветствовали их. Даже такой умеренный политический деятель, как председатель центрального КНО И. Бономи, записал в своем дневнике: «Для нашего Комитета освобождения благоприятно намерение Объединенных Наций дать Италии более демократическое правительство и торжественное подтверждение права итальянского народа избрать для себя такие формы и органы государственного правления, какие он сам считает нужным. На этой базе возможно будет упрочить политическое положение»[2].

Созданный по решению Московской конференции Консультативный совет по вопросам Италии из представителей СССР, США, Англии, Франции, Югославии и Греции также способствовал нормализации политического положения в освобожденной части Италии. В частности, он оказал содействие тому, что 11 февраля 1944 г. АМГ передал территорию «континентальной Италии к югу от северных границ провинций Салерно, Потенца и Бари», а также Сицилии под управление итальянского правительства[3].

Консультативный совет рассмотрел также ряд жизненно важных для итальянского народа вопросов, в том числе о дефашизации и демократизации Италии.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 361—362.

[2] *I. Bonomi.* Diario un anno. Milano, 1971, p. 126—127. Цит. по кн.: «История Италии», т. 3. М., 1971, стр. 194.

[3] См. *Р. Батталья.* История итальянского движения Сопротивления, стр. 278.

Между тем внутриполитическое положение Италии оставалось очень сложным. Основное место в политической борьбе внутри страны занимал вопрос о государственном устройстве и о характере и составе итальянского правительства.

В начале 1944 г. борьба по этому вопросу приняла особенно острый характер. В стране развернулась широкая дискуссия по вопросу о монархии, в которую оказались вовлеченными все антифашистские партии. На первый план в политической жизни Италии выдвинулся, таким образом, вопрос хотя и важный, но все же носивший второстепенный характер по сравнению с настоятельной необходимостью объединить все силы нации на борьбу против гитлеровской Германии.

Положение усугублялось тем, что правительства США и Англии, играя на разногласиях между королевским правительством Бадольо, которому они оказывали поддержку, с одной стороны, и Комитетом национального освобождения, требовавшим немедленного отречения итальянского короля и ликвидации монархии, отставки правительства Бадольо и создания демократического правительства из антифашистских партий — с другой, стремились продлить состояние неразберихи и застоя, оттянуть создание действительно антифашистского правительства Италии и таким образом обеспечить себе положение полных хозяев в стране.

Собравшийся в городе Бари 28—29 января 1944 г. I конгресс Комитетов национального освобождения Северной и Южной Италии не нашел выхода из создавшегося положения. Принятое конгрессом компромиссное решение о возможности участия представителей антифашистских партий в правительстве Бадольо при условии немедленного отречения короля лишь обострило разлад между КНО и правительством, укрепив тем самым господство англо-американцев. Выступая в палате общин 22 февраля 1944 г., премьер-министр Черчилль, отозвавшись с симпатией о Савойской монархии и с пренебрежением о Комитетах национального освобождения, заявил, что до освобождения Рима преждевременно ставить вопрос даже о расширении правительства Бадольо[1]. Черчиллю нужна была слабая, разобщенная Италия, неспособная противостоять английскому господству в районе Средиземного моря.

Советское правительство считало, что выход из создавшегося сложного положения состоит в объединении всех национальных сил Италии для борьбы за ее освобождение и разгром гитлеризма и отсюда вытекает задача немедленно «улучшить состав прави-

---

[1] "Parliamentary Debats. House of Commons", Fifth Series, vol. 397, col. 691.

тельства Бадольо, расширить его базу в направлении его демократизации»[1].

Осуществлению этой цели служило официальное признание Советским Союзом 11 марта 1944 г. правительства Бадольо по просьбе последнего и установление с ним непосредственных отношений[2]. Этот акт Советского правительства выводил итальянское правительство из международной изоляции и политического паралича, помогал ему освободиться от англо-американского диктата.

Прогрессивная итальянская общественность правильно расценила дипломатический шаг Советского правительства как укрепление позиций левых сил Италии и стремление ускорить демократизацию страны и итальянского правительства.

Дипломатическая акция Советского Союза вызвала, однако, недовольство и тревогу правительств США и Англии. Заместитель председателя Союзной контрольной комиссии генерал Макфарлан 25 марта 1944 г. направил Бадольо меморандум, в котором указывалось, что итальянское правительство не имеет права вступать в прямые отношения с какой бы то ни было союзной или нейтральной державой иначе, чем через Союзную контрольную комиссию, т. е. через англо-американские власти. В ответном меморандуме Бадольо констатировал, что он и его правительство низведены до положения «простых инструментов и исполнителей решений союзников» — решений, в выработке которых итальянское правительство никоим образом не участвует[3].

Важным условием для создания коалиционного демократического правительства было также достижение единства в этом вопросе всех антифашистских сил Италии. Инициативу взяли на себя итальянские коммунисты, которые поставили перед всеми итальянцами конкретную общую цель: путем участия всех сил нации в общей борьбе против нацизма добиться того, чтобы Италия вновь заняла свое место среди свободных народов, обрела престиж и независимость. Освобождение Италии от нацистов, подчеркивали они, является делом не столько союзных войск, сколько делом самих итальянцев, причем не какой-нибудь одной части итальянцев, а всей Италии как нации[4].

На этой платформе, изложенной руководителем ИКП П. Тольятти на заседании Национального совета партии в Неаполе в

---

[1] «Известия», 30 марта 1944 г.

[2] См. «Известия», 14 марта 1944 г. Представителем правительства СССР при правительстве Италии был назначен М. А. Костылев.

[3] См. *О. В. Серова*. Италия и антигитлеровская коалиция 1943—1945. М., 1973, стр. 171.

[4] См. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 421—422.

конце марта 1944 г., между итальянскими антифашистскими партиями было достигнуто соглашение о том, чтобы отложить вопрос о государственном устройстве страны до окончания войны и войти в правительство Бадольо еще до освобождения Рима. Со своей стороны король Виктор Эммануил III согласился после освобождения столицы Италии назначить своего сына принца Пьемонтского Умберто королевским наместником и отойти от общественной деятельности.

Поддерживая стремление к скорейшей ликвидации раскола среди итальянских антифашистов, готовых принять участие в борьбе на стороне союзников, Советское правительство обратилось к правительствам США и Англии с предложением совместно рассмотреть вопрос о мерах к объединению всех демократических и антифашистских сил освобожденной Италии на базе соответствующего улучшения состава правительства Бадольо путем введения в него представителей антифашистских партий. При этом оно напомнило западным державам решение Московской конференции, заложившее прочную базу совместных действий союзников и в отношении Италии.

Предложение Советского правительства было рассмотрено Консультативным советом по делам Италии, который в принятой его участниками резолюции указал, что он приветствовал бы удовлетворительное разрешение правительственного вопроса и немедленное сформирование маршалом Бадольо правительства на широкой основе, представляющего все партии. Консультативный совет признал также необходимым, чтобы новое правительство формально заявило о принятии на себя всех обязательств по отношению к союзникам, взятых правительством Бадольо, и чтобы всякое разрешение конституционного вопроса, которое может быть сейчас принято, рассматривалось как стабильное до того момента, когда итальянский народ сможет свободно выразить свое мнение [1].

Выступая 16 апреля 1944 г. на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский указал, что «это решение Консультативного Совета, выражающее теперь общую точку зрения союзников, идет навстречу... предложению, внесенному Советским Правительством, и, несомненно, является шагом вперед в деле разрешения вопроса о политическом положении Италии» [2].

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 108—109.

[2] Там же, стр. 109.

21 апреля 1944 г. Бадольо сформировал правительство национального единства. Наряду с представителями других антифашистских партий в него вошли коммунисты. Коммунисты и социалисты, подписавшие еще в сентябре 1943 г. пакт единства действий и опиравшиеся на массовое антифашистское движение, оказывали известное влияние на политику правительства в целях демократизации режима на Юге и развития национально-освободительной борьбы на Севере. Вместе с тем соотношение сил в правительстве и наличие в стране англо-американских войск мешали им энергично и широко поставить вопросы социального и политического переустройства страны. Комитет национального освобождения Северной Италии заявил о полном сотрудничестве с коалиционным правительством. Так было положено начало сплочению итальянских антифашистских сил в национальном масштабе.

Освобождение Рима. Отношение союзных держав к борьбе патриотов Северной Италии

В мае 1944 г. на итальянском фронте началось наступление англо-американских войск. Вечером 4 июня 1944 г. они без боя вступили в итальянскую столицу. Накануне Ватикан договорился с германским командованием о мирной эвакуации оккупационных сил из Рима. Одновременно Ватикан вел переговоры и с представителями англо-американских войск, наступавших с юга.

Всю власть в Риме взял в свои руки штаб командующего 5-й американской армией генерала М. Кларка. Итальянское правительство продолжало оставаться в Салерно. 5 июня 1944 г. король Виктор Эммануил III, в соответствии с обязательствами, взятыми перед итальянским правительством и союзниками, назначил королевским наместником своего сына принца Умберто. 7 июня Бадольо подал в отставку и получил от наместника поручение сформировать новое правительство, включив в него представителя центрального КНО. Союзники и королевский двор стремились оттянуть окончательную отставку Бадольо.

Однако под давлением народных масс западные державы и итальянские правящие круги вынуждены были пойти на создание нового правительства из представителей антифашистских партий, входивших в Комитет национального освобождения. 9 июня председатель центрального КНО Иваноэ Бономи сформировал новое правительство. Правительство Бономи было утверждено не королевским наместником, а центральным КНО, что подрывало прерогативы монархии[1].

---

[1] См. *Н. П. Комолова.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943—1947 гг. М., 1972, стр. 114.

Освобождение Рима и создание правительства Бономи были первым шагом по пути к демократизации и восстановлению страны. Этот процесс проходил в обстановке острой борьбы левых и правых сил Италии. Положение осложнялось установленным в стране западными державами оккупационным режимом — гнетущим, громоздким, нередко бессмысленным [1].

Англо-американские власти противились радикальным демократическим преобразованиям в Италии. В частности, они чинили препятствия чистке государственного аппарата, работе комиссии по выяснению причин сдачи Рима немцам в сентябре 1943 г., вмешивались в решения итальянского суда о наказании фашистских преступников, установили придирчивый контроль над итальянской прессой и радио и т. д. Одновременно англо-американцы стремились помешать деятельности антифашистских партий, объединению антифашистских сил.

И все-таки освобождение итальянской столицы, наряду с широким наступлением Советских Вооруженных Сил на советско-германском фронте и открытием второго фронта во Франции, дало мощный толчок развитию движения Сопротивления в Центральной и Северной Италии, придало ему бо́льшую целеустремленность. Освободительное движение, в котором ведущую роль играли коммунисты, нередко принимало характер социальной борьбы итальянских трудящихся за свои права, против капиталистов и помещиков. Некоторые районы Италии были освобождены партизанами без какой-либо помощи извне. В 1944 г. на оккупированной немцами территории Италии существовало около 15 свободных зон — своеобразных партизанских республик со своими органами управления [2].

В августе 1944 г. в результате народного восстания была освобождена Флоренция. Восстанием руководил местный Комитет национального освобождения, который 11 августа 1944 г. взял в свои руки власть в качестве временного правительства, представляющего интересы населения Тосканы. Власть, которой обладал КНО, была реальной, и он ее осуществлял несмотря на оккупационный режим, установленный АМГ.

Летом 1944 г. антифашистская вооруженная борьба вступила в новую фазу развития и приобрела характер широкой народной войны. Это был период наибольшего подъема партизанского движения, период его зрелости [3].

---

[1] См. *М.* и *М. Феррара*. Очерки итальянской политической жизни. 1943—1958 годы. М., 1961, стр. 35.

[2] См. *О. В. Серова*. Италия и антигитлеровская коалиция 1943—1945, стр. 228.

[3] См. *Р. Баттальи*. История итальянского движения Сопротивления, стр. 437.

Партизанские отряды были объединены в единую армию — Корпус добровольцев свободы — с единым командованием. Ведущая роль коммунистов в вооруженной борьбе и проводимая ими политика единства левых сил позволила им получить важные командные посты в партизанской армии. Однако по настоянию союзников и правительства Бономи главнокомандующим Корпусом добровольцев свободы был назначен либерал Р. Кадорна. Партизанская армия в Пьемонте и Эмилии насчитывала к осени 1944 г. 90 тыс. человек. Партизаны сковывали более 10 немецких и итальянских дивизий [1].

В период летних боев в Италии особую важность приобрел вопрос о координации действий между партизанской армией и союзниками. Партизаны испытывали острую нужду в оружии. В свою очередь и союзники стремились использовать борьбу патриотов против немцев, чтобы облегчить свое продвижение. С помощью генерала Кадорны англо-американское командование рассчитывало контролировать партизанскую армию и использовать ее исключительно в своих военных целях. Сам Кадорна признает, что Англия и США сначала пытались сдерживать борьбу итальянских патриотов, а затем «управлять и руководить ею» [2]. Однако добиться этого они не смогли. Не удалось им также внести раскол в ряды движения Сопротивления, противопоставить коммунистов другим его участникам.

Опасаясь размаха партизанского движения и не будучи в силах подчинить его своему контролю, союзники стали распускать партизанские отряды, как только та или иная территория освобождалась от немцев. Просьбу командования Корпуса добровольцев свободы и правительства Бономи о том, чтобы на освобожденных территориях партизанские отряды вливались в ряды итальянской национальной армии и сражались вместе с союзниками до полной победы, союзное командование оставило без ответа. Осенью 1944 г. отношения между партизанским движением и англо-американскими союзниками очень обострились.

10 сентября 1944 г. англо-американские войска начали наступление на так называемую Готскую линию обороны немцев, дав одновременно указание партизанам развернуть «решительные наступательные действия» в тылу гитлеровцев [3]. Наступление союзников свелось, однако, к ряду незначительных операций и слабым ударам на болонском направлении. Англо-

---

[1] См. «История Италии», т. 3, стр. 204, 205.

[2] См. *О. В. Серова*. Италия и антигитлеровская коалиция 1943—1945, стр. 211.

[3] См. *Р. Баттальи*. История итальянского движения Сопротивления, стр. 187.

американские войска не сделали ни одной серьезной попытки прорваться к Альпам, а на тирренском участке фронта и вовсе бездействовали, хотя гитлеровцы имели там лишь слабую линию заслонов. Весьма робкими были их действия и на Адриатическом фронте, где они останавливались перед малейшим препятствием.

Несмотря на указание, данное партизанским отрядам, англо-американское командование, по существу, не согласовало своих действий с партизанами. Более того, когда союзники в соответствии с решениями второй Квебекской конференции отложили свое наступление, они поставили партизанское движение в чрезвычайно тяжелое положение. Восстание, начатое в октябре 1944 г. в Болонье по призыву Комитета национального освобождения Северной Италии, опиравшегося на информацию союзников, не получив поддержки союзников, было жестоко подавлено немцами. Болонья была освобождена лишь в апреле 1945 г.

Используя бездействие англо-американских войск на итальянском фронте, гитлеровцы обрушили все свои силы на партизан. Карательные отряды не щадили и гражданское население, оказывавшее содействие партизанам. В результате большинство партизанских республик было вновь оккупировано германскими войсками. События осени — зимы 1944 г. Батталья называет «самыми трагическими страницами Сопротивления». «С диким бешенством и бессмысленной жестокостью,— пишет он,— гитлеровцы сеяли смерть и разрушение, где бы они ни появлялись...»[1]

Именно в это время союзники не только не оказали партизанскому движению никакой помощи, но и нанесли ему тяжелый удар с целью демобилизации партизанской армии. 10 ноября 1944 г. главнокомандующий союзными войсками в Италии генерал Александер обратился к партизанам с обращением, в котором им предлагалось в связи с задержкой наступления союзников прекратить «организованные операции в широком масштабе», однако «сохранить оружие и боеприпасы и находиться в готовности до новых распоряжений»[2].

Обращение Александера было передано по радио, и тем самым не только партизанам, но и врагу стало известно, что англо-американские войска намереваются отложить наступательные действия до следующей весны и, следовательно, дать немцам передышку на фронте. Момент для передачи также был выбран крайне неудачно: обращение появилось в самый разгар немецких контрударов по партизанам. Призыв «разойтись по домам»

---

[1] *Р. Батталья.* История итальянского движения Сопротивления, стр. 516.

[2] Там же, стр. 524.

оказывал «лучшую услугу германским фашистам в Италии, наносил серьезнейший ущерб итальянскому движению Сопротивления и глубоко оскорблял его»[1].

Обращение Александера, как и все действия англо-американского командования на итальянском фронте, отражало, по существу, союзническую концепцию ведения войны, основанную на политических мотивах, по которым освобождение должно было в возможно меньшей степени исходить от итальянского народа. «С помощью пресловутого воззвания генерала Александера,— отмечал П. Тольятти,— англо-американцы пытались добиться развала всего партизанского движения и свести его роль к случайным патриотическим выступлениям, не имеющим ни политического, ни военного значения»[2].

Позиция Советского Союза в отношении партизанского движения и всей освободительной борьбы итальянского народа кардинально отличалась от позиции западных союзников. Вся его политика по отношению к Италии, деятельность советских представителей в Консультативном совете были направлены на поддержку самого широкого антифашистского движения и национально-освободительной борьбы итальянцев. В тяжелый период осени — зимы 1944 г. советская сторона, в противоположность союзникам, стремившимся парализовать партизанское движение, продолжала поддерживать и стимулировать его[3]. В рядах итальянского движения Сопротивления героически сражались советские граждане.

Командование Корпуса добровольцев свободы выступило против демобилизации партизанских сил. В обращении к партизанам, составленном Л. Лонго, подчеркивалось, что «борьба продолжается и должна продолжаться». В обращении указывалось, что на ближайшее время следует предвидеть не свертывание, не ослабление партизанской борьбы, а расширение и усиление ее. Поэтому руководители партизанских отрядов должны ориентироваться не на демобилизацию, а на более мощную организацию своих отрядов и на их усиленную боевую активность[4].

Так благодаря твердой позиции коммунистов и поддержке населения армия Сопротивления была сохранена и сыграла решающую роль в освобождении Северной Италии.

---

[1] *Р. Батталья.* История итальянского движения Сопротивления, стр. 525.

[2] "Rinascita" N 12, Dicembre, 1953, p. 680.

[3] См. *О. В. Серова.* Италия и антигитлеровская коалиция 1943—1945, стр. 252—254.

[4] См. *Р. Батталья.* История итальянского движения Сопротивления, стр. 560.

В ноябре — декабре 1944 г. внутриполитическое положение Италии обострилось. В связи с усилившимися разногласиями между антифашистскими партиями, входившими в правительство Бономи, возник правительственный кризис, в который вмешались США и Англия. 26 ноября 1944 г. Бономи подал в отставку. В этот критический момент Итальянская коммунистическая партия выступила против совершенно нереального в тех условиях предложения социалистов и Партии действия о создании правительства из представителей одних левых партий. Коммунисты считали необходимым сохранение национального единства. Они вошли в состав второго правительства Бономи, сформированного в декабре 1944 г.

Сохранение национального фронта позволило избежать столкновения левых сил Сопротивления с союзниками и открыло путь к достижению соглашения между Комитетом национального освобождения Северной Италии (КНОСИ) и итальянским правительством. 26 декабря 1944 г. И. Бономи и представитель КНОСИ Дж. К. Пайетта подписали двустороннее соглашение, в котором говорилось, что итальянское правительство признает КНОСИ в качестве органа антифашистских партий на территории, оккупированной врагом, а также «уполномочивает КНОСИ представлять его (правительство) в борьбе, которую патриоты ведут против немцев и фашистов на не освобожденной еще территории Италии»[1].

Что касается союзников, то они трактовали функции КНОСИ более ограничительно, признавая за ним лишь право на руководство партизанской войной, но отнюдь не право политического органа антифашистских партий. Соглашения КНОСИ с союзниками (так называемые Римские протоколы), заключенные 7 декабря 1944 г., предусматривали, что союзники возобновят поставку партизанам оружия, а на территории, освобожденной силами партизан, местные Комитеты национального освобождения до прихода войск союзников будут осуществлять функции административной власти. Вместе с тем была сделана существенная оговорка, что по первому требованию англо-американского командования КНОСИ передадут власть органам АМГ, а партизанская армия будет распущена.

Сохранение национального единства антифашистских сил Италии и соглашение с союзниками способствовали дальнейшему развитию партизанской войны и открыли путь к победоносному национальному восстанию в Северной Италии 25 апреля 1945 г.

---

[1] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 220. См. также *Н. Н. Комолова.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943—1947 гг., стр. 230.

6. Дипломатия США и Англии на Дальнем Востоке

Развитие событий на тихоокеанском театре

С открытием второго фронта в Европе англо-американские союзники стали «наращивать темпы» войны и на тихоокеанском театре военных действий. Начатые американскими войсками в ноябре 1943 г. наступательные действия в центральной и южной частях Тихого океана получили дальнейшее развитие. После захвата острова Сайпан в развернувшихся боях западнее Марианских островов американские войска в период с 21 июля по 10 августа 1944 г. овладели островом Гуам и другими островами этой группы.

Американское командование стремилось использовать свои превосходящие морские и воздушные силы для захвата важнейших стратегических позиций на Тихом океане на пути к Японии, а в дальнейшем создать там базу в борьбе против национально-освободительного движения народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Американский план не ставил целью захват каждого острова на пути наступления. Американские войска занимали наиболее выгодные стратегические позиции в Тихом океане. Такую тактику американцев японцы сравнивали с игрой в шахматы или шашки [1].

В результате военных действий в бассейне Тихого океана в 1944 г. американо-английские войска установили контроль почти над всеми островами центральной и юго-западной частей Тихого океана. Начались военные действия в Южно-Китайском море и зоне Южных морей. В октябре 1944 г. 6-я американская армия генерала Крюгера высадилась на острове Лейте. В январе 1945 г. американцы высадились на острове Лусон. Создалась угроза потери Японией Филиппин. Успеху американских войск способствовало антияпонское движение, развернувшееся на оккупированных японцами территориях. Японские войска во второй половине 1944 г. были принуждены оставить также ранее захваченные территории в Индии и большую часть Бирмы. Но операции в Бирме не оказали серьезного влияния на общий ход боевых действий против Японии и «не приближали, как говорил Ф. Рузвельт, союзные державы к жизненно важным районам Японии» [2]. Несмотря на неудачи на Тихом океане и в Бирме, Япония оставалась способной вести длительную войну против США и Англии на сухопутном фронте. В Китае японцы продолжали завоевывать и удерживать обширные территории в центральных районах и на юге страны.

[1] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке». Кн. вторая. 1917—1945 гг. М., 1973, стр. 210.

[2] *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 247.

Американская политика в Китае

В середине 1944 г. американцы начали помышлять об организации широкого контрнаступления против японских вооруженных сил в Китае, которое могло бы быть прелюдией высадки на собственно японские острова, а также обеспечило бы их ведущее положение на Дальнем Востоке, пока Советский Союз был связан войной на советско-германском фронте. В это время американская политика в Китае вступила в новую фазу. В борьбе за ключевые позиции в стране Вашингтон стремился поставить под свой контроль и Особый район Китая.

Американские правящие круги внимательно следили за положением внутри Китая, направляя туда военные миссии, политических деятелей, журналистов и т. д. Летом 1944 г. американские наблюдатели сообщали о весьма тяжелой обстановке внутри Китая: «Повсюду — всеобщее чувство безнадежности, низкое моральное состояние... Беспримерная по своим размерам коррупция деморализовала всю правительственную и военную структуру»[1].

США нуждались в китайских базах, людских ресурсах, в боеспособных воинских частях. Правительство США было заинтересовано в сохранении гоминьдановского режима, надеясь путем некоторых реформ упрочить его позиции в стране, придать ему видимость демократического. В этих целях американцы стремились завязать контакты с руководством Особого района под предлогом создания в Китае предпосылок для установления национального единства.

Летом 1944 г. американская дипломатия предприняла активные попытки стабилизировать положение правительства Чан Кай-ши, объединить гоминьдановские армии и силы, руководимые КПК, под единым командованием. В июне 1944 г. в Китай был направлен вице-президент США Генри Уоллес в качестве личного представителя президента Рузвельта. В беседах с гоминьдановскими деятелями Уоллес рекомендовал «урегулировать» отношения с коммунистами, проявить «больше гибкости и дальновидности»[2]. Уоллес сообщил о том, что Рузвельт готов выступить в качестве арбитра между КПК и гоминьданом. Чан Кай-ши выразил полное согласие с предложением американцев, попросив направить в Китай специальную миссию.

22 июля 1944 г. в Особый район Китая прибыла «союзническая миссия наблюдателей» во главе с полковником Д. Барретом. Баррет известил руководство КПК о том, что он будет свя-

[1] "United States Relations with China. Special Reference to the Period 1944—1949". Washington, 1949, p. 64 (далее — "United States Relations with China").

[2] Ibid., p. 556.

зующим звеном с высшей американской администрацией. Представитель американского посольства в Чунцине Джон Стюарт Сервис вел в Яньани «политическую работу» и неоднократно встречался с Мао Цзэ-дуном и другими руководителями КПК [1]. Мао Цзэ-дун был доволен политическим признанием Америкой Особого района Китая. Он рассчитывал с помощью США и Англии вытеснить Чан Кай-ши и гоминьдан с политической арены, став единственной реальной силой в Китае. Лидеры КПК не скрывали своей заинтересованности в военном сотрудничестве с США. Мао Цзэ-дун говорил, что «стабильное правительство коммунистов может с большой пользой сотрудничать с американцами под союзным командованием, нежели под командованием обанкротившегося гоминьдановского правительства» [2].

В августе 1944 г. генерал Патрик Хэрли и бизнесмен Дональд Нельсон были назначены личными представителями президента США при Чан Кай-ши. На Хэрли возлагались военная и политическая стороны миссии. Нельсон должен был обеспечить контроль за использованием поставок по ленд-лизу. Но главная его задача заключалась в обеспечении условий для экономической экспансии американских монополий в Китае.

Нельсон добился, что гоминьдановское правительство отказалось от планов развития национальной промышленности и согласилось получить широкую техническую помощь от США, что должно было поставить экономику Китая под контроль американских монополий. На основе этой договоренности спустя несколько месяцев был подписан ряд экономических соглашений, ставивших Китай в зависимое положение.

Чан Кай-ши согласился на расширение полномочий американского командования в Китае и реорганизацию китайской армии по американскому образцу. Он высказал возражения лишь против назначения генерала Стилуэлла на пост главнокомандующего всеми вооруженными силами Китая, поскольку Стилуэлл был известен своим критическим отношением к гоминьдану.

28 октября 1944 г. Стилуэлл был отозван из Китая. Вместо него командующим американскими войсками в Китае и начальником штаба у Чан Кай-ши был назначен генерал А. Ведемейер. Посол США в Чунцине Кларенс Гаусс, поддерживавший линию Стилуэлла, был отозван из Китая.

---

[1] *J. S. Service.* The Amerasia Papers. Some Problems in the History of the US — China Relations. Berkely (Calif.), 1971.

[2] Цит. по кн.: *В. Б. Воронцов.* Дело «Амерэйша». Политические столкновения в США по проблемам Китая. М., 1974, стр. 53—54.

Хэрли предложил свое посредничество для достижения соглашения между гоминьданом и компартией. Руководство КПК согласилось на переговоры с Хэрли.

7 ноября 1944 г. Хэрли в качестве личного представителя президента США в сопровождении полковника Баррета с группой военных наблюдателей прибыл в Яньань. Хэрли заверил представителей компартии, что он готов способствовать ликвидации однопартийной диктатуры гоминьдана и созданию демократического коалиционного правительства из представителей всех партий. По его мысли, коалиционное правительство должно было осуществить принципы Сунь Ят-сена, установить политические свободы, легализовать КПК и все антияпонские партии. КПК и гоминьдан обязывались объединить все вооруженные силы для разгрома Японии. Все антияпонские силы должны были подчиняться коалиционному правительству и объединенному военному совету. Предусматривалось справедливое распределение иностранной военной помощи и т. д. Эти обязательства сторон были зафиксированы в документе от 10 ноября 1944 г. и подписаны представителем КПК и Хэрли в качестве посредника [1]. Хэрли обязался добиться от Чан Кай-ши подписания этого документа, который, таким образом, приобрел бы характер соглашения между двумя партиями.

Но составленный по инициативе Хэрли проект договора оказался неприемлемым для Чан Кай-ши. В условиях продолжающегося наступления японцев и политического кризиса в стране принятие этого соглашения означало бы для правительства Чан Кай-ши потерю власти. 22 ноября 1944 г. он выдвинул свой контрпроект. Чан Кай-ши требовал передачи под его контроль всех вооруженных сил освобожденных районов. Однако это требование ни в коей мере не отвечало планам Мао Цзэ-дуна. В качестве ответной меры последний решил немедленно отозвать из Чунцина своих представителей при гоминьдане — Дун Би-у и Чжоу Энь-лая.

Что же касается правительства США, то оно решило изменить позицию в отношении Особого района Китая, воздержаться от дальнейшего рискованного сближения с КПК и связать свою борьбу за преобладание в Китае с правительством Чан Кай-ши.

В середине декабря Хэрли снимает с себя обязанности «посредника» между гоминьданом и КПК и назначается послом при центральном правительстве Китая. 16 декабря глава «союзнической миссии наблюдателей» Баррет попросил свидания с руководством КПК и в беседе с Чжу Дэ и Е Цзянь-ином заявил, что, «к сожалению, руководство союзных сил в Китае не имеет возможности оснастить 8-ю НРА и Новую 4-ю НРА оружием».

[1] "United States Relations with China", p. 74.

Баррет подчеркнул, что это прямой результат неуступчивости руководства КПК, отвергшего проект соглашения, предложенного главой центрального китайского правительства. «На таких условиях,— сказал он,— мы не можем поставлять оружие»[1]. Вместе с тем Вашингтон не прекращал связей с Особым районом Китая. В сложной и чреватой неожиданностями ситуации на Дальнем Востоке обеим сторонам казалось не лишним сохранение связей.

По сути дела, в контактах американских представителей с руководством КПК, возглавляемым Мао Цзэ-дуном, шел торг за спиной СССР, ведшего кровопролитную войну с фашистской Германией.

Мао Цзэ-дун старался выступать главной политической силой Китая в финале войны на Дальнем Востоке, причем силой, не связанной политически с Советским Союзом. У него было стремление противопоставить Соединенные Штаты Советскому Союзу. И лишь когда в Вашингтоне отказались от союза с руководством КПК, Мао Цзэ-дун для обеспечения своих корыстных интересов стал переключаться на поддержку Советского Союза.

Что касается СССР, то, исходя из реальной обстановки в Китае, он решительно призывал к созданию в Китае «подлинного национального единства», к объединению «всех сил и демократизации государства в целях быстрейшего завершения освободительной войны»[2].

[1] *П. П. Владимиров.* Особый район Китая. 1942—1945, стр. 400.
[2] «Известия», 2 декабря 1944 г.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Вопрос о новой встрече в верхах

По мере развития военных действий против фашистской Германии перед союзными державами все настоятельнее вставала объективная необходимость новой встречи в верхах. Ряд политических проблем, возникших в связи с приближающимся завершением войны и организацией послевоенного мира, требовал немедленного решения. Круг актуальных вопросов был весьма широк. В частности, надо было разработать согласованные планы военных действий Красной Армии и союзных войск против гитлеровской Германии на заключительном этапе войны. Нужно было определить основные принципы обращения с побежденным Германским «рейхом». Правящие круги США и Англии понимали, что только в сотрудничестве с СССР можно добиться желаемого результата и в войне с Японией. Три великие державы должны были решить, как лучше претворить в жизнь основные начала, провозглашенные Объединенными Нациями по вопросам организации послевоенного мира и международной безопасности.

Тегеранская конференция глав правительств трех великих держав показала, что назревшие проблемы можно лучше всего решать на основе делового и равноправного сотрудничества союзников. В 1944 г. произошло расширение и укрепление антифашистской коалиции, упрочение военного союза главных держав коалиции — СССР, США и Англии. После открытия второго фронта в Европе в июне 1944 г. начали осуществляться Тегеранские решения трех держав о совместных действиях в войне против Германии. Военное сотрудничество союзников выражалось также во взаимном информировании о ходе операций, в обмене опытом боевых действий.

В июле 1944 г. Советское Верховное Главнокомандование дало согласие, в частности, командующему тактическими военно-воздушными силами США на средиземноморском театре военных действий на ознакомление «с методами взаимодействия на-

шей авиации с войсками на фронте»[1]. На территории СССР в районе Полтавы были выделены аэродромы для базирования американских и английских самолетов, совершавших челночные бомбардировочные операции против Германии[2]. Расширился обмен военно-технической информацией.

Конечно, в США и Англии продолжали действовать реакционные круги, стремившиеся спасти германский империализм от полного разгрома. Участники неудавшегося путча в Германии, известного под названием «заговора 20 июля», были связаны с правящими кругами Англии и США. Велись тайные переговоры англо-американских представителей и с руководящей фашистской верхушкой. Однако в условиях упрочения антифашистской коалиции, огромного авторитета СССР на международной арене были обречены на провал все дипломатические попытки Германии и Японии подорвать и расколоть антифашистскую коалицию. Правительство СССР, а вместе с ним и правительства США и Англии неизменно заявляли всему миру о необходимости завершения войны лишь на условиях безоговорочной капитуляции Германии. Вместе с тем западные союзники не могли пренебрегать требованиями народов о дальнейшем единстве действий с СССР — решающей силой антифашистской, освободительной войны.

Президент США официально предложил устроить новую встречу на высшем уровне. «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно,— писал Ф. Рузвельт И. В. Сталину в послании, полученном в Москве 19 июля 1944 г.,— я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-Министром и мною»[3]. Черчилль был полностью согласен с этой мыслью[4]. Рузвельт и Черчилль определили дату встречи приблизительно во второй неделе сентября 1944 г., а ее местом назвали север Шотландии. Однако предложенное союзниками время встречи Советское правительство признало неподходящим. «...Обстоятельства, связанные с военными операциями на нашем фронте...— писал И. В. Сталин в послании Ф. Рузвельту от 2 августа 1944 г.,— не позволяют мне, к сожалению, рассчитывать на возможность такой встречи в ближайшем будущем»[5].

После конференции в Квебеке 11—16 сентября 1944 г. Черчилль и Рузвельт возобновили предложение Советскому правительству о трехсторонней встрече. И. В. Сталин под-

---

[1] АВП СССР. Письмо Наркомата обороны СССР в НКИД СССР от 17 июля 1944 г.

[2] См. «Переписка...», т. II, стр. 291 (примечание 86).

[3] Там же, стр. 149.

[4] См. «Переписка...», т. I, стр. 245.

[5] «Переписка...», т. II, стр. 152.

твердил «большое желание встретиться» с Черчиллем и Рузвельтом. «Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела,— писал И. В. Сталин У. Черчиллю 30 сентября 1944 г.— Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться»[1].

В связи с выездом У. Черчилля в Москву в начале октября 1944 г. президент США в послании И. В. Сталину снова выразил надежду на встречу глав правительств США, СССР и Англии. «Вполне понимая желание» У. Черчилля встретиться с И.В. Сталиным, Ф. Рузвельт проявил заинтересованность США буквально во всех вопросах, военных и политических, которые могли бы обсуждаться в Москве. «Я твердо убежден,— писал Рузвельт,— что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованным вопросам»[2]. Он рассматривал предстоящие беседы в Москве как предварительные к конференции «большой тройки». В ответном послании И. В. Сталин сообщил Ф. Рузвельту, что он будет информировать его «по мере выяснения дела» после встречи с У. Черчиллем[3].

Во время московских переговоров глав правительств СССР и Англии, а также их бесед с участием посла США в Москве Гарримана в октябре 1944 г. обсуждались многие вопросы[4]. Каких-либо конкретных решений не было принято, но переговоры позволили лучше выяснить позиции сторон по нерешенным вопросам. «Я надеюсь на то,— писал И. В. Сталин президенту Ф. Рузвельту,— что эти московские беседы принесут пользу и в том отношении, что при будущей встрече нас троих мы сможем принять определенные решения по всем неотложным вопросам, представляющим для нас общий интерес»[5]. Президент Рузвельт разделял это мнение. «Я уверен,— говорилось в его ответе,— что успех, достигнутый во время Ваших бесед в Москве, облегчит и ускорит нашу работу при следующей встрече, когда мы втроем должны будем прийти к полному соглашению о наших будущих действиях, политике и взаимных интересах»[6]. В свою очередь Черчилль также высоко оценивал результаты московских переговоров и выражал надежду, что скоро состоится встреча «большой тройки»[7].

В переписке глав правительств США, СССР и Англии после

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 262.
[2] «Переписка...», т. II, стр. 161.
[3] См. там же, стр. 162.
[4] См. главу пятнадцатую, стр. 496—499.
[5] «Переписка...», т. II, стр. 164.
[6] Там же, стр. 165.
[7] См. «Переписка...», т. I, стр. 268.

московских переговоров продолжался обмен мнениями о созыве новой конференции трех держав на высшем уровне. Предварительно было намечено провести новую встречу «большой тройки» на черноморском побережье в СССР в ноябре 1944 г. По просьбе Рузвельта эта встреча была отложена на время после его нового вступления в должность президента США (20 января 1945 г.)[1]. Конференцию наметили провести в Крыму в конце января — начале февраля 1945 г.

По предложению Черчилля конференция была зашифрована кодовым названием «Аргонавт». Рузвельт понял скрытый смысл предложенного Черчиллем условного названия. «Ваше предложение — «Аргонавт» — приветствую. Вы и я,— писал он Черчиллю,— их прямые потомки»[2]. По преданию, древнегреческие герои отправились на берега Черного моря за золотым руном. На этот раз руководители США и Англии, отправлявшиеся на черноморское побережье, подразумевали под золотым руном помощь СССР союзникам, оказавшимся в это время в тяжелом положении на Западном фронте, а также окончательное согласие Советского правительства на вступление в войну с Японией.

Обстановка на фронтах войны накануне конференции в Крыму

В результате выдающихся побед Красной Армии на советско-германском фронте создавались благоприятные условия для развертывания действий союзных армий на Западе. Однако наступление союзников осенью 1944 г. захлебнулось. В декабре 1944 г. немецкие войска нанесли союзникам сильный контрудар на Западном фронте, в Арденнах (Бельгия). Гитлеровское командование планировало ударом на Льеж прорваться к Антверпену, ставшему к тому времени центром снабжения англо-американских войск, отрезать и разгромить армии союзников, находившиеся в Бельгии и Голландии, как это было в 1940 г. в районе Дюнкерка.

Контрудар немцев позволил им продвинуться на 90 *км* на участке прорыва. Замысел Гитлера заключался в том, чтобы показать Англии и США силу своих войск, якобы способную отразить наступление на Германию, и принудить их пойти на сепаратный мир с Германией. При этом он рассчитывал также на возможное содействие реакционных сил США и Англии в установлении контактов и заключении мира.

Немецкое наступление в Арденнах явилось неожиданностью для англичан и американцев. Войска США и Англии оказались в трудном положении. 6 января 1945 г. Черчилль был вынужден

---

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 173.

[2] Цит. по кн.: *С. Б. Сосинский.* Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970, стр. 48.

обратиться за помощью к Советскому Союзу. «На Западе идут очень тяжелые бои,— писал он И. В. Сталину,— и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы». Черчилль просил сообщить ему, можно ли «рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я,— писал Черчилль,— считаю дело срочным»[1]. Получив послание Черчилля вечером 7 января, Советское правительство в тот же день дало следующий ответ: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»[2]. Английский премьер высоко оценил этот акт Советского правительства. В ответе И. В. Сталину он писал: «Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!»[3]

12 января, ранее намеченного срока, советские войска перешли в наступление и последовательно нанесли ряд мощных ударов по немецко-фашистским войскам на фронте от Балтийского моря до Карпат. Прорвав главную полосу обороны противника, советские войска продвинулись за первые два дня на 40—50 *км*. Это облегчило положение союзников в Арденнах. Немцы были вынуждены прекратить наступательные операции на Западном фронте и спешно перебрасывать свои войска на Восточный фронт. Так, выполняя свой союзнический долг, Советское правительство и Красная Армия выручили оказавшихся в беде союзников.

17 января 1945 г. премьер-министр Англии писал главе Советского правительства: «От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и принести поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте»[4].

---

[1] «Переписка...», т. I, стр. 298.
[2] Там же, стр. 299.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 303.

В послании, полученном И. В. Сталиным 18 января, Ф. Рузвельт отмечал: «Подвиги, совершенные Вашими героическими воинами раньше, и эффективность, которую они уже продемонстрировали в этом наступлении, дают все основания надеяться на скорые успехи наших войск на обоих фронтах»[1].

Во время январской операции советские войска на берлинском направлении продвинулись до 500 *км*, выйдя к 1 февраля 1945 г. на реку Одер в районе Кюстрина и заняв Силезский промышленный район.

Продвинувшись далеко на запад и вступив в пределы Германии, советские войска заняли выгодное стратегическое положение для дальнейшего наступления. Несмотря на то, что гитлеровское командование продолжало держать на советско-германском фронте свои главные силы, Советские Вооруженные Силы были готовы в ближайшее время окончательно сокрушить врага.

В начале 1945 г. произошли некоторые изменения и на Западном фронте. Оправившись от контрудара немцев в Арденнах, англо-американские части перегруппировали свои силы и начали концентрировать их на севере для наступления. В конце января на совещании Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США и Англии, проходившем на острове Мальта, генерал Эйзенхауэр утвердил план операций союзных англо-американских войск. По этому плану главный удар предполагалось нанести севернее реки Мозель, в направлении на Рур, а вспомогательный — на Франкфурт-на-Майне — Кассель[2]. На итальянском участке фронта союзные войска (8-я английская и 5-я американская армии) остановились на рубеже Пиза — Равенна и готовились к наступлению на север.

В целом обстановка на фронтах в Европе позволяла надеяться на окончательный разгром Германии в самом ближайшем будущем.

К началу 1945 г. на тихоокеанском театре военных действий военные операции переместились из центральной и юго-западной частей Тихого океана в Южно-Китайское море и на ближние подступы к берегам собственно Японии. Японские войска были вынуждены отступать в Бирме. Застопорилось предпринятое японцами наступление в Китае.

Однако Япония все еще располагала крупными людскими резервами и держала под ружьем более 5 млн. человек. Полным ходом работало военное производство в метрополии, Северо-

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 183.

[2] См. *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. М., 1958, стр. 84—85.

Восточном Китае и Корее. Опираясь на крупные сухопутные силы и военно-воздушный флот, японское командование планировало упорное и длительное сопротивление на сухопутном театре военных действий. 25 января 1945 г. на заседании Высшего совета по руководству войной был принят общий план, в котором говорилось: «Продолжая решительные усилия в области ведения войны и рассчитывая на благоприятный поворот в военных событиях, империя в то же время немедленно создаст систему активной обороны, опирающуюся на Японию, Маньчжурию, Китай, и будет упорно вести затяжную войну»[1].

К этому времени на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии были сосредоточены значительные англо-американские вооруженные силы, во многом превосходящие японские по флоту и авиации. Но в сухопутных войсках преимущество оставалось на стороне Японии. Для развертывания военных действий в собственно Японии англо-американских войск явно не хватало. Американские военные руководители считали, что при вторжении в Японию они понесут огромные потери и что «даже после успешного занятия японских островов союзниками японцы смогут оказывать длительное сопротивление на азиатском материке»[2].

«Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе»[3],— говорилось в «Памятке», подготовленной правительственными учреждениями для Рузвельта в январе 1945 г. в связи с предстоявшей встречей руководителей трех держав. Рузвельт был «полон решимости добиться в Ялте письменного обязательства» СССР относительно вступления в войну на Дальнем Востоке[4].

Совещание Рузвельта и Черчилля на Мальте

По пути в Крым руководящие деятели США и Англии устроили 2 февраля 1945 г. совещание на острове Мальта, на котором рассмотрели некоторые вопросы, относящиеся к завершению войны против Германии и Японии. На совещании Черчилль подчеркивал нежелательность того, «чтобы русские оккупировали в Западной Европе больше того, чем это необходимо»[5]. Разгорелся спор о том, выполнять ли ранее принятый план Эйзенхауэра. Чер-

---

[1] «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 156.

[2] *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 204.

[3] Цит. по кн.: *Н. Н. Яковлев.* Франклин Рузвельт — человек и политик, стр. 487.

[4] *W. L. Neumann.* Making the Peace, p. 92.

[5] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Jalta, 1945", Washington, 1955, p. 543.

чилль высказался за оккупацию англо-американскими войсками большей части Западной Европы путем наступления на северном участке Западного фронта. Не возражая в принципе Черчиллю, американские военные представители не были едины с ним в определении направления главного удара при наступлении против Германии. В результате был принят компромиссный план, согласно которому основной удар должен был наноситься на северном участке Западного фронта, но генералу Эйзенхауэру давалось право выбирать направления вспомогательных операций. По настоянию Черчилля было решено задержать в Средиземном море часть войск, предназначавшихся ранее к переброске в другие районы.

На совещании происходил также обмен мнениями между Рузвельтом и Черчиллем об общей линии поведения на конференции в Крыму.

Открытие конференции в Крыму

В ночь на 3 февраля Рузвельт и Черчилль в сопровождении многочисленных политических и военных деятелей, советников и переводчиков (всего до 700 человек) на самолетах отправились в Крым, где сначала приземлились с интервалом в 20 минут на аэродроме Саки, а затем на автомашинах прибыли в Ялту. По предложению Рузвельта лишь небольшой группе людей, одетых в военную форму, было позволено производить фотографирование встречи. Не допускались туда и представители прессы. С советской стороны был создан максимум удобств, возможных в освобожденном от фашистских варваров Крыму, для размещения и работы делегаций. Рузвельту, здоровье которого все более подтачивалось тяжелым недугом, был предоставлен дворец Ливадия, где должны были проходить и официальные встречи «большой тройки». Черчилль разместился в бывшем воронцовском дворце. Советская делегация остановилась в бывшем юсуповском дворце.

Глава правительства СССР И. В. Сталин и сопровождающие его лица прибыли в Ялту утром 4 февраля.

В тот же день в 16 часов 35 минут во дворце Ливадия состоялось открытие конференции «большой тройки». Кроме глав правительств в заседаниях участвовали министры иностранных дел СССР (В. М. Молотов), США (Э. Стеттиниус) и Англии (А. Иден) и их заместители, послы СССР в США (А. А. Громыко) и в Англии (Ф. Т. Гусев), посол США в СССР (У. А. Гарриман), посол Англии в СССР (А. К. Керр), руководители военных ведомств трех стран, а также дипломатические и военные советники. По предложению И. В. Сталина председательствовал на конференции Ф. Рузвельт.

Кроме официальных заседаний на конференции, продолжавшейся по 11 февраля, имели место неофициальные беседы между руководителями и членами делегаций.

Согласование планов окончательного разгрома фашистской Германии

Заседания конференции начались с обсуждения военных вопросов. Участники конференции рассмотрели информацию о положении на фронтах. С сообщением о положении на советско-германском фронте выступил заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал армии А. И. Антонов, а информацию о положении на западноевропейском театре сделал начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. Советско-германский фронт оставался решающим фронтом и на последнем этапе войны. Это подтвердилось и при обмене мнениями о ходе будущих операций. Советские представители сообщили, что предпринятое ранее по просьбе союзников наступление Красной Армии по всему советско-германскому фронту будет продолжаться, причем одновременно с наступлением на центральных фронтах предполагается нанести удар на Вену. Что же касается Западного фронта, то там, как это явствовало из сообщения Маршалла, предполагалось осуществить прорыв лишь на фронте от 50 до 60 миль — сначала севернее Рура, а затем южнее этого района. Англо-американские союзники надеялись больше на ослабление сопротивления немцев на Западном фронте, чем на силу своего удара, для достижения своих тайных целей — оккупации не только Западной, но и Центральной Европы.

По поручению глав правительств представители военных штабов СССР, США и Англии обсудили на своих заседаниях во время конференции вопросы, связанные с координацией будущих ударов по врагу с востока и с запада. Военные штабы трех держав договорились о взаимодействии стратегических сил авиации. Координация их действий должна была осуществляться Генеральным штабом Красной Армии с главами союзных миссий в Москве. Представители Англии и США, признавая важность взаимодействия обоих фронтов против гитлеровской Германии, уклонились, однако, от выполнения просьб Генерального штаба Красной Армии принять необходимые меры для того, чтобы помешать дальнейшей переброске немецко-фашистских войск на советско-германский фронт из Италии, а также из Норвегии.

Тем не менее согласование военных планов союзников на Крымской конференции имело большое значение. «Наши совместные военные планы,— говорилось в заявлении глав трех держав,— станут известны только тогда, когда мы их осуществим, но мы уверены, что очень тесное рабочее сотрудничество

между тремя нашими штабами, достигнутое на настоящей Конференции, поведет к ускорению конца войны»[1].

Конференция явилась высшей точкой военного сотрудничества в войне с гитлеровской Германией. Несмотря на тайные замыслы англо-американских союзников добиться преимущественного положения в Европе в результате войны, они, не имея надлежащих сил для этого, были вынуждены признать решающее значение Советского Союза в окончательном разгроме врага. Недаром, отвечая позже тем, кто обвинял глав правительств США и Англии в слишком тесном сотрудничестве с Советским Союзом на конференции в Крыму, Черчилль писал: «Что случилось бы, если бы мы поссорились с Россией в то время, когда немцы все еще имели триста — четыреста дивизий на полях сражения?»[2]

Заявление глав трех правительств о том, что координация их завершающих ударов по Германии приблизит конец войны, было воспринято с воодушевлением и одобрением народами. Вновь рушились планы гитлеровской клики и предсказания нацистской пропаганды о расколе в рядах союзников. И хотя, как показал дальнейший ход событий, англо-американские союзники не всегда точно выполняли достигнутые соглашения, решения Крымской конференции способствовали скорейшей победе над злейшим врагом человечества — фашизмом.

Вопрос об обращении с Германией после ее поражения

Главы трех правительств обсудили на Крымской конференции политические вопросы, которые неизбежно должны были возникнуть после поражения гитлеровской Германии, в том числе о порядке принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции и об общих принципах обращения с побежденным «рейхом».

На последнем этапе войны политические руководители США и Англии и их советники вновь и вновь ставили вопрос о том, как устранить Германию в качестве конкурента на мировых рынках и в то же время использовать ее в будущем против Советского Союза. К началу 1945 г. накопилось немало английских, а также американских проектов обращения с Германией после ее поражения, направленных на подчинение этой страны интересам США и Англии. Наибольшим предпочтением у американского и английского правительств пользовались планы расчленения Германии. Этой позиции они придерживались и на конференции в Крыму. Тогда же на Западе высказывались и другие точки зрения, отражавшие также

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 102.

[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 352.

стремление использовать послевоенную Германию против Советского Союза, но в иной форме. Так, председатель комитета начальников штабов вооруженных сил Англии в своем дневнике за 27 июля 1944 г. писал: «Провел час в военном министерстве, обсуждая с министром иностранных дел послевоенную политику в Европе. Следует ли расчленять Германию или постепенно превратить в союзника, чтобы встретить русскую угрозу через двадцать лет? Я предложил последнее и убежден, что отныне мы должны по-иному относиться к Германии. Германия больше не господствующая держава в Европе, таковой является Россия... Поэтому следует поощрять Германию, постепенно укреплять ее и ввести в федерацию Западной Европы. К несчастью, все это придется делать под прикрытием священного союза — Англии, России и Америки»[1].

Накануне конференции англо-американские империалистические планы в отношении Германии нашли свое отражение в предложениях, которые вносились Англией и США на рассмотрение союзнических совещаний с участием СССР, в частности в Европейскую консультативную комиссию, которая начала работать в Лондоне в декабре 1943 г.

В задачу Европейской консультативной комиссии входила разработка условий безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, определение союзнических зон оккупации Германии и разработка предложений о контрольном механизме в Германии в период выполнения ею основных требований безоговорочной капитуляции. Кроме того, Комиссия занималась рассмотрением вопросов восстановления независимости Австрии, а также разработкой условий перемирия с Болгарией и др.

Представители США и Англии вносили в Европейскую консультативную комиссию по поручению своих правительств такие предложения по обращению с побежденной Германией, которые не имели ничего общего с официально провозглашенной программой союзников в отношении Германии — обеспечить в будущем безопасность от угрозы германского милитаризма, уничтожить фашизм и переустроить Германию на демократических началах.

Так, по проекту об условиях капитуляции Германии, представленному США 25 января 1944 г., период общей оккупации Германии «не должен ограничиваться каким-либо определенным временем», а их проект от 15 февраля предусматривал предоставление союзникам всех ресурсов Германии. И английский и американский проекты допускали существование в Германии даже нацистских организаций, которые «окажутся желательными» и

[1] *A. Bryant.* Triumph in the West. 1943—1946. London, 1959, p. 242.

«могут быть сохранены или переведены на выполнение экономических и социальных функций»[1].

Уже на втором заседании Европейской консультативной комиссии, 25 января 1944 г., представитель Англии У. Стрэнг внес предложение о создании комитета по расчленению Германии и проект положения о работе этого комитета. Американский представитель в Европейской консультативной комиссии Д. Г. Вайнант поддержал это предложение.

Советская делегация исходила из точного смысла совместных решений союзных государств, принятых в период войны, в частности на Межсоюзной конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. и на Тегеранской конференции. Представитель СССР в Европейской консультативной комиссии руководствовался указаниями Советского правительства о необходимости для союзников прежде всего обеспечить разгром фашистской Германии, освободить народы Европы, в том числе и немецкий народ, от гитлеровской тирании и подготовить условия для превращения Германии в миролюбивое, демократическое государство. Советский представитель в Европейской консультативной комиссии Ф. Т. Гусев по поручению своего правительства подчеркивал: «В Германии имеются армия, авиация, флот, составляющие ее вооруженные силы, но, кроме этого, имеются соединения и части СС, СА, гестапо, которые являются одновременно и военными, и гражданскими. Режим гражданской жизни в Германии пронизан и скован военным или полувоенным аппаратом. Перед союзниками стоят весьма большие задачи не только в открытом бою разбить вооруженные силы Германии, но сломить и разбить всю военную машину германского государства»[2].

Благодаря усилиям Советского правительства в Европейской консультативной комиссии были разработаны документы об условиях безоговорочной капитуляции Германии, о зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином», а также о контрольном механизме в Германии, которые были основаны на справедливых и демократических принципах. Решающая роль Советского Союза в войне с гитлеровской Германией и голос демократической мировой общественности обеспечили принятие этих соглашений и представителями Англии и США.

В документе «Безоговорочная капитуляция Германии» фиксировались прежде всего военно-политические условия капиту-

---

[1] «Из материалов Европейской консультативной комиссии».— «Международная жизнь», 1968, № 5, стр. 153—154.

[2] АВП СССР. Протокол заседания Европейской консультативной комиссии от 3 марта 1944 г., стр. 3.

ляции, как этого и добивалась делегация СССР. Германия должна была прекратить военные действия на всех фронтах против вооруженных сил Объединенных Наций. Все вооруженные силы Германии, включая сухопутные, воздушные, противовоздушные и военно-морские силы, СС, СА, гестапо, а также все другие силы или вспомогательные организации, имеющие оружие, полностью разоружаются с передачей своего оружия и имущества союзным представителям. Союзные представители имели право размещать вооруженные силы и гражданские органы во всех частях Германии по своему усмотрению. СССР, США и Англия брали на себя в отношении Германии верховную власть. При использовании этой власти они могли принять такие меры, включая полное разоружение и демилитаризацию Германии, которые они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности[1].

В соглашении о зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином» предусматривалось, что Германия будет разделена на оккупационные зоны, восточная часть страны предназначалась для занятия советскими войсками, северо-западная — английскими и юго-западная — американскими[2].

По соглашению о контрольном механизме в Германии верховная власть в стране в период оккупации должна была осуществляться главнокомандующими вооруженных сил СССР, США и Англии — каждым в своей оккупационной зоне — по директивам своих правительств. По вопросам, затрагивающим Германию в целом, они должны были действовать совместно в качестве членов верховного контрольного органа — Контрольного Совета для Германии[3].

Контрольный Совет был призван обеспечить согласованность в действиях главнокомандующих в отдельных зонах, вырабатывать решения по военным, политическим и экономическим вопросам, общим для всей Германии, контролировать деятельность центральной германской администрации (если бы она была создана).

При Контрольном Совете создавался Координационный комитет. Решения Контрольного Совета должны были приниматься на основе единогласия[4]. В докладе Европейской консультативной комиссии, представленном трем правительствам,

---

[1] АВП СССР. Протокол заседания Европейской консультативной комиссии от 25 июля 1944 г., стр. 4—9.

[2] См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XI. М., 1955, стр. 55—57 (далее — «Сборник действующих договоров...»).

[3] См. там же, стр. 62—65.

[4] См. там же, стр. 63.

по предложению советской делегации было сказано, что в задачи органов контроля и управления в Германии будут входить «контроль над разоружением Германии, включая самые неотложные задачи экономического разоружения, ликвидация нацистского режима и подготовка условий для образования в Германии органов, основанных на демократических началах»[1].

В соглашении о контрольном механизме в Германии предусматривалось, что Контрольный Совет и другие органы союзнического контроля «будут действовать в течение начального периода оккупации Германии, следующего непосредственно за капитуляцией, т. е. в течение периода выполнения Германией основных требований безоговорочной капитуляции»[2].

По соглашению «О зонах оккупации в Германии и об управлении «Большим Берлином»» весь «Большой Берлин» входил в восточную, т. е. советскую, зону оккупации. Но поскольку Берлин как столица Германии был избран местом пребывания Контрольного Совета, предусматривалось, что он будет занят войсками всех оккупирующих Германию государств. Управление «Большим Берлином» должно было осуществляться межсоюзнической комендатурой, действовавшей на основе принципа единогласия.

Как признает американский дипломат Р. Мэрфи, участвовавший в переговорах от США, он усиленно добивался от своего правительства определения в соглашении специальных прав, определяющих порядок доступа союзных войск в Берлин, но не получил поддержки[3].

На Крымской конференции главы трех правительств, учитывая разработанные в Европейской консультативной комиссии соглашения по Германии, наметили основные принципы согласованной политики в отношении Германии. Целью оккупации и союзнического контроля объявлялось «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира»[4]. Союзные державы заявили о своей решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы; раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб; изъять или уничтожить все германское военное оборудование; ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для воен-

[1] АВП СССР. Доклад Европейской консультативной комиссии правительствам СССР, США, Соединенного Королевства от 14 ноября 1944 г.
[2] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 65.
[3] *R. Murphy.* Diplomat among Warriors. New York, 1964, p. 231.
[4] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 102—103.

ного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные гитлеровцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения, а также принять совместно другие меры, которые могли бы оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всех народов. В решениях Крымской конференции было записано: «В наши цели не входит уничтожение германского народа». Одновременно в них указывалось, что «только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»[1]. Принятие решений о единой политике союзников в отношении Германии, а именно о разоружении, демилитаризации, денацификации и демократизации Германии, явилось крупной победой советской дипломатии.

На Крымской конференции был обсужден также вопрос об участии Франции на равных правах с другими великими державами в оккупации Германии и контроле над ней. В течение всего предшествующего периода войны США противились признанию Франции как великой державы. Вместе с Англией до ноября 1944 г. они возражали против участия Франции в разработке соглашений по Германии. Только по настоянию Советского правительства представитель Франции был приглашен в ноябре 1944 г. для участия в работе Европейской консультативной комиссии[2].

В Крыму три союзные державы сделали новый шаг в отношении признания права Франции на участие в решении вопросов, относящихся к побежденной Германии.

На Крымской конференции было решено, что Франции должна быть предоставлена зона оккупации в Германии за счет британской и американской зон; французское правительство приглашалось направить своего представителя в Контрольный Совет. В соответствии с Крымским решением вносились изменения в соглашения, принятые Европейской консультативной комиссией.

В связи с обсуждением германской проблемы на конференции большое место занял вопрос о взимании репараций. Гитлеровская агрессия причинила неимоверные бедствия и страдания народам. Советский Союз понес огромные людские потери, которые составили свыше 20 млн. человек. Советской стране был нанесен также колоссальный материальный ущерб. Чрезвы-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 103.

[2] См. «Советско-французские отношения...», стр. 326.

чайная Государственная Комиссия определила прямой ущерб, причиненный Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее сателлитами на территории, подвергшейся оккупации, в сумме 679 млрд. руб. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень[1]. В целом материальные потери Советского Союза оцениваются суммой около 2 триллионов 600 миллиардов рублей[2].

Весьма большие потери в людях и материальных ценностях понесли также другие страны, подвергшиеся нашествию немецко-фашистских варваров,— Польша, Югославия, Греция и др. Справедливость требовала, чтобы ущерб, нанесенный Германией СССР и другим странам, был возмещен. Однако, исходя из чувства реальности и учитывая не только интересы пострадавших стран, но и интересы немецкого народа, Советское правительство выдвинуло принцип частичного возмещения ущерба в виде репараций.

На заседании конференции 5 февраля с советской стороны было заявлено, что «при выработке своего репарационного плана Советское правительство все время имело в виду создать условия, при которых германский народ в послевоенные годы мог бы существовать на базе среднеевропейского уровня жизни...»[3]. Советское правительство назвало на конференции сумму репараций в 20 млрд. долл., из них для СССР — 10 млрд. долл., что, конечно, составляло лишь незначительную часть всей суммы прямых материальных потерь Советского Союза[4]. Советские представители указывали, что сумма в 10 млрд. долл. немногим превышает, например, ежегодные расходы Германии на вооружение в предвоенные годы и равняется 10% государственного бюджета США в 1944/45 г., или шестимесячным расходам Англии на войну[5]. На конференции был подписан соответствующий протокол о репарациях. Конференция признала справедливым обязать Германию возместить причиненный ею ущерб в натуре в максимально возможной мере.

Главы трех правительств согласились, что репарации должны взиматься с Германии в трех формах: путем единовременного изъятия из национального богатства (фабрики, заводы,

---

[1] См. «Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР». М., 1945, стр. 1—3.

[2] См. «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», стр. 562.

[3] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 128.

[4] См. там же, стр. 124.

[5] См. там же, стр. 127.

оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей) с целью уничтожения военного потенциала Германии, в форме ежегодных товарных поставок из текущей продукции, а также посредством использования германского труда. При этом учитывался печальный опыт разрешения репарационного вопроса после первой мировой войны, когда от Германии потребовали уплаты репараций валютой, что в конечном итоге способствовало не ослаблению, а усилению ее военного потенциала. Рузвельт признавал на конференции, что тогда США «ссудили Германии более 10 миллиардов долларов, но на этот раз они не повторят своих прежних ошибок»[1].

Для выработки на согласованных принципах подробного репарационного плана конференция решила учредить в Москве Межсоюзную комиссию по репарациям из представителей СССР, США, Англии. При этом было указано о согласии делегаций СССР и США, чтобы Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы приняла в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что «общая сумма репараций... должна составлять 20 миллиардов долларов, и что 50% этой суммы идет Советскому Союзу»[2]. В протоколе было записано также особое мнение английской делегации о том, что «впредь до рассмотрения вопроса о репарациях Московской Комиссией по репарациям не могут быть названы никакие цифры репараций»[3]. В дальнейшем и США отказались поддержать согласованную сумму справедливых репараций для Советского Союза.

В Крыму главы трех правительств вернулись к различным предложениям о расчленении Германии на ряд отдельных государств. Еще накануне встречи, 20 января 1945 г., посол США в Москве А. Гарриман, сообщая в НКИД перечень вопросов, которые американское правительство намеревалось внести на обсуждение конференции, выделил вопрос о расчленении Германии. Этот же вопрос выдвигала и английская делегация.

На конференции руководители английской и американской делегаций, как и раньше, высказались за раздел Германии, мотивируя свою позицию интересами международной безопасности. Английский премьер-министр, в частности, говорил: «Вполне понятно, что если Пруссия будет отделена от Германии, то ее способность начать новую войну будет сильно ограничена. Ему лично кажется, что создание еще одного большого германского государства на юге, столица которого

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 125.
[2] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 78.
[3] Там же.

могла бы находиться в Вене, обеспечило бы линию водораздела между Пруссией и остальной Германией»[1]. Черчилль предлагал также рассмотреть другие вопросы, связанные с расчленением Германии, в том числе вопрос о принадлежности Рура и о Сааре, о внутреннем раздроблении Пруссии после того, как она будет изолирована от остальной Германии. Он предложил создать аппарат для быстрого рассмотрения этих вопросов. Рузвельт выразил предположение, что, может быть, зоны оккупации «будут первым шагом к расчленению Германии»[2]. Он сказал, что «хорошо было бы предъявить немцам условия капитуляции и, кроме того, заявить им, что Германия будет расчленена»[3]. Черчилль обратил внимание на статью 12 условий безоговорочной капитуляции Германии, разработанных в Европейской консультативной комиссии, в которой говорилось, что союзники примут такие меры, включая полное разоружение и демилитаризацию, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности. Черчилль предложил выяснить возможность включить слова «расчленение Германии» или другую формулировку в эту статью[4]. В результате дальнейшего обсуждения данного вопроса было принято решение включить эти слова в статью 12 условий капитуляции и создать комиссию для изучения процедуры расчленения Германии в составе представителей трех держав[5].

Советский представитель в этой комиссии Ф. Т. Гусев 26 марта 1945 г. направил А. Идену письмо, в котором было сказано: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными»[6].

Вопрос о создании международной организации безопасности

На конференции в Крыму был рассмотрен вопрос о создании Организации Объединенных Наций для обеспечения международной безопасности в послевоенные годы. Этот вопрос со времени Московского совещания министров иностранных дел и Тегеранской конференции 1943 г. занимал важное место в межсоюзнических переговорах.

В соответствии с Декларацией Московского совещания, принятой в октябре 1943 г., в Думбартон-Оксе (Вашинг-

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 117.
[2] Там же, стр. 116.
[3] Там же, стр. 119.
[4] См. там же, стр. 121.
[5] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 76—77.
[6] Цит. по журн.: «Международная жизнь», 1955, № 5, стр. 44.

тон) были проведены предварительные переговоры в целях выработки Устава будущей международной организации для поддержания мира и безопасности. Сами переговоры распались на два этапа: с 21 августа по 28 сентября 1944 г. проходили переговоры представителей СССР (глава делегации А. А. Громыко), США (глава делегации Э. Стеттиниус) и Англии (глава делегации А. Кадоган), а затем — с 29 сентября по 7 октября 1944 г.— переговоры представителей США, Англии и Китая.

В результате переговоров были разработаны «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности», содержавшие основные положения Устава будущей организации[1]. В основу международной организации намечалось положить принцип суверенного равенства всех миролюбивых государств. Целями ее, как указывалось в «Предложениях», являлись: поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между нациями, осуществление международного сотрудничества в разрешении международных, экономических, социальных и других гуманитарных проблем.

Основными органами организации, которую предлагалось назвать «Объединенные Нации», должны были быть: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Международный суд, Секретариат, а также действующий под руководством Генеральной Ассамблеи Экономический и Социальный Совет. Главная ответственность за поддержание мира и безопасности возлагалась на Совет Безопасности в составе СССР, США, Англии, Китая (и в дальнейшем Франции) как постоянных членов, а также шести других государств в качестве непостоянных членов, избираемых на два года. Генеральная Ассамблея, в работе которой предусматривалось участие всех государств — членов организации, могла рассматривать и выносить рекомендации по всем вопросам, касающимся поддержания мира и безопасности. Принятие же мер по поддержанию мира и безопасности путем мирного урегулирования споров или, если понадобится, путем ликвидации агрессии вооруженной силой было функцией лишь Совета Безопасности. В связи с этим приобретал особое значение порядок голосования в Совете Безопасности, с тем чтобы организация не могла быть использована какой-либо державой или группой держав в своекорыстных целях против других государств.

В Тегеране в ходе обмена мнениями между главами правительств США и СССР относительно организации международной безопасности было достигнуто соглашение, «исходящее из

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 243—259.

принципа обеспечения в первую очередь единства действий четырех держав, необходимого для борьбы с агрессией в будущем»[1].

Накануне переговоров в Думбартон-Оксе американцы предложили, чтобы в Совете Безопасности действовало правило единогласия. Бывший государственный секретарь США К. Хэлл в своих мемуарах отмечает: «...у нас не было ни малейшего сомнения в отношении того, что голосование постоянных членов Совета в вопросах, касающихся безопасности, должно быть единогласным. Речь шла о так называемом праве вето»[2]. Именно США явились инициатором права вето, проистекавшего из требования единогласия пяти великих держав. Когда же англичане пытались возражать против этой идеи, американцы заявили, что «без этого условия будет трудно или вообще невозможно провести весь план через Сенат»[3].

На конференции в Думбартон-Оксе делегация США подтвердила необходимость того, чтобы решения Совета Безопасности имели силу лишь при единогласии всех его постоянных членов — СССР, США, Англии, Китая и Франции. Однако при этом она предложила сделать одно исключение, которое заключалось в том, что в тех случаях, когда в споре замешан кто-либо из членов Совета, он не должен участвовать в голосовании. На заседании 28 августа 1944 г. американский представитель Э. Стеттиниус говорил, что сторона, независимо от занимаемого ею положения в Совете, при решении вопроса, в котором она заинтересована, не должна быть допущена к голосованию. Англичане заняли подобную же позицию[4]. Предложение США не могло не насторожить советскую делегацию. Порядок голосования в Совете Безопасности, предложенный США, не создавал необходимых гарантий против возможных злоупотреблений со стороны отдельных великих держав. Зная империалистические повадки правящих кругов США и Англии, нельзя было поручиться за то, что при таком порядке голосования западные державы не попытаются принимать решения о применении военных и экономических санкций, о разрыве дипломатических отношений с каким-либо государством в своих корыстных интересах, не имеющих ничего общего с задачей сохранения мира и безопасности.

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 159.

[2] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1683.

[3] *L. Woodward.* British Foreign Policy in the Second World War, p. 456—457.

[4] АВП СССР. Из отчета советской делегации о работе на неофициальной конференции трех держав — СССР, США, Англии в Думбартон-Оксе по вопросу о создании международной организации безопасности. 11 ноября 1944 г.

Стремясь достигнуть согласования точек зрения, глава делегации СССР на переговорах в Думбартон-Оксе А. А. Громыко предложил разработать специальную процедуру голосования для случаев, когда в спор втянута одна из великих держав [1].

Позиция СССР относительно порядка голосования в Совете Безопасности была подробно разъяснена в послании главы Советского правительства президенту США от 14 сентября 1944 г., в котором подчеркивалась «важность того, чтобы Совет работал на основе принципа согласованности и единогласия четырех ведущих держав по всем вопросам, включая и те, которые непосредственно касаются одной из этих стран» [2]. Тем не менее вопрос этот остался в Думбартон-Оксе нерешенным.

В декабре 1944 г. президент США Рузвельт в послании главе Советского нравительства предложил новую, измененную формулу, определяющую порядок голосования в Совете Безопасности: 1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос. 2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета. 3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решений согласно разделам Устава, предусматривающим мирное урегулирование споров [3].

Следовательно, по предложению Рузвельта принцип единогласия в Совете Безопасности не применялся в двух случаях, а именно: 1) при принятии решений по процедурным вопросам и 2) при решении вопросов по таким спорам, в которых член Совета является участником, при условии, что речь идет о мирных средствах разрешения споров. Во всех же решениях Совета в отношении угрозы миру, так же как и в отношении действий для устранения подобной угрозы или для подавления агрессии или других нарушений мира, т. е. когда речь идет о применении средств принуждения, требовалось единогласие постоянных членов Совета, если даже они и были участниками спора или конфликта. «С практической точки зрения я вижу,—

---

[1] АВП СССР. Из отчета советской делегации о работе на неофициальной конференции трех держав — СССР, США, Англии в Думбартон-Оксе по вопросу о создании международной организации безопасности. 11 ноября 1944 г.

[2] «Переписка...», т. II, стр. 159.

[3] См. там же, стр. 171.

писал Рузвельт,— что это необходимо, если такого рода действия должны быть осуществимыми»[1].

На Крымской конференции американская делегация уточнила предложение, выраженное в декабрьском послании Рузвельта. «...Американское предложение,— говорил Стеттиниус,— требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры»[2]. Одновременно по поручению Рузвельта Стеттиниус представил конференции документ, в котором был дан перечень решений, требующих большинства в семь голосов членов Совета Безопасности, включая голоса всех постоянных членов[3].

Черчилль высказался за принятие предложений Соединенных Штатов. После обсуждения этого вопроса на Крымской конференции советская делегация высказала мнение, что «единство трех держав в обеспечении безопасности после войны может быть достигнуто и что предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, а также дополнительные предложения, сделанные Рузвельтом, могут служить основой будущего сотрудничества великих и малых держав в вопросах международной безопасности». Поэтому делегация СССР считала эти предложения также приемлемыми[4]. Решение о порядке голосования в Совете Безопасности, принятое конференцией, было направлено на развитие сотрудничества великих держав и отвергало методы диктата в разрешении международных споров.

На конференции была достигнута договоренность о созыве 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций с целью окончательной подготовки Устава международной организации. На эту конференцию предполагалось пригласить страны, подписавшие Декларацию Объединенных Наций 1 января 1942 г., и те страны, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г.[5]. США и Англия обязались поддержать в Сан-Франциско предложение Советского правительства о принятии Украинской ССР и Белорусской ССР в члены ООН.

Польский вопрос

Крымская конференция уделила большое внимание решению польского вопроса, который был предметом оживленной переписки между главами трех правительств и накануне их встречи.

Признание Временного правительства Польши Советским Союзом в начале января 1945 г. вызвало замешательство в Лон-

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 171.
[2] «Тегеран—Ялта—Потсдам», стр. 131.
[3] См. там же, стр. 132—133.
[4] См. там же, стр. 149.
[5] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 74.

доне и Вашингтоне. Черчилль признает, что польский вопрос был «самым неотложным поводом для Ялтинской конференции» [1].

На Крымской конференции вопрос о Польше обсуждался в двух аспектах: о составе польского правительства и о будущих границах Польши.

При обсуждении польского вопроса И. В. Сталин подчеркивал, что для СССР вопрос о Польше является вопросом не только чести, но и вопросом безопасности «потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства». «На протяжении истории,— говорил И. В. Сталин,— Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». «Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? — спрашивал он и тут же отвечал: — Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши» [2].

Советская делегация предлагала утвердить границы Польши по линии Керзона на востоке и по Одеру — Западной Нейсе на западе.

Вопрос о восточных границах Польши не вызвал особых разногласий на конференции. При первом же обсуждении этого вопроса Рузвельт заявил, что он «за линию Керзона» [3]. Черчилль сказал, что «он уполномочен заявить о положительном отношении британского правительства к предложению Президента» [4]. Правда, и здесь Рузвельт и Черчилль пытались ущемить права СССР, выразив пожелание, чтобы Советское правительство рассмотрело вопрос об уступке в пользу Польши части украинской территории на южном участке линии Керзона, как этого требовало ранее и польское эмигрантское правительство. Однако вскоре Рузвельт и Черчилль отказались от своего предложения о проведении советско-польской границы, которое противоречило бы национальному признаку.

Главы трех правительств окончательно решили, что «восточная граница Польши должна идти вдоль «линии Керзона» с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши» [5].

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 320.
[2] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 144.
[3] Там же, стр. 141.
[4] Там же, стр. 142.
[5] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 78.

На конференции не было серьезных расхождений и относительно необходимости территориальных приращений в пользу Польши на Севере и Западе. В предыдущих переговорах правительства США и Англии выражали согласие на установление будущей западной границы Польши по реке Одеру. Они учитывали при этом законность и полную осуществимость переселения немецкого населения с территорий, отходивших к Польше. В частности, английский премьер-министр, выступая в парламенте 15 декабря 1944 г., заявил: «Меня не страшит ни перспектива перемещения населения, ни масштаб этого перемещения, которое в современных условиях гораздо более осуществимо, чем когда бы то ни было раньше»[1]. Однако на Крымской конференции между союзниками возникли расхождения относительно размеров приращения территории Польши на западе. Правительства США и Англии высказывались против предложения СССР о проведении западной границы по Одеру и Западной Нейсе. Они выражали сомнение в том, что польский народ сможет освоить эти территории, и на этот раз подчеркивали трудности переселения немецкого населения. Президент Рузвельт ссылался также на недостаток у него прав принимать решения о польско-германской границе. Наконец, представители США и Англии заявили, что вопрос о западной границе может быть решен, когда станет известно мнение будущего польского правительства, признанного всеми союзными державами.

Смысл позиции западных держав по этому вопросу был раскрыт в докладе Идена своему правительству от 1 февраля 1945 г. накануне его переговоров с государственным секретарем США Стеттиниусом на острове Мальта. Иден писал, что «не нужно делать таких же самых уступок в отношении люблинских поляков, какие мы готовы были сделать г-ну Миколайчику в целях разрешения польской проблемы»[2].

В результате на конференции было лишь решено, что Польша «должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе»[3]. Определение границы откладывалось на более позднее время.

Острая политическая борьба развернулась на конференции по вопросу о составе польского правительства. «Наиболее существенной частью польского вопроса,— говорил Рузвельт,— является вопрос о создании постоянного правительства в Поль-

---

[1] "The War Speeches of Winston S. Churchill", vol. V. London, 1945, p. 296.

[2] Цит. по кн.: *Б. Вевюра.* Польско-германская граница и международное право. М., 1959, стр. 63.

[3] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 79.

ше»[1]. Правительства США и Англии продолжали игнорировать существование Польского временного правительства и, вмешиваясь во внутренние дела Польши, добивались сформирования в Польше совершенно нового правительства с включением в него большинства «своих людей». Рузвельт предложил учредить Президентский совет в Польше, на который была бы возложена «задача создания временного правительства Польши»[2]. Черчилль поддержал предложение Рузвельта. Глава Советского правительства указывал на конференции, что «Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия»[3]. Советская делегация высказалась против учреждения Президентского совета. И. В. Сталин осудил поведение лондонской эмигрантской клики, отвергнувшей предложения Польского комитета национального освобождения о создании правительства, частично согласованные с Миколайчиком во время переговоров в Москве в октябре 1944 г. И. В. Сталин согласился предпринять еще одну попытку создания объединенного польского правительства. При этом он обратил внимание на необходимость того, чтобы новое правительство обеспечило должный порядок и спокойствие в тылу наступающих частей Красной Армии. С советской стороны отмечалось, что действующее в Варшаве правительство обеспечивает такой порядок, тогда как агенты лондонского правительства нарушают порядок на освобождаемой Красной Армией польской территории, «нарушают все законы войны»[4].

Представители США и Англии были вынуждены согласиться с доводами главы Советского правительства. В послании И. В. Сталину от 6 февраля Ф. Рузвельт внес предложение о немедленном приглашении из Польши в Ялту двух представителей Временного правительства в Варшаве (Б. Берута и Э. Осубки-Моравского) и двух или трех лиц в качестве представителей «других элементов польского народа» для решения вопроса о создании нового временного правительства, в которое были бы включены также некоторые поляки, находящиеся за границей. В случае успеха такого шага правительства США и Англии были готовы рассмотреть совместно с Советским правительством условия, на которых они отмежевались бы от лондонского правительства и вместо него признали бы новое временное правительство[5].

Советское правительство и демократическое Временное правительство Польши пошли на уступку, согласившись на

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 141.
[2] Там же, стр. 142.
[3] Там же, стр. 146.
[4] Там же, стр. 147.
[5] См. «Переписка...», т. II, стр. 185—187.

то, чтобы Временное польское правительство было пополнено некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов. Согласно советскому предложению, обсуждение вопроса о пополнении этого правительства предлагалось поручить наркому иностранных дел СССР и послам США и Англии в Москве совместно с представителями Временного польского правительства. Выработанные предложения должны были быть представлены главам трех правительств [1]. В результате дальнейшего обмена мнениями было принято компромиссное решение, в котором предусматривалась реорганизация Временного правительства путем включения в него «демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы» [2]. После реорганизации это правительство должно было называться Польским временным правительством национального единства. Правительства Англии и США обязались установить с ним дипломатические отношения. В связи с этим польское эмигрантское правительство переставало существовать. Польская демократия с удовлетворением приветствовала решение по польскому вопросу, достигнутое в Крыму.

Декларация об освобожденной Европе. Югославский вопрос

Крымская конференция одобрила «Декларацию об освобожденной Европе», в которой подтверждалась, в частности, необходимость сохранения единства трех великих держав в решении важнейших проблем, касающихся народов, освобожденных от господства фашистской Германии. Три правительства заявили о необходимости уничтожить последние следы нацизма и фашизма в этих странах и создать демократические учреждения по собственному выбору народов [3].

По предложению СССР конференция обсудила вопрос о Югославии. Речь шла о том, чтобы ускорить образование единого югославского правительства в соответствии с соглашением Тито — Шубашича от 1 ноября 1944 г., которое еще не было осуществлено из-за позиции короля Петра II и эмигрантского правительства, поддерживаемых англичанами.

На конференции английские представители были вынуждены согласиться с советским предложением. Однако они внесли две поправки. Одна из них предлагала расширение Антифашистского веча национального освобождения путем включения в него членов последней довоенной югославской скупщины. Вторая поправка касалась утверждения законодательных ак-

---

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 154.
[2] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 78.
[3] См. там же, стр. 70—71.

тов, принятых Антифашистским вечем, будущим Учредительным собранием.

Обсудив вопрос о Югославии, конференция приняла предложение СССР с английскими поправками и рекомендовала маршалу Тито и доктору Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними соглашение и образовать Временное объединенное правительство на основе этого соглашения. Было решено рекомендовать также, чтобы новое югославское правительство, когда оно будет создано, заявило: 1) что Антифашистское вече национального освобождения Югославии будет расширено за счет включения членов последней югославской скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и таким образом будет создан орган, именуемый Временным парламентом, 2) что законодательные акты, принятые Антифашистским вечем национального освобождения, будут подлежать последующему утверждению Учредительным собранием[1].

Решение Крымской конференции по югославскому вопросу отвечало интересам национально-освободительного движения и способствовало укреплению международных позиций демократической Югославии. В начале марта 1945 г. соглашение Тито — Шубашича было претворено в жизнь.

Решения конференции по дальневосточным вопросам

На Крымской конференции были приняты окончательные решения по дальневосточным вопросам.

После конференции в Тегеране, где Советское правительство впервые высказало свое принципиальное согласие на участие в войне против дальневосточного агрессора, правительства США и Англии настойчиво добивались от СССР принятия обязательства о скорейшем выступлении против Японии. Этот вопрос они подняли, в частности, во время московских переговоров в октябре 1944 г. 12 октября 1944 г. Черчилль и Гарриман просили главу Советского правительства сообщить «о дислокации советских войск на Дальнем Востоке или о любых других мероприятиях там после того, как германские армии безоговорочно капитулируют или будут низведены до состояния простых партизанских отрядов»[2]. Во время переговоров в Москве Советское правительство подтвердило свое согласие при определенных условиях выступить против японских агрессоров примерно через три месяца после завершения войны в Европе. Правительство СССР считало, в частности, необходимым восстановить права

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза во время Отечественной войны», т. III, стр. 108.

[2] «Переписка...», т. I, стр. 264.

СССР на Дальнем Востоке, нарушенные вероломным нападением на Россию в 1904 г. В то время Япония захватила Южный Сахалин и утвердилась там, закрыв для России все выходы в Тихий океан, в том числе к портам Камчатки и Чукотки.

Во время Великой Отечественной войны Япония, как уже отмечалось, используя свое выгодное стратегическое положение, в нарушение пакта о нейтралитете готовилась к нападению на СССР, для чего держала на границах СССР огромную Квантунскую армию, сковывавшую советские войска на Дальнем Востоке. Своими действиями Япония оказывала помощь фашистской Германии в войне против СССР.

На Крымской конференции Советское правительство поставило условием вступления в войну против Японии ликвидацию тяжелых последствий японской агрессии против России, обеспечение безопасности в будущем своих дальневосточных границ.

Соглашение по Дальнему Востоку было достигнуто 8 февраля во время бесед Ф. Рузвельта и А. Гарримана с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым.

11 февраля главы трех правительств подписали документ, предусматривавший обязательство СССР вступить в войну против Японии, а также следующие политические условия выполнения этого обязательства:

1. Сохранение существующего положения (status quo) Монгольской Народной Республики.

2. Восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращение Советскому Союзу южной части Сахалина и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; в) возобновление совместной с Китаем эксплуатации Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза.

3. Передача Советскому Союзу Курильских островов[1].

Поскольку некоторые пункты соглашения касались Китая, президент Рузвельт дал обещание принять меры к тому, чтобы было получено одобрение соглашения и со стороны китайского правительства. Советский Союз выразил готовность заключить пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем «для оказания

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 111. Соглашение по вопросам Дальнего Востока было опубликовано 12 февраля 1946 г.

ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»[1].

Подписывая соглашение по вопросам Дальнего Востока, правительства США и Англии исходили прежде всего из своих собственных интересов — без больших для себя потерь добиться скорейшей победы над Японией, что невозможно было без участия СССР. Как свидетельствует бывший государственный секретарь США Дин Ачесон, главной заботой американского правительства было обеспечить вступление Советского Союза в войну с Японией возможно скорее, с тем чтобы в критический момент японская армия в Маньчжурии не была возвращена в Японию[2]. Английское правительство, так же как и американское правительство, надеялось, что «открытие русского военного фронта против японцев... значительно ускорило бы их поражение»[3].

Значение конференции

На Крымской конференции главы трех правительств подтвердили общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое осуществлялось СССР, США и Англией во время войны. В заявлении глав трех правительств подчеркивалось, что только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между тремя странами и между всеми миролюбивыми народами «может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир...»[4].

В решениях Крымской конференции была разработана программа демократического устройства послевоенного мира.

Конференция проходила в условиях решающих побед советских армий над гитлеровской Германией и неизмеримо возросшего международного авторитета СССР. Это не могло не сказаться на принятии таких совместных решений конференции, которые отвечали стремлениям народов к скорейшему установлению демократического и прочного мира на земле. Решения конференции означали окончательный провал происков и надежд гитлеровской верхушки. Они делали беспредметными и проводившиеся маневры милитаристов Японии.

В целях принятия согласованных решений Советское правительство пошло на определенный компромисс в ряде вопросов. Правительства США и Англии в свою очередь шли также на уступки. Немалую роль при этом играло то обстоятельство,

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 112.

[2] "United States Relations with China". Washington, 1949, p. 115.

[3] «Переписка...», т. I, стр. 260.

[4] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 109.

что Ф. Рузвельт, в отличие от многих других руководящих деятелей США, не только был убежденным противником фашизма, но и считал необходимым сотрудничество с СССР. Покидая конференцию, президент США Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Народы мира, я уверен, будут рассматривать достижения этого совещания не только с одобрением, но и как действительную гарантию того, что наши три великие нации могут сотрудничать в мире так же хорошо, как и в войне»[1].

Черчилль, хотя и с горечью воспринимал многие решения, принятые в Крыму, отражавшие справедливые, демократические требования СССР, был вынужден поставить под ними свою подпись.

Правительства США и Англии были заинтересованы в сохранении боевого сотрудничества с СССР до достижения полного разгрома гитлеровской Германии. Они в высшей степени нуждались в помощи СССР и для победы над Японией.

На конференции были определенные расхождения и даже острые споры. Однако и здесь в конце концов восторжествовали реальный подход и разум тех, кому народы вручили решение своих судеб в часы тяжелых испытаний.

Конференция пришла к соглашению о необходимости создания постоянного механизма для консультаций трех правительств по важнейшим проблемам мира. С этой целью было решено практиковать периодический созыв совещаний министров иностранных дел СССР, США и Англии. Совещания должны были проводиться каждые три или четыре месяца поочередно в столицах великих держав.

Решения Крымской конференции были встречены с горячим одобрением в странах антифашистской коалиции. В редакционной статье газеты «Правда» от 13 февраля 1945 г. отмечалось: «Крымская конференция войдет в историю освободительной войны против немецко-фашистских захватчиков как историческая демонстрация тесного боевого сотрудничества великих демократических держав в период, когда война вступила в свою конечную фазу».

---

[1] «Переписка...», т. II, стр. 190.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Столкновение интересов держав в районе Ближнего и Среднего Востока предопределило превращение его в арену острой дипломатической борьбы стран «оси» и антигитлеровской коалиции.

Гитлеровская Германия, уделявшая этому району значительное внимание в своих захватнических планах, рассчитывала использовать его в качестве плацдарма для войны против СССР и как путь к дальнейшей экспансии в Азию и Африку. Действия Германии ставили также под угрозу господство Англии на Ближнем и Среднем Востоке и наносили ущерб ее стратегическим позициям. Особое место в расчетах фашистского блока отводилось захвату нефтепромыслов этого района.

Гитлеровская дипломатия оказывала усиленное давление на правительства Турции, Ирана, Саудовской Аравии и других стран, стремясь привлечь их к участию в войне на своей стороне, Германия развернула широкую сеть агентуры и поддерживала профашистские круги в странах Ближнего и Среднего Востока. В начале войны проводником политики фашистского блока в этом районе, в особенности в Ливане и Сирии, являлось правительство Виши.

Последовательная политика Советского Союза, вынесшего основное бремя борьбы с фашистскими агрессорами, помогла народам Ближнего и Среднего Востока избежать фашистского порабощения. Победы Красной Армии, и в особенности успех великой битвы на Волге, обусловившей перелом в ходе всей войны, оказали определяющее воздействие на развитие ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, способствовали консолидации антифашистских сил и развитию национально-освободительного движения. Советский Союз явился мощным гарантом сохранения завоеваний национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока, достигнутых в ходе второй мировой войны. Вместе с тем США и Англия стремились использовать военную обстановку для политической и

экономической экспансии в страны Ближнего и Среднего Востока. При этом американским монополиям удалось потеснить своих английских конкурентов в этом районе.

Политика союзников в отношении Ирана в 1942—1945 гг.

Ранее было сказано о пресечении союзными государствами в августе 1941 г. попыток германского фашизма использовать территорию Ирана для агрессивных действий и заключении 29 января 1942 г. между СССР, Англией и Ираном равноправного и взаимовыгодного договора о союзе[1]. 9 сентября 1943 г. правительство Ирана объявило войну гитлеровской Германии.

В конце 1941 г. под предлогом охраны коммуникаций и улучшения военных перевозок в Иран с согласия Англии были переброшены американские войска, находящиеся в подчинении «Командования Персидского залива»[2]. Этот шаг правительства США не был обусловлен военной необходимостью, поскольку пребывание в Иране советских и английских войск полностью обеспечивало безопасность страны. В течение всей войны американские войска продолжали находиться в Иране, что представляло собой, по существу, военную оккупацию страны, поскольку пребывание войск США так и не было оформлено каким-либо договором или соглашением с иранским правительством.

Тегеранская конференция руководителей СССР, США и Англии 1 декабря 1943 г. приняла Декларацию трех держав об Иране, в которой правительства союзных держав признали помощь, которую оказывал Иран в деле ведения войны против общего врага, в особенности облегчая транспортировку грузов в Советский Союз. Три правительства согласились продолжить предоставление правительству Ирана возможной экономической помощи. Они подчеркнули желание «сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана»[3].

В годы войны Соединенным Штатам удалось добиться значительного ослабления позиций Англии в Иране и обеспечить своим монополиям условия для активной экономической экспансии. В своих мемуарах государственный секретарь США Корделл Хэлл писал, что ни одна из стран Среднего и Ближнего Востока не привлекала к себе внимания руководителей американского правительства в такой степени, как Иран[4]. Американ-

---

[1] См. главу шестую, стр. 205.

[2] См. *М. В. Попов.* Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны, стр. 48—49.

[3] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 100.

[4] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1500.

ские советники усиленно внедрялись в государственный аппарат, жандармерию и армию Ирана, занимая руководящие посты. Для проникновения в Иран использовалась также помощь, предоставляемая США по ленд-лизу, действие которого было распространено на Иран в марте 1942 г.[1] После приезда в январе 1943 г. Артура Мильспо, приглашенного на должность генерального администратора финансов Ирана, под контролем американцев оказалась фактически вся экономика страны. Получив от правительства Ирана чрезвычайные полномочия, Мильспо практически поставил иранскую экономику на службу американским монополиям, добивавшимся вытеснения своих английских конкурентов[2]. Многочисленные американские советники всячески стремились сорвать развитие добрососедских отношений Ирана с Советским Союзом.

Несмотря на войну, СССР оказывал Ирану большую помощь. Во всех отраслях иранской промышленности были размещены советские заказы. Из Советского Союза поступали промышленные товары и продовольствие, поставки которого были особенно необходимы в 1943 г. ввиду угрозы голода в Иране.

Дипломатическая активность Англии и США в отношении Турции

В ходе войны развернулась острая дипломатическая борьба воюющих держав вокруг Турции, занимающей важное стратегическое положение. Турецкие правящие круги проводили политику лавирования между фашистским блоком и англо-американскими союзниками, оставаясь в течение всех военных лет на антисоветских позициях.

Отношения Турции с Англией и Францией определялись трехсторонним договором о взаимной помощи, подписанным 19 октября 1939 г.[3] Однако под влиянием успехов гитлеровской Германии Турция уклонилась от выполнения своих обязательств, отказавшись от выступления против фашистских агрессоров.

После капитуляции Франции стремление турецких правящих кругов к сближению с Германией становилось все более очевидным. 18 июня 1941 г. Турция подписала с фашистской Германией уже упоминавшийся пакт «о дружбе и ненападении».

Активно развивавшаяся торговля Турции с Германией достигла особого размаха к 1943 г. Удельный вес всех стран гитлеровского блока в турецком экспорте колебался в 1941—1944 гг.

---

[1] См. *М. В. Попов.* Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны, стр. 83.

[2] Чрезвычайные полномочия Мильспо были отменены под давлением иранской общественности в январе 1945 г.

[3] После капитуляции Франции договор продолжал действовать как двустороннее обязательство между Турцией и Англией.

в пределах 32—47%, в турецком импорте — 40—53% [1]. В числе прочих товаров Турция снабжала Германию хромом, необходимым гитлеровской военной промышленности. Поставки хрома были прекращены только в апреле 1944 г. после серьезного предупреждения со стороны союзников по антигитлеровской коалиции. Германия поставляла Турции вооружение, транспортные средства [2].

Пользуясь потворством турецких властей, гитлеровцы поддерживали деятельность профашистских центров в стране. На эти цели из Берлина послу Германии фон Папену было переведено 5 млн. рейхсмарок [3].

До конца 1942 г. отношения Турции с Англией и США характеризовались значительной холодностью. В частности, весьма сдержанный прием был оказан турками в сентябре 1942 г. представителю президента США У. Уилки, поездка которого имела своей целью не допустить дальнейшего сползания Турции с позиций «нейтралитета». Постепенное изменение отношений Турции с англо-американцами стало наблюдаться лишь в период коренного перелома в ходе войны, т. е. после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом.

Согласно договоренности, достигнутой Черчиллем и Рузвельтом на конференции в Касабланке (14—23 января 1943 г.), английский премьер-министр провел переговоры с президентом Турции И. Инёню в турецком городе Адане 30—31 января 1943 г. Эти переговоры представляли собой зондаж позиций Турции и попытку привлечь ее к войне против гитлеровской Германии. На встрече в Адане было достигнуто соглашение об оказании Англией и США помощи в укреплении безопасности Турции [4].

После аданских переговоров между Турцией и Англией заметно усилился обмен военными миссиями. Возросли поставки вооружения из Англии, а также из Соединенных Штатов, которые еще с декабря 1941 г. распространили на Турцию действие закона о ленд-лизе. Всего по ленд-лизу американцы поставили Турции товаров на 95 млн. долл. [5] Стало возрастать число английских инструкторов, работающих в турецких вооруженных силах и учреждениях.

В августе 1943 г. на встрече Рузвельта с Черчиллем в Квебеке было подтверждено мнение о необходимости форсирован-

[1] См. «Новейшая история Турции». М., 1968, стр. 189.

[2] См. *В. М. Алексеев, М. А. Керимов.* Внешняя политика Турции. М., 1961, стр. 48.

[3] См. «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. II. Германская политика в Турции (1941—1943 гг.). М., 1946, стр. 131.

[4] См. *В. М. Алексеев, М. А. Керимов.* Внешняя политика Турции, стр. 54.

[5] См. «Новейшая история Турции», стр. 200.

ных поставок вооружения Турции. Турецкое правительство, получая оружие от США и Англии, не намеревалось, однако, обострять отношения с фашистской Германией и продолжало оказывать ей помощь поставками стратегического сырья.

На Тегеранской конференции была достигнута договоренность принять меры, которые обеспечили бы вступление Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции. 4—6 декабря 1943 г. Рузвельт и Черчилль провели в Каире переговоры с Инёню. В коммюнике о результатах встречи отмечалось, что участие в ней Турции являлось доказательством силы «союза, объединяющего Англию и Турцию, а также прочной дружбы, существующей между Турецкой Республикой, Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом»[1]. Участники встречи обсудили общее политическое положение в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и свою политику в отношении этих районов. В коммюнике указывалось, что были приняты во внимание общие и особые интересы трех стран. Отмечалось «теснейшее единство, существующее между США, Турцией и Англией», и подтверждалась «тождественность интересов и взглядов американской и английской демократии и взглядов и интересов Советского Союза, так же как и традиционные отношения дружбы, существующие между этими державами и Турцией»[2].

Однако и после каирской встречи правительство Турецкой Республики не прекращало сотрудничества с гитлеровской Германией. Только изгнание фашистов с территории Советского Союза, продвижение советских армий к Балканам, очевидная безнадежность положения гитлеровцев вынудили турецкое правительство 2 августа 1944 г. разорвать дипломатические отношения с Германией. Позже, 3 января 1945 г., были разорваны отношения и с Японией. Войну же турецкое правительство и меджлис объявили Германии и Японии лишь 23 февраля 1945 г. Этот акт, по признанию самих турок, был символическим; целью его являлось получение права на участие Турции в конференции Объединенных Наций в качестве государства-учредителя.

Советско-турецкие отношения во время войны

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Турция заявила о своем нейтралитете. Однако в действительности политика турецких правящих кругов в значительной мере облегчала гитлеровцам ведение войны против СССР. Турецкая реакция на протяжении всех военных лет усиленно старалась разжечь антисоветские настроения в стране, толкала правительство на недружественные в отношении СССР акции.

---

[1] "Foreign Relations... The Conferences at Cairo and Tehran", p. 831.
[2] Ibid., p. 832.

Сразу же после нападения на СССР реакционная пресса Турции подняла шумиху по поводу мнимых «претензий СССР на Босфор и Дарданеллы»[1]. В связи с этим посол СССР в Турции С. А. Виноградов 10 августа 1941 г. заявил турецкому министру иностранных дел, что Советское правительство «не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов» и «готово скрупулезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой Республики»[2].

В Турции активизировалась деятельность антисоветских организаций, многие из которых финансировались из Германии. В ноябре 1941 г. в Стамбуле был организован турецкий антисоветский центр, объединяющий наиболее реакционные, профашистские элементы. Турецкое правительство не препятствовало широкой пропагандистской деятельности подобных организаций.

Турецкие власти, использовав инсценированное в феврале 1942 г. гитлеровской агентурой «покушение» на немецкого посла фон Папена, бросили в тюрьму ни в чем не повинных советских граждан — Павлова и Корнилова. Аналогичные методы были использованы и в отношении советских дипломатических курьеров в Кайсери, следовавших из Анкары в Советский Союз[3].

Как видно из документов архивов германского министерства иностранных дел, в беседе с послом Германии фон Папеном министр иностранных дел Турции Менеменджиоглу 26 августа 1942 г. говорил: «...Турция, как прежде, так и теперь, самым решительным образом заинтересована в возможно более полном поражении большевистской России»[4].

По настоянию гитлеровцев и под давлением внутренней реакции, подстрекавшей к вступлению в войну против СССР, в наиболее тяжелый для Советского Союза период, осенью 1942 г., турецкое правительство сосредоточило в районах, прилегающих к советской границе, более 25 дивизий. Еще в январе 1942 г. фон Папен говорил президенту Турции И. Инёню, что во время наступления гитлеровцев на Кавказ «была бы весьма ценной концентрация турецких сил на русской границе»[5]. Это вынуждало Советский Союз отрывать значительные силы от борьбы с фашистскими армиями для защиты от возможного нападения со стороны Турции.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 385.

[2] Там же, стр. 129.

[3] См. «Новейшая история Турции», стр. 185.

[4] «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. II. Германская политика в Турции (1941—1943 гг.), стр. 92.

[5] «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. I. Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.). М., 1946, стр. 58.

Турция неоднократно нарушала в пользу Германии свои обязательства, взятые по международным соглашениям, в частности конвенцию Монтрё о режиме черноморских проливов. Немецкие и итальянские военные суда, принимавшие участие в боевых операциях на Черном море, беспрепятственно пользовались проливами вплоть до июня 1944 г. [1]

Исход Сталинградской битвы обусловил переход турецкого правительства к проведению более осторожной внешней политики, но антисоветизм по-прежнему продолжал оставаться ее характерной чертой. Вопрос о состоянии советско-турецких отношений несколько раз обсуждался англичанами и американцами на встречах с представителями Турции, однако это не привело к улучшению отношений между СССР и Турцией.

Несмотря на то, что турецкое правительство оставляло без внимания все дружественные шаги, предпринимаемые СССР, Советское правительство не отказывалось от возможностей улучшения отношений с Турцией. В послании У. Черчиллю от 6 февраля 1943 г. И. В. Сталин указывал, что, «если турки хотят сделать свои отношения с СССР более дружественными и тесными, пусть заявят об этом. Советский Союз в этом случае готов пойти навстречу туркам» [2]. Однако турецкие правящие круги так и не откликнулись на призыв СССР.

На нежелание турецкой стороны натолкнулись и попытки СССР ускорить вступление Турции в антигитлеровскую коалицию, о чем свидетельствовали советско-турецкие переговоры, проходившие в мае — июне 1944 г. Констатируя невозможность достижения взаимопонимания с турецкими руководителями, глава Советского правительства в послании премьер-министру Англии 15 июля 1944 г. отмечал: «Ввиду занятой Турецким Правительством уклончивой и неясной позиции в отношении Германии лучше оставить Турцию в покое и предоставить ее своей воле, не делая новых нажимов на Турцию. Это, конечно, означает, что и претензии Турции, уклонившейся от войны с Германией, на особые права в послевоенных делах также отпадут» [3].

Политика потворства фашистским агрессорам и антисоветский курс турецких правящих кругов, наносивший значительный ущерб безопасности СССР во время войны, были учтены правительством Советского Союза при рассмотрении вопросов, возникших в связи с приближением окончания срока действия советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 де-

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год». М., 1952, стр. 168.

[2] «Переписка...», т. I, стр. 91.

[3] Там же, стр. 241.

кабря 1925 г. Советское правительство 19 марта 1945 г. заявило о денонсации договора, отметив, «что, вследствие глубоких изменений, происшедших особенно в течение второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении» [1]. Советское правительство предложило заключить между двумя странами новый договор.

4 апреля 1945 г. турецкий министр иностранных дел Хасан Сака через посла СССР С. А. Виноградова довел до сведения Советского правительства о готовности Турции пойти навстречу предложению СССР о заключении нового договора. Однако, несмотря на заверения, турецкие правящие круги не приняли практических мер для нормализации отношений между Советским Союзом и Турцией.

Провозглашение независимости Сирии и Ливана

В условиях военного времени национально-освободительным силам в некоторых арабских странах удалось вырвать ряд существенных уступок у Англии и Франции. Так, важное значение имело провозглашение независимости Сирии и Ливана.

После капитуляции Франции Сирия и Ливан перешли под управление вишистской администрации, находившейся под контролем немецко-итальянской комиссии по перемирию. Английское правительство 1 июля 1940 г. опубликовало декларацию о том, что оно не допустит оккупации Сирии и Ливана войсками враждебных держав или использования их в качестве военно-стратегической базы; была объявлена экономическая блокада этих стран и закрыт нефтепровод Киркук — Триполи (Ирак — Ливан).

Национальные патриотические силы Сирии и Ливана развернули движение Сопротивления фашизму и вишистским властям. Большую роль в этом движении играли коммунисты Сирии и Ливана, сумевшие в условиях подполья сохранить крепкую организацию и проводить большую политическую работу в массах.

16 мая 1941 г. английское правительство объявило Сирию и Ливан оккупированной противником территорией. 8 июня 1941 г. войска Англии и отряды Свободной Франции вступили из Палестины на территорию Сирии и Ливана. В тот же день генерал Жорж Катру, член Национального комитета «Свободная Франция», командующий французскими войсками в странах Леванта, обратился с декларацией к народам этих стран, обещая отмену мандатного режима и предоставление им незави-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 146.

симости после освобождения. Одновременно Англия выступила гарантом французской декларации[1].

14 июля 1941 г., в день капитуляции вишистских войск, в Акке между представителем петэновского правительства и командующим английскими войсками на Ближнем и Среднем Востоке генералом Вильсоном было подписано соглашение о перемирии, которое признавало оккупацию Сирии и Ливана войсками Англии и Свободной Франции и предусматривало вывод вишистских войск во Францию. Соглашение содержало пункт, наносящий ущерб интересам движения «Свободная Франция»: англичанам передавались все военно-стратегические и коммунальные сооружения и предприятия (порты, аэродромы, электростанции и др.). Генерал де Голль выступил с протестом против захвата Англией важных объектов в Сирии и Ливане.

В результате англо-французских переговоров в конце июля — начале августа 1941 г. было заключено три соглашения и произведен обмен нотами между английским министром по делам Среднего Востока Литтлтоном и председателем Национального комитета «Свободная Франция» генералом Шарлем де Голлем. По этим соглашениям английское правительство признавало за Свободной Францией «особое положение» в Сирии и Ливане. Национальному комитету «Свободная Франция» передавалось право расформирования и репатриации вишистских войск и вербовки их в свою армию, вишистские военные материалы признавались французской, а не английской собственностью, национальные сирийские и ливанские части включались в армию Свободной Франции. Со своей стороны Свободная Франция признавала приоритет Англии в сфере военного командования на Ближнем и Среднем Востоке.

В Сирии и Ливане восстанавливались органы французских мандатных властей, под контролем которых находилась практически вся деятельность государственного аппарата.

Были предоставлены, однако, некоторые демократические свободы, легализована деятельность всех политических партий, в том числе и коммунистической.

В соответствии с ранее данным обещанием генерал Катру, назначенный генеральным делегатом Свободной Франции, 27 сентября 1941 г. официально заявил о предоставлении независимости Сирии и 26 ноября 1941 г.— Ливану. Эти декларации были шагом навстречу национально-освободительному движению в Сирии и Ливане, но оставляли возможность сохранения в несколько измененном виде французского господства в этих странах.

---

[1] См. «Новейшая история арабских стран (1917—1966)». М., 1968, стр. 59.

Парламентские выборы в Сирии состоялись в июле, а в Ливане — в августе — сентябре 1943 г. На этих выборах в обеих странах решительную победу одержали националисты. Президентом Сирии был избран Шукри аль-Куатли, президентом Ливана — Бишара аль-Хури. Это были представители весьма влиятельных феодальных родов, в прошлом участники национального движения. Премьер-министром Сирии стал Саад Аллах Джабири. В Ливане на этот пост был назначен Риад Сольх.

Ливанское правительство наметило программу, которая должна была обеспечить полное прекращение действия французского мандата и получение ливанцами всей законодательной и исполнительной власти. Правительство потребовало немедленно преобразовать канцелярию генерального делегата Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в посольство. Отказ французов удовлетворить это требование был воспринят ливанским правительством как открытый вызов. 8 ноября 1943 г. ливанский парламент утвердил внесенный правительством законопроект, согласно которому из конституции были изъяты все ссылки на мандат, был утвержден статут Ливана как суверенного государства, арабский язык был признан единственным государственным языком Ливана [1].

Элле, сменивший к этому времени Катру на посту генерального делегата ФКНО в Сирии и Ливане, опротестовал эти решения и после консультации с руководителями Комитета арестовал президента Ливана Бишара аль-Хури, премьера, некоторых министров и депутатов, отменил действие конституции и распустил парламент. Временным премьер-министром был назначен профранцузски настроенный деятель Эмиль Эдде, установивший в стране осадное положение. Однако оставшиеся на свободе министры объявили себя временным правительством с местонахождением в Горном Ливане, а депутаты приняли текст меморандума к правительствам держав союзной коалиции (США, Англии, СССР) и арабских стран с просьбой о поддержке.

По Ливану прокатилась волна забастовок, начались вооруженные демонстрации и столкновения с французскими войсками. Консолидация политических сил страны привела к образованию патриотического фронта, получившего название Национального конгресса, в котором участвовали и коммунисты [2]. События в Ливане вызвали отклик во всем мире, и особенно в арабских странах, где развернулось движение солидарности с ливанцами, против политики французских властей. Давление на

---

[1] См. *К. С. Салиби*. Очерки по истории Ливана. М., 1969, стр. 272—273.

[2] Состоявшийся в январе 1944 г. II съезд Сирийской компартии принял решение о создании двух самостоятельных коммунистических партий — Сирийской и Ливанской.

французов оказывали также Англия и США, обеспокоенные, с одной стороны, размахом движения ливанского народа и заинтересованные, с другой стороны, в вытеснении Франции с Ближнего Востока [1].

21 ноября 1943 г. ФКНО был вынужден распорядиться об освобождении всех арестованных и восстановить их на своих постах, что и было сделано на следующий же день. Конституция, парламент и правительство Ливана были восстановлены. С тех пор 22 ноября отмечается как День независимости Ливана. Элле был отозван. Вместо него ФКНО назначил на пост генерального делегата генерала Бейне, но переговоры с ливанским правительством «о восстановлении конституционной жизни Ливана» было поручено вести генералу Катру, к которому ливанцы относились с большим доверием, чем к другим деятелям Французского комитета национального освобождения. С января 1944 г. началась передача мандатных прерогатив ливанским властям [2].

1944 год прошел под знаком укрепления национальной независимости Ливана и Сирии. Эти страны установили дипломатические отношения с Англией, США, СССР, государствами Ближнего и Среднего Востока и многими другими. В 1945 г. они стали членами Организации Объединенных Наций. Однако при этом в Сирии и Ливане продолжали находиться английские и французские войска, сохранялись военные учреждения союзников. Сирийцы и ливанцы служили во французской армии, в так называемых специальных войсках, а национальных армий обе страны не имели. На состоявшихся переговорах с представителями Франции одним из коренных вопросов для Сирии и Ливана было создание своих национальных армий. Поэтому оба правительства потребовали в первую очередь передачи в их полное распоряжение «специальных войск», чтобы на этой основе создать национальные армии. Франция же рассчитывала заменить утерянный ею в этих странах мандат специальными союзными договорами, которые позволили бы ей удержать за собой господствующие позиции в армии, экономике и внешней торговле Сирии и Ливана.

Позиция Франции вызвала большое недовольство в Сирии и Ливане, где прошли массовые митинги и демонстрации протеста. Переговоры были прерваны. Французский комитет национального освобождения опубликовал декларацию об ответственности Франции за внутренний порядок в Сирии и Ливане. Тем самым ФКНО косвенно отрицал их полный суверенитет, настаивая на управлении внутренними делами этих

---

[1] См. «Новейшая история арабских стран (1917—1966)», стр. 96.
[2] См. *К. С. Салиби.* Очерки по истории Ливана, стр. 274.

стран. Общественность обеих стран выступила с резкими протестами против декларации ФКНО и критиковала в печати политику французских властей.

Только по окончании войны в результате напряженной, в том числе и вооруженной, борьбы с Францией Ливан и Сирия добились при поддержке мировой общественности выполнения своих требований, отклонили претензии Франции, полностью избавились от иностранных войск и завоевали национальную независимость.

Египет во время войны

В сентябре 1939 г. египетское правительство Али Махир-паши разорвало дипломатические отношения с Германией, но не объявило ей войны. В соответствии с англо-египетским союзным договором от 26 августа 1936 г. в стране было введено военное положение, установлена английская военная цензура, все отрасли экономики были переданы под контроль, а многие — непосредственно под управление британских военных властей.

Во время войны в Египте, превращенном в важнейший военно-стратегический плацдарм Великобритании на Ближнем Востоке и в Африке, была дислоцирована 8-я английская армия, размещались многочисленные службы по координации и управлению делами в странах Ближнего и Среднего Востока. В частности, здесь обосновался Средневосточный центр снабжения, от деятельности которого в значительной мере зависела экономическая жизнь стран этого района. В Египте находились представители эмигрантских кругов Греции, Югославии и Польши.

Король Египта Фарук занимал двойственную позицию. Официально он высказывался в поддержку Англии, однако всячески старался сдерживать национальные силы, выступавшие за активное участие Египта в войне против фашистских держав. В начале февраля 1942 г. было уволено в отставку правительство Хусейна Сирри-паши, порвавшее отношения с правительством Виши без ведома Фарука. В стране открыто действовали профашистские организации, в частности партия «Мыср аль-Фатат» («Молодой Египет») и ее многотысячный военный отряд «Зеленые рубашки».

Стремясь обеспечить приход к власти полностью лояльного Англии правительства, 4 февраля 1942 г. британский посол лорд Киллерн ультимативно потребовал от короля Фарука в течение 48 часов назначить премьер-министром Мустафу Наххаса-пашу, лидера наиболее массовой партии «Вафд».

Придя 6 февраля 1942 г. к власти, правительство Наххаса-паши запретило деятельность профашистских партий и организаций. Вафдистское правительство, как и сменивший его

в октябре 1944 г. кабинет Ахмеда Махира (лидер партии «Саад»), последовательно проводило политику сотрудничества с державами антигитлеровской коалиции.

В годы войны британское правительство ввело в отношении стран стерлингового блока систему стерлинговых авуаров — зачисление на счет соответствующей страны в английском банке стоимости товаров и услуг, полученных британскими властями от этой страны в годы войны. Египетские авуары составили за это время 402 млн. ф. ст.[1] Таким путем Египет, как и другие страны стерлингового блока, финансировал военные расходы Великобритании[2].

Вафдистское правительство поддерживало и развивало дружественные отношения с США. Американские войска, военные и гражданские учреждения и представительства фирм получили те же права, что и английские. В распоряжение военных властей США был предоставлен аэродром «Пэйнфилд» (вблизи Каира), модернизированный и приспособленный для тяжелых бомбардировщиков.

11 ноября 1941 г. правительство США распространило действие закона о ленд-лизе на Египет. Но эти поставки были весьма незначительны — на 2 млн. долл.[3]

С 1942 г. представители США во все возрастающих масштабах стали принимать участие в деятельности английских учреждений, созданных в интересах ведения войны: экономических (Средневосточный и Балканский центры снабжения), транспортных, строительных, портовых и др., оказывая важное влияние на их деятельность для обеспечения американских интересов.

Характер отношений Египта с союзными державами во время войны ставил его правительство перед необходимостью установления дипломатических отношений с СССР. В прошлом египетская общественность не раз выступала с этим предложением, в том числе в парламенте. Однако как король Фарук, так и английское правительство занимали тогда резко отрицательную позицию. В новых условиях совместной борьбы против фашизма, особенно после разгрома гитлеровцев на Волге, имевшего решающее значение для успеха действий союзников в Северной Африке, египетские власти не могли продолжать открыто антисоветскую политику. 26 августа 1943 г. между Египтом и СССР были установлены дипломатические отноше-

---

[1] См. «История зарубежных стран. 1917—1945 гг.». М., 1967, стр. 193.

[2] Погашение стерлинговых авуаров производилось в течение ряда послевоенных лет по номинальным суммам, без учета значительного падения стерлингового курса.

[3] "Twenty Report to Congress on Land-Lease operations", Washington, 1945, p. 51—54.

ния[1]. Вскоре в Каир прибыла первая советская дипломатическая миссия.

23—24 февраля 1945 г. палата депутатов и сенат приняли решение об объявлении войны Германии, обеспечив, таким образом, право на участие Египта в учредительной конференции ООН.

Саудовская Аравия в период второй мировой войны

В начале войны Саудовская Аравия заявила о намерении придерживаться нейтралитета. Однако воюющие стороны оказывали усиленное давление на короля Абдул Азиза Ибн Сауда.

Саудовская Аравия находилась в сильной экономической зависимости от Англии. Кроме того, в руках англичан продолжали оставаться окружающие Саудовскую Аравию эмираты. От прямой оккупации Саудовской Аравии Англия отказалась лишь из-за находившихся там нефтяных концессий США.

У берегов Саудовской Аравии курсировал итальянский флот, а внутри страны развернула работу гитлеровская агентура, действия которой направлялись послом Германии в Джидде разведчиком Гроббой. В 1941 г. Гитлер направил Ибн Сауду личное послание, в котором предложил ему выступить против англичан, обещая взамен сделать его королем всех арабов. Отказ Ибн Сауда от этого предложения повлек за собой ряд крупных диверсий, совершенных на нефтепромыслах германской агентурой[2].

Подавление антианглийского восстания Гайлани в Ираке в 1941 г., поражение итальянских фашистов в Эфиопии и оккупация англо-французскими войсками Сирии и Ливана оказали существенное влияние на позицию Ибн Сауда. В сентябре 1941 г. был расторгнут договор о дружбе с Германией, заключенный в 1929 г., и выслан из Саудовской Аравии Гробба, а в 1942 г. из страны были выдворены итальянцы[3]. Создавшаяся в 1941—1942 гг. обстановка была использована Англией для укрепления своего влияния. За счет займа, полученного у США, англичане оказали финансовую поддержку Ибн Сауду. В стране начали работу английские советники по экономическим и финансовым вопросам, а также военная миссия.

Усиление английских позиций создавало угрозу интересам нефтяных монополий США. В памятной записке «Стандард ойл оф Калифорния» на имя министра внутренних дел США Гарольда Икеса от 8 февраля 1943 г. говорилось: «Растет беспокойство по поводу быстрого усиления экономического влияния

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 349.

[2] См. *И. И. Прошин*. Саудовская Аравия. Историко-экономический очерк. М., 1964, стр. 103.

[3] См. «Новейшая история арабских стран (1917—1966)», стр. 219.

Англии в Саудовской Аравии, так как это может существенно отразиться на дальнейшей деятельности американцев после войны. Непосредственная помощь правительства США правительству Саудовской Аравии вместо косвенной помощи через англичан, которую мы оказываем сейчас, положила бы конец этой тенденции и дала бы известную гарантию, что запасы нефти в Саудовской Аравии останутся под контролем американцев... Правительство США могло бы оказать непосредственную помощь правительству Саудовской Аравии, в частности в порядке ленд-лиза»[1].

Стремясь к улучшению условий для экономической экспансии, правительство США в феврале 1943 г. объявило Саудовскую Аравию страной, имеющей «жизненное значение» для обороны США, и распространило на нее закон о ленд-лизе, согласно которому за годы войны Саудовской Аравии было поставлено товаров на 99 млн. долл. В мае 1943 г. были установлены дипломатические отношения США с Саудовской Аравией. Вслед за достигнутым в декабре того же года соглашением о строительстве военных аэродромов в Дахране и Дауке в Саудовскую Аравию прибыла американская военная миссия, приступившая к обучению саудовской армии[2].

14 февраля 1945 г., возвращаясь с Крымской конференции, президент Рузвельт встретился с королем Ибн Саудом на борту американского крейсера «Куинси». В ходе переговоров Ибн Сауд согласился на использование портов в Персидском заливе военно-морским флотом США и Англии и военно-воздушной базы в Дахране — американской авиацией, действующей против Японии. Армии США на условиях аренды сдавался ряд территорий, которые подлежали возврату Саудовской Аравии вместе со всеми воздвигнутыми там сооружениями по истечении срока, не превышающего пяти лет. При этом было достигнуто понимание, что Саудовская Аравия ни в коем случае не будет подвергнута оккупации и ни одна часть ее территории не будет отчуждена.

Рузвельту удалось получить от Ибн Сауда подтверждение существующих американских концессий, а также согласие на сооружение Трансаравийского нефтепровода от Эль-Хассы к средиземноморскому побережью.

Ибн Сауд взял на себя обязательство не нападать на союзников и оказать сопротивление странам «оси». Президент США со своей стороны обещал оказывать поддержку политике Саудовского государства.

---

[1] Цит. по кн.: *В. Перло.* Американский империализм. М., 1951, стр. 227.

[2] См. *Н. И. Прошин.* Саудовская Аравия, стр. 108—109.

На переговорах был обсужден палестинский вопрос. Ибн Сауд, выступавший против английского плана переселения всех арабов из Палестины в Аравию в целях создания в Палестине еврейского государства, отклонил просьбу Рузвельта согласиться с поселением определенного числа евреев в Палестине. Опасаясь, с одной стороны, обострения отношений с арабами и, с другой стороны, учитывая значение голосов американских евреев на предстоящих выборах, президент ограничился заверениями в том, что правительство США не предпримет враждебных шагов в отношении арабов и не изменит своей позиции в палестинском вопросе без предварительных консультаций с арабами и евреями.

Идя на уступки США, Ибн Сауд добился все же известного успеха в реализации своего стремления покончить с зависимостью от Англии. Об этом свидетельствовала, в частности, последовавшая вскоре после переговоров с Рузвельтом встреча саудовского короля с Черчиллем, на которой английскому премьер-министру не удалось достичь результатов, обеспечивающих сохранение влияния Англии на Саудовскую Аравию.

Американо-английское соглашение о нефти

Дипломатия США особую активность проявляла в вопросе о ближневосточной нефти. В целях оправдания захвата нефтяных ресурсов за границей в Соединенных Штатах была выдвинута «теория истощения национальных нефтяных запасов», согласно которой США якобы при существовавшем уровне нефтедобычи должны были остаться без нефти через 15—20 лет. Министр внутренних дел США Гарольд Икес писал в 1943 г., что американская нефтедобывающая промышленность постепенно и неизбежно перемещается за границу, в район Персидского залива, и что это жизненно необходимо для США[1].

В 1943 г. по инициативе Г. Икеса, поддержанного президентом Рузвельтом, была сделана попытка приобрести в государственную собственность нефтяные источники за границей. Для этого в июне 1943 г. была создана корпорация «Петролеум резервс корпорэйшн», главным директором которой стал министр внутренних дел США Г. Икес, а директорами — государственный секретарь, военный и морской министры. Устав корпорации следующим образом определял ее основные задачи: закупать или приобретать иным путем запасы сырой нефти, находящиеся за пределами США; приобретать акции компаний, владеющих такими запасами; строить и вводить в эксплуатацию за пределами США нефтеперерабатывающие заводы, нефте-

[1] См. *М. Брукс.* Нефть и внешняя политика, М., 1949, стр. 120.

проводы, резервуары и т. д.[1]. Полностью эту задачу правительству США осуществить не удалось. Американские нефтяные компании не допустили перехода своих акций в руки государства.

В то же время по соглашению «Петролеум резервс корпорэйшн» с нефтяным концерном АРАМКО[2] в 1944 г. был выработан проект строительства Трансаравийского нефтепровода от Персидского залива в Сайду (Ливан) длиной 1600 *км* и годовой производительностью около 20 млн. *т*[3].

АРАМКО обязался обеспечивать правительству США один миллиард баррелей военных запасов сырой нефти и ежегодно поставлять ему по 30 млн. баррелей нефти по цене на 25% ниже существующей в районе Персидского или Мексиканского залива — в зависимости от того, где она будет дешевле. Продавать же нефть иностранным государствам АРАМКО мог только с одобрения государственного департамента США. Постройка Трансаравийского нефтепровода позволила значительно увеличить добычу нефти в Саудовской Аравии (1820 тыс. *т* в 1943 г. и 41 млн. *т* в 1952 г.), намного снизить стоимость ее доставки и тем самым увеличить ее конкурентоспособность на рынках стран Средиземноморья и Западной Европы[4].

В связи с проектированием американцами Трансаравийского нефтепровода возникла необходимость согласовать вопрос о его строительстве с Англией. Без договоренности с Англией американцы не могли практически осуществить строительство нефтепровода, ибо он должен был проходить по территориям, находившимся в руках англичан (Трансиордания, Палестина).

6 апреля 1944 г. правительство США официально предложило Англии начать переговоры о нефти. Оба правительства выделили паритетные комиссии экспертов. 8 августа 1944 г. текст соглашения был выработан на основе взаимных уступок. В сентябре его подписали правительства США и Англии. По этому соглашению англичане признали право Соединенных Штатов на равный и ничем не ограниченный доступ к источникам

---

[1] *B. Shwadran.* The Middle East, Oil and the Great Powers. New York, 1955, p. 311—313.

[2] АРАМКО («Арабиен-Американ ойл компани») — одна из крупнейших нефтяных монополий, действующая в Саудовской Аравии. Этот концерн был создан американскими нефтедобывающими фирмами в 1933 г.

[3] *K. S. Twitchell.* Saudi Arabia. With an Account of the Development of its Natural Resources. Princeton, 1958, p. 237—238.

[4] Строительство нефтепровода было закончено после войны. 2 декабря 1950 г. аравийская нефть поступила в Сайду, где создан крупнейший нефтеналивной порт. Нефтепровод проходит по территории Саудовской Аравии, Иордании, Сирии, Ливана, с правительствами которых заключены концессионные соглашения.

нефти во всех районах земного шара, свободное изыскание и развитие нефтяных ресурсов, постройку и эксплуатацию предприятий нефтяной промышленности. Однако в соглашении указывалось, что спрос на нефть должен регулироваться в интересах производящих и потребляющих сторон, а уровень производства нефти должен быть справедливо распределен между договаривающимися сторонами. Эти пункты соглашения оставляли за англичанами право регулировать в собственных интересах добычу нефти американскими компаниями. Текст соглашения в целом носил несколько туманный характер [1].

Американские промышленники выступили против соглашения, утверждая, что оно якобы убьет традиционную американскую систему свободной конкуренции. Противодействие их было настолько сильно, что президенту Рузвельту пришлось 10 января 1945 г. взять соглашение из сената, куда оно было направлено для ратификации, на пересмотр. После многомесячных дополнительных переговоров 24 сентября 1945 г. было подписано новое англо-американское соглашение о нефти. В новой редакции были исключены какие-либо ограничения и полностью признавался «принцип равных возможностей» (статья II, пункт «б») [2]. Таким образом, победу одержали американские нефтяные магнаты, использовавшие затруднительное положение Англии.

Не добившись ограничения американской деятельности в странах Ближнего и Среднего Востока нефтяным соглашением, англичане увеличили нефтедобычу на своих промыслах и перекачку нефти к Средиземному морю с тем, чтобы оказаться конкурентоспособными на нефтяных рынках сбыта средиземноморских и западноевропейских государств. Были выстроены новые нити нефтепровода Киркук — Триполи — Хайфа на 12 млн. *т* и новый нефтепровод Киркук — Баниас (Сирия) мощностью 25 млн. *т*.

Создание Лиги арабских государств

Американская экспансия в районе Ближнего Востока и развитие связей между отдельными странами арабского мира поставили перед Великобританией проблему укрепления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. С этой целью английская дипломатия попыталась использовать стремление арабов к единству, идею арабской федерации, родившуюся еще в годы борьбы арабских народов против турецкого господства.

В официальных выступлениях английских деятелей подчеркивалось, что в новых условиях Англия не будет препятствовать

[1] См. *М. Брукс.* Нефть и внешняя политика, стр. 165—168.
[2] См. там же, стр. 121—122, 170.

созданию федерации арабских государств. 29 мая 1941 г. было опубликовано выступление Антони Идена в палате общин со следующим заявлением: «Мне кажется естественным и правильным укрепление культурных, экономических, а также политических связей между арабскими странами. Правительство Его Величества, со своей стороны, окажет поддержку любому плану, который получит всеобщее одобрение»[1].

Однако военные действия на Ближнем и Среднем Востоке в 1941—1942 гг. отвлекли внимание и арабов и англичан от этого вопроса. Только в 1943 г. начались предварительные переговоры между руководящими политическими деятелями арабских стран.

На первых порах инициатива находилась в руках иракского премьер-министра Нури Саида, который в декабре 1942 г. выступил с планом создания государственного объединения «Великая Сирия», включающего Сирию, Ливан, Палестину и Трансиорданию. Предусматривалось образование государства «Арабская лига» путем объединения «Великой Сирии» и хашимитской монархии Ирак и последующего включения в состав Лиги всех остальных стран Ближнего Востока. По плану Нури Саида единый федеральный орган «Арабской лиги» должен был осуществлять руководство в вопросах обороны, внешней политики, финансов, таможенных дел, путей сообщения, образования и др. Национальным и религиозным меньшинствам предоставлялась ограниченная автономия. Предусматривалось распространение на все страны Лиги власти династии Хашимитов. На роль главы федерации, в частности, претендовал хашимитский эмир Трансиордании Абдаллах, который 8 апреля 1943 г. выступил фактически в поддержку проекта Нури Саида. Планы создания «Великой Сирии» и «Арабской лиги» обсуждались с англичанами и предусматривали защиту интересов Англии на Ближнем Востоке[2].

Проект Нури Саида вызвал резкие возражения Ливана и Сирии, не желавших терять свой суверенитет и республиканский строй в лоне монархической «Великой Сирии», а также со стороны Египта и Саудовской Аравии. Против идеи создания «Великой Сирии» выступала Франция, стремившаяся сохранить свои позиции в странах Леванта.

После провала плана Нури Саида в подготовке проекта арабской федерации активную роль стал играть египетский премьер-министр Мустафа Наххас-паша, который, уклоняясь от конкретных заявлений по поводу будущей федерации, проявил

[1] "The Times", 29.V.1941.

[2] См. *Л. Н. Котлов.* Иордания в новейшее время. М., 1962, стр. 73—75; *R. W. Macdonald.* The League of Arab States. Princeton, 1965, p. 34—35.

исключительную энергию в развертывании переговоров с представителями отдельных арабских государств.

Подготовительная конференция по созданию арабской федерации проходила в Александрии (Египет) 26 сентября — 7 октября 1944 г. В ней участвовали делегации во главе с премьер-министрами: Египта (Мустафа Наххас-паша), Сирии (Саад Аллах Джабири), Ливана (Риад Сольх), Ирака (Хамди аль-Пачачи), Трансиордании (Тевфик Абуль-Худа). В качестве наблюдателей присутствовали представители Саудовской Аравии и Йемена.

В результате Александрийской конференции представители пяти делегаций подписали протокол о создании Лиги арабских государств из независимых арабских стран, которые пожелают войти в ее состав. По окончании подготовительных мероприятий предстояло созвать конференцию по организации Арабского союза.

Конференция приняла также специальные решения о Ливане, подтвердив его полную независимость в существующих границах, а также о Палестине. В протоколе о Палестине говорилось: «Подготовительная конференция считает Палестину одним из важных элементов арабского мира. Всякое ущемление прав палестинских арабов будет означать угрозу делу мира и устойчивости арабских стран».

В феврале — марте 1945 г. в Каире состоялась конференция арабских государств. В ней приняли участие и 22 марта 1945 г. подписали Устав Лиги арабских государств делегации Сирии, Ливана, Трансиордании, Саудовской Аравии, Ирака и Египта. Йемен не прислал делегатов и подписал Устав позже.

Конференция учредила Секретариат Лиги во главе с Генеральным секретарем в ранге посла. На этот пост был назначен египтянин Абдель Рахман Аззам. Было принято решение о поддержании теснейшего содружества с другими арабскими странами, не являющимися членами Лиги.

В марте — апреле 1945 г. все семь государств, подписавших Устав Лиги арабских государств, ратифицировали его. 10 мая 1945 г. он вступил в силу.

Различные по своему политическому направлению круги арабских стран в своем большинстве дали положительную оценку организации Лиги, как первому шагу на пути осуществления единства арабов, хотя каждый по-своему понимал смысл этого единства. Например, у арабов Северной Африки в связи с этим возникли надежды на получение от Лиги помощи в борьбе за освобождение от французского колониального гнета и достижение независимости.

Английские и французские правящие круги положительно отнеслись к созданию Лиги арабских государств, надеясь под-

чинить ее своему влиянию и использовать для расширения экономической деятельности своих стран на Ближнем Востоке. Английское правительство способствовало созданию Лиги, рассчитывая еще теснее связать политику и экономику арабских стран с Англией, не допустить увеличения французского, американского и особенно советского влияния на Ближнем Востоке. Каирский националистический журнал «Рабита аш-Шабаб» 20 февраля 1946 г. писал: «Лига арабских государств является барьером, созданным Англией против русского влияния».

Создание Лиги явилось положительным фактором, поскольку оно содействовало сближению арабских государств, создавало предпосылки к объединению арабов для борьбы против империалистической агрессии.

Пользуясь влиянием на правительства отдельных арабских стран, западные державы порой оказывали свое воздействие на политику Совета Лиги, но оно уже не было определяющим.

В последующем в связи с изменением характера государственной власти и политических режимов, развитием демократических основ в социально-экономической и политической жизни ряда арабских стран стал изменяться и характер деятельности Лиги. Она приобрела более выраженную антиколониалистскую и антиимпериалистическую направленность. Надежды западных держав на превращение Лиги арабских государств в орудие колониальной политики и подавления национально-освободительного движения народов арабских стран не оправдались. Однако в силу внутренних противоречий Лига не всегда была в состоянии разрешить острые вопросы, вставшие перед ней или ее государствами-участниками.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1941—1945 гг.

Вторая мировая война привела к глубоким изменениям в странах Латинской Америки. Эти изменения в основном сводились к тому, что, с одной стороны, Соединенные Штаты, воспользовавшись военной обстановкой и ослаблением позиций европейских держав, прежде всего Германии, а также Японии, заняли господствующее положение в этой части мира. Соединенные Штаты препятствовали свободному политическому и экономическому развитию стран Латинской Америки, видя в этом угрозу своему господству. По этой же причине США предпочитали, чтобы эти страны находились лишь в состоянии «символической войны» с фашизмом. С другой стороны, вторая мировая война, и прежде всего нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, и героическая борьба советского народа против фашистской Германии вызвали рост симпатий широких народных масс этих стран к СССР, выступавших за скорейшее установление дипломатических и экономических отношений с СССР, за участие латиноамериканских стран в военных действиях против держав «оси». Одновременно усилилась борьба латиноамериканских стран за независимость от иностранных монополий.

После того как Япония напала на Перл-Харбор и США объявили ей войну, все страны Центральной Америки и Карибского бассейна (Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Гаити, Доминиканская Республика и Куба) 8—12 декабря 1941 г. объявили войну державам «оси». Венесуэла, Колумбия и Мексика в декабре разорвали с ними дипломатические отношения.

Антифашистские настроения народных масс были так сильны, что президент Коста-Рики Кальдерон Гуардиа объявил войну странам «оси» даже несколько раньше, чем конгресс Соединенных Штатов. По распоряжению правительства Мексики все консульства держав «оси» были закрыты еще в сентябре 1941 г. Позже Мексика официально объявила войну державам

«оси». Этому предшествовали следующие обстоятельства. 14 марта 1941 г. было подписано американо-мексиканское соглашение о взаимной помощи в случае агрессии. Вскоре правительство Мексики наложило секвестр на германские и итальянские суда, находившиеся в мексиканских портах. 12 января 1942 г. Мексика и США подписали соглашение о создании смешанной комиссии по совместной обороне. 22 мая 1942 г., после потопления в Мексиканском заливе двух мексиканских судов, правительство Мануэля Авила Камачо объявило войну Германии, Италии и Японии.

22 августа 1942 г. объявило войну Германии и Италии самое большое государство Латинской Америки — Бразилия, тесно связанная соглашениями с США [1]. Это произошло после того, как вблизи бразильского побережья германские подводные лодки потопили пять бразильских судов. На бразильское правительство оказали давление прогрессивные круги страны, требовавшие объявления войны фашистской Германии.

Правительства остальных стран Латинской Америки заявили, что не будут считать США воюющей стороной и, следовательно, не будут применять против них закон о нейтралитете.

Многие страны Латинской Америки хотели, чтобы их войска участвовали в военных действиях против фашистской Германии, но США, как указывалось выше, воспрепятствовали этому. Участвовали в военных операциях лишь Бразилия и Мексика. Бразильский экспедиционный корпус высадился в июле 1944 г. в Неаполе и с сентября того же года по апрель 1945 г. участвовал в боях. Правительство Мексики в феврале 1945 г. предоставило в распоряжение военного командования США на Тихом океане авиационную эскадрилью. В июне 1945 г. мексиканские летчики участвовали в воздушных боях над Филиппинами, а в августе бомбили Тайвань.

Третье консультативное совещание министров иностранных дел американских государств в Рио-де-Жанейро

После нападения Японии на Соединенные Штаты Америки государственный департамент США разослал 9 декабря 1941 г. всем латиноамериканским странам ноты, в которых предлагалось немедленно созвать третье консультативное совещание министров иностранных дел американских государств [2]. Оно открылось 15 января 1942 г. в Рио-де-Жанейро. Одним из первых обсуждался вопрос о разрыве дипломатических отношений с державами «оси». Министр иностранных дел Мексики Эсекиель Падилья потребо-

---

[1] Войну Японии Бразилия объявила 6 июня 1945 г.

[2] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1143.

вал, чтобы все латиноамериканские страны немедленно разорвали дипломатические отношения с Германией, Японией и Италией. Его поддержали представители Колумбии и Венесуэлы. Против предложения Мексики выступила делегация Аргентины, действовавшая под влиянием ведущих кругов национальной буржуазии и помещиков, связанных с монополистами Германии, а также Чили. Представитель Аргентины сказал, что его страна не собирается отзывать своих послов из Берлина, Рима и Токио. Чилийский представитель заявил, что его страна разорвет дипломатические отношения со странами «оси» лишь в том случае, если США немедленно предоставят ей 36 боевых самолетов и 63 зенитных орудия [1]. Тогда министр иностранных дел Бразилии Освальдо Аранья предложил компромиссный вариант: «рекомендовать» латиноамериканским странам разорвать дипломатические отношения с державами «оси». Этот вариант устраивал всех, и 23 января соответствующая резолюция была принята [2].

Глава американской делегации, заместитель государственного секретаря Сэмнер Уэллес поддержал это компромиссное решение. В своих воспоминаниях бывший государственный секретарь США Корделл Хэлл, придерживавшийся несколько иной точки зрения по этому вопросу, приводит один из аргументов Уэллеса: «Уэллес просил меня иметь в виду, что разрыв дипломатических отношений означает почти немедленное вступление латиноамериканских республик в войну» [3].

Кроме рекомендации латиноамериканским странам разорвать дипломатические отношения с державами «оси» совещание приняло резолюцию, рекомендовавшую немедленное прекращение «каких бы то ни было прямых или косвенных торговых и финансовых отношений» между Западным полушарием, с одной стороны, и участниками Тройственного пакта (а также контролируемыми ими территориями) — с другой.

На совещании в Рио-де-Жанейро была принята резолюция о мерах борьбы с подрывной деятельностью держав «оси» на американском континенте. Эта резолюция запрещала гражданам держав «оси», проживающим на американском континенте, заниматься политической деятельностью, вводила более строгий контроль за выдачей паспортов и координировала судебные и полицейские меры в целях обороны Западного полушария [4].

---

[1] *J. Lloyd Mecham.* The United States and Inter-American Security. 1889—1960. Austin, 1961, p. 211.

[2] Ibid., p. 212.

[3] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1147.

[4] "Conferencias Internacionales Americanas. 1938—1942". I Supl. Washington, 1943, p. 195—200.

В соответствии с этой резолюцией был создан Чрезвычайный консультативный комитет по политической обороне. В отличие от большинства панамериканских органов, в которых представлены все американские государства, этот комитет был учрежден из представителей 7 государств: Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики, США, Уругвая и Венесуэлы. Местопребыванием комитета была избрана столица Уругвая Монтевидео, а уругвайский министр иностранных дел Альберто Гуани стал его председателем. В каждой латиноамериканской стране был создан национальный комитет по политической обороне, в обязанности которого входил сбор информации для Чрезвычайного комитета. За годы войны Чрезвычайный комитет принял 29 резолюций, направленных на укрепление политических позиций США в Латинской Америке. Чрезвычайный консультативный комитет по политической обороне превратился в орудие вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских стран.

На совещании в Рио-де-Жанейро было закреплено положение латиноамериканских стран как источника снабжения военной промышленности США сырьем. В пункте I резолюции «О производстве и обмене стратегическими материалами» говорилось: «Совещание рекомендует в плане конкретного осуществления континентальной солидарности экономическую мобилизацию американских республик с целью обеспечения стран Западного полушария, и в первую очередь воюющих стран, стратегическими и дефицитными материалами в достаточном количестве и в возможно кратчайший срок»[1].

В пункте II резолюции отмечалось, что для выполнения этой рекомендации необходима мобилизация всех отраслей хозяйства, имеющих какое-либо отношение к производству стратегических материалов. Другие пункты резолюции предусматривали отмену или ослабление административных ограничений и контроля, затруднявших производство и торговлю стратегическими материалами. Предусматривалось также создание к 30 апреля 1942 г. национальных плановых комиссий для планирования добычи стратегических материалов[2].

В ходе работы совещания США заключили с 16 латиноамериканскими странами соглашения о взаимном снижении таможенных пошлин.

Таким образом Соединенные Штаты Америки ставили под свой контроль промышленное развитие латиноамериканских стран, превращая их в огромный резервуар стратегических материалов и сырья, необходимого для военной промышленности США.

---

[1] "Acta Final de la Tercera Reunion de Consulta", Rio de Janeiro, 1942, p. 5.

[2] Ibid., p. 5—6.

Далеко идущие последствия имела принятая совещанием министров резолюция о Межамериканском совете обороны. В ней говорилось: «Третье консультативное совещание министров иностранных дел американских республик рекомендует немедленно создать в Вашингтоне совет из военных и морских специалистов, назначенных всеми правительствами, для изучения и рекомендации мер, необходимых для обороны континента»[1]. На совещании в Рио-де-Жанейро, по существу, был создан новый межамериканский военный орган под эгидой США. Решающее влияние Соединенных Штатов в Межамериканском совете обороны обеспечивалось тем, что Статут Совета предусматривал, что его председатель, начальник штаба и секретарь должны быть представителями страны его местопребывания, т. е. США. Открывая первое заседание Совета 30 марта 1942 г., военный министр США Стимсон заявил: «Создание Совета — это не просто начало совместной обороны полушария, это — начало новой политики»[2]. 20 мая 1942 г. Совет разослал подробные рекомендации и инструкции штабам всех латиноамериканских стран. Согласно решению совещания в Рио-де-Жанейро Межамериканский совет обороны должен был функционировать лишь в период военных действий. Однако он существует и сегодня.

Создание Межамериканского совета обороны и установление контроля над производством стратегических материалов легли в основу межамериканского военного союза. Этому содействовало и вступление в силу «Гаванской конвенции»[3].

Большое место на совещании в Рио-де-Жанейро занял вопрос о послевоенном устройстве мира. Созданный в 1939 г. Межамериканский комитет по нейтралитету был преобразован в Межамериканский юридический комитет. Была вынесена специальная резолюция, где Комитету поручалось формулировать особые рекомендации по созданию международной организации и вопросам безопасности[4]. Постоянным местопребыванием Комитета был избран город Рио-де-Жанейро. В состав Комитета вошли представители США, Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Коста-Рики, Мексики и Чили. Правда, правительства Аргентины и Коста-Рики так и не послали своих представителей в него, тем не менее Комитет развернул работу и уже 5 сентября

---

[1] "International Conciliation Documents for the Year. 1942". Washington, 1943, p. 141.

[2] "Junta Interamericana de Defensa". Washington, 1944, p. 26—27.

[3] «Гаванская конвенция о временном управлении европейскими колониями и владениями, находящимися на американском континенте» после ратификации вступила в силу 8 января 1942 г.

[4] *J. Lloyd Mecham.* The United States and Inter-American Security. 1889—1960, p. 249.

1942 г. выступил со своим первым сообщением. Была опубликована программа послевоенного переустройства мира, где преобладала идея создания замкнутой американской группировки в интересах монополий США и их буржуазно-помещичьей агентуры в Латинской Америке. Так, в пунктах VI и VII указывалось, что, лишь сочетая оба принципа — всеобщее членство и объединение стран по регионам, можно создать действенную международную организацию.

В последний день работы совещания в Рио-де-Жанейро — 29 января 1942 г.— был подписан протокол об урегулировании вооруженного пограничного конфликта между Перу и Эквадором, возникшего на почве давнего спора из-за границы между ними. Представитель Эквадора еще 14 января заявил, что его страна не подпишет ни одного решения, если перуано-эквадорский конфликт не будет урегулирован[1].

В марте 1942 г. при Управлении координатора по межамериканским делам был создан специальный институт по межамериканским делам. Перуанский ученый Э. Рамирес Новоа в монографии «Политика янки в Латинской Америке» следующим образом резюмирует результаты консультативных совещаний министров иностранных дел в Панаме, Гаване[2] и Рио-де-Жанейро: «Эти совещания были проведены без учета интересов латиноамериканских стран. Латинская Америка должна была следовать за политикой США, не зная, ни куда эта политика их заведет, ни каковы будут экономические перспективы в послевоенный период»[3].

Усиление экспансии США в Латинской Америке

Война внесла большие изменения во внешнюю торговлю стран Латинской Америки: расширился товарооборот между латиноамериканскими республиками; значительно усилились позиции США на рынках этих стран; упал удельный вес Англии.

По сравнению с 1939 г. доля США в экспорте стран Латинской Америки в 1944 г. увеличилась с 34,9 до 53,4%, а доля Англии снизилась с 16,4 до 15,5%. Импорт из США в Латинскую Америку увеличился за те же годы с 40,5 до 56,9%. Импорт из Англии снизился с 10,4 до 3,5%[4]. Что касается Германии,

---

[1] Протокол, подписанный 29 января 1942 г., предусмотрел только процедуру урегулирования спора. Этот спор не урегулирован до настоящего времени.

[2] О совещаниях в Панаме и Гаване см. главу третью, стр. 84—94.

[3] *E. Ramires Novoa.* La Politica Janqui en America Latina, t. 2. Lima, 1963, p. 292.

[4] "Inter-American Affairs 1941", p. 180—181; "Inter-American Affairs 1945". New York, 1946, p. 171, 175.

Италии, Японии и Франции, то во время второй мировой войны они практически не участвовали в торговле со странами Латинской Америки.

К концу второй мировой войны США стали занимать господствующее положение во внешней торговле большинства стран Латинской Америки. Так, доля США в экспорте Гватемалы, Мексики, Панамы, Коста-Рики, Гондураса, Кубы, Гаити и Сальвадора в 1945 г. колебалась в пределах 91—73%. В том же году доля США в импорте Мексики, Кубы, Гаити, Коста-Рики, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Панамы, Бразилии и Боливии находилась на уровне 85—60%.

В 1945 г. 75% экспорта США в Латинскую Америку приходилось на Мексику, Бразилию, Кубу, Венесуэлу и Колумбию. 70% импорта США из Латинской Америки приходилось на Кубу, Бразилию, Мексику, Аргентину и Чили. Эти страны были основными поставщиками сырья в Соединенные Штаты и основными покупателями североамериканских товаров.

Таким образом, к концу второй мировой войны экономика большинства латиноамериканских республик была почти полностью подчинена американскому империализму и стала целиком зависеть от внешней торговли, в которой США играли основную роль.

До второй мировой войны США вывозили почти 100% нужного им натурального каучука, 95% хинина, 60% твердого волокна, 75% растительных масел, большое количество редких металлов и олова из Восточной Азии. С потерей восточноазиатских источников стратегического сырья таким источником сырья для американской военной промышленности стала Латинская Америка.

В начале второй мировой войны США закупали стратегические материалы в латиноамериканских странах через обычные коммерческие каналы. Но с 1941 г. они пошли по пути заключения двусторонних соглашений. 14 мая 1941 г. было подписано соглашение с Бразилией об импорте в США стратегического сырья. Это и все последующие соглашения предусматривали не только удовлетворение текущих нужд американской военной промышленности, но и создание в США постоянных запасов стратегических материалов и сырья. 3 декабря 1941 г. США подписали соглашение с Чили о покупке всей продукции меди, свинцовых концентратов, молибдена, марганца, кобальта, ртути.

Американский империализм под предлогом мобилизации стратегического сырья на нужды борьбы с агрессором все больше и больше проникал во все сферы экономики стран Латинской Америки, устанавливал свой контроль, тормозил развитие национальной промышленности.

Через свой Экспортно-импортный банк правительство США установило контроль над всей кредитной политикой латиноамериканских стран. Деятельность этого банка перешагнула рамки предоставления кредита и контроля над внешней торговлей и была направлена главным образом на подчинение экономики латиноамериканских республик контролю США.

Кредиты банка, носившие целевой характер, позволяли США непосредственно воздействовать на экономику латиноамериканских стран в желательном для них направлении. Кредиты, как правило, предоставлялись при условии, что американские «специалисты» будут наблюдать за их расходованием; подряды на строительство того или иного объекта передавались американским фирмам. В ряде случаев банк требовал ввести своего представителя в состав дирекции организации, получавшей заем. Экспортно-импортный банк тормозил развитие обрабатывающей и тяжелой промышленности в Латинской Америке, чтобы закрепить за ней роль сырьевой базы монополий США.

Во время второй мировой войны произошло дальнейшее сближение правящих кругов США с правящими классами латиноамериканских государств, так как американский империализм, осуществляя политику «доброго соседа» и полного закабаления Латинской Америки, предоставлял правящим кругам стран Латинской Америки некоторые экономические льготы. Разумеется, сближение монополистов США с господствующими классами латиноамериканских стран ни в коей мере не снимало противоречий между ними.

Помещики и крупные коммерсанты Южной и Центральной Америки не были заинтересованы в скорейшем окончании войны; это грозило им сокращением прибылей, которые они получали на поставках обеим воюющим сторонам. Продавая сырье и продовольствие Объединенным Нациям, они получали огромные прибыли. Общие золотые запасы всей Латинской Америки в 1945 г. составили 4390,7 млн. долл. [1]

За четырехлетие, предшествовавшее войне (1936—1939 гг.), активный баланс в торговле Латинской Америки с США составил 270 млн. долл., а за военное четырехлетие (1941—1944 гг.) он достиг 1529 млн. долл.

В годы войны некоторые латиноамериканские страны были своего рода мостом, связывавшим реакционные круги Соединенных Штатов с фашистскими государствами. Бывший государственный секретарь К. Хэлл в своих мемуарах, в частности, отмечает «ценное сотрудничество» бразильской дипломатии в переговорах с Португалией [2]. Известно, что во время

[1] "Inter-American Affairs 1945", p. 268.
[2] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1423.

второй мировой войны Португалия была одним из центров интриг, направленных на объединение империалистических держав в единый антисоветский фронт.

Из Латинской Америки поступали стратегические материалы не только в военную промышленность Соединенных Штатов Америки и Англии, но и в военную промышленность фашистских держав. Например, до самого объявления Бразилией войны державам «оси», 22 августа 1942 г., итальянская авиационная компания «ЛАТИ» обеспечивала регулярное воздушное сообщение между Европой и Бразилией, благодаря чему фашистские державы получили из Бразилии большое количество ценнейших стратегических материалов (алмазы, кристаллический кварц, слюду и др.). Важную роль сыграло также снабжение Германии и Италии военным сырьем через так называемые «нейтральные» страны, являвшиеся передаточными пунктами в торговле фашистских держав с Латинской Америкой. «Нейтральная» позиция Аргентины[1] давала Германии возможность получать аргентинское сырье и сельскохозяйственные продукты с помощью посредников — франкистской Испании и Швеции. Так, в 1942 г. Испания вывезла из Аргентины для фашистской Германии 15 млн. *ц* пшеницы и 3 млн. *ц* кукурузы. Министр иностранных дел Испании Р. Серрано Суньер в апреле 1942 г. публично признал, что Испания оказывает поддержку странам фашистского блока. Аргентина была для Германии центром агентуры в Латинской Америке: ее «нейтральная» позиция значительно облегчала деятельность немецких шпионов.

Одним из главных средств установления военного контроля Соединенных Штатов над Латинской Америкой было строительство военно-морских и авиационных баз на территориях, приобретенных на условиях аренды, в обмен на займы или под иными предлогами. По соглашению с Великобританией от 2 сентября 1940 г. Соединенные Штаты получили за бесценок в аренду на 99 лет базы на островах Атлантического океана от Ньюфаундленда до Тринидада, а также в Британской Гвиане, приобрели военные базы на территории американских владений Франции и Голландии.

Ссылаясь на решения о «коллективной защите» и «американской солидарности», принятые на панамериканских конференциях и на трех консультативных совещаниях министров иностранных дел американских республик, а также под предлогом обороны Западного полушария от агрессии со стороны держав «оси», Соединенные Штаты потребовали от латиноамериканских государств предоставления им права на постройку военно-

[1] Аргентина разорвала дипломатические отношения с Германией и Японией 26 января 1944 г.

морских и военно-воздушных баз в стратегически важных пунктах Латинской Америки.

Уже в первые годы войны США создали военно-морскую базу на Кокосовом острове (Коста-Рика), находящемся в 400 милях от побережья Тихого океана. Создание этой военно-морской базы, находящейся вне «зоны безопасности», лишний раз показывает, что США думали не только об обороне Западного полушария, но и об укреплении своего влияния. Вслед за тем военно-морская база была построена на Галапагосах, принадлежащих Эквадору. На территории Эквадора Соединенные Штаты построили аэродромы в городах Кито и Амбато.

Соединенные Штаты вынудили также Панаму предоставить им в аренду территорию для сооружения военных баз. В июне 1940 г. посол США в Панаме посетил министра иностранных дел и потребовал — якобы в интересах обороны Панамского канала — предоставления США на суверенных началах новых участков земли и права на пользование панамскими водами в течение 99 лет. Правительство Панамы согласилось удовлетворить требования США на следующих условиях: новые участки панамской территории предоставляются США лишь на время военных действий, Панама полностью сохраняет свой суверенитет, а США предоставляют ей соответствующую компенсацию[1]. США не согласились удовлетворить законные требования правительства Панамы, печать обрушила на панамского президента Арнульфо Ариаса град обвинений в поддержке фашистской Германии и во враждебном отношении к США. 18 февраля 1941 г. посольство США в Панаме в ультимативной форме потребовало немедленно предоставить США некоторые участки панамской территории[2]. Переговоры продолжались затем в Вашингтоне.

В начале октября президент Ариас отправился с неофициальным визитом на Кубу. Воспользовавшись его отсутствием, северный «сосед» инспирировал государственный переворот. 9 октября новоиспеченный президент Рикардо Адольфо де ла Гуардиа заверил посла США Эдвина Вильсона в своих верноподданнических чувствах и в готовности служить не за страх, а за совесть. После этого переговоры в Вашингтоне пошли быстрее. 18 мая 1942 г. было подписано соглашение, по которому Панама отдала в аренду США 15 тыс. *га* земли для строительства военно-стратегических баз. США обязались возвратить Панаме арендованную территорию через год после окончания войны[3]. Но, разумеется, нарушили свое обещание.

---

[1] *J. Dubois.* Danger over Panama, New York, 1964, p. 122.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., p. 153.

США создали военные базы и на тихоокеанском побережье Чили и Перу. Со стороны Атлантического океана США построили большую сеть военно-морских и военно-воздушных баз: в Бальбоа и Рио-Ато (Панама), Фернанду-ди-Норонья, Натале, Ресифи (Бразилия), в бассейне реки Ла-Платы (на территории Уругвая), в Акапулько, Салина-Крусе (Мексика) и т. д. Немалую роль в укреплении военно-стратегических позиций США сыграли также базы, построенные на Багамских и Антильских островах, на острове Тринидад и в Британской Гвиане. Особый интерес США проявляли к Теуантепекскому перешейку (Мексика), через который проходит железная дорога; они планировали переброску войск и военных грузов по этой дороге в случае выхода из строя Панамского канала.

К концу второй мировой войны США располагали 92 военными базами в Латинской Америке, не считая более мелких опорных и наблюдательных пунктов (в одной лишь Панаме их было 130)[1].

Соединенные Штаты установили свой контроль также над стратегически важными коммуникациями Латинской Америки. Старые хозяева авиалиний Южной и Центральной Америки — итальянская компания «ЛАТИ» и немецкие компании «Кондор» и «Люфтганза» были заменены авиационными компаниями США «Панагра», «Панэйр» и др. Важное стратегическое значение приобрела Панамериканская автострада; строительство ее под руководством США развернулось в годы второй мировой войны.

Латиноамериканские армии оснащались оружием единого образца — тем, которое поставляли Соединенные Штаты по ленд-лизу, но большая часть этих поставок падает на конец войны. За последний год войны по ленд-лизу в Латинскую Америку было поставлено танков, самолетов, артиллерии и другого военного снаряжения приблизительно на 460 млн. долл.[2] «Помощь» сопровождалась вмешательством США во внутренние дела латиноамериканских стран. Агенты ФБР наводнили Латинскую Америку. Американский реакционный журналист Джон Маккормак, говоря о целях ленд-лиза, отмечал: «Соединенные Штаты путем ленд-лиза уже покупают себе в рассрочку послевоенный мир в том виде, какой их устраивает»[3].

Большую роль в установлении контроля США над Латинской Америкой сыграли также военные миссии Соединенных

---

[1] *J. Lloyd Mecham.* A Survey of United States-Latin American Relations. New York, 1965, p. 151.

[2] *J. Lloyd Mecham.* The United States and Inter-American Security. 1889—1960, p. 225.

[3] Цит. по кн.: *Д. Марион.* Базы и империя. Карта американской экспансии. М., 1948, стр. 67.

Штатов в латиноамериканских странах и обучение латиноамериканцев в военных училищах и академиях США. Немецкие и итальянские военные инструкторы, служившие ранее в латиноамериканских армиях, были теперь заменены североамериканскими инструкторами.

Создание ООН и Латинская Америка

Правящие круги стран Латинской Америки проявляли большой интерес к послевоенному устройству мира и созданию международной организации по поддержанию мира. Соединенные Штаты Америки рассчитывали опереться на сколачиваемый ими блок стран Западного полушария для установления в новой международной организации своего господства.

Официальные и неофициальные представители США буквально заполонили латиноамериканские страны. В апреле 1943 г. совершил в пропагандистских целях так называемую поездку «доброй воли» по странам Латинской Америки вице-президент США Г. Уоллес. Завершивший в ноябре того же года поездку по Латинской Америке американский сенатор Батлер заявил, что за три военных года США израсходовали в Латинской Америке на мероприятия, не имеющие ничего общего с военными усилиями, 6 млрд. долл. Большая часть денег, по словам сенатора, пошла на «покупку дружбы с Латинской Америкой»[1]. Заявление Батлера вызвало замешательство в правящих кругах США и Латинской Америки. Г. Уоллес и другие официальные лица безуспешно пытались сгладить неприятное впечатление.

Выступая в начале 1944 г. с речью по случаю празднования панамериканского дня, К. Хэлл говорил: «В конце войны все наши страны столкнутся с неимоверно трудными проблемами... Нет государства, которое могло бы разрешить свои проблемы в одиночку». Хэлл делал следующий вывод: «Согласованность действий американских государств, достигшая высокого уровня уже сейчас, в конце войны будет нам особенно необходима для повышения материального благосостояния и для создания международной организации...»[2] Так американская дипломатия пыталась прикрыть послевоенные планы США в Латинской Америке.

В 1944 г. Исполнительный комитет по послевоенному устройству, созданный Руководящим советом Панамериканского союза еще в феврале 1942 г., опубликовал доклад о послевоенной панамериканской организации. В нем намечались меры по укреплению Панамериканского союза и главный упор делался

---

[1] "Inter-American Affairs 1943". New York, 1944, p. 41.
[2] "Bulletin of the Pan American Union", June 1944, p. 303.

на то, что рассмотрение всех вопросов межамериканских отношений является прерогативой Панамериканского союза [1]. Аналогичные рекомендации представил и Межамериканский юридический комитет в сентябре 1942 г. и июне 1944 г.

Курс на включение всех американских стран в Организацию Объединенных Наций в качестве автономного регионального блока был одной из основных линий панамериканской политики США в последний период второй мировой войны. Эта установка выявилась уже на конференции в Думбартон-Оксе. Заместитель государственного секретаря США Э. Стеттиниус, возглавлявший американскую делегацию на этой конференции, в своем выступлении 12 октября 1944 г. перед главами дипломатических миссий американских республик говорил: «Члены делегации США, участники переговоров в Думбартон-Оксе, постоянно имели в виду отношения, существующие между американскими республиками, и вклад, который все государства Америки в тесном сотрудничестве между собой могут сделать в создание мирового порядка, основанного на мире и стабильности». Далее Стеттиниус выразил надежду, что представители американских государств встретятся, чтобы «обсудить проблемы, представляющие общий интерес и относящиеся к созданию Международной Организации» [2].

Эти речи, разумеется, нисколько не меняли истинного положения вещей, американский государственный департамент продолжал пренебрегать мнением латиноамериканских стран и выступал от их имени, по существу не консультируясь с ними.

Таким образом, США решили во что бы то ни стало укрепить Панамериканский союз, придать ему «региональный» характер, чтобы, во-первых, исключить возможность вмешательства международной организации в дела Западного полушария, а во-вторых, использовать голоса латиноамериканских стран при решении международных вопросов, надеясь превратить Организацию Объединенных Наций в орган, выполняющий волю США.

Задачу создания региональной системы межамериканской обороны, а на деле первого военно-политического блока, который можно было бы противопоставить зарождавшейся Организации Объединенных Наций, США и поставили перед собой на Чапультепекской конференции.

---

[1] *J. Lloyd Mecham.* The United States and Inter-American Security. 1889—1960, p. 249—250.

[2] "Discursos de Roosevelt y E. R. Stettinius ante los jefes diplomaticos de los Republicos Americanos, el 12 de Octobre de 1944". Washington, 1944, p. 7.

Чапультепекская конференция по проблемам войны и мира

В замке Чапультепек в городе Мехико 21 февраля 1945 г. открылась межамериканская конференция по проблемам войны и мира. На этой конференции присутствовали представители всех американских государств, кроме Аргентины, правительство которой, утвердившееся в результате военного переворота 4 июня 1943 г., еще не было признано США и большинством латиноамериканских стран. Среди последних были разногласия по вопросу о признании нового правительства Аргентины, несмотря на неоднократную смену руководящих лиц в нем, ввиду его прогерманской ориентации. Это правительство требовало созыва совещания Панамериканского союза для обсуждения аргентинской проблемы, но его просьба осталась невыполненной. В знак протеста против нежелания Панамериканского союза созвать такое совещание аргентинское правительство отказалось участвовать в конференции в Мексике. Вначале на конференции не было и представителей не признанного другими странами нового правительства Сальвадора. Но оно получило признание уже в период работы конференции, после чего делегация Сальвадора прибыла в Мексику.

Делегации возглавляли министры иностранных дел. В многочисленную делегацию США во главе с государственным секретарем Э. Стеттиниусом входили помощники государственного секретаря Нельсон Рокфеллер и Уильям Клейтон. Всего присутствовало 330 делегатов. Работу конференции освещали 450 корреспондентов.

По замыслу американской дипломатии эта чрезвычайная конференция должна была закрепить происшедшее за годы второй мировой войны усиление позиций США в Латинской Америке. Не менее важная задача состояла в том, чтобы на предстоящей в Сан-Франциско конференции по созданию ООН США получили единодушную поддержку всех латиноамериканских государств.

Недаром, выступая позднее на конференции в Сан-Франциско, Стеттиниус заявил: «Правительство Соединенных Штатов считает, что укрепление межамериканской системы в сфере ее деятельности тем самым будет содействовать укреплению международной организации»[1].

Основным документом конференции была так называемая Чапультепекская декларация, принятая 6 марта 1945 г.

В преамбуле от имени представленных на конференции правительств провозглашался принцип «взаимной помощи и американской солидарности»; американские государства заяв-

[1] "Inter-American Conference on Problems of War and Peace in Mexico". Washington, 1945, p. 6.

ляли о своей верности «принципам международного права», подразумевая под ними принципы, принятые на панамериканских конференциях и совещаниях министров иностранных дел американских республик.

В преамбуле подчеркивалось также, что «создавшаяся в мире новая обстановка делает более необходимыми, чем когда-либо, союз и солидарность американских народов». И все это — ради «защиты прав человека и сохранения мира на земле».

Первая, основная часть Чапультепекской декларации содержала следующие положения:

1. Все суверенные государства юридически равны. 2. Каждое государство имеет право на уважение его независимости. 3. Всякое покушение на целостность, неприкосновенность территории, суверенитет или политическую независимость одного из американских государств будет рассматриваться как акт агрессии против других государств, подписавших данную декларацию. 4. В случае агрессии или подготовки акта агрессии со стороны какого-либо американского государства подписавшие декларацию государства будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах. 5. В случае, если угроза агрессии или акт агрессии наносят ущерб военным усилиям Объединенных Наций, со стороны государств, подписавших декларацию, предусмотрены меры для предупреждения или отражения агрессии: отозвание глав дипломатических миссий; разрыв дипломатических и консульских отношений; прекращение почтовых, телеграфных, телефонных, радиотелефонных сношений; прекращение экономических, торговых и финансовых отношений; применение военной силы.

Вторая часть Чапультепекской декларации содержала рекомендацию правительствам американских республик о заключении, в соответствии с их конституционными правилами, договора, устанавливающего процедуру применения санкций в случае угрозы агрессии или акта агрессии.

В третьей части указывалось, что принципы регионального соглашения по вопросам мира и безопасности в Западном полушарии, каковым является Чапультепекская декларация, должны соответствовать целям и принципам будущей международной организации [1].

Даже краткое изложение содержания Чапультепекской декларации дает отчетливое представление о его подчеркнутом регионализме и о стремлении США распространить на послевоенный период принципы, действовавшие в чрезвычайных обстоятель-

---

[1] "Aprobacion del Acta de Chapultepec y Carta de las NN.UU.", Buenos Aires, 1946, p. 51—53.

ствах военного времени. Включение подобных принципов в Чапультепекскую декларацию в последние месяцы войны показывает, что Соединенные Штаты стремились заложить основу будущего военного союза.

На конференции в Мехико в соответствии с Чапультепекской декларацией было решено создать постоянный межамериканский генеральный штаб из представителей генеральных штабов всех американских республик. Создание этого штаба означало дальнейшую милитаризацию межамериканской системы и установление контроля США над латиноамериканскими армиями. До конференции в Чапультепеке военным органом Панамериканского союза был созданный в 1942 г. Межамериканский совет обороны; теперь он превратился в постоянный вспомогательный орган Руководящего совета Панамериканского союза.

На Чапультепекской конференции было решено, что межамериканские конференции должны собираться каждые четыре года и действовать официально как межамериканский орган, несущий ответственность за выработку общей американской политики и за определение функций других органов межамериканской системы [1]. Другая резолюция предусматривала ежегодный созыв консультативных совещаний министров иностранных дел и определяла задачи этого органа. Главной функцией консультативных совещаний министров иностранных дел должно было явиться рассмотрение «неотложных и важных вопросов», относившихся к американской континентальной организации, а также ситуаций, представлявших угрозу миру в американских республиках [2]. Резолюция, расширявшая полномочия Панамериканского союза, устанавливала право Руководящего совета этого союза созывать в случае необходимости чрезвычайные консультативные совещания министров иностранных дел американских республик.

Все эти решения были направлены на сколачивание межамериканского военного союза и превращали Панамериканский союз из административно-правовой унии в политическую организацию. Еще накануне конференции в Мехико на совещании в госдепартаменте, состоявшемся 26 января 1945 г., заместитель государственного секретаря Дж. Грю заявил, что необходима реорганизация Панамериканского союза для «укрепления межамериканской системы, с тем чтобы она смогла сыграть надлежащую роль в послевоенном мире» [3]. К весне 1945 г. какая-либо угроза американскому континенту извне полностью

---

[1] "Aprobacion del Acta de Chapultepec y Carta de las NN.UU.", p. 153
[2] Ibidem.
[3] "Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945", vol. I. Washington, 1967, p. 27.

отпала, резолюции же конференции в Мехико закрепляли обстановку военного времени. Чапультепекская декларация и другие акты конференции противоречили решениям, принятым четырьмя великими державами в Думбартон-Оксе, и принципам, которые вскоре легли в основу ООН.

В специальной резолюции была изложена точка зрения конференции по вопросу о будущей международной организации и высказано пожелание о том, чтобы были приняты во внимание рекомендации латиноамериканских стран [1].

Помощник государственного секретаря США Клейтон выступил на конференции 27 февраля с обширной программой, получившей наименование «Экономической хартии». Предложения Клейтона, предусматривавшие постепенную ликвидацию таможенных тарифов и проведение в жизнь «принципа равных возможностей», означали попытку США превратить Западное полушарие в огромный картель, где латиноамериканским странам отводилась роль поставщиков сырья и дешевой рабочей силы. «План Клейтона» стал знаменем послевоенной экономической экспансии США в Западном полушарии.

Подписанная на конференции «Экономическая хартия американских стран» содержала три основных положения:

1) Уничтожение всех тарифных барьеров. В статье 3 хартии говорилось, что американские государства должны принимать эффективные меры для ликвидации барьеров, препятствующих росту международной торговли.

2) Недопущение экономической дискриминации. Статья 5 указывала на необходимость «устранения экономического национализма во всех его формах».

3) Создание гарантий для иностранных капиталовложений. Статья 6 предлагала «обеспечить равные права и справедливое отношение... к капиталам, ввозимым одной страной в другую» [2].

Таким образом, «план Клейтона», ставивший целью бесконтрольное хозяйничанье американского капитала в Латинской Америке, вошел в «Экономическую хартию». Это означало, что латиноамериканские страны должны отказаться от мысли о развитии собственной промышленности и предоставить империалистическим монополиям США возможность закупать у них сырье по самым низким и сбывать свои товары по самым высоким ценам. Чтобы в какой-то мере замаскировать колонизаторский, односторонний характер «плана» и ту угрозу, которую он таил в себе для экономики латиноамериканских стран, «Экономическая хартия» демагогически провозглашала, что

---

[1] "Conferencia Interamericana sobre problemas de la guerra y de la paz". Mexico, 1945, p. 262.

[2] "The Department of State Bulletin". March 4, 1945, p. 347—349.

США намерены содействовать «индустриализации» стран Латинской Америки в целях их независимого экономического развития в будущем. (В действительности правительство США имело в виду «помогать лишь тем отраслям промышленности, которые имеют под собой здоровую экономическую базу», т. е. могут существовать без правительственных субсидий и протекционистских таможенных тарифов [1].)

«План Клейтона» широко распахнул двери латиноамериканских стран для американского капитала. Как заявил впоследствии государственный секретарь США Дж. Маршалл, выступая в апреле 1948 г. на конференции в Боготе, «Чапультепекская декларация открыла перед национальной экономикой латиноамериканских стран широкие перспективы развития путем поощрения частных вложений и путем предоставления гарантий иностранному капиталу» [2].

Экспансионистская программа США вызвала массовое движение протеста в латиноамериканских странах, в результате чего латиноамериканские делегации в Мехико не решились одобрить предложения США по экономическим вопросам. Однако это не означало, что американский империализм отказался от своей программы. Напротив, Соединенные Штаты мобилизовали все средства, чтобы навязать латиноамериканским странам кабальные двусторонние соглашения, и им это в значительной мере удалось.

На конференции в Мехико руководители американской делегации, в том числе и Стеттиниус, неоднократно заявляли, что Чапультепекская декларация соответствует принципам ООН. Однако вскоре конференция в Сан-Франциско показала, что блок латиноамериканских стран, созданный США, пытается противопоставить Объединенным Нациям группу государств, отношения между которыми регулируются Чапультепекской декларацией. Представители этих стран требовали, чтобы Панамериканский союз был признан автономной единицей внутри ООН, с тем чтобы споры и конфликты государств, входящих в региональную (панамериканскую) систему, разрешались в соответствии с соглашениями и уставами этой системы. Эти попытки получили достойный отпор со стороны СССР и других государств, заинтересованных в укреплении ООН и принципов всеобщей безопасности.

В Мехико была выработана единая линия поведения американских государств, подготовлено их выступление в защиту

---

[1] "Report of the Delegation of the United States of America to the Inter-American Conference on Problems of War and Peace". Washington, 1946, p. 26.

[2] "Address by G. Marshall". April 1, 1948.

межамериканского блока на предстоящей конференции в Сан-Франциско, принято решение предложить всеобщей международной конференции ряд изменений устава будущей Организации Объединенных Наций (усиление функций Ассамблеи за счет ослабления роли Совета Безопасности, обеспечение постоянного представительства латиноамериканских стран в Совете Безопасности и т. д.).

Чапультепекская конференция показала, что уже в конце второй мировой войны американский монополистический капитал выступил с далеко идущей программой подчинения латиноамериканских республик.

Американская делегация не допустила обсуждения на конференции таких важных вопросов, как отношения стран Латинской Америки с франкистской Испанией, судьба европейских колоний в Западном полушарии и американских военных баз, построенных во время второй мировой войны на территории латиноамериканских стран. На конференции в Мехико американские дипломаты запугивали латиноамериканских представителей коммунистической опасностью, пытаясь всячески затормозить развитие советско-латиноамериканских связей.

На своем последнем заседании 7 марта участники конференции в Чапультепеке приняли резолюцию, которая призывала правительство Аргентины «согласовать свою внешнюю политику с политикой других американских республик», «объявить державам «оси» войну, а также подписать акты, принятые на Чапультепекской конференции»[1]. Это приглашение присоединиться к решениям конференции было инспирировано Соединенными Штатами, считавшими, что без Аргентины «единство континента было бы неполным». США, добивавшиеся создания континентального блока стран Западного полушария, были в высшей степени заинтересованы в участии Аргентины. Во-первых, Аргентина была одним из важнейших рынков сбыта и источников сырья; во-вторых, к ней тяготел ряд других стран континента, таких, как Чили и Уругвай, которые возлагали на нее надежды как на оплот борьбы против экспансии США. Аргентина, за спиной которой стоял британский империализм, упорнее других латиноамериканских стран сопротивлялась этой экспансии, стараясь проводить независимую от США внешнюю политику. Она сама претендовала на ведущую роль на континенте. США опасались, что если Аргентина останется вне континентального блока, то ее связи с Англией укрепятся; включение же Аргентины в континентальный

---

[1] "Conferencia Interamericana sobre problemas de la guerra y de la paz", p. 263.

блок давало США возможность ослабить влияние на нее английского империализма и усилить свои собственные позиции.

Кроме того, США хотели, чтобы на конференции в Сан-Франциско были представлены все государства Западного полушария. Этим же объясняется, в частности, и тот факт, что несколько латиноамериканских стран в 1945 г. «под занавес» поспешили объявить войну державам «оси».

К началу 1945 г. Аргентина, Венесуэла, Парагвай, Перу, Эквадор, Чили и Уругвай не объявили войну странам «оси». На запросы правительств шести последних стран государственный департамент США отвечал, что вполне достаточно разрыва дипломатических отношений. Неожиданно главы правительств указанных шести стран получили письма за подписью президента США Рузвельта, в которых им рекомендовалось срочно объявить состояние войны с державами «оси», иначе они не будут допущены на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско. В этой ситуации 14 февраля 1945 г. объявили войну державам «оси» Парагвай, Перу, Эквадор, Чили. 24 февраля объявили войну Венесуэла и Уругвай.

Наконец, 27 марта и правительство Аргентины издало декрет о присоединении к решениям Чапультепекской конференции и объявило войну Японии и Германии. Показательно, что Аргентина объявила войну прежде всего Японии, а Германии постольку, поскольку она являлась союзником Японии.

Объявляя войну Японии и Германии, правящие круги Аргентины добивались нескольких целей: во-первых, они получали допуск на конференцию в Сан-Франциско, во-вторых, восстанавливали нормальные дипломатические отношения со странами-победительницами и, в-третьих, идя на уступки требованиям народных масс, собирались использовать этот акт в предвыборной кампании 1946 г.

4 апреля 1945 г. поверенный в делах Аргентины в Мексике подписал Чапультепекскую декларацию, а 9 апреля США и латиноамериканские страны возобновили дипломатические отношения с Аргентиной[1].

Конференция в Чапультепеке и принятая ею декларация фактически были направлены на то, чтобы закрепить доминирующее положение США в Латинской Америке, которого они добились в период войны. Американский монополистический капитал рассчитывал и в послевоенный период сохранить свои позиции в этих странах.

[1] "Pan American Union, May 1945", p. 260—263.

Установление дипломатических и торговых отношений между СССР и странами Латинской Америки

В годы второй мировой войны в странах Латинской Америки развернулось широчайшее движение солидарности с народами СССР. В ряде латиноамериканских стран происходили митинги, требовавшие оказать поддержку и помощь Советскому Союзу.

Народы Аргентины, Венесуэлы, Кубы, Уругвая, Чили и других стран решительно требовали установления отношений с СССР. Прогрессивные деятели Латинской Америки постоянно подчеркивали выгодность развития торговых связей с СССР, отмечая, что отказ от торговли с СССР на руку лишь североамериканским монополиям.

В статье, опубликованной в газете «Ориентасьон» 17 июля 1941 г., руководитель Компартии Аргентины Викторио Кодовилья писал: «Мы должны бороться все вместе за признание СССР, за установление с ним дипломатических и торговых отношений, чтобы советский народ получал от нашей страны все, в чем он нуждается»[1].

Рабочие Аргентины, Бразилии, Уругвая и других стран отказывались грузить военно-стратегическое сырье на суда, которые направлялись в Испанию для стран «оси». Они требовали разрыва отношений и объявления войны Германии, Италии, Японии.

Правительства большинства стран Латинской Америки, уступая настойчивым требованиям народных масс, установили дипломатические отношения с Советским Союзом, предварительно разорвав отношения со странами «оси».

Как уже указывалось выше, в декабре 1941 г. правительство Кубы объявило войну Японии, Италии и Германии. Через несколько месяцев, под неослабевающим нажимом прогрессивных слоев общества, кубинское правительство обратилось с предложением к Советскому правительству об установлении дипломатических отношений между Кубой и СССР. В результате переговоров 17 октября 1942 г. дипломатические и консульские отношения были установлены.

29 октября 1942 г. в Мехико состоялся митинг солидарности с советским народом. Присутствовали представители многих общественных организаций Мексики. В единогласно принятой резолюции говорилось: «...от имени организаций, представленных на этом собрании, должны быть направлены петиции президенту республики и министру иностранных дел, чтобы в соответствии с установленными протокольными нормами был

---

[1] *В. Кодовилья.* Избранные статьи и речи. М., 1970, стр. 82.

возбужден вопрос о возобновлении торговых и дипломатических отношений с Советским Союзом»[1].

12 ноября 1942 г., в соответствии с договоренностью, зафиксированной в нотах от 10 и 12 ноября, которыми обменялись в Вашингтоне посол Советского Союза М. М. Литвинов с послом Мексики Кастильо Нахэра, между Мексикой и Советским Союзом были возобновлены дипломатические отношения, прерванные в январе 1930 г. Советское правительство приняло предложение мексиканского правительства об обмене дипломатическими представителями в ранге посланника. В июне 1943 г. правительства Мексики и СССР преобразовали свои миссии в посольства. Послом в Мексику был назначен К. А. Уманский.

Правительство Уругвая, учитывая обстановку, также пошло на возобновление дипломатических и торговых отношений с Советским государством. Министр иностранных дел Уругвая А. Гуани направился в США, где он имел беседу с советским послом, после чего уругвайское правительство предложило Советскому правительству возобновить дипломатические и торговые отношения между СССР и Уругваем. Договоренность СССР и Уругвая была закреплена в нотах от 27 января 1943 г.

3 февраля 1943 г. министр иностранных дел Колумбии Г. Турбай направил советскому послу в США ноту, в которой писал, что «в развитие нормальных дипломатических отношений, установленных в 1935 г. между нашими двумя странами, Колумбийское Правительство желает обменяться Полномочными Посланниками с Союзом Советских Социалистических Республик»[2]. Предложение Колумбии было принято, и в том же году состоялся обмен дипломатическими представителями.

Вслед за Колумбией желание установить дипломатические отношения с СССР выразила Коста-Рика. Советское правительство приняло предложение правительства Республики Коста-Рика, и 8 мая 1944 г., в результате договоренности, произошел обмен нотами между послом СССР в Мексике и послом Республики Коста-Рика в Мексике.

Государственный департамент всячески мешал установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и странами Латинской Америки. В циркулярном письме, посланном в декабре 1943 г. госдепартаментом представителям США в латиноамериканских странах, говорилось, что поддержание отношений с коммунистическими странами «не означает, что мы должны спокойно относиться к активности Советского Союза в Западном полушарии, которую мы считаем враждебной

---

[1] "La voz de Mexico", 30.X. 1942.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 297.

безопасности полушария, его политической и экономической стабильности и нашим собственным интересам»[1].

Правительство Чили долгое время придерживалось политики «нейтралитета» несмотря на то, что чилийский народ требовал разрыва дипломатических отношений со странами «оси» и установления дипломатических отношений с Советским Союзом.

Трудящиеся массы, прогрессивные политические и общественные деятели Чили, с восхищением следившие за героической борьбой советского народа против фашистской Германии, все же добились того, что правительство Чили предложило правительству СССР вступить с ним в дипломатические отношения. 11 декабря 1944 г. советский и чилийский послы в Вашингтоне А. А. Громыко и М. Мора обменялись нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Чили.

Дипломатические и консульские отношения с Советским Союзом установила даже такая зависимая от США страна, как Никарагуа. Посол Никарагуа в Мексике Л. Герреро заявил представителям печати, что правительство Никарагуа лишь воплотило в жизнь желание народа и «считает это честью для себя»[2]. Договоренность между обоими правительствами была закреплена в форме обмена нотами в столице Мексики 12 декабря 1944 г. между послами СССР и Никарагуа.

Правительство Доминиканской Республики обратилось с предложением к Советскому правительству установить дипломатические и консульские отношения и обменяться посланниками. Установление дипломатических отношений между СССР и Доминиканской Республикой было закреплено обменом нот в городе Мехико 8 марта 1945 г. между поверенным в делах СССР в Мексике В. П. Якубовским и министром иностранных дел Доминиканской Республики Мануэлем Пенья Батле.

Вслед за Доминиканской Республикой к Советскому правительству с предложением установить дипломатические отношения и обменяться дипломатическими представителями обратилась Венесуэла. 14 марта 1945 г. посол Венесуэлы в США Эскаланте вручил А. А. Громыко ноту. «Правительство Венесуэлы,— говорилось в ноте посла Венесуэлы.— желает поддерживать и укреплять узы дружбы, связывающие эту Республику с Объединенными Нациями, среди которых Союз Советских Социалистических Республик занимает выдающееся место... Оно высоко ценит установление дипломатических и

---

[1] *L. Gardner.* Economic Aspects of New Deal Diplomacy. Madison, 1964, p. 215.

[2] «Известия», 26 декабря 1944 г.

консульских отношений с Правительством Союза Советских Социалистических Республик...»[1]

2 апреля 1945 г. были установлены дипломатические отношения между Бразилией и Советским Союзом. Бразильский народ горячо одобрил это решение. Агентство Ассошиэйтед Пресс передавало из Рио-де-Жанейро, что «большинство газет, в том числе правительственные газеты и органы оппозиции, приветствуют установление дипломатических отношений с Советским Союзом»[2]. Бразильские газеты помещали многочисленные письма своих читателей, в которых те восторженно приветствовали установление дипломатических отношений с Советским Союзом.

18 апреля 1945 г. между послами СССР и Боливии в США А. А. Громыко и В. Андраде состоялся обмен нотами, в которых было закреплено решение установить дипломатические отношения между СССР и Боливией.

19 апреля 1945 г. советский посол в США и поверенный в делах Республики Гватемала в США обменялись нотами об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Гватемалой.

Следующая латиноамериканская страна, которая обратилась с просьбой к Советскому Союзу об установлении дипломатических отношений, была Республика Эквадор. В августе 1944 г. по поручению президента Эквадора Х. М. Веласко Ибарры эквадорский посол в Вашингтоне Гало Плаза спросил у заместителя государственного секретаря, каково мнение США относительно установления эквадоро-советских отношений. Ответ был, как всегда, отрицательным. Правительство Эквадора прибегло к хитрости: объявило, что «Эквадор практически уже установил дипломатические отношения с Советами, и, таким образом, желание граждан удовлетворено». Лишь 16 июня 1945 г. в столице Мексики состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Эквадором.

Таким образом, в течение второй мировой войны 13 латиноамериканских стран из 20 установили дипломатические отношения с Советским Союзом. На установление дипломатических отношений латиноамериканскими государствами с СССР основное влияние оказывал рост международного авторитета СССР в результате выдающихся побед, одержанных Красной Армией над фашистскими армиями, а также его ведущая роль в антигитлеровской коалиции.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 141.

[2] «Правда», 8 апреля 1945 г.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ. СОЗДАНИЕ ООН

1. Окончание войны в Европе

Весной 1945 г. армии антигитлеровской коалиции вели наступление против Германии с востока, запада и юга. В результате наступательных операций Советских Вооруженных Сил в течение января — марта были созданы условия для нанесения решающего удара по фашистскому логову. Войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов в марте 1945 г. разгромили крупную немецко-фашистскую группировку в Восточной Померании. В конце марта войска 3-го и 2-го Украинских фронтов перенесли боевые действия на австрийскую территорию и 13 апреля освободили столицу Австрии Вену.

В боевом содружестве с польскими, чехословацкими, югославскими, болгарскими, румынскими войсками Советские Вооруженные Силы завершали освобождение Центральной и Юго-Восточной Европы.

Одновременно с наступлением Красной Армии, приковывавшей к себе по-прежнему основные силы гитлеровцев, американо-английские войска вышли в конце марта к Рейну и, используя благоприятную обстановку, готовились начать наступление в глубь Германии. При этом некоторые американские и английские руководящие деятели стремились к тому, чтобы войска западных союзников совершили рывок на Берлин и заняли его раньше, чем в столицу Германии вступит Красная Армия. Позже Черчилль в своих мемуарах признавал, что первой и главной целью англо-американских армий было занятие Берлина, вступление американских войск в Прагу и установление над Веной и Австрией «контроля западными державами по крайней мере наравне с СССР»[1]. Однако реальных возможностей у союзников для такого продвижения на восток не было. И когда генерал У. Симпсон, командующий 9-й американской армией, передовые части которой вышли к Эльбе, обратился к верховному главнокомандующему экспедиционными силами союзников в Европе Д. Эйзенхауэру с предложением идти

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 400.

на Берлин, Эйзенхауэр отказался поддержать эту идею. В телеграмме военному министру США Эйзенхауэр писал: «...верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, но следует помнить, что на эту реку вышли только передовые наши части; наши основные силы находятся далеко позади»[1]. Следовательно, американо-английские войска не были в состоянии овладеть Берлином. «...Мы взяли бы Берлин, если бы могли это сделать»[2],— говорил Г. Гопкинс.

Попытки гитлеровской верхушки заключить сепаратный мир с западными державами

К 1945 г. гитлеровская Германия оказалась практически полностью изолированной. Единственным ее реальным союзником оставалась Япония, продолжавшая вести военные действия на Дальнем Востоке и Тихом океане. Дипломатические связи, сохранившиеся у Германии с несколькими иностранными государствами, провозгласившими нейтралитет в войне, носили сугубо формальный характер. В марте 1945 г. число государств, объявивших состояние войны с Германией, приближалось к пятидесяти.

В эти последние недели существования фашистского режима в Германии гитлеровская верхушка, так же как в свое время правители других государств — участников фашистского блока, предприняла многочисленные попытки спасти нацизм путем заключения сепаратного мира с западными державами. Эти попытки предпринимали Геринг, Гиммлер, Риббентроп и другие ближайшие подручные Гитлера. Дипломатические «мирные зондажи» фашистских главарей носили несогласованный, разрозненный характер, на них лежал явный отпечаток растерянности, паники и страха перед ответственностью за совершенные против человечества преступления. Фашистские главари пытались предотвратить приближающуюся катастрофу, возлагая главные надежды на возможность в самое ближайшее время вооруженного столкновения между Советским Союзом и западными державами. При этом считалось, что фашистская Германия должна стать «естественным союзником» западных держав в войне против СССР и что следует использовать расхождения, имевшиеся в советско-англо-американских отношениях.

К концу 1944 — началу 1945 г. относится попытка Риббентропа выяснить возможности заключения сепаратного мира с западными державами через германских представителей в Ватикане, Испании, Португалии, Швеции и Швейцарии. Гитлер дал согласие на этот зондаж, хотя не скрывал своего скептического отношения к нему. «Ничего из этого не выйдет,— го-

[1] *Ф. С. Погью.* Верховное командование. М., 1959, стр. 459.
[2] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 609.

ворил он Риббентропу,— но если вы этого очень хотите, то можете сделать попытку»[1].

Вскоре из германского посольства в Мадриде была получена телеграмма. «Условием каких бы то ни было переговоров о мире,— говорилось в ней,— является то, чтобы фюрер ограничил себя функциями главы государства и передал руководство правительством господину X». «Это означает,—заключил, читая телеграмму, Риббентроп,— что и я должен буду отойти от власти. Об этом не может быть и речи»[2].

Так как ответы на мирный зондаж из других европейских столиц задерживались, было решено для ускорения дела направить в Стокгольм со специальной миссией советника Гитлера по английским делам Ф. Хессе. Хессе подготовил меморандум об условиях сепаратного мира с западными державами. Основная идея меморандума состояла в прекращении военных операций на Западном фронте и переброске всех германских армий на Восток[3]. Гитлер одобрил меморандум. Хессе отбыл в Стокгольм 17 февраля 1945 г. По прибытии в Швецию Хессе установил контакт со шведскими банкирами Валленбергами, которые пользовались репутацией посредников между Англией и Швецией и близких людей к Черчиллю и Рузвельту.

Миссия Хессе не имела успеха. Того, чего Хессе не удалось осуществить по дипломатическим каналам,— капитуляции Германии перед Западом — стали по указанию правительства добиваться отдельные командующие германскими войсками. Предлагая «местную» капитуляцию, они стремились сложить оружие перед вооруженными силами Англии и США, с тем чтобы продолжать бои на Восточном фронте с еще большей силой. В этой связи следует рассматривать миссию Вольфа, наложившую немалый отпечаток на межсоюзнические отношения на завершающем этапе войны.

В конце февраля 1945 г. в Швейцарии появился Вольф, главный представитель СС при армейской группе «Ц» в Италии, который встретился с одним из руководителей американской разведки Алленом Даллесом. Миссия Вольфа была предпринята с ведома и по указанию Гиммлера. 8 марта, во время встречи с Даллесом, Вольф предложил следующие условия соглашения: немецкие войска не будут разрушать промышленность Северной Италии, военные действия на итальянском фронте прекращаются, все войска группы армий «Ц» получают возможность беспрепятственно эвакуироваться в Германию. «Таким образом,— говорилось в предложении Вольфа,— даль-

---

[1] *P. Schmidt.* Statist auf diplomatischer Bühne, S. 575.
[2] Ibidem.
[3] *F. Hesse.* Hitler and the English. London, 1954, p. 198.

нейшее существование немецкого порядка, опирающегося на силу, остается гарантированным»[1]. Из предварительных переговоров с Вольфом становилось ясно, что гитлеровские генералы добиваются заключения мира на всем Южном фронте. Такая постановка вопроса придавала переговорам весьма важное значение. Получив сообщение Вольфа, Лондон и Вашингтон решили завязать официальные переговоры о капитуляции гитлеровских войск в Северной Италии. Верховному командующему союзными войсками на средиземноморском театре военных действий фельдмаршалу Г. Александеру было дано указание командировать своих офицеров в Берн для встречи с гитлеровскими представителями.

19 марта в южношвейцарском местечке Аскона состоялась вторая встреча Вольфа с генералами Т. Эйри (начальник разведывательного отдела объединенного штаба) и Л. Лемнитцером (заместитель начальника объединенного штаба) из штаба Александера. Вольф подробно изложил свою точку зрения по поводу предстоящей капитуляции и поставил союзников в известность о том, что гитлеровский генерал-фельдмаршал Кессельринг переводится из Италии и что поэтому Вольфу необходимо теперь заручиться согласием нового командующего, генерал-полковника Фитингофа, на капитуляцию. Вольф сообщил далее, что он сделает это при поддержке Кессельринга, но что для свидания с последним ему придется ехать в Германию. Встретившись с Кессельрингом, Вольф рассказал, что из переговоров с англичанами и американцами у него создалось убеждение, что «сложившие оружие войска будут сохранять свою структуру, для того чтобы при соответствующих обстоятельствах их можно было использовать на Востоке»[2].

30 марта американцы получили новое известие от Вольфа: Кессельринг согласился с тем, что капитуляция была бы лучшим выходом из создавшегося положения в Италии, и добавил, что сообщит свое мнение генералу Фитингофу. Вольф обещал в ближайшее время продолжить начатые переговоры.

2 апреля в условленное для тайной встречи место в Локарно прибыл итальянский промышленник барон Парилли. Он сообщил, что генерал Вольф добился у Фитингофа одобрения переговоров с англо-американским командованием. Парилли, который выступал от имени Вольфа, заявил далее, что Фитингоф и Вольф считают одним из важнейших условий соглашения о прекращении военных действий на итальянском фронте обеспечение возможности германским войскам вернуться в Германию[3].

[1] *Г. Л. Розанов.* Крушение фашистской Германии. М., 1963, стр. 87.
[2] Там же, стр. 88.
[3] *H. Feis,* Churchill, Roosevelt, Stalin, p. 591.

О переговорах американцев и англичан с Вольфом стало известно Советскому правительству. 16 марта 1945 г. НКИД СССР направил английскому послу письмо, в котором отмечалось, что английское правительство отказало в участии советских представителей в переговорах с Вольфом в Берне. «Ввиду этого Советское Правительство считает невозможным дать свое согласие на переговоры британских и американских представителей с представителями германского командующего в Берне и настаивает на том, чтобы уже начатые переговоры в Берне были прекращены»[1].

А. К. Керр в письме на имя В. М. Молотова от 21 марта пытался уверять, что будто бы «никогда не имелось в виду, что в Берне должны происходить какие-либо переговоры», а якобы лишь происходила «предварительная встреча» для выяснения того, имеют ли германские представители необходимые полномочия для ведения переговоров[2].

22 марта НКИД СССР вновь направил английскому послу письмо, в котором выражался протест против того, что «в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования, с одной стороны, и представителями английского и американского командования — с другой. Советское Правительство считает это совершенно недопустимым...»[3].

3 апреля в послании президенту Ф. Рузвельту глава Советского правительства И. В. Сталин по поводу переговоров с Вольфом заявил: «...такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами»[4]. Правительства Англии и Соединенных Штатов вынуждены были отказаться от дальнейших контактов с генералом Вольфом. 9 апреля союзные войска возобновили наступление на итальянском фронте.

Кончина президента Рузвельта 12 апреля 1945 г. вызвала среди гитлеровцев новые надежды. Укрывшемуся в подвале своей имперской канцелярии Гитлеру это событие показалось ниспосланным свыше знаком того, что Германия будет спасена. Гитлеровцы полагали, что военный конфликт внутри антигитлеровской коалиции теперь, после смерти Рузвельта — сторонника сотрудничества с СССР,— неминуем. «Рузвельт войдет в историю...— злобно вещало гитлеровское радио,— как президент, который в итоге сумел усилить мощь своего

---

[1] «Переписка...». т. I, стр. 402.
[2] См. там же, стр. 403.
[3] Там же.
[4] «Переписка...», т. II, стр. 205.

самого большого противника — большевистского Советского Союза» [1].

Гитлеровцы сделали последнюю попытку сговориться с западными державами. При этом ближайшие «соратники» Гитлера сходились на том, что сам Гитлер служит препятствием, которое любыми средствами надо убрать с дороги. Так, 25 апреля Геринг, находившийся на юге Германии, направил Гитлеру радиограмму, в которой требовал отставки последнего и передачи ему, Герингу, всей полноты власти главы государства и главнокомандующего. Он уведомлял Гитлера, что будет ждать ответа до 22 часов того же дня. На следующий день Геринг намеревался вылететь в ставку Эйзенхауэра и договориться с ним о прекращении военных действий на Западе. Он поручил одному из своих ближайших сотрудников, начальнику штаба военно-воздушных сил генералу Коллеру, составить проект обращения к армии и народу, дав ему следующую установку: «При чтении этого документа русским должно казаться, что мы хотим по-прежнему вести борьбу против Запада и Востока; американцы и англичане должны в нем прочесть, что мы не намерены вести войну на Западе, а мы будем вести ее против Советов. Наши солдаты должны из него понять, что война продолжается, но в то же время близится ее конец, более благоприятный для нас, чем раньше» [2]. В ответ на телеграмму Геринга Гитлер приказал исключить из партии и арестовать Геринга и многих его приближенных.

В феврале — апреле 1945 г. состоялись встречи между Гиммлером и Шелленбергом, с одной стороны, и графом Бернадоттом, заместителем председателя Шведского общества Красного Креста,— с другой. Беседы были посвящены главным образом характеру компромиссного мира Германии с Англией и США. Так, во время беседы с Бернадоттом, состоявшейся 23 апреля в Любеке, Гиммлер заявил, что Гитлер уже является «политическим мертвецом», и намекнул, что он может быть без особого труда устранен и физически. Далее Гиммлер сказал: «Мы, немцы, должны признать себя побежденными западными державами, и я прошу вас передать это через шведское правительство генералу Эйзенхауэру с тем, чтобы нам всем избежать дальнейшего ненужного кровопролития. Но невозможно для нас, немцев, и особенно невозможно для меня, капитулировать перед русскими. Против них мы будем продолжать войну до тех пор, пока фронт западных держав не придет на смену гер-

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 413.

[2] *K. Koller.* Der letzte Monat. Tagebuchaufzeichnungen des ehemaligen Chefs des Generalstabes der deutschen Luftwaffe vom 14. April bis 27. Mai 1945. Manheim, 1949, S. 39—40.

манскому фронту»[1]. О содержании беседы Бернадотт сообщил английскому и американскому посланникам в Стокгольме, а последние передали это сообщение в Лондон и Вашингтон. Вскоре было решено направить специального эмиссара непосредственно к президенту США. Выбор пал на генерала американских военно-воздушных сил Ванаманна, находившегося в германском плену. До войны Ванаманн занимал пост американского военного атташе в Берлине и был знаком с гитлеровской верхушкой. Ванаманн дал согласие на выполнение этой миссии и получил возможность выехать из Германии[2].

В конце апреля 1945 г. Гиммлер безуспешно пытался непосредственно связаться с английским фельдмаршалом Б. Монтгомери с целью добиться сговора между Германией и Англией, направленного против СССР. Позднее, при аресте, Гиммлер заявил, что хотел передать английскому командующему свое мнение о том, как важно спасти живую силу Германии для того, чтобы она не попала в руки русских, «поскольку она пригодится для совместной борьбы с англичанами против русских в ближайшее время». Такая война, по мнению Гиммлера, была неизбежной[3]. Известно также, что Гиммлер в последние дни существования нацистской Германии обращался и к генералу де Голлю, предлагая последнему заключить союз, направленный как против англосаксов, так и против СССР[4].

Безоговорочная капитуляция Германии

Английское и американское правительства не сочли возможным пойти на переговоры с Гиммлером. 25 апреля У. Черчилль писал И. В. Сталину в связи с переговорами, что «не может идти речи ни о чем меньшем, кроме как об одновременной безоговорочной капитуляции перед тремя главными державами»[5]. Эта позиция англичан и американцев получила полное одобрение в Москве. В тот же день Сталин писал Черчиллю: «Ваше предложение о предъявлении Гиммлеру требования безоговорочно капитулировать на всех фронтах, в том числе и на советском фронте, считаю единственно правильным... Прошу действовать в духе Вашего предложения, а Красная Армия будет нажимать на Берлин в интересах нашего общего дела»[6].

---

[1] *W. S. Schellenberg.* Memoirs, p. 183.
[2] Ibid., p. 181.
[3] "The Memoirs of Field-Marschal the Viscount Montgomery of Alamein", p. 372.
[4] «Из военных мемуаров де Голля».— «Международная жизнь», 1961, № 4, стр. 110.
[5] «Переписка...», т. 1, стр. 337.
[6] Там же, стр. 339.

Общественность Англии и США сурово осудила бы любую сепаратную сделку с Германией за спиной Советского Союза. На Западе опасались, что сговор с гитлеровской кликой мог привести к конфликту с СССР, возможно и военному, в котором слабой стороной оказались бы западные державы. «Если бы, например, премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании решили весной 1945 года, что действовать нужно только исходя из предположения, что Россия станет нашим потенциальным противником, то такие действия вряд ли встретили бы одобрение как в самой Великобритании, так и в США»[1],— пишет английский историк профессор Джон Эрман.

Хессе, например, полагал, что на результаты его переговоров в Швеции могло повлиять мнение Д. Эйзенхауэра, высказанное им в переписке с Ф. Рузвельтом весной 1945 г., что Советские Вооруженные Силы намного превосходят мощь западных армий и что в этих условиях заключение сепаратного мира было бы нецелесообразным[2].

Такого же мнения в целом придерживался и Б. Монтгомери, который считал, что англичан было бы невозможно убедить воевать с русскими. «Любое английское правительство, которое захотело бы воевать с ними в 1945 г., столкнулось бы с неприятностями внутри страны»[3]. Позиция США в этом вопросе определялась также тем, что они, как тихоокеанская держава, были крайне заинтересованы — больше, чем Англия,— во вступлении СССР в войну против Японии. Исходя из этого, американцы опасались нарушить согласованный принцип безоговорочной капитуляции, что могло бы, разумеется, освободить СССР от взятых на себя обязательств.

Наконец, сепаратный сговор с гитлеровцами в конкретной военно-политической обстановке, сложившейся в Германии в конце апреля, становился невозможным. Никакая сила не могла уже спасти гитлеровскую клику от полного разгрома. 2 мая советские армии, завершив разгром немецко-фашистских войск, полностью овладели Берлином, над которым взвился советский красный стяг Победы. Падение Берлина предвещало близкий конец войны.

За несколько дней до окончания войны в Европе, 30 апреля, в окруженном Берлине, в бомбоубежище имперской канцелярии, глава нацистской клики Гитлер, полностью деморализованный и потерявший всякую надежду на спасение, покончил жизнь самоубийством. Своим преемником Гитлер назначил

---

[1] *Дж. Эрман.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 152.

[2] *F. Hesse.* Hitler and the English, p. 280.

[3] "The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein", p. 381.

гроссадмирала Дёница. Гитлер видел в нем сторонника продолжения войны любой ценой. В то же время некоторая часть германских промышленников и военных полагала, что кандидатура Дёница приемлема и для установления контакта с Западом, так как гроссадмирал являлся, по их мнению, менее скомпрометированной фигурой, чем кто-либо другой из гитлеровского окружения. Эти расчеты германских промышленников и военных в какой-то степени оправдались. Дёниц обосновался во Фленсбурге, где сформировал «правительство». Он обратился по радио к населению и опубликовал приказ по армии, в котором, в частности, говорилось: «Я принимаю на себя верховное командование всеми частями германского вермахта, преисполненный решимости продолжать борьбу против большевиков... Против англичан и американцев я вынужден вести борьбу постольку, поскольку они препятствуют моей борьбе с большевиками»[1]. Вскоре после этого представители Дёница вступили в контакт с командующим 21-й группой армий фельдмаршалом Б. Монтгомери.

4 мая было подписано соглашение о капитуляции северной группировки германских войск. В изданном 5 мая в этой связи секретном приказе штаба немецкого верховного главнокомандования говорилось, в частности: «Складывая оружие в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии, мы исходим из того, что борьба против западных держав потеряла смысл. Однако на Востоке борьба продолжается...»[2].

4 мая Дёниц отправил в ставку Эйзенхауэра своего представителя адмирала Фридебурга, а затем генерала Йодля для подписания документа о прекращении военных действий на Западном фронте. «Правительству» Дёница, однако, не удалось добиться своей цели.

В 12 часов 45 минут 7 мая по германскому радио было объявлено о безоговорочной капитуляции Германии[3]. В 2 часа 41 минуту 7 мая в ставке Эйзенхауэра в городе Реймсе был подписан предварительный протокол о капитуляции Германии. Правительства США и Англии настаивали на немедленном официальном объявлении о победе.

7 мая И. В. Сталин сообщил маршалу Г. К. Жукову: «Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союз-

---

[1] Цит. по: *А. А. Галкин* и *О. М. Накропин*. Капитуляция фашистской Германии и «правительство» Дёница.— «Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 73.

[2] Там же, стр. 75.

[3] См. *Д. М. Проэктор*. Агрессия и катастрофа, стр. 752.

ных войск. Я не согласился и с тем, что акт капитуляции подписан не в Берлине, в центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции»[1].

В тот же день начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии А. И. Антонов направил главам английской и американской военных миссий в Москве контр-адмиралу Эрнесту Арчеру и генерал-майору Джону Дину письмо, содержавшее требование о подписании генерального акта о безоговорочной капитуляции в Берлине 8 мая 1945 г. взамен временного акта, подписанного в Реймсе. Да и в дополнении к реймскому протоколу было обусловлено, что представители германского верховного командования прибудут в то место и в то время, которые будут назначены главнокомандующими союзных экспедиционных войск и Советским Верховным командованием, имея все полномочия подписать акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. В ответ было получено послание Эйзенхауэра, в котором он выразил согласие на приезд союзных представителей в Берлин 8 мая 1945 г. для подписания окончательного акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Г. К. Жуков, как заместитель Верховного Главнокомандующего, был уполномочен подписать от имени СССР акт о безоговорочной капитуляции Германии. А. Я. Вышинского назначили политическим советником маршала Жукова, и он рано утром 8 мая со всеми необходимыми материалами по капитуляции прибыл в Берлин.

В ночь с 8 на 9 мая в зале бывшего военного училища в Карлсхорсте (восточная часть Берлина) перед лицом представителей СССР, Англии, США и Франции — Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, заместителя командующего экспедиционными войсками союзников, главного маршала авиации Артура У. Теддера, командующего стратегическими воздушными силами США генерала К. Спаатса и главнокомандующего французской армией генерала Ж. Делатра де Тассиньи — бывший начальник штаба верховного командования гитлеровских вооруженных сил (ОКВ), один из главных военных преступников генерал-фельдмаршал Кейтель, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал флота Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии.

«Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от покоренной Франции,— вспоминал Мар-

---

[1] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 663—664.

шал Советского Союза Г. К. Жуков.— Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу».

О том, как происходило подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии, маршал Г. К. Жуков пишет:

«Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взяв со столика фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами.

Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и не спеша подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург...

В 0 часов 43 минуты 9 мая подписание акта безоговорочной капитуляции было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал»[1].

В акте о военной капитуляции было зафиксировано согласие германского верховного командования на безоговорочную капитуляцию всех вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находившихся под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному командованию союзных экспедиционных сил.

Германское верховное командование обязалось издать приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находившимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23 часа по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 г., остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями союзного Верховного командования.

В случае, если германское верховное командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, отказались бы действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, союзные войска могли предпринять такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

Акт не являлся препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными

---

[1] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, стр. 666—667.

Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом[1].

В ночь на 9 мая началась массовая сдача оружия немецкой армией.

Утром 9 мая 1945 г. советские танковые войска вошли в столицу Чехословакии Прагу, где 5 мая началось восстание. Они помогли очистить столицу Чехословакии от еще сопротивлявшихся гитлеровских оккупантов. Наступил день освобождения Чехословакии.

Итак, гитлеровская Германия, потерпев полное военно-политическое поражение, подписала акт о безоговорочной капитуляции. 9 мая было объявлено Праздником Победы.

Советский Союз совместно со своими союзниками по антигитлеровской коалиции одержал всемирно-историческую победу над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

Капитуляция гитлеровской Германии означала ликвидацию главного очага фашизма и агрессии, поражение самого сильного и опасного участника фашистского блока. Она принесла истерзанным народам Европы долгожданный мир.

Ведущая роль Советского Союза в завоевании победы над гитлеровской Германией отмечалась в конце войны повсеместно. Простые люди всего мира отдавали дань глубокого уважения и признательности героическим усилиям советского народа. Признание величайших заслуг Советского Союза в войне против гитлеровской Германии содержалось и в официальных приветствиях премьер-министра Великобритании У. Черчилля, президента США Г. Трумэна[2] и других глав государств и правительств на имя главы Советского правительства по случаю капитуляции Германии. В советские посольства в Лондоне и Вашингтоне шел нескончаемый поток приветственных телеграмм. «Члены магистратуры и городской совет,— говорилось в одной из них, полученной советским посольством в Англии,— просят от лица всех граждан Эбердина выразить их глубокое восхищение тем великолепным вкладом, который сделан Красной Армией и другими вооруженными силами Советского Союза, в великолепную победу над нацистской тиранией»[3].

Воздавая должное роли Советского Союза в антигитлеровской коалиции, народы Англии и Соединенных Штатов решительно высказывались за дальнейшее укрепление сотрудничества с СССР. Американские и английские газеты помещали многочисленные статьи, в которых подчеркивалась необходи-

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 261.

[2] Г. Трумэн стал президентом США 12 апреля 1945 г., после кончины Ф. Рузвельта.

[3] «Правда», 16 мая 1945 г.

мость продолжения и в послевоенный период дружественной политики в отношении Советского Союза. Многие политические и общественные деятели Англии и США трезво оценивали значение СССР в послевоенном мире. «Нам нужна Россия как в войне, так и в мире» — эта мысль являлась лейтмотивом их выступлений.

Несмотря на происки врагов Советского Союза в Англии и США, советско-англо-американский союз выдержал испытание на прочность. Поддержка Советского Союза со стороны английского, американского, французского и других народов, огромная популярность и авторитет СССР, завоеванный нашим государством и в результате героических усилий в Великой Отечественной войне, сделали невозможным осуществление коварных антисоветских планов на завершающем этапе войны.

Советский Союз и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в разгром фашистской Германии. В первые три года Великой Отечественной войны Советские Вооруженные Силы вели, по существу, один на один ожесточенную борьбу с врагом на огромном протяжении советско-германского фронта, где гитлеровская Германия и ее сообщники сосредоточили наибольшее количество войск и большую часть вооружения и боевой техники. После открытия второго фронта в Европе (июнь 1944 г.) большинство немецких фашистских дивизий действовали против Красной Армии.

«Победа,— говорил Л. И. Брежнев,— далась нашему народу нелегко. Столь жестокой войны, какую перенес Советский Союз, не выпадало на долю ни одному народу. Война унесла более 20 миллионов жизней советских людей. Она оставила десятки миллионов сирот, вдов, инвалидов. Какая бездна человеческих страданий и горя стоит за этими цифрами!»[1].

В то же время потери наших союзников (включая военные действия против Японии) были сравнительно невелики. Англия потеряла в войне убитыми 264,4 тыс., а США — 273,9 тыс. человек[2]. СССР понес несравнимые материальные потери. Территории США и Англии почти не были затронуты войной. Более того, американские монополии получили огромные прибыли от военных поставок. В свете фактов истории не остается камня на камне от ложных утверждений реакционных западных историков, которые ныне пытаются умалить и принизить роль СССР в разгроме фашизма.

Победа Советского Союза в войне против фашистских агрессоров была победой его государственного и общественного строя, Вооруженных Сил Советской страны, всего советского

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 128.
[2] См. «50 лет Вооруженных Сил СССР», стр. 453.

народа, поднявшегося на священную войну против империалистических захватчиков, претендовавших на мировое господство. В эту победу внесла свой вклад и дипломатия Советского государства, последовательно боровшаяся за создание благоприятных внешних условий для разгрома врага. В. И. Ленин, рассматривая движущие силы революционных побед Советской республики в борьбе с империализмом в первые годы Советской власти, отмечал, что в этом «сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия»[1]. Ленинская оценка советской дипломатии подтвердилась и в ходе Великой Отечественной войны.

2. Межсоюзнические отношения в период окончания войны в Европе

Политика СССР и западных держав в европейских делах после разгрома Германии

Победа союзников над гитлеровской Германией поставила перед ними в качестве неотложной задачи решение ряда сложных внешнеполитических проблем в Европе. Прежде всего надо было принять меры, вытекающие из безоговорочной капитуляции фашистской Германии. В это время там не было ни правительства, ни других властей, компетенция которых распространялась бы на всю страну. Полностью была дезорганизована хозяйственная жизнь как в городах, так и в сельских местностях. Не было ни топлива, ни продовольственных ресурсов для населения. Не работал транспорт. Замерла культурная жизнь. После безоговорочной капитуляции вся полнота власти в стране перешла в руки оккупационных держав. В этих условиях требовались координированные действия союзных держав-победительниц в политической, экономической и социальной областях в Германии, как это предусматривалось Крымскими соглашениями трех великих держав, к которым присоединилась и Франция, а также рядом других союзнических документов. Однако в действиях союзников не было необходимого единства.

В советской зоне оккупации Германии с первых же дней победы началось переустройство всей жизни на антифашистско-демократической основе в соответствии с чаяниями германского народа. Как в тяжелые дни войны, так и в дни победы Советское правительство считало, что нельзя отождествлять немецкий народ с гитлеровской кликой и исходить в обращении с ним из чувства мести.

В приказе Верховного Главнокомандующего Вооруженными

[1] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 245.

Силами Советского Союза от 1 мая 1945 г. говорилось: «Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам. Но Объединенные Нации не трогают и не тронут мирного населения Германии, если оно лояльно будет выполнять требования союзных военных властей»[1].

Советский Союз, впервые поставленный перед необходимостью выполнения социалистическим государством функций оккупирующей державы, проводил политику всемерной помощи и поддержки демократических сил, политику, основанную на учете национальных интересов немецкого народа. «Само понятие «оккупация» получило новое, не известное ранее в истории содержание»[2].

Советское правительство вместе с командованием Советских Вооруженных Сил, находившихся в Германии, незамедлительно приняло меры к продовольственному снабжению населения и восстановлению нормальной жизни в Берлине и других городах и селениях советской оккупационной зоны. Член Государственного Комитета Обороны СССР А. И. Микоян 9—10 мая 1945 г. находился в Берлине для ознакомления с продовольственным положением на месте. В связи с этим А. И. Микоян говорил: «Конечно, мы разгромили в тяжелых боях гитлеровскую армию, заняли Берлин, но наша мораль, наши традиции не позволяют нам пройти мимо лишений и страданий мирного населения Германии.

Поэтому Советское командование в лице маршала Жукова — в Берлине и маршала Конева — в Дрездене приступило к организации нормальной жизни в этих городах, занятых Красной Армией»[3].

Сразу же после окончания военных действий Советское командование приступило к восстановлению городского хозяйства.

11—13 мая состоялись собрания представителей различных общественных групп города Берлина, на которых обсуждались вопросы продовольственного снабжения населения, восстановления коммунального хозяйства и быстрейшего установления нормальной жизни в городе. На этих собраниях было решено сформировать городское самоуправление Берлина, состав которого был представлен на утверждение Советского командования и одобрен им.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 41—42.

[2] «За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. 1945—1949 гг.». М., 1969, стр. 8.

[3] Там же, стр. 51.

Многие жители Берлина в своих высказываниях благодарили Советское правительство и Советское командование за заботу о мирном населении.

Что касается западных оккупационных держав, то их действия менее всего были направлены на развитие жизни немецкого народа на демократических началах. В директиве президента США американскому командованию в Германии (№ 1067 от 10 мая 1945 г.) говорилось: «Германия оккупируется не ради ее освобождения, а потому, что она является побежденной, вражеской страной»[1].

Правда, в американской директиве были некоторые положения, направленные против германского нацизма и милитаризма, в частности в ней говорилось о роспуске вермахта и аресте наиболее одиозных деятелей гитлеровского режима, об ограничении ряда отраслей тяжелой промышленности. Однако главное ее содержание отражало экспансионистские цели американского капитала и не затрагивало классовых интересов германских монополистов. Американцы требовали прежде всего всеобъемлющего контроля над промышленностью, сельским хозяйством, финансами, транспортом, внешней и внутренней торговлей, научно-исследовательской работой во всей Германии. В инструкции указывалось, что «никакая политическая деятельность не может иметь место, пока она не будет разрешена» американским главнокомандующим. Этот пункт был явно направлен против прогрессивных и демократических организаций, ибо в те же дни представители западных держав проявляли по меньшей мере молчаливую терпимость к деятельности фашистского «правительства» Дёница во Фленсбурге. По прибытии 13 мая во Фленсбург контрольной комиссии союзников при штабе командования германских вооруженных сил для наблюдения за осуществлением безоговорочной капитуляции председатель комиссии американский генерал Рукс объявил Дёницу, что имеет приказ «сотрудничать с ним»[2]. Только в результате решительных заявлений советских представителей, прибывших во Фленсбург 17 мая, а также вследствие широкого антифашистского общественного движения в западных странах 23 мая члены так называемого правительства Дёница были взяты под стражу и отправлены в тюрьму.

Правительства США и Англии хотели отказать СССР в справедливой доле германского флота, попавшего в руки англичан и американцев. Они также стремились затянуть отвод своих войск с территории советской зоны оккупации в Герма-

---

[1] "Documents on Germany under Occupation 1945—1954". London — New York — Toronto, 1955, p. 16.

[2] *J. Schultz.* Die letzten dreißig Tage. Stuttgart, 1951, S. 108—109.

нии, границы которой были ранее согласованы между тремя правительствами. Англо-американские войска продолжали занимать в советской зоне районы Лейпцига, Эрфурта, Плауэна, Магдебурга и некоторые другие, в которые они вошли в ходе военных действий. При этом американцы и англичане вывозили с промышленных предприятий в этих районах ценное оборудование. Английский премьер-министр Черчилль настаивал на том, чтобы вывод англо-американских войск из советской зоны обусловить принятием Советским правительством предложений США и Англии по ряду других международных вопросов. «...Отдать путем изолированного акта весь центр и сердце Германии, более того — самый центр и краеугольный камень Европы казалось мне опасным и непредусмотрительным решением»[1],— писал Черчилль. В связи с этим фельдмаршал Монтгомери получил указание правительства, согласно которому англо-американские войска должны были оставаться там, где они находились. Речь шла о том, отмечал Монтгомери, чтобы «получить от Советского правительства удовлетворение по ряду спорных вопросов». К ним англо-американские союзники относили польский, балканский, австрийский и другие вопросы[2].

С завершением войны все ярче проявлялось различие в подходе великих государств антигитлеровской коалиции к освобожденным странам. США и Англия в ходе второй мировой войны, в особенности на завершающем этапе, всеми силами стремились помешать свободному развитию народов и подчинить освобожденные страны своему экономическому и политическому господству. Главная цель империалистических держав заключалась в том, чтобы укрепить в освобождаемых от фашистской оккупации странах буржуазно-помещичьи порядки и предотвратить, а если удастся, то и ликвидировать дальнейшее развитие революционного демократического движения, заметно выросшего за годы второй мировой войны. Так поступили они в западноевропейских странах, освобожденных от ига фашизма. Вопреки Крымской «Декларации об освобожденной Европе», имевшей, как пишет американский историк Шервуд, «особенно важное значение после неприятной ситуации, создавшейся в Бельгии, Италии, Греции»[3], Соединенные Штаты и Англия продолжали вмешиваться во внутренние дела народов Европы, поддерживая реакционные силы.

Особое упорство правительства США и Англии проявили в этом отношении при обсуждении вопроса о Польше. После

---

[1] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 523.

[2] "The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein", p. 378.

[3] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 580.

Крымской конференции советская дипломатия предприняла большие усилия по выполнению решения конференции о создании Польского правительства национального единства на базе Временного польского правительства. Этот вопрос обсуждался с 23 февраля 1945 г. в трехсторонней советско-англо-американской комиссии (В. М. Молотов, У. А. Гарриман, А. К. Керр). Однако в комиссии сразу же обнаружились серьезные расхождения в позиции Советского Союза, с одной стороны, США и Англии — с другой. Советское правительство, строго придерживаясь духа и буквы Крымских решений по польскому вопросу, исходило из того, что в основу реорганизованного правительства должна быть положена существовавшая в Польше народная власть. Западные же державы, вопреки постановлениям Крымской конференции, добивались того, чтобы из различных польских политических партий было создано совершенно новое правительство, доминирующую роль в котором играли бы буржуазные партии. Выступая в парламенте, Черчилль заявил, что речь идет о создании «нового Польского Временного Правительства Национального Единства»[1], вовсе не упомянув в этой связи о существовавшем в Польше демократическом правительстве.

По этой причине советско-англо-американские переговоры в Москве по польскому вопросу не двигались вперед. В поисках выхода из создавшегося положения в работе Московской комиссии Советское правительство предложило следующие важнейшие меры:

согласиться с тем, что реорганизация Временного польского правительства означает не его ликвидацию, а именно его реконструкцию путем расширения, причем ядром будущего правительства должно быть Временное польское правительство;

вернуться к наметкам Крымской конференции и ограничиться приглашением в Москву для консультации с комиссией восьми польских деятелей, из коих пять должны быть из Польши и три из Лондона;

установить, что при всех условиях должна быть проведена консультация с представителями Временного польского правительства, причем эта консультация с ними должна быть проведена в первую очередь, «так как Временное Польское Правительство представляет собой наибольшую силу в Польше по сравнению с теми одиночками, которые будут вызваны из Лондона и из Польши и влияние которых на население Польши не может идти ни в какое сравнение с тем громадным влиянием, которым пользуется в Польше Временное Польское Правительство»;

[1] *W. S. Churchill*, The Second World War, vol. VI, p. 370.

вызывать на консультацию из Польши и из Лондона только таких деятелей, которые признают решения Крымской конференции о Польше и стремятся на деле установить дружественные отношения между Польшей и Советским Союзом.

Что касается количественного состава Польского правительства национального единства, то Советский Союз предлагал установить приблизительно такое же соотношение старых и новых министров, какое существовало во вновь созданном югославском правительстве [1].

Аргументы и предложения Советского правительства не были приняты. В завязавшейся по этому вопросу переписке между Белым домом и Даунинг-стрит премьер-министр Черчилль настаивал перед США на совместном демарше в Москве с целью добиться принятия англо-американского толкования решений Крымской конференции. Он считал также, что необходимо принять срочные меры, чтобы не допустить проведения социально-экономических преобразований в Польше. Черчилль предлагал американскому правительству оказать давление на Советское правительство с тем, чтобы добиться предотвращения «осуществления варшавским правительством дальнейших мероприятий законодательного или административного характера, имеющих принципиальное значение и затрагивающих социальное, конституционное, экономическое или политическое положение в Польше» [2].

23 апреля 1945 г. польский вопрос был затронут в беседе наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с президентом США Г. Трумэном в Вашингтоне, когда советская делегация направлялась на Сан-Францисскую конференцию. Трумэн по-прежнему требовал создания «в Польше правительства, угодного США». Советское правительство не могло согласиться с этим требованием. 24 апреля И. В. Сталин писал Трумэну: «Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство, и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства... Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны» [3].

Правительства США и Англии завели в тупик работу Комиссии по реорганизации Временного польского правительства на демократической основе. Одновременно на конференции в Сан-Франциско делегации США и Англии отказывались при-

---

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 210—211.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 371—372.
[3] «Переписка...», т. II, стр. 217, 218.

знавать Польшу в качестве одного из государств — учредителей ООН и пригласить представителей Временного польского правительства для участия в работе конференции.

Большое беспокойство правящих кругов США и Англии вызывали демократические преобразования в Балканских странах, освобожденных с помощью советских войск, — в Болгарии, Румынии, Югославии, а также Венгрии. В этих странах реакционные буржуазные партии потеряли свое былое влияние. Демократические правительства, в которых активную роль играли коммунисты, опираясь на поддержку народных масс, сумели провести в кратчайший срок преобразования, означавшие переход к новому типу государства — народной демократии.

Правительства США и Англии продолжали игнорировать законные, демократические правительства в Болгарии, Румынии и Венгрии, требовали изменения состава правительств этих стран. Они не желали удовлетворять справедливые требования Югославии о сохранении югославской администрации на освобожденных войсками НОАЮ славянских землях в районе Истрии — Триеста, в чем Югославию поддерживал Советский Союз.

Правительства Англии и США препятствовали скорейшему решению вопросов, относящихся к Австрии после ее освобождения. Так, они выражали недовольство таким важным актом восстановления австрийской государственности, каким было образование Временного правительства Австрийской Республики во главе с Карлом Реннером в освобожденной Красной Армией Вене, а также и признанием Реннера Советским правительством 29 апреля 1945 г. Советское правительство еще в нотах от 24 апреля сообщило посольствам США и Англии, что Карл Реннер предложил свои услуги в создании австрийского правительства. В нотах также указывалось: «Принимая во внимание, что создание Временного австрийского правительства может оказать существенную помощь делу союзников в борьбе за полное освобождение Австрии от немецкой зависимости, Советское правительство считает возможным не препятствовать Карлу Реннеру и другим политическим деятелям Австрии в их работе по образованию Временного правительства Австрии»[1]. Однако американское и английское правительства передали в НКИД СССР ноты с протестом против «односторонности» действий Советского правительства[2]. Они не хотели признавать правительство Реннера.

[1] АВП СССР. Нота НКИД СССР посольствам США и Англии в СССР от 24 апреля 1945 г.

[2] АВП СССР. Ноты посольств США и Англии в СССР НКИД СССР от 27 апреля 1945 г.

В межсоюзнических отношениях трех великих держав приобрел остроту также вопрос о зонах оккупации в Австрии.

В Европейской консультативной комиссии, вырабатывавшей предложения правительствам СССР, США и Англии о зонах оккупации Австрии, представители США и Англии стремились получить как можно больше территории для размещения своих войск в Вене. С этой целью они настаивали па сохранении административных границ Вены, установленных гитлеровцами во время господства в Австрии (так называемая «Большая Вена»). С советской стороны предлагалось оставить Вену в границах, существовавших до аншлюса Австрии, при этом указывалось, что принятие административных изменений, сделанных гитлеровским режимом, не будет понято австрийским народом. Кроме того, западные державы требовали предоставить им три аэродрома в Нижней Австрии, т. е. в советской зоне оккупации, для связи с Веной. Советский представитель считал достаточным оставление двух аэродромов. Вопрос стал предметом длительной переписки глав правительств трех держав, причем Черчилль и Трумэн связали его сначала с поездкой своих представителей в Вену. Советское правительство считало, что установление зон оккупации в Вене, как и рассмотрение других вопросов, относящихся к положению в Австрии, полностью относится к компетенции Европейской консультативной комиссии, как об этом была достигнута договоренность ранее между тремя правительствами [1].

Между правительствами СССР, США и Англии велась оживленная переписка по всем спорным и нерешенным вопросам, но ввиду позиции, занятой американской и английской сторонами, разрешение их недопустимо затягивалось.

В правительствах США и Англии все более брали верх противники сотрудничества с СССР. Наиболее откровенно их курс выразил Черчилль в своей телеграмме от 12 мая 1945 г. Трумэну. В этой телеграмме Черчилль, не стесняясь заимствовать выражения из лексикона геббельсовской пропаганды, писал о продвижении русских в центр Европы, о «железном занавесе», якобы «спустившемся за фронтом советских войск» [2]. Он считал необходимым «немедленно создать новый фронт против стремительного продвижения» СССР [3]. Имперскому генеральному штабу было поручено даже провести исследование «относительно возможности начать войну с Россией в случае, если в будущих переговорах с ней возникнут затруднения». Однако английские военные лучше, чем Черчилль, представ-

[1] См. «Переписка...», т. I, стр. 362.
[2] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 498—499.
[3] Ibid., p. 400.

ляли соотношение сил в мире. Начальник имперского генерального штаба фельдмаршал Алан Брук записал в своем дневнике 24 мая 1945 г.: «Нет никакого сомнения, что отныне Россия всемогуща в Европе»[1]. Он назвал чистейшей фантазией идею о «возможности начать войну с Россией» и отмечал, что «шансы на успех равны нулю». Подобного взгляда придерживались и военные руководители США[2].

В основе плана Черчилля лежала авантюристическая идея потребовать от Советского правительства существенных уступок, запугивая его военной мощью. Само собой разумеется, что главную роль в своем плане Черчилль отводил США, поскольку Англия не располагала ни политическими, ни материальными возможностями для задуманной им «демонстрации силы».

В то время, после смерти президента Рузвельта, американское правительство само провозгласило «твердую линию» в отношении СССР. На совещании Трумэна с американским послом в СССР Гарриманом и некоторыми членами кабинета 20 апреля Трумэн сказал: «Я не боюсь русских и намереваюсь быть твердым... Я не ожидаю, что они согласятся с нашими предложениями на 100%, однако я полагаю, что мы должны оказаться в состоянии добиться их согласия на 85%»[3].

В день окончания войны, 8 мая 1945 г., правительство США без предупреждения прекратило поставки по ленд-лизу. В мае было несколько случаев, когда уже нагруженные ленд-лизовскими материалами для СССР суда были разгружены в портах США. И это несмотря на то, что американские официальные деятели признавали, что ленд-лиз был неизбежной и выгодной для США формой участия в военных усилиях антигитлеровской коалиции. Следует также сказать, что общая сумма американских поставок по ленд-лизу в СССР составила лишь около 10 млрд. долл., тогда как Британская империя получила таких материалов на сумму свыше 30 млрд. долл. Ленд-лизовские материалы, поставленные в СССР, по своей стоимости не превышали 4% общего объема производства в СССР за годы Великой Отечественной войны.

Однако в сложившихся тогда условиях Трумэн не решился полностью поддержать план Черчилля. В США понимали, что если англо-американские войска не уйдут из советской зоны, то западные союзники не получат доступа в Берлин и Вену. Позиция Соединенных Штатов в отношении СССР определялась

---

[1] *A. Bryant.* Triumph in the West. 1943—1946, p. 470.

[2] "ForeignRelations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin, 1945", vol. I. Washington, 1960, p. 264—265.

[3] "Memoirs of Harry S. Truman", vol. I, p. 70—71.

и тем, что они, как тихоокеанская держава, были крайне заинтересованы в завершении с наименьшими собственными усилиями и в кратчайший срок войны с Японией, а этого нельзя было сделать без помощи СССР. В Вашингтоне также понимали, что Черчилль провоцирует столкновение с СССР не только для того, чтобы устранить его от участия в мировых делах, но и для того, чтобы закрепить за Англией роль гегемона Европы, а последнее явно не соответствовало интересам американского правительства. По свидетельству Дж. Дэвиса, Черчилль питал надежду использовать американские человеческие и материальные ресурсы для поддержания «ведущей роли Англии в Европе»[1]. Кроме того, Трумэн не мог в столь краткий срок после смерти Рузвельта перейти от сотрудничества с Советским Союзом к разрыву отношений с ним. Этому мешало общественное мнение. Народы требовали продолжения дружбы с СССР. Решающий вклад, внесенный Советским Союзом в победу над фашизмом в Европе, был общепризнанным. Как никогда прежде, был велик международный авторитет Советского государства, как никогда, была велика его военная мощь.

Миссия Гопкинса в Москву

Правительство США решило провести предварительные переговоры с Советским правительством. 20 мая 1945 г. Г. Трумэн писал И. В. Сталину: «Я уверен, что Вы, так же как и я, понимаете, насколько трудно решать сложные и важные вопросы, которые встают перед нами в результате обмена посланиями. Поэтому, пока не представится возможность для нашей встречи, я посылаю в Москву г-на Гарри Гопкинса с Послом Гарриманом, с тем чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами»[2]. Одновременно в качестве личного представителя Трумэна бывший американский посол в СССР Джозеф Дэвис был направлен в Лондон для переговоров с Черчиллем.

Советское правительство неизменно стремилось к тому, чтобы продолжать сотрудничество с другими державами антигитлеровской коалиции. Получив послание Трумэна, И. В. Сталин ответил согласием на предложение о встрече с Гопкинсом и послом Гарриманом.

Во время миссии Гопкинса в Москву с 25 мая по 6 июня 1945 г. состоялись переговоры главы Советского правительства И. В. Сталина с американскими представителями. Говоря о целях своей миссии, Гопкинс заявил, что «речь идет о коренных проблемах взаимоотношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом»[3]. С советской стороны Гопкинсу было прямо указано на ответственность правительства США за ухуд-

[1] "Foreign Relations... The Conference of Berlin, 1945", vol. I, p. 77.
[2] «Переписка...», т. II, стр. 231.
[3] *Р. Шервуд*, Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 613.

шение отношений с СССР после поражения Германии. Во время встречи с ним 26 мая И. В. Сталин сказал, что «отношение Соединенных Штатов к Советскому Союзу охладело после того, как выяснилось, что Германия побеждена, и, как говорит народ, после того, как Соединенные Штаты убедились, что Советский Союз им более не нужен»[1]. В доказательство был приведен ряд примеров такого отношения США. Среди них — внезапное распоряжение правительства США о прекращении поставок по ленд-лизу, позиция правительства США в польском вопросе, попытка Англии и США уклониться от передачи Советскому Союзу части германских военных кораблей и торговых судов, оказавшихся в их руках, и др. В откровенных беседах руководителей Советского правительства с Гопкинсом удалось наметить пути разрешения важнейших спорных вопросов.

Во время переговоров Гопкинс выдвинул для обсуждения прежде всего польский вопрос. Советские руководители подтвердили свою точку зрения по польскому вопросу, заявив: «Советский Союз хочет лишь одного — сильной и демократической Польши»[2]. Гопкинс согласился с тем, что в «новом польском правительстве большинство должно принадлежать варшавским полякам»[3]. Советские руководители сочли такое заявление «обнадеживающим»[4]. Переговоры ускорили решение польского вопроса.

Гопкинс назвал технической ошибкой случаи разгрузки судов с ленд-лизовскими материалами для СССР в мае 1945 г. Он заявил, что, по его мнению, было бы «большой трагедией, если бы величайшее достижение в области сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами, которого они добивались совместно на основе ленд-лиза, имело бы такой неприятный конец». Гопкинс добавил, что в США никогда не считали, что американская «помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»[5].

Касаясь вопроса о германском флоте, Гопкинс заявил, что «Соединенные Штаты не имеют никакого желания задержать какую-либо часть германского флота...»[6]. Он добавил, что, по его мнению, этот вопрос может быть окончательно решен на предстоящем совещании глав трех правительств. В беседе с советскими представителями Гопкинс затронул также вопросы,

---

[1] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 5. М., 1963, стр. 438.
[2] Там же, стр. 441.
[3] Там же.
[4] См. там же.
[5] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 626.
[6] Там же, стр. 623.

связанные с будущей политикой союзников в Германии. Эти вопросы условились обсудить позже, на встрече глав правительств СССР, США и Англии. Гопкинс выразил надежду на скорое назначение советского представителя в Контрольном Совете в Германии, «чтобы этот орган мог поскорее приступить к работе»[1]. Ему было сказано, что представителем СССР в Контрольном Совете назначен Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Во время переговоров с Гопкинсом Советское правительство в ответ на просьбу правительства США уточнить сроки вступления СССР в войну против Японии подтвердило Крымское решение по этому вопросу. «Капитуляция Германии,— говорил глава Советского правительства,— произошла 8 мая, следовательно, советские войска будут находиться в полной готовности к 8 августа»[2]. Гопкинс признает, что «Сталин не оставил у нас (США.— *Ред.*) никакого сомнения в том, что он намерен начать военные действия в августе»[3].

Во время переговоров с Гопкинсом было условлено время и место будущей конференции руководителей трех держав — СССР, США и Англии. Созыв конференции намечался на 15 июля 1945 г.

Переговоры Гопкинса в Москве лишний раз показали, что только единство в организации мира, как и в ведении войны, о чем было заявлено в Крымских решениях, может обеспечить успешное урегулирование назревших международных проблем. К этому выводу пришел и Дэвис после бесед с Черчиллем. По словам Дэвиса, Черчилль «придерживался крайне враждебной Советам позиции». Но в своем отчете Дэвис писал: «Единственная надежда на то, что мир после победы будет обеспечен, заключается в сохранении единства трех союзных держав»[4].

Опубликование Декларации о поражении Германии. Начало работы контрольного механизма четырех держав

5 июня 1945 г. в Берлине была подписана «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки и Временным Правительством Французской Республики». В основу Декларации был положен документ об условиях безоговорочной капитуляции Германии, разработанный в Европейской консультативной комиссии.

---

[1] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 633.

[2] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 5, стр. 539.

[3] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 634.

[4] "Foreign Relations,,, The Conference of Berlin, 1945", vol. I, p. 68.

Декларация, являвшаяся генеральным документом об условиях капитуляции фашистской Германии, констатировала, что германские вооруженные силы на суше, на море и в воздухе потерпели полное поражение и безоговорочно капитулировали и в Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц. Правительства четырех держав брали на себя «верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть». В декларации объявлялось, что союзники будут принимать такие меры, «включая полное разоружение и демилитаризацию Германии, какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности»[1]. Декларация была обнародована 6 июня 1945 г. Одновременно было опубликовано краткое изложение соглашений о зонах оккупации и о контрольном механизме в Германии.

В союзный контрольный механизм входили Контрольный Совет в Германии в составе главнокомандующих оккупационными войсками СССР (Маршал Советского Союза Г. К. Жуков), США (генерал армии Д. Эйзенхауэр), Англии (фельдмаршал Б. Л. Монтгомери) и Франции (генерал Ж. Делатр де Тассиньи). Контрольный Совет должен был обеспечить согласованность действий главнокомандующих в их зонах, выработать и принять на основе инструкций своих правительств решения по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для всей Германии. Решения Контрольного Совета должны были приниматься единогласно. Кроме того, в союзный контрольный механизм входили координационный комитет, в который было включено по одному представителю от каждой из четырех оккупирующих держав (заместители главнокомандующих), а также контрольный аппарат, распределенный по отделам. Устанавливалось, что будет создана межсоюзническая комендатура «Большого Берлина», действующая под общим руководством Контрольного Совета.

Вскоре контрольный механизм в Германии начал работать. Воинские части западных держав допускались в определенные для них секторы «Большого Берлина», поскольку Берлин становился местом пребывания Контрольного Совета и других органов союзнического контроля в Германии. Одновременно была достигнута договоренность о том, что правительства США и Англии выведут англо-американские войска из занятой ими части советской оккупационной зоны в Германии. Кроме

[1] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 90.

того, был согласован вопрос о размещении войск по зонам в Австрии и вводе американских, английских и французских войск в Вену. В переписке И. В. Сталина с Трумэном и Черчиллем срок передвижения войск был отнесен на 1 июля 1945 г.[1]. Работа Контрольного Совета первое время протекала «сравнительно гладко»[2]. Однако решения Крымской конференции и Контрольного Совета в западных зонах оккупации проводились односторонне, чисто формально, а в ряде случаев и просто саботировались[3]. Это относилось и к решениям о разоружении и демилитаризации Германии, и к решениям в экономической и политической областях. В то же время Советское правительство последовательно и строго осуществляло контроль за проведением в жизнь Крымских соглашений по Германии и согласованных решений Контрольного Совета в Германии. Советское правительство считало, что должны быть предоставлены все возможности для искоренения фашизма и милитаризма в Германии и развития Германии как демократического и миролюбивого государства.

Уже 6 июня 1945 г. СНК Союза ССР утвердил положение о Советской военной администрации по управлению советской зоной оккупации в Германии (СВАГ). Задачей СВАГ являлось «осуществление контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции, управление советской зоной оккупации в Германии и проведение в жизнь согласованных решений Контрольного Совета по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для всей Германии»[4]. Советская военная администрация в Германии была образована 9 июня. 10 июня СВАГ издала приказ, по которому разрешалось образование и деятельность антифашистских партий и организаций. На территории советской зоны происходило разоружение и роспуск всех германских вооруженных сил. Коммунистическая партия Германии в своем манифесте к немецкому народу от 11 июня 1945 г. изложила программу национального возрождения Германии как миролюбивого и демократического государства[5]. Вскоре начала осуществляться земельная реформа, передача в народную собственность предприятий военных и нацистских преступников, судебная и школьная реформы, создание новых административных органов и другие меры по демилитаризации и демократизации Германии.

---

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 244—245; т. I, стр. 372—373.

[2] См. *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, стр. 701.

[3] См. там же, стр. 701—702.

[4] «За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. 1945—1949 гг.», стр. 65.

[5] Подробнее см. *С. Дёрнберг*, Краткая история ГДР, Изд. 2-е, доп. М., 1971, стр. 22—32.

Дальнейшее укрепление отношений СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы

Советский Союз оказывал помощь и поддержку всем народам в их борьбе с фашизмом и реакцией. Советское правительство строило свои отношения с освобожденными странами, руководствуясь ленинскими принципами внешней политики СССР. Оно выступало последовательным защитником национального суверенитета и независимости освобожденных стран, твердо отстаивало принцип невмешательства в их внутренние дела.

Большое внимание уделяло Советское правительство развитию дружественных отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Симпатии Советского Союза были на стороне народов, которые после многолетних страданий и гнета иностранных империалистических захватчиков подымались к новой жизни. В годы второй мировой войны продажность буржуазных партий и их неспособность отстаивать национальные интересы страны проявились еще более рельефно. Народы теснее сплачивались вокруг различных объединений антифашистских партий и организаций, решающей силой которых являлся рабочий класс и его авангард — коммунистические и рабочие партии. В чрезвычайно сложной обстановке приходили к власти новые политические силы.

Разгром фашизма открывал перед народами стран Юго-Восточной и Центральной Европы, освобождаемых Красной Армией — армией социалистического государства, путь к строительству новой жизни.

Значительное развитие уже в ходе войны получили отношения Советского государства с союзными странами — Чехословакией, Польшей и Югославией. Большую роль в этом сыграли договоры о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, заключенные этими странами с Советским Союзом. Еще в декабре 1943 г. такой договор был подписан между СССР и Чехословакией. Народы Чехословакии видели в СССР своего искреннего друга и спасителя от фашистского рабства. Договор способствовал сплочению внутренних сил Сопротивления под руководством Коммунистической партии Чехословакии. С этим не могла не считаться и эмигрантская часть буржуазии Чехословакии, хотя она продолжала мечтать о сохранении старых, буржуазных порядков в стране после ее освобождения.

Во второй половине марта 1945 г., во время пребывания Э. Бенеша в Москве, состоялись важные переговоры между правительствами СССР и Чехословакии, в ходе которых «были подвергнуты рассмотрению вопросы дальнейшего развития дружественных отношений между Чехословакией и Советским

Союзом, основой которых является Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный 12 декабря 1943 года между СССР и Чехословакией»[1].

Рассмотрению были подвергнуты также вопросы, связанные с освобождением территории Чехословакии от немецких захватчиков и установлением на ее территории власти чехословацкого правительства, с оказанием Советским Союзом помощи Чехословакии в деле укрепления и расширения чехословацкой армии, а также с оказанием помощи населению освобождаемой Красной Армией Чехословакии[2].

По соглашению между правительствами СССР и Чехословакии, подписанному 31 марта 1945 г., Советское правительство выразило согласие отнести все произведенные Советским Союзом затраты на организацию и содержание чехословацких воинских частей в СССР на счет военных расходов Советского Союза и решило в дальнейшем предоставлять за счет бюджета СССР необходимое вооружение, снаряжение, материалы и обслуживание чехословацким соединениям, оперативно подчиненным Советскому командованию, для ведения военных действий против Германии[3]. В свою очередь правительство Чехословацкой Республики согласилось засчитать понесенные им расходы на содержание частей Красной Армии на территории Чехословакии в счет военных расходов Чехословакии и относить в дальнейшем, до окончания войны, расходы по их содержанию (необходимые денежные средства, материалы и обслуживание) на счет бюджета Чехословацкой Республики[4]. Правительство СССР, удовлетворяя просьбу чехословацкого правительства, согласилось предоставить Чехословакии безвозмездно вооружение и военное имущество — всего на 10 дивизий. Чехословацкое правительство взяло на себя обязательство поставить свои вооруженные силы под Советское Верховное главнокомандование[5]. Тем самым укреплялось боевое содружество армий и народов Советского Союза и Чехословакии.

Советское правительство решило также предоставить Чехословакии продовольствие, товары и промышленное сырье, в которых она испытывала особую нужду. Во время советско-чехословацких переговоров был обсужден вопрос об удовлетворении воли населения Закарпатской Украины о воссоеди-

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 155—156.

[2] См. там же, стр. 156.

[3] См. «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 239.

[4] См. там же, стр. 240.

[5] См. «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник», стр. 257.

нении с украинским народом и вхождении в состав Советской Украины[1].

Переговоры по указанному вопросу были продолжены в Москве в июне того же года и завершились подписанием 29 июня советско-чехословацкого договора и протокола к нему, которые определили порядок и условия включения Закарпатской Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики[2].

Новая страница была открыта в отношениях СССР с Польшей после заключения Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г.

Советское правительство, желая всячески развивать и расширять советско-польскую дружбу, скрепленную совместной борьбой против фашизма, и идя навстречу демократическим силам Польши, приняло предложение Временного польского правительства и подписало с ним этот договор[3]. С советской стороны договор подписал Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, от имени правительства Польши — премьер-министр Э. Осубка-Моравский. По этому договору СССР и Польша обязались продолжать борьбу против Германии до окончательной победы. Стороны брали на себя обязательства и по окончании войны с Германией принимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме. Договор предусматривал также обязательство взаимопомощи сторон на случай нападения Германии или другого государства, объединившегося с ней в такой войне, на одну из них. СССР и Польша решили и после войны укреплять дружественное сотрудничество между обеими странами в соответствии с принципами взаимного уважения их независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Они обязались развивать и укреплять экономические и культурные связи между обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран.

Значение советско-польского договора заключалось прежде всего в том, что он знаменовал собой коренной поворот в отношениях между СССР и Польшей, которые на протяжении

---

[1] 26 ноября 1944 г. в городе Мукачево состоялся съезд представителей народных комитетов Закарпатской Украины, который избрал Народный совет Закарпатской Украины и единодушно высказался за присоединение к Советской Украине.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 309—312.

[3] См. там же, стр. 197—201.

многих веков изобиловали элементами недоверия, вражды и даже конфликтами. Напряженные отношения между двумя странами всегда использовал германский империализм. Этот договор имел большое международное значение. Он являлся большим вкладом в укрепление европейской безопасности. Общественность Советского Союза и Польши встретила советско-польский договор с глубоким удовлетворением. На митинге в Варшаве, посвященном подписанию договора, была принята резолюция, в которой говорилось: «Польский народ отдает себе отчет в том, что от дружбы с Советским Союзом зависят независимость, экономический и культурный расцвет Польши»[1]. Заключение советско-польского договора значительно укрепило как внутренние, так и международные позиции Временного правительства демократической Польши.

Вскоре после того, как в переговорах советских руководителей с личным представителем президента США Гопкинсом во время его миссии в Москву было намечено решение вопроса о составе Польского правительства национального единства, комиссия трех держав, созданная в Ялте, пришла к соглашению о том, кого следовало пригласить для консультации по вопросу о создании Польского правительства национального единства. В течение 17—21 июня 1945 г. в Москве состоялись консультации между прибывшими сюда членами Временного польского правительства и другими демократическими деятелями из самой Польши и из-за границы. Участники совещания заявили, что «национальное достоинство и суверенитет польского государства требуют, чтобы польские дела решались самими поляками...»[2]. 28 июня 1945 г. Крайова Рада Народова создала новый кабинет — Временное правительство национального единства, ядром которого осталось существовавшее ранее Временное польское правительство. 29 июня Временное правительство национального единства было признано Францией, а 5 июля — Англией и США. Одновременно они отказывались признавать польское эмигрантское правительство в Лондоне.

Польский народ пользовался полной поддержкой Советского правительства в борьбе за воссоединение с Польшей исконных польских земель на западе и севере страны, отнятых у нее немецкими захватчиками. Правительства США и Англии были в конце концов вынуждены также признать законные права Польши на эти земли.

Наряду с политической поддержкой СССР оказывал Польше экономическую помощь. Еще в октябре 1944 г. было подписано

---

[1] «Известия», 24 апреля 1945 г.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 302.

первое советско-польское экономическое соглашение. В июле 1945 г. был заключен торговый договор между Польшей и СССР. Польша получала от СССР и техническое содействие в развитии страны.

Успешно развивались также отношения СССР с Югославией. К весне 1945 г. почти вся территория Югославии была освобождена от оккупантов, и трудящиеся приступили к восстановлению народного хозяйства страны. 7 марта в Белграде было сформировано новое правительство во главе с маршалом Иосипом Броз Тито.

5 апреля 1945 г. в Москву прибыла югославская правительственная делегация во главе с И. Тито. Выступая по прибытии в Москву, И. Тито заявил: «Чувствую большую радость, что могу сегодня здесь, в великой столице Великого Советского Союза, передать горячее приветствие и глубокую благодарность Советскому Союзу за ту огромную моральную и материальную помощь, которую он дал и дает народам Югославии в их тяжелой борьбе против германского оккупанта и его квислингов»[1].

В результате переговоров между Советским и югославским правительствами 11 апреля 1945 г. был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. В соответствии с договором предусматривалось широкое развитие и укрепление политических, экономических и культурных связей между СССР и Югославией[2]. 13 апреля Совстский Союз и Югославия заключили соглашение о взаимных поставках товаров на 1945 г. Советские войска помогли югославскому народу завершить освобождение территории Югославии. К 15 мая 1945 г. все оккупанты были изгнаны с югославской земли. СССР продолжал оказывать материальную помощь югославской армии[3].

Советское правительство выступило в поддержку справедливых югославских требований о воссоединении с Югославией славянских земель — Истрии, Триеста и Словенского приморья. Большая часть этих земель вошла затем в состав Югославии.

В этот период были сделаны важные шаги и в развитии дружественных, добрососедских отношений с Болгарией, Румынией и Венгрией. Советский Союз оказывал всестороннюю помощь народам этих стран в их борьбе за установление демократических порядков, за восстановление народного хозяйства, за укрепление их международных позиций. Большое

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 165—166.

[2] См. там же, стр. 175—178.

[3] См. «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне», стр. 282—287.

значение в этом процессе имело последовательное выполнение этими странами соглашений о перемирии, которые носили справедливый и демократический характер. Советский Союз стоял на страже строгого соблюдения соглашений о перемирии. Союзные контрольные комиссии в Болгарии, Венгрии и Румынии, осуществлявшие контроль за исполнением соглашений о перемирии, проводили свою работу под общим руководством и по указаниям Советского Главного командования, действовавшего от имени союзных держав. Территория этих стран являлась тылом Красной Армии, продолжавшей наступление против гитлеровской Германии, и, следовательно, контролировалась в военном отношении Советским командованием. В этих условиях были обречены на провал попытки местных и внешних реакционных сил нарушить демократическое развитие этих стран.

Неуклонно крепли отношения СССР с Болгарией. Начиная с сентября 1944 г. Болгария воевала на стороне антигитлеровской коалиции. При этом необходимые сухопутные, морские и воздушные силы были переданы правительством Болгарии в распоряжение Советского Главного командования для ведения боевых действий против фашистской Германии. Советский Союз оказывал политическую поддержку новому строю в Болгарии, предоставлял ей экономическую помощь.

14 марта 1945 г. было заключено первое Соглашение между правительствами СССР и Болгарии о взаимных поставках товаров. СССР поставлял Болгарии железо, чугун, нефтепродукты, хлопок и другие товары, а также сельскохозяйственные орудия и инвентарь, необходимые для ее народного хозяйства.

16 марта было подписано советско-болгарское соглашение о передаче Болгарии безвозмездно вооружения и военного имущества [1].

Всесторонняя помощь Советского Союза позволяла разрешить трудные задачи, стоявшие перед народной Болгарией. Советское правительство вело дипломатическую борьбу против попыток вмешательства во внутренние дела Болгарии со стороны представителей Англии и США в Союзной контрольной комиссии. Последние, в частности, настаивали на отсрочке выборов в Народное собрание Болгарии, намечавшихся на август 1945 г., как якобы не отвечающих «требованиям демократии». Советские представители в СКК заявляли о неправомерности подобных действий [2]. В нотной переписке с англи-

---

[1] См. «Советско-болгарские отношения...», стр. 112—118, 120.

[2] АВП СССР. Телефонограмма в НКИД СССР от советских представителей в СКК в Болгарии С. С. Бирюзова и С. П. Кирсанова от 24 августа 1945 г.

чанами по этому вопросу Советское правительство еще раз отвергло клеветнические измышления о положении в Болгарии, содержавшиеся в английских документах [1]. Выборы в Болгарии состоялись 18 ноября 1945 г. и принесли победу Отечественному фронту.

Советский Союз придавал большое значение всестороннему развитию отношений с Румынией. После выхода из войны румынские войска приняли участие в боях против гитлеровских армий. Однако румынская реакция и выполнявшие ее волю правительства Санатеску и Радеску (с декабря 1944 г.) не выполняли Соглашение о перемирии и препятствовали демократизации страны, взяли под свою защиту фашистов и военных преступников. В стране усилились террористические акты против советских военнослужащих, не выполнялись обязательства по репарациям. В статье «К событиям в Румынии» газета «Правда» разоблачила политику саботажа со стороны румынских реакционных сил [2]. Народ Румынии требовал от правительства проведения в жизнь демократических принципов, записанных в Соглашении о перемирии. Правительство Радеску пыталось развязать гражданскую войну и 24 февраля отдало приказ расстрелять мирную демонстрацию трудящихся в Бухаресте. Но присутствие советских войск в Румынии и мужественная борьба румынского народа сорвали замыслы реакции. 28 февраля правительство Радеску ушло в отставку. 6 марта состоялась 800-тысячная демонстрация в Бухаресте с требованием создания народно-демократического правительства. Пожелание о создании такого правительства, которое отвечало бы необходимым условиям и было способным обеспечить порядок в тылу Красной Армии и честное выполнение Соглашения о перемирии, выразило и Советское правительство, в частности через своих представителей, посетивших 5 марта короля Михая [3].

6 марта 1945 г. было образовано первое народно-демократическое правительство Румынии во главе с доктором Петру Гроза, которое лояльно выполняло условия перемирия, приняло меры по демократизации страны, пошло по пути установления прочной дружбы Румынии с Советским Союзом. В ответ на просьбу нового правительства Румынии Советское правительство дало согласие 9 марта 1945 г. на установление румынской администрации в Трансильвании [4].

---

[1] АВП СССР. Нота Советского правительства правительству Великобритании от 28 августа 1945 г.

[2] «Правда», 22 февраля 1945 г.

[3] АВП СССР. Записка НКИД СССР о положении в Румынии от 5 марта 1945 г.

[4] См. «Правда», 10 марта 1945 г.

8 мая 1945 г. между СССР и Румынией были заключены торговое соглашение и соглашение об экономическом сотрудничестве, которые заложили основу развития экономических отношений между обоими государствами. Правительство США выразило в ноте от 19 июля 1945 г. недовольство соглашением, заявив, что «не может без серьезного размышления рассматривать заключение любого соглашения, затрагивающего румынскую нефть и родственные отрасли промышленности, которые давали бы исключительные права и монополию советскому и румынскому правительствам в ущерб законным американским интересам»[1]. НКИД СССР ответил американскому посольству, что «заключенное Советским правительством 8 мая 1945 г. торговое соглашение с правительством Румынии не ограничивает торговые возможности других стран и не содержит в себе элементов дискриминации в отношении этих стран»[2].

Дипломатическая поддержка Советского Союза помогла правительству Румынии отстоять суверенитет румынского народа.

С подписанием соглашения о перемирии всесторонне развивались дружественные отношения СССР с Венгрией. 6 апреля 1945 г. премьер-министр Временного национального правительства Венгрии Бела Миклош Далноки направил телеграмму Председателю СНК СССР И. В. Сталину, в которой от имени венгерского народа и правительства благодарил за освобождение страны Красной Армией и просил «предоставить возможность частям новой венгерской демократической армии участвовать в окончательном разгроме гитлеровского зверя...»[3].

14 апреля Советское правительство ответило согласием на участие частей венгерской армии в борьбе против гитлеровской Германии[4]. Венгерские войска были переданы в распоряжение 3-го Украинского фронта. Советский Союз проявлял заботу об обеспечении материальных нужд венгерского народа. Так, в феврале — мае 1945 г. Временному национальному правительству Венгрии были предоставлены займы на сумму 850 млн. пенгё на льготных условиях[5]. Советское правительство, удовлетворяя просьбу венгерского правительства, оказывало помощь Будапешту и другим промышленным центрам продовольствием, что, в частности, было согласовано в письмах, которыми

---

[1] АВП СССР. Нота правительства США правительству СССР от 19 июля 1945 г.

[2] АВП СССР. Нота правительства СССР правительству США от 12 августа 1945 г.

[3] «Советско-венгерские отношения. 1945—1948 гг. Документы и материалы». М., 1969, стр. 62 (далее — «Советско-венгерские отношения...»).

[4] См. там же, стр. 72.

[5] См. там же, стр. 61.

обменялись 17 марта 1945 г. министр иностранных дел Временного национального правительства Дьёндьёши и политический советник СКК в Венгрии посол Г. М. Пушкин[1]. 21 июня 1945 г. премьер-министр Временного национального правительства направил председателю СКК в Венгрии К. Е. Ворошилову письмо, в котором выразил благодарность Советскому правительству за помощь продовольствием, оказанную населению венгерской столицы[2].

Вскоре, 27 августа 1945 г., было подписано советско-венгерское соглашение о взаимных поставках товаров[3].

Характерно, что американское правительство и на этот раз выступило против экономических соглашений между СССР и Венгрией под предлогом, что «они нанесут ущерб интересам Соединенных Штатов и могут лишить другие страны, кроме Советского Союза, равного доступа к венгерскому сырью и рынку и возможности торговли с Венгрией на равных началах»[4]. Советское правительство ответило правительству Соединенных Штатов, что «Советско-венгерское соглашение об экономическом сотрудничестве не содержит в себе элементов дискриминации в отношении третьих стран и не создает каких-либо затруднений в деле экономических взаимоотношений этих стран и Венгрии»[5].

Правительство СССР неизменно оказывало дипломатическую поддержку Венгрии, равно как Болгарии и Румынии, по вопросам их политического и экономического развития, укрепления суверенитета и предоставления этим странам достойного места среди Объединенных Наций.

3. Конференция в Сан-Франциско. Создание ООН

25 апреля 1945 г., в день, когда советские и американские войска соединились на территории Германии, открылась конференция в Сан-Франциско. Эта конференция — одна из крупнейших в истории международных отношений — собралась для того, чтобы учредить новую международную организацию по обеспечению мира и международной безопасности. Созыв конференции в Сан-Франциско еще до окончания войны с Германией свидетельствовал о том, что союзники достигли взаимопонимания по основным вопросам новой международной

---

[1] См. «Советско-венгерские отношения...», стр. 59—60.
[2] См. там же, стр. 85.
[3] См. там же, стр. 115—117.
[4] АВП СССР. Нота правительства США правительству СССР от 15 октября 1945 г.
[5] АВП СССР. Нота правительства СССР правительству США от 31 октября 1945 г.

организации, призванной обеспечить прочный и длительный мир.

В работе Сан-Францисской конференции участвовали все государства, подписавшие 1 января 1942 г. Декларацию Объединенных Наций, а также страны, присоединившиеся к ней впоследствии и объявившие войну фашистским державам. Из 42 государств, которым от имени четырех великих держав — СССР, США, Англии и Китая — было направлено приглашение на конференцию[1], 19 государств были латиноамериканскими, 4 — британскими доминионами. Это обстоятельство обеспечивало на первых порах США и Англии большинство в Организации Объединенных Наций.

На конференцию не были приглашены нейтральные страны (Эйре, Исландия, Португалия, Швеция и др.), а также страны, находившиеся в то время под оккупацией Германии и Японии,— Дания (после освобождения Дании от оккупантов датское правительство также получило приглашение на конференцию), Австрия и Таи (Сиам). Из-за непримиримой позиции английского и американского правительств некоторые страны, правительства которых не были признаны США и Англией (Албания, Польша, Монгольская Народная Республика), не смогли принять участие в конференции. Что касается Советского правительства, то оно, стремясь придать новой международной организации наиболее широкий характер и руководствуясь желанием договориться по вопросам конференции с другими приглашающими правительствами, не возражало против присутствия на конференции всех 42 государств независимо от того, имеют ли соответствующие страны дипломатические отношения со всеми приглашающими государствами.

Советской делегации удалось добиться положительного решения вопроса о незамедлительном приглашении на конференцию представителей Украины и Белоруссии. С другой стороны, советское предложение о приглашении на конференцию представителей демократической Польши хотя и нашло горячую поддержку ряда делегаций, но большинством голосов было отклонено. Американская делегация, выступавшая главным противником приглашения Польши, ссылалась на то обстоятельство, что решения Крымской конференции о реорга-

[1] Эти 42 государства были: Австралия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Греция, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Ирак, Иран, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Уругвай, Филиппины, Франция, Чехословакия, Чили, Эквадор, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканский Союз.

низации польского правительства не были еще в ту пору претворены в жизнь. Это, однако, было формальной отговоркой, за которой скрывалось стремление правящих кругов США оказать давление на Советский Союз, на демократические круги Польши. Как свидетельствуют члены американской делегации, вопросу о приглашении Польши придавалось принципиальное значение[1]. Советской дипломатии удалось, однако, добиться решения о том, чтобы Польша рассматривалась в качестве государства — учредителя Организации Объединенных Наций. На конференцию не были приглашены и бывшие союзники Германии и Японии, хотя и порвавшие с агрессорами и объявившие им войну: Италия, Румыния, Болгария, Венгрия и Финляндия. В ходе конференции было направлено приглашение Аргентине. Всего в конференции участвовало 50 стран.

Председателями конференции были избраны главы делегаций четырех приглашающих держав: СССР (В. М. Молотов), США (Э. Стеттиниус), Англии (А. Иден) и Китая (Сун Цзывень).

Единственным вопросом, стоявшим на повестке дня конференции, была разработка Устава Организации Объединенных Наций.

Конференция в Сан-Франциско протекала в довольно сложной обстановке. Немало препятствий на пути успешного решения задач, стоявших перед конференцией, создавали противники международного сотрудничества, сторонники «жесткого» курса в отношении СССР, которые оказывали все возрастающее влияние на политику правительства США. С первых дней конференции в Сан-Франциско эти элементы, прикрывавшиеся зачастую демократическими лозунгами, старались отравить атмосферу конференции, создать неуверенность в успешном ее завершении. Противники международного сотрудничества готовы были в дискуссии по каждому сложному вопросу видеть «непреодолимый кризис»; они откровенно пытались спровоцировать конфликт между союзниками по антигитлеровской коалиции.

Несмотря на серьезные трудности и разногласия между участниками конференции, советская делегация, возглавлявшаяся на первом этапе народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым, а после его отъезда А. А. Громыко, стремилась к согласованию точек зрения, к международному сотрудничеству.

В ходе работы конференции были созданы четыре комиссии: первая комиссия — по общим положениям, рассматривавшая разделы «Цели и принципы», «Членство и основные органы»

[1] "The Private Papers of Senator Vandenberg", Boston, 1952, p. 181.

проекта Устава Организации Объединенных Наций; вторая — по вопросам Генеральной Ассамблеи, Экономического и Социального Совета и Совета по опеке; третья — по вопросам Совета Безопасности и четвертая (юридическая) — по вопросам Международного суда и другим юридическим вопросам. Кроме того, во время конференции происходили систематические совещания глав делегаций четырех государств — организаторов конференции: СССР, США, Англии и Китая.

В целях большей организованности работы конференции было решено, чтобы приглашающие четыре державы предварительно сами выявили свое отношение к тем сотням поправок, которые были внесены участниками конференции к предложениям о создании ООН, подготовленным в Думбартон-Оксе и дополненным на Крымской конференции. Согласованные поправки четырех держав обсуждались в первую очередь, затем — все остальные поправки, причем в связи с принятыми поправками четырех держав поправки других часто отпадали.

Поправки делились на несколько групп. Первая группа поправок требовала расширения прав Генеральной Ассамблеи. Вторая группа предусматривала ограничение прав Совета Безопасности и его постоянных членов, а также увеличение количества членов Совета Безопасности. Третью группу поправок составляли предложения о расширении прав Международного суда. Наконец, остальные предложения носили в основном редакционно-технический характер.

Основное внимание участников конференции было сосредоточено вокруг первых двух групп поправок. Смысл этих поправок заключался в том, чтобы предоставить Генеральной Ассамблее все права, присущие Совету Безопасности, а последний подчинить Генеральной Ассамблее как высшему органу Организации Объединенных Наций. Самым острым вопросом на конференции в Сан-Франциско явился вопрос о Совете Безопасности и порядке голосования в нем. Предусмотренный решениями Крымской конференции принцип единогласия великих держав при принятии решений по всем вопросам, кроме процедурных, вызвал резкую критику со стороны ряда делегаций, главным образом латиноамериканских стран. Эти делегации противопоставляли великие державы — постоянных членов Совета Безопасности — остальным государствам — членам Организации Объединенных Наций и, используя при этом безудержную демагогию, стремились к максимальному ограничению правил единогласия.

Наряду с прямыми нападками на принцип единогласия великих держав предпринимались и обходные маневры, направленные на то, чтобы ослабить значение Совета Безопасности и тем самым сузить пределы компетенции постоянных

членов Совета Безопасности. Одним из примеров подобных обходных маневров служит попытка изъять из-под юрисдикции Совета Безопасности часть международных конфликтов, относящихся к компетенции различных региональных организаций. Конкретно речь шла о претензии некоторых латиноамериканских стран рассматривать связывавший американские страны региональный пакт как верховный орган при решении любых возникающих на американском континенте споров.

В споре с англо-американским большинством по поводу толкования «ялтинской формулы» о порядке голосования в Совете Безопасности советская делегация выступала последовательным и горячим защитником принципа единогласия великих держав, идей международного сотрудничества. В результате конференция в Сан-Франциско подтвердила, что в основе работы Совета Безопасности лежит принцип единогласия его постоянных членов.

Длительная дискуссия на конференции разгорелась также по вопросу о международной опеке. Решение этого вопроса имело особое значение в свете нового подъема национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах в годы второй мировой войны. Западные державы стремились преуменьшить значение вопроса о судьбе колониальных народов, свернуть обсуждение этого вопроса.

Позиция Советского Союза в отношении колониальных и зависимых стран вытекала из основных принципов социалистического государства, руководствующегося ленинскими положениями о праве каждой нации на самоопределение и достижение полной национальной независимости, об уважении прав и независимости всех народов. Советская делегация еще в начале работы конференции внесла две поправки в главу «Цели и принципы» Устава Организации Объединенных Наций — о необходимости уважения принципов равноправия и самоопределения народов и уважения прав человека и основных свобод для всех без различия рас, языка, религии и пола. Эти поправки были приняты конференцией.

В советском проекте положений Устава об учреждении системы опеки над несамоуправляющимися территориями говорилось о том, что целью опеки является не только самоуправление, но и самоопределение, с активным участием народов колониальных территорий для «быстрейшего достижения полной государственной независимости»[1]. Несмотря на то,

---

[1] См. *С. Б. Крылов.* История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944—1945). М., 1960, стр. 157.

что предложенная советской делегацией ясная и недвусмысленная формулировка главной цели системы опеки полностью соответствовала Уставу Организации Объединенных Наций, она встретила возражения делегаций западных держав, внесших свои собственные предложения. На первых порах работы конференции в предложениях английской и американской делегаций можно было отметить определенную разницу. Проявляя заинтересованность в том, чтобы колониальная система была сохранена в возможно более неприкосновенном виде, английская делегация внесла проект, по существу предлагавший передать опеку только тем странам, которые владели колониями. Именно так следовало понимать английское предложение передать опеку «передовым странам, которые подготовлены к принятию этой ответственности». В английском проекте содержалось положение о недопустимости «никаких ревизий существующих мандатов Лиги наций без согласия заинтересованной державы-мандатария»[1]. Таким образом, Англия сделала попытку сохранить незыблемым установленный Версальским миром раздел колоний. С другой стороны, США, ставшие на путь политической и экономической экспансии и не имевшие обширных колониальных владений, были заинтересованы в «политике открытых дверей» в колониях, в широком доступе американских товаров и капиталов на колониальные рынки, чему препятствовала политика экономических преференций, осуществлявшаяся колониальными державами. Так, в американском проекте предусматривалось запрещение на подмандатных территориях всякой дискриминации в области экономических, социальных и торговых интересов. Однако в середине мая 1945 г. американская делегация представила новый проект, который, по существу, совпадал с предложениями старых колониальных держав, так как предусматривал сохранение незыблемости колониальной системы во всех ее частях[2]. Изменение в позиции США объяснялось, очевидно, сговором с колониальными державами, которые впоследствии поддержали отдельные претензии США на роль мандатария.

В результате обсуждения вопроса об опеке в Устав ООН было включено несколько глав, устанавливавших систему международной опеки. Конференция пришла к компромиссному соглашению, что система опеки будет способствовать прогрессивному развитию населения подопечных территорий «в направлении к самоуправлению или независимости, как это

---

[1] *Б. Е. Штейн.* Система международной опеки (Две тенденции решения колониальной проблемы в Организации Объединенных Наций). М., 1948, стр. 22.

[2] См. «Правда», 8 июня 1945 г.

может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории и ее народов и имея в виду свободно выраженное желание этих народов...»[1] (статья 76 Устава).

Компромиссная формулировка представляла собой шаг назад по сравнению с первоначальной советской формулировкой. Тем не менее сам факт признания в качестве одной из основных задач системы опеки достижения независимости подопечными странами был серьезным успехом Советского Союза и других свободолюбивых стран и народов.

Конференция в Сан-Франциско учредила Международный суд и разрешила также ряд других вопросов, связанных с созданием новой международной организации. Местонахождением штаб-квартиры ООН был определен город Нью-Йорк.

26 июня 1945 г. принятием Устава ООН конференция завершила свою работу.

Выступая на заключительном заседании конференции от имени Советского Союза, А. А. Громыко выразил надежду, что новая организация будет иметь действенный характер для осуществления сотрудничества, единства и согласованности действий всех ее членов[2].

Устав Организации Объединенных Наций, принятый в Сан-Франциско, начинается словами о том, что народы Объединенных Наций преисполнены решимости «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе...». Придавая огромное значение осуществлению прав человека и основных свобод для всех без различия рас, языка, пола и религии, первая конференция Объединенных Наций провозгласила важнейшими принципами своей организации: равноправие и самоопределение народов; международное сотрудничество и невмешательство во внутренние дела других государств; разрешение международных споров мирными средствами; воздержание в международных делах от угрозы применения силы. В Уставе ООН заложено твердое признание принципа мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, выдвинутого В. И. Лениным еще на заре существования Советского государства. Советский Союз был одним из основных авторов Устава ООН.

Образование ООН явилось одним из результатов победы антигитлеровской коалиции над фашизмом, результатом сотрудничества свободолюбивых народов. Стране Советов, внесшей решающий вклад в победу над силами фашизма и реакции в войне, принадлежит выдающаяся роль и в деле создания

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 424.

[2] См. «Известия», 28 июня 1945 г.

Организации Объединенных Наций, призванной служить инструментом сохранения мира. ООН должна способствовать делу международного сотрудничества, равноправия и независимости всех народов и государств земного шара.

Советский Союз всегда выступал за необходимость активизации, повышения эффективности и роли ООН на основе строгого соблюдения ее Устава, сплочения в ней государств, выступающих против агрессии, повышения роли этой организации в борьбе за всеобщий мир и независимость народов, против колониализма и расизма.

«...Организация Объединенных Наций внесла полезный вклад в осуществление целей и принципов, провозглашенных в ее Уставе,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.— Она содействовала преодолению ряда острых международных кризисов. Мы рассматриваем такой итог как серьезный успех внешней политики Советского Союза, других социалистических стран, всех миролюбивых сил на нашей планете»[1].

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1972, стр. 148.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Подготовка к конференции

Победа СССР и союзников над фашистской Германией вызвала громадные перемены в политической жизни народов не только в Европе, но и во всем мире. Обстановка диктовала необходимость новой встречи руководителей великих держав — Советского Союза, США и Англии, для того чтобы выработать программу мира и безопасности на будущее.

Прежде всего предстояло решить вопросы, относящиеся к Германии. В соответствии с Крымскими соглашениями четыре великие державы были призваны срочно решить вопрос переустройства политической жизни немцев на миролюбивой и демократической основе, провести военно-экономическое разоружение Германии и заставить ее возместить хотя бы частично материальный ущерб, нанесенный другим странам, наказать военных нацистских преступников, принесших неисчислимые бедствия и страдания человечеству.

После окончания войны в Европе на очередь дня встали вопросы мирного урегулирования со странами, воевавшими на стороне Германии,— Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией. Со времени подписания условий перемирия в них произошли глубокие преобразования. При этом в Болгарии, Румынии и Венгрии утвердился народно-демократический строй. Жизнь требовала нового подхода ко всем этим странам и принятия их в семью миролюбивых народов. Необходимо было выработать также дальнейшие меры по восстановлению государственной самостоятельности Австрии. Великие державы должны были решить ряд вопросов, касающихся помощи в возрождении и развитии таких союзных стран, как Польша и Югославия.

Три великие державы — СССР, США и Англия — стояли накануне важнейших событий на Дальнем Востоке. Народы ждали решений и по другим проблемам международных отношений.

Вопрос о созыве новой конференции начал обсуждаться вскоре же после капитуляции гитлеровской Германии. Приехавший 25 мая 1945 г. в Москву Г. Гопкинс поставил от имени

президента США перед Советским правительством официально вопрос «о встрече трех». В связи с этим И. В. Сталин писал У. Черчиллю: «Я думаю, что встреча необходима и что удобнее всего было бы устроить эту встречу в окрестностях Берлина. Это было бы, пожалуй, правильно и политически»[1]. Черчилль ответил, что будет очень рад встретиться с И. В. Сталиным и Трумэном «в самом ближайшем будущем», и выразил надежду, что встреча могла бы иметь место около середины июня[2]. Черчилль торопился с созывом конференции руководителей трех великих держав. Еще в телеграмме Трумэну 12 мая 1945 г. он призывал провести такую встречу, пока войска США занимают часть советской зоны оккупации в Германии и еще до того, как англо-американские силы в Европе будут ослаблены переброской соответствующих контингентов на Дальний Восток[3]. Черчилль стремился ускорить встречу и в связи с тем обстоятельством, что в июле в Англии предстояли выборы в парламент и ему лично хотелось принять участие в столь важной конференции, так как он не был уверен в победе на этих выборах его партии консерваторов. Американское правительство предложило, однако, созвать конференцию 15 июля 1945 г. Трумэн оттягивал встречу до того, как в США будет испытана атомная бомба, чтобы он смог на конференции применить «атомную дипломатию» в переговорах с представителями СССР. В переговорах с Гопкинсом в Москве, как уже отмечалось, была согласована дата созыва конференции — 15 июля. Черчилль в конце концов также согласился с этой датой[4].

Открытие конференции в Потсдаме

Накануне конференции глав правительств трех держав, которая условно была названа «Терминал», в дипломатическом порядке было уточнено, что она состоится в Берлине, в самом центре поверженной Германии, точнее, в пригороде Берлина, Потсдаме, поскольку сам Берлин был сильно разрушен. В Потсдаме же остался в полной сохранности дворец Цецилиенхоф, который вполне подходил для работы конференции. Дворец расположен поблизости от берлинского пригорода Бабельсберг, также мало пострадавшего в ходе военных действий. В многочисленных виллах Бабельсберга можно было разместить все делегации.

Советскую делегацию возглавлял И. В. Сталин, английскую — премьер-министр Великобритании У. Черчилль и американскую — президент США Г. Трумэн. Вместе с Черчиллем на конференцию прибыл лидер лейбористской партии К. Эттли,

[1] «Переписка...», т. I, стр. 366.
[2] Там же, стр. 367.
[3] "Foreign Relations... The Conference of Berlin, 1945", vol. I, p. 8—9.
[4] См. «Переписка...», т. I, стр. 369.

которого английский премьер-министр пригласил в целях «преемственности» на случай своего поражения на выборах. Поскольку это и случилось (выборы состоялись 5 июля, а результаты были объявлены 26 июля), то с 28 июля К. Эттли, ставший премьер-министром, возглавил английскую делегацию.

В работе конференции принимали участие министры иностранных дел СССР (В. М. Молотов), США (Д. Ф. Бирнс) и Англии (А. Иден, а затем Э. Бевин), их заместители, послы СССР в США (А. А. Громыко) и в Великобритании (Ф. Т. Гусев), посол США в СССР (У. А. Гарриман), посол Англии в СССР (А. К. Керр), представители дипломатических учреждений трех стран (от НКИД СССР — С. П. Козырев, К. В. Новиков, А. А. Соболев и др.), а также сопровождавшие глав правительств трех держав руководители военных ведомств, начальники штабов и их помощники.

Конференция открылась во дворце Цецилиенхоф в 5 часов вечера 17 июля 1945 г. По заранее разработанному протоколу делегации одновременно вошли в зал заседаний с трех сторон и заняли места за круглым столом, центр которого украшали флажки трех великих держав. В отличие от Крымской конференции первые минуты встречи в Потсдаме были целиком предоставлены фотографам, которые старались запечатлеть торжественный момент открытия конференции. По словам Черчилля, в Берлине собралось около 180 корреспондентов [1].

Председательствование на конференции по предложению И. В. Сталина было предоставлено Г. Трумэну, который сразу же поспешил поставить вопросы, интересовавшие американскую делегацию, и лишь затем произнес протокольные фразы, соответствующие моменту открытия. «Так как меня неожиданно избрали председателем этой конференции,— оправдывался Трумэн,— то я не мог сразу же выразить своих чувств» [2].

Уже в начале конференции над Трумэном довлело первое впечатление от взрыва атомной бомбы, который был произведен в Аламогордо 16 июля 1945 г. Сообщение об испытании бомбы было передано Трумэну сначала в условной форме 16 июля, а затем в подробной телеграмме 18 июля и в письменном докладе генерала Гровса, доставленном 21 июля 1945 г. курьером. Получив эти сообщения, Трумэн обсудил с американской делегацией вопрос о дипломатическом и политическом значении атомной бомбы. Трумэн говорил: «Теперь мы обладаем оружием, которое не только революционизировало военное дело, но может изменить ход истории и цивилизации» [3]. Под строжайшим

---

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 215.
[2] Там же, стр. 207.
[3] "The Memoirs of Harry S. Truman", vol. I, p. 87.

секретом Черчиллю сообщили об успешном испытании бомбы, что привело его в неописуемый восторг. Черчилль сказал, что у них «есть в руках средство, которое восстановит соотношение сил с Россией»[1]. Он снова стал подстрекать американскую делегацию занять как можно более жесткую позицию, использовав информацию об испытании атомной бомбы «в качестве аргумента в свою пользу на переговорах»[2].

Согласно американским источникам и мемуарам Черчилля, Трумэн, информируя советскую делегацию об испытании нового оружия (это происходило после пленарного заседания 24 июля), даже не упомянул слова «атомное оружие» или «ядерное оружие». И. В. Сталин выслушал сообщение Трумэна совершенно спокойно. Как Трумэн, так и Бирнс были разочарованы. «Ну, как сошло?» — спросил Черчилль Трумэна. «Он не задал мне ни одного вопроса»,— ответил президент[3].

Присутствовавший на конференции Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминает: «...вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают». И. В. Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

Я понял, что речь шла об атомной бомбе.

Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы в «холодной войне»»[4].

Атомное зарево не возымело на СССР того действия, на которое рассчитывали вашингтонские руководители. Потсдамская конференция проходила прежде всего под сияющими лучами победы над коварным и злейшим врагом — германским фашизмом, в которую СССР внес решающий вклад. Только с помощью Советского Союза можно было одержать скорую и решительную победу также и над японским милитаризмом, все еще не желавшим капитулировать перед англо-американскими союзниками. Именно эти факторы, а также мощная волна народных требований о необходимости продолжения сотрудничества США и Англии с СССР и после войны определяли ход Потсдамской конференции, на которой были обсуждены многие вопросы послевоенного мирного урегулирования и установления прочного и длительного мира на нашей планете.

---

[1] *A. Bryant.* The Triumph in the West. 1943—1946, p. 477—478.
[2] "Foreign Relations... The Conference of Berlin, 1945", vol. II, p. 225.
[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 580.
[4] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, стр. 713.

Создание Совета министров иностранных дел

Конференция в Потсдаме в первую очередь рассмотрела вопросы, связанные с мирным послевоенным устройством в Европе, в том числе вопрос о порядке подготовки мирных договоров с бывшими вражескими государствами. Три правительства в духе взаимопонимания обсудили документ США по этому вопросу, а также некоторые поправки делегации СССР к документу и приняли решение об учреждении Совета министров иностранных дел (СМИД) «для проведения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию» и для обсуждения других вопросов, которые по соглашению между участвующими в Совете правительствами могут время от времени передаваться Совету [1].

Совет учреждался из министров иностранных дел СССР, Англии, США, Франции и Китая, т. е. стран — постоянных членов Совета Безопасности. Первой и важнейшей задачей Совета министров было признано составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Кроме того, на Совет возлагалась подготовка «мирного урегулирования для Германии, с тем чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано» [2].

При подготовке проектов мирных договоров Совет министров должен был состоять из представителей тех держав, которые продиктовали условия капитуляции тому или иному государству. При подготовке мирного урегулирования с Италией Франция рассматривалась как подписавшая условия капитуляции Италии. Таким образом, исходя из принятого в Потсдаме решения, подготовку проекта мирного договора для Италии должны были провести министры иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, проектов мирных договоров для Болгарии, Румынии и Венгрии — министры иностранных дел СССР, США и Англии, а проекта мирного договора для Финляндии — министры иностранных дел СССР и Англии.

На Совет министров иностранных дел возлагалась также подготовка вопросов, связанных с проведением мирной конференции. Совет министров мог быть использован и для выработки предложений по урегулированию территориальных вопросов, возникших в связи с окончанием войны в Европе. Конференция оговорила, что остается в силе Крымское соглашение о периодических консультациях министров иностранных дел СССР, США и Англии. Европейская консультативная комиссия прекращала свою деятельность.

---

[1] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 122, 123.
[2] Там же, стр. 122.

Решения по германской проблеме

Главное место в работе конференции занял германский вопрос.

Конференция обсудила политические и экономические принципы, которыми следовало руководствоваться в обращении с Германией. Проект по этому вопросу был представлен американской делегацией. В нем содержались пункты, повторявшие известные положения Крымских решений и соглашений Европейской консультативной комиссии по Германии. Уже во время Потсдамской конференции этой комиссией был подготовлен еще один документ — Соглашение о некоторых дополнительных требованиях к Германии. Это облегчало согласование в Потсдаме политических и экономических принципов обращения с Германией в начальный контрольный период.

В Потсдаме правительства согласились, что основные принципы в отношении Германии должны предусматривать проведение важнейших мероприятий по демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. Следовало осуществить «полное разоружение и демилитаризацию Германии и ликвидацию всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства»; «подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни»; «уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду»; уничтожить германский военный потенциал, ликвидировать монополистические объединения; главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления[1]. «Германский милитаризм и нацизм,— говорилось в Сообщении трех держав о конференции,— будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире»[2].

В Потсдаме было подтверждено, что в соответствии с соглашением о контрольном механизме в Германии верховная власть в Германии должна осуществляться главнокомандующими вооруженных сил СССР, США, Англии и Франции, «каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соот-

---

[1] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 124—126.
[2] Там же, стр. 109—110.

ветствующих Правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета»[1].

В ходе обсуждения американского документа советская делегация представила свой проект об организации центральной германской администрации. Предполагалось, что эта администрация должна действовать под руководством Контрольного Совета и иметь своей задачей «координацию деятельности управления провинциями с целью обеспечения выполнения решений Контрольного Совета и выполнения функций, связанных с решением вопросов, имеющих общегерманский характер»[2]. После дискуссии по этому вопросу на конференции было принято решение: «Пока что не будет создано никакого центрального германского правительства»[3]. Вместе с тем было признано целесообразным учреждение «некоторых существенно важных центральных германских административных департаментов, возглавляемых государственными секретарями, в частности, в областях финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности», которые должны были действовать под руководством Контрольного Совета[4].

На конференции было решено рассматривать Германию как единое экономическое целое. С этой целью должна была быть установлена общая политика, в частности относительно производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства, программы импорта и экспорта для Германии в целом, репараций и устранения военно-промышленного потенциала, транспорта и коммуникаций. При проведении этой политики по мере надобности необходимо было принимать во внимание местные условия. Должен был быть установлен «союзный контроль над германской экономикой...»[5].

Потсдамские соглашения о Германии соответствовали требованиям и чаяниям народов, их надеждам об искоренении германского фашизма. Главным в этих решениях было признание необходимости демилитаризации и демократизации Германии. Однако, прежде чем были приняты окончательные тексты Потсдамских соглашений, советской делегации пришлось выдержать упорную борьбу с представителями США и Англии, которые уже тогда не хотели считаться с интересами Совет-

---

[1] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 110.

[2] АВП СССР. Советское предложение к «Политическим принципам для Германии», врученное представителям США и Великобритании 30 июля 1945 г.

[3] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 125.

[4] См. там же.

[5] Там же, стр. 126.

ского Союза и, принимая Потсдамские соглашения, не отказывались от своих прежних империалистических замыслов об использовании Германии в качестве своего потенциального союзника против СССР. Они оказывали сопротивление принятию решений о ликвидации военно-промышленного потенциала Германии, особенно в контролируемых ими оккупационных зонах.

Наглядным выражением этой империалистической политики США и Англии в отношении Германии явилось их отношение к советскому предложению, внесенному на конференции 30 июля 1945 г., по вопросу управления Рурской областью — извечной военно-промышленной базы германского милитаризма. Советское правительство предложило записать, что Рурская промышленная область должна в административном отношении «находиться под совместным контролем США, Великобритании, СССР и Франции», а управление областью должно осуществляться Союзным Советом, состоящим из представителей названных четырех держав [1]. Однако ни США, ни Англия не согласились установить контроль четырех держав над Рурской областью, тем самым лишний раз показав свое истинное отношение к ликвидации военно-экономического потенциала Германии. В результате главы правительств ограничились в Потсдаме решением передать этот вопрос на рассмотрение Совета министров иностранных дел. Как известно, и в дальнейшем западные державы не согласились с предложением правительства СССР об установлении четырехстороннего контроля над Руром.

Острая дискуссия развернулась на конференции по репарационному вопросу, в разрешении которого был заинтересован СССР. Как сказано выше, на Крымской конференции было достигнуто соглашение о том, что «Германия обязана возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям» [2]. В отношении определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими от германской агрессии странами советская и американская делегации согласились, что межсоюзная Комиссия по репарациям примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства, что общая сумма репараций должна составлять 20 млрд. долл., причем «50% этой суммы идет Советскому Союзу» [3].

Однако на Потсдамской конференции американская делегация изменила позицию. Она выступила против определения конкретной суммы репараций для каждого государства. Од-

[1] АВП СССР. Советское предложение о Рурской промышленной области, врученное представителям США и Великобритании 30 июля 1945 г.
[2] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 77.
[3] Там же, стр. 78.

новременно она предложила принять принцип взимания репараций по зонам, согласно которому каждое из четырех государств, оккупирующих Германию, должно было удовлетворить свои репарационные претензии лишь из своей зоны. Расчет американских представителей строился на том, что наибольшие разрушения претерпела экономика советской зоны, а основные экономические районы и центры военно-экономической мощи Германии, с ликвидацией которой был тесно связан вопрос о репарациях, находились в западных зонах. Английская делегация заявила, что она «воздерживается от внесения каких-либо предложений» о репарациях [1], но фактически поддерживала предложения США. Смысл позиции США и Англии в репарационном вопросе заключался в том, что они, с одной стороны, не хотели укреплять экономику СССР, а с другой — не желали ослаблять военно-промышленный потенциал Германии, сосредоточенный в ее западных зонах, поскольку намеревались использовать его для возрождения германского милитаризма.

31 июля делегация США связала между собой три вопроса, обсуждавшихся на конференции: вопрос о репарациях, вопрос о западной границе Польши и вопрос о допуске в Организацию Объединенных Наций. Американская делегация заявила в категоричной форме, что она «идет на уступки в отношении западной границы Польши и допуска в Организацию Объединенных Наций при условии достижения соглашения по всем трем вопросам» [2].

Советская делегация отвергла такую связь, а вместе с этим и американские ультимативные методы дипломатических переговоров. Глава Советского правительства указывал: «Вносить такие предложения — это право каждой делегации, но советская делегация, независимо от этого, будет голосовать по каждому из этих вопросов отдельно» [3].

Советская делегация внесла на конференции свои предложения о репарациях. Согласившись, что репарации взимаются каждым правительством прежде всего в своей зоне оккупации, представители СССР требовали вместе с тем поставок в счет репараций оборудования из Западной Германии. И. В. Сталин говорил: «Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много. Надо хоть одну двадцатую часть возместить» [4]. Советская делегация указывала также, что американцы и англичане вывезли много оборудования из той части советской зоны оккупации, где они временно находились до занятия ее

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 326.
[2] Там же, стр. 336.
[3] Там же, стр. 340.
[4] Там же, стр. 341.

советскими войсками. Списки вывезенного оборудования были вручены представителям США и Англии. Советская делегация потребовала также на 500 млн. долл. акций промышленных и транспортных предприятий, находящихся в западных зонах, и предоставления Советскому Союзу 30% заграничных инвестиций Германии и 30% германского золота, поступившего в распоряжение союзников[1].

Лишь после острых дебатов американская и английская делегации пошли навстречу советской делегации в этом вопросе. В результате компромисса на Потсдамской конференции было подписано специальное соглашение о репарациях с Германии, которое развивало Крымское соглашение по этому вопросу. Соглашение устанавливало, что Германия должна компенсировать в возможно большей степени ущерб и страдания, которые она причинила Объединенным Нациям. Соглашение предусматривало, что репарационные претензии СССР будут удовлетворены изъятиями из советской зоны и из соответствующих германских вложений за границей. Кроме того, было решено, что СССР должен получить из западных зон: 15% всего изымаемого в них промышленного капитального оборудования в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии, угле и другой продукции из советской зоны, а 10% такого оборудования — бесплатно. СССР должен был удовлетворить из своей доли репараций репарационные претензии Польши.

Репарации для США, Англии и других стран, имеющих на это право, должны были удовлетворяться из западных зон и из соответствующих германских вложений за границей[2].

На конференции обсуждались и другие вопросы, относящиеся к Германии. Советская делегация внесла на обсуждение конференции вопрос о разделе германского военно-морского и торгового флота, оказавшегося в руках англичан. Делегации США и Англии не имели принципиальных возражений против раздела германского флота. Вместе с тем Черчилль указывал, что «подводные лодки должны быть уничтожены или потоплены», за исключением новейших образцов. «Что касается надводных судов,— говорил Черчилль,— то они должны быть распределены одинаково между нами при условии, что мы достигнем общего соглашения по всем другим вопросам и что мы разойдемся отсюда в наилучших отношениях»[3]. Кроме того, Черчилль, а затем и Трумэн выразили пожелание «отложить разрешение этого вопроса в интересах войны против

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 340.
[2] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 127.
[3] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 229.

Японии»[1]. И. В. Сталин ответил: «Если в принципе будет признано, что русские имеют право на получение трети военного и торгового флота Германии, то мы будем удовлетворены»[2]. Советская делегация согласилась также с предложением Черчилля потопить подводные лодки.

Три правительства решили создать тройственную военно-морскую комиссию и тройственную комиссию по торговому флоту, которые должны были разработать рекомендации относительно распределения судов между тремя странами. Было условлено, что передача военно-морских кораблей должна быть завершена не позднее 15 февраля 1946 г., а реальную передачу судов торгового флота было решено отложить до окончания войны против Японии[3].

Потсдамская конференция рассмотрела советское предложение о передаче СССР района Кенигсберга (ныне Калининград). И. В. Сталин напомнил о принципиальном согласии на этот счет, выраженном Рузвельтом и Черчиллем на Тегеранской конференции. Трумэн и Черчилль подтвердили свое согласие на передачу Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района[4]. Это решение имело большое значение для обеспечения безопасности Советского Союза и европейской безопасности. Черчилль, признавая это, говорил: «...я еще раз заверяю Советское правительство о нашей постоянной поддержке русской позиции в этой части света»[5].

На конференции рассматривался вопрос о главных военных преступниках. Советская делегация выразила готовность принять английский проект, предусматривавший предание этих преступников скорому суду. Однако она предложила, чтобы в проекте были перечислены главные немецкие преступники, «такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кейтель и др.»[6]. Как указывал И. В. Сталин, молчание по этому вопросу могло быть расценено так, что союзники собираются спасать главных преступников, что они отыграются на мелких преступниках, а «крупным дали возможность спастись»[7].

Английская и американская делегации считали возможным ограничиться прежним предложением, не называя фамилий главных преступников, и сообщить лишь о ближайшем завершении переговоров в Лондоне о создании Международного трибунала для наказания военных преступников держав «оси».

---

[1] «Тегеран—Ялта—Потсдам», стр. 230.
[2] Там же, стр. 231.
[3] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 128—129.
[4] См. там же, стр. 130.
[5] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 296.
[6] Там же, стр. 355.
[7] Там же, стр. 356.

По настоянию советской делегации конференция решила опубликовать первый список преступников до 1 сентября 1945 г.[1]. В этом решении Потсдамской конференции звучал справедливый и суровый голос народов, требовавших немедленного наказания фашистских главарей за их неимоверные злодеяния. Германские правители должны были держать ответ перед народами за агрессию, варварство в войне, за угон в рабство и зверское убийство миллионов мирных людей, за преступления против мира и человечества.

Решения о Польше

Большое место в работе конференции заняло обсуждение вопросов, касающихся Польши. При определении повестки дня конференции глава советской делегации говорил: «Необходимо обсудить и польский вопрос в аспекте решения тех вопросов, которые вытекают из факта установления в Польше правительства национального единства и необходимости, в связи с этим, ликвидации эмигрантского польского правительства»[2].

На втором заседании конференции был оглашен проект советской делегации по этому вопросу, согласно которому правительствам предлагалось взять определенные обязательства в связи с образованием на основе Крымских решений Временного польского правительства национального единства, а также ввиду установления Соединенными Штатами и Великобританией дипломатических отношений с этим правительством. США и Англия должны были взять обязательство порвать всякие отношения с польским эмигрантским правительством Арцишевского и оказать Временному польскому правительству национального единства необходимое содействие в немедленной передаче ему всех фондов, ценностей и всякого иного имущества, находившегося в распоряжении и под контролем эмигрантского правительства.

Кроме того, Советское правительство предложило признать необходимым, чтобы польские военные силы, в том числе военно-морской флот, а также торговый флот, находившиеся в подчинении правительства Арцишевского, были подчинены Временному польскому правительству национального единства[3]. Американская и английская делегации согласились в принципе с советским предложением. Вместе с тем Черчилль и Трумэн придавали большое значение тому, чтобы в Польше были как можно скорее проведены всеобщие выборы и предоставлен свободный доступ в страну представителям печати западных стран. Истинные мотивы этого требования высказал

---

[1] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 130.
[2] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 209.
[3] См. там же, стр. 221.

Черчилль, когда он, отдавая должное новому польскому правительству, говорил, что «оно не дает всего того, чего мы желали бы...»[1]. Известно, что США и Англия все еще надеялись на возвращение к власти в Польше реакционных сил.

Американские и английские представители настаивали также на том, чтобы Временное польское правительство национального единства признало финансовые обязательства (пассивы) эмигрантского правительства в отношении правительств Англии и США. «Мы,— говорил Трумэн,— не можем принимать на себя обязательство передать все активы польскому правительству без обсуждения обязательств с его стороны»[2]. «Для нас,— заявил Черчилль,— конечно, этот вопрос более важен, чем для США, на том основании, что мы выдали большие авансы бывшему лондонскому польскому правительству»[3].

В связи с этим глава советской делегации заметил: «Мы дали определенные средства правительству Сикорского, а также на организацию армии Временного национального правительства. Но мы считаем, что польский народ искупил своей кровью этот долг»[4].

После подробного обсуждения польского вопроса, при котором было принято во внимание и мнение представителей Временного польского правительства национального единства, приглашенных в Потсдам, на конференции был утвержден компромиссный текст заявления по польскому вопросу. В нем выражалось удовлетворение по случаю образования в Польше Правительства национального единства, признанного всеми тремя державами.

В заявлении трех держав по польскому вопросу указывалось, что установление дипломатических отношений США и Англии с Временным польским правительством «привело к прекращению признания ими бывшего Польского Правительства в Лондоне, которое больше не существует»[5]. Трумэн и Черчилль сочли неудобным делать публичные заявления относительно взаимных финансовых обязательств с Польшей.

Таким образом, провалились все попытки США и Англии оттянуть срок окончательной ликвидации бывшего польского эмигрантского правительства. В заявлении указывалось, что правительства США и Англии приняли меры по защите интересов Временного польского правительства национального единства в отношении собственности польского государства, находящейся на их территориях и под их контролем, «неза-

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 223.
[2] Там же, стр. 261.
[3] Там же, стр. 262.
[4] Там же.
[5] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 131.

висимо от того, какую форму эта собственность имеет». Они обязались предоставить этому правительству «все возможности для применения обычных юридических мер по восстановлению любой собственности Польского Государства, которая могла быть незаконно отчуждена». Было принято к сведению заявление Временного польского правительства национального единства о проведении в скором времени свободных и ничем не воспрепятствованных выборов в Польше и о допуске представителей печати союзников в Польшу[1].

Принятие заявления по польскому вопросу отвечало интересам Польши, укрепляло в ней власть Временного правительства национального единства и устраняло поводы, по которым США и Англия и впредь могли бы вмешиваться во внутренние дела польского народа.

Одновременно на конференции обсуждался вопрос о западной границе Польши. Исходя из смысла Крымского соглашения о том, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе и что по вопросу о размерах этих приращений будет спрошено мнение нового польского правительства, советская делегация предложила участникам конференции высказаться относительно мнения Временного правительства национального единства о западной границе Польши, содержавшегося в его письме, направленном трем правительствам. Одновременно, поддерживая позицию польского правительства, советская делегация внесла на утверждение конференции проект соглашения об установлении западной границы Польши по линии, идущей от Балтийского моря через Свинемюнде до Одера, включая Штеттин в состав Польши, далее вверх по течению Одера до устья Нейсе и отсюда по реке Западная Нейсе до чехословацкой границы[2]. И. В. Сталин отмечал, что зоной, которая отходит к Польше согласно внесенному предложению, «Польша фактически уже управляет и имеет там свою администрацию; русской администрации там нет»[3].

Американская и английская делегации, увидев, что с укреплением Польского правительства национального единства рушатся их надежды на превращение Польши в «санитарный кордон» против Советского Союза, пытались уклониться от решения в Потсдаме вопроса о западной границе Польши. Черчилль и Трумэн сначала ссылались на то, что «время для

---

[1] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 131.

[2] АВП СССР. Советское предложение по вопросу о западной границе Польши, внесенное советской делегацией 20 июля 1945 г. на Потсдамской конференции.

[3] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 347.

этого еще не пришло» и что «определение будущих границ принадлежит мирной конференции»[1]. Затем, под влиянием аргументов советской делегации и учитывая фактическое положение на территориях, передаваемых Польше, они пошли на обсуждение этого вопроса, но связали его с другими вопросами. Трумэн, в частности, говорил, что у него «нет никаких возражений против высказанного мнения относительно будущей границы Польши», но что он не может «согласиться с изъятием восточной части Германии 1937 года в смысле разрешения вопроса о репарациях и снабжения продовольствием и углем всего германского населения»[2]. Черчилль поддерживал тот же тезис. Он заявил, что, если Польша будет иметь такую территорию, «это поведет к подрыву экономического положения Германии...»[3]. Одновременно Черчилль пытался мотивировать свое отрицательное отношение к предложению советской делегации, исходя из своей «теории компенсации». Черчилль говорил, что «сейчас Польша требует для себя гораздо больше, чем она отдает на востоке»[4]. Он предложил впредь до мирной конференции «провести временную линию, на восток от которой территория была бы занята поляками, как часть Польши, до окончательного урегулирования вопроса на мирной конференции; а к западу от этой линии поляки, если они там окажутся, могли бы действовать в качестве представителей Советского правительства в зоне, предоставленной Советскому Союзу»[5]. Глава советской делегации ответил Черчиллю: «Здесь рассматривается вопрос о границах, а не о временной линии»[6]. Ввиду возникших по этому вопросу разногласий на конференции советская делегация настояла на приглашении представителей нового польского правительства для изложения своего мнения.

После бесед с польской делегацией, доказавшей справедливость своего предложения о западной границе Польши как с исторической и экономической точек зрения, так и с точки зрения безопасности, Черчилль и Трумэн согласились принять окончательное решение о западной границе Польши на Потсдамской конференции. Однако они по-прежнему обусловливали свое согласие на это принятием советской делегацией их предложений по вопросу о репарациях с Германии, а также по вопросу о допуске в ООН стран, воевавших на стороне Германии. После того как вопрос о репарациях с Германии был

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 268.
[2] Там же, стр. 267, 274.
[3] Там же, стр. 278.
[4] Там же, стр. 271.
[5] Там же, стр. 281—282.
[6] Там же, стр. 284.

решен, три правительства пришли к соглашению о новой границе Польши на западе, как она предусматривалась в польских предложениях, поддержанных советской делегацией, т. е. по линии Одер — Западная Нейсе. В решениях конференции было записано, что «бывшие германские территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свинемюнде и отсюда вдоль реки Одер до слияния с рекой Западная Нейсе и вдоль реки Западная Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской Конференции не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего Свободного города Данцига,— должны находиться под управлением Польского Государства и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации Германии»[1]. Следовательно, Потсдамское соглашение говорит о землях к востоку от линии Одер — Нейсе как о бывших германских территориях. Эти земли, в отличие от других частей бывшей Германии, не были оккупированы, а передавались польскому государству, т. е. исключались из состава германской территории. По просьбе правительств США и Англии в решении было сказано, что «окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирного урегулирования»[2]. Однако под «окончательным определением» западной границы Польши в Потсдамских документах понимается не что иное, как окончательная демаркация границы. Показательно, что даже английский текст Потсдамского соглашения говорит о «Final delimitation», т. е. об окончательной демаркации границы[3]. В отличие от описания линии границы, данного в Потсдамских соглашениях, делимитация означала точное картографическое определение границы. Это совершенно естественно, поскольку делимитация западной границы Польши не могла входить в задачу Потсдамской конференции, решившей главный в данном случае политический вопрос — передачу под суверенитет Польши территорий к востоку от линии Одер — Нейсе[4]. Уже на конференции было достигнуто соглашение о перемещении в Германию «немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии»[5], что

---

[1] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 131—132.
[2] Там же, стр. 131.
[3] "Berlin. Quellen und Dokumente 1945—1951. I Halbband. Herausgegeben im Auftrage des Senats von Berlin". Westberlin, 1964, S. 93.
[4] См. *Ю. Ржевский.* Европейская безопасность и незыблемость границ.— «Международная жизнь», 1970, № 4, стр. 118—119.
[5] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 133.

подкрепляло установленную линию западной границы Польши.

Таким образом, в Потсдаме были признаны права Польши на ее старые пястовские земли. Впервые в истории Польши была окончательно и справедливо решена проблема ее государственных границ. Как известно, постановление Потсдама о делимитации западной польской границы было осуществлено в Згожелецком (Гёрлицком) договоре об обозначении установленной и существующей государственной границы между ГДР и Польшей от 6 июля 1950 г., т. е. между двумя суверенными государствами: народной Польшей и первым социалистическим государством немецких трудящихся — Германской Демократической Республикой. Договор Польской Народной Республики с Федеративной Республикой Германии (1970 г.) также подтвердил нерушимость западной границы Польского государства.

Соглашение о заключении мирных договоров и допуске в ООН

На Потсдамской конференции состоялась острая дискуссия о политике в отношении европейских стран, воевавших на стороне Германии, но затем порвавших с ней и внесших свой вклад в дело разгрома фашизма. Делегация США при поддержке английских представителей предприняла бурную дипломатическую атаку на народно-демократический строй, установленный в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, интересы которых защищал Советский Союз.

Американская делегация представила на обсуждение конференции меморандум о выполнении в Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии Крымской декларации об освобожденной Европе. В нем предлагалось «согласиться с необходимостью немедленной реорганизации теперешних правительств Румынии и Болгарии...». По утверждению делегации США, в составе этих правительств не было представителей «всех значительных демократических групп». Только после реорганизации правительств Румынии и Болгарии, согласно американским предложениям, могло «последовать дипломатическое признание их со стороны союзных держав и заключение соответствующих договоров». В меморандуме США предлагалось, чтобы правительства трех держав обсудили, «как лучше помочь работе временных правительств по проведению свободных и беспристрастных выборов». «Такая помощь,— говорилось в меморандуме,— будет требоваться в Румынии, Болгарии и, возможно, в других странах»[1].

В то же время американская делегация внесла на рассмотрение Потсдамской конференции документ о политике в отно-

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 205.

шении Италии, в котором, проявляя «наилучшие намерения» по отношению к правительству этой страны, находящейся под контролем США и Англии, рекомендовала прекратить действие условий капитуляции Италии, создать некоторое промежуточное положение между условиями капитуляции и будущим мирным договором, признать вклад Италии в дело поражения Германии и оказать ей поддержку по вопросу вступления ее в ООН [1]. Английская делегация согласилась в принципе с тем, чтобы Совет министров иностранных дел начал работать над подготовкой мирного договора для Италии.

Советская делегация, ознакомившись с документами США, не могла не отметить предвзятого и неодинакового подхода США и Англии к освобожденным странам Европы. В связи с этим И. В. Сталин отметил, что в проектах США создается искусственное деление: «...с одной стороны, Италия, положение которой облегчается, а с другой стороны — Румыния, Болгария, Венгрия и Финляндия, положение которых не предполагается облегчить». «Облегчение для Италии,— указывал глава советской делегации,— было начато с того, что с ней восстановили дипломатические отношения. Теперь предлагается второй шаг— включение Италии в Организацию Объединенных Наций. Хорошо, давайте сделаем этот второй шаг в отношении Италии, но и в отношении других упомянутых стран я предлагаю в таком случае предпринять первый шаг... то есть восстановить дипломатические отношения с ними» [2].

В результате обсуждения вопроса о допуске в ООН стран, воевавших на стороне гитлеровской Германии, в том числе Италии, было принято соглашение «Заключение мирных договоров и допущение в Организацию Объединенных Наций». Три правительства включили в качестве первоочередной задачи Совета министров иностранных дел подготовку мирного договора для Италии и подтвердили свое желание после заключения такого мирного договора с признанным демократическим правительством Италии поддержать просьбу Италии о приеме ее в члены ООН. Одновременно на Совет министров иностранных дел возлагалась задача подготовки мирных договоров для Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии. Три правительства обязались также после заключения мирных договоров с признанными демократическими правительствами этих государств поддержать их просьбу о принятии в ООН. Кроме того, в соглашение был включен пункт, по которому три правительства, каждое в отдельности, согласны были изучить «в ближайшее время» вопрос «об установлении в возможной степени дипло-

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 205—207.
[2] Там же, стр. 306—307.

матических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами»[1]. Тем самым потерпела провал попытка США и Англии навязать свои условия признания правительств стран Юго-Восточной Европы.

По предложению английской делегации три правительства решили поддержать просьбу о принятии в ООН тех государств, которые оставались нейтральными в ходе войны. Они решили, однако, как это и предложила делегация СССР, не поддерживать просьбу о приеме в ООН испанского правительства Франко, созданного при поддержке держав «оси», хотя английское правительство не согласилось пойти на разрыв дипломатических отношений с Франко.

Потсдамское соглашение «Заключение мирных договоров и допущение в Организацию Объединенных Наций» свидетельствовало о проявлении реализма со стороны руководителей великих держав. Благодаря Советскому Союзу, которому всегда было чуждо чувство мести к бывшим вражеским государствам, в этом соглашении восторжествовал принцип справедливости и гуманности. В нем ярко проявилась линия СССР на скорейшую ликвидацию последствий войны. Соглашение соответствовало интересам мирного и демократического развития Европы.

Переговоры и решения по другим вопросам, касающимся освобожденных народов

На конференции обсуждались многие другие вопросы, затрагивающие интересы освобожденных народов. Советская делегация внесла на рассмотрение трех правительств также документы об Австрии, о Сирии и Ливане, об опекаемых территориях. Во всех предложениях правительства СССР красной нитью проходила забота о скорейшей ликвидации последствий войны, о предоставлении освобожденным народам права самим определять свою судьбу.

Стремлением к восстановлению независимости Австрийского государства было проникнуто предложение Советского правительства о распространении компетенции Временного правительства Карла Реннера на всю Австрию[2]. Это правительство, возникшее в конце апреля 1945 г. в Вене после освобождения ее советскими войсками, пользовалось доверием населения и было немедленно признано Советским Союзом. Однако США и Англия отказывались последовать примеру СССР, связав признание правительства К. Реннера с необходимостью «ознакомиться с положением» после ввода своих войск в Вену. Во

[1] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 132.
[2] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 301, 316.

время конференции, 22 июля 1945 г., И. В. Сталин, обращаясь к Г. Трумэну и У. Черчиллю, заметил, что в «Вену уже вступили передовые отряды союзных войск»[1]. Однако Трумэн и Черчилль настояли, чтобы в решении об Австрии было записано, что три правительства «готовы изучить этот вопрос после вступления британских и американских войск в г. Вену»[2].

По соглашению союзников, подготовленному Европейской консультативной комиссией и опубликованному 9 августа 1945 г., Австрия оккупировалась войсками четырех держав — СССР, США, Англии и Франции, располагавшимися по зонам. В Вене также находились войска четырех держав, которым отводились отдельные секторы. В Австрии был учрежден контрольный механизм союзников, состоящий из Союзнического совета, Исполнительного комитета и персонала, назначаемого четырьмя правительствами. Вся эта система контрольных органов была названа Союзнической комиссией по Австрии. Для совместного управления городом Веной была создана межсоюзническая комендатура. Союзническая комиссия по Австрии имела задачей: a) добиться отделения Австрии от Германии; b) обеспечить скорейшее создание центрального австрийского административного аппарата; c) подготовить почву для образования свободно избранного австрийского правительства; d) обеспечить до того времени поддержание удовлетворительного административного управления в Австрии[3]. Но лишь в октябре 1945 г. США и Англия установили дипломатические отношения с Временным правительством Австрии, власть которого распространилась на всю страну.

Советское правительство стремилось оказать содействие Сирии и Ливану в скорейшем избавлении от засилья иностранных — английских и французских — войск, которые вступили туда для изгнания войск Виши, но продолжали оккупировать территорию Сирии и Ливана, обостряя обстановку в этом районе, и после выполнения военной задачи. «Мы бы хотели,— говорил глава советской делегации в Потсдаме,— чтобы нам дали соответствующую информацию по этому поводу...» При этом он пояснил, что было обращение к Советскому правительству правительства Сирии, «чтобы мы вмешались в это дело»[4]. Черчилль был вынужден заявить на конференции, что Англия не имеет «ни намерения, ни желания получить какие-либо преимущества в этих странах...». Он выразил надежду достигнуть «если не соглашения, то урегулирования этого вопроса

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 275.

[2] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 130.

[3] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 371.

[4] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 277.

с французами, которое гарантировало бы независимость Сирии и Ливана...», а Франции обеспечило бы «некоторое признание ее культурных и коммерческих интересов»[1]. В ответ на реплику Трумэна, что «эти районы должны быть одинаково доступными для всех государств», Черчилль ответил, что «мы не обязались уж слишком стараться, чтобы Франция сохранила там свои привилегии»[2]. «Позвольте мне еще раз повторить здесь,— говорил Черчилль во время обсуждения вопроса о Сирии и Ливане,— что Великобритания не желает оставаться там ни одного дня дольше, чем это необходимо»[3].

Советская делегация не настаивала на дальнейшем обсуждении этого вопроса. Поскольку, однако, и после конференции англичане совместно с французами тормозили выполнение своих обещаний о выводе войск из Сирии и Ливана, этот вопрос по просьбе сирийского и ливанского правительств был поставлен на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Советский Союз снова поддержал Сирию и Ливан, и иностранные войска вынуждены были покинуть территорию этих стран.

Советская делегация предложила конференции обсудить в принципе вопрос о некоторых территориях, которые согласно Уставу ООН подпадали под международную опеку (о бывших итальянских колониях и подмандатных территориях), с тем чтобы затем передать этот вопрос на детальное рассмотрение Совещания министров иностранных дел[4]. На конференции глава правительства СССР заявил о желании СССР принять участие в управлении этими территориями[5]. Советское предложение вполне соответствовало той решающей роли социалистического государства, которую оно сыграло в разгроме фашистских государств. Кроме того, Советское правительство имело огромный опыт в деле превращения бывших колоний русского царизма в свободные и цветущие республики.

Правительства Англии и США, стремившиеся использовать и систему опеки для сохранения колониальной зависимости подопечных территорий, не пошли на принятие советского предложения. Вопрос был передан на рассмотрение Совета министров иностранных дел.

На Потсдамской конференции советская делегация неизменно выступала в защиту всех освобожденных народов, против попыток любого вмешательства в их внутренние дела. Английская делегация внесла на рассмотрение трех правительств документ о Югославии, в котором предлагалось указать юго-

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 298.
[2] Там же, стр. 299.
[3] Там же, стр. 298.
[4] См. там же, стр. 285.
[5] См. там же, стр. 208.

славскому правительству, возглавляемому маршалом Тито, на невыполнение якобы им Крымских решений о Югославии[1]. Черчилль никак не мог примириться с тем, что в Югославии победил народно-демократический строй. Он клеветал на народное правительство Тито, обвиняя его в недемократических методах управления страной. «Мы видим,— заявлял он при этом,— что положение в Югославии не оправдывает наших надежд, выраженных в декларации Крымской конференции»[2].

Глава советской делегации заявил по этому поводу: «По-моему, решения Крымской конференции выполняются маршалом Тито полностью и целиком»[3]. Советская делегация предложила пригласить представителей Югославии на конференцию, если будет решено обсуждать югославский вопрос. «Нельзя сейчас решать вопроса без участия югославских представителей,— говорил И. В. Сталин.— Тогда было два правительства, и они никак не могли помириться между собой. Мы в это дело вмешались. А теперь там одно законное правительство... Нельзя судить целое государство, не заслушав его представителей»[4]. Черчилль, а за ним Трумэн продолжали, однако, настаивать на обсуждении английского документа. Тем временем советская делегация внесла на рассмотрение конференции документ относительно Триеста и Истрии. В нем было изложено заявление югославского правительства о невыполнении Англией и США соглашения с Югославией от 9 июня 1945 г. об установлении временной военной администрации в названных районах и указывалось на восстановление в них итало-фашистских законов и администрации.

Кроме того, советская делегация представила документ относительно необходимости устранения ненормального положения в Греции, создавшегося там в результате вмешательства Англии. Руководители английской делегации оказались в весьма невыгодном положении. Министр иностранных дел Англии Эрнест Бевин предложил отказаться от рассмотрения на конференции всех трех предложений: и английского предложения о Югославии, и советских документов о Югославии и Греции. Конференция согласилась с этим[5].

Американское правительство попыталось на конференции в Потсдаме добиться права вмешательства во внутренние дела освобожденных народов Европы, и прежде всего Придунайских стран народной демократии, под предлогом установления свободной и неограниченной навигации по всем международным

---

[1] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 240—242.
[2] Там же, стр. 241.
[3] Там же, стр. 242.
[4] Там же, стр. 240, 241.
[5] См. там же, стр. 354.

внутренним водным путям. Правительство США считало, что «такая свободная и неограниченная навигация должна быть установлена по таким внутренним водным путям, которые проходят по территории двух или более государств, и что она должна регулироваться международными органами, в которых будут представлены все заинтересованные государства»[1]. В первую очередь Трумэн предлагал создать временные навигационные органы для Дуная и Рейна. Членами этих органов, по мнению правительства США, должны были стать США, Англия, СССР, Франция и суверенные прибрежные государства, признанные правительствами этих держав. Создать такие органы Трумэн предлагал «как можно скорее»[2]. «...Мы считаем, что конвенция в Монтрё должна быть пересмотрена,— говорил Трумэн.— Мы думаем, что черноморские проливы должны стать свободным водным путем, открытым для всего мира, и право свободного прохода через проливы для всех судов должно быть гарантировано всеми нами»[3]. Английское правительство поддержало предложение США «относительно исправления конвенции в Монтрё» с тем, чтобы «обеспечить Советской России свободный и беспрепятственный проход через проливы ее торгового и военного флота как в мирное, так и в военное время». Черчилль поддержал также предложение Трумэна о том, что свободный режим в этих проливах должен быть гарантирован великими державами, а также согласился в принципе с общими линиями заявления президента США и относительно других водных путей[4].

Советская делегация отрицательно отнеслась к американскому предложению о внутренних водных путях, основанному на империалистическом принципе обеспечения «равных возможностей», «открытых дверей» и означавшему новую попытку навязать свой контроль над внутренней жизнью таких государств, как Болгария, Румыния, Венгрия, Югославия и др. И. В. Сталин сначала сказал, что «нужно вчитаться в предложения президента», а затем заявил, что «в списке вопросов» этот вопрос «не стоял, мы к этому вопросу не готовились...»[5]. Американское предложение было передано на рассмотрение предстоящего заседания Совета министров иностранных дел[6].

Что же касается черноморских проливов, то советская делегация на конференции 22 июля 1945 г. вручила делегациям США и Великобритании следующие предложения: «Междуна-

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 294.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 293.
[4] См. там же, стр. 295.
[5] Там же, стр. 295, 371.
[6] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 134.

родная конвенция о режиме проливов, подписанная в Монтрё, как не соответствующая современным условиям, должна быть отменена; установление режима проливов, как единственного морского пути из Черного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза, как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасности в черноморских проливах»[1]. Это предложение учитывало печальный опыт второй мировой войны, когда черноморские проливы были использованы государствами гитлеровской коалиции в целях, враждебных черноморским странам, в особенности СССР. Предложение СССР было рассчитано, следовательно, исключительно на взаимное согласие с Турцией по этому вопросу. Оно не содержало никакого стремления Советского правительства ущемить суверенные права Турции, как это пытались истолковать представители США и Англии. На Тегеранской конференции Черчилль сам говорил союзникам о желании получить от турок авиабазы в районе Смирны, чтобы использовать их для войны против немцев[2]. В Потсдаме же Черчилль связал вопрос о проливах с высказанными в тот же период советскими предложениями о некотором исправлении границ СССР с Турцией, внесенными во время переговоров о заключении союзного договора между обеими странами, и стал обвинять СССР в угрозе Турции. Черчилль договорился даже до того, что советские войска якобы концентрировались в Болгарии, на границе с Турцией. И. В. Сталин опроверг домыслы Черчилля[3].

На конференции в Потсдаме было решено, что конвенция о проливах, заключенная в Монтрё, должна быть пересмотрена и что данный вопрос станет темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и Турцией[4].

Потсдамская конференция обсудила ряд других послевоенных вопросов, поставленных делегациями СССР, США и Англии (о международной зоне Танжера, о конференции по внутриевро-

---

[1] АВП СССР. Предложения Советского правительства, внесенные на совещании глав трех правительств в Потсдаме 22 июля 1945 г.

[2] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 42.

[3] "Forcign Relations... The Conference of Berlin, 1945", vol. II, p. 302—303.

[4] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 134.

В последующих переговорах не было достигнуто согласия по вопросу о пересмотре конвенции, заключенной в Монтрё. Правительство Турции восприняло болезненно советские предложения. Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительство СССР заявило 30 мая 1953 г., что оно считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Советское правительство заявило тогда же, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции (см. «Правда», 19 июля 1953 г.).

пейскому транспорту, о выводе войск из Ирана и др.). Советское правительство стремилось при рассмотрении всех вопросов обеспечить мир и безопасность народов и укрепление их сотрудничества после войны. По ряду вопросов стороны ограничились обсуждением на конференции, а некоторые из них были переданы на рассмотрение Совета министров иностранных дел, который должен был собраться в Лондоне в сентябре 1945 г.

Потсдамская декларация о Японии

На конференции в Потсдаме обсуждались вопросы, связанные с ведением войны против Японии, происходили встречи начальников штабов трех стран по военным вопросам. В Потсдаме для руководителей США и Англии было крайне важно «получить личное подтверждение от И. В. Сталина, что СССР вступит в войну с Японией».

Летом 1945 г. американские военные специалисты считали, что «ни блокада, ни бомбардировки сами по себе не смогут обеспечить безоговорочной капитуляции Японии»[1]. Высшее командование США понимало, что использование двух атомных бомб, имевшихся в распоряжении США, не сможет обеспечить капитуляцию Японии. Начальник штаба армии США Дж. Маршалл в своих записках, опубликованных в 1959 г., отмечает, что «в первоначальных планах вторжения в Японию мы хотели иметь девять атомных бомб для трех атак». Два удара (шесть атомных бомб) предполагалось нанести по армии, а три бомбы использовать против резервов, «которые, как мы были уверены, были расположены в провинции»[2]. После опытного взрыва атомной бомбы 16 июля, накануне открытия Потсдамской конференции, Трумэн считал важной задачей американской дипломатии на конференции в Потсдаме добиваться участия СССР в войне на Дальнем Востоке[3]. 24 июля Объединенный комитет начальников штабов доложил Трумэну и Черчиллю план, в котором предлагалось «поощрять вступление России в войну против Японии»[4]. При этом американские и английские военные руководители считали, что победу над Японией не удастся одержать ранее 15 ноября 1946 г.[5]. Трумэн и Черчилль одобрили представленный план[6]. В ходе переговоров на конференции они получили от советской делегации подтверждение того, что СССР выполнит свой союзнический долг. Начальник

---

[1] *L. Morton.* The Decision to use the Atomic Bomb.— "Foreign affairs" January, 1957, p. 334—338.
[2] "US News and World Report", November 9, 1959, p. 53.
[3] "The Memoirs of Harry S. Truman", vol. I, p. 411.
[4] Ibid., p. 382.
[5] Ibidem.
[6] Ibid., p. 381.

Генерального штаба Красной Армии генерал армии А. И. Антонов подтвердил, что советские войска сосредоточиваются на Дальнем Востоке, но открытие военных действий будет зависеть от советско-китайских переговоров, начавшихся накануне Потсдамской конференции. Генерал А. И. Антонов заявил, что целью военных действий Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке является разгром японских войск в Северо-Восточном Китае и выход к Ляодунскому полуострову[1]. Глава Советского правительства сообщил на конференции, что Советский Союз вновь ответит отказом на полученное Советским правительством от японского правительства новое предложение о посредничестве[2].

Советский Союз последовательно придерживался достигнутой договоренности. В то же время Черчилль и Трумэн, пытаясь склонить Японию к скорейшей капитуляции, опубликовали 26 июля 1945 г. Потсдамскую декларацию США, Англии и Китая, в которой призывали правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию на предъявленных условиях. «Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки»[3],— говорилось в этом документе.

Подготовка и опубликование этой Декларации происходили без участия СССР. Советская делегация в Потсдаме получила 26 июля 1945 г., т. е. в день ее подписания, лишь копию «для сведения». А когда с советской стороны было выражено пожелание отложить опубликование Декларации на три дня, американские руководители ответили: «Декларация уже передана агентствам, и опубликование отложить невозможно»[4]. Это была попытка западных держав добиться прекращения войны дипломатическим путем, прежде чем СССР выступит против Японии. Несмотря на крайнюю заинтересованность в помощи СССР в войне против Японии, правящие круги США и Англии проявляли империалистические тенденции к устранению СССР от решения послевоенных вопросов, касающихся Японии. Глава советской делегации снова подчеркивал на конференции приверженность СССР к межсоюзническому сотрудничеству по вопросу о Японии. Сообщая о предложении Японии Советскому Союзу о посредничестве, И. В. Сталин гово-

---

[1] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 5, стр. 539.

[2] См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 327.

[3] «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 105.

[4] АВП СССР. Запись телефонного разговора между секретарем наркома иностранных дел СССР В. Н. Павловым и членом американской делегации на конференции глав трех правительств Мэтьюсом в Бабельсберге 26 июля 1945 г.

рил: «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях»[1]. Советское правительство ставило на первое место интересы народов, их желание скорее разгромить японских агрессоров и приблизить желанный мир и на Дальнем Востоке. Поскольку в Декларации было выражено это главное стремление народов, Советское правительство позже присоединилось к ней, о чем и было официально объявлено 8 августа 1945 г.[2]

Итоги и значение конференции

Потсдамская конференция завершилась подписанием 1 августа 1945 г. главами правительств СССР, США и Англии Протокола и Сообщения о Берлинской конференции трех держав. В первых числах августа основные соглашения, принятые в Потсдаме, были направлены Франции с предложением присоединиться к ним. Французское правительство дало принципиальное согласие. Потсдамские решения, основные из которых были тогда же опубликованы в Сообщении о конференции, были одобрены и поддержаны другими государствами мира.

Всеобщее признание получили демократические принципы утверждения мира и безопасности в Европе и во всем мире, выработанные в Потсдаме, а именно:

главное условие безопасности в Европе — недопущение возрождения германского милитаризма и нацизма;

межгосударственные отношения должны строиться на принципах суверенитета и национальной независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела.

Потсдамские решения явились убедительным выражением сотрудничества между великими державами, которое помогло победе в смертельной схватке с фашизмом и должно было стать гарантией мира, безопасности и сотрудничества народов во всем мире после того, как отгремели военные битвы.

Потсдамская конференция показала, что вопреки упорному противодействию империалистических сил можно и нужно решать все возникающие спорные вопросы путем переговоров. В Потсдаме советская дипломатия выдержала упорную борьбу за принятие справедливых решений, которые отвечали бы интересам народов Европы и всех прогрессивных сил нашей планеты.

Несмотря на все трудности в работе конференции, вызванные попытками правительств США и Англии проводить «жесткий курс» в отношениях с Советским Союзом, Потсдамская конференция завершилась торжеством реализма.

---

[1] «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 327.
[2] См. главу двадцать вторую, стр. 721—722.

Потсдам — это признание нового соотношения сил в Европе и во всем мире, признание все возрастающей роли социализма в решении международных проблем в интересах всего человечества. Потсдам — это незыблемость всех европейских границ. Потсдам — это победа сил мира над силами реакции и войны. «Социалистические государства и все миролюбивые народы Европы,— говорил Л. И. Брежнев в Праге 7 мая 1970 г.,— с полным основанием настаивают на прочных гарантиях того, что ни сегодня, ни завтра, никогда с немецкой земли не будет исходить угроза новой агрессии. Таковы смысл и дух исторических Потсдамских решений»[1].

Решения, принятые в Потсдаме, увенчали великую освободительную борьбу советского народа, народов всех союзных держав, всех тех, кто внес вклад в разгром германского фашизма.

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3, стр. 20.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ДИПЛОМАТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ ВОЙНЫ И БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ. ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Военно-политическое положение Японии в начале 1945 г. и маневры японской дипломатии

В конце 1944 — начале 1945 г., когда приближался час окончательного разгрома Германии, с каждым днем осложнялось и положение Японии. Вооруженные силы союзников активизировали свои действия на тихоокеанском военном театре. Военно-воздушные силы США расширяли налеты на Японию.

Войска союзников почти полностью освободили Филиппины и Бирму, опираясь на поддержку народной антияпонской армии Хукбалахап на Филиппинах и национальной армии и партизанских групп под руководством Аун Сана в Бирме.

Англо-американская блокада не смогла, однако, отрезать Японию от важнейших источников снабжения стратегическим сырьем и вооружением. По-прежнему из Северо-Восточного Китая Япония получала железную руду, каменный уголь и другое сырье. Из Южного и Центрального Китая и Кореи шло продовольствие. Все это позволяло японской военщине надеяться, что Япония имеет реальные возможности для успешного сопротивления США и Англии. Расчет строился и на том, что японские сухопутные силы смогут успешно сопротивляться на собственно японских островах и оккупированных территориях — в Китае и Юго-Восточной Азии. Вместе с тем в правящих классах Японии были круги, видевшие бесперспективность войны и склонные к компромиссному миру.

По вопросам войны и мира в Японии обострилась борьба между двумя группировками — сторонниками прекращения войны на условиях компромиссного мира и сторонниками продолжения войны. Обе группировки стремились сохранить существующий режим в Японии. При этом «сторонники мира», фактически признавая военное поражение Японии, опасались революционных последствий для режима в случае затягивания уже проигранной войны. Сторонники же продолжения войны полагали, что только победа обеспечит сохранение существующего строя в стране. Ряд буржуазных историков, а также

авторы многочисленных мемуаров, изданных в послевоенное время, преувеличивают размеры разногласий между этими группировками. Они стремятся все свалить на военных лидеров, изобразить правящие группировки в виде жертв японской военщины[1]. «Это была разница двух тактик, каждая из которых преследовала цель сохранить старый государственный строй. Линия на заключение мира и линия на продолжение войны были только двумя сторонами одной и той же политики защиты государственного строя»[2].

В декабре 1944 г. главная ставка Японии разработала «План руководства войной на середину 1945 года». Планом предусматривалась подготовка к военным действиям на территории Японии. При этом генеральный штаб исходил из того, что союзные армии высадятся в Японии в середине 1945 г., и в этом случае рекомендовал следующие меры: «Продолжая решительные усилия в области ведения войны и рассчитывая на благоприятный поворот в военных событиях, империя в то же время немедленно создаст систему активной обороны, опирающуюся на Японию, Маньчжурию, Китай, и будет упорно вести затяжную войну»[3].

В окончательном виде план был изложен в так называемой «Программе чрезвычайных мер, необходимых для достижения победы». 25 января 1945 г. программа была утверждена на заседании Высшего совета по руководству войной. Программа не только конкретизировала предыдущий план, но и предусматривала консолидацию государственной политики и военного руководства. В числе других мер предусматривался подъем производства, пострадавшего от воздушных налетов. Однако при осуществлении этой меры правящим кругам пришлось разрешать новые трудные задачи. Трудящиеся Японии, все более понимавшие безрассудность политики продолжения войны, прибегали к саботажу на военных предприятиях. К тому же резервы рабочей силы были полностью исчерпаны.

Народ не откликнулся на призыв мобилизовать все силы для победы и требовал мира. 23 декабря 1944 г. серьезные волнения произошли в Токио, Иокогаме и Кобе. Демонстранты маршировали по улицам с призывами «Долой войну». Толпы людей собрались у здания германского посольства в Токио с плакатами, на которых было написано: «Отделиться от Германии». Волнения продолжались и на следующий день.

---

[1] Особенно характерно в этом отношении издание, подготовленное МИД Японии,— «Сюсен сироку» («Исторические документы об окончании войны»). Токио, 1952 (на японском языке).

[2] «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 185.

[3] Цит. по кн.: «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 156. См. также *Т. Хаттори*. Япония в войне 1941—1945. М., 1973, стр. 492.

В феврале 1945 г. американские войска высадились на острове Иводзима из группы островов Огасавара, что приближало базы ВВС США более чем на тысячу километров к основным японским центрам.

Среди правящих кругов Японии усилилось движение за выход из войны. Образовалась так называемая «партия мира». В нее вошли старейшие политические деятели — бывшие премьер-министры Вакацуки, Окада, Коноэ, видные дипломаты Того и Сигемицу, представители придворных кругов — министр двора Мацудайра, министр-хранитель печати Кидо и др. Эту группировку, считавшую необходимым добиваться прекращения войны, поддерживал ряд дипломатических японских представителей за границей, видевших неизбежность поражения Японии. «Партия мира» считала, что война проиграна и надо искать выхода из нее путем заключения компромиссного мира. На первых порах она не проявляла большой активности, ограничиваясь закулисными переговорами и попытками воздействовать на императора, чтобы он использовал свой авторитет для давления на армейскую верхушку.

В феврале 1945 г. Вакацуки, Окада, Коноэ, каждый в отдельности, написали обращения к императору, в которых указывали, что дальнейшее продолжение войны «сыграет только на руку коммунистам». Они считали, что, поскольку поражение неизбежно, лучше заключить компромиссный мир и максимально сохранить государственную структуру[1]. Коноэ в докладе императору подчеркивал, что «наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением»[2].

Несмотря на отсутствие определенной реакции со стороны западных держав, сторонники «партии мира» продолжали поддерживать контакт со шведским посланником Багге[3]. В марте 1945 г. директор газеты «Асахи» Бунсиро Судзуки передал о своих разговорах с Багге министру иностранных дел Сигемицу. Последний охотно поддержал позицию Коноэ и направил к Багге бывшего посланника в Финляндии Тадаси Сакая, находившегося с ним в дружеских отношениях. Багге высказал Сакая свою уверенность в том, что союзники не будут настаивать на безоговорочной капитуляции, если Япония предложит заключить мир. Если Япония проявит инициативу, заявил он, императорский дом будет сохранен[4]. Сакая немед-

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 180.
[2] Там же, Приложения, стр. 252.
[3] См. главу четырнадцатую, стр. 449.
[4] *М. Сигемицу.* Сева но доран (Потрясения в период Сева). Токио, 1952, стр. 262—263 (на японск. яз.).

ленно поставил Сигемицу в известность об этих словах Багге. Сигемицу лично встретился с Багге. Министр обвинил в неудачах на фронте руководящие военные круги. «Теперь дипломаты должны вывести страну из кризиса»,— сказал он шведскому дипломату. Он «очень серьезно» просил шведского посланника узнать, «какой мир хотят заключить Англия и США»[1], и сделать все возможное, чтобы помочь Японии начать мирные переговоры. Сигемицу ожидал, что Багге, прибыв в Стокгольм, немедленно доложит обо всем шведскому правительству[2].

В то же время вопреки мнению военщины и министра иностранных дел Сигемицу, которые не захотели осенью 1944 г. принять предложение начальника штаба Объединенного флота контр-адмирала Угаки об установлении контакта с гоминьдановскими властями, премьер-министр Койсо решил по собственной инициативе предпринять шаги для установления прямой связи с чунцинским правительством. Он надеялся сговориться с Чан Кай-ши о мире и через его посредничество добиться компромисса с Англией и США.

В конце марта 1945 г. в Токио был приглашен один из руководящих чиновников марионеточного нанкинского правительства Ван Цзин-вэя — Мяо Бин, тесно связанный с бывшим военным министром правительства Чан Кай-ши — Хэ Ин-цинем и начальником секретной политической разведки Чан Кай-ши генералом Дай Ли[3].

Койсо был вынужден довести до сведения членов кабинета свое решение о приглашении Мяо Бина. Сигемицу решительно заявил, что он согласится на приглашение Мяо Бина только в том случае, если к этой идее отнесутся положительно военный и морской министры. Последние дали согласие с большим трудом.

17 марта 1945 г. Мяо Бин встретился с принцем Хигасикуни, который попытался выяснить мотивы, побудившие Мяо Бина приехать в Токио. Принц знал, что идея переговоров уже встретила оппозицию не только со стороны членов кабинета Койсо, но и со стороны японского верховного командования в Китае. Тем не менее он тепло отозвался о Чан Кай-ши и выразил надежду, что миссия Мяо Бина будет успешной и приведет к миру не только с Китаем, но также и с Америкой[4]. Принц

---

[1] *R. J. C. Butow.* Japan's Decision to Surrender. Stanford, 1954, p. 54–55.

[2] «Сюсен сироку», стр. 238—246.

[3] Мяо Бин в прошлом был членом ЦИК гоминьдана. Потом покинул Чан Кай-ши и в 1937 г. стал одним из создателей марионеточного пекинского правительства. Дай Ли был связан с американской разведкой в Китае.

[4] «Сюсен сироку», стр. 246—247.

пытался убедить начальника генерального штаба генерала Умедзу и военного министра Сугияма вести с Мяо Бином переговоры.

По словам Мяо Бина, Чунцин был готов рассмотреть вопрос о мире с Японией на следующих условиях: Япония прекратит военные действия и отведет свои войска с территории Китая; ликвидирует марионеточный нанкинский режим и будет способствовать установлению контроля Чан Кай-ши над всей территорией Китая; чунцинское правительство должно возвратиться в Нанкин; Япония должна начать отдельные переговоры по вопросу о Маньчжурии и заключить мир с США и Великобританией [1].

Вопрос о заключении мира через посредство Мяо Бина обсуждался в правительстве несколько раз. Однако проект мирного договора, предложенный Мяо Бином, вызвал возражения со стороны военного и морского министров, а также начальника генштаба Умедзу, которые, как и министр иностранных дел Сигемицу, надеялись на более выгодные условия компромиссного мира. Кроме того, они не доверяли Мяо Бину и рассматривали его как политического наемника, которому не только нельзя верить, но которого нельзя даже принимать за действительного представителя Чан Кай-ши. Они опасались также и внутриполитических последствий — выступлений фашистски настроенных офицеров в армии в случае начала мирных переговоров. По указанию императора переговоры с Мяо Бином были прерваны, и Койсо вынужден был отправить его обратно в Китай. Правительство Койсо оказалось не в состоянии преодолеть сопротивление военщины в попытках заключения мира с гоминьдановским Китаем.

Переговоры были прерваны по инициативе японского правительства, однако китайская дипломатия, опасаясь недовольства мирового общественного мнения и подозрений со стороны союзников по поводу их закулисных махинаций, сообщила через американскую печать об отказе чунцинского правительства от японских мирных предложений [2].

Смена правительства в Японии. Курс на продолжение войны

1 апреля 1945 г. началась высадка американцев на острове Окинава, что резко осложнило военно-стратегическое положение Японии. Эти обстоятельства вынудили правительство Койсо 5 апреля уйти в отставку. В тот же день, 5 апреля, в 3 часа дня, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов принял японского посла Сато и заявил ему от имени Советского правительства о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете в соответствии со статьей 3 этого пакта.

[1] «Сюсен сироку», стр. 247—248.
[2] "The New-York Herald Tribune", 26.III. 1945.

В советском заявлении указывалось на коренные изменения, происшедшие в международной обстановке с момента заключения договора, подчеркивалось нарушение Японией условий пакта, предусматривающего обязательства сторон «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой» (статья 1), соблюдать нейтралитет, «если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав...» (статья 2)[1]. «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии,— говорилось в заявлении Советского правительства,— помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». В связи с этим Советское правительство считало, что «Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл...»[2].

Это было тяжелым ударом по японской дипломатии, которая не проявила достаточной дальновидности и умения реально оценивать сложившуюся ситуацию. Систематически нарушая пакт о нейтралитете, японские правящие круги не учитывали предупреждений со стороны Советского Союза.

Заявление Советского Союза вызвало волну смятения в правящей верхушке Японии. Официальные круги Японии все свои расчеты строили на неизбежности возрастания противоречий между СССР, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Они считали, что СССР не примет каких-либо решительных мер, имея у своих границ мощную Квантунскую армию.

5 апреля 1945 г. состоялась конференция высших государственных чинов. Старейшие политические деятели должны были рекомендовать императору кандидатуру будущего премьер-министра. Генерал Тодзио заявил, что частая смена кабинетов в военное время вредна и что новый кабинет, возможно, будет последним. В настоящий момент, продолжал он, существуют две противоположные точки зрения: одна — сражаться до конца, другая — прекратить войну путем безоговорочной капитуляции. Следует решить прежде всего эту проблему. Только после этого можно рекомендовать нового премьера.

Несколько участников совещания поддержали точку зрения Тодзио. Другие предлагали ограничиться обсуждением вопроса о том, кто должен быть следующим премьер-министром Японии и, как надеялись, последним премьером военного времени. Эта точка зрения взяла верх. Наиболее здравомыслящие политические деятели в Японии пришли к заключению, что нужно создать правительство, которое сумеет вывести страну из войны.

---

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 550.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 166.

Председатель Тайного совета Хиранума по договоренности с Коноэ предложил кандидатуру престарелого адмирала Кантаро Судзуки, который в прошлом был командующим императорской гвардией и старшим генерал-адъютантом императора. После фашистского путча 26 февраля 1936 г., когда на Судзуки было совершено покушение и он едва избежал смерти, он не появлялся на политической арене. Правящие круги считали, что в глазах общественного мнения он не имел отношения ни к войне, ни к бедствиям народа, что такому человеку скорее поверят в народе, чем кому-либо другому. Кандидатуру Судзуки Коноэ выдвигал еще в 1944 г., после отставки Тодзио. Но военные тогда сорвали его планы. На этот раз Коноэ добился своего, рассчитывая играть важную роль в решении коренных политических вопросов.

В состав правительства наряду с представителями придворных кругов (премьер-министр Судзуки, военный министр Анами) вошли ставленники монополий (Тоёда), страховых обществ (Хиросэ, Сакондзи и др.). На пост министра иностранных дел Судзуки избрал Сигенори Того. Такой выбор определялся не только тем, что он близко знал этого человека, но и тем, что Того был известен как противник войны с самого начала и вышел из кабинета Тодзио в связи с разногласиями с последним.

Того считал необходимым вести линию на заключение мира. Вместе с тем он требовал, чтобы японские вооруженные силы оказывали отчаянное противодействие противнику. В этом Того видел основную предпосылку заключения приемлемого мира. В дни боев за Окинаву он писал, обращаясь к военным лидерам: «Если Японии удастся отразить врага на Окинаве, то Советский Союз и другие страны увидят, что Япония все еще имеет значительные резервы военной мощи. Кроме того, в этом случае неприятельской стороне потребуется некоторое время, чтобы вновь перейти в наступление. Воспользовавшись подобной ситуацией, можно будет построить фундамент для деятельности нашей дипломатии, находящейся в настоящее время в тупике» [1].

Безоговорочная капитуляция Германии была новым ударом по планам японской правящей верхушки. Для Японии с разгромом ее главного союзника наступило время задуматься о путях окончания войны.

Предвидя близкое поражение Германии, Высший совет по руководству войной еще раньше, 20 апреля 1945 г., принял «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии», в которых, с одной стороны, предусматривалось осуществление мер для «пресечения брожения внутри страны» и «укрепления

[1] «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 184—185.

веры в победу», а с другой стороны, указывалось на необходимость принятия шагов в отношении СССР и приложения усилий к тому, чтобы разобщить США, Англию и Советский Союз и подорвать решимость США и Англии вести войну [1].

3 мая 1945 г. в выступлении по радио в связи с взятием Берлина Красной Армией японский премьер-министр Судзуки заявил, что он «полон решимости бороться до конца». «Нынешняя военная обстановка в Европе,—говорил он,—никоим образом не является для нас неожиданностью. И именно в данный момент я, еще раз обращаясь ко всему миру, хочу выразить нашу непреклонную уверенность в непременной победе» [2]. 6 мая министр иностранных дел Того, комментируя обращение гроссадмирала Дёница к германскому населению, заявил в интервью журналистам, что позиция Германии, какова бы она ни была, «не окажет ни малейшего влияния на решимость Японии вести войну против Америки и Англии, как это указано в заявлении премьер-министра Судзуки» [3].

В связи с капитуляцией Германии на чрезвычайном заседании японского кабинета 9 мая был обсужден и принят текст правительственной декларации. В этом официальном заявлении отмечалось, что «Япония глубоко сожалеет по поводу капитуляции союзной ей Германии», а затем в напыщенном тоне указывалось, что изменение военной обстановки в Европе ни в малейшей степени не меняет военных целей империи, что последние прежде всего заключаются «в самосуществовании и самозащите» Японии и она «вместе с союзными странами Восточной Азии будет бороться до конца» [4].

Одновременно с опубликованием этого заявления, рассчитанного прежде всего на поднятие морального духа армии и народа, правящая верхушка Японии лихорадочно взвешивала возможности продолжения войны. Министр иностранных дел Того 9 мая докладывал о создавшемся положении в Европе на совещании советников кабинета, а 10 мая — на совещании экс-премьеров [5]. 11 мая ведущие деятели правительства и руководители армии и флота, составлявшие Высший совет по руководству войной (так называемая «большая шестерка»),—премьер-министр Судзуки, министр иностранных дел Того, морской министр Ионай, военный министр Анами, начальник генерального штаба Умедзу и начальник главного морского штаба Тоёда — собрались для обсуждения обстановки. Главным был вопрос о

---

[1] См. *Т. Хаттори.* Япония в войне 1941—1945, стр. 531—532.
[2] «Иомиури-Хоци», 4.V. 1945.
[3] «Токио Симбун», 7.V. 1945.
[4] «Нихон Сангио Кейдзай», 10.V. 1945.
[5] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке», кн. 2. 1917—1945 гг. М., 1973, стр. 221.

политике в отношении Советского Союза [1]. Ход трехдневной дискуссии показал, что представители военных кругов — Анами и Умедзу — не считали положение страны безнадежным. Анами заявил: «Японские войска еще оккупируют громадные неприятельские территории, и враги только высадились на мелких островах. Поэтому я возражаю против того, чтобы думать об условиях для Японии как для побежденной страны» [2]. Более того, военные круги проповедовали тезис о том, что день «национального спасения» настанет тогда, когда японская армия сможет дать бой противнику на японской земле. В то же время они считали, что с помощью дипломатического маневрирования можно будет несколько уменьшить растущие трудности Японии. Армейские лидеры настаивали на том, чтобы были приняты меры для предотвращения вступления в войну СССР на стороне союзников. При этом представители военно-морского флота вынашивали еще более далеко идущие планы. Они предлагали, чтобы дипломаты договорились об обмене крейсеров (и другого вооружения) на советскую нефть и самолеты. Фантастический характер этих планов показывает, насколько далеко от реальности были представления японских военных лидеров о сложившейся международной обстановке.

Министр иностранных дел Того оценивал обстановку более реалистично. Ранее он был послом в Москве и лучше, чем военные, разбирался в политике Советского государства. Он предупреждал, что, возможно, уже слишком поздно для японской дипломатии исправить тот ущерб, который Япония нанесла своим отношениям с Советским Союзом, следуя в фарватере политики фашистской Германии. Того откровенно напомнил своим коллегам, что он всегда предупреждал правительство, что оно должно сделать решительный шаг до того, как США и Англия придут к соглашению с Советским Союзом. Тем не менее он считал еще возможным добиться благожелательного отношения СССР. Премьер-министр Судзуки поддержал позицию Того, подчеркнув, что переговоры с Советским Союзом должны также иметь целью достижение посредничества с его стороны для заключения общего мира с союзниками. Это высказывание Судзуки совпадало с мнением министра иностранных дел; оно не встретило особых возражений и со стороны других участников совещания [3]. «Большая шестерка» продолжала, таким образом, выискивать «таинственное средство», с помощью которого можно было бы отвести от Японии надвигавшуюся катастрофу.

---

[1] См. *Т. Хаттори.* Япония в войне 1941—1945, стр. 533.
[2] «Сюсен спроку», стр. 328.
[3] См. *Т. Хаттори.* Япония в войне 1941—1945, стр. 533.

В результате обсуждения совет поручил министерству иностранных дел осуществить ряд дипломатических мер с целью: 1) предотвратить вступление Советского Союза в войну против Японии, 2) добиться благожелательного отношения Советского Союза к Японии, 3) «добиться мира с Англией и США при посредничестве СССР»[1].

15 мая, т. е. практически немедленно по принятии указанного решения Высшим советом по руководству войной, министерство иностранных дел Японии объявило, что в связи с безоговорочной капитуляцией Германии и происшедшими вслед за этим событиями в Европе японское правительство считает утратившими силу японо-германо-итальянский договор от 27 сентября 1940 г. и пакт от 11 декабря 1941 г., а также все другие договоры об установлении особых отношений сотрудничества с Германией и прочими европейскими государствами, в том числе «антикоминтерновский пакт» от 25 ноября 1936 г., японо-итало-германский протокол от 6 ноября 1937 г. и протокол о продлении срока действия «антикоминтерновского пакта» от 25 ноября 1941 г.

Заявлением об аннулировании этих соглашений, превратившихся в пустую бумагу, японское правительство рассчитывало в некоторой степени смягчить отношения с Советским Союзом[2].

Планы США и Англии в отношении Японии

Тем временем вопрос о будущем Японии широко дебатировался в политических сферах Вашингтона и Лондона.

Основные принципы послевоенной политики США в отношении Японии госдепартамент сформулировал еще в мае 1944 г. В проекте, подготовленном госдепартаментом, предусматривалось следующее: а) Япония должна возвратить территории, захваченные ею в результате агрессивных войн; б) в период военной оккупации японское правительство прекратит свое существование как политическая единица. Сохраняются лишь министерства, несущие административные функции (внутренних дел, финансов, здравоохранения и др.), которые будут продолжать свою деятельность под руководством администрации союзников; в) в оккупации Японии и ее управлении будут участвовать союзные державы, воевавшие против Японии. Оккупационную службу будут нести также и контингенты из азиатских стран (Китая, Индии, Филиппин и др.), для того чтобы не было впечатления, что война против Японии была войной белой расы против желтой[3].

В этом проекте, однако, не был затронут вопрос об императорской власти. Так называемая «японская партия», возглав-

[1] «Сюсен сироку», стр. 300.
[2] См. *Т. Хаттори.* Япония в войне 1941—1945, стр. 534.
[3] "The Memoirs of Cordell Hull", vol. II, p. 1589—1590.

ляемая бывшим американским послом Дж. Грю, считала, что император, придворные круги и крупные капиталисты являются «умеренными» деятелями, на которых можно положиться.

В мае 1944 г. Грю, известный как один из видных проводников мюнхенской политики на Дальнем Востоке, был назначен на пост руководителя дальневосточного отдела госдепартамента. В конце 1944 г., после ухода Хэлла с поста государственного секретаря и назначения на его место Стеттиниуса, Грю стал заместителем государственного секретаря и ему было передано руководство дальневосточными делами. В своих выступлениях по радио и в печати Грю подчеркивал, что японцы будут фанатично бороться «до последнего патрона и последнего солдата». Он пропагандировал идею сохранения в Японии дзайбацу (монополий) и придворной бюрократии как наиболее приемлемых сил, на которые США могли бы опираться в своей политике на Дальнем Востоке.

Сторонники так называемой «китайской партии» в США настаивали на решительных и радикальных мерах, с тем чтобы ослабить Японию и ликвидировать японскую конкуренцию на мировых рынках. Под влиянием общественного мнения они выдвигали лозунги демократизации и демилитаризации Японии.

На позиции сохранения у власти в Японии прежних правящих группировок стояло и английское правительство. В меморандуме под названием «Япония периода поражения», опубликованном британским Королевским институтом международных отношений, заявлялось о необходимости сохранения в Японии прежних сил, господствовавших в стране до войны. При этом составители меморандума запугивали опасностью «политических смут», возражали против какой-либо демократизации и настаивали в интересах «стабильности» и «равновесия» на возвращении к власти довоенных правящих группировок, «включив туда представителей придворной аристократии», традиционно настроенной проанглийски и тесно связанной с английскими деловыми кругами [1].

С приближением конца войны в американских правящих кругах усиливались настроения в пользу изменения ранее выдвинутого требования безоговорочной капитуляции Японии. Морской министр Форрестол на заседании кабинета 1 мая 1945 г. прямо поставил вопрос: «Насколько целесообразно нам добивать Японию?.. Какова наша политика в отношении русского влияния на Дальнем Востоке? Что мы собираемся противопоставить этому влиянию — Китай или Японию?» [2]

---

[1] "Japan in Defeat". Royal Institute of International Affairs. London, 1945, p. 31, 119—122.

[2] "The Forrestal Diaries", New York, 1951, p. 52.

Новый президент США Трумэн проявлял колебания. Выступая в день капитуляции фашистской Германии, 8 мая, Трумэн призывал к безоговорочной капитуляции лишь японские вооруженные силы, несколько ограничив содержание самого понятия «капитуляция страны». В этот же день начал регулярные радиопередачи на Японию американский разведчик Захариас. До войны он много лет провел в Японии, где установил дружеские связи с рядом представителей придворных кругов и командования флотом. Говоря свободно по-японски, ссылаясь на свое знакомство с премьером Судзуки, братом императора принцем Такамацу, с морским министром Ионай и обращаясь также к старейшим политическим деятелям, дипломатам и другим представителям правящих кругов, Захариас призывал их серьезно подойти к проблеме прекращения войны, подчеркивая возможность заключения «почетного мира». В его заявлениях делались скрытые намеки на то, что Японии было бы выгодно капитулировать до вступления СССР в войну[1]. Добиваясь быстрейшей капитуляции Японии, американский империализм ставил задачу закончить войну с Японией, прежде чем Советский Союз вступит в нее, для того чтобы, во-первых, лишить Советское государство права голоса при решении дальневосточных проблем и, во-вторых, не допустить усиления национально-освободительного движения в странах Азии, и особенно в Китае, что явилось бы неизбежным результатом вступления СССР в войну против Японии.

Японский зондаж о компромиссном мире через Швецию, Швейцарию и Португалию

Настроения и выступления в США и Англии в пользу смягчения условий капитуляции Японии подогревали расчеты японских правящих кругов на возможность компромиссного мира с США и Англией на базе совместного дележа Китая и проведения антисоветской политики.

Уже назначение Стеттиниуса и Грю в госдепартамент США в 1944 г. было воспринято в Японии с удовлетворением. Бывший премьер-министр и министр иностранных дел Хирота заявил императору в феврале 1945 г., что Рузвельт, должно быть, хочет закончить войну компромиссом, иначе зачем бы ему назначать на ответственные посты Стеттиниуса, у которого дед был немцем, и Грю, который относится к Японии с симпатией[2].

На другой же день после первого выступления Захариаса 8 мая 1945 г. ему было дано понять, что передачи его слушают и его не забыли. 27 мая, выступая по радио, представитель

---

[1] См. *Э. М. Захариас.* Секретные миссии. Записки офицера разведки. М., 1959, стр. 437.

[2] *R. J. C. Butow.* Japan's Decision to Surrender, p. 46.

японского правительства Иноуэ в завуалированной форме заявил, что Япония заинтересована в общем мире, что попытке силой сломить Японию будет оказано сопротивление, но что разумные условия капитуляции будут с пониманием встречены японским правительством[1].

После неудачи переговоров с Чунцином основное внимание японской дипломатии вновь было обращено на переговоры с западными державами. Того знал о переговорах, которые вел его предшественник Сигемицу с шведским посланником Багге. 11 апреля Сакая сообщил содержание переговоров новому министру иностранных дел. Того поручил Сакая передать Багге, что он разделяет мнение своего предшественника[2].

13 апреля Багге покинул Японию. 10 мая он встретился с японским посланником в Швеции Окамото, который заявил, что не имеет никаких инструкций от своего правительства и немедленно их запросит. Багге сообщил, что шведский министр иностранных дел Гюнтер просит официально подтвердить его информацию и обещает Окамото, что шведское правительство охотно выяснит намерения США, если такая просьба официально последует со стороны японского правительства.

Телеграмма Окамото поставила Того в затруднительное положение. Японский министр надеялся, что шведы проведут зондирование позиции США по собственной инициативе. Поэтому он ответил своему посланнику уклончиво, обещая изучить этот вопрос[3]. Когда Окамото 16 мая передал ответ Того шведскому дипломату, тот, хотя и был разочарован, согласился, что им ничего другого не остается, кроме как ждать. Вместе с тем Багге обратил внимание посланника на деятельность японского военного атташе генерала Макото Оно, который добивался, чтобы брат шведского короля принц Карл выступил посредником для установления контакта с правительствами США и Англии. Гюнтер поручил Багге просить Окамото прекратить деятельность Оно, «так как это запутывает все дела».

Активность военного атташе скоро стала достоянием шведской печати и радио, а затем и всей мировой прессы. Ряд газет нейтральных стран рассматривал японские маневры как попытку добиться раскола среди союзников. Того, осуществлявший в это время зондаж США через Швейцарию и пытавшийся привлечь к посредничеству СССР, был очень раздосадован этими сообщениями. Он потребовал от начальника генерального штаба Умедзу, чтобы тот дал указание офицерам воздерживаться от подобной дипломатической активности.

---

[1] *W. Craig.* The Fall of Japan. New York, 1967, p. 38.
[2] «Сюсэн сироку», стр. 238.
[3] Там же, стр. 239.

Между тем Багге, основываясь на прежних просьбах Сигемицу и самого Того, передал американскому посланнику в Швеции Хершелю Джонсону японское предложение о мирных переговорах. Японцы настаивали на том, чтобы мирные условия предусматривали сохранение под их контролем Кореи и Тайваня[1]. Это не устраивало США, публично заявивших в Каирской декларации о возвращении Тайваня Китаю и восстановлении независимости Кореи. Корея по планам американцев должна была стать их форпостом на Дальнем Востоке. Х. Джонсон сказал, что Каирская декларация ясно формулирует позицию союзников в этом вопросе и правительство США не может ее изменить. Посол дал понять, что Корея должна перейти под контроль США[2].

Видя, что американские дипломаты в Швеции не имеют прямых указаний вступать с ними в какие-либо переговоры, японцы обратили основное внимание на Швейцарию, на развитие контактов с Алленом Даллесом, руководителем американской разведки в Европе.

В апреле 1945 г. в Берне появился японский морской атташе капитан II ранга Фудзимура, бывший до этого сотрудником японского морского атташата в Берлине. Фудзимура возглавил группу сотрудников военно-морских представительств Японии в Берлине и Берне, которые весной 1945 г., видя приближающийся крах их когда-то могущественного союзника, пришли к выводу, что спасти военно-фашистский режим в Японии можно лишь путем закулисного сговора с США. В качестве посредника для связи с американской разведкой Фудзимура привлек своего давнего знакомого Фридриха Хэка. В таких делах Хэк имел немалый опыт. Будучи доверенным лицом Риббентропа, Хэк устраивал в 1936 г. первые неофициальные встречи Риббентропа с японским военным атташе Осима, которые привели впоследствии к заключению «антикоминтерновского пакта». При посредстве Риббентропа Хэк вошел в близкое окружение Гитлера, позднее выполнял задания японской морской разведки. В годы войны Хэк занимался операциями по закупке в Европе стратегического сырья для Японии[3].

23 апреля 1945 г., действуя от имени Фудзимура, Хэк нанес свой первый визит доверенным лицам Аллена Даллеса. Спустя три дня состоялась встреча Хэка и Фудзимура с сотрудниками Даллеса Паулем Блюмом и Уайтом. Представители Даллеса потребовали, чтобы японцы в письменной форме сообщили о намерениях японского правительства. 3 мая 1945 г. по приглашению американцев Хэк посетил штаб-квартиру американской

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 235.
[2] Там же, стр. 248.
[3] *W. Craig.* The Fall of Japan, p. 31—33.

разведки на Хэррен-стрит. Он передал Блюму записку, в которой сообщались подробные сведения о Фудзимура, чтобы убедить партнеров в серьезном характере зондажа. Блюм потребовал, чтобы Фудзимура представил доказательства того, что он имеет полномочия на ведение переговоров. Это требование было выдвинуто представителем Даллеса в соответствии с указанием госдепартамента, которому Даллес сообщил о зондаже японцев[1].

Американцы охотно ухватились за предложение японских представителей. В телеграмме, которую Фудзимура направил в Токио 8 мая 1945 г., он старался убедить морского министра Ионай и начальника главного морского штаба Тоёда в том, что Япония должна немедленно начать переговоры о мире при посредничестве американской стратегической разведки. Характеризуя А. Даллеса, Фудзимура называл его «ведущей политической фигурой Америки», связанной с известным журналистом Липпманом и Стеттиниусом и пользовавшейся доверием Рузвельта. Для большей убедительности Фудзимура подчеркнул, что инициатива переговоров исходила... от американской стороны. Он просил предоставить ему необходимые для ведения переговоров полномочия[2].

Министр иностранных дел Того, проявив большой интерес к зондажу, попросил Ионай передать Фудзимура, что Япония не пойдет на безусловную капитуляцию: она должна получить определенные условия и хочет знать, что нужно сделать для этого[3]. Японский морской штаб, указывая на необходимость соблюдать осторожность при развитии контактов с американцами, не давал Фудзимура широких полномочий.

Тем не менее во время встреч с американскими представителями Фудзимура и члены его группы прощупали позицию США в отношении возможных мирных условий, в частности относительно прерогатив императора, сохранения японского флота, статута Кореи и Тайваня и т. д. Американцы дали понять, что имеются надежды сохранить императорский режим, флот, но исключается возможность продолжения японского контроля над Кореей и Тайванем.

Хэк сообщил Блюму, что Фудзимура решил сам поехать в Токио, чтобы лично убедить адмиралов в целесообразности переговоров. В ответ Блюм заметил: «Почему Япония не посылает в Швейцарию министра, генерала или адмирала? Соединенные Штаты гарантируют его доставку по воздуху из Японии в эту страну»[4].

---

[1] *W. Craig.* The Fall of Japan, p. 34.
[2] Ibidem.
[3] *Сигенори Того.* Сюсен гайко (Карьерные дипломаты). В журн. «Каїдзо», XXXI, 1951, ноябрь, стр. 128—129.
[4] *W. Craig.* The Fall of Japan, p. 35—36.

Это предложение американцев вызвало большой интерес в Токио. Заместитель морского министра адмирал Такаки вызвался ехать в Швейцарию. Идею поездки поддержал Ионай, но главный морской штаб выступил против, опасаясь открытых выступлений фашистски настроенных молодых офицеров, требовавших продолжения войны. Кроме того, Того сообщил Ионай, что более надежный контакт с американцами уже установлен через японского посланника в Швейцарии Суничи Касэ. Ионай послал Фудзимура указание работать в контакте с Касэ. Получив инструкцию от своего министра, Фудзимура 20 июня посетил Касэ и рассказал ему о ходе своих переговоров с американцами[1].

Закончившийся на этом зондаж Фудзимура позволил японцам выяснить готовность американских правящих кругов пойти на изменение ранее объявленных целей войны, отказаться от требования безоговорочной капитуляции и заключить мир до вступления в войну Советского Союза. Деятельность Фудзимура в известной мере подготовила сепаратные японо-американские переговоры Даллеса с посланником Касэ и генералом Окамото.

Группа, которой руководил японский дипломат Касэ, начала свою деятельность в мае 1945 г. В эту группу входили военный атташе в Швейцарии генерал-лейтенант Сейго Окамото и японские банкиры — член совета Банка международных расчетов в Базеле Китамура и начальник отдела этого банка Иосимура.

Китамура и Иосимура в середине мая 1945 г. довели до сведения военного атташе Окамото, а затем и посланника Касэ свои планы установления контакта с американским правительством. Те одобрили их намерения[2]. Вначале они собирались прибегнуть к посредничеству президента Банка международных расчетов Маккитрика, но затем решили использовать для этого шведского банкира Пера Якобсона, советника Банка международных расчетов, состоявшего в дружественных отношениях с американскими консульскими работниками в Базеле. Выбор пал на Якобсона и потому, что его жена была племянницей заместителя начальника штаба английского военно-морского флота. Японцы хотели вести переговоры с США, одновременно поставив в известность об этих переговорах также и Англию.

В середине июня Иосимура пригласил Якобсона к себе домой. Иосимура и Китамура, заявив, что они выступают также от имени посланника Касэ и военного атташе генерала Сейго Окамото, просили его передать А. Даллесу предложение начать переговоры о мире. Японские мирные условия заключа-

---

[1] *R. J. C. Butow.* Japan's Decision to Surrender, p. 108.
[2] «Сюсен сироку», стр. 301.

лись в следующем: изменение термина «безоговорочная капитуляция», неприкосновенность императорской системы, сохранение конституции, международное управление Маньчжурией, оставление Кореи и Тайваня за Японией[1]. Как явствует из этих условий, японский империализм не собирался возвращать все захваченные им территории и всерьез идти на уступки. Якобсон согласился довести до сведения американцев изложенные ему предложения.

В последних числах июня Якобсон встретился с А. Даллесом, который немедленно передал предложения японцев в Вашингтон. Параллельно Якобсон сообщил о японском зондаже и английскому правительству[2]. В начале июля Якобсон сообщил японцам, что США желали бы сохранить в неприкосновенности императорский институт, но так как возражают другие страны (СССР, Франция и Китай), то они не могут зафиксировать своего обязательства в письменном виде. Они могут лишь заявить о своем понимании того, что императорский режим должен быть поддержан в случае, если Япония капитулирует. Американцы считали, что конституция должна быть изменена. В отношении претензий Японии на сохранение Кореи и Тайваня в ответе ничего не было сказано. Даллес передал через Якобсона, что намерение Японии заключить компромиссный мир провалится, если она не начнет переговоры до вступления СССР в войну[3]. Американская пресса широко обсуждала вопрос о вступлении СССР в войну против Японии сразу же после Крымской конференции, высказывая убеждение в неизбежности такого хода событий, что, конечно, настораживало Токио. Заявление Даллеса подтверждало газетные сообщения. Именно так можно было понять его рассуждения.

Японская дипломатия лихорадочно искала путей для выхода страны из войны. Параллельно с переговорами в Швейцарии с мая 1945 г. шли переговоры в Лиссабоне. И там японцы настаивали на сохранении за ними территорий, захваченных Японией до начала второй мировой войны (т. е. Кореи, Тайваня и др.), пытались запугать своих американских собеседников длительной войной и «советской угрозой», а также добивались от союзников отказа от их требований «безоговорочной капитуляции» Японии.

Приблизительно 5—7 июля Окамото и Касэ сообщили в Токио об американской позиции, настаивая на открытии переговоров.

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 301—302.

[2] Якобсон передал информацию заместителю начальника штаба английского военно-морского флота.

[3] «Сюсен сироку», стр. 302.

Но военщина не хотела признать поражения. Того к этому времени пришел к убеждению, что вести переговоры в Швейцарии в связи с предстоявшей конференцией трех великих держав уже поздно, причем рассматривал предложения Даллеса как прежние предложения безоговорочной капитуляции. Армия считала их абсолютно неприемлемыми. Не желая порывать установившийся контакт, Того потребовал от Касэ дополнительной информации.

Между тем и. о. государственного секретаря США Дж. Грю 10 июля 1945 г. выступил с официальным заявлением, в котором отрицал факты ведения неофициальных переговоров между американскими и японскими представителями. Разговоры о мире Грю квалифицировал как форму психологической войны со стороны терпящего поражение противника. Напомнив о Перл-Харборе, Уэйке и Маниле, он заверил, что «политика американского правительства, как и в прошлом, будет основываться на требовании безоговорочной капитуляции»[1].

Заявление Грю не помешало А. Даллесу 20 июля 1945 г. приехать в Потсдам с подробной информацией о своих переговорах с Якобсоном в Швейцарии. Даллес доложил военному министру Стимсону, что японцы хотят с ним выработать мирные условия, а затем направить их в Токио, надеясь убедить свое правительство согласиться на немедленное прекращение войны.

Стимсон не проявил большого интереса к сообщению Даллеса. Американское правительство располагало обширной информацией о положении в Японии. Американский разведчик работал в германском министерстве иностранных дел и до падения Берлина доставал копии не только переписки японского МИД, но и телеграммы, направлявшиеся из Токио немецким военным атташе в Берлин. Из этих сообщений, а также из перехваченной переписки Токио со своим послом в Москве Стимсон хорошо знал о сложной обстановке в Японии, борьбе группировок и маневрировании правящих кругов с целью избежать поражения и безоговорочной капитуляции. Стимсон имел в своем распоряжении доклад Объединенного разведывательного комитета США, в котором подчеркивались намерения Японии посеять разногласия среди союзников, привлечь СССР в качестве посредника для окончания войны, ослабить решимость Объединенных Наций добиться победы. Американская разведка делала вывод, что Япония не готова принять безоговорочную капитуляцию[2].

Американский империализм желал сокрушения своего империалистического конкурента и захвата его позиций на Тихом

---

[1] "US. State Department Bulletin", vol. XIII (July 15, 1945), p. 84—85.
[2] *W. Craig.* The Fall of Japan, p. 62—64.

океане и Дальнем Востоке. Правящие круги США не могли не учитывать и позицию Советского Союза, который последовательно настаивал на доведении войны до полного разгрома врага и ликвидации фашизма. Позиция Советского правительства пользовалась поддержкой со стороны широких народных масс во всем мире, в том числе и в Соединенных Штатах. Все это предопределило провал японских дипломатических маневров.

Маневры Японии в отношении СССР

Поскольку война в Европе закончилась и Советский Союз, победоносно завершив войну против фашистской Германии, был заинтересован в мире, некоторые японские политические и военные лидеры считали, что целесообразно заручиться невмешательством СССР и продолжать войну на Тихом океане.

Японские руководители оказались неспособными трезво оценить обстановку и учесть принципиальную и последовательную линию Советского Союза на прекращение агрессивной войны. 29 мая 1945 г. при разговоре с Сато В. М. Молотов несколько раз настойчиво поднимал вопрос о том, насколько долго Япония намерена вести войну на Дальнем Востоке. На попытку Сато уйти от ответа ему было заявлено: «Война на Дальнем Востоке длится очень долго. СССР — не воюющая сторона, и его главная задача — обеспечение прочного мира»[1].

Руководители Японии не вняли предупреждениям Советского Союза и продолжали свои маневры в отношении СССР, надеясь использовать противоречия среди участников антифашистской коалиции. План японской дипломатии состоял в том, чтобы Япония, даже в случае ее неудачи в достижении всех своих целей, могла рассчитывать на согласие СССР стать посредником для заключения компромиссного мира, который сохранил бы за ней известную долю захваченных территорий. По мысли японских дипломатов, Советский Союз был бы таким посредником, который мог оказать определенное влияние на участвующие в переговорах стороны.

Попытки начать переговоры с СССР предпринимались еще в феврале 1945 г. и носили неофициальный и очень осторожный характер.

15 февраля 1945 г. советского посла в Японии Я. А. Малика «как старого знакомого» посетил японский генеральный консул в Харбине Миякава (в прошлом советник японского посольства в Москве). В беседе с Я. А. Маликом Миякава дважды возвращался к вопросу о том, что в развитии войны сейчас настал такой момент, когда кто-либо из наиболее выдающихся международных деятелей, пользующихся достаточным прести-

---

[1] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР Сато 29 мая 1945 г.

жем и авторитетом, должен выступить в роли миротворца, потребовать от всех стран прекратить войну. Таким авторитетным деятелем, по мнению Миякава, мог быть только глава Советского правительства. «Если бы он сделал такое предложение,— заявил Миякава,— то Гитлер прекратил бы войну, а Рузвельт с Черчиллем не осмелились бы возражать против подобного предложения Советского правительства»[1].

Аналогичное предложение о выступлении СССР в целях установления «всеобщего мира» было сделано Танакамару, представителем рыбопромышленной компании «Ничиро», которая вела промысел в советских водах. Посетив Я. А. Малика 4 марта 1945 г., Танакамару стал пространно говорить о том, что только Советский Союз эффективно может призвать к прекращению войны и к миру[2].

При следующей встрече, 21 марта, Танакамару стал выспрашивать у советского посла, не выдвигал ли Сигемицу каких-либо предложений в этом плане, а затем предложил свои услуги для организации переговоров с ним. Предложение Танакамару не могло не вызвать подозрений. Министру иностранных дел и послу иностранной державы для организации встречи нет необходимости прибегать к посредничеству частных лиц. На это Я. А. Малик и указал Танакамару[3].

Неофициальные попытки побудить СССР выступить с предложением «всеобщего мира» не дали положительных результатов. Тогда за дело взялся сам министр иностранных дел. 20 апреля 1945 г. Того сказал советскому послу: «Японо-советские дружественные отношения (в годы войны.— *Ред.*) были единственным светлым местом, и я надеюсь, что это светлое пятно разгонит тучи и станет тем ядром, при помощи которого наступит мир во всем мире». Тут же он высказал «неофициальное» и, как он подчеркнул, «сугубо личное желание» встретиться с советским наркомом иностранных дел В. М. Молотовым при возвращении последнего с конференции в Сан-Франциско[4]. Официального приглашения сделано не было.

Японская дипломатия хотела, чтобы инициатива исходила не от японского правительства, а от Советского Союза. Видя, что такого желания Советское правительство не проявляет,

---

[1] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с генеральным консулом в Харбине Миякава 15 февраля 1945 г.

[2] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с представителем рыбопромышленной компании «Ничиро» Танакамару 4 марта 1945 г.

[3] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с представителем рыбопромышленной компании «Ничиро» Танакамару 21 марта 1945 г.

[4] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с министром иностранных дел Японии Того 20 апреля 1945 г.

Того во второй половине мая 1945 г. попытался предпринять более активные шаги. Начиная дипломатический маневр в отношении СССР, он понимал, что разгром основного союзника Японии — Германии дает возможность Объединенным Нациям сосредоточить свои вооруженные силы на тихоокеанском театре военных действий и покончить с сопротивлением Японии. Добиться в этих условиях существенного улучшения международного положения Японии или компромиссного мира становилось едва ли выполнимой задачей. Тем не менее в двадцатых числах мая Того поручил бывшему премьер-министру, министру иностранных дел и послу в СССР Хирота встретиться с советским послом и позондировать позицию Советского Союза в отношении какого-либо нового соглашения с Японией. Министр советовал Хирота начать переговоры в секретном, неофициальном порядке [1]. Одновременно он поручил послу в Москве Сато «всеми возможными путями поддерживать и расширять контакты с советской стороной» [2].

Вечером 3 июня Хирота посетил Я. А. Малика в курортном местечке Хаконэ, куда выехало советское посольство в связи с налетами американской авиации на Токио. Хирота объяснил послу, что он приехал в Хаконэ пожить у своего друга, так как его собственный дом в Токио был разрушен во время воздушного налета. Гость заявил советскому послу, что общественность Японии единодушно стоит за дружественные отношения с СССР и что в Японии «очень много думают и изучают вопрос, каким путем улучшить советско-японские отношения» [3]. Хирота сообщил послу, что японское правительство желает заключить с СССР долгосрочное соглашение [4]. Советский посол не высказал своего отношения к предложениям Хирота, так как тот не занимал государственных постов и посол рассматривал его как частное лицо.

6 июня 1945 г. Высший совет по руководству войной принял «Основные принципы оценки современного состояния государственной мощи и международного положения». Этот документ был заполнен абстрактными фразами и пропагандистскими формулами официальных сообщений о «сплоченности народа и благоприятном географическом положении». Выдвигалась задача защищать устои национального государственного строя, ведя войну до победного конца, черпая силы из принципа вечной преданности императору [5]. Того выступил против установки

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 347.

[2] Там же, стр. 348.

[3] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с Хирота 3 июня 1945 г.

[4] См. *Т. Хаттори*. Япония в войне 1941—1945, стр. 534.

[5] «Сюсен сироку», стр. 351.

на продолжение войны, заявив, что «международное положение очень неблагоприятно для Японии». Он считал, что установка военных кругов на ведение войны в собственно Японии «может быть верной только при наличии мощной воздушной армии». Раз ее нет, то «нельзя сказать, что такой метод выгоден для Японии». В конце концов была принята формула: «Если до августа—сентября удастся поднять производство, то тогда можно сохранить военную силу и продолжать войну»[1].

Это решение было одобрено 8 июня на конференции в главной ставке с участием императора.

9 июня была созвана 87-я чрезвычайная сессия парламента. Сессия проходила в обстановке разгула шовинистических настроений, рассчитанных на подъем патриотизма среди японского народа. Того и Ионай были недовольны результатами работы сессии. В день закрытия сессии, 12 июня, они решили, что нужно немедленно принять меры к осуществлению третьего пункта резолюции «большой шестерки» от 14 мая 1945 г.: «Добиться мира с Англией и США при посредничестве СССР». Однако Того все менее верил в возможность осуществления этой идеи. Выступая на секретном заседании парламента накануне закрытия сессии, Того заявил, что на отношения с СССР «нельзя смотреть оптимистически. Наоборот, нужно вас предостеречь... СССР может вступить в войну против Японии»[2].

20 июня в советском посольстве опять появился Танакамару. В разговоре с Я. А. Маликом он довольно откровенно дал понять, что Япония хочет получить у СССР самолеты, которые уже «излишни для Советского Союза». Затем он опять вернулся к прежнему: пусть советский премьер порекомендует Америке и Японии заключить мир. На вопрос посла, чего конкретно хочет Танакамару, зная, что США требуют безоговорочной капитуляции, Танакамару заявил, что Япония могла бы пойти на восстановление положения, существовавшего до войны, но она не может отдать Тайвань и другое, что требуют американцы[3]. Высказывания Танакамару отражали настроения некоторых групп правящих кругов.

22 июня состоялось совещание Высшего совета по руководству войной. Присутствовавший на совещании император высказался за прекращение войны. В соответствии с этим заявлением было решено возобновить встречи Хирота с советским послом в Токио[4].

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 351.

[2] Там же, стр. 383.

[3] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с представителем рыбопромышленной компании «Ничиро» Танакамару 20 июня 1945 г.

[4] См. *Т. Хаттори.* Япония в войне 1941—1945, стр. 546.

По указанию Того Хирота 24 июня вновь посетил Я. А. Малика в Хаконэ. Хирота начал разговор с послом о необходимости «установления мирных и дружественных отношений между СССР и Японией» и оформления их договорным порядком. Он настойчиво предлагал обсудить «основные проблемы, касающиеся обеих стран»: о положении в Северо-Восточном Китае и других районах Китая, развитии экономических отношений в южной части Азии и т. д. В частности, он заявил о возможности поставок для СССР каучука, свинца, олова, вольфрама и т. д. Взамен Хирота выдвинул вопрос о поставках советской нефти, на что советский посол заметил: «Это вопрос сложный и деликатный». Так в свое время Сато ответил С. А. Лозовскому, когда тот обратился к японскому послу с предложением продать СССР каучук[1].

29 июня Хирота вновь посетил советское посольство. Он предложил заключить соглашение между Японией и СССР о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и установлении отношений ненападения. Япония заявила бы о своем согласии после войны нейтрализовать Маньчжурию, выведя оттуда свои войска, отказаться от своих рыболовных прав в советских водах при условии получения нефти из СССР и т. д. Хирота настаивал на том, чтобы эти предложения были сообщены в Москву и рассмотрены Советским правительством[2].

Советский посол, сославшись на сообщения прессы, спросил Хирота, действительно ли какой-то видный японский деятель ведет в Швеции мирные переговоры. Хирота, вопреки фактам, ответил, что этого не может быть, что Япония намерена разговаривать только с СССР и ни с кем больше[3]. Между тем, как указывалось выше, Япония в это время вела усиленное дипломатическое зондирование позиции американцев в Швеции, Швейцарии и Португалии.

В конце июня в связи с сообщениями о готовящейся встрече глав правительств трех великих держав Того решил направить в Советский Союз специального представителя Японии, чтобы опередить конференцию и добиться посредничества СССР[4]. 12 июля император утвердил Коноэ специальным представителем Японии. В тот же день Того направил телеграмму Сато, поручая ему посетить наркома иностранных дел СССР.

13 июля Сато посетил заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского и вручил ему письмо на имя наркома

---

[1] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с Хирота 24 июня 1945 г.

[2] АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Японии Я. А. Малика с Хирота 29 июня 1945 г.

[3] Там же.

[4] «Сюсен сироку», стр. 424.

иностранных дел, в котором просил согласия на приезд специального представителя в СССР. К письму было приложено послание императора, в котором в общих выражениях указывалось, что он «выражает свою волю, чтобы положить скорее конец войне». Ввиду требования Англии и США о безоговорочной капитуляции, говорилось далее, Япония вынуждена вести войну до конца, что неизбежно приведет «к усиленному кровопролитию». В заключение послания император «изъявил пожелание о том, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир»[1].

Ни в письме посла Сато на имя В. М. Молотова, ни в послании императора, которое, кстати говоря, не имело определенного адреса, не были сформулированы ни цели поездки Коноэ в СССР, ни его полномочия. Эти полномочия не были точно определены и самим японским правительством. Еще во время предварительных консультаций с Того, а затем в разговорах с императором Коноэ настаивал на том, чтобы ему были предоставлены неограниченные полномочия для ведения переговоров. Лично Коноэ не хотел ехать в СССР. Он с большим удовольствием поехал бы в США или Англию. В основе поведения Коноэ лежали надежды, затянув дело, добиться отказа правительства от мысли использовать СССР в качестве посредника. Коноэ считал, что затяжка с решением вопроса о его полномочиях, возможно, сделает поездку в Москву ненужной.

18 июля Того сообщил императору о начавшейся в Потсдаме конференции и попросил указаний о дальнейшем ведении дел с СССР. Император потребовал, чтобы предложения Японии были переданы СССР[2]. В тот же день в Москве С. А. Лозовский передал ответ Советского правительства на письмо Сато и послание императора, в котором указывалось, что «высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ». В заключение говорилось: «Ввиду изложенного Советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу послания императора, а также по поводу миссии Коноэ...»[3]

24 июля Сато получил телеграмму от Того. Министр поручал ему сообщить Советскому правительству, что задачи миссии Коноэ заключаются в том, чтобы просить Советское правительство о посредничестве с целью окончания войны. В его задачу также

---

[1] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом Японии в СССР Сато 13 июля 1945 г.

[2] «Сюсен сироку», стр. 426.

[3] АВП СССР. Ответ Советского правительства на письмо японского посла в СССР от 18 июля 1945 г.

входит ведение переговоров с Советским правительством об укреплении советско-японских отношений[1]. 25 июля Сато сообщил С. А. Лозовскому это разъяснение японского правительства о задачах миссии Коноэ.

Во время Потсдамской конференции советская сторона полностью проинформировала своих союзников о предложении Японии. При этом, как было уже сказано, глава советской делегации И. В. Сталин заявил, что СССР ответит отказом на новое предложение Японии о посредничестве. Трумэн и Черчилль согласились с таким содержанием ответа.

Потсдамская декларация и позиция Японии

26 июля США, Великобритания и Китай приняли Потсдамскую декларацию. Они призвали Японию капитулировать, предупредив, что дальнейшее сопротивление приведет к быстрому и полному ее разгрому, неизбежному опустошению метрополии и окончательному уничтожению ее вооруженных сил.

Потсдамская декларация формулировала основные политические принципы, которые должны были применяться к Японии после ее капитуляции. Они заключались в следующем: полное искоренение милитаризма; оккупация Японии для осуществления основных целей декларации; выполнение условий Каирской декларации, предусматривавшей ограничение японского суверенитета островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут указаны союзниками; разоружение японской армии; суровое наказание военных преступников; устранение всех препятствий к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа; установление свободы слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам. В декларации отмечалось: «Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны».

Союзники обязались вывести оккупационные войска, «как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа»[2].

Потсдамская декларация, требовавшая демилитаризации и демократизации Японии, отражала антифашистский, освободительный характер второй мировой войны, что явилось следствием решающей роли Советского государства в войне.

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 443.

[2] См. «Сборник действующих договоров...», вып. XI, стр. 104—106.

После опубликования Потсдамской декларации заместитель министра иностранных дел Сюнити Мацумото заявил Того, что «декларация, по существу, является предложением о капитуляции с условиями» и что единственный способ окончания войны — это принятие условий в таком виде, в каком они предложены. Правительство должно опубликовать полный текст декларации. Ни при каких обстоятельствах оно не должно отвергать требований союзников. Если этого нельзя сделать в нынешних условиях, то в качестве компромисса самым разумным будет не говорить вообще ничего.

Того в принципе был согласен с этой точкой зрения. Однако, предвидя трудности при обсуждении этого вопроса с военными, он хотел, чтобы было принято такое решение, по которому правительство, не комментируя Потсдамскую декларацию, приложило бы все усилия для осуществления третьего пункта плана «большой шестерки», принятого в мае, т. е. добиваться согласия Советского Союза выступить посредником. Если это удастся, Япония, по его мнению, сможет добиться более приемлемых условий, чем те, которые провозглашала Потсдамская декларация.

Того улавливал истинные намерения правящих кругов США. Тот большой интерес, который проявляли американские представители в Швеции, Швейцарии и Португалии к зондажу со стороны Японии, не был случайным. В подготовленном МИД Японии обзоре «Отношение общественного мнения Объединенных Наций к Японии накануне принятия Потсдамской декларации» указывалось, что «среди американцев, которые сохраняют веру в военные цели Объединенных Наций, но не доверяют Советскому Союзу, боятся его, довольно сильны настроения в пользу примирения с Японией»[1].

На совещании «большой шестерки», а затем на заседании кабинета министров, состоявшихся 27 июля, обстановка была такой, что не могло быть и речи о принятии условий Потсдамской декларации. Того тем не менее предложил не отклонять декларацию, чтобы не затруднять дальнейших переговоров с СССР. С большим трудом ему удалось убедить высших государственных советников и министров, что целесообразнее в создавшихся условиях не отвечать вообще.

Во время обсуждения военные требовали, чтобы правительство «достойным образом» ответило союзникам. Однако премьер-министр Судзуки поддержал Того. Он сказал, что правительство будет действовать по принципу «мокусацу»[2] (буквально —

[1] «Сюсен сироку», стр. 503.

[2] Выражение Судзуки «мокусацу» стало достоянием газет. Пресса поместила информацию о том, что правительство игнорирует условия союзников.

«убить молчанием»), т. е. полностью игнорирует декларацию. Решено было также избегать таких действий, которые могли бы быть истолкованы за границей как отказ Японии от условий союзников.

Военные руководители опасались, что отсутствие официальной реакции на декларацию может быть понято народом и армией как ее молчаливое одобрение. Это означало бы, что военная каста приносится в жертву, что многие представители военщины пойдут под суд как военные преступники. Исходя из «стратегии сопротивления на материке», т. е. продолжения войны на территории собственно Японии и оккупированных районов Китая, они требовали публичного заявления об отказе принять Потсдамскую декларацию. Они стремились продержаться сколько можно в надежде на изменение международной обстановки, в первую очередь на возникновение разногласий внутри антифашистской коалиции.

28 июля, во время совещания в императорском дворце представителей правительства и главного командования, военные лидеры решили воспользоваться отсутствием Того и добиться пересмотра принятого накануне решения в отношении декларации. Военный министр Анами, начальники штабов Умедзу и Тоёда отозвали премьер-министра Судзуки в отдельную комнату и заявили ему, что отсутствие реакции правительства на Потсдамскую декларацию очень сильно отражается на боевом духе армии. Правительство, по их мнению, должно твердо заявить о том, что оно игнорирует декларацию и будет идти своим путем, невзирая ни на что. Судзуки не устоял перед нажимом энергичных милитаристов [1]. В тот же день была созвана пресс-конференция, на которой Судзуки выступил с заявлением об отказе японского правительства принять Потсдамскую декларацию. «Потсдамская декларация,— сказал он,— является дополнением Каирской декларации. Правительство не придает ей большого значения, и мы игнорируем ее. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны» [2].

Заявление Судзуки вызвало сенсацию. Японские газеты поместили его на следующий день под большими заголовками, а радиовещание разнесло весть об игнорировании Японией Потсдамской декларации по всему миру [3]. Возмущенный выступлением премьера, Того заявил Судзуки, что даже премьер-министр не может игнорировать решение кабинета министров. Судзуки и сам понимал, что его заявление подрывает деятельность дип-

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 502.
[2] «Асахи», 30.VII.1945.
[3] См. *Т. Хаттори.* Япония в войне 1941—1945, стр. 555.

ломатов. «Но мне трудно, вернее, невозможно взять назад то, что было заявлено»[1],— сказал он Того при встрече.

Дальновидные политические деятели и дипломаты убеждали правительство в том, что трудно требовать от противника больше того, что было обещано в Потсдамской декларации. Японские дипломаты за границей направили телеграммы Того, в которых настаивали на принятии Потсдамской декларации. Японский посланник в Швейцарии Касэ писал, что условия Потсдамской декларации значительно мягче, нежели условия Крымской декларации о Германии. Он подробно анализировал отношение США к Японии, подчеркивая стремление к компромиссному соглашению со стороны влиятельных американских кругов. Японский посол в СССР Сато также послал телеграмму Того, где солидаризировался с позицией Касэ[2].

Однако верх одержала японская военщина.

30 июля Сато посетил С. А. Лозовского, чтобы узнать ответ Советского правительства на японское предложение о посредничестве и посылке специальной миссии в Москву. С. А. Лозовский указал, что отсутствие главы правительства и наркома иностранных дел в Москве не позволяет дать окончательного ответа. Сато обратил внимание на Потсдамскую декларацию, которая «содержит намерение навязать Японии безоговорочную капитуляцию». При этом он заявил, что Япония не капитулирует на условиях, изложенных в Потсдамской декларации. Возвращаясь к вопросу о посредничестве, Сато подчеркнул, что Коноэ будет облечен самыми широкими полномочиями[3].

Заявление Сато подтвердило декларацию премьер-министра Судзуки. Японские милитаристы намеревались вести затяжную войну на японских островах и оккупированных ими территориях Восточной Азии.

Отказ японского правительства от принятия Потсдамской декларации стоил японскому народу дополнительно новых сотен тысяч жертв. Американские империалисты использовали этот отказ для того, чтобы сбросить две атомные бомбы на мирное население Японии.

24 июля командующему стратегической авиацией США был дан приказ «сбросить первую особую бомбу, как только погода позволит визуальную бомбардировку, примерно 3 августа 1945 г. на один из следующих объектов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки»[4]. Хиросима и Нагасаки были избраны в качестве объектов бомбардировки, признается в докладе Управления

---

[1] «Сюсен сироку», стр. 503.

[2] Там же, стр. 504.

[3] АВП СССР. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом Японии в СССР Сато 30 июля 1945 г.

[4] "The Memoirs of Harry S. Truman", vol. I, p. 420.

службы американской стратегической бомбардировочной авиации, вследствие плотности их населения и их значения в жизни страны [1]. В целях демонстрации силы и запугивания других государств, и прежде всего СССР, американское правительство решило уничтожить и подвергнуть невероятным страданиям сотни тысяч женщин, детей и стариков. «Я, конечно, понимал,— признает Трумэн,— что взрыв атомной бомбы вызовет невообразимые разрушения и жертвы» [2]. Американское правительство решило приурочить применение атомной бомбы против Японии к моменту вступления в войну СССР. Для создания двух первых бомб были мобилизованы все запасы урана и плутония, имевшиеся в США.

6 августа около 8 часов утра над Хиросимой появились два американских бомбардировщика. Сигнал тревоги был дан, но, видя, что самолетов мало, люди продолжали работать, не заходя в убежища. Когда бомбардировщики достигли центра города, один из них сбросил небольшой парашют. В 8 часов 15 минут раздался оглушительный взрыв. Город был превращен в развалины.

На следующее утро, 7 августа, по радио было передано заявление Трумэна, в котором он, сообщив, что была сброшена атомная бомба, угрожал Японии, «если она не капитулирует», сбросить атомные бомбы в других местах. США располагали в то время еще лишь одной бомбой, которую они и сбросили 9 августа на Нагасаки. В результате атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки было убито и искалечено 447 тыс. мирных жителей.

Военные и политические авторитеты признают, что атомные бомбы не могли решить исхода войны против Японии. «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой» [3],— отмечает У. Черчилль. Начальник штаба президента США адмирал флота У. Леги пишет: «По моему мнению, применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не оказало никакой существенной помощи в нашей войне против Японии» [4].

Следовательно, никакой стратегической или тактической необходимости в применении атомной бомбы не было. Поэтому применение атомной бомбы носило в основном политический характер и было продиктовано стремлением США использовать демонстрацию атомной мощи американского империализма для того, чтобы ослабить позиции СССР при решении дальневосточ-

---

[1] *P. M. S. Blackett.* Military and political consequences of Atomic Energy. London, 1948, p. 127.
[2] "The Memoirs of Harry S. Truman", vol. I, p. 419.
[3] *W. S. Churchill.* The Second World War, vol. VI, p. 559.
[4] *W. D. Leahy.* I Was There, p. 441.

ных проблем, обеспечить превращение послевоенной Японии в важную базу США в Азии. Более широкие политические цели использования атомного оружия преследовали установление мировой гегемонии США. В беседе с Трумэном Бирнс (директор Управления военной мобилизации, а затем государственный секретарь) еще за несколько месяцев до взрыва экспериментальной бомбы заявил, что новая бомба «даст возможность продиктовать наши условия в конце войны»[1].

После атомных бомбардировок Япония не считала себя потерпевшей поражение.

Позиция Японии была сложной. Того считал необходимым выяснить последствия взрыва бомбы и заявить протест США против такого бесчеловечного ведения войны. На запрос Того 7 августа из главной ставки сообщили, что на Хиросиму была сброшена «обычная бомба, но особой силы». Военные лидеры отвергли предложение Того обсудить вопрос об окончании войны на заседании кабинета[2]. Заседание Высшего совета по руководству войной, намеченное на 8 августа, было отменено. Правители Японии ожидали результатов встречи Сато с советским наркомом иностранных дел.

7 августа Того послал телеграмму Сато, приказав немедленно посетить наркома иностранных дел СССР и узнать ответ Советского правительства на просьбу Японии о посредничестве.

5 августа руководители Советского правительства вернулись из Потсдама в Москву. На следующий день, не получив еще телеграммы Того, Сато сообщил министру, что его встреча с В. М. Молотовым намечена на вечер 8 августа[3].

Вступление СССР в войну с Японией. Разгром и безоговорочная капитуляция Японии

В 17 часов 8 августа нарком иностранных дел СССР принял посла Японии. От имени Советского правительства нарком заявил для передачи японскому правительству следующее: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны». Советское правительство указывало, что в связи с отклонением Японией Потсдамской декларации «предложение Японского Правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву». Советское правительство присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля 1945 г. и, стремясь «приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасно-

---

[1] "The Memoirs of Harry S. Truman", vol. I, p. 87.
[2] «Сюсен сироку», стр. 535.
[3] Там же, стр. 546.

стей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции», заявило о том, что с 9 августа «Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»[1]. Вручая заявление послу Сато, нарком иностранных дел СССР подчеркнул, что «главное в настоящий момент — это быстрее закончить войну и поскорее восстановить мир»[2].

Вступая в войну с Японией, Советское правительство стремилось ликвидировать очаг войны на Дальнем Востоке, освободить народы Азии от тирании японского империализма, обеспечить государственные интересы страны на Дальнем Востоке и приблизить наступление всеобщего мира, спасая сотни миллионов людей от угрозы длительной и опустошительной войны на территории Японии и оккупированных ею стран.

Вступление СССР в войну с Японией предопределило разгром японского милитаризма в кратчайший срок.

10 августа в войну против Японии вступила Монгольская Народная Республика, войска которой действовали вместе с Красной Армией. В обращении правительства МНР «К братьям-монголам» говорилось: «Монголы! Красная Армия совместно с армиями Америки и Англии разбила наголову фашистские армии Германии и дала народам Европы мир и свободу, освободив их от фашистского кошмара. Все народы Европы славят Красную Армию как армию-освободительницу. Наступил час и нашего освобождения от кошмара японского захватнического и грабительского режима. Монголы! Вперед, на священную освободительную войну против японских захватчиков!»[3]. В тот же день 8-я и Новая 4-я народные армии и партизаны Китая в широких масштабах развернули наступление в Северном и Центральном Китае. Корейские партизаны, действовавшие в горных районах страны, активизировали борьбу против японских захватчиков.

Советские войска нанесли удар по противнику с трех направлений: из Забайкалья, Приамурья и Приморья. Тем самым решалась главная стратегическая задача—окружить, расчленить и уничтожить по частям отборные войска Квантунской армии и освободить население Северо-Восточного Китая и Северной Кореи от японской оккупации. Советская авиация и военно-морской флот наносили удары по японским объектам в Северо-Восточном Китае и Северной Корее, а также по японским кораблям близ побережья Кореи и на переходе от Кореи в Японию.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 362, 363.

[2] АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР Сато 8 августа 1945 г.

[3] Цит. по: *И. В. Шикин.* Последняя черта под второй мировой войной.— «Вопросы истории», 1971, № 4, стр. 133.

Ни один советский самолет или корабль не вел обстрела или бомбардировки японской территории, и мирному населению Японии не было причинено ни малейшего ущерба.

Вступление в войну Советского Союза выбивало главный козырь из рук японской военщины, которая утверждала, что, когда начнется решительное сражение на Японских островах, нетронутые силы сухопутной армии, находящиеся на материке, позволят Японии вести длительную и успешную войну.

Как только стало известно об объявлении войны Советским Союзом, главная ставка отдала приказ начать боевые действия против Красной Армии. Экспедиционной армии в Китае было предписано перебросить войска на помощь Квантунской армии. Квантунская армия — основная сухопутная группировка Японии — представляла собой внушительную силу и располагала мощными оборонительными сооружениями, строившимися в течение многих лет. Вместе с войсками марионеточных правительств Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии и Суйюаньской армейской группой численность противостоящих Красной Армии сил составила около 1,2 млн. человек [1].

Советские войска в течение шести дней полностью преодолели линию укрепленных районов и подходили к крупнейшим центрам Северо-Восточного Китая. Штаб Квантунской армии потерял управление своими войсками. Над Квантунской армией нависла угроза окончательного разгрома.

Вступление в войну Советского Союза определило исход войны и делало беспочвенными все надежды японского правительства на ее успешное продолжение. Рано утром 9 августа Того пришел к премьер-министру Судзуки и заявил, что нужно заканчивать войну. Премьер согласился с мнением Того. Поддержал Того и морской министр Ионай. Того решил заручиться поддержкой придворных кругов. Он отправился к брату императора принцу Такамацу. «В данный момент можно сохранить государственную структуру, приняв Потсдамскую декларацию»,— заявил Того. На замечание Такамацу: «Нельзя ли что-нибудь придумать по территориальному вопросу?» — Того ответил: «Раньше по этому вопросу главным образом мы и пытались вести переговоры с Объединенными Нациями, но теперь, к большому сожалению, это очень трудно» [2]. В то же время министр-хранитель печати Кидо встретился с императором и заявил ему, что надо войну кончать. Император согласился с этим и поручил передать его мнение премьер-министру [3].

---

[1] См. «Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году». М., 1969, стр. 74.

[2] «Сюсен спроку», стр. 560—561.

[3] Там же, стр. 561.

В 10 часов 30 минут 9 августа открылось заседание Высшего совета по руководству войной. Премьер-министр Судзуки вынужден был заявить: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»[1]. Вступление в войну СССР заставило и военных руководителей изменить позицию. Анами, Умедзу и Тоёда теперь соглашались принять Потсдамскую декларацию, но настаивали на том, чтобы оговорить это следующими четырьмя условиями: сохранение существующего государственного строя, наказание военных преступников самими японцами, самостоятельное разоружение, недопущение оккупации союзниками (если оккупация неизбежна, то она должна быть кратковременной, осуществляться небольшими силами и не затрагивать города Токио). Они заявляли, что рано говорить о безоговорочной капитуляции: Япония еще не является побежденной страной. Того считал, что нужно немедленно принять Потсдамскую декларацию, выдвинув лишь одно условие — сохранение государственного строя. Его поддержали Судзуки и Ионай. Заседание затянулось до второй половины дня. Договорились передать вопрос на рассмотрение кабинета министров.

В то время как на заседании Высшего совета по руководству войной шли эти дебаты, американцы сбросили над Японией вторую атомную бомбу.

В тот же день в 2 часа дня открылось чрезвычайное заседание кабинета министров. Семь часов спорили члены правительства, следует ли выдвигать одно условие или четыре, принимая Потсдамскую декларацию. Против Того выступили военный министр и начальники штабов, которые добивались продолжения войны. Решение не было принято.

В половине двенадцатого ночи в маленьком и тесном бомбоубежище императорского дворца началось новое заседание Высшего совета по руководству войной в присутствии императора. В начале заседания Судзуки зачитал заранее заготовленный проект заявления: «Японское правительство готово принять условия декларации трех держав от 26 июля. Японское правительство понимает, что эта декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии»[2]. До двух часов ночи продолжались споры. Того настаивал на немедленном принятии декларации. Анами и начальники штабов по-прежнему выступали с требованием о четырех оговорках.

---

[1] Цит. по кн.: *Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси.* История современной Японии. М., 1955, стр. 264.

[2] «Сюсен сироку», стр. 447—448.

Тогда Судзуки, ссылаясь на сложность обстановки, попросил высказать свое мнение императора. Император, который уже советовался с Кидо и другими придворными, сказал, что очень обеспокоен той обстановкой, которая сложилась внутри страны и за границей. Как это ни печально, он санкционирует предложение о принятии декларации союзников в том виде, в каком его предложил министр иностранных дел [1]. Судзуки заявил, что решение императора должно быть решением данного заседания. В четвертом часу ночи кабинет министров единодушно утвердил «решение императора» [2].

Утром 10 августа Того направил японским посланникам в Швеции и Швейцарии телеграммы с просьбой передать через правительства этих стран уведомление союзным державам о согласии Японии принять условия декларации [3]. Одновременно это заявление было сообщено советскому послу в Токио [4].

В ночь на 12 августа в Японии стал известен ответ правительств Советского Союза, США, Великобритании и Китая на заявление японского правительства, направленный госдепартаментом США через швейцарское правительство. В заявлении союзников говорилось, что «с момента капитуляции власть императора и Японского Правительства в отношении управления государством будет подчинена Верховному Командующему союзных держав, который предпримет такие шаги, какие он сочтет нужными для осуществления условий капитуляции». Далее указывалось, что императору будет предложено санкционировать и обеспечить подписание правительством и главным командованием условий капитуляции, необходимых для выполнения Потсдамской декларации. «Форма Правительства Японии,— говорилось в ответе союзников,— в конечном счете будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа» [5].

Таким образом, Японии вновь было предъявлено требование принятия всех условий Потсдамской декларации, хотя в косвенной форме признавалась возможность сохранения императорской системы.

Министерство иностранных дел Японии, опасаясь реакции военных кругов, перевело ответ союзных держав в смягченной редакции. Военные лидеры знали точный текст ответа из радиопередач. Анами, Умедзу и Тоёда заявили, что они против принятия ответа союзников. Правительство вновь обсудило вопрос

---

[1] *W. Craig.* The Fall of Japan, p. 118—119.
[2] Ibid., p. 120.
[3] «Сюсен сироку», стр. 547.
[4] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 376.
[5] Там же, стр. 378, 379.

и стало склоняться к решению направить повторный запрос по поводу условий капитуляции. Решение не было принято.

Армейские части, находившиеся за пределами Японии и руководимые фашистски настроенными офицерами, одна за другой стали направлять решительные протесты против переговоров о капитуляции.

Поздно вечером 13 августа Умедзу и Тоёда пригласили к себе Того, чтобы еще раз обменяться мнениями. Заместитель начальника главного морского штаба Ониси, организатор соединений «смертников», так называемых «камикадзе»[1], убеждал участников совещания не соглашаться на капитуляцию, выдвинув фантастический проект: «Если мы подготовимся к тому, чтобы пожертвовать жизнями 20 млн. японцев в виде операций «камикадзе», то победа будет за нами». Совещание не привело к результатам.

В кругах военного министерства начал созревать заговор с целью ликвидировать «сторонников мира» и продолжать войну. В свою очередь «сторонники мира» стремились использовать авторитет императора для того, чтобы сломить сопротивление военщины. Одним из аргументов, который они выдвигали, являлась угроза народных волнений. Император дал согласие на созыв императорской конференции. Он обещал отдать приказ о подготовке императорского рескрипта о капитуляции[2].

Утром 14 августа в бомбоубежище при императорском дворце началось объединенное совещание Высшего совета по руководству войной и кабинета министров с участием императора. Премьер-министр зачитал проект ответа союзникам о принятии условий декларации. Против выступили военный министр и начальники штабов. Император заявил о необходимости немедленного принятия условий капитуляции. Военщина, утратив веру в возможность решительного сражения на территории Японии в результате разгрома Советскими Вооруженными Силами Квантунской армии, в конце концов вынуждена была согласиться с решением, облеченным в форму императорского указания[3]. Было решено также, что на следующий день император объявит о капитуляции в своем выступлении по радио.

В тот же день в Швейцарию была отправлена телеграмма, в которой правительства США, Великобритании, Советского Союза и Китая уведомлялись о принятии Японией условий Потсдамской декларации, причем заявлялось о готовности императора санкционировать и обеспечить подписание правительством и главным командованием необходимых условий для выполне-

---

[1] «Камикадзе» в переводе означает «божий ветер».
[2] *W. Craig.* The Fall of Japan, p. 169.
[3] Ibid., p. 170—173.

ния положений Потсдамской декларации, а также отдать приказы о прекращении боевых действий и сдаче оружия всеми вооруженными силами Японии[1].

Согласие военных лидеров на капитуляцию было запоздалой победой «сторонников мира». Но армейские лидеры не хотели так легко примириться с безоговорочной капитуляцией. Сторонники продолжения войны решили прибегнуть к оружию, чтобы помешать осуществлению капитуляции. Ночью 14 августа несколько офицеров генерального штаба и военного министерства решили занять императорский дворец. Заговорщики надеялись захватить запись выступления императора по радио, в которой объявлялось о прекращении войны, помешать опубликованию сообщения о капитуляции и поднять всю армию на продолжение войны. Командир 1-й гвардейской дивизии, охранявшей императорскую резиденцию, генерал Мори отказался примкнуть к заговору. Он был застрелен заговорщиками. От его имени мятежники издали подложный приказ о занятии императорского дворца и радиостанции. Охрана императора и дворцовая полиция были обезоружены. Пулеметчики держали на прицеле окна личных покоев императора. Была занята и радиостанция. Другая группа заговорщиков совершила нападения на резиденции руководителей правительства, слывших «сторонниками мира», в частности на дом премьер-министра Судзуки и председателя Тайного совета Хиранума. Судзуки находился в загородном доме; Хиранума избежал смерти, спрятавшись в канаве около дома.

Командование Восточной армии, которая дислоцировалась в районе Токио, не поддержало заговорщиков и приняло меры к подавлению мятежа. Обманутые офицеры и солдаты 1-й гвардейской дивизии вскоре перестали повиноваться заговорщикам. Главарю мятежа майору Хатанака, находившемуся на радиостанции, из штаба Восточной армии в 10 часов 30 минут утра по телефону было сказано, что его игра проиграна и мятеж разгромлен[2]. Хаганака и другие зачинщики заговора отправились на зеленую лужайку перед императорским дворцом и покончили жизнь путем «харакири»[3]. Помимо путча в Токио менее крупные выступления «сторонников продолжения войны» прошли в некоторых воинских частях и военных училищах[4]. Однако кучки фанатически настроенных офицеров и фашистских элементов не встретили поддержки ни со стороны народа, ни со стороны массы рядовых солдат, с нетерпением ожидавших мира.

---

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 380.

[2] *W. Craig.* The Fall of Japan, p. 197—198.

[3] Древний обычай самоубийства самураев.

[4] См. *Т. Хаттори.* Япония в войне 1941—1945, стр. 577.

Утром 15 августа по радио было объявлено, что ровно в полдень будет передано крайне важное сообщение. Около 12 часов дня голос диктора оповестил: «Через минуту начнется передача исключительной важности. Всех радиослушателей просят встать. Его величество император зачитает сейчас рескрипт». Послышался высокий и дрожащий от волнения голос Хирохито, впервые за всю историю обратившегося по радио к своим подданным. Император объявил о капитуляции Японии, прекратившей кровопролитную войну, развязанную японскими милитаристами.

После сообщения о согласии Японии на принятие Потсдамской декларации Трумэн заявил, что он рассматривает ответ Японии как согласие на безоговорочную капитуляцию, в соответствии с чем союзным вооруженным силам необходимо прекратить военные действия. Трумэн объявил о назначении генерала армии Дугласа Макартура союзным Верховным командующим; ему было поручено принятие капитуляции и ее осуществление.

Но Квантунская армия, несмотря на сообщение о капитуляции, продолжала оказывать отчаянное сопротивление Красной Армии. Военные действия продолжались до конца августа. В результате боев японская армия понесла огромные потери. Большинство погибших после заявления о капитуляции японское правительство отнесло к числу пропавших без вести. Японская реакция впоследствии, когда возник вопрос о репатриации пленных, использовала это обстоятельство для разжигания антисоветской пропаганды, настаивая на возвращении в Японию лиц, погибших в боях.

15 августа 1945 г. Трумэн сообщил Советскому правительству «Общий приказ № 1» о деталях капитуляции японских вооруженных сил. Приказ, в частности, предусматривал принятие капитуляции японских войск на территории Китая (за исключением Маньчжурии), Формозы (Тайваня) и Французского Индокитая севернее 16° северной широты чунцинским правительством. Все японские наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в Маньчжурии, а также в Корее севернее 38° северной широты и на Сахалине, должны были сдаться Главнокомандующему советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. По странной «забывчивости» в качестве составной части зоны принятия капитуляции советскими войсками в приказе не упоминались Курильские острова[1].

В ответе Советского правительства от 16 августа предлагалось в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам включить «все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Со-

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 259.

ветского Союза». Одновременно Советское правительство поставило перед правительством США вопрос о включении северной половины острова Хоккайдо в район, где капитуляцию японских вооруженных сил примут советские войска [1].

Последнее предложение было отклонено американцами. США потребовали от Советского Союза предоставления им возможности создания авиационных баз на одном из Курильских островов [2]. Советское правительство заявило, что оно может предоставить возможность посадки коммерческих самолетов США на одном из советских аэродромов на Курильских островах при условии предоставления аналогичных возможностей для советских самолетов на одном из аэродромов на Алеутских островах [3].

Красная Армия, продолжая наступление, освободила основные центры Северо-Восточного Китая и высадила свои десанты в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Разгром Квантунской армии Советскими Вооруженными Силами явился важным фактором, способствовавшим победе народной революции в Китае.

Советско-китайский союзный договор 14 августа 1945 г.

В ходе войны, когда со всей определенностью выявился неизбежный разгром гитлеровцев и буржуазная пресса стала все чаще поговаривать о возможности вступления Советского Союза в войну против Японии, гоминьдановское руководство встревожилось. Чан Кай-ши и его сторонники опасались, что участие СССР в войне на Дальнем Востоке неизбежно повысит авторитет Советского государства в глазах китайского народа и будет способствовать укреплению позиций демократических сил, настаивавших на развитии советско-китайских связей [4]. Гоминьдановская пресса распространяла клеветнические слухи о планах СССР захватить после разгрома Японии северо-восточные (Маньчжурию) и западные (Синьцзян) районы Китая [5].

Широкие народные массы и демократические организации Китая настаивали на проведении демократических реформ и улучшении отношений с СССР.

Огромный рост международного авторитета и могущества СССР в ходе второй мировой войны заставили гоминьдановцев понять, что в складывающейся обстановке без Советского Союза не может быть разрешена ни одна из дальневосточных проблем. В результате этого в правящих кругах Китая стали усиливаться

---

[1] См. «Переписка...», т. II, стр. 263—264.
[2] См. там же, стр. 264.
[3] См. там же, стр. 266—267.
[4] *L. K. Rosinger.* China's Crisis. New York, 1945, p. 237—238.
[5] Ibid., p. 238.

настроения в пользу известной стабилизации советско-китайских отношений. На VI съезде гоминьдана весной 1945 г. группа умеренных делегатов внесла предложение о необходимости улучшения советско-китайских отношений. Однако под давлением реакционного крыла было опубликовано лишь заявление о том, что установление длительных дружественных отношений с СССР крайне необходимо[1].

С 30 июня по 14 июля 1945 г. в Москве проходили переговоры между китайской и советской делегациями. После перерыва (с 14 июля по 7 августа в связи с Потсдамской конференцией глав правительств СССР, США и Англии) переговоры завершились 14 августа подписанием договора о дружбе и союзе, соглашений о Китайской Чанчуньской железной дороге, о Порт-Артуре, о порте Дальнем и об отношениях между Советским Главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию трех восточных провинций Китая в связи с настоящей совместной войной против Японии.

Договор провозглашал укрепление дружественных отношений между СССР и Китаем путем союза и добрососедского послевоенного сотрудничества, которые должны были предотвратить возможность повторения японской агрессии. Обе стороны брали обязательство оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку в войне против Японии, а также «не вступать в сепаратные переговоры с Японией и не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора ни с нынешним японским правительством, ни с любым другим правительством или органом власти, созданным в Японии, которые не откажутся ясно от всяких агрессивных намерений». В случае вовлечения в военные действия против Японии в результате нападения последней на одну из сторон другая сторона должна была оказать немедленно всю военную и другую поддержку и помощь имеющимися в ее распоряжении средствами. Договор предусматривал неучастие сторон в союзе или в коалиции, направленной против другой договаривающейся стороны.

Правительства обеих держав условились совместно работать в тесном и дружественном сотрудничестве, оказывать друг другу всю возможную экономическую помощь в послевоенный период и действовать в соответствии с принципами взаимного уважения их суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела[2].

По условиям соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге (КЧЖД) бывшие Китайско-Восточная железная

---

[1] См. *М. С. Капица.* Советско-китайские отношения, стр. 320.

[2] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 458—461.

дорога (КВЖД) и Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) переходили в общую собственность СССР и Китая в качестве чисто коммерческого транспортного предприятия под китайским суверенитетом, с совместным советско-китайским управлением. Для целей управления и эксплуатации учреждалось Китайско-Советское общество Китайской Чанчуньской железной дороги, построенное на паритетных основах. После истечения тридцатилетнего срока действия соглашения КЧЖД подлежала безвозмездной передаче в полную собственность Китая[1].

По соглашению о Порт-Артуре этот порт превращался в военно-морскую базу, открытую для военных кораблей и торговых судов только СССР и Китая. Оборону базы брало на себя Советское правительство. По истечении срока действия соглашения (30 лет) база подлежала передаче в собственность Китая[2].

Порт Дальний превращался в свободный порт, открытый для торговли и судоходства всех стран. Администрация в Дальнем принадлежала китайскому правительству[3].

Эти шаги Советского государства в полной мере отвечали задачам обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке. Целесообразность этих мер была признана и главами великих держав на конференции в Ялте в феврале 1945 г.

Согласно условиям соглашения об отношениях между Советским Главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию трех восточных провинций Китая в связи с совместной войной против Японии, верховная власть и ответственность в зоне военных действий во всех военных вопросах возлагались на Главнокомандующего советскими вооруженными силами. Китайское правительство учреждало административные органы на освобожденной от противника территории, оказывало помощь в установлении взаимодействия на возвращенных территориях между китайскими вооруженными силами и обеспечивало активное сотрудничество китайской администрации с Советским Главнокомандующим[4].

В нотах, которыми обменялись министры иностранных дел СССР и Китая, подтверждался принцип невмешательства СССР во внутренние дела Китая, уважения полного суверенитета Китая над тремя восточными провинциями, признания их территориальной и административной целостности. Советское правительство соглашалось «оказать Китаю моральную поддержку

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 461—466.
[2] См. там же, стр. 467—469.
[3] См. там же, стр. 469—471.
[4] См. там же, стр. 471—473.

и помощь военным снаряжением и другими материальными ресурсами...»[1].

Китайское правительство «ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии (МНР.— *Ред.*) стремления к независимости» заявляло, что «после поражения Японии, если плебисцит народов Внешней Монголии подтвердит это стремление, Китайское Правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах»[2]. В свою очередь Советское правительство заявило, что «оно будет уважать государственную независимость и территориальную целостность Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии)»[3].

Советско-китайский договор 14 августа 1945 г. имел большое значение для стабилизации обстановки на дальневосточных границах Советского Союза и предотвращения японской агрессии в отношении СССР и Китая.

Акт капитуляции Японии

Советские Вооруженные Силы в течение второй половины августа завершили разгром Квантунской армии и японских войск на Южном Сахалине и Курильских островах. Активно действовали вооруженные силы Монгольской народно-революционной армии. Героические и самоотверженные действия Советских Вооруженных Сил оказали большую помощь народным армиям Китая, а также национально-освободительной борьбе народов Индонезии, Индокитая, Бирмы и Малайи. 15 августа Красная Армия освободила Корею. 17 августа была провозглашена независимость Индонезии.

19 августа для подготовки официального подписания акта о капитуляции в Манилу была направлена японская делегация во главе с заместителем начальника генерального штаба генерал-лейтенантом Торасиро Кавабэ. Делегация договорилась с американским командованием о процедуре подписания акта капитуляции и деталях осуществления оккупации Японии армией союзников.

В соответствии с этой договоренностью 28 августа на аэродроме Ацуги в префектуре Канагава высадился передовой отряд американской армии. 30 августа в Японию прибыл Верховный командующий союзными оккупационными войсками генерал Дуглас Макартур.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 474.

[2] Там же, стр. 475.

Монгольский народ единодушно высказался за независимость страны во время плебисцита 20 октября 1945 г. 5 января 1946 г. правительство Китая объявило о признании независимости МНР.

[3] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 476.

Официальное подписание акта капитуляции было назначено на 2 сентября на борту американского линкора «Миссури». Американцы постарались придать церемонии подписания заключительного акта характер театрализованного и помпезного зрелища. По приказу Макартура из США был доставлен на борт «Миссури» флаг командора Перри, который в 1854 г., угрожая артиллерийским обстрелом, заставил японское правительство подписать неравноправный договор, открывавший страну для американской буржуазии. Посреди бронированной палубы линкора был установлен большой стол, за которым сидели представители делегаций США, Великобритании, СССР, Франции, Китая, Австралии, Канады, Голландии и Новой Зеландии.

...В наступившей вдруг тишине раздался негромкий стук палки о палубную бронь. Заметно хромая, перед столом представителей союзников появился глава японской делегации министр иностранных дел Мамору Сигемицу[1]. Его сопровождали начальник японского генерального штаба генерал Умедзу и еще девять человек (по три представителя от министерства иностранных дел, военного и морского министерств). В течение нескольких минут под взглядами сотен глаз Сигемицу, Умедзу и другие японские представители в полном молчании стояли перед столом. Это были специально предусмотренные программой церемонии — так называемые «минуты позора».

Затем Макартур пригласил японских делегатов к столу. От имени императора, японского правительства и японской императорской ставки акт о безоговорочной капитуляции подписал Сигемицу. Вторую подпись поставил генерал Умедзу. От имени союзных наций акт подписали генералы Д. Макартур, Дж. М. Уанрайт и Э. Персиваль. Затем акт подписали представители союзных держав: от США — адмирал Ч. Нимиц, от Китая — генерал Су Юн-чан, от Великобритании — адмирал Б. Фрэзер, от СССР — генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, от Австралии — генерал Т. Блэми, от Франции — генерал Леклерк, от Голландии — адмирал Халфрих, от Новой Зеландии — вице-маршал авиации Л. Исит, от Канады — полковник М. Мур-Косгрейв.

В акте о капитуляции было зафиксировано согласие Японии на принятие условий Потсдамской декларации.

Япония заявляла о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находились.

Японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу приказывалось немедленно прекратить военные дейст-

[1] М. Сигемицу стал министром иностранных дел 17 августа 1945 г. в кабинете принца Хигасикуни.

вия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены Верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

Японскому императорскому генеральному штабу было приказано немедленно издать приказы командующим всех войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

Все гражданские, военные и морские официальные лица были обязаны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые Верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления капитуляции и которые будут изданы им самим или по его уполномочию; все эти официальные лица должны были оставаться на своих постах и попрежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным Верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

Японское правительство и его преемники давали обязательство честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует Верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

Японскому императорскому правительству и японскому генеральному штабу было предписано немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находившихся под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную их доставку в указанные места.

Власть императора и японского правительства управлять государством подчинялась Верховному командующему союзных держав, который мог предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления условий капитуляции [1].

Подписанием Японией акта о капитуляции закончилась вторая мировая война.

Вторая мировая война завершилась победой антифашистской коалиции народов и государств над фашистским блоком. Советский Союз и его Вооруженные Силы сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников. В результате

[1] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 480—481.

беспримерной героической борьбы советского народа и усилий многих народов мира, выступавших вместе с СССР союзниками по оружию в общей борьбе, были уничтожены главные очаги фашизма и агрессии — гитлеровская Германия на Западе и милитаристская Япония на Востоке. «Советский народ и его Вооруженные Силы,— говорил Л. И. Брежнев,— с честью выполнили свою великую освободительную миссию. Они оказали братскую помощь народам Европы и Азии в их борьбе за свободу и национальную независимость, помогли и германскому народу освободиться от фашизма»[1].

Военное, политическое и моральное поражение главных отрядов мировой реакции неопровержимо доказало непреоборимую силу социализма, Советского Союза — первого в мире социалистического государства. Подтвердились слова В. И. Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»[2]. Провалились расчеты империалистических правительств на уничтожение или ослабление Советского Союза. К концу второй мировой войны Советский Союз стал одним из самых могущественных государств мира, способным отразить нападение любого агрессора. Советский государственный и общественный строй доказал, что он является самым прочным и жизнеспособным строем.

Решающие победы, одержанные Красной Армией под руководством Коммунистической партии над международными силами фашизма и милитаризма, имели всемирно-историческое значение. Победоносное завершение Великой Отечественной войны, разгром фашистской Германии и милитаристской Японии принесли освобождение многим народам Европы и Азии, ослабили силы мирового империализма. Это способствовало успеху национально-освободительных и социалистических революций в ряде стран Европы и Азии, подъему международного революционного, освободительного движения.

В результате сокрушительных ударов по японскому империализму создались благоприятные условия для победы революций в Китае, Северной Корее, во Вьетнаме. Советский Союз своими политическими, дипломатическими и другими действиями сорвал намерения американского империализма и гоминьдановской реакции подавить революцию в Китае.

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 139.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

Победа над империалистической Японией оказала влияние на освободительную борьбу народов Индонезии, Индии, Филиппин, Малайи, Бирмы и других стран Азии. На всем азиатском континенте окрепли силы борцов против колониализма, за национальную независимость, демократию и прогресс, ослабив позиции империализма и реакции.

В обеспечении победы во второй мировой войне большую роль сыграла советская внешняя политика и советская дипломатия. Используя глубокие противоречия между главными империалистическими державами, ленинская внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства помешала образованию единого фронта капиталистических стран и добилась создания антифашистской коалиции с участием США и Англии. Планы империалистической дипломатии изолировать СССР и сколотить единый антисоветский фронт были сорваны умелыми внешнеполитическими акциями Советского правительства. Две крупнейшие капиталистические державы — США и Англия не только не включились в антисоветский поход, но и оказались на стороне СССР. Ленинская внешняя политика Советского государства и Коммунистической партии в значительной мере содействовала созданию наиболее выгодных международных условий для победоносного завершения войны. Вновь показал свою жизненную силу ленинский принцип сотрудничества государств с различным общественным строем.

Несмотря на существенные различия в целях войны и путях обеспечения послевоенного мира между СССР и его капиталистическими союзниками, советская дипломатия последовательно и твердо отстаивала единство и сплоченность антифашистской коалиции, разоблачая коварные планы антисоветских кругов, направленные на раскол коалиции, ослабление и изоляцию Советского Союза. Благодаря усилиям Советского правительства освободительные цели войны и демократические принципы послевоенного устройства мира были закреплены в Потсдамских соглашениях, в Уставе Организации Объединенных Наций и других международных договорах и соглашениях. Этими международными документами было, в частности, обеспечено право освобожденных народов восстановить свою независимость и суверенитет, развиваться по демократическому пути.

На нынешнем этапе международного развития Советский Союз и его дипломатия борются за окончательное подведение черты под второй мировой войной, за закрепление существующих реальностей в Европе и во всем мире. XXIV съезд КПСС разработал Программу мира, направленную на дальнейшее изменение международной обстановки в интересах мира, демократии и социализма.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдаллах — 594
Абуль-Худа Тевфик — 595
Абэ Нобуюки — 82
Аварин В. Я.— 287, 294
Авербух Ревекка Абрамовна — 277
Авила Камачо Мануэль — 598
Аззам Абдель Рахман — 595
Айзекс Гарольд — 290
Аквароне Пьетро— 369
Актай Али Хайдар — 158
Александер Альберт Виктор — 60, 321
Александер Гарольд Руперт Леофрик —332, 527, 538, 539, 624
Александров Михаил Александрович — 302
Алексеев Владимир Михайлович — 579
Альфьери Дино — 98, 366—368
Амброзио Витторио — 368, 369, 371
Анами Корэтика — 75, 698—700, 718, 724, 725
Андерс Владислав — 361
Андраде Виктор — 620
Андреева М.— 159
Анри Шарль Арсен — 74, 77
Антанов Никола — 153
Антонеску Ион — 102, 103, 318—320, 427, 432—439, 452—455, 457
Антонеску Михай — 320, 322—324, 432, 454
Антонов Алексей Иннокентьевич — 554, 630, 689
Аоста Амедео, герцог — 277
Аранья Освальдо — 599
Ариас Арнульфо — 606
Арита Хатиро — 71, 72, 74, 79
Армур Норман — 90
Арнольд Генри — 327
Арцишевский Томаш — 675
Арчер Эрнест Рассел — 630
Аун Сан — 692
Ацел Эде — 467
Ачесон Дин — 574

Багге Видар — 449, 604, 695, 704, 705
Багрянов Иван — 443
Бадольо Пьетро — 66, 67, 369—376, 378, 379, 381, 528—530, 532—535
Бакач-Бешеньеи Дьердь — 438
Балог Иштван — 470
Банерджи А. Ч.— 301
Бараняи Липот — 325
Баррет Дэвид — 542, 544, 545
Барца Дьердь — 324, 438
Бастианини Джузеппе — 49, 363, 366, 368
Батле Мануэль Пенья — 619
Батлер Ричард Остин — 30
Батлер Хью Альфред— 608
Батталья Роберто — 369, 371, 372, 531, 536—539
Баттистини Лоуренс Х.— 393
Бевин Эрнест — 666, 685
Бегбедер Хуан — 58
Бейли Т.— 134
Бейне — 586
Бек Людвиг — 317, 444, 445
Бенеш Эдуард — 214, 357—359, 488, 491, 492, 648
Берзин Эдуард Оскарович — 385
Берио Альберто — 372
Бернадотт Фольке — 626, 627
Берут Болеслав — 484, 497, 570
Бетлен Иштван —324
Бивербрук Уильям Максуэлл Эйткен — 53, 192, 193, 196, 211, 212
Биддл Антони Джозеф Дрексел — 59, 60
Бидо Жорж — 514—516, 518
Бирнс Джеймс Фрэнсис — 666, 667, 721
Бирюзов Сергей Семенович — 653
Бланш Анри — 10
Блэми Томас— 733
Блюм Пауль — 705, 706
Блюментрит Гюнтер — 505
Блюхер Виперт фон — 430, 431, 475
Бова Скоппа Ренато — 323
Богомолов Александр Ефремович — 69, 349, 351, 353, 356
Бодуэн Поль — 43, 47, 54, 57—60, 62, 63, 65, 66
Божилов Добри — 443
Бономи Иваноэ—531, 535—537, 540
Боннэ Жорж — 9
Бонцош Миклош — 466
Борис III Саксен-Кобург-Готский — 105, 153, 154, 320
Борман Мартин — 141
Бракен Брендан — 210
Брежнев Леонид Ильич — 95, 136, 139, 255, 313, 314, 317, 633, 663, 691, 735
Бриан Аристид — 145
Брук Алан Фрэнсис — 327, 387, 419, 642
Брукс Майкл — 591, 593

Брэдли Омар Нельсон — 395
Брэтиану Константин (Дину) — 432, 433, 453, 454
Буллит Уильям Кристиан — 47, 59
Буркхардт Карл — 14, 111
Бутийе Ив — 65
Бухеман Эрик Карлссон — 160
Бэрли Адольф Огастес — 99
Бэрроуз — 505

Вайнант Джон Гилберт — 185, 378, 557
Вакацуки Рэйдзиро — 694
Валев Любомир Борисович — 464
Валленберг Маркус — 428
Валленберги — 623
Вальден Рудольф —476
Вальтер — 80
Ван Клеффенс Элко Николас — 80
Ванаманн — 627
Ван Цзин-вэй — 80—82, 115, 121, 124, 221, 239, 383—385, 391, 392, 695
Ван Чун-хой — 297
Ван Ши-цзе — 296
Варга Евгений Самойлович — 388
Варес Иоханнес — 143
Варлимонт Вальтер — 113
Василевская Ванда — 484
Вевюра Болеслав — 569
Ведемейер Альберт — 543
Везенмайер Эдмунд — 440—442, 469, 470
Вейган Максим — 43, 45, 46, 53, 60, 63—67
Вейцзекер Эрнст — 43, 108, 179, 235
Веннер-Грен Аксел— 13
Верт Хенрик — 104
Вестфаль Зигфрид — 505
Вёрёш Янош — 464, 467, 469, 470
Виктор Эммануил III Савойский — 534, 535
Виллари Луиджи — 373
Вилмот Честер— 271
Вильгельмина I Нассау-Оранская — 42
Вильсон Генри Мэйтланд — 434, 462, 502, 584
Вильсон Эдвин — 606
Винкельман Генри Герард — 42
Виноградов Сергей Александрович — 456, 581, 583
Витос Анджей — 484
Вицлебен Эрвин — 444, 445
Владимиров Петр Парфенович — 299, 545
Водианер Андор — 324, 325
Вольтат Гельмут — 98, 99
Вольф Карл — 623—625
Воронцов Владилен Борисович — 303, 543
Ворошилов Климент Ефремович — 407, 470, 656
Вуд Кингсли — 11
Вудворд Ллевелин — 406
Вуолиоки Хелла — 29
Вышинский Андрей Януарьевич — 163, 165, 311, 407, 443, 464, 534, 630

Габсбург Людвиг — 325
Габсбург Отто — 325
Гайлани Рашид Али — 589
Галифакс Эдуард Фредерик Вуд — 10, 13, 49, 53, 71, 100, 184, 188, 230, 259, 295, 301
Галкин Александр Абрамович — 629
Гальдер Франц — 8, 96
Гамелен Морис Гюстав — 17, 43—45
Гамильтон, герцог — 111, 112
Гамильтон Хью, контр-адмирал —274
Гаммелль Джеймс — 462
Ганев Димитр — 460
Ганзен Эрик — 437, 455
Гарибальди Джузеппе — 501, 529
Гарриман Уильям Аверелл — 211, 212, 269, 270, 407, 443, 464, 496, 548, 553, 562, 572, 573, 638, 643, 666
Гарро Роже — 283, 350, 356, 509, 511, 513
Гаусгофер Альбрехт — 111
Гаусгофер Карл — 111
Гаусс Кларенс Эдвард — 299, 543
Гафенку Григоре — 145
Геббельс Йозеф Пауль — 184, 317, 361
Георг II Глюксбургский — 523
Георгиев Кимон — 460
Герделер Карл Фридрих — 317, 444, 445
Геринг Герман Вильгельм — 13—15, 52, 317, 622, 626, 674
Герреро Л.— 619
Герштенберг Альфред — 455
Гесс Рудольф — 111—113, 674
Гизевиус Ганс Бернд — 444, 445

Гимммлер Генрих — 440, 622, 623, 626, 627
Гитлер Адольф — 5—12, 14—16, 18, 39, 41, 45—49, 51, 52, 54, 58, 60—62, 64, 66—68, 70, 95—98, 100, 102—105, 107—115, 118, 119, 129, 132, 141, 149—152, 154, 158, 168, 174, 182, 184, 186, 189, 194, 197, 198, 221, 225, 252, 257, 273, 278, 297, 307, 308, 315, 317—321, 323, 325, 327, 334, 336, 342, 364—368, 371, 381, 424, 431, 436, 437, 439—445, 447, 448, 453, 455, 458, 466, 467, 472, 475, 527, 549, 589, 622, 623, 625, 626, 628, 629, 644, 705, 711
Гици Енё — 440
Гогенлоэ Макс — 317
Голиков Филипп Иванович — 193, 199
Голль Шарль де — 38, 55—58, 77, 108, 216, 281, 282, 330, 331, 349—356, 411, 508—510, 512—520, 584, 627
Гольдберг Давид Исаакович — 79, 81, 117, 228
Гопкинс Гарри Ллойд — 125, 129, 133, 197, 200—203, 209, 210, 218, 250, 252, 266, 268, 269, 330, 345, 348, 388, 389, 422, 622, 643—645, 664, 665
Горт Джон — 46, 60, 61
Го Тай-ци — 296
Готвальд Клемент — 360, 489—492
Грабский Станислав — 484
Гранди Дино — 363, 369
Грейди Генри Фрэнсис — 302
Гречко Андрей Антонович — 487—489
Григориу Скарлат — 323
Грин Теодор Фрэнсис — 189
Гриппенберг Джордж Ачетс — 474
Гробба Фриц — 589
Гровс Лесли Р.— 666
Гроза Петру — 457, 654
Громыко Андрей Андреевич — 167, 405, 553, 564, 566, 619, 620, 658, 662, 666
Груссар Жорж — 53
Грю Джозеф Кларк — 78, 125, 234, 236, 241, 249, 251, 612, 702, 703, 709
Гуани Альберто — 600, 618
Гуардиа Кальдерон — 597
Гуардиа Рикардо Адольфо де ла— 606
Гуарилья Раффаэле — 51, 371
Гуачалья Луис Фернандо — 88
Гудериан Гейнц Вильгельм — 464
Гусак Густав — 487
Гусев Федор Тарасович — 510, 512, 553, 557, 563, 666
Гу Чжу-тун — 298
Гюнтер Христиан Эрнст — 29, 159, 704

Давидеску — 146
Д'Айета Ланца Бласко — 372
Дай Ли — 695
Даладье Эдуард — 6, 9, 15, 16, 21, 32, 33, 45, 51, 60
Далерус Биргер — 14
Даллес Аллен Уэлш — 317, 318, 325, 444, 623, 705—709
Дамаскинос — 527
Дарлан Жан Луи Ксавье Франсуа— 53, 59, 60, 65, 68, 280, 282, 330
Дауней Джеймс — 294
Деак Ф.— 325
Деборин Григорий Абрамович — 214
Дежан Морис — 44, 351, 353, 514
Деку Жан — 77, 78, 228
Делатр де Тассиньи Жан-Мари Габриэль — 630, 646
Дёниц Карл — 364, 629, 636, 699
Денц Анри Фернан — 53
Деревянко Кузьма Николаевич — 733
Дёрнберг Стефан — 647
Деруссо — 46
Джабири Саад Аллах — 585, 595
Джанк — 298
Джероу Леонард Таунсенд — 250
Джонс Э. Стенли — 248
Джонсон Хершель Веспасиан — 705
Дзанусси Джакомо— 373
Димитров Г. М. (Гемето) — 458
Дин Джон Рассел — 409, 497, 505, 630
Дмитриева К.— 159
Дроут Джеймс М.— 120, 121
Дубинский Александр Маркович — 386, 396
Дун Би-у — 544

Дьёндьёши Янош — 470, 656
Дэвис Джозеф Эдвард — 189, 198, 643, 645
Дэвис У. Р.— 13
Дэвис Ф.— 134
Дэмэчану Думитру — 456

Е Цзянь-ин — 544

Жданов Андрей Александрович — 476
Жимерский Михал — 484
Жиро Анри Оноре — 42, 281—283, 330, 331, 353—356, 508, 509
Жоффр Франсуа де — 350
Жуков Георгий Константинович — 629—631, 635, 645—647, 667
Жюэн Альфонс Пьер — 514

Захариас Эллис — 703
Зверев Арсений Григорьевич — 139
Земсков Игорь Николаевич — 192
Зичи Янош — 467

Ибарра Веласко Хосе Мариа — 620
Ибн Сауд Абдул Азиз — 589—591
Ивагуро Такэо — 120, 121
Иванов Семен Павлович — 315
Игава Тадао — 120, 121
Иден Роберт Антони — 49, 152, 177, 193, 217—219, 258—260, 264, 350, 358, 359, 374, 378, 389, 407—412, 422, 423, 479, 496—499, 520, 527, 553, 563, 569, 594, 658, 666
Икес Гарольд Л.— 131, 187, 589, 591
Ингульская Лидия Антоновна — 428
Инёню Исмет — 579—581
Иноуэ Киёси — 704
Ионай Мицумаса — 75, 699, 703, 706, 707, 713, 723, 724
Иосида Сигеру — 246
Иосидзава Кэнкити — 80
Иосимура — 707
Ирье-Коскинен Аарно Сакари — 25, 26
Исит Леонард— 733
Исмей Хэстингс Лионель — 349, 408, 409
Исраэлян Виктор Левонович — 318, 436, 474
Йодль Альфред — 8, 64, 66, 103, 113, 629

Кавабэ Торасиро — 732
Каваньяри Доминико — 66
Кавтарадзе Сергей Иванович — 509
Кадзири — 81
Кадорна Раффаэле — 537
Кагэса — 80, 81
Кадоган Александр Джордж Монтэгю — 35, 208, 512, 564
Калинин Михаил Иванович — 162
Каллаи Миклош — 320, 324, 325, 438—440
Камбон Роже — 330
Кан Александр Сергеевич — 495
Кантильо Хосе Мариа — 90
Капица Михаил Степанович — 115, 116, 296, 730
Кардель Эдвард — 494
Карл, принц Шведский — 704
Кароль II Гогенцоллерн-Зигмаринген — 145, 146
Кастеллано Джузеппе — 372—374
Касэ Суничи — 707—709, 719
Катру Жорж — 77, 350, 583—586
Кауфман Хенрик де — 135
Каяндер Аймо Карл — 25, 26, 29
Квислинг Видкун — 39, 40
Кевер Густав фон — 218
Кейтель Вильгельм — 64—66, 68, 103, 113, 141, 371, 431, 439, 441, 630, 631, 674
Келлог Фрэнк Биллингс — 145
Кеннеди Джозеф Патрик — 13, 98
Керзон Джордж Натаниэль — 20, 423, 424, 479—481, 497, 498, 516, 568
Керимов Мустафа Аббасалиевич— 579
Керр Арчибальд Джон Кларк — 354, 378, 435, 481, 553, 625, 638, 666
Кессельринг Альберт — 364, 624
Кивимяки Тойво Микаель — 430
Кидо Коити — 75, 287, 694, 723, 725
Киллерн (Майлз Лэмпсон) — 587
Киллингер Манфред фон — 147, 438, 453
Кинг Эрнест Дж.— 268, 327
Кинг-Холл Стефан — 376
Киркпатрик Айвон — 112
Кирсанов Степан Павлович — 653
Кирхенштейн Аугуст Мартынович — 143
Кирьякидис Георгиос Димитриос — 523

Китамура — 707
Кларк Марк — 282, 535
Клейтон Уильям Л.— 610, 613
Клемансо Жорж Бенжамен — 330
Клодиус Карл — 437, 438
Клюге Гюнтер Ганс фон — 444
Коакли Роберт У.— 275
Кобаяси Итидзо — 80
Кобаяси, генерал-майор — 383
Ковальский Николай Александрович — 369
Коген Норман— 376
Кодовилья Викторио — 617
Козырев Семен Павлович — 666
Койсо Куниаки — 79, 447, 449, 450, 695, 696
Кокс Симур — 356
Колкер Борис Михайлович —146, 147
Коллер Карл — 626
Коллонтай Александра Михайловна — 29, 30, 427, 428, 431
Комолова Нэлли Павловна — 535, 540
Конев Иван Степанович — 488, 490, 635
Коноэ Фумимаро — 75, 76, 79, 80, 115, 121, 124, 126, 222, 225—227, 229, 231—237, 449, 694, 698, 714, 715, 719
Корнейчук Александр Евдокимович — 358
Корнилов — 581
Костюшко Тадеуш — 361
Костылев Михаил Алексеевич—533
Котлов Лев Николаевич — 594
Крейги Роберт — 71, 72, 252
Крейпе Вернер — 505
Крециану Александре — 320, 432, 456
Криевинь Эдгар — 141
Криппс Ричард Стаффорд— 161—166, 175, 176, 191, 192, 195, 301
Кристиан X Глюксбургский — 40, 136
Крылов Сергей Борисович — 660
Крюгер Вальтер — 541
Куатли Шукри аль — 585
Кулиш Василий Михайлович — 505
Купер Альфред Дафф — 60, 61
Курода Сигенори — 383
Курусу Сабуро — 241—243, 245, 247, 248, 250, 251
Курчатов Игорь Васильевич — 667
Кутаков Леонид Николаевич — 122, 318, 436, 474
Кухара — 74
Кэмпбелл Рональд — 35, 55, 59, 60, 65, 324, 372
Кэртен Джон — 303

Лаваль Пьер — 9, 10, 70, 109
Лаврентьев Анатолий Иосифович — 153
Лакатош Геза — 465, 468, 469
Лаурель Хосе — 385
Лебедев Виктор Захарович — 486
Лебрен Альбер — 53, 57, 63
Левит Изяслав Эликович — 146, 147
Леги Уильям Д.— 276, 332, 337, 720
Лейтон Ричард М.— 275
Леклерк (де Отклок) Филипп Мари — 507, 510, 733
Лемнитцер Лаймэн — 624
Ленин Владимир Ильич — 5, 139, 412, 634, 662, 735
Леже Алексис — 43
Лейнч — 33
Лекерика Хосе Феликс — 57, 58, 62, 63
Леопольд III Саксен-Кобург-Готский — 46
Линдлей Э.—134
Линецкий В. Н.— 278
Линкомиес Эдвин Иохан — 430
Липпман Уолтер — 706
Литвинов Максим Максимович — 25, 26, 262, 263, 291, 407, 618
Литтлтон Оливер — 584
Ллойд Джордж — 60
Ллойд Джордж Дэвид — 21
Лозовский Соломон Абрамович — 166, 175, 357, 398, 400—404, 714—716, 719
Лонго Луиджи — 363, 501, 539
Лотиан (Филип Генри Керр) — 128, 130, 131
Лоуренс Джеффри — 112, 113
Лян Хань-цао — 296

Майлс Шерман — 250
Майский Иван Михайлович — 30, 192, 209, 216
Макаров — 467
Макартур Дуглас — 303, 446, 522, 728, 732, 733
Маккитрик Томас — 707
Маккормак Джон — 607

Макмиллан Морис Гарольд — 330
Макнейл Уильям Харди — 189, 199, 208, 329
Макнатон Эндрю Джордж — 272
Макфарлан Эндрю — 533
Малаховский Ким Владимирович — 393
Малик Яков Александрович — 710—714
Малиновский Родион Яковлевич — 456, 499
Мальоне Луиджи — 369
Мандель Жорж — 60
Маниу Юлиу — 432, 433, 435, 436, 453, 454
Маннергейм Карл Густав Эмиль — 31, 33, 107, 430, 431, 473—475
Мао Цзэ-дун — 300, 543—545
Марион Джордж — 607
Маршалл Джордж Кэтлетт — 128, 250, 255, 268, 327, 329, 338, 344, 554, 614, 688
Масарик Ян — 490
Массигли Рене — 411
Маунтбэттен Луис (Франциск Альберт Виктор Николас) — 266, 272, 522
Махир-паша Али — 587
Махир Ахмед — 588
Мацудайра Цунео — 694
Мацумото Сюнити — 81, 717
Мацуока Иосуке — 76—78, 81, 97, 100, 115, 117—119, 121—123, 125, 126, 174, 221—227, 305, 399
Мачек Владимир — 110
Мендес-Франс Пьер — 60
Менеменджиоглу Нуман Рифат — 581
Миклош Далноки Бела — 470, 655
Миколайчик Станислав — 422, 483, 484, 497, 498, 569, 570
Микоян Анастас Иванович — 162, 168, 635
Мильспо Артур — 578
Михай I Гогенцоллерн-Зигмарингеп — 453—456, 654
Михайлович Дража — 360
Михалчев Димитр — 460
Миякава Фунао — 710, 711
Молотов Вячеслав Михайлович — 19, 27, 149, 154, 155, 157, 158, 162, 167, 174, 179, 180—182, 191, 260, 264, 322, 351, 354, 404, 407, 414, 435, 469, 481, 484, 494, 498, 513, 515, 516, 518, 553, 573, 625, 638, 639, 658, 666, 667, 696, 710, 711, 715, 721, 722
Мольтке Гельмут Джеймс фон — 444
Монзи Анатоль де — 9, 10, 50
Моннэ Жан — 330
Монро Джеймс — 75
Монтгомери Бернард Лоу — 8, 279, 504, 627—629, 637, 646
Мора Марсело — 619
Морган — 37
Моргентау Генри — 187, 520, 522
Мори — 727
Мосли Освальд Эрнальд — 11
Мохаммед Реза Пехлеви — 205
Мошанов Стойчо — 458, 459
Муни Джеймс Дэвид — 13
Мур-Брабазон Джон Теодор — 197
Мур-Косгрейв М. — 733
Муравиев Константин — 459
Муссолини Бенито — 15, 39, 49, 50, 52, 61, 62, 66, 68, 70, 100, 108, 110, 115, 122, 277, 318, 319, 323, 325, 343, 344, 363—370, 375, 377, 381, 528
Муто Акира — 120
Мухаммед V бен Юсеф — 331
Мэрфи Роберт Даниэль — 559
Мэтлофф Морис — 133, 273, 291, 328, 337, 344, 345, 504
Мэтьюс Фриман — 689
Мюллер-Гиллебрандт Буркхарт — 181
Мяо Бин — 695, 696

Нагаи — 118
Нагано Осами — 222
Надаи Иштван — 468
Наков Ангел — 460
Накропин Олег Мстиславович — 629
Нану Ф. — 436
Наххас-паша Мустафа — 587, 594, 595
Нахэра Кастильо — 618
Нельсон Дональд — 543
Немеш Дежё — 464, 465, 467, 469
Неру Джавахарлал — 301
Николай I Романов — 156
Нимиц Честер Уильям — 289, 446, 733
Ниси Тосихидэ — 309, 310

Нисихара Иссаку — 77, 78
Новиков Кирилл Васильевич — 666
Новиков Николай Васильевич — 435
Новоа Рамирес Э.— 602
Нокс Уильям Франклин — 187, 244, 250
Номура Китисабуро — 120, 122, 123, 126, 226, 228, 229, 231—233, 235—237, 241—243, 245, 247—251
Носков Анатолий Михайлович — 496
Ноэль Леон — 21
Ньюмэн Уильям Л.— 275

Оикава Косиро — 223, 236
Окада Кэйсукэ — 694
Окамото Сейго — 704, 707, 708
Окинлек Клод Джон Эйр — 187
Оконоги Синдзабуро—724
Окумия М.— 289, 295
Ониси — 726
Оно Макото — 704
Ортис Роберто Марселино — 85
Осима Хироси — 116, 118, 122, 123, 125, 223, 235, 237, 252, 307, 308, 326, 396, 447, 705
Осубка-Моравский Эдвард — 477, 484, 570, 650
Отт Эуген — 100, 123, 222, 223, 226, 227, 235, 238, 307, 311
Охаси — 117, 227

Паасикиви Юхо Кусти — 26—28, 428, 429, 431, 472
Павелич Анте — 318, 360
Павлов — 581
Павлов Владимир Николаевич — 689
Падилья Эсекиель — 598
Пайетта Джан Карло — 540
Палецкис Юстас Игнович — 143
Пантази Константин — 454
Папюшкин Александр Семенович — 296
Папандреу Георг Андреас — 524, 526, 527
Папен Франц фон — 581
Паркер Ральф — 362
Парри Ферруччо — 501
Парилли Луиджи — 624
Патрашкану Лукреций — 456
Паулюс Фридрих фон — 314
Паунд Дадли — 60, 274, 327
Пачачи Хамди аль — 595
Пейрутон Марсель — 330
Пенфилд Джеймс К.— 135
Пеппер Клод — 189
Перло Виктор — 590
Перри Мэттью Колбрайт — 733
Персиваль Артур Э.— 733
Петерсдорф Хорст фон — 307
Пети Эрнест — 350
Петр II Карагеоргиевич — 493, 494, 571
Петэн Анри Филипп — 9, 10, 43, 57—64, 66—70, 74, 77, 78, 108, 109, 116, 227, 282, 283
Пибун Сонгкрам Луанг — 385
Пика Гелиодор — 488
Плаза Гало — 620
Пластирас Николас — 527
Погью Форрест — 622
Полек — 437
Поль-Бонкур Жозеф — 10
Помарэ Шарль — 9
Поп Гице— 456
Попиту Иоганнес — 444
Попов Иван — 105
Попов Михаил Васильевич — 577, 578
Потемкин Владимир Петрович — 23, 28
Приколо Франческо — 66
Притт Денис Ноэль — 13
Прошин Николай Ильич — 589, 590
Проэктор Даниил Михайлович — 12, 629
Путлиц Вольфганг Ганс — 6
Пушкаш Андрей Иванович — 439, 468
Пушкин Георгий Максимович — 656
Пятс Константин — 139

Рагинский М. Ю.— 102, 174, 222—224, 305, 311
Радеску Николае — 457, 654
Радовиц Отто фон — 10
Рамсай Хенрик — 322, 430, 472
Реза-шах Пехлеви — 204, 205
Рейнбек О.— 87
Рейно Поль — 15, 37, 43—47, 49—51, 53—57, 59, 62
Рейхенау Вальтер фон — 46
Реннер Карл — 640, 682
Ржевский Ю.— 679
Риббентроп Иоахим фон — 15, 39, 61, 100, 102, 109, 116, 118, 119, 122, 123, 125, 149, 174, 179, 180, 221, 235, 252,

307, 308, 311, 322, 326, 371, 396, 430, 440, 441, 453, 466, 472—475, 622, 623, 674, 705
Рибер Торкайлд — 13
Ринтелен Энно фон — 365, 368, 370
Роатта Марио — 66
Розанов Герман Леонтьевич — 624
Розенберг Альфред — 141, 674
Розенблит С. Я.— 102, 174, 222—224, 305, 311
Рокфеллер Нельсон Олдрич — 94, 610
Роль-Танги Анри — 507
Ромер Тадеуш — 484
Роммель Эрвин — 278—280, 444
Рузвельт Франклин Делано — 13, 14, 54, 72, 81, 85, 89, 98, 125, 128—135, 184, 185, 187—189, 198—201, 203, 206—209, 211, 225, 228—235, 237, 242, 244, 245, 247—250, 252, 255—259, 262, 269, 273, 275, 279, 281, 290, 292, 294, 298—300, 314, 324, 327, 329—341, 344—349, 375, 377, 379, 380, 386—389, 392, 394, 406, 408, 416—422, 424, 425, 447, 480, 485, 496, 502—505, 508, 510, 511, 520—522, 526, 541, 542, 547—549, 551—553, 562, 563, 566—570, 573, 575, 579, 580, 590, 591, 593, 616, 623, 625, 628, 642, 643, 674, 703, 706, 711
Рузвельт Эллиот — 208, 331, 418
Рукс Лоуэлл — 636
Рундштедт Герд фон — 272
Рюти Ристо — 29—31, 107, 159, 320, 322, 428, 430, 472—475

Саид Нури — 594
Саймон Джон Олсбрук — 11, 98, 112
Сайто Рёэй — 226
Сака Хасан — 583
Сакая Тадаси — 694, 704
Сакондзи Сейдзо — 310, 698
Салазар Антонио — 323
Салаши Ференц — 470
Салиби Камаль С.— 585, 586
Санатеску Константин — 455—457, 654
Сараджоглу Шюкри — 23, 24
Сато Наотаке — 403, 404, 696, 710, 712, 714, 715, 719, 721, 722
Свинхувуд Пер Эвинд — 24
Свобода Людвик — 357, 490
Свэн — 135
Севостьянов Григорий Николаевич — 101, 291, 295, 385, 391
Сервис Джон Стюарт — 543
Серова Ольга Васильевна — 533, 536, 537, 539
Сигемицу Мамору — 382, 383, 447, 448, 450, 694—696, 704, 705, 733
Сикорский Владислав — 215, 216, 422
Симович Душан — 110
Симпсон Уильям — 621
Синха Н. К.— 301
Сиполс Вилнис Янович — 141, 142
Сирри-паша Хусейн — 587
Скоби Рональд Маккензи — 526
Славин Николай Васильевич — 487
Сметанин Константин Александрович — 172, 174, 223, 224
Сметона Антанас — 139
Смирнов Владислав Павлович — 282, 507
Смит Уолтер Беделл — 374
Смит Фредерик — 189
Снелл Эдвин М.— 133, 273, 291
Соболев Аркадий Александрович — 153, 154, 666
Сольх Риад — 585, 595
Сомбатхеи Ференц — 439, 440
Сомоса Анастасио — 93
Сосинский Сергей Брониславович — 549
Спаатс Карл — 630
Спано Велио — 530
Спелльман Фрэнсис Джозеф — 369
Спирс Эдвард — 55
Стайнов Петко — 460
Сталин Иосиф Виссарионович — 27, 149, 162, 176—178, 183, 191, 194, 195, 201, 209, 213, 215, 217—219, 255, 261, 263—265, 269—272, 274, 275, 292, 304, 314, 326, 333 — 336, 339—341, 354, 362, 379, 380, 386, 387, 394, 395, 406, 416—421, 424, 452, 463, 468, 479—485, 494, 496, 497, 514—518, 522, 524, 547, 548, 550, 551, 553, 568, 570, 573, 575, 582, 625, 627, 629, 639, 643, 644, 647, 650, 655, 665—667, 672,

674, 677, 681, 683, 685—689, 716
Старк Гарольд Рейнсфорд — 128, 244
Стеттиниус Эдуард Рейли — 553, 564, 565, 567, 569, 609, 610, 614, 658, 702, 703, 706
Стилуэлл Джозеф У. — 298, 299, 543
Стимсон Генри — 187, 244, 250, 257, 276, 601, 709
Стояи Дёме — 441, 465
Стрит Дж. О.— 303
Стрэнг Уильям — 408, 557
Стэндли Уильям Харрисон — 322, 378
Сугияма Гэн — 450, 696
Судзуки Бунгиро — 449, 694
Судзуки Кантаро — 698—700, 703, 717—719, 723—725, 727
Судзуки Сёси—724
Судзуки Тэйити — 236
Сумита Райхиро — 228
Сун Мей-лин — 297
Сун Цзы-вень — 297, 344, 387, 658
Суньер Серрано Рамон — 605
Сунь Кэ — 297
Сунь Лянь-чэн — 298
Сунь Ят-сен — 544
Суриц Яков Захарович — 33, 34
Су Юн-чан — 733
Сфорца Карло — 529

Тавровская Г. М.— 189
Тайцер Р.— 325
Такаки — 707
Такамацу — 703, 723
Тальский Вильям — 488
Танакамару — 711, 713
Тани Масаюки — 74, 289
Таннер Вяйнё Альфред — 27, 29, 321, 429
Татареску Георге — 145—147
Татекава Иосицугу — 306, 311, 312, 399
Теддер Артур Уильям — 630
Тейлор Алан Джон Персиваль—34
Телеки Пал — 104
Терпешев Добри — 460
Типпельскирх Курт — 45, 64, 96, 255, 505
Тисо Йосеф — 318, 487
Тито Иосип Броз — 360, 361, 492, 494, 498, 571, 572, 685
Того Сигенори — 172, 238, 239, 241, 251, 252, 285, 287, 289, 694, 698—700, 704—707, 709, 711—715, 717—719, 721, 723—726
Тодзио Хидэки — 222, 233, 235—238, 243, 246, 247, 287, 289, 305, 307, 383, 385, 447, 697, 698
Тоёда Соэму — 718, 724, 725
Тоёда Тейдзиро — 227, 236, 306, 698
Толбухин Федор Иванович — 460, 462
Тольятти Пальмиро — 533, 539
Томсен Ганс — 198
Томпсон — 185, 186
Торез Морис — 7, 190, 353
Торстон Вальтер — 168
Тротт цу Зольц Адам — 444
Трумэн Гарри С.— 134, 632, 639, 641—643, 647, 665—667, 675—678, 683, 685, 686, 688, 689, 703, 716, 720, 721, 728
Трухановский Владимир Григорьевич — 99, 134
Трюгве Ли — 495
Турбай Г.— 618
Тэрасаки — 226

Уайт — 705
Уайрайт Джонатан М.— 733
У Ба Мо — 385
Убико Хорхе — 93
Угаки Каццсигэ — 450
Угаки, контр-адмирал — 695
У Дао-минь — 299
Уилки Уэндел Льюис — 299, 579
Уильямс Уильям Эпплмэн — 186
Уинтертон Эдуард Тернер — 267
У Кай-сянь — 383
Уллейн-Ревицки Антал — 325
Ульбрихт Вальтер — 444
Ульманис Карл — 139
Уманский Константин Александрович — 167—169, 177, 199, 200, 618
Умберто, принц Пьемонтский — 534, 535
Умедзу Иосидзиро — 696, 699, 700, 704, 718, 724—726, 733
Уокер Фрэнк — 248
Уоллес Генри — 542, 608
Урдэряну Эрнест — 145
Уэйвелл Арчибальд Персиваль — 291, 293
Уэллес Сэмнер — 15, 16, 84, 88, 89, 99, 130, 168, 169, 177,

188, 198, 200, 207, 208, 248, 374, 599

Фабрициус Вильгельм — 146
Фараго Габор — 468, 469
Фарук I — 587, 588
Феррара Марчелла — 536
Феррара Маурицио — 536
Ферьенчик М.— 487
Филов Богдан — 105, 154, 155
Фирлингер Зденек — 357, 358, 488, 490—492
Фитингоф Генрих Готтфрид—624
Фланден Пьер Этьен — 9
Фолс Сирил — 185
Форрестол Джеймс — 702
Форуги Мухаммед Али — 205
Фостер Уильям З.— 129, 190
Фош Фердинанд — 330
Франко Франсиско — 10, 107—109, 182
Франсуа-Понсэ Андре — 49, 50, 52
Фрашон Бенуа — 51
Фридебург Ганс Георг фон — 629—631
Фриснер Ганс — 453, 455, 466, 467
Фромм Фридрих — 445
Фрэзер Брук Остин — 733
Фу Бин-чан — 296, 415
Фудзимура Иосира — 705—707
Фуллер Джон Чарльз — 343, 389
Футида М.— 289, 295

Хакцель Антти — 474, 475
Халфрих — 733
Ханссон Пер Альбин — 160
Хассель Ульрих фон,— 444
Хата Сюнроку — 74, 75
Хатанака — 727
Хаттори Такусиро — 693, 699—701, 712, 713, 718, 727
Хаути — 468
Хаяси С.— 288
Хейнрикс Аксель Эрик — 431, 476
Хенньеи Густав — 465, 469
Хессе Фриц фон — 623, 628
Хигасикуни Нарухико — 695, 733
Хиггинс Транбл — 269, 271
Хиранума Киитиро — 231, 698, 727
Хирося Хисатада — 698
Хирота Коки — 449, 703, 712—714
Хирохито — 728
Хит Дональд — 98
Хокон VII Глюксбургский — 40
Холдак Гейнц — 150
Хольтиц Дитрих фон — 507
Хор Сэмуэль Джон Гэрни — 11, 372
Хорти Миклош — 104, 318—321, 325, 438—441, 464—470
Хуан Сю-чу — 297
Хунтцигер Шарль — 63—67
Хури Бишара Халиль аль — 585
Ху Ши — 299
Хэ Ин-цинь — 297, 695
Хэйс Карлтон — 323
Хэк Фридрих — 705, 706
Хэлл Корделл — 54, 59, 83, 85, 99, 120—126, 131, 167, 170, 219, 226, 229, 230, 232—236, 241—251, 262, 291, 295, 300, 330, 331, 355, 391, 405, 407, 408, 410, 522, 577, 599, 604, 608, 702
Хэнки Морис — 36
Хэрли Патрик Джей — 543, 544

Цветкович Драгиша — 110
Циммерман Бодо — 271, 505

Чаки Иштван — 104
Чатаи Лайош — 440, 466, 469
Чан Кай-ши — 73, 80, 81, 115, 116, 119, 121, 124, 126, 243, 296—299, 383, 384, 390—393, 450, 542—544, 695, 696, 729
Чемберлен Невиль Артур — 6, 9, 15, 16, 21, 30, 32—34, 37, 127, 161
Черчилль Уинстон Леонард Спенсер — 15—17, 21, 44—47, 49, 53—58, 97, 98, 112, 119, 127—132, 152, 160—162, 166, 176—178, 184—187, 191, 192, 194—196, 200, 206, 208, 209, 211—213, 217, 218, 229—231, 237, 255—259, 261, 263 — 267, 269—275, 278—281, 290, 294, 295, 301, 314, 321, 324, 327—331, 333—349, 354, 375—377, 379, 380, 387, 388, 392, 406 — 409, 412, 416—419, 422—424, 438, 453, 463, 479—485, 493, 494, 496—499, 502, 503, 505, 508, 510, 511, 518—525, 527, 529, 532, 547—550, 552, 553, 555, 563, 567, 568, 572, 575, 579, 580, 582, 591,

621, 623, 627, 632, 637—639, 641—643, 645, 647, 665—667, 673—678, 683—689, 711, 716, 720
Чжоу Энь-лай — 544
Чжу Дэ — 544
Чиано ди Кортеляццо Галеаццо — 15, 50, 52, 61, 66, 100, 318, 363, 369
Чифли Джозеф Бенедикт — 304

Шарль-Ру Франсуа — 65
Шахт Ялмар — 14
Шелленберг Вальтер — 626
Шено Жан — 78
Шервуд Роберт — 125, 129, 133, 188, 197, 198, 201—203, 210, 218, 250, 252, 268, 269, 330, 338, 345, 348, 387—389, 422, 622, 637, 643—645
Шерман Фредерик С.— 289
Шён Вильгельм фон — 88
Шикин Иосиф Васильевич — 722
Ширер Уильям — 48
Шмидке Карол — 487
Шмидт Пауль Отто — 367
Шмитлейн Раймон — 350
Шотан Камил — 9, 50, 62, 63
Штаммер Генрих — 100, 447
Штауффенберг Клаус Шенк фон — 444, 445
Штейн Борис Ефимович — 661
Штейнгардт Лоуренс Адольф — 24, 27, 164, 166, 175, 198, 474
Штеменко Сергей Матвеевич — 455, 460
Штирбей Барбу — 433—437, 456
Шторер Эбергард фон — 10, 62, 108
Штумпф Ганс Иорген — 630, 631
Штюльпнагель Карл Генрих фон — 444
Шубашич Иван — 494, 498, 572
Шуленбург Вернер фон дер — 154, 155, 157—159, 179—181
Шуленбург Фриц-Дитлоф фон дер — 444

Эдде Эмиль — 585
Эйзенхауэр Дуайт Дэвид — 269, 279, 281, 282, 327, 332, 338, 372, 374, 378—381, 502, 504, 506, 507, 511, 550—553, 621, 622, 626, 628—630, 646
Эйри Теренс Сидней — 624
Элдридж Фред — 293
Элле Жан — 585, 586
Эльведи И.— 468
Энкель Карл — 429, 474—476
Энкель О.— 476
Эрдманнсдорф Отто — 237
Эркко Юхо — 28
Эрман Джон — 346, 387, 502, 509, 511, 541, 551, 552, 628
Эрнандес Мартинес Максимилиано—93
Эрфурт Вальдемар — 430, 431, 475
Эскаланте — 619
Эттли Клемент Ричард— 49, 665, 666

Юнгерт-Арноти Михай — 464, 465
Юрчек Бела — 465

Якобсон Пер — 707—709
Яковлев Николай Николаевич — 128, 134, 257, 552
Якубовский Василий Павлович — 619
Ямамото Исороку — 289

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. **Начало войны в Европе. Дипломатия западных держав. Мероприятия СССР по укреплению своей безопасности** (сентябрь 1939 г.— май 1940 г.) 5

1. Возникновение второй мировой войны и ее характер в начальный период. Дипломатия воюющих сторон . . . . . —

Нарушение Англией и Францией союзнических обязательств в отношении Польши. «Мирные» маневры Гитлера и тайная дипломатия западных держав в конце 1939 г. — начале 1940 г. Миссия С. Уэллеса. Англо-французские планы расширения сферы войны и их антисоветская направленность.

2. Мероприятия СССР по обеспечению безопасности своих границ и ограничению сферы агрессии в период «странной войны». Реакция западных стран 18

Воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР. Заключение Советским Союзом пактов о взаимной помощи с Эстонией, Латвией и Литвой. Переговоры о союзном договоре между СССР и Турцией. Борьба СССР за безопасность северо-западной границы. Дипломатические усилия СССР по прекращению советско-финского конфликта. Мирный договор 12 марта 1940 г. Англо-французские планы нападения на Советский Союз с севера и юга.

Глава вторая. **Поражение Франции. Позиции Англии и США. Компьенское перемирие** 39

Вторжение гитлеровской Германии в Данию и Норвегию. Германское наступление в Западной Европе. Поражение англо-французских войск. Решение английского правительства вывести свои войска с континента. Капитуляция Бельгии. Дюнкерк. Поиски Англией и Францией компромисса с Гитлером при посредничестве Муссолини. Вступление в войну Италии. Сдача Парижа. Обращение Рейно к Рузвельту. Предложение Черчилля о «слиянии» Англии и Франции. Обращение правительства Петэна к гитлеровцам с просьбой о перемирии. Выступление де Голля 18 июня. Попытки Англии и США взять под свой контроль колонии и флот Франции. Совещание Гитлера и Муссолини в Мюнхене. Переговоры правительства Петэна о перемирии с Германией. Подписание франко-германского и франко-итальянского перемирия.

Глава третья. **Борьба империалистических держав за господство в Юго-Восточной Азии, на Тихом океане и в Латинской Америке** (сентябрь 1939 г.— 1940 г.) 71

1. Расширение японской агрессии и обострение японо-американских отношений . . . . . —

Политика «дальневосточного Мюнхена» и ее последствия. Расширение японской экспансии в Юго-Восточной Азии. Маневры японской дипломатии в Китае. Японо-американские противоречия.

2. Борьба США за преобладающее влияние в Латинской Америке 83

Первое консультативное совещание министров иностранных дел американских государств. Второе консультативное совещание министров иностранных дел государств американского континента.

Глава четвертая. **Подготовка гитлеровской Германией войны против СССР. Расстановка сил империалистических держав в 1940—1941 гг.** 95

1. Приготовления Германии к нападению на СССР. Заключение германо-японо-итальянского военного пакта . . . —

Стратегическое положение Германии накануне нападения на СССР. «Мирные предложения» Германии. Ответ правительства Англии и позиция США. Тройственный пакт Германии, Японии и Италии. При-

соединение к Тройственному пакту Румынии, Венгрии, Болгарии и Словакии. Вовлечение в фашистский блок Финляндии. Вопрос об участии Испании в войне. Позиция правительства Виши. Фашистская агрессия на Балканах. Сближение Германии и Турции. «Миссия Гесса». Определение сроков нападения Германии на СССР.

2. Дипломатия Японии после заключения Тройственного пакта. Начало японо-американских переговоров 114

Германо-японское сотрудничество в период подготовки войны Германией против СССР. Япония и Китай в начале 1941 г. Япония, Таиланд и Индокитай. Поездка Мацуока в Европу весной 1941 г. Японо-американские переговоры и позиция Германии.

3. Формирование англо-американского союза 127

Позиции Англии и США в отношении войны. Переговоры о передаче Англии американских эсминцев. Американские поставки вооружения Англии. Закон о ленд-лизе. Укрепление позиций США в Северной Атлантике. Антифашистское Сопротивление в Европе и требования народов Англии и США.

Глава пятая. **Борьба Советского Союза за безопасность и против расширения фашистской агрессии** (май 1940 г.— июнь 1941 г.) 138

СССР и страны Прибалтики. Мирное урегулирование вопроса о Бессарабии. Советско-германские переговоры в ноябре 1940 г. Борьба СССР против фашистской агрессии в Юго-Восточной Европе. Борьба СССР с фашистской экспансией на севере Европы. Отношения СССР с Англией. Отношения между СССР и США. Советско-японские переговоры. Пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Мобилизационные мероприятия и дипломатические шаги СССР в апреле — июне 1941 г.

Глава шестая. **Начало Великой Отечественной войны. Образование антигитлеровской коалиции** 181

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Реакция в США и Англии на агрессию фашистских государств против Советского Союза. Англо-советское соглашение от 12 июля 1941 г. и вопрос о втором фронте. Американо-советские отношения. Переговоры Г. Гопкинса в Москве. Англо-советско-иранский договор. Атлантическая хартия. Декларация СССР от 24 сентября 1941 г. Московская конференция трех держав 1941 г. Советско-чехословацкое и советско-польское соглашения 1941 г. Признание Советским Союзом движения «Свободная Франция». Переговоры министра иностранных дел Великобритании А. Идена в Москве.

Глава седьмая. **Начало войны на Тихом океане** 221

Позиция Японии в связи с нападением Германии на СССР. Германо-советская война и отношения между США и Японией. Японская экспансия в Индокитае и позиция США. Японо-американские переговоры и Англия. Поворот Японии к войне. Политический кризис в Токио. Возобновление «антикоминтерновского пакта». Последний этап переговоров между Японией и США. Начало войны между Японией и США.

Глава восьмая. **Советский Союз в борьбе за укрепление антифашистской коалиции. Межсоюзнические отношения СССР, Англии и США в 1942 г.** 254

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и его международное значение. Конференция глав правительств США и Англии 22 декабря 1941 г.— 14 января 1942 г. Декларация Объединенных Наций. Советско-английский союзный договор от 26 мая 1942 г. Советско-американское соглашение от 11 июня 1942 г. Вопрос об открытии второго фронта в 1942 г. Англо-американские поставки военных материалов Советскому Союзу в 1942 г. Американо-английская высадка в Северной Африке, ее военно-политическое и дипломатическое значение.

Глава девятая. **Дипломатия держав — участниц войны на Тихом океане в 1941—1942 гг.** 284

Стратегия и дипломатия Японии. Политика США и Англии на Тихом океане. Дипломатия Чан Кай-ши после объявления Китаем войны Японии и Германии. Индия, Австралия и Новая Зеландия в системе международных отношений 1941—1942 гг. Подготовка Японии к агрессии против СССР.

Глава десятая. **Международное значение Сталинградской битвы. Начало кризиса в фашистском блоке. Дипломатия союзных держав в Европе в период коренного перелома в ходе второй мировой войны** 313

Победа Красной Армии под Сталинградом. Укрепление международных позиций СССР. Начало кризиса в фашистском блоке. Конференция США и Англии в Касабланке в январе 1943 г. Вопрос об открытии второго фронта в 1943 г. Англо-американская конференция в Квебеке (август 1943 г.). Советский Союз и Сражающаяся Франция (1942—1943 гг.). Заключение советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Дипломатические акции СССР в поддержку движения Сопротивления в Югославии, Польше и Албании.

Глава одиннадцатая. **Капитуляция Италии** 363

Военный крах Италии. Начало распада блока агрессоров. Свержение Муссолини. Дипломатия правительства Бадольо. Выход Италии из войны. Англо-американская политика в отношении Италии. Политика СССР в отношении Италии. Выход Италии из фашистского блока и объявление ею войны Германии.

Глава двенадцатая. **Международные отношения на Дальнем Востоке в период коренного перелома в ходе второй мировой войны** . 382

1. **Дипломатия держав — участниц войны на Тихом океане в 1943 г.** . . . . . —

«Новый курс» японской дипломатии в Китае и странах Юго-Восточной Азии. Дипломатия США и Англии на Дальнем Востоке. Каирская декларация от 1 декабря 1943 г. Канберрский пакт. Попытки американской дипломатии вовлечь СССР в войну против Японии до окончания войны с Германией.

2. Новые факты нарушения Японией пакта о нейтралитете с СССР 395

Политическая и экономическая помощь Японии гитлеровской Германии в войне против СССР. Задержание Японией советских судов. Вопрос о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Попытки Японии обвинить СССР в нарушении нейтралитета. Предложение Японии о посылке «специальной миссии» в СССР.

Глава тринадцатая. **Конференция руководителей трех держав — СССР, США и Англии — в Тегеране** 406

1. Подготовка к Тегеранской конференции. Московская конференция министров иностранных дел . . . . . —

Вопрос о сокращении сроков войны. Германская проблема. Вопрос о послевоенных объединениях европейских государств. Вопросы, касающиеся освобожденных стран Европы. Декларация о всеобщей безопасности.

2. Конференция в Тегеране 416

Вопрос об открытии второго фронта. Договоренность об участии СССР в войне против милитаристской Японии. Послевоенное устройство Германии. Польский вопрос.

Глава четырнадцатая. **Углубление кризиса в фашистском блоке и «мирные» маневры его европейских участников и Японии. Позиция союзных держав** 426

1. «Пробные предложения о мире» со стороны фашистских правителей Финляндии, Румынии, Венгрии и Болгарии. Заговор «20 июля» в Германии . . . . . —

Мирный зондаж Финляндии. Попытки правящих кругов Румынии добиться сепаратного сговора с западными державами. Маневры правящих кругов Венгрии. Политическое лавирование царской Болгарии. Заговор «20 июля» в Германии.

2. «Мирные» маневры Японии 446

Попытки Японии добиться прекращения советско-германской войны. Зондаж Японии о мире с Англией и США. Мирный зондаж Японии в Китае.

Глава пятнадцатая. **Дипломатия в период освободительной миссии Красной Армии в странах Восточной, Юго-Восточной и Северной Европы** 451

1. Заключение соглашений о перемирии с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Развал гитлеровского блока 452

Освободительная миссия Красной Армии в Румынии. Перемирие с Румынией. Свержение фашистской диктатуры в Болгарии. Перемирие с Болгарией. Перемирие с Венгрией и освобождение венгерского народа от фашистской тирании. Выход из войны Финляндии. Перемирие с Финляндией.

2. Советская дипломатия и освобождение Польши, Чехословакии, Югославии, Албании и северной Норвегии. Позиция Англии и США 477

Помощь СССР в освобождении Польши. Польский вопрос. Начало освобождения Чехословакии. Словацкое восстание. Освобождение Югославии и Албании. Югославский вопрос. Освобождение северной Норвегии. Приезд Черчилля в Москву в октябре 1944 г. и англо-советские переговоры.

Глава шестнадцатая. **Внешнеполитические аспекты открытия второго фронта в Европе и операций американо-английских войск на других театрах войны в 1944 г.** 500

1. Подготовка и осуществление операции «Оверлорд». . . —

Европейская стратегия США и Англии накануне открытия второго фронта в Северной Франции. Высадка союзников в Северной Франции.

2. Отношение западных союзников и СССР к Франции после ее освобождения 508

Отношение западных союзников и СССР к ФКНО. Советско-французский союзный договор 10 декабря 1944 г.

3. Вторая Квебекская конференция 520

4. Интервенция английских войск в Греции 523

5. Дипломатия союзных держав в Италии после ее капитуляции 528

Положение в Италии после капитуляции и политика союзных держав. Освобождение Рима. Отношение союзных держав к борьбе патриотов Северной Италии.

6. Дипломатия США и Англии на Дальнем Востоке . . . 541

Развитие событий на тихоокеанском театре. Американская политика в Китае.

Глава семнадцатая. **Крымская конференция** 546

Вопрос о новой встрече в верхах. Обстановка на фронтах войны накануне конференции в Крыму. Совещание Рузвельта и Черчилля на Мальте. Открытие конференции в Крыму. Согласование планов окончательного разгрома фашистской Германии. Вопрос об обращении с Германией после ее поражения. Вопрос о создании международной организации безопасности. Польский вопрос. Декларация об освобожденной Европе. Югославский вопрос. Решения конференции по дальневосточным вопросам. Значение конференции.

Глава восемнадцатая. **Ближний и Средний Восток в международных отношениях во время второй мировой войны** 576

Политика союзников в отношении Ирана в 1942—1945 гг. Дипломатическая активность Англии и США в отношении Турции. Советско-турецкие отношения во время войны. Провозглашение независимости Сирии и Ливана. Египет во время войны. Саудовская Аравия в период второй мировой войны. Американо-английское соглашение о нефти. Создание Лиги арабских государств.

Глава девятнадцатая. **Латинская Америка в международных отношениях 1941—1945 гг.** 597

Третье консультативное совещание министров иностранных дел американских государств в Рио-де-Жанейро. Усиление экспансии США в Латинской Америке. Создание ООН и Латинская Америка. Чапультепекская конференция по проблемам войны и мира. Установление дипломатических и торговых отношений между СССР и странами Латинской Америки.

Глава двадцатая. **Безоговорочная капитуляция фашистской Германии. Межсоюзнические отношения в период окончания войны в Европе. Создание ООН** 621

1. Окончание войны в Европе . . . . . —

Попытки гитлеровской верхушки заключить сепаратный мир с западными державами. Безоговорочная капитуляция Германии.

2. Межсоюзнические отношения в период окончания войны в Европе 634

Политика СССР и западных держав в европейских делах после разгрома Германии. Миссия Гопкинса в Москву. Опубликование Декларации о поражении Германии. Начало работы контрольного механизма четырех держав. Дальнейшее укрепление отношений СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

3. Конференция в Сан-Франциско. Создание ООН 656

Глава двадцать первая. **Потсдамская конференция** 664

Подготовка к конференции. Открытие конференции в Потсдаме. Создание Совета министров иностранных дел. Решения по германской проблеме. Решения о Польше. Соглашение о заключении мирных договоров и допуске в ООН. Переговоры и решения по другим вопросам, касающимся освобожденных народов. Потсдамская декларация о Японии. Итоги и значение конференции.

Глава двадцать вторая. **Дипломатия на Дальнем Востоке в период завершения войны и безоговорочной капитуляции Японии. Окончание второй мировой войны** 692

Военно-политическое положение Японии в начале 1945 г. и маневры японской дипломатии. Смена правительства в Японии. Курс на продолжение войны. Планы США и Англии в отношении Японии. Японский зондаж о компромиссном мире через Швецию, Швейцарию и Португалию. Маневры Японии в отношении СССР. Потсдамская декларация и позиция Японии. Вступление СССР в войну с Японией. Разгром и безоговорочная капитуляция Японии. Советско-китайский союзный договор 14 августа 1945 г. Акт капитуляции Японии.

Указатель имен 737

ПОЛИТИЗДАТ
1975